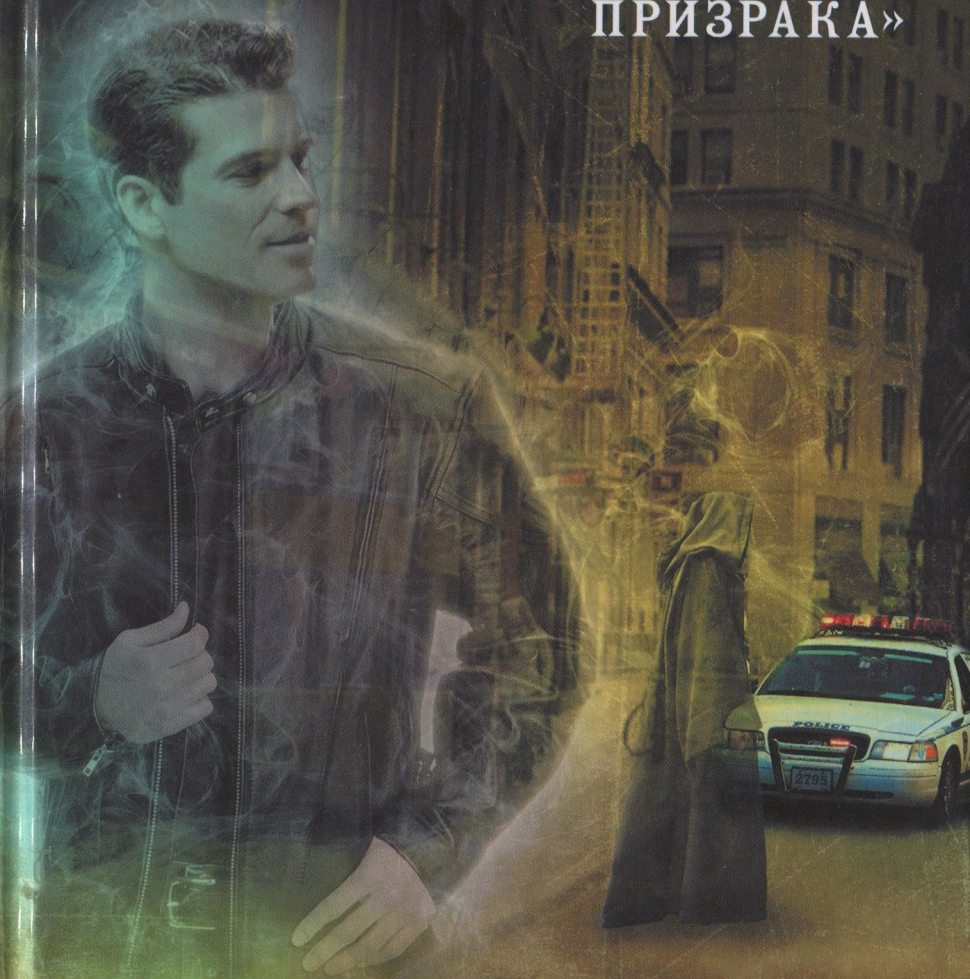

Джим Батчер

«ИСТОРИЯ
ПРИЗРАКА»

А · Р · Х · И · В · Ы
ДРЕЗДЕНА

А · Р · Х · И · В · Ы
ДРЕЗДЕНА

Джим Батчер

«ИСТОРИЯ
ПРИЗРАКА»

АСТ
МОСКВА

УДК 821.134.2-312/4
ББК 84 (4Исп)-44
Б 28

Серия «Архивы Дрездена»

Jim Butcher
GHOST STORY

Перевод с английского *Н.К. Кудряшева*
Компьютерный дизайн *А.А. Кудрявцева*
студия «FOLD&SPINE»

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов
Donald Maass Literary Agency (США) и
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Батчер, Джим.

Б 28 История призрака : роман / Джим Батчер ; [пер. с англ.
Н. К. Кудряшева]. — Москва : АСТ, 2014. — 512 с.

ISBN 978-5-17-082125-9

Итак, он умер. Гарри Дрездена больше нет.

Вернее, его больше нет в мире людей — но в новой, призрачной послежизни так трудно разобраться! Прежде всего, пока он пребывал между жизнью и смертью, прошло несколько месяцев, и в Чикаго все переменялось: улицы заполонили банды некромантов, охотящихся за любым мало-мальски наделенным колдовскими способностями человеком. Друзья Дрездена вынуждены ежедневно давать отпор неизвестно откуда взявшимся агрессорам и пребывают в унынии. Гарри и рад бы помочь, но что он может — бесплотный дух, лишенный прежних способностей?

Однако Дрездену придется здорово поднапрячься, используя весь свой ум и смекалку, накопленные за годы жизни, — ведь если не поторопиться, призраку чародея грозит... окончательное и бесповоротное исчезновение!

УДК 821.134.2-312/4
ББК 84 (4Исп)-44

ISBN 978-5-17-082125-9

© Jim Butcher, 2011

© Перевод. Н.К. Кудряшев, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Жить тяжело.

Умирать легко.

Для сотворения жизни требуется просто уйма всего. Это должно происходить в месте, годном для проживания, а по масштабам Вселенной таких мест днем с огнем не найти. Для этого необходимо также в той или иной мере наличие родителей. Ну и с момента зачатия до родов тоже много всякого может произойти — не говоря уже о том, сколько сил и внимания требует уход за новым существом, пока оно не вырастет и не сделается самодостаточным.

Жизнь полна жестокости, насилия и боли, и к моменту, когда мы перестаем расти, мы уже знаем, что начали умирать. Год за годом мы только и можем, что беспомощно наблюдать, как стареет и дряхлеет наше тело, но как инстинкт самосохранения заставляет нас жить дальше — из чего следует, что жить нам приходится с жутким сознанием неотвратимости смерти. Сама по себе жизнь в таких условиях требует от нас огромных усилий, и она полна провалов и неожиданных затруднений.

Прекратить жизнь — по сравнению с этим — несложно. Я сказал бы даже, легко. Это можно сделать, приложив минимум усилий — достаточно одного-единственного микроба, острого угла, тяжелого предмета... или нескольких унций свинца.

Так трудно взрастить. Так легко уничтожить.

Можно подумать, из-за этого мы ценим жизнь больше.
Я умер в воде.

Я так и не узнал, истек ли я кровью от пулевого ранения или захлебнулся водой. Забавно: при жизни мы больше всего боимся смерти, так? Но стоит ей произойти, и подробности ее нам уже не важны. Да и сама смерть нас больше не пугает. Слышали, что рассказывают пережившие клиническую смерть? Ну, про туннель и свет в дальнем его конце? Так вот, был я там. Все так и есть.

Правда, я нигде не встречал, чтобы кто-то, спеша на этот самый свет, услышал оглушительный гудок тепловоза.

До меня смутно дошло, что я стою на чем-то вроде рельсов и шпал. Я понял это по их вибрации, усиливавшейся по мере приближения поезда. Она передавалась мне через подошвы башмаков — и сердце мое тоже забилося быстрее в такт этой вибрации.

Кстати, не я ли только что говорил, что смерть после смерти больше не страшна? Забудьте.

Все же я упрямо подбоченился и насупился, глядя на приближающийся свет. Очень уж у меня выдались утомительные сутки: я сражался с силами Зла, изничтожил под корень всю Красную Коллегию, спас собственную дочь, убил ее мать... ах да, еще меня самого застрелили насмерть. Ну, в общем, все в таком роде.

Мне полагалось бы покоиться с миром, или растворяться в божественном сиянии, или стоять в очереди на американские горки, а может, вариться в котле под громкую музыку с одним Барри Манилоу в плей-листе. Ведь именно так происходит, когда вы умираете, нет разве? Каждому воздается по заслугам. Вы получаете ответ на Главные Вопросы жизни.

— Но не попадаете под поезд, — утрюмо буркнул я, скрестив руки на груди, пошире расставив ноги и упрямо выставив вперед подбородок. Поезд тем временем с грохотом приближался.

— Что это с вами? — рявкнул мужской голос почти у меня над ухом. Чья-то сильная рука ухватила меня за правый локоть и рывком сдернула с рельсов. — Вы что, чертова поезда не видите?

Упомянутый поезд с ревом пронесся мимо — разъяренный зверь, рычащий в досаде на упущенную добычу. Поднятый им вихрь едва не затянул меня обратно на рельсы.

Прошла, казалось, вечность, пока последний вагон не скрылся в ночи. Я лежал ничком еще немного, задыхаясь, с отчаянно колотящимся сердцем. Только дождавшись, пока оно чуть-чуть не уймется, я приподнял голову и огляделся по сторонам.

Я валялся на чистой, хотя и потрескавшейся от времени бетонной платформе, под фонарем — таких станций в чикагских пригородах хоть отбавляй. Эта показалась мне знакомой, но точно вспомнить ее мне не удалось. Ни одной электрички на соседних путях. Ни вывесок с названием, ни расписаний. Просто платформа и пустое, чистое, лишенное каких-либо особых примет здание.

И пара лакированных штиблет.

Взгляд мой скользнул вверх по штанинам и запечатлел мужчину лет тридцати — тридцати пяти, смотревшего на меня сверху вниз. Сложением он напоминал хорошую наковальню; казалось, что если вы вдруг, сдавая машину задним ходом, ненароком на него наедете, ему не будет ничего, а вы помнете крыло. Темные глаза светились живым умом, волосы уже начали редеть, и, хотя красавцем я бы его не назвал, лицо его было из тех, что помимо твоей воли вызывают доверие.

— Поезда с юга в последнее время что-то быстро ездить стали, — заметил он. — Я так решил, что вы, мистер, не особенно стремитесь попасть вот на этот.

Я продолжал всматриваться в стоявшего передо мной мужчину. Добавив мысленно лет двадцать возраста и фунтов сорок веса, я понял, что он мне знаком.

— К... — пробормотал я заикаясь. — К-к-к...

— Давайте попробуем вместе, — ухмыльнулся он. — Кармайкл.

— Но вы же... — не выдержал я. — Того... умерли.

Он фыркнул:

— Ну да, приятель. Зато теперь у нас будет настоящий, лицензи-ро-ванный детектив. Чародей в придачу. — Он с ухмылкой протянул мне руку. — И кто бы это говорил, а, Дрезден?

Я оглушенно поднял руку и позволил сержанту Рону Кармайклу, бывшему сотруднику отдела специальных расследований чикагской полиции, поднять меня на ноги. Он работал с Мёрфи. И он отдал жизнь, спасая ее от обезумевшего луп-гару... блин-тарарам, уже больше десятка лет прошло! Я сам видел, как он погиб.

Приняв более или менее вертикальное положение, я некоторое время смотрел на него, потрясенно качая головой. Ростом я был здорово повыше его.

— Вы... — пробормотал я. — Вы классно выглядите.

— Просто удивительно, что с тобой может сделать загробная жизнь. — Он театрально округлил глаза. — А ведь я как только не пытался похудеть! — Кармайкл покосился на часы. — Все это, конечно, очень занятно, но нам пора двигаться.

— Э... — осторожно заметил я. — А куда именно двигаться?

Кармайкл поковырлялся в зубах зубочисткой.

— В контору. Идем.

Следом за ним я прошел через станционное здание и вышел на улицу, где стоял старый золотистый «Мустанг». Он обошел машину и сел за руль. Было темно. Моросил дождь. Фонари горели, но место выглядело каким-то заброшенным — никого, кроме нас двоих. Я так и не мог определить, в каком районе Чикаго мы находимся, и это показалось мне чертовски странным: я неплохо знаю свой город. Секунду-другую я медлил, оглядываясь в поисках хоть какого-нибудь знакомого ориентира.

Кармайкл перегнулся через сиденье и распахнул мне дверцу.

— Не ломайте голову, приятель. Здесь не только те дома, которые стоят, а и те, которые могли бы здесь стоять. Будете думать об этом слишком много — голова распухнет.

Я еще раз оглянулся, сел в «Мустанг» и захлопнул за собой дверцу. Кармайкл медленно вырулил на пустую улицу.

— Это не Чикаго, — сказал я.

— Гений, — ухмыльнулся он.

— Тогда... где мы?

— Между.

— Между чем? — не понял я.

— Между чем? — переспросил он. — Между кем. Между где. Между когда. Между тут.

Я нахмурился:

— Вы не упомянули «почему».

Он покачал головой и ухмыльнулся:

— Не, дружище. К «почему» мы здесь относимся с большим почтением. Мы, можно сказать, большие поклонники «почему».

Я нахмурился чуть сильнее. Потом потрянул головой.

— Почему я здесь?

— Вы никогда не слышали о прологе, нет? — ответил Кармайкл вопросом на вопрос. — Хотите сразу перейти к основному действию?

— «Почему я здесь» — в смысле «а не там, где мне вроде бы положено находиться».

— Может, вы сейчас пребываете где-то при смерти, — предположил Кармайкл. — Может, вы тонете, и все это иллюзия, которую создает вам мозг, чтобы укрыть от вас суровую правду.

— Здесь? С вами? Я встречался со своим подсознанием — оно, конечно, безумно, но не настолько.

Кармайкл рассмеялся — громко, от души.

— Но такое здесь вполне могло бы происходить. Вот в этом и суть.

— Ничего не понимаю. Вообще ничего.

— И в этом тоже суть, — кивнул он.

Я испепелил его взглядом.

— Приятель, — сказал он, продолжая улыбаться. — Вам позволено увидеть ровно столько, сколько вы в состоянии переварить. Вот сейчас мы с вами в месте, которое сильно смахивает на Чикаго, едем под дождем в моем старом «Мустанге», потому что вот такие у вас ограничения. Все, что сложнее, предотвратило бы... — он помолчал, подбирая слова, — возможность вероятностей, а у нас здесь это нецелесообразно.

Я немного подумал.

— Вы употребили «предотвратило» и «нецелесообразно» в одном предложении.

— Я тут раздобыл календарь — типа «по слову в день», — сказал он. — Не поднимайте лишнего шума из-за пустяка.

— Да вы смеетесь, — буркнул я. — Поднимать шум для меня смысл жизни.

Кармайкл хмыкнул и сощурил глаза.

— Посмотрим, — сказал он. — Посмотрим.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кармайкл остановил «Мустанг» перед домом, напомнившим мне ранние серии «Сетей зла». Он припарковался у безлюдного тротуара, и мы направились к дверям.

— Так куда мы все-таки идем?

— Я же сказал. В контору.

Я нахмурился:

— А поконкретнее никак нельзя?

Он огляделся по сторонам.

— Не здесь. Мы на охраняемой территории. Здесь повсюду уши.

Я задержался на абсолютно пустом тротуаре и посмотрел сначала в одну сторону, потом в другую: ничего, кроме редких фонарей, дорожных знаков и окон, за которыми не виделось ни света, ни занавесок, — ни дать ни взять пустые глазницы трупа, даже еще менее выразительные.

— Угу, — заметил я. — Просто сплошная интрига.

Кармайкл тоже задержался в дверях и оглянулся через плечо. Пару секунд он молчал, потом заговорил тихим, лишенным выражения голосом:

— Здесь водятся Существа, Дрезден. И некоторые из них хуже, чем смерть. Так что лучше бы вам войти.

Я закатил глаза. Но...

Что-то в окружающей меня пустоте вдруг начало изрядно действовать мне на нервы.

Я сунул руки в карманы и попытался совладать с ощущением некоторой пустоты внутри. Результат оказался немного смазан ярко выраженным желанием отгородиться от этой пустоты надежной каменной стеной. Кармайкл отворил дверь ключом и пропустил меня внутрь первым. Прежде чем снова запереть дверь, он еще раз внимательно оглядел пустую улицу.

Кармайкл кивнул охраннику, явно отставному полицейскому в форме частного предприятия. Тот стоял у дверей лифта в позе «вольно», заложив руки за спину, но абсолютно неподвижно. Мундир у охранника был просто идеален. Идеально чист, с идеально отутюженными стрелками, и перчатки безукоризненно чистые белые. Из лакированной черной кобуры на поясе торчала хромированная, с гравировкой рукоятка револьвера. Ну и черты лица тоже соответствовали одежде: правильные, резкие, строгие.

Я задержался, нахмурился и включил Зрение.

Профессиональные чародеи вроде меня имеют в распоряжении самые разные невероятные штуковины. И одна из самых невероятных — это Зрение. То, что в разные эпохи, в разных культурах называли внутренним зрением, третьим глазом, дьявольским оком и еще много как. Оно позволяет чародею видеть истинную природу окружающих его вещей, а также невидимый мир энергий. Это опасная штука. Стоит вам увидеть что-то с помощью Зрения, и оно останется с вами навсегда, не стираясь из памяти и не тускнея со временем. Одного взгляда на что-нибудь не то достаточно, чтобы распрощаться со здравым рассудком.

Но от всей этой сцены слишком уж отдавало фильмами Рода Стерлинга. Мне просто необходимо было найти хоть что-нибудь, что я мог бы идентифицировать, что-то такое, чем бы меня не кормил с ложечки некто, похожий на помолодевшего, постройневшего Кармайкла. Вот я и решил попытаться идентифицировать единственный объект, который мог бы рассказать мне что-то о тех, кто меня окружает, — источник энергии.

И я сосредоточил внимание на пистолете охранника.

Мгновение ничего не происходило. Потом серебро и чернение блестящего оружия изменились, начали менять форму. Кобура удлинилась на глазах, опустившись охраннику ниже колена, — ну и сам револьвер тоже изменился: рукоятка распрямилась и превратилась в эфес короткого меча. От него исходило сияние — нет, не отраженный свет, а собственное свечение клинка.

Взгляд голубых глаз охранника мгновенно скользнул ко мне. Он предупреждающе поднял руку.

— Не надо, — мягко произнес он.

И внезапно, словно передо мной захлопнули невидимую дверь, мой Взгляд выключился, и оружие снова превратилось в пистолет.

Охранник приветливо кивнул:

— Прошу прощения за резкость. Вы могли пострадать.

Я присмотрелся к нему. На бейджике виднелось имя: «АМИТИИЛ».

— Э... Ну да, конечно, — тихо произнес я, демонстрируя ему пустые руки. — Никаких проблем, приятель. Нет, правда.

Кармайкл почтительно кивнул охраннику и ткнул пальцем в кнопку вызова лифта. Дверь раздвинулась сразу же.

— Идемте, мистер. Время — деньги.

Охранник Амителил, похоже, нашел эти слова забавными. Он улыбнулся и коснулся козырька фуражки двумя пальцами, салютуя Кармайклу. А потом снова застыл, невозмутимо глядя в ту пустоту, что действовала мне на нервы.

Двери лифта закрылись, и кабина, дернувшись, начала движение.

— Ну, — сказал я, — теперь, когда между нами и тем, на счет чего вы беспокоитесь, стоит как минимум один ангел-хранитель, вы можете мне сказать, куда мы направляемся?

К уголкам глаз Кармайкла сбежались морщинки.

— Я и так уже перерабатываю в качестве экскурсовода, Дрезден. Вам нужно поговорить с капитаном.

Кармайкл провел меня через помещение, уставленное офисными столами без перегородок. Все это напоминало отдел специальных расследований в чикагском управлении. За столами сидело некоторое количество мужчин и женщин — они работали с бумагами, перебирали папки, разговаривали по телефону... ни дать ни взять — копы за повседневной работой. Все до единого производили впечатление ровесников Кармайкла, то есть пребывали в том возрасте, когда энергия молодости и жизненный опыт достигают некоторого подобия баланса. Я никого из них не знал, но Кармайкл кивал некоторым в знак приветствия и соответственно получал ответные кивки. Он проследовал

через весь зал к двери в единственный отдельный кабинет и постучал.

— Войдите, — послышался изнутри негромкий баритон.

Кармайкл распахнул дверь и пропустил меня в кабинет, маленький, но обжитой. Здесь стояли старые шкафы для документов, старый деревянный стол, несколько старых деревянных стульев. На столе — коробка для входящих документов, коробка для исходящих документов, игла для нанизывания бумаг и телефон с дисковым набором. Компьютера не было. Вместо него на боковом столике виднелась старая электрическая пишущая машинка.

Мужчина, сидевший за столом, тоже производил впечатление Кармайклова ровесника, а еще смахивал на профессионального боксера. Кожу вокруг глаз тут и там стягивали шрамы, а нос, похоже, не раз был сломан. Пиджак он снял и повесил на спинку стула, так что бицепсы, едва не рвавшие на нем белую рубашку, не скрывало ничто. Тем более рукава он закатал выше локтя — и руки его в обхвате ненамного уступали деревянному телеграфному столбу, а крепостью, пожалуй, так и вообще не уступали. Образ дополняли светлая шевелюра, голубые глаза и челюсть, при виде которой в голове сразу возникали ассоциации с бульдогом. Мужчина тоже показался мне смутно знакомым.

— Джек, — обратился к нему Кармайкл. — Это Дрезден.

Джек, не вставая, окинул меня взглядом с головы до пят и не произнес ни слова.

— Он всегда такой до первой чашки кофе, — объяснил мне Кармайкл. — Не принимайте это на свой счет.

— О! Кофе! — нарушил я воцарившуюся за этими словами тишину. — Неплохая мысль.

Пару секунд Джек внимательно на меня смотрел.

— Дрезден, — произнес он эдаким медовым голосом. — Дрезден, вы голодны?

— Нет.

— А пить хочется?

Я немного подумал.

— Нет.

— Это потому, что вы умерли, — сообщил Джек, и по лицу его скользнула улыбка — короткая и не сказал бы, что

ободряющая. — Вам больше не нужно пить. Вам больше не нужно есть. Кофе не будет.

Я вопросительно покосился на Кармайкла.

— Я остаюсь при своем мнении. — Кармайкл посмотрел на Джека и ткнул пальцем в сторону двери: — Мне нужно вернуться к делу с ракшасом.

— Иди, — произнес Джек.

Кармайкл хлопнул меня по руке.

— Удачи, парень, — сказал он, — развлекайся! — И вышел уверенным шагом делового человека, оставив меня наедине с Джеком.

В воздухе повисло неуверенное молчание.

— Это не совсем то, чего я ожидал от загробной жизни, — заявил я.

— Потому, что это не она, — ответил Джек.

Я нахмурился:

— Вы же сказали, я умер. Значит, это загробная жизнь.

— Вы умерли, — подтвердил Джек. — Но это — Между Тут.

Я нахмурился еще сильнее:

— Что-то типа чистилища?

Джек пожал плечами:

— Если вам так привычнее, можете называть и так. Но вы здесь не потому, что вам нужно очиститься или чего такого. Вы здесь потому, что ваша смерть выбивается из общего ряда.

— Меня застрелили. Или утопили. Не самый редкий случай.

Джек поднял ручищу и помахал ею в воздухе.

— Речь не о физической стороне. О духовной.

— Духовной? — переспросил я, нахмурившись.

— Ваши оппоненты, — пояснил Джек. — Вы погибли, потому что они смошенничали.

— Пойдите. Какие оппоненты?

— Ангел, стоящий на часах у лифта, мог бы послужить тем, что мы, копы, называем наводкой. Или вам портреты предъявить?

— Э... Черт, вы имеете в виду... Типа настоящих Падших ангелов?

— Не совсем. Но если вам так привычнее считать, сой-дет. Вроде этого. А вот что существенно и что вам стоит знать — так это что они плохие парни.

— То есть, — пробормотал я, — все из-за того, что они нарушили какие-то вселенские законы?

— Вы стояли у них на пути. Они хотели, чтобы вы исчезли. Для того чтобы это случилось, они нарушили законы. И в результате вы стали уже моей проблемой.

Я смерил его хмурым взглядом, потом посмотрел на себя. Как выяснилось, на мне были джинсы, черная футболка без рисунка и мой черный кожаный плащ — который, будучи изорванным в клам, погрузился в воды озера за час или два до того, как меня застрелили. В смысле плащ безвозвратно погиб.

И тем не менее он красовался на мне, целый и невредимый. Как новенький.

Вот это почему-то хлопнуло меня по мозгам сильнее, чем все остальное вместе взятое.

Я умер.

Я умер!

Чикаго, Белый Совет, мои враги, мои друзья, моя дочь... Все это исчезло. Безвозвратно. И я не имел ни малейшего представления о том, что будет со мной дальше. Комната пошла кругом. Ноги разом сделались ватными. Я плюхнулся на стул лицом к Джеку.

Все это время я ощущал на себе его взгляд.

— Сынок, — произнес он, помолчав немного. — Мы все через это проходим. Знаю, оно нелегко, но тебе придется взять себя в руки, иначе я ничем не сумею тебе помочь.

Я зажмурился, сделал несколько глубоких вдохов-выдохов и в первый раз обратил внимание на то, как замечательно я себя чувствую в физическом плане. Такого со мной не бывало с самого детства, когда энергия переполняла меня с головой и я испытывал острую необходимость тратить ее направо и налево — желательно на что-нибудь приятное. Руки-ноги словно стали сильнее, быстрее, легче.

Я покосился на левую руку и увидел, что от шрамов, полученных в результате жуткого ожога, не осталось и следа. Я сделался цел и невредим, словно со мной никогда и ничего не случилось.

Я попробовал мыслить логически, и до меня дошло, что на самом деле я не чувствую себя так уж хорошо — просто мне не доставало длинного списка ранений и прочих травм. Старый-старый шрам чуть ниже правого локтя — заработал его, чистя рыбину, которую поймали мы с дедом (дедом!) — тоже исчез.

Постоянное, негромкое, но несмолкаемое нытье старых ран по всему телу исчезло без следа. Что, если подумать, вполне естественно, поскольку исчезло и само тело.

Боль прекратилась.

Я провел по лицу рукой.

— Простите, — пробормотал я. — Просто слишком много всего и сразу.

Он снова заулыбался:

— Ха. Только подождите.

Его тон начинал меня раздражать. Что ж, раздражение было чем-то привычным, за что можно было держаться, и я, упершись в него широко расставленными воображаемыми ногами, сумел-таки остановить вращение стен.

— Так кто вы такой? — спросил я. — И чем можете мне помочь?

— Если вам хочется меня как-то называть, зовите меня «капитан». Или «Джек».

— Или «Воробей»? — не удержался я.

Джек смерил меня полицейским взглядом, в котором не читалось ничего... ну разве что легкое, едва заметное неодобрение. Он протянул руку, выудил из стопки папку с бумагами и шлепнул на стол перед собой.

— Детка, — заявил он, пробежавшись взглядом по ее содержимому, — вы тут застряли до тех пор, пока мы не разберемся с этим отклонением.

— Почему так?

— Потому что то, что ждет вас дальше, не для людей, которые ходят с оглядкой или жалуются, как с ними несправедливо обошлись, — невозмутимо объяснил Джек. — Вот мы и разберемся, как именно вас подставили. А потом вы переместитесь туда, куда положено дальше.

Я подумал о том, каково это — оказаться в западне в городе-призраке, и поежился.

— Ладно. И как нам в этом разобраться?

— Вы вернетесь, — ответил Джек. — И поймаете ублюдка, который вас убил.

— Вернусь? — переспросил я. — Назад, в...

— Угу, на Землю, — подтвердил Джек. — В Чикаго. — Он захлопнул папку и кинул ее в стопку исходящих документов. — И выясните, кто вас убил.

Я заломил бровь.

— Да вы надо мной смеетесь!

Он молча смотрел на меня; лицо его выразительностью не уступало горному кряжу.

Я закатил глаза.

— Вы хотите, чтобы я раскрыл мое собственное убийство?

Он пожал плечами:

— Хотите другую работу — устрою без проблем.

— Ох, — пробормотал я, снова поежившись. — Нет.

— Вот и хорошо, — кивнул он. — Вопросы есть?

— Э... — замялся я. — Что вы имели в виду, когда сказали, что отошлете меня обратно? В смысле... ну, в мое тело или...

— Нет! — отрезал он. — Такого не получится. Нереально. Вы вернетесь таким, какой вы сейчас.

Я хмуро посмотрел на него, потом на себя.

— То есть призраком, — сказал я.

Он развел руками так, словно не нашел чем возразить на изреченную мной истину.

— Не шатайтесь после рассвета. Осторожнее с порогами. Ну, сами знаете.

— Угу, — не без огорчения кивнул я. — Но без тела...

— У вас будет на порядок меньше магии. Большинство смертных не сможет ни увидеть вас, ни услышать. Вы не сможете ни к чему прикоснуться.

Я уставился на него:

— И как же мне, скажите, в таком виде искать хоть что-нибудь?

Джек поднял руки вверх.

— Сынок, не я устанавливаю законы. Я только слежу за тем, чтобы они выполнялись. — Он посмотрел на меня и

нахмурился. — И потом, мне казалось, вы работали детективом?

Я стиснул зубы и испепелил его взглядом. Вообще я умею изображать гнев, но на него это не произвело особого впечатления. Я заставил себя глубоко вдохнуть и выдохнуть.

— Раскрыть собственное убийство.

Он кивнул.

И все-таки я разозлился и не особо смог это скрыть.

— То есть я правильно понял? Того, что я всю свою сознательную жизнь пытался помогать людям и защищать их, недостаточно? И от меня требуется сделать еще что-то, прежде чем предстать перед святым Петром... или кто там у вас вместо него?

Джек пожал плечами:

— Я бы на вашем месте не был так уж уверен. С вашим-то досье, сынок, вы с таким же успехом можете оказаться на поезде, идущем на юг.

— То есть в Ад, — уточнил я. — Вы ведь знаете, что такое Ад, а, капитан Воробей? Ад — это когда вы смотрите на свою дочь, зная, что вы к ней никогда больше не прикоснетесь. Никогда с ней не заговорите. Никогда больше не сумеете помочь ей, защитить. Так что давайте, валяйте, где там ваше огненное озеро — думаю, это и вполровину не так страшно.

— Кстати, в порядке информации, — невозмутимо заметил Джек, — я знаю, что такое Ад. Вы тут не единственный мертвый парень с живой дочерью.

Я плюхнулся обратно на стул, хмуро уставившись на него, потом вытянул шею и заглянул ему за спину, на висевший на стене пейзаж.

— Если для вас это имеет значение, — продолжал Джек, — трое из тех, кого вы любите, могут сильно пострадать, если вы не отыщете своего убийцу.

— Как это — «пострадать»?

— Покалечиться. Измениться. Сломаться.

— Кто именно? — поинтересовался я.

— А вот этого я вам сказать не могу. — Он покачал головой.

— Угу, — пробормотал я. — И как это я сам не догадался, что не можете?

Джек промолчал, а я немного поразмыслил. Может, я и умер, но и уходить просто так я, черт подери, не собирался. Не мог же я бросить на произвол судьбы тех, кто помог мне победить Красного Короля. Мою ученицу Молли тяжело ранили в бою, но из всех ее проблем больше всего меня беспокоила не эта. Теперь, после моей смерти, никто уже не защитит ее от Белого Совета — а кое-кому из моих коллег-чародеев давно не терпелось отрубить ей голову.

Да и моя дочь, маленькая Мэгги, все еще находилась в Чикаго. Я лишил ее матери — точно так же, как кто-то другой лишил ее отца. Я не мог не удостовериться в том, что о ней позаботятся. Ну и еще нужно бы попрощаться с дедом... и с Кэррин.

Господи... Что обнаружила Кэррин, вернувшись на катер? Здоровенную лужу крови? Мой труп? Ведь у нее хватит упрямства и дури вообразить, что в случившемся виновата она. Она же себя со свету сживет! Мне просто необходимо каким-нибудь образом связаться с ней, а из этой потусторонней Сибири этого никак не получится.

Об этих троих говорил капитан? Или он имел в виду кого-нибудь еще?

Черт. Черт.

Телесно я ощущал себя полным жизни и энергии, но голова устала невыносимо. Или я недостаточно всего сделал? Слишком мало кому помог? Спас слишком мало пленных? Победил слишком мало монстров? Я ведь нажил врагов среди самых злобных и опасных существ нашей планеты и время от времени вступал с ними в схватку. Вот один из них меня и прикончил.

«Покойся с миром» написано чуть не на каждой могильной плите. Я бился с надвигающейся на мир волной зла, пока она в буквальном смысле слова не убила меня. И где, черт возьми, положенный мне покой? Где отдых?

«Трое из тех, кого вы любите, могут сильно пострадать, если вы не отыщете своего убийцу».

Воображение с готовностью принялось рисовать картины страданий самых дорогих мне людей. В результате чего все сразу сделалось проще и яснее. Не в моих привычках позволить, чтобы что-то такое случилось.

И потом было и еще кое-что, из-за чего я хотел вернуться. В конце концов... какой-то сукин сын меня, черт подери, убил.

Такое не должно сходить с рук никому.

И если у меня имелась возможность выбраться из этого места, чтобы переместиться туда, куда мне полагалось, лучшей мотивации я бы не нашел.

— О'кей, — тихо произнес я. — И как это устроить?

Он придвинул ко мне через стол чистый лист бумаги и карандаш.

— Вам нужно попасть в одно место в Чикаго, — сказал он. — Напишите здесь адрес. Шофер вас высадит.

Я взял бумагу, карандаш и наморщил лоб, пытаясь сообразить, куда мне ехать. И не потому, что я не мог показывать-ся где угодно. Если уж мне суждено пребывать там чистым духом, рассчитывать на помощь своих обычных союзников я не могу. Для того чтобы увидеть духа, требуется особый дар, и вряд ли мне удастся хоть как-то обозначить свое присутствие. Мои друзья даже не поймут, что я рядом.

— Чисто из любопытства, — поинтересовался я. — Что будет, если я не поймаю убийцу?

Лицо его разом посерьезнело, а голос сделался тише:

— Вы застрянете там. Возможно, навсегда. Не в состоянии связаться с кем-либо. Поговорить с кем-либо. Наблюдая за тем, что творится в мире, но не в силах ни на что повлиять.

— Блин, — тихо произнес я.

— Блин.

— Ободряющая перспектива.

— Вы мертвы, приятель, — заметил Джек. — Бодрость тут противопоказана.

Я кивнул.

Вообще-то я рисковал как черт знает кто. Подумайте сами: застрять в здешнем чикагоподобном чистилище, конечно, тоже не слишком приятно, но и пыткой это вряд ли станет, — судя по тому, что говорили Кармайкл и Джек, и по тому, как они занимались своим делом, они все-таки могли приносить кому-то пользу, творить добро. То, чем они занимались, похоже, не вызывало у них особого восторга, но делали они это с уверенностью профессионалов.

Призрак, запертый в мире смертных? Это могло оказать-ся на порядок хуже. Вездесущий, всевидящий, но бессиль-ный что-то изменить.

А ведь я так и не научился не вмешиваться в происходя-щее. Не пройдет и года, как я съеду с катушек и превращусь в жалкое беспомощное чудовище, наводящее ужас на город, который я при жизни защищал.

— Какого черта, — произнес я вслух и начал писать на листке. — Если я нужен друзьям, грех не попытаться.

Джек забрал у меня бумажку и кивнул — как мне показало-сь, одобрительно. Потом встал и надел пиджак. В руке у него звякнули ключи от машины. Роста он был среднего, но в движениях его чувствовались уверенность и скрытая энер-гия — и это вновь показалось мне смутно знакомым.

— Пошли.

Несколько копов — ну, я решил, что это копы, по край-ней мере они занимались тем, чем обычно занимаются люди этой профессии, — кивнули Джеку, когда мы проходили.

— Эй! — окликнул нас кто-то из-за спины. — Мёрфи!

Джек остановился и обернулся.

Тип в костюме, который смотрелся бы уместным где-нибудь в Пинкертоновском агентстве девятнадцатого века, протягивал ему планшет с листком бумаги и ручку. Джек пробежал взглядом написанное на листке, поставил свой росчерк, вернул планшет владельцу и двинулся дальше.

Я сунул руки в карман плаща и зашагал рядом с ним.

— Капитан Колин Джей Мёрфи? — тихо спросил я.

Он только хмыкнул.

— Вы отец Кэррин. Вы работали с документами по делу «Черной Кошки».

Он ничего не ответил. Мы спустились на лифте, минова-ли ангела-хранителя и вышли на улицу, где стоял у тротуара древний синий «Бьюик-Скайларк» — ну, такой, с плавника-ми на задних крыльях и складным брезентовым верхом. Джек обошел его кругом и сел за руль. Я уселся на пассажир-ское место. Дождь барабанил по брезентовой крыше.

С минуту он молча сидел за рулем, глядя куда-то в пусто-ту. Потом кивнул:

— Угу.

— Она о вас рассказывала.

Он снова кивнул:

— Я слышал, вы приглядывали за моей Кэрри.

«Кэрри»? Я попытался представить себе человека, который посмел бы назвать так Мёрфи в лицо. Роулинз, помнится, проделал это раз, но только раз, и потом он как-никак работал с ее отцом, когда она еще под стол пешком ходила. Роулинз, можно сказать, был все равно что член семьи.

Любой другой должен был бы быть Терминатором. С планеты Криптон.

— Иногда, — кивнул я. — Она не слишком-то нуждается в защите.

— Каждому нужен кто-то. — Он повернул ключ в замке зажигания, и мотор с довольным утробным урчанием завелся. Джек задумчиво погладил руль и поднял взгляд на дождь. — Вы еще можете отказаться от этого дела, приятель. До тех пор, пока вы не выйдете из этой машины. Стоит вам это сделать — считайте, вы выбрали свой путь и все, что отсюда следует.

— Ага, — решительно кивнул я. — Раньше начну — раньше закончу.

Уголки губ скривились в улыбке, и он одобрительно кивнул. Потом заглянул в листок, прочитал написанный мной адрес и хмыкнул.

— Почему именно туда?

— Потому что там я найду единственного человека в Чикаго, который, я уверен, сможет мне помочь, — ответил я.

Капитан Мёрфи кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Поехали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Капитан Мёрфи остановил свой старый «Скайларк» в жилом квартале в Харбор-Хейтс, производившем впечатление такого же пустого и безлюдного, как и весь остальной город. Станный это был дом для Чикаго — белые оштукатуренные стены в сочетании с красной черепичной крышей,

казалось, искусственно пересадили сюда откуда-нибудь из Южной Калифорнии. Впрочем, под дождем, в унылом сером свете уличных фонарей он выглядел таким же холодным и безжизненным, как окружавшие его более традиционные постройки.

«Дворники» «Бьюика» ритмично шваркали по ветровому стеклу.

— Стоит вам выйти из машины, — негромко произнес капитан Мёрфи, — пути назад вам больше нет. Вы сможете полагаться только на себя.

— Это мы уже проходили, — хмыкнул я и протянул ему руку: — Спасибо, капитан.

Мы обменялись рукопожатием. Я не пытался одолеть его хватку. Он не пытался раздавить мою руку. Мужчины, умеющие владеть собой, редко злоупотребляют этим.

Жаль, нам не довелось пересечься с капитаном Мёрфи в реальном мире. У меня сложилось впечатление, что союзник из него вышел бы замечательный.

— Возможно, мне удастся связаться с Кэррин, — сказал я.

— Никаких приветов. Я и так причинил ей немало зла, — произнес он, не дожидаясь, пока я договорю. В голосе его слышалась решительная бесповоротность. — Но вы, — он мотнул головой в сторону дома, — можете передать здоровяку вон там, что это я вас прислал. Возможно, это не помешает.

Я кивнул. А потом сделал глубокий вдох, отворил дверцу машины и вышел в...

То, куда я не вышел, произвело на меня в тот момент гораздо большее впечатление. Потому что стоило моим ногам коснуться земли, а дверце позади меня захлопнуться, как я оказался вовсе не в дождливом, безлюдном городотрубе. Вместо этого я стоял на чикагской улице в ясный, морозный вечер. Дождя и след простыл. Над головой сияли луна и звезды и в сочетании с уличными огнями и свежавыпавшим снегом освещали улицу почти так же ярко, как днем.

Воздух был наполнен звуками. Шумом уличного движения, далекими гудками, уханьем чьего-то сабвуфера. Прогрохотал над головой заходивший на посадку реактивный

самолет — я находился всего в нескольких милях от аэропорта О'Хара.

Я обернулся, но машина капитана Мёрфи исчезла — предположительно вернувшись в Чикаго, что Между Тут.

Я стоял один-одинешенек.

Я вздохнул, повернулся и ступил на двор Мортимера Линдквиста, эктоманта.

В свое время Морти украсил свой участок всякими штуками, которые должны были наводить страх на посетителей. Могильными камнями. Кованой чугунной оградой с большими воротами. Зловещим освещением. В темное время суток это и впрямь могло действовать на нервы достаточно чувствительным гостям, но по большей части выглядело набором дешевых аксессуаров к Хэллоуину.

Однако все меняется.

Морти избавился от всего дешевого мусора, за исключением ограды. Теперь он превратил двор в подобие японского сада. Здесь росло несколько аккуратно постриженных кустов и красовался маленький прудик с перекинутым через него деревянным мостиком. В деревянных кашпо росли деревца-бонсай, причем североамериканских пород. Как-то непривычно видеть то, что выглядит как взрослый дуб, только высотой дюймов в пятнадцать, с крошечными листиками.

В Чикаго найдется немного людей, продающих такие штуки, из чего следовало, что Морти вырастил все это сам. Если так, это потребовало от него уймы сил и терпения.

Я медленно подошел к воротам и протянул руку, чтобы отворить створку.

Моя рука прошла сквозь металл.

Ну да, я ведь знал уже, что я призрак, но опыта нематериальности мне явно не доставало. Как-то я привык, что к предметам можно прикоснуться, ощупать их. Кисть покалывало, словно я отлежал ее после сна. Просунув руку чуть дальше, я увидел высовывающиеся из металла собственные пальцы. Для верности я пошевелил ими.

— Ладно, — буркнул я сам себе. — Ничего не поделаешь. — Набрал в грудь побольше воздуха, словно собираясь броситься в воду. И, чуть съжившись, ринулся вперед.

И ничего особенного. Ну, покололо тело иголками, но всего-то на короткое мгновение. А потом я оказался на другой стороне.

По вымощенной камнем дорожке я направился к парадному входу в дом Морти. Только поднявшись на мостик, я заметил мужчину, стоявшего в тени на крыльце.

Фигура его внушала уважение. Не тяжелоатлет или бодибилдер — просто крепкий, плечистый тип почти с меня ростом. Темные волосы перехватывала чуть ниже затылка лента. Длинная темно-синяя шинель доходила почти до колен; рукава ее украшал золотой позумент. Из-под шинели виднелся мундир: туго облегающая синяя куртка, белая рубаша, белые штаны и высокие черные башмаки. На плече его покоился тяжелый топор с длинным топорищем. Свободной рукой он не спеша вытаскивал из-за пояса большой кремневый пистолет. Я остановился. Он нацелил пистолет более или менее в мою сторону.

— Стой! — выкрикнул он. — Назови себя, мерзавец, или изыди!

— Мерзавец? — оскорбился я, театральным жестом прижимая пальцы к груди. — Вам не кажется, что это не совсем справедливо?

— У тебя вид мерзавца! — прогрехотал незнакомец. — И прохиндея, и оборванца. Да хотя бы и конгрессмена. — Я увидел, как блеснули в темноте его зубы. — Как тебя звать, парень?

— Гарри Дрезден, — как можно отчетливее произнес я.

Ствол пистолета отклонился на пару градусов в сторону.

— Чародей?

— Бывший чародей, — уточнил я. — Точнее говоря, покойный Гарри Дрезден.

— Похоже на то, — согласился незнакомец и сдвинул брови, словно раздумывая.

Надо сказать, это выражение лица не слишком-то сочеталось со всем его обликом.

— Если ты лжешь, — медленно проговорил он, — я не вижу причин поступать так, а стало быть, я должен тебя застрелить. Ежели же ты говоришь правду, твое присутствие представляет угрозу дому моего друга, стало быть, я тем бо-

лее обязан тебя застрелить. — Он решительно кивнул и снова нацелил на меня ствол пистолета. — Так и так...

Он явно собирался выстрелить. Я не знал, убьет меня это или нет, но весь мой жизненный опыт говорил о том, что вполне может. И уж в любом случае, решил я, это должно быть больно как черт знает что. Я никак не мог позволить этому громиле спустить курок. Впрочем, если его наряд соответствовал эпохе его земной жизни, это могло оказаться делом несложным.

— Вам не кажется, что застрелить меня было бы немного жестоко? — поинтересовался я. — Я безоружен, не угрожаю вам и не оскорбляю вас. Я даже вам представился. Тогда как вашего имени я до сих пор не знаю.

Мужчина в синей шинели как-то сразу смутился, и пистолет снова отвернулся в сторону.

— Ах да. Гм... Прошу меня простить. В молодости в меня неважно вдолбили нормы обхождения, и этот недостаток, похоже, сказывается и в моем загробном существовании. — Он выпрямился и, буквально щелкнув каблуками, отвесил мне легкий поклон — дуло пистолета при этом, правда, не отклонилось от меня дальше, чем было. — Покойный сэр Стюарт Винчестер, колониальная морская пехота.

Я удивленно изогнул бровь.

— Сэр Стюарт? Колониальная морская пехота?

Он пожал плечами:

— Запутанная история, долго объяснять.

— Ладно, Стю, — кивнул я. — При всем моем к вам уважении дело у меня не к вам. К мистеру Линдквисту.

— Не уверен, — фыркнул Стю. — Вас приглашали?

Я смерил его холодным взглядом.

— Я, конечно, новичок в ваших призрачных делах, но уверен, что у вас здесь нет загробной почты для рассылки приглашений призракам.

— Вы бы удивились, узнав, сколько почтальонов не оставляет за собой тени, — возразил Стю. — Я так думаю, это привычка заставляет их и после смерти совершать свои обходы. Бедолаги даже не понимают, что что-то изменилось.

— Не уходите от темы, — настаивал я. — Мне нужно поговорить с Морти.

— Мне очень жаль, сэр, — вздохнул Стю. — Однако у меня имеется недвусмысленный приказ: буде появятся непрошенные гости, не допускать их в дом.

— И вы обязаны исполнять приказы Морти?

— Можно подумать, приятель, вы сможете переступить порог этого дома без приглашения, — заметил он.

— Верно, — кивнул я. — Так обязаны?

— Нас никто не принуждает, — искренне ответил Стю. — Мы оказываем ему помощь из дружбы, уважения и... — Он вздохнул. — И от скуки, — признался он. — Видит Бог, этот город надоедает уже спустя полвека, а я болтаюсь здесь раза в четыре с лишним дольше.

Я невольно ухмыльнулся:

— Стю, позвольте вам пообещать кое-что. Можно сказать, даже поклясться. Я пришел к Морти за помощью, не для того, чтобы вредить ему, и я совершенно уверен в том, что мое присутствие здесь не усугубит вашей скуки.

Стю от души расхохотался и раскрыл рот, чтобы сказать что-то, но осекся и задумчиво на меня посмотрел, барабана пальцем по казеннику пистолета.

— И кстати, если это что-нибудь вам говорит, — добавил я, — сюда меня подбросил Джек Мёрфи. Советовал мне упомянуть его имя.

Брови у Стю взмыли на лоб. Я буквально видел, как вращаются у него в голове шестеренки. Похоже, в спринте победа им не светила, зато на длинных дистанциях можно было не сомневаться в их надежности.

— Правда? — Он прикусил губу. — Славный мужик. Хоть и ирландец.

— На вашем месте, — фыркнул я, — в его присутствии я бы не...

Волна ледящего холода накатила на меня со спины, словно там, где-то совсем рядом, распахнули дверь большого складского холодильника.

Я оглянулся и увидел в каких-то пяти ярдах скользющую ко мне над землей серую человекообразную фигуру. Деталей было не разобрать, пропорции показались мне немного неестественными, словно у бракованной пластмассовой куклы. Да, собственно говоря, никаких особых черт у нее и не име-

лось, только осунувшееся, похожее на череп лицо с зияющими темными глазницами и широко разинутый провал рта; казалось, нижняя челюсть висит на старых растянувшихся резинках.

Двигалась фигура, впрочем, со зловещей грацией, словно неподвластная силе тяжести и отталкивающаяся от земли только для перемещения. При этом она издавала звук: негромкий протяжный скрежет. Так мог звучать исполненный боли стон, издаваемый человеком, у которого в легких уже не осталось воздуха, но который не может замолчать.

Фигура приближалась, и по мере ее приближения делалось все холоднее.

— А ну назад! — рявкнул я. — Я не шучу.

Тварь еще раз оттолкнулась от земли кончиками пальцев, бездумная и изящная, как голодная медуза, только страшнее.

Я быстро отступил на пару шагов.

— Ладно, — буркнул я. — Как хочешь. — Я вскинул правую руку, напряг волю и рявкнул: — Fuego!

И не произошло ничего. Ровным счетом ничего.

Я не ощутил в себе никакого бурления энергий. Никакого сопутствующего этому возбуждения, никакого вибрирующего напряжения, никакой вспышки в мозгу. Равно как не увидел раскаленного добела разряда, которому полагалось бы испепелить надвигающуюся тварь.

Магия исчезла.

Магия исчезла.

— Ох, черт! — выдохнул я, отшатываясь от твари, с убийственным изяществом протянувшей пальцы к моему горлу. Сдавленный вопль сделался громче и на несколько тонов выше. Вместо ногтей на кончиках пальцев мотались какие-то бесформенные ошметки, от которых исходил леденящий холод.

За моей спиной звонко клацнул взводимый курок кремневого пистолета.

Я оглянулся — как раз вовремя, чтобы увидеть ствол здорового старого пистолета Стю, уставленный практически мне в нос. Полагаю, в размерах дуло все-таки уступало

железнодорожному туннелю, но в тот момент оно представлялось мне именно таким огромным.

Потусторонний холод буквально обжигал мне спину.

— Ложись! — крикнул Стю, но я и так уже почти растянулся на земле.

Я больно саданулся — похоже, бестелесное существование не освобождало меня от законов гравитации и связанных с этим неудобств, — и в это мгновение грянул выстрел.

Все происходило как во сне — достаточно медленно, чтобы разглядеть в мельчайших подробностях, но и достаточно быстро, чтобы я осознавал всю невозможность повлиять на происходящее, как бы я ни старался. Я ожидал услышать резкий хлопок выстрела — быть может, глухой удар, как это бывает при использовании дымного пороха, — и едва не оглох от такого рева, словно над выстрелом потрудились последовательно дюжина диджеев и миля железнодорожного туннеля. Вместо клуба порохового дыма из дула вырвались и разбежались круги света, переливавшегося всеми цветами радуги; в центре свет завихрялся, словно потревоженный пулей.

Да и пуля оказалась вовсе не куском свинца, а разноцветным светящимся шаром размером с мячик для гольфа. Он пролетел в паре футов от моей головы, но лицо словно обожгло огнем. От шара исходило низкое гудение, как от усиленной электричеством басовой струны, и вибрация звука проникала, казалось, до самых костей.

Я успел еще повернуть голову и увидеть, как шар врезался в грудь надвигавшейся твари. Эта не-пуля продырявила в ее теле дырку размером с мой кулак, из которой вытекло облачко пара. В облаке клубился свет, словно в луче старого кинопроектора, и я вдруг разглядел в нем призрачные образы — неясные, искаженные, словно кто-то склеил ролик из обрезков киноплёнки, собранных на полу монтажной.

Образы стали темнеть и в конце концов исчезли совсем, оставив за собой тающее облачко тумана. Только тут до меня дошло, что серая фигура оседает, как бурдюк, из которого медленно вытекает вода.

Туман растворился. От серой фигуры остался только уродливый, бесформенный комок на земле.

По ступеням крыльца прогромыхали шаги, и Стю встал между мной и этой тварью, кем бы она ни была. Пока руки его отработанными движениями перезаряжали пистолет, засыпая в ствол порох из рожка и утрамбовывая пыж коротким шомполом, взгляд не переставал настороженно шарить по улице.

— Что это, черт подери, такое было? — выдохнул я.

— Дух, — негромко, с бесстрастностью профессионала отозвался он. — Призрак вроде меня или вас, поддавшийся отчаянию и лишившийся остатков рассудка.

— Опасный?

— Исключительно опасный, — подтвердил Стю, повернулся и посмотрел на меня. — Особенно для таких, как вы.

— Как я?

— Для свежих теней. У вас ни на грош опыта по части того, как себя здесь защитить. И спрятаться свежим теням, таким как вы, тоже нет никакой возможности: от вас за версту разит жизнью. — Он нахмурился. — От вас особенно.

— Возможно, потому, что я чародей.

Стю кивнул:

— Похоже на то.

— Что бы случилось, если... — Я мотнул головой в сторону останков духа.

— Он пожрал бы ваши воспоминания, — тихо ответил Стю.

Я обдумал эту информацию и посмотрел на останки еще раз — почти с завистью.

— Ну, не знаю. От некоторых я не прочь бы и сам избавиться.

Стю сунул заряженный пистолет обратно за пояс.

— Для теней вроде нас воспоминания — все. Жизнь, пища и сила. Мы, чародеи, сами теперь воспоминания.

— Те образы в тумане, — вспомнил я. — Ну, когда оно... он умирал. Это его воспоминания?

— Угу. То, что от них осталось. — Стю подался вперед и склонился над останками. Потом протянул руку ладонью вниз и сделал глубокий вдох. Над останками призрака снова за клубился светящийся туман. Он всплыл вверх и втянулся в

грудь Стю, впитавшись в нее, как вода в мох. Когда все закончилось, он распрямился и вздохнул.

Что бы ни убило духа, оно явно состояло из того же вещества, что и сам сэр Стюарт. Значит, если призраки представляют собой воспоминания...

— Пуля, — спросил я, — вы слепили ее из воспоминания?

— Само собой, — кивнул он, и на лице его обозначилась легкая мечтательная грусть. — Из яркого. Настанет день, я отолюю из него новую пулю.

— Спасибо, — сказал я, — что помогли.

— Должен признать, я завалил бедолагу не только ради вас. Вы для любого духа просто пир желанный. Только что из мира живых, в вас еще сохранились какие-то жизненные соки, а уж воспоминаний свежих — ешь не хочу. Дух, пожравший вас, обрел бы огромную силу, оставшись при этом все таким же злобным. Такой мог бы угрожать миру живых с той же легкостью, что и миру духов. Этого я допустить не мог.

— Ох, — произнес я. — Все равно спасибо.

Стю кивнул и протянул мне руку. Я принял ее и поднялся.

— Мне нужно переговорить с Морти, — сказал я.

Еще не договорив, я увидел, как из темноты выплывают еще два духа. Оглянувшись, я увидел еще несколько — и все они плыли в нашу сторону без видимых усилий, но довольно-таки быстро.

— Если вы поможете мне переступить порог этого дома, они, — я мотнул головой в сторону духов, — не смогут мне угрожать. А так я не умею от них защищаться. Они меня убьют. И если это случится, появление духов-монстров будет на вашей совести.

— Не будет, если я убью вас прежде, — заметил Стю, хлопав по рукояти пистолета.

Я склонил голову набок и выразительно заглянул ему в лицо.

— А вот и нет, — сказал я. — Не убьете.

— Откуда вам, привидению, знать? — ровным голосом поинтересовался он. Но глаза его при этом улыбались.

— Я чародей, — добавил я в голос солидных низких ноток. — У нас свои способы.

Он промолчал, но взгляд его метался из стороны в сторону.

Я посерьезнел.

— И эти духи надвигаются, приятель.

Стю фыркнул:

— Духи всегда надвигаются. — Он достал пистолет и нацелил его мне в грудь. — Я беру вас в плен, покойный чародей. Держите руки на виду, следуйте моим указаниям, и мы замечательно поладим.

Я продемонстрировал ему пустые руки.

— Гм. Идет. — Стю коротко кивнул. — Что ж, кру-гом! Пойдем потолкуем с лысым коротышкой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Следом за Стю я перешагнул порог (черт, это оказалось очень даже чувствительно) и на секунду-другую задержался обдумать ситуацию. Вообще-то приглашать нематериальных существ могут только члены проживающей в доме семьи.

Значит, сэр Стюарт когда-то проживал на этом самом месте. Ну или приходился Морти родней. Известно ведь, что привидения в высшей степени трепетно относятся к родственным связям. Может, Стю как один из предков Морти специально присматривал за дальним потомком? Или же коротышка-эктомант давно уже пользовался услугами таких необычных сторожей, просто я не знал?

Занятно. Ко всему этому стоит хорошенько присмотреться.

Дом выглядел совсем не таким, каким я его помнил. То, что раньше служило театрально обставленной комнатой для спиритических сеансов, превратилось в гостиную с уютным мягким диваном и удобными стульями. До сих пор мне доводилось видеть только часть дома, однако, следуя за сэром Стюартом, я успел заметить, что домишко отремонтирован, заново обставлен и, несомненно, похорошел. Стю проводил

меня в библиотеку или кабинет, где в камине уютно потрескивал огонь.

Похоже, Морти Линдквист перестал противиться неизбежному. Я видел его когда в парике, а когда с зачесанными на плешь волосами, а вот с честной лысиной во всю голову мне его видеть еще не приходилось. Право же, ровная сияющая кожа смотрелась куда лучше попыток ее прикрыть. А еще он со времени нашей последней встречи сбросил вес. То есть фотографировать на обложку «Аберкромби & Фитч» его, конечно, не стали бы, но из расплывшегося толстяка Морти превратился во вполне себе складного мужчину лет пятидесяти — шестидесяти, пяти с половиной футов ростом, в черных трениках, серой шелковой рубашке и стильных очках с маленькими прямоугольными линзами.

Он сидел за столом, на котором были разложены карты — то ли для гадания, то ли просто пасьянс... с моей точки зрения, смысла в обоих этих занятиях примерно поровну.

— Мне показалось, сэр Стюарт, или я действительно слышал выстрел? — спросил Морти, не сводя глаз с карт. Он уже протянул было руку, чтобы перевернуть следующую, но застыл, уставившись на меня. — Ох, ну вообще...

— Привет, Морти, — сказал я.

— Это мне снится, — пробормотал Морти, поспешно вставая из-за стола и направляясь к двери в другую комнату. — Это мне снится. Чтобы так не сvezло...

Я бросился вдогонку и следом за ним выскочил в коридор.

— Мне нужно погово...

— А мне плевать, — перебил меня Морти, не сбавляя шага, и сделал руками решительный жест. — Я вас не вижу. И не слышу, понятно, слышите, Дрезден? Мало того, что вы при жизни втягивали меня в разные истории. Так теперь еще и ваш дурацкий призрак туда же? Нет и еще раз нет, чего бы вы ни хотели.

Мы вошли на кухню, где нас уже ждал, с легкой улыбкой скрестив руки на груди и прислонившись к стене, сэр Стюарт. Морти подлетел к большой банке печенья, сунул в рот одно и закрыл крышку.

— Ну же, Морти, не преувеличивайте, — не сдавался я. — Я всего-то пару раз обращался к вам, потому что вы неплохой профессионал и...

— Вздор! — отрубил Морти, резко оборачиваясь, чтобы испепелить меня взглядом. — Дрезден обращался ко мне только в таких отчаянных ситуациях, когда готов был звать на помощь даже самого последнего лузера.

Я поморщился. Его описание наших взаимоотношений отчасти соответствовало истине. Но только отчасти.

— Морти, пожалуйста...

— Морти — что? — огрызнулся он. — Да вы надо мной издеваетесь. Даже не думайте впутывать меня в тот международный кризис, в который вы собираетесь вляпаться.

— Дружище, — взмолился я. — У меня, похоже, другого выбора не осталось. Или вы, или ничего. Прошу вас. Вы только меня выслушайте...

Он коротко хохотнул — не слишком чтобы весело.

— Нет, это вы, тень, меня выслушаете! «Нет» — значит нет. Не бывать этому. Вообще быть такого не может. Я сказал нет! — И захлопнул дверь прямо перед моим носом.

— Черт подери, Морти! — рывкнул я и ринулся вперед.

— Дрезден, стоп!.. — успел произнести сэр Стюарт.

Он опоздал. Я врехался в дверь носом и всей физиономией и дурак дураком плюхнулся на пятую точку. Больно было как черт знает что — как, собственно, и положено, когда со всей дури вмазываешься портретом в крепкую дубовую дверь.

— ...ой, — договорил сэр Стюарт, вздохнул и протянул руку, помогая мне встать. С его помощью я поднялся на ноги. — У этой комнаты двери покрыты краской, смешанной с особым порошком. Духам сквозь нее не пройти.

— Знаю, — буркнул я. Обидно: мог бы и догадаться. Я и сам защищал свое жилище от потусторонних вторжений примерно таким способом. Для нематериальных созданий противопризрачный порошок обладает стопроцентной непроницаемостью. Брось в духа пригоршню такого, и это причинит ему неопишемую боль, обездвижив на некоторое время, словно ему разом добавили несколько центнеров веса. А покрой я им стены изнутри, и они сделались бы для призраков и прочей подобной шушеры неодолимым препятствием.

Ну конечно, в состав моего рецепта входит обедненный уран, поэтому покрывать им стены квартиры было бы несколько... гм... неразумно.

Впрочем, что теперь об этом. Дом мой сгорел — в него бросил бутылку с коктейлем Молотова убийца-вампир, — а вместе с ним и практически все мои пожитки. Сохранилась только малая их часть, спрятанная в тайнике; одному Богу известно, что с ними случилось.

Впрочем, с учетом всех обстоятельств не уверен, что это можно расценивать как потерю. Что толку в материальной собственности для того, кто умер?

Я ощупал нос, морщась и ожидая обнаружить его сломанным к чертовой матери. Как ни странно, нос оказался цел, только рука перепачкалась в какой-то прозрачной слизи.

— Блин-тарарам! Я что, превратился в чертову эктоплазму?

Отставной морпех только ухмыльнулся:

— Вообще-то для призрака это в порядке вещей. Да ты не обижайся на него, Дрезден. Порой он не сразу схватывает.

— Мне некогда ждать, пока он схватит, — буркнул я. — Мне необходима его помощь.

Сэр Стюарт ухмыльнулся чуть шире:

— Но ты ведь не будешь стоять здесь и повторять как старая пластинка... как старая пластинка... как ста...

— Ха-ха, — без особого энтузиазма откликнулся я. — Люди, которым я дорог, могут пострадать, если я не начну действовать.

Сэр Стюарт задумчиво прикусил губу.

— Сдается мне, если ты переживаешь, что оставил кого без защиты, с ними давно уже чего-нибудь да случилось. Как-никак шесть месяцев прошло.

Я невольно разинул рот.

— Ч-чего? Шесть месяцев?

Призрак кивнул:

— Если быть точным, нынче девятое мая.

Я потрясенно уставился на него. Потом прислонился к Мортиной непробиваемой двери и, сползая по ней на пол,

постарался только сохранять более или менее вертикальное положение.

— Шесть месяцев?

— Именно.

— Но это... — Умом я понимал, что несу ерунду, но остановиться уже не мог. — Этого не может быть. Не может, и все тут. Я всего какой-то гребаный час как помер. Что это еще за фигня имени Рипа Ван Винкля?

Сэр Стюарт серьезно, но все так же невозмутимо на меня смотрел.

— Время для нас, Дрезден, значит очень немного, так что и отцепиться от его течения проще простого. Помнится, я как-то пять лет потерял, заслушавшись альбомом «Пинк Флойд».

— Но там ведь, — я наугад ткнул пальцем в направлении окна, — снега чуть не по колено. И это май?

Голос его сделался суше:

— Телепрограмма, которую обычно смотрит Мортимер, излагала теорию, согласно которой эти изменения климата вызваны человеческим фактором.

Я собирался уже сказать еще что-нибудь обидное, может, даже оскорбительное, но меня перебил лязг покачивавшихся на нитях металлических пластинок... как это называется? Музыка ветра? Не прошло и секунды, как такой же звон слышался с другой стороны, так что игнорировать его стало довольно трудно.

— Это еще что? — поинтересовался я.

Вместо ответа сэр Стюарт повернулся и быстрым шагом направился к прихожей тем же путем, каким мы сюда пришли. Я поспешил за ним. В соседней комнате с потолка свешивалось с дюжину комплектов этих металлических шуток-вин, и все они раскачивались, звеня на все лады, хотя движения воздуха в помещении почти не ощущалось.

Сэр Стюарт потянулся за своим топором, и тут до меня наконец дошло, на что я смотрю.

Охранная сигнализация.

— Что происходит? — спросил я. — Что озна...

— Новое нападение, — бросил он. — У нас меньше чем полминуты. Давайте за мной.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— К оружию! — взревел сэр Стюарт. — Они снова идут на нас, ребята!

Перезвон сигнализации сделался вдвое громче, а из стен и пола дома эктоманта повалили человеческие фигуры — внезапные, как... как... как призраки, по-другому не скажешь. Гм...

Только что в помещении стояли лишь мы с сэром Стюартом, а спустя пару секунд мы уже возглавляли целую толпу неплохо вооруженных типов. По части четкости и кажущейся материальности они, правда, заметно уступали сэру Стюарту. Они казались прозрачнее, туманнее. Сэра Стюарта я видел отчетливо, как если бы рядом со мной стоял живой человек; остальных же — словно по ту сторону улицы в особо сильный ливень.

Какой-то особой черты, отличавшей защитников Мортиного дома, я не заметил. Каждый казался эклектичным по-своему, а все вместе они смахивали на костюмированное собрание из музея американской истории.

Солдаты в разноцветных мундирах времен Войны за независимость соседствовали с одетыми в костюмы из шкур трапперами, индейцами и первыми поселенцами. Фермеры середины позапрошлого века стояли рядом с торговцами начала двадцатого. Мужчины в строгих костюмах, некоторые с дробовиками, некоторые с автоматами Томпсона — явно времен забытого уже «сухого закона», — строились для атаки.

Рядом с громилами шагал отряд ополченцев времен покорения Запада, дополнявшихся полудюжиной самых что ни на есть настоящих ковбоев в длинных брезентовых плащах и компанией типов в армейской форме шестидесятых годов, разгара вьетнамской войны.

— Ого, — заметил я. — Такое зрелище не каждый день увидишь.

Сэр Стюарт выхватил из-за пояса свой пистолет и взвел курок.

— Я в этом городе много лет провел. Много, очень много ночей. Однако вплоть до последних времен я бы с вами согласился.

Я еще раз оглянулся на маленькую армию сэра Стюарта. Тут мы как раз добежали до двери и прошли сквозь нее.

— Я... черт, ну и ощущениеце... так понимаю, это у вас не впервой?

— Вот уже пятую ночь все лезут и лезут, — подтвердил сэр Стюарт, сбегая с крыльца. — Держитесь за мной, Дрезден. И не подвернитесь мне под правую руку.

Еще через пару шагов он остановился, и я тоже затормозил, стараясь держаться сзади и чуть левее его. Ростом он уступал мне всего пару дюймов; должно быть, для своего времени он был прямо-таки великаном. Поэтому мне пришлось изо всех сил вытягивать шею, чтобы заглянуть поверх его головы.

Всю улицу заполнили безмолвные фигуры.

Мгновение я тарашил на них глаза, пытаясь понять, что же такое я вижу. За оградой на проезжей части толпилась сотня, если не две духов вроде того, которого совсем недавно убрал сэр Стюарт. Все они казались какими-то дряблыми, пустотелыми, словно несдувшиеся воздушные шарики — мрачные, устрашающие человекообразные фигуры с неестественно темными провалами на месте глаз и ртов. Странное дело, вместо того чтобы нападать, они просто стояли ровными рядами, чуть наклонясь вперед, в нашу сторону, и жадно протягивая к дому руки-плети с заменявшими им пальцы бесформенными побегими. Впрочем, я ошибся, назвав их безмолвными: из зияющих ртов вырывались едва слышные, но полные боли стоны, и это медленно, но верно повышало повисшее в воздухе напряжение.

— А скажи мне, чародей, — обратился ко мне сэр Стюарт, — что ты видишь?

— Чертову прорву духов, — едва слышно выдохнул я. — Которых я не знаю, как одолеть. — Надо сказать, по части смертоносного, целеустремленного вида они заметно уступали сэру Стюарту и его воинству, зато их было до ужаса много. — Что-то их здорово подстегнуло.

— А-а... — протянул он и, оглянувшись, сощурился. — Я-то думал, ваша братия отличается ясным взглядом...

Нахмурившись, я посмотрел на маленькое море духов еще раз. При этом я старался сосредоточить зрение, исполь-

зую для этого весь опыт долгих часов упражнений, — и тут вдруг увидел... Какие-то темные фигуры скользили вдоль рядов духов, хоронясь у тех за спинами. Они могли бы сойти за людей в темных одеждах, когда бы не та неестественная легкость, с которой они перемещались. Мне почему-то пришли на ум акулы, почуявшие в воде запах крови.

— Четверо... нет, пятеро... шестеро, — прошептал я. — В задних рядах.

— Вот так-то уже лучше, — одобрительно кивнул сэр Стюарт. — Вот наш настоящий враг, парень. Эти бедные духи всего лишь их псы.

Давненько я не ощущал себя таким неучем.

— Э... А кто они такие?

— Лемуры. — Он произнес это слово на латинский манер: «лэ-мууры». — Твари, что отвернулись от Провидения и всецело предались злу. Им неведома жалость, они не знают ни рамок, ни...

— Страх? — предположил я. — Откуда им вообще знать страх?

Сэр Стюарт еще раз оглянулся через плечо и выразительно похлопал по рукояти своего топора.

— Нет, парень. Может, они и были когда невинны. Но стоило им попробовать наложить свои лапищи на этот дом, и они много чему научились. — Он снова повернулся лицом к неприятелю и скомандовал: — По местам!

Призраки, ожидавшие у нас за спиной, устремились вперед и, рассыпавшись цепью, заняли перед домом оборонительную позицию. Я даже вздрогнул: многие из них не потрудились обогнуть нас, а прошли прямо насквозь. Не прошло и секунды, как между домом и собравшимися духами выстроилась полукругом цепочка защитников. Они стояли, широко расставив ноги (у некоторых, казалось, ноги даже ушли по щиколотку в землю), с оружием на изготовку.

Напряжение продолжало нарастать, а исполненные боли вздохи духов сделались громче.

— Гм... — пробормотал я. — А что делать мне?

— Ничего, — не оборачиваясь, бросил сэр Стюарт. — Просто держитесь поближе ко мне и не подворачивайтесь под руку.

— Но...

— Знаю, знаю, парень, ты умел драться, — буркнул сэр Стюарт. — Но теперь ты все равно что дитя малое. У тебя нет ни знаний, ни средств защитить себя.

Он оглянулся, смерил меня свирепым взглядом, и невидимая сила буквально отшвырнула меня назад, на крыльцо. Вот черт. Может, Стюарт и не обладал магическими познаниями, но и мне еще предстояло многому научиться в этом потустороннем мире — в частности, тому, как воля преобразуется в энергию.

— Заткнись, — посоветовал мне старый солдат. — И не отставай от меня.

Я послушно замолчал, и сэр Стюарт снова повернулся лицом к врагу. Когда бы не вмешательство сэра Стюарта, я бы уже погиб еще раз.

Да, вы не ослышались. Погиб бы. Еще раз.

И ничего смешного. Право же, дела обстоят совсем уж хреново, если вам приходится использовать фразы вроде этой.

Примерно полсекунды я позволил себе потешиться мыслью о том, что Вселенная, похоже, снова решила врезать мне как можно побольнее, только на этот раз страдала в первую очередь моя гордость. Как-то я привык к тому, что обыкновенно я — тот, кто размахивает мечом и к кому обращаются за защитой. И страх сам по себе подпитывал мою боевую энергию. Но теперь...

Вот что пугало меня по-настоящему в этом чужом мире: я был беспомощен.

Воздух вдруг наполнился пронзительным визгом, и толпа духов ринулась на нас.

— А ну задайте им, ребята! — взревел сэр Стюарт, перекрывая какофонию воплей. Голос его звучал громко и ясно, как сигнал боевой трубы.

Грянул залп прозрачного огня. Из стволов защитников дома снова вырвался не пороховой дым, а облачка разноцветного тумана и светящиеся шары воспоминаний. Вместо взрывающихся зарядов и хлопков проходящих звуковой барьер пуль воздух заполнило низкое гудение, эхо от которого не смолкало еще долго после того, как стрельба прекратилась.

Залп буквально скосил первые ряды нападавших. На какое-то время поле боя заволокло облаками света с мелькавшими в них образами воспоминаний, но их быстро поглотила ночь. Несколько десятков духов полегло, но еще больше их продолжало рваться к дому, и числом они по-прежнему превосходили защитников.

Воины сэра Стюарта отреагировали именно так, как положено настоящим солдатам, какими они когда-то и были. В воздухе блеснули клинки: шпаги, сабли, кинжалы, даже медные кастеты. Волна духов медленно, даже как-то величественно накатила на них. Духов рубили, резали, молотили и уничтожали прочими способами, и все равно их оставалось слишком много.

Я слышал негромкий вопль; казалось, он доносился из соседнего квартала. Подняв взгляд, я увидел, как с полдюжины духов разом навалились на паренька-призрака в мешковато сидевшем мундире. Он успел еще вспороть одного из нападающих штыком, но остальные его окружили. Еще один превратился в радужное облачко — судя по всему, солдатик достал его ножом, но вот один дух коснулся его пальцами, за ним — другие. Пальцы словно прилипали к бедолаге, и не прошло и нескольких секунд, как он превратился в подобие туго спеленутой мумии... ну или пациента ожогового центра, сплошь покрытого толстым слоем грязных бинтов.

Духи прижимались к нему все плотнее, слившись в единую бесформенную массу, а потом, взвизгнув, разлетелись во все стороны. Очертания их при этом сделались четче, материальнее. Позади остался лежать на земле почти прозрачный силуэт незадачливого солдатика; пару секунд он еще дергался, крича от боли, а потом растаял окончательно.

При виде этого жуткого зрелища внутри у меня все сжалось.

— Лопни их пустые глаза, — процедил сквозь зубы сэр Стюарт. — Чтоб их.

— Блин-тарарам, — пробормотал я. — Но почему вы... Вы что, не могли им помешать?

— Лемуры, — коротко ответил он. — Я не могу позволить им прошмыгнуть мимо меня в дом.

Я даже зажмурился.

— Но... порог? Разве он не остановит?

— В самую первую ночь не помог, — буркнул Стю. — До сих пор не знаю почему. Короче, я не могу сойти с крыльца, иначе они прорвутся. А теперь цыц. — Он несколько раз согнул и разогнул пальцы, примеряясь к рукояти топора. — Вот теперь начинается самое интересное.

Пока нападавшие духи связывали защитников дома боем, сэр Стюарт переместился на верхнюю ступеньку крыльца и широко расставил ноги. Там, внизу, на улице неясные фигуры лемуров застыли, словно хищники, изготовившиеся к прыжку.

Их атака оказалась стремительной. Не как бросок льва на лань, даже не как потерявший управление автомобиль. Скорее я сравнил бы их с пулями. Только что лемуры маячили где-то там, на улице, а секунду спустя возникли прямо перед крыльцом, причем самого момента перемещения я даже не заметил. Все, что я успел, — это взвизгнуть и рефлекторно отшатнуться.

Но сэр Стюарт оказался проворнее.

Лемур, нападавший первым, получил в темечко обухом Стюартова топора и отлетел назад. Практически мгновенно на нас ринулись второй и третий; топор сэра Стюарта описал в воздухе дугу и достал обоих. С жутким воплем они отшатнулись назад, и тут четвертый лемур нанес сэру Стюарту сокрушительный удар в челюсть. Старый солдат пошатнулся и припал на колени. Однако лемур так и не сумел развить успех; Стюарт сорвал с пояса блестящий кинжал и наискось полоснул его по торсу.

Пятый лемур явно колебался, застыв посередине двора. Стюарт взревел как бык и метнул нож. Он не промахнулся: лемур с воем сложился пополам и оседал до тех пор, пока нож не выскользнул из его призрачной плоти на заснеженную землю.

Пять раненых лемуров с воплями бежали от сэра Стюарта. Шестой в нерешительности застыл у кромки тротуара.

— Трус! — прорычал Стюарт. — Не умеешь драться — не стоило и лезть!

С учетом всех обстоятельств я решил, что Стюарт не совсем справедлив по отношению к бедолаге. Вряд ли

можно считать трусостью нежелание бросаться очертя голову на того, кто только что замочил нескольких твоих товарищей. Может, этот тип просто оказался сообразительнее других.

Впрочем, выяснить точно мне так и не удалось. В какую-то долю секунды сэр Стюарт пересек газон и нанес удар ногой — правда, нога не задержалась на призрачном лице, а прошла сквозь него на добрых шесть футов. Лемур отпрянул — почти как я несколькими секундами раньше.

А потом его голова отделилась от плеч, капюшона и всего прочего, рассыпавшись разноцветными искрами воспоминаний. Обезглавленное тело безумно задергалось, забилося, даже ухитрилось каким-то непостижимым образом издать отчаянный крик и наконец повалилось на землю; из шеи его бил сноп серо-белого огня.

Защитники дома торжествующе взревели, и волна нападавших духов начала распадаться. Сэр Стюарт взмахнул топором и почти без усилий снес голову еще одному духу.

И тут за спиной у сэра Стюарта возникла словно ниоткуда еще одна фигура, на вид почти не уступавшая ему в материальности. Из-под серого капюшона полыхали белозеленым огнем два глаза. Фигура подняла когтистую руку и выпустила в спину сэра Стюарта огненную струю.

Сэр Стюарт вскрикнул от боли и дернулся как от электрического разряда. Полоса огня прочертила полосу вдоль его позвоночника, вильнула и отсекла кусок от правого бедра.

— Нет! — заорал я, бросаясь к упавшему воину.

Тот перекатился по земле, и в руке его возник неестественно здоровенный — такими вооружали кавалеристов — пистолет. Сэр Стюарт прицелился в Серое Привидение, спустил курок, и из ствола снова вырвалось смертоносное радужное сияние.

Однако фигура в сером вскинула руку, и пуля отрикошетила от воздуха прямо перед ней, угодив в незадачливого раненого духа, пытавшегося отползти подальше от места схватки. Дух мгновенно растворился в воздухе, в то время как сэр Стюарт, разинув рот, потрясенно смотрел на Серое Привидение.

Магия. Серое Привидение пользовалось магией. На бегу я ощущал в воздухе ее вибрирующую энергию, ее запах в ледяном ветре с озера. Я не перемещался со сверхъестественной скоростью. Я просто бежал по земле, перемахнул через изгородь, пронесся сквозь припаркованную у тротуара машину (ох, брр!...) и с разбегу врезал Серому Привидению правой в намеченную точку промеж лопаток.

Мой кулак угодил в нечто, напоминающее нормальную плоть. Он соприкоснулся с ней со знакомым смачным звуком и отозвался болью, пронзившей руку до самого локтя. Серое Привидение пошатнулось, и я постарался развить успех. Я врезал пару раз левой снизу ему под вздох, провел чертовски удачный апперкот правой и добавил еще раз по шее.

Я не считаю себя слишком уж опытным бойцом, однако кое-чему все-таки научился — и у Мёрфи, и у некоторых других копов; не зря же я проводил столько времени в спортзале «Ураган» у Дага Джо. Настоящий поединок лишь в самой малой степени зависит от приемов и физической силы. Гораздо больше он зависит от точного расчета и желания поразить соперника. Если вы более или менее представляете себе, когда именно сокращать дистанцию и наносить удар, ваши шансы уже достаточно высоки. Однако правильный настрой еще важнее. Никакие приемы на свете не помогут вам, если вы не испытываете острого желания надрать ублюдку задницу.

Серое Привидение отшатнулось, а я тем временем подставил ему ножку. Оно упало. Я принялся колотить его ногой по спине и ребрам, а потом, сместившись немного, врезал ему каблуком своего тяжелого башмака по кумполу. В общем, я не давал ему ни секунды передышки: сумей оно провести еще хоть одну магическую атаку, и оно справилось бы со мной с той же легкостью, что и с сэром Стюартом. Поэтому я продолжал молотить его, преимущественно по башке.

— На помощь! — заорало Серое Привидение.

Блеснула голубая вспышка, и в грудь мне ударило что-то вроде шара-бабы, которыми сносят стены, только сделанного не из чугуна, а из пенопласта. Тем не менее удар отшвыр-

нул меня назад, сквозь ту же самую машину (блин-тарарам, ох!), и я приземлился на спину. В глазах плавали звезды, и я не мог ни ахнуть, ни вздохнуть.

Ближайший дух уставился на меня своими пустыми глазами, и я поспешно поднялся на ноги. Оглянувшись, я увидел, что Серое Привидение тоже уже на ногах и взгляд его горящих зеленым пламенем глаз обратился на меня.

В воздухе перед ним парил... Уж не череп ли?

Череп, в пустых глазницах которого полыхал холодный синий огонь.

— Да вы надо мной издеваетесь, — пробормотал я. — Боб?

— Ты! — прошипело привидение, и руки его вытянулись, превратившись в огромные хищные клешни.

«Щелк!» — взвел сэр Стюарт курок своего пистолета.

Серое Привидение взвыло от досады и распалось на тысячу крошечных клочков тумана. Череп исчез вместе с ним. Полоски тумана свились в миниатюрный смерч и унеслись прочь по улице, оставив за собой сотню выкликавших разного рода проклятия голосов.

Я огляделся по сторонам. Последние духи умирали или бежали с поля боя. Защитники дома — в большинстве своем раненые, истекающие эктоплазмой и мерцающими воспоминаниями, — оставались на своих рубежах. Сэр Стюарт одной рукой зажимал рану в боку, а в другой держал пистолет, нацеленный в место, где только что было Серое Привидение.

— Эххх, — произнес он и, убедившись, что бой окончен, осел на землю. — Черт подери. Отметина останется.

Я подошел к нему.

— Вы в порядке, старина?

— Ничего, парень. Ничего. И кой черт вы пытались сделать? Угробить себя?

Я обиженно насупил:

— Ну вы даете. Рад, что сумел вам помочь.

— Вы были на волосок от гибели. Еще секунда, и эта тварь вас бы на клочки разнесла.

— Еще секунда, и вы все равно вогнали бы ему пулю в башку, — возразил я.

Вместо ответа сэр Стюарт нацелил пистолет на меня и спустил курок. Кремень высек сноп искр, но, если не считать этого, ничего не произошло.

— Вы что, блефовали? — не выдержал я.

— Ну, — утвердительно кивнул сэр Стюарт. — Этот пистолет, сынок, заряжается со ствола. Его надо перезаряжать, как и подобает истинному оружию. — Он как бы невзначай протянул руку к последним клочкам поверженного духа, и мерцающие клочки воспоминаний, всплывшие от них, всосались в кончики его пальцев. Впитав последнее воспоминание, сэр Стюарт вдохнул и тряхнул головой; похоже, хотя бы часть сил он восстановил. — Что ж, сынок, отлично. Помогите-ка мне встать.

Я помог. Часть тела сэра Стюарта — правый бок — сделалась чуть прозрачнее, и при движении становилось заметно, что это причиняет ему боль.

— Они скоро вернутся? — спросил я.

— Завтра вечером, если мои расчеты верны, — ответил он. — С подкреплениями. Давеча ночью их вели четверо лемеров. Сегодня было уже шесть. И еще этот седьмой... — Он тряхнул головой и принялся заряжать пистолет из рожка, висевшего у него на поясе. — Я знал, что они накапливают силы, но даже не подозревал, что задействуют заклинателя. — Он закончил возиться с пистолетом, повесил рожок обратно на пояс и повернулся ко мне. — Передай-ка мне топор, сынок.

Я поднял топор с земли и протянул ему. Он сунул рукоять в петлю на поясе и кивнул:

— Спасибо.

Откуда-то сзади послышался протяжный скрежет, и я оглянулся.

Коренастый мужчина в темном свитере с капюшоном и поношенных джинсах держал в руках длинную фомку. Сунув ее еще раз в щель между дверью и косяком, он налег на нее. Снова послышался скрежет, и дверь распахнулась.

Не задумываясь ни секунды, сэр Стюарт выстрелил. Остальные защитники дома тоже открыли огонь. Шквал призрачных энергий обрушился на мужчину и беспрепятственно прошел сквозь него. Блин, парень, похоже, ничего даже не заметил.

— Смертный, — выдохнул сэр Стюарт. Он сделал шаг, охнул от боли и, стиснув зубы, схватился за бок. — Дрезден, — прохрипел он. — Смертного мне не остановить. Я ничего не могу с ним поделать.

Незнакомец перехватил фомку в левую руку, а правой достал из-под свитера тупорылый револьвер.

— Ступай! — рявкнул Стюарт. — Предупреди Мортимера. Помоги ему!

Я зажмурился. Мортимер не оставил никаких сомнений в том, что не желает иметь со мной дела, — и какая-то сохранившаяся с детства часть меня твердила, что это в общем-то не лишено справедливости. Однако другая, более разумная часть настаивала на том, что без Морти мне никак не связаться ни с одной живой душой в этом городе. Так я могу и не найти своего убийцу. Я даже не сумею защитить своих друзей.

И еще одно. Я не могу позволить, чтобы кто-либо вламывался к моим друзьям, чтобы укокошить их. Вот не могу, и все тут.

Я хлопнул Стюарта по плечу и бросился обратно в дом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вооруженный тип изрядно меня опередил, но у меня имелось преимущество, которым не обладал он. Я хорошо представлял себе планировку дома и знал, где схоронился Морти.

Ба! А еще я мог проходить через гребанные стены.

Ну конечно, будь у меня выбор, я предпочел бы выступать в роли Колосса, а не Кити Прайд. Однако приходится довольствоваться тем, что дают, и уж способности хотя бы какого-то из Людей-Икс гораздо лучше, чем ничего. Ведь так?

Я стиснул зубы, проснулся сквозь стену к Морти на кухню и бегом ринулся в кабинет, опережая типа с пистолетом на каких-то несколько шагов.

— Морти! — заорал я. — Морти, на этот раз они взяли с собой смертного убийцу! По вашему дому рыщет вооруженный тип!

— Что? — послышался голос Мортимера из-за укрепленной от призраков двери. — А где Стюарт?

— Черт подери, Морти, он ранен! — выдохнул я.

Последовала короткая пауза.

— Как это вышло? — спросил явно обескураженный Морти.

Запас моего терпения иссякал прямо-таки стремительно.

— Чтоб вас, Морти! Вы что, меня не слушали? У вас в доме гребаный убийца!

— Что?

На сей раз в его голосе прозвучало неподдельное беспокойство.

Тип с пистолетом услышал, как Морти мне отвечает, и подбежал к двери кабинета. Для своей внушительной комплекции он двигался на редкость легко. Теперь я смог наконец разглядеть его получше. Какой-то он был весь оборванный, невымытый — и его одежда, и он сам. От него разило настолько, что это ощущал даже я в своем, так сказать, состоянии. Судя по дикому блуждающему взгляду, пьянчуга не привык находиться в таком окружении. Это, впрочем, никак не сказывалось на руке, в которой он держал пистолет — большой, полуавтоматический.

— Морти! — рявкнул я. — Он сейчас как раз подходит к двери в ваш кабинет! Слушайте, приготовьте свой пистолет и держите его нацеленным на дверь! Я скомандую, когда стрелять!

— У меня нет пистолета! — пискнул Морти.

Я даже зажмурился:

— У вас... чего?

— Я эктомант, а не герой боевика! — Я услышал, как он мечется по кабинету. — Э... черт, телефон перерезали.

Незнакомец негромко хохотнул:

— За тобой кое-кто охотится, приятель. — Голос звучал глухо, гнило как-то, словно обладатель его давным-давно умер. — Так приказано. Ступай со мной, и тебе не будет больно. Или оставайся здесь — и будет.

— Дрезден! — окликнул меня Морти. — Что мне делать?

— Ага, вот теперь вы готовы со мной говорить, — хмыкнул я.

— Так ведь это вы знаете все это дерьмо насчет драк! — взвизгнул Морти.

— Начинаю отсчет, — произнес тип с пистолетом. — Пять...

— Для того чтобы выжить в драке, нужно быть к ней готовым! — крикнул я в ответ. — Ну, например, держать у себя пистолет.

— Завтра же куплю!

— Четыре...

— Морти, наверняка есть что-нибудь, что вы можете сделать, — настаивал я. — Блин-тарарам, вот когда мне встречается какой уютно призрак, он обязательно пытается меня выпотрошить. И вы мне говорите, что ваши потусторонние приятели ничем не могут вам помочь?

— Так они же в своем уме, — возразил Морти. — Только сумасшедший призрак может пытаться взаимодействовать с физическим миром. Вменяемые призраки не разгуливают где попало и не ведут себя как психи.

— Три... — нараспев произнес незнакомец.

— Убирайтесь! — крикнул ему Морти.

— Наверняка я мог бы сделать что-нибудь! — взвыл я.

— Не я установил эти правила, — буркнул Морти. — Призрак может явить себя, только если он сошел с ума!

— Два! — выкрикнул незнакомец срывающимся от возбуждения голосом.

Я встал между ним и дверью и помахал руками вправо-влево, как если бы собирался отхлестать его по щекам.

— Буууу! — крикнул я.

Ничего не произошло.

— Похоже, надеяться особенно не на что, а? — обреченно произнес Морти.

— Один, — почти ласково произнес незнакомец, отступил на шаг назад и врезал по двери тяжелым башмаком. Ему потребовалось три удара, чтобы вышибить дверь вместе с рамой.

За дверью его уже поджидал Морти с клюшкой для гольфа в руке. Не промедлив и доли секунды, он с размаху опустил ее на голову незнакомца. Тот успел вскинуть руку, прикрываясь от удара, но инерции клюшки хватило, чтобы огреть его по лбу. Незнакомец отшатнулся на шаг-другой.

— Это все вы виноваты, Дрезден, — буркнул Морти, занося клюшку для нового удара.

Он врезал незнакомцу по груди, потом еще раз по руке. На этот раз тот успел перехватить удар, а другой рукой замахнулся, целя Морти в лицо. Удар достиг цели, и Морти полетел на пол.

Незнакомец ощупал кровоточащую шишку на голове и охнул — как-то слишком болезненно для в общем-то пустяковой травмы. Глаза его вновь округлились, он поднял пистолет и снова прицелился в коротышку.

Повинуясь исключительно инстинкту, я бросился между пистолетом и эктомантом. Однако на лету споткнулся об обломок заговоренной двери, потерял равновесие, приземлился прямым на Морти и...

...и провалился в его тело.

Окружающий мир мгновенно расцвел новыми красками, словно сменили пленку или убрали фильтры. В комнате царил темнота. Незнакомец с пистолетом возвышался над мной устрашающей громадой. Голос звучал так громко, что стало больно ушам. В ноздри ударил отвратительный запах немытого тела. Я увидел, как напрягся его палец на спусковом крючке, и выбросил вперед руку с растопыренными пальцами...

Короткую, пухлую руку в черном рукаве!

— *Defendarius!* — рявкнул я на ломаной латыни — древнее оборонительное заклятие, которому я научился еще у Джастина Дюморна, моего первого наставника. Магия вскипела во мне и, пронзив мою руку, вырвалась из нее в воздух — как раз когда ударил выстрел, потом другой, и еще раз, и еще. При каждом выстреле голова незнакомца дергалась от отдачи.

Пули высекали снопы искр из выросшей передо мной почти невидимой, чуть голубоватой плоскости и с визгом рикошетили во все стороны. Одна из них угодила в самого стрелявшего, и тот согнулся от боли, но жать на спусковой крючок не прекращал до тех пор, пока вместо выстрела не клацнул опустевший затвор.

Я почувствовал, как губы мои шевелятся сами собой.

— Пшел вон из меня! — прогремел голос Морти с силой и властью, каких я прежде от него не слышал.

Думаю, я не отлетел бы в сторону быстрее, даже если бы меня катапультировали пороховым зарядом. Я выскочил из тела Морти почти вертикально вверх, больно врезался башкой в потолок — судя по всему, Морти укрепил противопризрачным порошком и его — и примерно так же болезненно плюхнулся на пол, где и остался лежать, оглушенный на пару секунд.

Незнакомец, болезненно охнув, распрямился, подобрал выпавшую из пальцев Морти клюшку и шагнул к нему.

Морти пронзил его взглядом и заговорил все тем же властным тоном:

— Ко мне!

Я ощутил порыв невидимой силы, и мне пришлось даже сделать над собой усилие, чтобы не шагнуть в его сторону.

В выбитую дверь ворвались, словно затянутые невидимым смерчем, остальные призраки. С полдюжины индейцев влетели в Морти, и когда незнакомец замахнулся клюшкой, тот с индейским боевым кличем поднырнул под нее с ловкостью, неожиданной для человека его возраста и комплекции, перехватил незнакомца за запястье и опрокинулся назад, увлекая нападавшего за собой. Едва коснувшись спиной пола, он уперся пятками незнакомцу в живот и классическим приемом коренных американцев швырнул того спиной в стену.

Незнакомец встряхнулся, мутным взглядом обвел помещение и сделал попытку встать, но Морти стремительно пересек комнату и сорвал со стены висевший на ней старинный топор. Мой оглушенный мозг с запозданием отметил, что топор выглядит в точности как тот, которым орудовал сэр Стюарт, только древнее на пару столетий.

— Стюарт! — позвал Морти, и голос его отдался в моей грудной клетке эхом, словно исходил из мегафона с дополнительным усилением басов. Почти мгновенно в дверь влетела как бы увлекаемая порывом ветра фигура сэра Стюарта, пересекла комнату и нырнула в заметно уступавшее ей размерами тело Морти.

Незнакомец взмахнул клюшкой, но Морти легко блокировал удар рукоятью топора. По всем законам физики силы и массы незнакомца должно было хватить, чтобы опрокинуть коротышку на пол.

Но не хватило.

Морти удержал удар с мощью, какой можно ожидать от куда более крупного, сильного и молодого человека. А может, и нескольких. Секунд пять или шесть он, не шевелясь, сдерживал натиск незнакомца, потом быстрым движением выбил клюшку у того из рук. Незнакомец в ярости замахнулся кулаком, целя ему в лицо. Морти отбил удар обухом топора, а потом точным движением сунул тот же самый обух ему в зубы.

Оглушенный незнакомец отшатнулся назад, а Морти движениями опытного профессионала развивал атаку. Рукоять топора с резким хрустом врезала тому по колену, а потом топор плашмя достал падающего уже неприятеля по лицу. Снова послышался зловещий хруст, и незнакомец камнем повалился на пол.

Мортимер Линдквист, эктомант, настороженно пригнулся над телом поверженного противника; взгляд его напряженно шарил по комнате.

А потом он вздохнул. Стальной топор с мягким стуком опустился на пол. Помогавшие ему призраки по одному покидали его и почти сразу растворялись в воздухе. Только изрядно запыхавшийся сэр Стюарт задержался на некоторое время.

Морти тяжело осел на пол. Голова его устало свесилась с плеч, грудь тяжело вздымалась. На лысом затылке взбухли вены.

— Блин-тарарам, — выдохнул я.

Он поднял на меня усталый взгляд и пожал плечами.

— У меня никогда не было пистолета, — прохрипел он. — Так я, черт подери, и не думал, что он мне когда-нибудь понадобится!

— Давненько ты, Мортимер, этого не проделывал, — заметил сэр Стюарт, привалившись спиной к стене. — Я уж думал, ты разучился...

Морти вяло улыбнулся в ответ:

— Я тоже так думал.

Я нахмурился и тряхнул головой:

— Что это такое было? Одержимость? Ну, когда призраки принимают управление на себя?

— Нет, сынок, — фыркнул сэр Стюарт. — Если уж на то пошло, совсем наоборот.

— Не судите меня строго, Дрезден, — пробормотал оправдывающимся тоном Морти. — Я эктомант. Иногда мне приходится одалживать у призраков часть их знаний или умений. Но это я руковожу духами — не они мной.

— Как это вы справились с пистолетом? — с холодным любопытством профессионала поинтересовался Стюарт.

— Я... — Морти покачал головой и посмотрел в мою сторону.

— Магия, — вполголоса пояснил я. В башке слегка гудело, но складывать слова в законченные предложения я, пожалуй, все-таки мог. — Я типа влился в него... ну и выстроил щит.

Сэр Стюарт вскинул бровь.

— Гм, — только и сказал он.

— Мне на некоторое время понадобились ваши навыки, — все с тем же неловким видом пояснил Морти. — Весьма признателен.

— Да пустяки, — хмыкнул я. — Просто уделите мне пару часов вашего времени, и будем в расчете.

Пару секунд Морти молча смотрел на меня. Потом покачал головой:

— Вы здесь всего двадцать минут, Дрезден, а меня уже едва не прикончили. Господи, да неужели вы так и не поняли? — Он подался вперед. — Я не рыцарь. И не шериф Чикаго. Я не какой-нибудь обуреваемый жаждой смерти Дон, мать его растак, Кихот. — Он снова покачал головой. — Я трус. И меня это вполне устраивает.

— Но я ведь спас вам жизнь, дружище, — не сдавался я. Он вздохнул:

— Ага. Но... Типа я сказал ведь уже. Трус. Мне нечем вам помочь. Ступайте поищите своего Санчо Пансу где-нибудь в другом месте.

С минуту я сидел молча, ощущая себя ужасно усталым.

Когда я наконец поднял взгляд, на меня пристально смотрел сэр Стюарт. Потом он прокашлялся и заговорил таким менторским тоном:

— Не в моих привычках копаться в прошлом, но не могу

не напомнить, что ваша жизнь заметно переменялась к лучшему с тех пор, как вы познакомились с Дрезденом.

Лысина Морти слегка покраснела.

— Что?

Сэр Стюарт невозмутимо развел руками.

— Я только хотел сказать, что за это время вы заметно окрепли умением и духом. Когда вы познакомились с Дрезденом, вы вытягивали из людей деньги дешевыми сеансами, да и общаться с духами разучились, если не считать меня.

Морти испепелил сэра Стюарта взглядом.

— Эй, дедуля! Когда мне понадобится ваше мнение, я за ним обращусь.

Улыбка сэра Стюарта сделалась чуть шире.

— Разумеется.

— Я помогаю духам обрести покой, — настаивал Морти. — Я не делаю ничего такого, от чего меня разнесет на клочки. Я, можно сказать, всего лишь глас духов, не более того.

— Послушайте, Морти, — вмешался я. — Если уж придерживаться чисто формальной точки зрения, я на текущий момент не совсем призрак...

Он снова закатил глаза.

— О Господи. Вот бы мне платили хотя бы по четвертаку за каждого призрака, являющегося ко мне с утверждением, что он не совсем призрак. Что он не такой, как другие...

— Ну... да... — промямлил я. — Но...

Он закатил глаза еще пуще.

— Но если вы не призрак, как тогда мы с вами общаемся таким вот образом? Как я смог изгнать вас из себя, а?

Я не нашелся что ответить. Пусть мой желудок и сделался нематериальным, но противное ощущение в нем чувствовалось вполне явственно.

Призраки — вовсе не копии людей, которых они отображают. Во всяком случае, не в большей степени, чем отображают следы, оставленные теми на земле. То есть внешнее сходство, конечно, имеется, но в общем и целом призрак — это всего лишь воспоминание, впечатление, оставленное умершим. Призраки могут обладать чертами характера, эмоциями, памятью, и все же это не те люди, что их оставили.

Когда человек, умирая, оставляет за собой призрака, это означает, что часть его жизненной энергии сохранилась, сформировав новое существо, схожее с первоисточником сознанием, а часто и физической внешностью.

Разумеется, из этого следует также, что они наследуют и многие из людских недостатков. Страсть. Ненависть. Безумие. Если то, что Морти говорил насчет взаимодействия духов с материальным миром, правда, значит, все классические истории о призраках относятся только к тем незадачливым духам, которые сломались, тронулись рассудком. Однако в подавляющем большинстве своем призраки всего лишь нематериальны, пусть они и скорбят по утраченному, но с материальным миром не взаимодействуют никак.

Но я-то ведь вовсе не похож на такую тень-самообманщицу.

Ведь правда?

Я покосился на сэра Стюарта.

Тот пожал плечами.

— Большинство нас, теней, неохотно признаются себе в том, что они не совсем те, какими были при жизни, — мягко произнес он. — И это даже в случаях, когда они понимают, что они уже призраки. Занимающиеся самообманом тени встречаются чаще, чем такие, которые этим не страдают.

— То есть вы хотите сказать, что... — Я взъерошил пятерней волосы. — Вы хотите сказать, что все эти туннели с далеким светом в конце, вся эта моя миссия существуют только в моем сознании? Что я просто не хочу признать, что превратился в призрака?

Солдат-призрак неопределенно махнул рукой, и его британский акцент сделался еще заметнее:

— Я всего лишь хочу сказать, что все это вполне вероя... миссия? Что еще за миссия? О чем это вы толкуете?

Пару секунд я молча смотрел на него, а он — на меня.

— Насколько я понимаю, — предположил я наконец, — вы не смотрели «Звездные войны».

Сэр Стюарт снова пожал плечами:

— Я полагаю кинокартины изрядно преувеличенными и навязчивыми, практически не оставляющими зрителям возможности мыслить самостоятельно.

— Ну так я и знал, — вздохнул я. — Вы устарели на две эпохи, чтобы обозвать вас Три-пи-о.

Он даже зажмурился.

— Чего?

— Господи! — простонал я. — Теперь мы сползаем в дешевую сценку из Монти Пайтона. — Я снова повернулся к Морти: — Послушайте, Морти, там, по ту сторону, меня встретил Джек Мёрфи и послал меня обратно — выяснить, кто меня убил. То есть он много чего говорил, но в основном это сводилось к «мы тебе все равно не можем ничего объяснить, так что просто делай как сказано».

С минуту Морти опасно косился на меня... То есть на мою нематериальную оболочку. Потом вздохнул:

— Вам кажется, что вы говорите мне правду.

Все это начинало меня раздражать.

— Нет! — отрезал я. — Я просто говорю правду.

— Уверен, вы так считаете, — кивнул Морти.

Я почувствовал, что терпение мое вот-вот лопнет.

— Если бы я не проходил через вас насквозь, с удовольствием расквасил бы вам сейчас ваш чертов нос.

Морти вспыхнул и обиженно стиснул зубы.

— Да, правда? Валяйте попробуйте. Уж я-то надеру вашу бестелесную задницу.

Сэр Стюарт нетерпеливо кашлянул, словно и ему осточертело слушать эту белиберду.

— Мортимер, Дрезден только что бился бок о бок с нами, защищая ваш дом, а потом поспешил сюда, чтобы спасти вашу жизнь.

Тут до меня наконец дошло, и я усталился на сэра Стюарта.

— Вы ведь могли и сами войти, да? — спросил я. — Вы и без меня могли помочь Мортимеру отбиться от нападавшего. Но вы хотели посмотреть, как я поведу себя в критической ситуации. Устроили проверку.

Сэр Стюарт улыбнулся:

— Можно сказать и так. Разумеется, я не мог позволить вам причинить Мортимеру никакого вреда, поэтому был готов прийти на помощь, буде он позовет. Но и узнать побольше о вас тоже не мешало. — Он повернулся к Мортимеру. — Этот парень мне по душе. И его прислал Джек Мёрфи.

Мы с Морти оба уставились на сэра Стюарта, забыв о своей конфронтации.

— Это начальник отдела «Черная Кошка», — пояснил Мортимеру Стюарт. — Погиб на боевом посту. К нам время от времени являются свежие духи, которых он выдернул из всякого рода неприятностей. И уж его-то безмозглым дураком никто не назовет.

Морти старательно избегал встречаться взглядом с сэром Стюартом.

Он скептически хмыкнул:

— Или, может, призрак Джека Мёрфи еще более безмозглый, чем остальные. Может, у него просто талант подогревать иллюзии других призраков?

— Блин-тарарам, Морти! — не выдержал я. — Сейчас вы договоритесь до того, что я вообще с его призраком не встречался. Что мне померещилось, будто я сделал так, чтобы ему померещилось, будто он сделал так, чтобы все это мне померещилось.

Сэр Стюарт негромко фыркнул:

— Справедливое замечание.

— Это ничего не меняет, — буркнул Морти. — Проверить все равно невозможно...

— А вот и не так, — перебил сэр Стюарт. — Призовите его. Если он и впрямь еще одна заблуждающаяся тень, это проще простого.

Морти не поднимал взгляда. Но и сдаваться не собирался.

— Я не буду беспокоить Джека. — Он посмотрел-таки на меня и собрался с духом. — Но даже если капитан Мёрфи настоящий, это еще не значит, что тень Дрездена разумна. Или не сошла с ума.

— А вы просто допустите возможность, что это не так, — посоветовал сэр Стюарт. — Тут дело не совсем обычное.

Морти мгновенно наострил уши.

— Необычное?

— Энергия. Жизненные силы. — Сэр Стюарт пожал плечами. — Возможно, это мне лишь кажется. Но даже если так...

Морти со вздохом повернулся к призраку:

— Вы ведь от меня не отстанете, нет?

— На следующие пятьдесят или шестьдесят лет у меня ничего особенного не намечено, — беззаботно ухмыльнулся сэр Стюарт. — Любое развлечение придется кстати. Даже если всего на полчаса или около того.

Морти устало потер переносицу и закрыл глаза.

— О Господи...

Сэр Стюарт ухмыльнулся шире:

— Примите в расчет и еще одно обстоятельство.

— А?

— Сегоднешнее нападение оказалось ожесточеннее прежних. Мы потеряли больше защитников. И тварь, что за этим стоит, показалась сама. — Он продемонстрировал свой все еще полупрозрачный бок. — Я не смогу сдерживать их до бесконечности, Мортимер. А участие в этом смертного немника говорит нам о двух вещах.

— Об одной, — поправил я его. — О том, что Серый Призрак достаточно опасен, чтобы яшкаться со смертными.

— О двух, — настаивал сэр Стюарт. — Эта тварь охотится на вас. Лично.

Морти поперхнулся.

Я встал и проковылял посмотреть на лежавшего неподвижно незнакомца. Тот негромко застонал.

— Самое время подружиться, — с серьезным видом заметил Стюарт. — Вы до сих пор живы исключительно благодаря Дрездену. И у него в этом городе есть еще союзники, которые могли бы помочь вам... если их попросят.

— Вам-то хорошо говорить, — неуверенно пробормотал Морти.

— Бывало и хуже, — вздохнул сэр Стюарт. — Возможно. Однако же враг вряд ли даст мне передышку перед новой атакой. Вам нужна помощь Дрездена. А он просит вашей. — Лицо его посуровело. — И я тоже.

Незнакомец снова застонал и пошевелился.

На лбу у Морти выступили капли пота. Он покосился на лежавшего незнакомца, поспешно вскочил на ноги, повернулся ко мне и кивнул:

— Ладно, Дрезден. Я помогу. Но вы за это попросите своих союзников взять меня под охрану.

— Договорились, — сказал я и посмотрел на сэра Стюарта. — Спасибо.

— Час, — заявил Морти. — Даю вам один час.

— Идет, — кивнул я.

— Идет, — эхом отозвался он, похоже, обращаясь больше к самому себе. — Ну, я ведь не собираюсь вступать в Совет или чего такого, правда? Всего только час. Что может случиться за какой-то там час?

Тут я окончательно удостоверился в том, что Морти не врал, когда говорил, что не герой.

Герои гораздо лучше умеют держать Вселенную в узде.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Машина у Морти оказалась гибридная — ну, один из этих маленьких игрушечных автомобильчиков, которые могут ездить когда на бензине, а когда на честном слове. Сделали ее, судя по всему, из упаковочной бумаги, изоленты, а еще снабдили компьютером, который запросто смог бы рулить национальной системой аэрокосмической обороны, и у него хватило бы памяти, чтобы играть при этом в классики. Или, скажем, в ядерный апокалипсис.

— Пожалуй, к лучшему, что я умер, — буркнул я, забираясь в машинку сквозь закрытую дверь. — Если бы я еще дышал, я бы сильно опасался здесь за свою молодую жизнь. Это же не машина, а яйцо. И не нормальное, надежное, сваренное вкрутую. А самое что ни на есть хрупкое.

— И это говорит тип, который десять лет без перерыва гонял на родном брате деревянной машины из «Флинстоунов», — огрызнулся Морти.

— Джентльмены, — вмешался Стюарт, с опаской устранившись на крошечном заднем диванчике, — скажите, у вас имеется реальный повод быть недовольными друг другом, или же вам просто доставляет детское удовольствие говорить колкости?

Теперь, когда бой остался позади, манеры сэра Стюарта снова сделались церемонными, как и подобало в его родную

эпоху. Кстати, подумал я, над этим стоит поразмыслить. Офицер колониальных войск явно происходил не из «хорошего общества». Казенное, архаичное построение фраз, явно усвоенное им за годы карьеры, мгновенно улетучивалось в горячке боя.

— Ладно, Дрезден, — буркнул Морти. — Куда? — Он отворил дверь гаража и высунул голову под снег. Тот теперь шел еще гуще. Вообще-то в Чикаго хорошо убирают снег в зимнее время... но, черт подери, месяц-то был май!

Судя по высоким, слежавшимся сугробам, холодная не по сезону погода явно застала город врасплох. Проезжую часть покрывал толстый, в несколько дюймов, слой свежего снега. По крайней мере перед домом Морти очиститель не проезжал со вчерашнего дня. Стоит маленькому гибриднему автомобильчику наехать на скользкий участок, и его закрутит, как корову на льду.

Я попробовал прикинуть в голове план города. Я испытывал легкие уколы совести от того, что заставлял Морти выезжать в такую погоду, — даже с учетом того, что он был жив и более или менее здоров. Я не простил бы себе, если бы с ним что-нибудь случилось, и просить его о чем-либо сверх совершенно необходимого было бы жестоко. Но погода явно ухудшалась, так что уложиться в отведенный им часовой лимит с каждой минутой становилось все труднее.

— К Мёрфи, — тихо произнес я и продиктовал адрес.

Морти хмыкнул:

— Которая в полиции работала, да?

Я кивнул. Мёрфи дождалась-таки, что ее вышибли с работы после очередного прогула ради помощи мне. Она знала, на что идет, и сама сделала этот выбор, но все равно я испытывал острое чувство вины. Даже смерть этого не изменила.

— Она девушка проницательная. Никто в городе, наверное, не провернет этого лучше, чем она.

Морти хмыкнул еще раз и вырулил на улицу. Вел он медленно, осторожно. Выражение лица он тоже сохранял осторожное, непроницаемое.

— Морти! — не выдержал я. — Чего вы не договариваете?

— Я вообще-то машину веду, — буркнул он.

Я негромко зарычал, но сдержался и покосился через плечо на сэра Стюарта.

— Ну?

Сэр Стюарт не спеша полез в карман своей шинели и извлек оттуда короткую трубку. Он насыпал в нее что-то из кисета, чиркнул длинной старомодной спичкой и выпустил облачко дыма. Дым всплыл вверх и, коснувшись потолка салона, осел на нем тонким слоем блестящей эктоплазмы — субстанции, в которую обращается материя потустороннего мира, становясь материальной.

— Послушать его, — произнес он наконец, мотнув головой в сторону Морти, — весь мир за последние несколько месяцев съехал с катушек. Хотя должен признать, в моем представлении это выглядит примерно так же. Везде сплошной дурдом — с самого появления этих ваших компьютеров.

Я фыркнул:

— Так что изменилось?

— Говорят, вы уколошили всю Красную Коллегию вампиров, — сказал сэр Стюарт. — Это правда?

— Они похитили мою дочь, — ответил я. Я пытался говорить спокойно, но все равно это прозвучало как сквозь зубы. Я даже не знал о существовании Мэгги до тех пор, пока Сьюзен Родригес не вынырнула из ниоткуда после долгих лет отсутствия и не попросила о помощи — спасти дочь. Я готов был пойти на все, только бы вернуть девочку.

Я поежился. Я... мне пришлось много чего совершить, чтобы вырвать Мэгги из лап Красной Коллегии. Такого, о чем и вспоминать не хочется, не то что гордиться. Мне и в страшном сне не могло привидеться того, что мне пришлось совершить.

Воспоминание о горячей крови, хлынувшей из перерезанного горла, из-под самых моих пальцев, оказалось таким ярким, что мне пришлось на секунду-другую низко наклонить голову, отгоняя его прочь. Мэгги... Чичен-Ица... Красный Король... Сьюзен...

Кровь Сьюзен повсюду...

Пришлось сделать над собой усилие, чтобы ответить сэру Стюарту:

— Не знаю, что вам рассказывали. Я просто пошел и вернул свою девочку... и отдал ее в хорошие руки. Но прежде чем это случилось, погибли ее мать и чертова прорва вампиров.

— Все до одного? — допытывался сэр Стюарт.

Я помолчал и лишь потом кивнул:

— Возможно. Угу. То есть я сам не знаю наверняка. Быть может, самых младших заклятие и пощадило — я ведь точной формулировки заклятия не знаю. Но те ублюдки, что находились вокруг меня, погибли точно. А заклятие составлялось так, чтобы очистить мир от того рода, на которое его нацелили.

Морти за рулем издал неопределенный звук.

— Но... Я хочу сказать, не могло выйти так, что Белый Совет не одобрит этого? В смысле убийства с помощью магии, а?

Я пожал плечами:

— Красный Король собирался использовать заклятие на восьмилетней девочке. Если Совету не нравится то, каким образом я помешал этому совершиться, они могут поцеловать меня в нематериальную задницу. — Я невольно усмехнулся. — И потом, я же вампиров с помощью магии убил, не людей. И что они вообще могут со мной сделать? Голову отрубить? Так я и без того мертв.

Я заметил, что Морти переглянулся со Стюартом в зеркале заднего вида.

— За что вы на них так злы, Гарри? — спросил меня Морти.

Я хмуро покосился на него, потом на Стюарта.

— С чего это мне все время кажется, что мне лучше пойти прилечь?

— Тень образуется тогда, когда осталось незавершенным что-то важное, — объяснил сэр Стюарт. — Часть нашей работы здесь заключается в том, чтобы понять, что именно так сильно привязывает вас к жизни. А для этого приходится задавать вопросы.

— Чтобы я мог спокойно проследовать дальше по назначению? Или куда там?

— Скорее, чтобы меня оставили в покое, — буркнул Морти.

— Что-то вроде того, — поспешно вмешался сэр Стюарт, пока я не успел дать Морти отповедь.

Я внимательно посмотрел на него, потом на Морти.

— Так чем вы занимаетесь? Покоите духов с миром?

Морти пожал плечами:

— Если бы хоть кто-то этим не занимался, на городских кладбищах скоро бы не хватило места.

Некоторое время я размышлял над его словами.

— Тогда как, — спросил я наконец, — вам не удалось упокоить сэра Стюарта?

Морти не ответил. Неуютное у него вышло молчание — жесткое какое-то, колючее.

Сэр Стюарт подался вперед, положил руку Морти на плечо, пожал несильно и вернулся на место.

— Случается такое, чего уже не исправишь, — объяснил он мне. — Никто не сможет. Вся королевская конница, вся королевская рать...

— Вы заперты здесь? — тихо предположил я.

— Будь я заперт, я бы до сих пор полагал, что я настоящий живой сэр Стюарт. Но это не так. Я всего лишь его тень. Можно, наверное, полагать это незадачей. — Он покачал головой. — Но я предпочитаю смотреть на это с другой стороны: я полагаю себя тем, кто сотворен специально для такого существования. У меня есть причины быть тем, кто я есть, здесь и сейчас. Многие ли из тех, что во плоти, могут похвастаться тем же?

Я хмуро уставился в летевшую нам навстречу заснеженную дорогу.

— И какова ваша миссия? Приглядывать за этим лузером?

— Эй! — возмутился Морти. — Я здесь и все слышу.

— Я помогаю другим заблудшим духам, — ответил сэр Стюарт. — Помогаю им, скажем так, разобраться. Помогаю не сойти с ума, если судьба их стать манами. А если их удел превратиться в лемура, помогаю им обратиться в ничто.

Я все так же хмуро оглянулся на сэра Стюарта.

— Ну... это вроде как-то банально.

— В некотором смысле — да, — невозмутимо согласился он.

— Так, значит, вы — из числа манов, так? Вроде древнеримской тени предков?

— С этим не все так просто, Дрезден, — хмыкнул он. — Ваш Белый Совет славится любовью навешивать ярлыки. Кстати, они ведь ведут свою историю от Древнего Рима?

— Угу, — подтвердил я.

Он кивнул:

— Вот они — подобно римлянам — и любят раскладывать по полочкам абсолютно все, до последней, никого не волнующей мелочи. А правда в том, что мир неупокоенных духов плохо поддается классификации. — Он пожал плечами. — Я обитаю в Чикаго. Я защищаю дом Мортимера. Я то, что я есть.

Я хмыкнул и некоторое время молчал.

— Так вы обучаете духов-новичков? — спросил я наконец.

— Разумеется.

— Тогда можно задать вам несколько вопросов?

— Сколько угодно.

— Ну, понеслась... — буркнул Морти.

— Ладно, — кивнул я. — Я дух, и я у вас новичок. И вроде как могу проходить почти сквозь что угодно — например, сквозь дверцу этой машины.

— Можете, — подтвердил сэр Стюарт с легкой улыбкой.

— Тогда почему моя задница не проваливается сквозь сиде...

Я осекся, испытав знакомое уже ощущение прохода сквозь физическое тело; оно возникло в ягодицах и мгновенно пробежало вверх по спине. Задницу словно обожгло холодом, снег мгновенно забился под штаны, и я взвыл от неожиданности.

Сэр Стюарт явно знал, что произойдет. Он вскинул руку, ухватил меня за отворот плаща и бесцеремонно втащил обратно в машину, сунув на сиденье рядом с собой. Я сделал попытку уцепиться за подлокотник и спинку переднего кресла, на котором только что сидел сам, — с тем же результатом: мои руки прошли сквозь них насквозь. Я дернулся вперед, крутясь, словно попал в водяной поток, и на этот раз полетел в снег вперед физиономией.

Сэр Стюарт снова затащил меня обратно.

— Мортимер, — произнес он слегка раздраженным тоном.

Морти промолчал, но когда меня снова водрузили в кресло, сквозь пол машины я больше не проваливался. В зеркале заднего вида я увидел его ухмылку.

— Вы не проваливаетесь сквозь пол машины, поскольку на самом глубоком, подсознательном уровне принимаете этот пол как данность, — объяснил сэр Стюарт. — Вы совершенно убеждены в том, что такие иллюзии, как гравитация или плотность, реальны.

— Есть неувязочки, — возразил я.

Сэр Стюарт приподнял бровь.

Я вздохнул.

— Если я так верю в реальность иллюзий, как же мне удастся проходить сквозь стены? — поинтересовался я.

— Потому что на каком-то уровне сознания вы убеждены в том, что духам положено это делать.

Я насупился так сильно, что брови сошлись на переносице.

— То есть... вы хотите сказать, что я не проваливаюсь сквозь землю потому, что думаю, что так не положено?

— Скорее потому, что вы не думаете, что так положено, — ответил он. — И именно поэтому, стоило вам подумать о возможности противного, вы и провалились сквозь пол.

Я медленно покачал головой:

— А почему это не повторяется и дальше?

— Ну, пока что потому, что это не позволяет сделать Мортимер. Мой вам совет: не думайте об этом слишком много, — серьезно произнес сэр Стюарт. — С вас пока и своих забот хватит.

— Не, ну нельзя же ни о чем не думать! — возмутился я. — Ну-ка попробуйте не думать о розовых слонах, умоляю!

Сэр Стюарт расхохотался было, но охнул и схватился за раненый бок. Я видел, что ему больно, но улыбка так и не сходила с его губ.

— Обыкновенно на то, чтобы признать этот факт, уходит больше времени, — сказал он. — Конечно же, вы правы. И еще не раз случится такое, что вам будет казаться, будто вы не в состоянии повлиять на такие штуки.

— Почему? — устало спросил я.

На сэра Стюарта мой тон, похоже, не произвел особого впечатления.

— Через это проходит каждая новая тень. Но это минует.

— Тьфу, — вздохнул я. — Что ж... Зато с прыщами проблем нет.

Морти на водительском месте издевательски хихикнул.

Блин-тарарам. Терпеть не могу быть новичком.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дом достался Мёрфи в наследство от бабки, и построили его никак не меньше ста лет назад. Бабуля Мёрфи исто-вово увлекалась разведением роз. Сама Мёрфи любви к цветам не унаследовала, а потому прибегала к услугам на-емных садовников. Цветник в палисаднике не посрамил бы и особняка раза в четыре больше, но сейчас, укутан-ный снегом, производил довольно гнетущее впечатление. Голые, усеянные шипами ветви, подстриженные еще про-шлой осенью, скелетами торчали из-под снежного покры-вала.

Сам по себе дом невелик — типичный колониальный особнячок, одноэтажный, приземистый, крепкий и доволь-но уютный на вид. Его строили еще в те времена, когда спальня десять на десять футов не считалась зазорной для хозяев, а на кроватях спали по несколько детей. Въехав, Мёрфи обшила фасады сайдингом, поставила новые окна и утеплила стены, так что домик, похоже, готов был спокой-ненько простоять себе еще сотню лет.

На улице перед домом Мёрфи стоял низкий, дорогой черный седан, шины которого утонули в снегу на несколько дюймов. В этом квартале относительно дешевого жилья он выглядел не более естественно, чем колесница с карнавала на День святого Патрика с танцующими лепреконами на палубе.

Сэр Стюарт посмотрел на меня, на окружение и нахму-рился:

— Что-то не так, Дрезден?

— Тачка какая-то неправильная, — ответил я.

Морти оглянулся на меня, и я ткнул пальцем в черную машину.

Он изучающе посмотрел на нее и кивнул:

— Угу. Немного странно видеть такую в квартале вроде этого.

— А что? — удивился сэр Стюарт. — Нормальная машина, удобная. Автоматическая коробка...

— Дорогая, — пояснил я. — Такие в непогоду просто так на улице не бросают. Стоит раз проехать мимо машине, посыпающей дорогу песком с солью, и увидите, что станется с полировкой и краской. Поезжайте дальше, Морти. Вокруг квартала.

— Ну да, да, — раздраженно отозвался Морти. — Я же не идиот.

— Оставайтесь с ним, — попросил я сэра Стюарта.

А потом сделал глубокий вдох, вспомнил, что я бестелесный, и решительно сунул ноги сквозь пол машины. Ноги ушли в снег по щиколотку, а тело неприятно защемило, когда материальное тело машины проходило сквозь меня. Я собирался оставаться на месте, пока машина не проедет дальше, но как-то забыл о таких штуках, как скорость и инерция, поэтому кубарем покатился следом за машиной и остановился только тогда, когда врезался в сугроб перед соседним домом. Это оказалось болезненно, и я, лязгая зубами от холода, поспешно выбрался из сугроба.

— Н-нет, Г-гарри, — напомнил я себе, зажмурившись. — Эт-то в-все иллюзия. Это все твое сознание выстраивает, подобно твоим привычкам. Но ты вовсе не врезался в сугроб. Ты этого не можешь. И в снегу извлекаться тоже не можешь. И уж тем более не можешь промокнуть и замерзнуть.

Я сосредоточился на этой мысли, слегка напрягся, как делал раньше, призывая духа или призрака, потом открыл глаза.

Снег, облепивший меня с ног до головы, исчез. Я стоял рядом с сугробом совершенно сухой, кутаясь в свой кожаный плащ.

— Ну что ж, — заметил я сам себе. — Вот так-то лучше.

Я сунул руки в карманы и, не обращая внимания на продолжавший идти снег и ровный северный ветер, зашагал через розовый палисадничек бабули Мёрфи к двери. Поднявшись на крыльцо, я собрался было постучать, как проделывал это столько раз в прошлом.

И тут произошло сразу два события.

Во-первых, моя рука застыла, не коснувшись дерева. То есть так близко, что два листика писчей бумаги между костяшками пальцев и дверью вы, возможно, и просунули бы, но уже три — никак. А еще я услышал приглушенный, но вполне различимый звук соприкосновения, хотя, как сказал, до двери так и не дотронулся. Во-вторых, полыхнула вспышка, и что-то вроде электрического разряда пронзило мою руку, ударив в позвоночник и отшвырнув прочь с крыльца.

Несколько секунд я оглушенно лежал в снегу. Я попытался еще раз убедить себя в том, что все это мне только мерещится, однако ощущение реальности — настоящей, жесткой, неоспоримой, реальной реальности — оказалось сильнее. Не сразу, но я все-таки пришел в себя и сел. Еще некоторое время у меня ушло на то, чтобы сообразить: меня поразило нечто, специально запрограммированное, чтобы задерживать пытающихся проникнуть в дом духов.

Дом Мёрфи защищали обереги; его естественный порог использовался в качестве основы для других, более агрессивных систем защиты. И пусть от меня оставалась лишь тень моего прежнего «я», все же я был еще чародеем настолько, чтобы распознать свои собственные чертовы обереги — ну или по крайней мере чьи-то другие, очень на них похожие.

Дверь отворилась, и на улицу выглянула Мёрфи. Ростом она заметно ниже среднего, зато вылеплена из упругой стали. Свои золотые волосы со времени нашей последней встречи она постригла коротким ежиком, и та же решимость читалась в напряжении шейных мышц, в упрямо выставленном вперед подбородке. Одета она была в джинсы и клетчатую рубашу поверх синей футболки; в руке сжимала свой полуавтоматический пистолет.

От одного ее вида все внутри меня болезненно сжалось.

На меня разом нахлынул целый вал воспоминаний — начиная с первой нашей встречи по делу о пропавших без вести много лет назад. Я тогда работал ассистентом другого частного детектива, а Мёрфи — простым следователем. Все наши тогдашние споры и недопонимания, то доверие, что медленно, неохотно, но все-таки зарождалось между нами, — все это ударило в меня с силой тысячи пушечных ядер. Ну и, конечно, последняя наша встреча, когда мы стояли на палубе катера моего брата, стояли у грани, которую до сих пор не позволяли себе переступить...

— Кэррин, — окликнул я едва слышным шепотом.

Мёрфи едва заметно нахмурилась и продолжала стоять на морозе, напряженно шаря взглядом из стороны в сторону.

Взгляд ее скользнул по мне, не задержавшись. Она меня не видела. И не слышала. Мы теперь принадлежали разным мирам.

Осознание этого оказалось неожиданно болезненным.

Прежде чем я успел собраться с мыслями, Мёрфи снова закрыла дверь. Я услышал, как щелкнуло несколько замков.

— Полегче, дружище, — услышал я спокойный, негромкий голос сэра Стюарта. Он наклонился и ободряюще положил руку мне на плечо. — Не спешите подниматься. Это больно. По себе знаю.

— Угу, — пробормотал я, кашлянул и поморгал, стряхивая с ресниц слезинки (которые никак не могли быть реальными). — Почему?

— Я же говорил. Воспоминания здесь — все равно что жизнь. Жизнь и сила. Вид тех, кто был тебе дорог, пробуждает воспоминания столь сильные, каких не дано испытать смертному при жизни. К этому приходится привыкать.

Я охватил руками колени и опустил на них подбородок.

— Долго?

— Обыкновенно, — мягко произнес сэр Стюарт, — до тех пор, пока ты, кого ты любишь, сами не преставятся.

Я поежился.

— Угу, — повторил я. — Что ж, на такое у меня нет времени.

— У вас, Дрезден, вообще ничего нет, кроме времени.

— Но у троих моих близких его нет, — с горечью возразил я. — Они страдают, если я не сделаю все как надо. Если не найду того, кто меня убил. — Я зажмурился и несколько раз вдохнул-выдохнул. Воздуха я при этом в легкие не набирал. Мне вообще не нужно было дышать — только так, по привычке. — Где Морти?

— Ждет за углом, — ответил сэр Стюарт. — Подойдет сразу, как мы удостоверимся, что здесь безопасно.

— Чего? — возмутился я. — Так я, значит, теперь секретная служба этого трусишки? — Я встал наконец и покосился на дом. — Вы ничего угрожающего не заметили?

— Пока ничего, — ответил сэр Стюарт, — если не считать того подозрительного экипажа на улице.

— Ладно. Дом защищен берегами. Не знаю, рассчитаны они только на нематериальных нарушителей или смертному навредить тоже могут. Скажите ему, пусть не дотрагивается до дома. Во избежание.

Сэр Стюарт кивнул.

— Я обойду дом кругом. Вернусь с Мортимером.

Я пробормотал что-то в ответ и осторожно ощупал береги. Они оказались мощными, но... я бы сказал, уязвимыми. Свои береги я выстраивал как цельный, монолитный энергетический барьер. В эти тоже закачали уйму энергии, но казалось, я стою перед стеной высотой двенадцать футов, выстроенной из кирпичиков LEGO. Всякий, обладающий мало-мальскими магическими способностями, мог бы нащупать в этой оборонительной схеме слабое звено, которое можно было бы и одолеть. Конечно, это ослабило бы защиту, но не обрушило бы ее всю. Вот мои береги — те обрушились бы, потеряй хоть одна их часть свою целостность. Здесь же стена лишилась бы лишь некоторого количества кирпичиков.

Что ж, игроку из низшей лиги это давало определенные преимущества. Модульные береги проще строить да и ремонтировать удобнее. Разрушь кто-нибудь часть обороны, и остальные ее части быстро сомкнут ряды. Блин, да подобное заклятие наверняка обходится на порядок дешевле, и для него вам не нужно полноценного чародея из Белого Совета.

Но и отрицательные стороны у него тоже имеются. В мире хватает всякого, способного сквозь такой барьер прорваться, а после того как вас укокошат, вашему остывающему трупу уже будет безразлично, дорого или дешево обойдется ремонт.

И все же, черт подери, такая защита гораздо лучше, чем ничего. Основная схема явно базировалась на моих принципах, только немного подредактированных. Кто, интересно знать, проделал это с домом Мёрфи? И зачем?

Я повернулся и сошел с крыльца, чтобы заглянуть в окно. Ощущал я себя при этом самым что ни на есть вуайеристом, но все равно не знал, чем еще заняться до тех пор, пока не подойдет Морти, чтобы говорить за меня.

— С вами правда все в порядке? — спросил откуда-то из глубины дома мужской голос.

Я зажмурился, нахмурил брови, собираясь с мыслями, и ухитрился забраться на узенький выступ цоколя под окном, с которого смог наконец заглянуть поверх спинки стоявшего у окна кресла.

На диване в гостиной у Мёрфи сидел мужчина в черном костюме, накрахмаленной белой рубашке и черном в красную полоску галстуке.

Еще его отличали смуглая кожа — не африканская, скорее средиземноморская — и выбеленные перекисью волосы. А вот цвет его глаз я описал бы с трудом: что-то среднее между темно-медовым и сумахом; резкий изгиб носа напомнил мне клюв хищной птицы.

— Нормально, — отозвалась Мёрфи. Она стояла, сунув пистолет за пояс джинсов. Вообще-то «ЗИГ» — компактное девятимиллиметровое оружие, но по сравнению с миниатюрной фигуркой Мёрфи он казался большим и особенно опасным. Она скрестила руки на груди и смотрела на мужчину так, словно застучала его за каким-то особо отвратительным разбоем. — Я ведь просила вас, Чайлдз, не являться сюда без предупреждения.

— Привычка, — хмыкнул Чайлдз. — Если честно, я не брал в голову.

— А стоило бы, — заявила Мёрфи, дернув подбородком в направлении двери. — Вы ведь знаете, как обстоят дела.

Вы застали меня в напряженный момент. Запросто могла пальнуть в вас сквозь дверь.

Чайлдз сцепил пальцы на колене. Он не производил впечатления особенно крупного. Мускулатура не крепче средней, костяк тоже. Под пиджаком дорогого покроя с избытком хватило бы места для пушки любого калибра.

— Я совсем недолго у нынешнего работодателя. Но мне кажется, случись подобная неприятность, и последствия для вас могут оказаться очень и очень неприятными.

Мёрфи пожала плечами:

— Вполне возможно. С другой стороны, возможно, нам стоит начать убивать его людей и продолжать делать это до тех пор, пока цена общения с нами не окажется слишком дорогой и он не откажется от такого рода сотрудничества. — Она улыбнулась. Неуютная вышла эта улыбка, совсем-совсем ледяная. — Пусть у меня нет больше жетона, Чайлдз. У меня есть друзья. Очень даже особые друзья.

На некоторое время в комнате воцарилась напряженная тишина, угрожавшая вот-вот взорваться насилием. Пальцы Мёрфи как бы невзначай покачивались в паре дюймов от рукояти пистолета. Руки Чайлдза оставались сцеплены на колене. Выждав пару секунд, он вдруг улыбнулся и откинулся на спинку дивана.

— Последние несколько месяцев мы сосуществовали вполне неплохо. Не вижу смысла в том, чтобы это прекратилось по причине неважного настроения.

Мёрфи презрительно сощурилась:

— Главный мокрушник Марконе...

Чайлдз поднял руку:

— Прошу вас. Специалист по сложным ситуациям.

— ...не пошел бы на попятный так быстро, — продолжала Мёрфи так, как если бы он вообще не открывал рта. — Как бы ему при этом ни хотелось жить. Вот почему вы явились так рано. Вам что-то нужно.

— Рад, что вы наконец заметили очевидное, — отозвался Чайлдз. — Да. Мой работодатель послал меня к вам с вопросом.

Мёрфи нахмурилась:

— И он не хотел, чтобы кто-то другой слышал, как вы его задаете.

Чайлдз кивнул:

— Он опасался, что это может привести к нежелательным последствиям.

Несколько секунд Мёрфи пристально смотрела на него, потом возвела глаза к потолку.

— Ну?

Чайлдз в первый раз за все время блеснул зубами в улыбке. Мне на ум почему-то пришли черепа.

— Ему хотелось бы знать, доверяете ли вы Леди-Оборванке.

При этих словах Мёрфи напряженно выпрямилась. Она выждала пару секунд, сделала глубокий вдох, выдох — и только после этого подала голос:

— Что вы имеете в виду?

— Странные вещи начали твориться поблизости от некоторых мест ее шатаний. Причем такие, объяснения которым никто пока не находит. — Чайлдз пожал плечами; руки он все это время демонстративно держал на виду, поза оставалась непринужденной, расслабленной. — Так какая часть этого вопроса представляет собой сложность для вас?

Мёрфи чуть повела плечом, словно рука ее сама по себе раздумывала, не выхватить ли пистолет из-за пояса. Однако же она заставила себя сделать еще вдох-выдох, чтобы успокоиться.

— Что он предлагает мне за ответ на этот вопрос?

— Северный остров. И — предупреждая ваш вопрос — да, включая пляж.

Я даже зажмурился. Остров у гавани Бёнем-парка не считался особенно криминальной территорией, поскольку на нем не размещалось ничего, кроме парков, лугов и пляжа, излюбленного места семейного отдыха, — однако же «джентльмен» Джон Марконе, король преступного мира Чикаго и единственный простой смертный, которому позволили стать участником Неписаного Договора, не делился территорией за просто так. Не бывало такого.

Глаза у Мёрфи тоже чуть округлились — в голове ее явно прокручивались те же мысли, что у меня. Хотя, если уж быть

совершенно честным, мне показалось, что она сделала выводы на доли секунды раньше, чем это удалось мне.

— Если я соглашусь на эти условия, — осторожно заметила она, — я должна иметь наши стандартные гарантии не позже понедельника.

Лицо Чайлдза не выражало ровным счетом никаких эмоций.

— Заметано.

Мёрфи кивнула и секунду-другую сосредоточенно смотрела себе под ноги, явно собираясь с мыслями.

— На этот вопрос нету простого ответа, — произнесла она наконец.

— Простые ответы вообще редкость, — философски заметил Чайлдз.

Мёрфи провела рукой по своему ежику и подняла взгляд на Чайлдза.

— Пока она работала с Дрезденом, — произнесла она, — я бы, не колеблясь, ответила утвердительно.

Чайлдз кивнул.

— А теперь?

— А теперь... Дрезден исчез. И она вернулась из Ицы сильно изменившейся, — ответила Мёрфи. — Возможно, это все посттравматический стресс. А может, и что-то другое. Но она изменилась.

Чайлдз склонил голову чуть набок.

— Так вы ей не доверяете?

— Я не отключаю своих оберегов в ее присутствии, — сказала Мёрфи. — Вот мой ответ.

Тип с выбеленной перекисью шевелюрой обдумал ее слова и снова кивнул:

— Я передам это своему работодателю. Остров будет очищен от его интересов к понедельнику.

— Вы даете мне слово?

— Уже дал. — Чайлдз поднялся с грацией ленивого хищника. Для смертного — если он, конечно, смертный — его должна была отличать убийственная скорость. И легкость профессионального балетного танцовщика. Хотя я сомневался, что в кармане его пиджака лежат балетные туфли.

— Все, пошел. Будьте добры, известите меня в случае, если узнаете что-либо еще по теме нашего разговора.

Мёрфи кивнула, так и не убирая руки от пистолета, и проводила Чайлдза взглядом до двери. Чайлдз отворил ее и шагнул на крыльцо.

— Не забывайте, — негромко произнесла Мёрфи, — что мое доверие или недоверие не отменяет того факта, что она одна из моих. Если мне хоть на мгновение покажется, что в результате нашего разговора Молли Карпентер причинен какой-либо вред, наша договоренность будет расторгнута, и мы переходим непосредственно к отстрелу. Начиная с вас.

Чайлдз легко повернулся на каблуках, с улыбкой сложил пальцы пистолетиком, нацелил их на Мёрфи, сделал губами «пух-х» и, довершив разворот на все триста шестьдесят градусов, вышел.

Мёрфи подошла к окну, у которого я стоял, и смотрела, как Чайлдз идет по снегу к большому седану и садится в него. Напряжение ее не спадало до тех пор, пока машина не вырулила на дорогу и не скрылась из виду.

Потом она низко опустила голову, опершись на подоконник, и провела рукой по лицу.

Я поднял руку, повторяя ее движение; я старательно избегал касаться негромко гудящих обочин. Размах рук у Мёрфи раза в два меньше моего. Плечи ее вздрогнули.

Она тряхнула головой, выпрямилась, несколько раз поморгала, и лицо ее приняло обычное для копа нейтральное выражение. Мёрфи отвернулась от меня, подошла к дивану и уселась там, подобрав под себя ноги. Очень она казалась крошечной — совсем ребенок, — только морщинки на лице выдавали ее возраст.

Мой взгляд уловил беззвучное движение — и небольшой серый горный лев с надорванным ухом и обрубком хвоста, запрыгнув на диван, устроился рядом с Мёрфи. Она прижала кота к себе и так и сидела, поглаживая серый мех.

При виде Мистера на глаза мне навернулись слезы. Мой кот. Когда чета вампиров, Ээбы, сожгли мою старую квартиру, я знал, что Мистеру удалось спастись от огня, но не имел ни малейшего представления о том, что случилось с ним дальше, — меня застрелили прежде, чем я успел вер-

нуться на пожарище. Мистер был моим жильцом, а возможно, и настоящим хозяином квартиры с тех пор, как я приехал в Чикаго. Веса в нем добрых тридцать фунтов, и он полон кошачьей надменности. При всем при том он всегда демонстрировал свое присутствие, когда я пребывал в раздразе, давая мне шанс понизить кровяное давление, глядя его или уделяя ему внимание каким-нибудь другим образом. Уверен, сам он считал это едва ли не божественной милостью.

Кошки — они такие.

Не знаю, сколько я простоял так у окна. Очнулся я, когда рядом со мной возник сэр Стюарт.

— Дрезден, — шепотом произнес он. — С юго-востока приближаются несколько созданий.

— То, что вас прежде не называли Три-пи-о, мало что меняет, сэр Стюарт.

Он поморгал, уставившись на меня, потом тряхнул головой и взял себя в руки.

— Их там с полдюжины, и столько же машин.

— О'кей. Скажите Морти, пусть не выходит из машины, пока я их не идентифицирую, — сказал я. — Но мне кажется, ему ничего не угрожает.

— Ничего? — удивился призрак. — Вы что, их знаете?

— Пока не уверен, — мотнул головой я. — Сейчас увидим.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Десять минут спустя я стоял и, мурлыча себе под нос незатейливый мотивчик, наблюдал за собравшимися в гостиной у Мёрфи людьми. Сэр Стюарт стоял рядом и не без любопытства прислушивался.

— Прошу прощения, чародей, — заметил он, — но что это за мелодию вы пытаетесь исполнить?

Я изобразил губами звук фанфар заглавной темы и постарался как можно точнее попасть в тональность закадрового голоса:

— В Большом Зале Лиги Правосудия собрались четверо величайших героев Вселенной, порождения легенд глубокого космоса!

Сэр Стюарт нахмурился:

— Порождения ле...

— Легенд глубокого космоса, — повторил я тем же дикторским тоном.

Сэр Стюарт сощурил глаза и отвернулся от меня, напряженно расправив плечи.

— Бессмыслица какая-то. Абсолютная. Бессмыслица.

— В семидесятые это показывали по субботам, по утрам, — пояснил я и кивнул в направлении комнаты за окном. — И здесь у нас происходит что-то в этом роде. Хотя для Зала Лиги Правосудия комнатка немного маловата. Должно быть, в те времена недвижимость была дешевле.

— Гости собрались, — заметил сэр Стюарт. — Вы их знаете?

— Большую часть, — кивнул я и тут же задумался. — Ну, по крайней мере знал полгода назад.

Многое изменилось — начиная с короткой стрижки Мёрфи. Я начал представлять сэру Стюарту тех, кто был мне знаком.

За спиной у Мёрфи стоял, прислонившись к стене и сложив мускулистые руки на груди, Уилл Борден. Роста он был ниже среднего, зато сложения — далеко не среднего, а на порядок выше. Одна мускулатура, ни капли жира. Я привык видеть его в обычной обстановке, в деловом костюме — ну, конечно, когда он не превращался в огромного черного волка. Сегодня он красовался в тренировочных штанах и свободной футболке — такая одежда удобнее, если надо быстро перекинуться. Уилл отличался спокойным характером. На такого можно положиться. Еще он возглавлял небольшую шайку местных юнцов — все они, само собой, уже выросли, — которые научились перекидываться волками. Они называли себя «Альфами» с таких незапамятных времен, что я даже привык к этому дурацкому названию.

Я как-то не привык к Уиллу, играющему роль тяжеловеса, но именно ее он явно исполнял теперь. Лицо его казалось почти угрюмым, а в глазах горела плохо сдерживаемая агрессия. Он производил впечатление человека, готового не про-

сто подраться, но с радостью ввязаться в драку при первой же возможности.

Недалеко от Уилла свернулась калачиком на диване другая девушка из «Альфы» с прямыми волосами серого, я бы сказал, мышиного цвета. Вид такой, что дунь — улетит. Глаза застенчиво глядели из-под очков и падавшей на них челки; казалось, она смотрит разом на всех и ни на кого в особенности.

Я не видел ее несколько лет, но она точно входила в состав «Альфы» с самого начала, а с тех пор окончила университет и выпорхнула в большой мир. Звали ее... Марджи? Мерси? Марси. Да, точно. Ее звали Марси.

Рядом с Марси сидела полная, жизнерадостного вида блондинка с кудряшками, заколотыми двумя китайскими палочками для еды; по возрасту она всего на пару лет не дотягивала до того, чтобы исполнять роль доброй бабушки в утренних телепередачах. Одета она была в платье с растительным орнаментом, и на коленях ее сидел пес размером с небольшую сардельку — йоркширский терьер. Как и положено терьеру, песику не сиделось на месте, и взгляд его настороженно шарил по собравшимся в комнате, то и дело возвращаясь к Марси. Время от времени в крошечной груди его kloкотал негромкий рык, и он явно ощущал себя единственным защитником своей хозяйки.

— Эбби, — шепнул я сэру Стюарту. — Ее зовут Эбби. А собаку — Тото. Она спаслась, когда вампир Белой Коллегии устроил охоту на их кружок магов-любителей.

Песик вдруг спрыгнул с колен хозяйки и бросился на Уилла, однако Эбби с замечательной для ее комплекции ловкостью перехватила его на лету. Впрочем, насчет ловкости я ошибся: просто ее движение началось за полсекунды до того, как йорк тронулся с места. Эбби была ясновидящей. Далеко в будущее заглянуть она не могла, только на несколько секунд, но и это дано далеко не каждому, так что, полагаю, тарелки у нее на кухне бьются реже обычного.

Уилл смотрел на Тото с улыбкой. Эбби шикнула на йорка, хмуро покосилась на Уилла и, держа песика одной рукой, другой взяла со стола чашку чая.

Рядом с Эбби сидел худощавый юнец в джинсах, тяжелых башмаках и плотной фланелевой рубаше. Темные волосы

его пребывали в беспорядке, серые глаза внимательно следили за происходящим; ямочкой на подбородке, казалось, можно открывать пивные бутылки. Я узнал его только со второго взгляда, и немудрено: в последний раз, когда я его видел, он был на пару дюймов ниже и едва ли не на сорок фунтов легче. Дэниел Карпентер, старший из младших братьев моей ученицы. Казалось, он сидит не на диване, а на раскаленной сковороде, так он ерзал на месте, явно готовый в любой момент вскочить и отмочить что-нибудь необдуманное. Большая часть внимания Уилла, решил я, уделялась именно Дэниелу.

— Успокойся, — посоветовала ему Мёрфи. — Возьми пирожное.

Дэниел порывисто мотнул головой.

— Спасибо, не надо, мисс Мёрфи. Просто как-то бессмысленно это все. Я бы лучше сходил поискать Молли. Вот если я сейчас выйду, через час уже буду обратно.

— Если Молли нет, будем исходить из того, что у нее на это имеются причины, — возразила Мёрфи профессионально спокойным тоном. — Нет смысла бегать по городу в такую погоду.

— Тем более, — добавил Уилл, — мы бы нашли ее быстрее.

Дэниел на мгновение насупился, но почти сразу же отвернулся. У меня сложилось впечатление, что ему уже доводилось пытаться опередить Уилла и результат оказался не в его пользу. Так или иначе, юнец промолчал.

В кресле рядом с диваном сидел пожилой мужчина — он воспользовался моментом, чтобы налить чаю в фарфоровую чашку и поставить ее перед юным Карпентером. Насыпал туда пару ложек сахара и улыбнулся Дэниелу. В его голубых глазах не было ни угрозы, ни настойчивости — только спокойная уверенность в том, что юноша возьмет чай и угомонится.

Дэниел угрюмо посмотрел на него, потом взгляд его опустился на целлулоидный подворотничок и висевшее под ним распятие. Он вздохнул, кивнул и принялся размешивать сахар. Сделав глоток-другой, парень, похоже, забыл о том, что продолжает держать чашку в руках, но ерзать перестал.

— А вам, мисс Мёрфи? — спросил отец Фортхилл, не опуская чайника. — Ночь сегодня холодная. Уверен, чашка чая вам не помешает.

— Почему бы и нет? — кивнула она.

Фортхилл налил и ей, поставил чайник и зябко охватил руками свитер, словно надеясь извлечь из него больше тепла. Потом подошел к окну, за которым стояли мы с сэром Стюартом, и поежился.

— Вы уверены, что окно плотно закрыто? Готов поспорить, откуда-то сквозит.

Я даже зажмурился.

Сэр Стюарт пожал плечами:

— Он из хороших.

— Хороших? В каком смысле?

— Священников. Жрецов. Шаманов. Как их ни назови. — Выражение его лица оставалось подчеркнуто бесстрастным. — Когда всю жизнь заботишься о душах ближних, поневоле начинаешь их ощущать. — Сэр Стюарт кивнул в сторону отца Фортхилла. — Призраки вроде нас не совсем чтобы души, но разница не так уж и велика. Он ощущает наше присутствие, хотя сам не осознает этого до конца.

Тото вырвался из рук Эбби, простучал коготками по дощатому полу, подбежал к окну и несколько раз свирепо тьякнул, глядя на меня в упор.

— И собаки, — добавил сэр Стюарт. — Примерно одна из десяти обладает способностью чуют нас. Возможно, поэтому они вечно и лают.

— А кошки? — поинтересовался я. Мистер ушел из гостиной, стоило в нее набиться народу, и больше я его не видел.

— И кошки, само собой. Насколько мне известно, все до единой. Только то, что мы мертвы, но все еще здесь, не производит на них особого впечатления. Они редко реагируют на нас.

Отец Фортхилл осторожно поднял Тото с пола. Песик энергично завил хвостом и успел облизать ему руки, прежде чем тот вернул его на руки Эбби.

Фортхилл улыбнулся Эбби, налил себе еще чая и сел на место.

— Кого они ждут? — спросил сэр Стюарт. — Эту Молли, о которой они говорили?

— Возможно, — сказал я. В гостиной оставался один незанятый стул. Он стоял у двери, отдельно от всей остальной мебели — так, чтобы все остальные сидящие хорошо его видели. Или не мешали друг другу в случае, если дело дойдет до стрельбы. Впрочем, возможно, это были только мои домыслы. — Но я не уверен.

Послышался звук, похожий на негромкое чириканье, и Мёрфи достала рацию размером не больше колоды карт.

— Мёрфи. Что там?

— Игрушечная тачка подъезжает, — произнес негромкий голос. — Пушистые патрулируют внешний периметр.

Уилл настороженно потянул носом, прислушиваясь.

Мёрфи улыбнулась и трянула головой:

— Спасибо, Глаза. Заходите, как только с ней разберемся. Горячий чай гарантирован.

— Погода совсем никуда, ага. Причем только в Чикаго. Ладно, конец связи.

— Это никуда не годится, — подал голос Дэниел, когда Мёрфи убрала рацию. — Связь просто чудовищная. В тактической ситуации может выйти так, что перепутаются сообщения.

Мёрфи выразительно выгнула бровь.

— Пытаюсь представить себе ситуацию, — сухо произнесла она, — при которой кто-то, кого по ошибке призывают остерегаться врага, умрет страшной смертью.

— Ну, например, когда кто-то из команды жонглирует пробирками со смертоносным вирусом, — с готовностью подсказал Уилл. — Или с нитроглицерином.

Мёрфи кивнула:

— Зарубите себе на носу: не пользоваться рацией при жонглировании нитроглицерином.

— Заметано, — ухмыльнулся Уилл.

Дэниел насупился.

— Очень у вас большие зубы, мистер Борден.

Уилл не пошевелился.

— Дело не в моих зубах, дружок. Дело в твоей коже. Очень она у тебя тонкая.

Дэниел недобро прищурился, но отец Фортхилл положил руку ему на плечо. Вряд ли пожилой священник мог бы совладать с Дэниелом физически; скорее я сравнил бы его прикосновение с цепью, соединяющей корабль и тяжелый якорь. Он словно облокотился о юношу, намереваясь встать, однако на деле всего лишь уселся поудобнее и скрестил руки на груди.

— Бледная морда через пять... четыре... три... — послышалось из рации Мёрфи.

Спины напряглись. Лица застыли как маски. Несколько рук разом скрылись из виду. Чья-то чашка несколько раз звякнула о блюдце, прежде чем утнеститься на положенном месте.

Со своего места под окном я видел открывающуюся дверь. Ровно через две секунды после того, как умолкла рация, в гостиную вошел вампир Белой Коллегии. То есть не вошел, а вошла.

Роста в ней было примерно пять футов и два дюйма, на лице сияла очаровательная улыбка, а темные выющиеся волосы падали до самой талии. Одежду ее составляли длинная, широкая белоснежная юбка, белая же блузка и ярко-алые балетки. Первая мысль, пришедшая мне в голову, звучала примерно так: «Ух ты, какая восхитительная крошка!» — тогда как сразу за этим на ум пришло почему-то, что она, должно быть, построила бы на редкость брезгливую физиономию, если бы все вокруг заливала кровь. Я прямо-таки видел, как она подбирает юбку, чтобы крови касались только алые балетки.

— Добрый вечер всем! — жизнерадостно поздоровалась от двери вампир. Говорила она с сильным британским акцентом. — Извините, чуть задержалась... нелегко леди в такую погоду. Чай? Замечательно. — Она подпорхнула к столу и наполнила пустую чашку. Взгляд ее при этом задержался на Дэниеле, и она наклонилась, как бы невзначай демонстрируя ему свое декольте. Дэниел покраснел и отвернулся — спустя секунду.

Не могу корить в этом парня. Сам был таким. Лет до двадцати пяти вся Вселенная вращается вокруг сисек. Не случайно водительские страховые полисы дешевлеют именно для лиц старше этого возраста.

Вампирша ухмыльнулась — надо сказать, для ее ангельского личика это выглядело неожиданно хищно, — и уселась на свободный стул у двери. Держалась она — ни дать ни взять Ширли Темпл на съемочной площадке, уверенная в том, что все взгляды обращены на нее.

— Дерзко, — заметил я вполголоса.

— Почему вы так считаете? — поинтересовался сэръ Стюарт.

— Она вошла без приглашения, — сказал я.

— Мне казалось, вампиры этого не могут.

— Красные — нет, не могут... то есть не могли, чтобы их при этом хотя бы наполовину не парализовало. Вампиры Черной Коллегии — тоже. Белые могут, но это ограничивает их возможности. В первую очередь — способность утолять свой Голод.

Сэръ Стюарт покачал головой:

— Ах да. Она же суккуб.

— Ну... не совсем, но разница невелика.

Тень кивнула:

— Мне лучше держать Мортимера подальше от этой твари.

— Не самая плохая мысль, — согласился я. — Он обладает доступом к уйме ценной информации. Они любят прибрать таких, как Морти, к ногтю.

— Привет, Фелиция, — произнесла Мёрфи холодным, профессиональным тоном. — Ладно. Мистера Чайлдза сегодня с нами не будет. Он уполномочил меня действовать и от его имени.

Фелиция сжала чашку пальцами обеих миниатюрных рук и прильнула губами к ободку. Все остальные пили осторожно, дую на чай. Вампирша сделала большой глоток, словно чай уже остыл, и на лице ее отразилось искреннее наслаждение.

— Как мило с вашей стороны. Мы еще увидим этого элегантного джентльмена?

— Зависит от Марконе, — отозвалась Мёрфи. — Эбби?

Тото, не отрываясь, смотрел на Фелицию. Если бы он мог угрожающе рычать, он наверняка так бы и поступил. Вместо этого с его стороны доносились негромкие писклявые звуки.

Эбби покрепче ухватила Тото и сверилась с лежавшим у нее на коленях блокнотом.

— ПараНет действует с эффективностью примерно семьдесят пять процентов. На этой неделе нам удалось восстановить связь с Миннесотой, Массачусетсом и Алабамой. — Она кашлянула и несколько раз моргнула. — Мы утратили связь с Орегоном.

— А Сиэтл? Такома? — спросила Мёрфи.

— Да, — тихо произнесла Эбби. — Последние трое суток мы ничего не слышали ни от кого из участников из всех этих городов.

Отец Фортхилл перекрестился и пробормотал что-то себе под нос.

— Аминь, отче, — прошептала Фелиция.

— Кто-то получил доступ к спискам, — хрипло предположил Дэниел.

Уилл хмыкнул и кивнул.

— Нам известны имена? — спросил он.

— Гм... — пробормотала Эбби, с извиняющейся улыбкой покосившись на Уилла. — Мы пока что ни с кем не связались. Так что нет. Надо послать кого-нибудь выяснить на месте.

Мёрфи энергично мотнула головой:

— Нет. Если захвачено столько людей, это может означать только одно: там орудует кто-то из самых сильных. Если в Орегоне действуют в полную силу фоморы, мы пошлем нашего разведчика прямо в змеиное логово.

— Если поспешим, — возразила Эбби, — нам, возможно, удастся кого-нибудь спасти.

Мёрфи призадумалась на мгновение.

— Верно. Только отсюда нам ничего не поделать. — Она посмотрела на Фортхилла.

— Я постараюсь выяснить что смогу по своим каналам, — пообещал он. — Но... Боюсь, возможности помочь делом у нас не очень много.

Мёрфи кивнула:

— Это мы предоставим Страхам.

Дэниел фыркнул почти в унисон со мной.

— Ну да, Белый Совет, — буркнул он. — Они, конечно, помогут. Они так тревожатся о простых людишках и их бли-

жайшем будущем... Они вмешаются не позднее чем через годик-другой.

Уилл бросил на Дэниела выразительный взгляд, и желваки на его челюсти пару раз подвигались туда-сюда.

Мёрфи подняла руку, останавливая обоих.

— Я позвоню Рамиресу и попрошу произвести разведку. И попрошу помощи у Элейн Меллори.

Элейн Меллори. При звуках этого имени что-то во мне надломилось, и в голову хлынул поток воспоминаний. Элейн оказалась у меня первой. Первой подругой. Первой страстью. Первой любовницей. Первой жертвой... во всяком случае, я много лет так полагал. Каким-то образом ей удалось спастись из огня, поглотившего моего старого наставника Джастина Дюморна.

Весь миллион воспоминаний навалился на меня разом. Я словно смотрел на стену в супермаркете, уставленную телевизорами, каждый из которых принимал свою программу, стараясь перекричать соседей. Солнце на коже. Изящный изгиб талии, стройная, мускулистая спина... Элейн, ныряющая в залитый лунным светом бассейн. Ослепительное ощущение первого поцелуя на губах, медленного, нерешительного...

Элейн. Обращенная Джастином в рабыню. Ей не хватило сил противостоять наставнику, когда тот завладел ее рассудком. А мне не удалось ее защитить.

Не знаю, чего в этих воспоминаниях было больше — радости или боли. Так или иначе, они отличались пьянящей яркостью и оглушали не хуже наркотика.

Блин-тарарам, как мне не нравилось мое новое состояние...

У меня ушло несколько секунд на то, чтобы отогнать воспоминания — как раз вовремя, чтобы услышать, как вампир говорит.

Фелиция кашлянула и подняла руку, требуя внимания.

— Если на то пошло, — начала она, — насколько мне известно, у нас имеются активы в тех штатах. Не исключено, что нам удастся узнать что-либо через них.

— Не исключено также, что в исчезновениях повинны именно они, — мягко предположила Марси.

— Вздор, детка! — пренебрежительно дернула головой Фелиция. — Нам нет нужды ловить добычу поодиночке и собирать их в загоны, где охота на них проще. — Она одарила Марси очаровательной улыбкой. — Такие загоны у нас и без того есть. Называются «города».

— Мы будем рады любой информации, которой готова поделиться с нами Белая Коллегия, — все тем же спокойным, профессионально нейтральным тоном произнесла Мёрфи. — Что насчет Чикаго, Эбби?

— За прошедшую неделю мы потеряли двоих, — сообщила Эбби. — Натана Симпсона и Санбим Монро.

— Симпсона убил вурдалак, — добавил Уилл. — С ним мы уже разобрались.

Мёрфи одобрительно посмотрела на Уилла.

— Я виделась с Санбим?

Эбби утвердительно кивнула:

— Студентка. Из Сан-Хосе.

Мёрфи поморщилась:

— Точно. Такая высокая? У нее родители еще познакомились в бытность свою хиппи?

— Она самая. Ее проводили до поезда, а на станции должны были встретить. Только она туда так и не приехала.

Мёрфи негромко зарычала, более чем компенсировав этим неумение Тото.

— Что-нибудь удалось выяснить?

Уилл покосился на Марси. Девушка покачала головой:

— Снег сохраняет слишком много запахов. Я не смогла найти ничего определенного. — Она уставилась взглядом себе в колени. — Мне очень жаль.

Последние слова Мёрфи проигнорировала.

— Ей нельзя было ехать одной. Надо особо подчеркивать всем важность взаимной поддержки.

— Но как? — спросила Эбби. — Я хочу сказать, об этом и без того написано в каждой инструкции.

Мёрфи кивнула:

— Уилл?

Уилл побарабанил пальцами по бицепсу и кивнул в ответ:

— Я прослежу.

— Спасибо.

Эбби несколько раз поморгала и осторожно открыла рот:

— Кэррин... вы ведь не хотите сказать, что...

— Люди гибнут, — просто ответила Мёрфи. — Порой нет лучшего лекарства от глупости, чем страх.

— Или же мы могли бы попытаться их защитить, — поддал голос Дэниел.

Фортхилл снова поднял руку, но на этот раз юноша не обратил на него ни малейшего внимания и встал со своего места. Голос у Дэниела оказался сочным, сильным баритоном:

— По всему миру темные силы поднимаются на борьбу со смертными, имеющими хоть какое-то отношение к сверхъестественному. Убивают их или уносят в темноту. Вновь показываются твари, которых человечество не видывало уже пару тысяч лет. Они охотятся на смертных. Охотятся друг на друга. Тени просто кипят смертью и ужасом, а никто и палец о палец не ударит по этому поводу!

Стражи, не отдохнув еще от войны с вампирами, оказались вовлеченными в новую, даже не зная врага в лицо. У Белого Совета не хватает Стражей даже для того, чтобы расхлебывать уже случившееся. Если их позовут на помощь откуда-либо, кроме самых крупных городов, на них можно даже не рассчитывать. А мы чем занимаемся? — В голосе у Дэниела зазвучала горечь. — Советуем людям ходить стадами? Старемся их запугать, словно в мире и без того мало страха?

Мёрфи посмотрела на него в упор.

— Довольно! — резко произнесла она.

Дэниел словно не слышал ее.

— Вы же знаете, — произнес он, расправив плечи. — Вы знаете, мисс Мёрфи, что надо делать. У вас хранится едва ли не самое грозное оружие против сил тьмы, какое знает мир. Принесите Мечи.

В комнате воцарилась мертвая тишина, воспользовавшись которой сэр Стюарт склонился к моему уху:

— Что еще за мечи?

— Мечи Креста, — ответил я — по привычке шепотом, хотя услышать меня в комнате не мог никто. — Ну, те, в рукоять которых заделаны гвозди из того самого распятия.

— Ну да, да, «Экскалибур», «Дюрандаль» и «Кусанаги», — чуть раздраженно буркнул сэр Стюарт. — Еще бы мне не знать, что такое Мечи Креста. И что, они хранятся у этой блондиночки?

Мгновение я молча смотрел на его тень. До меня доходили слухи, что «Амораккиус» и есть тот самый меч, который вручили когда-то королю Артуру, но про историю остальных двух я не узнал ничего, как ни старался. Тень озвучила мне их названия так, словно о них известно каждому школьнику.

— Что не так? — нахмурился сэр Стюарт.

— Я не... Знали бы вы, сколько я искал... — выдохнул я, спохватился и тоже нахмурился. — Я учился в самой обычной бесплатной школе.

Тем временем в комнате Мёрфи так и продолжала молчать. Минуты две она смотрела на Дэниела, потом выразительно покосилась в сторону Фелиции и снова устремила взгляд на Дэниела.

Юноша тоже покосился на Фелицию, зажмурился, щеки его заметно порозовели, а пыла явно на порядок убавилось. Он пробормотал что-то себе под нос и поспешно сел.

Вампирша невозмутимо сидела, глядя на Дэниела поверх чашки так, словно рот ее был полон меда (что, насколько я мог судить, никак не соответствовало истине).

— Нравятся мне юные мужчины, — промурлыкала она. — Ну очень нравятся.

— Мистер Карпентер, — произнесла Мёрфи. — Полагаю, вы поделились с врагами человечества достаточным количеством секретов для одного вечера?

Дэниел промолчал.

— Раз так, будьте добры, помогите Глазам и Пушистым дежурить на улице.

Не говоря ни слова, Дэниел поднялся и накинул на плечи тяжелую, подбитую мехом джинсовую куртку — старую, потрепанную. Я видел ее на его отце, а вот Дэниелу куртка была чуть великовата. Он вышел на кухню, а оттуда — во двор.

В комнате так и продолжали молчать.

— Оба Меча, — беззаботно произнесла Фелиция, опустив свой искрящийся взгляд. — Надо же! — Она отпила еще

глоток из чашки. — Но конечно же, вам, лапочка, придется теперь меня убить. Если сумеете. — Миниатюрная вампириша беззаботно окинула взглядом всех сидевших в гостиной. — Я бы поставила четыре к одному против.

— Я не могу позволить, чтобы Белая Коллегия узнала о Мечах, — согласилась Мёрфи. Пальцы ее парили в угрожающей близости от рукояти пистолета.

Уилл наблюдал за происходящим скучающим взглядом. Однако каким-то образом ему удалось за несколько секунд переместить вес на ноги. Марси продолжала сидеть на диване, но подобрала ноги под платье, так что теперь ничто не мешало ей в мгновение ока скинуть его с себя и перекинуться.

Фелиция даже не шелохнулась. Вероятная угроза ее, казалось, нисколько не заботила. Я сделал зарубку на память — даже не пытаться играть с ней в покер.

— Ну-ну, лапочка. Если вы собирались потанцевать, кто-нибудь да завел бы уже музыку. Давайте-ка лучше поболтаем. — Она улыбнулась, глаза ее вдруг сделались заметно светлее. — Между нами, девочками. Мы могли бы пойти прогуляться.

Мёрфи фыркнула, вытащила пистолет из-за пояса и положила его на подлокотник. Руку она опустила на пистолет, не касаясь пальцем курка.

— Не считайте меня душой, Фелиция. Вы останетесь там, где сидите. И я тоже. Все остальные — выйдите.

Эбби поднялась с места раньше, чем Мёрфи произнесла эти слова, и вышла, держа Тото под мышкой.

Уилл нахмурился.

— Вы уверены? — спросил он у Мёрфи.

Отец Фортхилл тоже поднялся, хмурясь.

— Мои старые кости так и так просят размяться, — заявил он. — Спокойной ночи, мисс Мёрфи. Уильям?

Уилл буквально зарычал; человеческое горло не способно воспроизвести такого звука. Все же он кивнул Мёрфи и направился к двери. Марси спрыгнула с дивана и последовала за ним. Последним из комнаты удалился Фортхилл. Я слышал, как они выходят через черный ход — должно быть, чтобы подождать на заднем дворе.

— Это мне нравится, — с улыбкой заметила Фелиция. — В этом домике такая очаровательно интимная атмосфера... Вам так не кажется? — Она склонила голову набок. — Что, Мечи входят в стоимость недвижимости?

— Полагаю, вы назовете свою цену? — отозвалась Мёрфи.

Фелиция повела бровью, и чувственная улыбка на ее губах сменилась довольной ухмылкой.

— За... — Мёрфи прокашлялась. — Забудьте. Этому не бывать.

Вампирша огорченно надула губки.

— Ох уж эта пуританская этика. Можно подумать, бизнес нельзя совмещать с удовольствиями.

— Это не бизнес, мисс Рейт. Это шантаж.

— Смотря с какой стороны поглядеть, — пожала плечами Фелиция. — Суть, Кэррин, в том, что вы вряд ли можете позволить себе быть брезгливой.

— Правда?

— Истинная правда. Вы умны, опытни и сильны духом... — Она ухмыльнулась. — Для смертного. Однако в конце концов вы всего лишь одинокая смертная. И вы больше не находитесь под защитой ни правопорядка, ни членов Белого Совета.

Мёрфи застыла как изваяние.

— И что?

Фелиция вздохнула.

— Мечи обладают ценностью, — произнесла она сухим, деловым тоном. — За них можно получить уйму влияния. Если Белая Коллегия узнает об этом и решит завладеть ими, они вас одолеют. Они спросят, где вы их прячете. И заставят выдать их.

Мёрфи презрительно дернула плечом, встала и подошла к Фелиции, небрежно держа пистолет двумя пальцами.

— И что тогда? Если я дам вам то, чего вы хотите, вы оставите меня в покое?

Фелиция кивнула, томно опустив веки:

— По крайней мере на несколько дней. За это время вы сможете принять необходимые меры для их защиты.

— Вы хотите мной кормиться? — предположила Мёрфи.

Фелиция провела ярко-розовым язычком по верхней губе, и глаза ее посветлели еще сильнее.

— Хочу. Очень.

Мёрфи нахмурилась и кивнула.

А потом с размаху врезала ей рукоятью пистолета по зубам.

— Йесссс! — не выдержал я и потряс в воздухе сжатым кулаком.

Вампирша коротко охнула, отшатнулась и, упав со стула на колени, сделала попытку отползти подальше от Мёрфи.

Мёрфи не дала ей такой возможности. Она ухватила Фелицию за волосы, рывком вздернула на ноги, а потом, вскрикнув от напряжения, сунула ее лицом в журнальный столик. Разбив по дороге чашку и блюдце, Фелиция врезалась в дубовую столешницу с такой силой, что по той пробежала трещина.

Мёрфи повторила эту процедуру еще дважды и лишь после этого повернулась и потащила Фелицию за волосы к двери. Там она швырнула ее на пол и сунула пистолет дулом ей в затылок.

— А теперь слушайте, что будет, — тихим, но не оставляющим сомнений голосом произнесла Мёрфи. — Вы выйдете отсюда живой. Вы будете держать свой чертов рот на замке. И мы никогда больше не станем возвращаться к сегодняшнему разговору. Если Белая Коллегия даже краем глаза начнет коситься в сторону Мечей, я до вас доберусь, Фелиция. Что бы ни случилось со мной в конце концов, но прежде чем доберутся до меня, я доберусь до вас.

Фелиция повернула к ней лицо. Она явно еще пребывала в шоке. Мёрфи сломала ей нос и выбила по меньшей мере два зуба. Одна скула уже заплыла и потемнела. Все лицо покрылось порезами от разбитой чашки и ожогами от кипятка.

Мёрфи нагнулась еще ниже и приставила ствол пистолета Фелиции ко лбу.

— Бах, — прошептала она очень тихо.

Вампирша вздрогнула.

— Поступайте, как считаете нужным, Фелиция, — прошептала Мёрфи. Потом медленно выпрямилась и вернулась

на свое место. — А теперь, — произнесла она громким, спокойным голосом, — убирайтесь вон из моего дома.

Фелиция, шатаясь, поднялась на ноги, открыла дверь и заковыляла к белому лимузину, стоявшему на улице перед домом. Мёрфи подошла к окну и дождалась, пока та сядет в машину и уедет прочь.

— Ага, — выдохнул я. — Двоих блондиночка уже уделала.

— Боже правый, — с уважением в голосе пробормотал сэр Стюарт. — Теперь я вижу, почему за помощью вы обратились именно к ней.

— Чертовски верно, — согласился я. — А сейчас давайте-ка позовем Морти. Пока она в хорошем настроении.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Я дождался Морти и сэра Стюарта на крыльце. Ночь, судя по всему, выдалась холодная. Морти стоял, съежившись под порывами ветра, сунув руки в карманы пальто. Взгляд его нервно метался из стороны в сторону. Он дрожал.

— Позвоните в колокольчик, — сказал я. — И вы, конечно, можете считать это моим личным мнением, но будь я на вашем месте, я бы держал руки на виду.

— Спасибо, — без особого энтузиазма отозвался Морти, дергая за шнурок. — Я еще не говорил вам, Дрезден, сколько света и радости вы приносите с собой в мой мир всякий раз, как в него вторгаетесь?

— Всего-то день работы, если вы порождение легенд Вселенной, — хмыкнул я.

— Не могу не обратить внимания, — вмешался сэр Стюарт. — Справа и слева от нас волки.

Я оглянулся. Он говорил правду. Один волк, тот, что массивнее, отличался темным мехом, второй — помельче — бурым. Они сидели в тени, застывшие как изваяния, так что заметить их мог только наметанный глаз. Оба напряженно следили за крыльцом.

— Уилл и Марси, — сказал я. — Хорошо смотрятся.

— Опасные хищники, — буркнул Морти сквозь зубы.

— Капитан, подтянитесь! Они не причинят вам вреда, и вы это прекрасно знаете.

Морти еще успел одарить меня недобрым взглядом, а потом Мёрфи открыла дверь.

— Мисс Мёрфи, — поклонился ей Морти.

— Линдквист, если не ошибаюсь? — спросила Мёрфи. — Медиум?

— Совершенно верно.

— Что вам надо?

— Сзади, — вполголоса произнес сэр Стюарт.

Я оглянулся. Улицу по направлению к дому пересекала невысокая мужская фигура в тяжелой зимней одежде. Рядом с ней шел третий волк, с мехом рыжевато-коричневого оттенка.

— Я здесь для того, чтобы говорить от имени одного вашего знакомого, — сказал Морти.

Глаза у Мёрфи превратились в две обжигающе-холодные ледышки.

— Кого?

— Гарри Дрездена, — ответил Морти.

Мёрфи стиснула правую руку в кулак. Слышно было, как хрустнули суставы.

Морти поперхнулся и отступил на полшага назад.

— Послушайте, мне самому меньше всего хотелось оказаться здесь, — взмолился он, поднимая руки вверх и демонстрируя ей пустые ладони. — Но вы ведь его знаете. Его тень не менее настырна, чем сам Дрезден был при жизни.

— Вы Богом проклятый лжец! — рявкнула Мёрфи. — Вы известный мошенник. И вы играете с огнем.

Морти долгое мгновение молча смотрел на нее, потом поморщился:

— Вы... Вы верите в то, что он еще жив?

— Он жив, — ответила Мёрфи, упрямо выпятив подбородок. — Тела так и не нашли.

Морти опустил глаза, обиженно поджал губы и провел рукой по лысине, размазав по ней несколько снежинок. Потом сделал глубокий вдох и попробовал еще раз:

— Мне очень жаль. Жаль, что все так сложно.

— Ничего сложного, — возразила Мёрфи. — Только противно. Потому что он еще жив.

Морти повернулся ко мне и развел руками:

— Она все еще не верит. Послушайте, я вряд ли смогу еще что-нибудь поделать. Я и так старался как мог. Ей нужно время.

— Нет, — мотнул я головой. — Нам необходимо заставить ее понять. Сегодня.

Морти помассировал переносицу.

— Что-то незаметно, Дрезден, чтобы вы повзрослели.

Мёрфи продолжала буравить Морти своим полицейским взглядом — интенсивности в нем ничуть не убавилось.

— Все это не становится ни правдоподобнее, ни увлекательнее, Линдквист. Мне кажется, вам лучше уйти.

Морти кивнул, еще раз подняв руки в знак капитуляции.

— Я понимаю. Все, ухожу. Прошу вас, поверьте, я просто хотел помочь.

— Стойте! — рявкнул я. — Наверняка ведь есть что-то такое, что вы могли бы ей сказать.

Морти покосился на меня, в третий раз беспомощно поднял руки и двинулся к машине.

Я стиснул зубы... От Мёрфи меня отделяло меньше фута. Как, черт подери, мне убедить ее в том, что это правда я?

— Заставив Морти говорить с ней о том, что известно только тебе одному, тупица! — обругал я себя. — Морти!

Он задержался на полпути и оглянулся на меня.

— Спросите у нее вот что, — попросил я и выпалил вопрос.

Морти вздохнул. Потом повернулся к Мёрфи.

— Прежде чем я уйду, — сказал он, — Дрезден хочет, чтобы я спросил у вас, нашли ли вы того в меру привлекательного и здорового физически мужчину?

Мёрфи не пошевелилась. Лицо ее побелело. С минуту она молчала.

— Что вы сказали? — прошептала она наконец.

Я подсказал Морти.

— Дрезден хочет, чтобы я сказал вам, что он не собирался предпринимать ничего такого... драматического. Просто так уж все сложилось.

Волки и человек в тяжелой куртке подступили ближе, прислушиваясь. Мёрфи несколько раз сжала и разжала кулак.

— Сколько вампиров, — спросила она, — пришлось убить мне и агенту Уайту, чтобы спастись из офиса ФБР в прошлом году?

На меня накатила волна безумного восторга. Вот она, настоящая Мёрфи, — всегда мыслит логически.

Я продиктовал Морти ответ.

— Он говорит, он не знает, кто такой агент Уайт, но вы с Тилли убрали одного на лестнице. — Морти склонил голову набок, слушая меня, потом продолжил: — И еще ему интересно, считаете ли вы, что принять Меч Надежды будет означать... карьерное понижение?

Теперь с лица Мёрфи исчезли последние кровинки. Я буквально видел, как разом ввалились ее глаза, а лицо устало осунулось. Она прислонилась к дверному косяку, прижав руку к животу, словно ее ранили.

— Мисс Мёрфи, — мягко произнес Морти. — Мне ужасно жаль являться к вам с такой новостью. Но тень Дрездена утверждает, что ему необходимо поговорить с вами. Что от этого зависит жизнь людей.

— Угу, — перехваченным голосом отозвалась Мёрфи. — Это новость. — Она подняла взгляд на Морти. — Поклянитесь кровью.

Такая проверка — обычное дело для тех, кому случается иметь дело со сверхъестественным, но кто при этом сам лишен сверхъестественных способностей. На свете полно разных тварей, которые, будучи нелюдями, пытаются казаться людьми — однако таких, у кого кровь при этом выглядит неправдашной, очень и очень мало. Не самая идеальная проверка, но лучше, чем ничего.

Морти спокойно кивнул и извлек из кармана пальто английскую булавку. Просьба Мёрфи его, похоже, ничуть не удивила. Похоже, в царившей обстановке такая проверка получила широкое распространение. Я даже подумал, не Мёрфи ли стала ее инициатором.

Морти наколот подушечку большого пальца левой руки, надавил, и на ней вспухла капелька алой крови. Он продемонстрировал ее Мёрфи.

Та кивнула:

— Здесь холодно. Пройдете в дом, мистер Линдквист?

— Спасибо, — выдохнул Морти.

— Время сбора, — объявила Мёрфи собравшимся у крыльца. — Хочу, чтобы вы проверили этого шутника. Уилл, будь добр, пошли кого-нибудь пригласить Неряху Энн.

— Я не хотел вас утруждать... — начал было Морти.

Мёрфи одарила его леденящей улыбкой.

— Тащите свою задницу в дом, садитесь и ждите. Я скажу вам, когда можно будет идти. И если вы вдруг все-таки разгрызаете нас, так и знайте, у меня игры совсем другие.

Морти поперхнулся, но в дом послушно вошел.

Следующие полчаса Мёрфи, Уилл и отец Фортхилл поджаривали Морти, а через него и меня, под наблюдением Эбби и Дэниела. Каждый задал уйму вопросов, по большей части из области моего с ними личного общения. Морти пришлось передавать им мои ответы.

— Нет, отец, мне ни разу не приходилось слышать, чтобы священники пользовались словами «засадить по самые помидоры».

— Слушай, Уилл, я же предлагал заплатить за эту штуку, сигнализацию.

— Дендрозлыдень? Ты, Мёрф, убила его бензопилой.

И так далее, и тому подобное — до тех пор, пока у меня мозги... точнее, эктоплазма не начала плавиться.

— Нет, это просто смешно! — вскипел я. — Меня пытаются завалить, как сопливого первоклассника. Почему?

Морти удивленно уставился на меня. Сэр Стюарт коротко хохотнул со своего места в углу.

Мёрфи, нахмурившись, покосилась на Морти.

— В чем дело?

— У Дрездена кончается терпение, — объяснил Морти, всем своим видом показывая, что сам он такого моего поведения не одобряет. — Видите ли, он... подозревает, что вы его заваливаете, и хочет знать почему. Мне очень жаль. Духи редко бывают такими...

— Упрямо настырными? — предположила Мёрфи.

— Настойчивыми, — договорил Морти с нейтральным выражением лица.

Мёрфи плюхнулась в свое кресло и переглянулась с отцом Фортхиллом.

— Что ж, — сказала она. — Это... Это чертовски похоже на Дрездена, не так ли?

— Я совершенно уверен в том, что некоторые из упомянутых здесь подробностей известны только Дрездену, — серьезно произнес Фортхилл. — Однако имеются и другие существа, которые могут знать такие вещи вне зависимости от того, присутствовали они сами при этом или нет. Очень и очень опасные существа.

Мёрфи посмотрела на Морти и кивнула.

— То есть, — сказала она, — или он говорит истинную правду, а значит, тень Дрездена действительно здесь с ним, или кто-то ловко обвел нас вокруг пальца, и я запустила в дом кого-то очень нехорошего.

— Что до меня, — с усталой улыбкой заметил Фортхилл, — я не ощущаю здесь присутствия темных сил. Только небольшой сквозняк.

— Это тень Дрездена, — сказал Морти, — отче, — почти-тельно добавил он. Надо же, Морти — и католик. Кто бы мог подумать...

— Где Дрезден сейчас? — спросила Мёрфи без избыточного энтузиазма.

Морти посмотрел на меня и вздохнул:

— Он... Вроде как стоит рядом с вами, чуть слева, мисс Мёрфи. Он стоит, скрестив руки на груди и притопывая, и каждые несколько секунд смотрит на левое запястье, хотя часов на нем нет.

— Обязательно нужно было выставлять меня мальчишкой? — возмутился я.

Мёрфи фыркнула:

— Очень в его духе.

— Эй! — запротестовал я.

Послышался знакомый топот, и в комнату ворвался Мистер. Он пронесся по паркету и с разбега врезался мне в ноги.

Для кота Мистер весьма увесист — добрых три десятка фунтов. От удара я пошатнулся, потом наклонился и провел

рукой по пышному кошачьему меху. На ощупь он оказался таким же, как всегда, и отозвался на это громким счастливым мурлыканьем.

До меня не сразу дошло, что я реально ощущаю Мистера. Ощущаю его мягкий мех, тепло его тела.

Более того, разогнавшийся во весь опор котяра врезался плечом в пустое пространство и остановился при этом как вкопанный!

Все как один, разинув рты, уставились на Мистера.

Ну да, одно дело знать о существовании сверхъестественного и общаться с ним в сообразной этому зловещей обстановке. Однако гораздо сильнее потрясают проявления сверхъестественного в обыденном, бытовом: дверь, открывающаяся сама собой, тень на полу от отсутствующего предмета — ну или кот, мурлычущий и трущщийся о любимого хозяина, которого в комнате нет.

— Ох, — только и сказала Мёрфи, широко раскрыв глаза.

Уилл негромко присвистнул.

Отец Фортхилл перекрестился, и на губах его заиграла легкая улыбка.

Морти посмотрел на кота и вздохнул.

— Ну конечно. Знаменитый на всю страну эктомант-профессионал исполняет роль медиума и говорит вам, что происходит, и никто ему не верит. Но стоит появиться мохнатому, бесхвостому мурлыке — и это убеждает всех, раз и навсегда.

— Ха! — произнес сэр Стюарт, явно забавляясь. — Говорил же я вам. Кошки!

Мёрфи повернулась ко мне. Взгляд ее целился чуть вбок, куда-то в сторону моей скулы. Я подвинулся так, чтобы оказаться точно на линии взгляда ее голубых глаз.

— Гарри?

— Я здесь, — отозвался я.

— Господи, я чувствую себя дура душой, — пробормотала Мёрфи, оглянувшись на Морти. — Он ведь меня слышит, да?

— И видит, — подтвердил Морти.

Она кивнула и снова посмотрела на меня — опять чуть вбок. Я снова подвинулся.

Да нет, я понимаю, для нее это ничего не меняло.

Но это многое значило для меня.

— Гарри, — повторила она. — Столько всего случилось с тех пор, как... как мы с тобой в последний раз говорили. Заклятие Чичен-Ицы убило не только тех Красных, которые там находились. Оно убило их всех. Всех вампиров Красной Коллегии в мире.

— Угу, — сказал я. — В этом и состояла задумка.

Мёрфи чуть перевела дух.

— Баттерс говорит, возможно, где-то и уцелело несколько — самых младших, наименее сильных, из наименее влиятельных кланов. А может, где-то можно было и укрыться от действия заклания. Но он говорит, судя по тому немногому, что ему известно из магических теорий, должно было убрать всех.

Я пожал плечами и кивнул:

— Угу, думаю, так и есть. Многое, конечно, зависит от того, правильно ли проведен ритуал. — Главное, Красной Коллегии больше нет. Как и Черной. Жизнь может продолжаться. Все они обратились в прах.

— Когда пала Красная Коллегия, — продолжала Мёрфи, — их территория вдруг оказалась незанятой. Вакуум случился, понимаешь?

О Господи!

Красная Коллегия пыталась убить мою дочку и всех, кто остался еще от моей семьи, и я не буду страдать бессонницей из-за того, что с ними, с Красными, произошло (если, конечно, допустить, что я вообще смогу спать в моем нынешнем положении). Но я и в голову не брал того, что случится после того, как я уничтожу всю Красную Коллегию до основания.

Коллегия принадлежала к сильнейшим сверхъестественным расам мира. Под их контролем находился целый континент и даже больше: вся Южная Америка и часть Центральной. Деловая же их активность распространялась на весь мир. Они владели недвижимостью. Акциями. Корпорациями. Банковскими счетами. Можно сказать, они держали у себя в кармане несколько правительств. Все, чего душе угодно.

Совокупная стоимость их владений не поддавалась исчислению.

И я вышвырнул все это на ветер, объявив тем самым начало новой игры. Типа, кто не успел, тот...

— Упс, — только и сказал я.

— Дела обстоят... паршиво, — продолжала Мёрфи. — В Чикаго еще ничего. Мы отразили самые худшие нападения — в основном от банды заносчивых ублюдков, именуемых фоморами. И ПараНет здорово нам помогает. Он спас буквально сотни — если не тысячи — жизней.

Краем глаза я увидел, как распрямила спину Эбби и какой уверенностью засветился ее взгляд. Да, такой Эбби я не видел еще ни разу.

— Хуже всего по большому счету пришлось Латинской Америке, — говорила Мёрфи. — Теперь всякий, кто обладает минимумом магических способностей и поддержки в сверхъестественном мире, увидел шанс основать собственную империю. Все старые конфликты и обиды вынуты из шкафов. По всему миру потусторонние твари убивают друг друга, а заодно и смертных. Стоит какой-нибудь большой рыбине перенести свою активность в Южную Америку, как на освободившееся место тут же налетают стаи мелкой рыбешки. В общем, куда ни глянь, повсюду мочилово.

Белый Совет, я слышала, тоже рвет свою дряхлую задницу, пытаясь не дать всему рассыпаться и по возможности защитить обычных людей. Только мы их здесь не видели, если не считать пары раз, когда Страж Рамирес приезжал в поисках Молли...

— Молли, — перебил я ее рассказ. — Как она? — Словно во сне я слышал, как Морти передает мои слова. Я обратил внимание на то, что он не без успеха старается передать все мои интонации. Похоже, в прошлом ему довольно часто доводилось заниматься чем-то подобным.

— До сих пор оправляется от ран, полученных в Чичен-Ице, — ответила Мёрфи. — Она говорит, психически она пострадала не меньше, чем физически. Ну и ногу ей все-таки сильно повредили. Не знаю, каким образом твое исчезновение сделало ее преступницей в глазах Белого Совета, но это, судя по всему, именно так. Рамирес говорил нам, что Стра-

жам приказано привести приговор в исполнение... Впрочем, не видно, чтобы он слишком надрывался, исполняя этот приказ. Уж я-то знаю, как это бывает, когда коп отлынивает от конкретного задания.

— Как она? — повторил я. — Мёрф, это же я. Как ей живется?

Она опустила глаза и сглотнула.

— Она... Она не в себе, Гарри.

— В каком смысле?

Мёрфи снова подняла на меня взгляд и стиснула зубы.

— Она разговаривает сама с собой. Она видит то, чего здесь нет. Страдает головными болями. И галлюцинациями.

— Вполне в моем духе, — заметил я — почти в унисон с Уиллом, который тоже подумал о том же самом. — Вполне в духе Гарри.

— Это совсем другое дело, — возразила Уиллу Мёрфи, — и ты это прекрасно знаешь. Дрезден контролировал себя. Он использовал все эти странности, так что они делали его сильнее. Скажи, разве мы его боялись? Вот так, по-настоящему?

Уилл нахмурился и отвел взгляд.

— Он мог пугать. Но нет. Я никогда не боялся, что он сделает мне плохо. Будь то по случайности или как еще.

— А как бы ты отнесся к конфликту с Молли? — спросила Мёрфи.

— Я бы лучше ушел, — признался Уилл. — Девчонка определенно не в себе.

— Короче говоря, — Мёрфи снова повернулась ко мне, — присутствие в городе чародея — в любом городе, по всему свету — очень важный сдерживающий фактор. Посторонние силы боятся Совета. Они знают, что Белый Совет может очень быстро добраться до них и что противостоять ему — дело почти безнадежное. Большая часть местных страшилок — по крайней мере те, у кого есть хоть немного мозгов, — избегают ступать на территорию, подведомственную Белому Совету. Вот только когда ты исчез, а у Белого Совета своих забот полны руки... — Мёрфи покачала головой. — Господи! Даже желтая пресса начинает замечать, что в городе творится что-то не то. Короче, Молли

нигде не задерживается. Все время в движении. Однако она вбила себе в башку, что в Чикаго можно обойтись и без настоящего чародея из Белого Совета — довольно того, чтобы нехорошие парни думали, что он здесь есть. С этой целью всякий раз, как она расправляется с каким-нибудь незадачливым хищником, она оповещает об этом всех. Назвала себя Леди-Оборванкой и объявила Чикаго территорией, находящейся под ее защитой.

— Бред какой-то, — сказал я.

— Теперь ясно, что я имела в виду под «она не в себе»? — спросила у Морти Мёрфи; голос ее зазвучал резче прежнего. Она сделала вдох, успокаиваясь. — Самое безумное здесь то, что это срабатывает. По крайней мере отчасти. Довольно многие нехорошие твари решили попытать счастья где-нибудь в другом месте. Хуже всего приходится университетским городкам в провинции. Но... Но и здесь всякое происходит. — Она поежилась. — Жуткие вещи. По большей части с нехорошими парнями. Но иногда и с людьми. В основном с уличными хулиганами. Визитная карточка Леди-Оборванки — клочок ткани, который она отрывает от своей одежды и оставляет на теле врага. И в последнее время таких клочков все больше. Большая часть — на трупах.

Я поперхнулся.

— И вы считаете, это Молли?

— Мы не знаем, — ответила Мёрфи профессионально бесстрастным голосом. — Молли говорит, она не охотится ни за кем, кроме сверхъестественных врагов, и у меня нет оснований ей не верить. Но... — Мёрфи развела руками.

— Значит, когда ты говорила «Неряха Энн», ты имела в виду Молли?

— Вот такая она сейчас... оборванная, грязная, искалеченная кукла, — подтвердила Мёрфи. — Поверь мне, это довольно точное описание.

— Оборванная, искалеченная, страшная кукла, — негромко поправил ее Уилл.

— И вы... позволяете ей оставаться такой? — возмутился я. Мёрфи стиснула зубы.

— Нет. Я говорила с ней раз десять. Мы даже пытались прогнать ее с улицы.

— Лучше бы мы этого не делали, — сказал Уилл.

— А что случилось? — спросил Морти.

Наверное, Уилл решил, что этот вопрос задавал я.

— Она расколошматила нас с легкостью молотка, загоняющего гвозди в мякоть бальсы, вот что случилось. Свет, звук, всякие образы. Господи, я явственно видел, как монстры тащат меня в Небывальщину — с такой четкостью, словно это происходило наяву. Все, что я мог, — это свернуться в комок и визжать.

От этого Уиллова описания желудок мой свело болезненной судорогой. Что само по себе странно, поскольку я не ел и, боюсь, в моем нынешнем состоянии и не буду есть. Наверное, просто мои призрачные внутренности запомнили это ощущение. Я отвернулся, пытаюсь отделаться от горечи во рту.

— Воспоминания — оружие, — негромко напомнил сэра Стюарт. — Острое как клинок.

Мёрфи движением руки оборвала Уилла.

— Вне зависимости от того, зашла она слишком далеко или нет, она единственная из всех нас обладает первоклассной магической мощью. Это не значит, конечно, что орден делает для нас мало, — добавила она, обращаясь к Эбби.

— Да ничего, — невозмутимо ответила блондинка. — Мы ведь все разные, по росту и по силе, не так ли? — Эбби посмотрела более или менее в моем направлении. — Мы выстроили обереги вокруг дома Кэррин. Триста человек из Паранета, все сообща. — Она дотронулась рукой до стены, где негромко гудела защитная энергия. — И меньше чем за день.

— Это стоило две сотни пицц, — буркнула Мёрфи. — И повестки в суд.

— Но ведь оно того стоило! — укоризненно выгнула бровь Эбби.

Мёрфи тряхнула головой, но я видел, что она с трудом сдерживает улыбку.

— В общем, мы ждем Молли, чтобы она подтвердила твои верительные грамоты, Гарри.

— Гм... — произнес Морти своим собственным голосом. — А это... это вполне безопасно, мисс Мёрфи? Если де-

вушка была его ученицей, не окажется ли ее реакция на его тень... несколько эмоциональной?

Уилл фыркнул:

— Скорее уж с нитроглицерином возиться безопаснее. — Он сделал глубокий вдох. — Кэррин, вы уверены, что это необходимо?

Мёрфи медленно оглядела собравшихся. Эбби сидела, потупив глаза, но ее обыкновенно румяные щеки заметно побледнели. Уилл не трогался с места, однако поза его выдавала готовность в любой момент выброситься в закрытое окно. Фортхилл выглядел спокойным, но и он хмурил брови, а губы сжались в напряженную линию.

За исключением Фортхилла все реагировали на это как на прямую угрозу.

Они все боялись Молли.

Мёрфи смотрела на них. Ростом она уступала им всем без исключения, зато лицо не уступало по выразительности гладкой льдине, поза оставалась абсолютно уверенной. Казалось, она готова встретить любой поворот событий.

Однако я-то побывал с Мёрфи не в одной переделке и мог видеть сквозь оболочку, скрывавшую от других двигавший ею страх. Она не знала наверняка, реально ли мое присутствие или нет. С ее точки зрения, я мог оказаться какой-нибудь страшилкой с улицы, а это было бы для нее неприемлемо. Она хотела знать точно.

Проблема состояла в том, что какой бы ответ она ни получила, он в любом случае причинил бы ей боль. Определи во мне Молли нехорошего парня, и осознание того, что настоящий Гарри Дрезден все еще числится пропавшим без вести (предположительно — погибшим), после того коротенького контакта, который подарил ей Морти, будет ранить сильнее замороженного лезвия. А если она узнает, что это действительно моя тень... Ну, это будет еще хуже.

— Молли справится, — сказала Мёрфи. — Она нам нужна. С ней все будет в порядке. — Она провела рукой по своей короткой стрижке. Голос ее сделался глуше от терзавшей ее боли. — Не обижайтесь, мистер Линдквист. Не обижайся, Мистер. Но мне... нам надо знать точно.

Паранойя? Возможно.

Но даже если паранойя, это не значит, что рядом не стоит призрак чародея со слезами на глазах.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Немного погодя в дверь кто-то поскребся, и Уилл открыл ее, пропустив в гостиную серого с рыжиной волка. Волк трусцой подбежал к дивану, на котором лежала одежда Марси, взял тряпки зубами и скрылся на кухне. Еще через несколько секунд из двери вышла, оправляя платье, Марси.

— Будет с минуты на минуту, — сообщила она. — Я уже предупредила Энди и Глаза.

— Спасибо, Марси. — Мёрфи еще раз окинула взглядом собравшихся. — Да успокойтесь же, наконец. А то вид у вас такой, словно сюда сейчас войдет Ганнибал Лектер.

— С Ганнибалом я бы справился, — заметил Уилл. — Это совсем другое дело.

Мёрфи подбоченилась.

— Уилл, Молли — одна из нас. И своим нервным видом ты ей уж никак не поможешь. Если не можешь сидеть спокойно, лучше выйди. Я не хочу, чтобы ты расстраивал ее еще сильнее.

Уилл поморщился, но вышел на кухню, а секунду спустя оттуда выбежал в гостиную здоровенный волк с мехом цвета Уилловой шевелюры. Он отошел в угол, крутанулся на месте раза три и улегся на полу. Тот радостно таякнул, прыгнул с колен Эбби и бросился к Уиллу. Точно так же покрутившись на месте, он плюхнулся на пол спиной к спине с волком. Волк очень по-человечески, страдальчески вздохнул, но не пошевелился.

— Спасибо, — кивнула Мёрфи и покосилась на Морти: — Там на кухне, на полу медный круг. Если здесь накалятся страсти, можете там укрыться. Умеете активировать круг?

— Да, конечно. — Он облизнул пересохшие губы. — Хотя я плохо себе представляю, чтобы я бежал, спасая свою жизнь, и задержался у вас на кухне. Не хочу сказать ничего дурного

про ваши меры предосторожности, но я остановлюсь, только оказавшись у себя дома.

— Господи! — вздохнула Мёрфи. — Жаль, что мало кто отличается подобным здравомыслием.

В кармане у Мёрфи чирикнула рация, и Глаза начали было докладывать что-то, однако слова почти сразу потонули в треске помех.

Напряжение в гостиной тут же повысилось на пару градусов. Чародеи и их магические способности плохо существуют с техническим оборудованием. Чем сложнее устройство, тем разрушительнее для него присутствие чародея, а уж электроника выходит из строя в первую очередь. Хрипящая рация предупредила нас о приближении Молли лучше любого часового с его дежурным: «Стой, кто идет?»

— Гм... — произнес я.

— Что? — оглянулся на меня Морти.

— Степень помех, вызываемых присутствием занимающегося магией, зависит от его — ну или ее — силы.

— Это я и так знаю, — ответил Морти. — Именно поэтому мне приходится то и дело менять мобильники. А что?

— А то, что по части интенсивности магической энергии Молли — не то чтобы тяжеловес. Ей надо находиться практически вплотную к прибору, чтобы он вырубился с такой скоростью. — Я прищурился. — Она сделалась сильнее. Или...

— Или она уже в комнате, — договорил за меня Морти.

Свет во всем доме мигнул и погас.

Ненадолго, всего на три или четыре секунды. Однако когда он снова загорелся, Мёрфи уже держала в руке свой пистолет, Марси перекинулась волчицей, на шее которой болталось бесполезной тряпкой платье, а на диване между Эбби и Морти сидела молодая женщина, одетая в несколько слоев разных обносков.

Роста Молли высокого, сложена как модель с постера, и ее длинных ног и волнительных форм не могли скрыть даже слои одежды. На хорошеньком лице на этот раз не было и следа макияжа; острые скулы выделялись, пожалуй, резче обычного. Грязные волосы, свалывшиеся неопрятными пря-

дями, имели фиолетовый цвет такого оттенка, что казались почти черными. Деревянная трость того же цвета, что и волосы, покоилась на коленях, а между тяжелыми армейскими бутсами валялся потрепанный брезентовый рюкзак, почти сплошь покрытый кнопками, пуговками и нарисованными маркером знаками. Судя по реакции Эбби и Морти, пахло от нее так, словно душ она в последний раз принимала по меньшей мере неделю назад.

Но хуже всего оказались ее глаза.

Голубые глаза моей ученицы ввалились, очерченные темными кругами от боли и усталости, и нездорово поблескивали — такой остекленевший взгляд мне доводилось видеть у людей, отходивших от наркоза.

— Даже интересно, как это вы меня заметили, — сказала Молли, обращаясь к Морти так, словно они мило беседовали уже некоторое время.

Эктомант вздрогнул; я видел, что он с трудом сдерживает желание сорваться с места и ринуться к своей машине.

Молли кивнула и огляделась по сторонам, задерживаясь взглядом на всех по очереди, пока не остановилась на Мёрфи.

— Надеюсь, Кэррин, наша беседа на этот раз будет иметь мирный характер.

Мёрфи, неодобрительно хмурясь, убрала пистолет.

— И прошлая тоже была мирной. Мы твои друзья, Молли, и переживаем за тебя.

Моя ученица пожала плечами:

— Я не хочу видеть никого вроде друзей. Если вы причисляете себя к ним, лучше оставьте меня, черт подери, в покое! — Последние слова она почти прорычала, после чего сделала паузу, вдохнула, выдохнула и все-таки взяла себя в руки. — У меня нет ни времени, ни терпения на групповую терапию. Чего вам нужно?

Мёрфи помолчала, обдумывая ответ. В конце концов она решилась:

— Нам нужно, чтобы ты подтвердила для нас кое-что.

— Я что, похожа на детектор лжи?

— Ты похожа на бездомное пугало, — невозмутимо ответила Мёрфи. — И пахнет от тебя, как от помойки.

— Мне казалось, вы работали раньше детективом. — Молли возвела глаза к потолку. — Уж для того, чтобы понять, что я никого не хочу видеть, особых дедуктивных способностей не требуется.

— Мисс Карпентер, — вмешался отец Фортхилл; голос его звучал мягко, но при этом каким-то образом властно. — Не забывайте, что вы гость в доме этой женщины. Женщины, которая неоднократно рисковала своей жизнью ради спасения других — в том числе и вас.

Молли смирила отца Фортхилла взглядом, полным артистического холода.

— Со мной, — произнесла она ровным, лишенным абсолютно всякого выражения голосом, — совершенно не обязательно разговаривать как с маленьким ребенком, отче.

— Если хотите, чтобы с вами обращались как со взрослой, — возразил Фортхилл, — вам стоило бы и вести себя соответственно. Что подразумевает в числе прочего вежливость к собеседнику и уважение к старшим.

Молли испепелила его взглядом, но все же промолчала и снова повернулась к Мёрфи:

— С учетом всех обстоятельств, находиться здесь с моей стороны просто глупо. И я женщина занятая, мисс Мёрфи, — все клиенты, клиенты и клиенты. Поэтому я и пяти лишних секунд здесь не пробуду, если только вы не назовете мне достойной причины для задержки.

— Это Мортимер Линдквист, эктомант, — с готовностью ответила Мёрфи. — Он утверждает, что пришел сюда по просьбе призрака Гарри, который находится здесь же... с ним.

Молли застыла на месте. Лицо ее побледнело до такой степени, что с ним не сравнились бы никакие белила.

— Мне хотелось бы, чтобы ты проверила, так ли это, — уже мягче продолжала Мёрфи. — Мне необходимо знать, правда ли... правда ли это его призрак.

Мгновение Молли молча смотрела на нее, потом вся сжалась.

— Гм... — пробормотала она.

Мёрфи придвинулась к ней чуть ближе:

— Но ты ведь можешь? Можешь сказать?

Молли на мгновение подняла на нее потрясенный взгляд и снова опустила глаза. Пробормотала что-то себе под нос — и наконец решилась:

— Угу. Только чтобы в комнате было поменьше народа.

— Почему?

— Вы хотите, чтобы я вам помогла, или как? — огрызнулась Молли.

Некоторое время Мёрфи молчала, скрестив руки на груди. Потом тряхнула головой:

— Пожалуй, пора вам еще раз прогуляться, ребята. Мистер Линдквист, будьте добры, останьтесь. Все остальные — брысь.

Морти из всех сил старался не производить впечатления человека, готового бежать к дверям впереди всех, хотя получалось это у него так себе.

— Я... Да, конечно, мисс Мёрфи.

Волков-оборотней пришлось уговаривать, а Марси — еще и помочь выпутаться из платья. Эбби с Фортхиллом переглянулись и вышли без возражений. Все это время Молли сидела совершенно неподвижно, глядя на сцепленные на коленях руки.

— Вы действительно не знаете сами? — тихо спросила она у Мёрфи. — Вы ведь даже не представляете, чего мне будет стоить ваша просьба.

— Если бы я могла сделать это сама, я бы не просила.

Молли резко вздернула подбородок. На губах у нее играла очень неприятная улыбка. Я бы сказал, почти зловещая.

— Слова, — произнесла она. — Слова. От них у вас словно слизь на губах. Только от этого они глаже не становятся.

— Молли... — Мёрфи вздохнула, села и развела руками. — Ты не позволяешь нам помочь тебе. Ты не хочешь с нами говорить. Но я действительно не могу просить об этом никого другого.

— Вы всегда обращались к нему, — сквозь зубы процедила Молли.

— Вот котел, который вот-вот взорвется, — заметил шепотом сэр Стюарт.

— Заткнитесь, — тоже шепотом посоветовал я ему, чисто машинально встав на защиту Молли. Впрочем, он был прав. Девочка на моих глазах просто бегом мчалась к краю пропасти.

Я смотрел на Молли и ощущал себя совершенно разбитым. Она обучалась у меня. Мне полагалось бы научить ее умению выжить без меня. Ну конечно, я не планировал получить пулю в грудь... Но если подумать, кто ожидает такого? Или ее состояние — всего лишь реакция на мир, в котором ей приходится теперь жить?

С полминуты Мёрфи внимательно смотрела на Молли, потом кивнула:

— Да. У меня достаточно знаний, чтобы понимать, чего я могу, а чего нет. Инстинкты говорят мне, что Морти не пытается меня обмануть, но в данном случае одних моих инстинктов недостаточно. Мне нужна твоя помощь. Пожалуйста.

Молли очень медленно покачала головой. Ее била дрожь. Она провела по лицу грязной перчаткой, и на щеках показались полосы чистой кожи.

— Хорошо. — Она подняла голову и в упор посмотрела на Морти. — Если это какой-то подвох, — тихо проговорила она, — я вам мозги выну и ошкурю.

Эктомант развел руками:

— Послушайте. Тень Дрездена сама ко мне пришла, я ее не звал. Если это не он, я здесь ни при чем.

— Вы настоящий таракан, — тоном светской беседы заметила Молли. — Убегаете и прячетесь от малейшей угрозы, зато всегда выживете. Так ведь?

— Да, — скромно признался Морти.

— Возможно, мне тоже стоило бы стать тараканом, — вздохнула Молли. — Жить было бы проще. — Она медленно вдохнула, сосредотачиваясь. — Где он?

Морти ткнул пальцем в меня. Я сделал несколько шагов и остановился перед проемом в коридор, ведущий к спальням. Потом спохватился и сделал сэру Стюарту знак оставаться на месте.

— Это почему? — не понял он.

— Она собирается открыть Зрение. Чем меньше она всякого увидит, тем лучше.

Сэр Стюарт пожал плечами, но послушно остался рядом с Морти. Прищулив глаза, он наблюдал за Молли, ни на миг не убирая руки с рукояти огромного пистолета.

Молли перехватила свою трость и встала, опираясь на нее и стараясь не наступать на раненную в Чичен-Ице ногу. Она выпрямилась, расправила плечи, повернулась в мою сторону и, сделав глубокий вдох, открыла Зрение.

Мне ни разу не доводилось еще наблюдать это со стороны. На лбу ее, чуть выше бровей, словно вспыхнул источник света, и я осязал его своей нематериальной плотью. Я даже поднял руку, прикрывая от него глаза, чтобы не ослепнуть. Только когда глаза свыклись немного с этим светом, я смог поднять взгляд и встретиться им с Молли.

Она чуть приоткрыла рот, глядя на меня сквозь слезы. Только с третьей попытки ей удалось выдавить из себя мое имя:

— Г-г-гарри? Откуда мне знать, вы ли это?

Я мог отвечать ей. Эта штука называется Зрением, но на деле она охватывает весь спектр обычных человеческих ощущений плюс несколько необычных. Я соорудил физиономию посерьезнее и постарался как мог точнее изобразить интонации Алека Гиннесса:

— Отправляйся в систему Дагобара, и ты обучишься у Йоды, мастера-джедая, что обучил меня.

Молли промахнулась мимо стула и приземлилась пятой точкой на пол.

— Господибожемой! — выдохнула она. — Господибожемой, господибожемой, господибожемой. Гарри.

Я опустился на колени, так что глаза наши находились на одном уровне.

— Да, детка. Это я.

— Значит... значит, вы правда... умерли?

Я пожал плечами:

— Ну, не знаю. Наверное, да. Я как-то новичок в этих делах, да и не могу сказать, чтобы при жизни нас слишком уж просвещали на этот счет.

Она кивнула. По щекам ее струились слезы, но она не отводила глаз.

— В-вы пришли, чтобы забрать меня?

— Нет, — тихо ответил я. — Нет, Молли. Меня сюда, обратно, прислали.

— З-зачем? — прошептала она.

— Найти того, кто меня убил, — тихо ответил я. — И если я этого не сделаю, опасность будет угрожать людям, которые мне дороги.

Молли принялась раскачиваться взад-вперед.

— Я... Ну, я пыталась... В городе стало так много тьмы, а я знала, чего вы от меня ожидали бы, но я ведь не такая сильная, как вы. Я не умею просто м-мочить гадов, как умели вы...

— Молли, — произнес я как можно проще и спокойнее.

Она подняла на меня свои покрасневшие, усталые глаза.

— Ты ведь знаешь, о ком я хотел бы тебя спросить, верно? О том, о ком я не хотел бы говорить при других...

С самого своего возвращения в Чикаго я ни разу не произнес имени моей дочери. Черт, да я и мысленно-то его произносить едва осмеливался. Для всего мира Мэгги сгинула в мясорубке, положившей конец Красной Коллегии. Все, кто узнал бы о ее существовании, могли бы использовать это знание против нее. Я не мог допустить такого. Тем более теперь, когда я не в состоянии защитить ее сам.

В горле застрял комок — наверное, потому, что память подсказывала: так полагается.

— Ты ведь знаешь, о ком это я.

— Угу, — кивнула она. — Разумеется.

— С этим человеком все в порядке?

— Насколько мне известно, да, — ответила она. Легкая улыбка на короткий миг напомнила мне ту девушку, какой она когда-то была. — С ней Чубакка.

Так называть она могла только огромный ходячий коврик — моего пса, Мыша. Этот зверюга умом превосходил многих известных мне людей, а уж в качестве сверхъестественного телохранителя для девочки лучшего и не придумаешь. И он у меня большой, и теплый, и мохнатый, и всегда готов послужить одеялом или подушкой — ну или пушечным ядром неодолимой силы. Это уж в зависимости от требований момента. Черт, Мэгги ведь всего восемь. Должно быть, половину времени Мышу приходится изображать из себя пони.

Я медленно перевел дух; голова немного кружилась. Все воспоминания, что остались у меня о Мэгги — те немногие,

что остались, — разом вытеснили из головы почти все другое. Собственно, запомнилось мне только, как я держал ее на руках, когда все закончилось. Я даже не знаю, как долго это продолжалось. Она казалась совсем маленькой и теплой в моих руках... наверное, после всего, что произошло там, мои объятия ее хоть немного утешили.

— Мы могли бы навестить ее, — предложила Молли. — Ну, я хочу сказать... Я знаю, где она сейчас.

Мне ужасно хотелось ухватиться за эту возможность и согласиться. Но я не мог. И не стал.

— Может, потом. Когда с делами разберемся, — сказал я.

— Хорошо, — кивнула Молли.

— Ты бы лучше закрыла Зрение, детка, — посоветовал я. — Им не стоит злоупотреблять. Это может плохо кончиться.

— Но... но тогда ведь я не смогу вас видеть. И слышать. Чудно... почему эта штука называется только Зрением?

— Ну, так уж ее назвали, — хмыкнул я. — Ты обладаешь даром, детка. Доверься своей интуиции. Что в данном случае должно было бы тебе подсказать, что тебе не помешало бы то зелье для общения с духами, которое мы с тобой разработали на основе рецепта Рашидовой мази, помнишь?

— Идет, — кивнула она. — Идет. — Она нахмурилась, низко опустила голову, и я увидел, что она выключила Зрение: свет, струившийся откуда-то из ее лба, дрогнул и померк.

Мёрфи сидела на краешке кресла, напряженно выпрямившись и сцепив руки на коленях.

— Мисс Карпентер!

Молли повернулась и подняла глаза. У нее ушло не меньше двух секунд на то, чтобы сфокусировать взгляд на Мёрфи.

— Да?

— Это он?

— Он поздоровался со мной цитатой из «Ответного удара Империи».

Уголок губ у Мёрфи чуть дернулся.

— Он.

Моя ученица кивнула и снова отвела взгляд в сторону.

— Значит, — сказала Мёрфи, — он и правда... правда мертв. Та пуля его убила.

— Он мертв, — согласилась Молли. — Эта тень... Это Гарри... во всех отношениях. У нее его воспоминания, его личность...

— Но это не он.

Молли покачала головой:

— Я как-то спросила его об этом. О том, что происходит с душой, когда человек оставляет после себя духа.

— И что он ответил?

— Что даже представления об этом не имеет. И что вообще сомневается в том, что у кого-то найдется на это прямой ответ.

— Молли, — вздохнула Мёрфи, — я знаю, ты устала. Мне было бы приятно, если бы ты позволила мне предложить тебе переодеться. Поесть. Принять душ. Выспаться по-настоящему. Мой дом защищен. Я бы с радостью сказала твоим родителям, что мне удалось сделать для тебя хотя бы это, когда они позвонят мне, чтобы узнать, как ты.

Молли огляделась по сторонам и прикусила губу.

— ...Ну... да... — Она поежилась. — Только... только лучше будет, если я просто уйду.

— Лучше? Для кого?

— Для всех, — решительно ответила Молли. Она собралась с духом и встала, опираясь на трость. При этом она поморщилась. Видно было, что раненая нога до сих пор причиняет ей боль. — Нет, честно. Я веду несколько игр сразу, и мне не хотелось бы, чтобы эти игры каким-то образом заделали вас. — Она помолчала. — Я... — нерешительно продолжала она, — извините меня за те слова... ну, насчет детектива, Кэррин. Я погорячилась.

Мёрфи пожала плечами:

— Будем считать, ничего такого не говорилось.

Моя ученица вздохнула и принялась запахивать на себе слои лохмотьев.

— Мне кажется, мистер Линдквист действует искренне. Я зайду завтра — попробую найти что-нибудь, что помогло бы вам общаться с Гарри без лишнего труда.

— Спасибо, — кивнула Мёрфи. — Раз уж ты этим занялась, может, луч...

Со двора вдруг послышался рев здорового клаксона.

Морти выпрыгнул из кресла и пригнулся, готовый ринуться прочь или же героически распластаться на полу.

— Что это?

— Тревога! — бросила Мёрфи, выхватывая пистолет. — Все на п...

Прежде чем она успела договорить, с улицы грянули выстрелы, решета стены и окна дома пулями.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Я сделал то, что сделал бы на моем месте любой здравомыслящий человек, — бросился на пол.

— Ох, Дрезден, право же! — рывкнул сэр Стюарт. Он ринулся навстречу выстрелам — прямо сквозь стену. На мгновение обереги Мёрфиного дома окутали его призрачным бело-голубым сиянием, а потом он исчез из виду.

— Ну да, болван! — обругал я себя. — Ты ведь все равно уже мертв. — Я вскочил и бросился за ним следом.

Все живые присутствующие старательно вжимались в пол, когда я вывалился сквозь стену на улицу. Насчет берегов я не беспокоился: никто и никогда не рассчитывал берегов на то, чтобы они удерживали всякую нечисть, пытающуюся выйти, — только тех, кто хочет войти. Кроме того, меня ведь пригласили в дом, что с формальной точки зрения причисляло меня к «своим» — впрочем, как оказалось, на поверку «дружественные» обереги действуют приблизительно по такому же принципу, что и «дружественный» огонь. Проход сквозь защищенную берегами стену не ограничился простым неприятным покалыванием. Я ощущал себя примерно так, словно меня спустили голышом по аквапарковому желобу, вымощенному изнутри стальными щетками.

— Аааааааааааа! — заорал я, вываливаясь из стены дома в палисадник. Мои познания о призраках разом расширились: теперь-то я понимал, почему они всегда стонут или завывают, выныривая из чьих-нибудь стен или пола. Никакой мистики: это просто чертовски больно.

Шатаясь, я сделал несколько шагов и поднял взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть происходящее. На улице перед домом стоял пикап. Кто-то из сидевших в кабине выставил в окно ствол дробовика, а в кузове съежились еще четыре фигуры в темной одежде, целившиеся в сторону дома Мёрфи из чего-то вроде штурмовых винтовок и автоматов. Патронов они явно не жалели, так что грохот и вспышки выстрелов казались неестественно яркими и громкими на фоне царившего вокруг зимнего покоя.

Эти парни не производили впечатления профессионалов. Мне приходилось видеть в деле настоящих наемных убийц, и эти шуты ничем их не напоминали. Они просто тыкали стволами более или менее в направлении цели и нажимали на спусковые крючки. До прицельного огня профессионала им было далеко; впрочем, если пуль много, куда-нибудь да можно попасть.

Они и в меня попали раз пять или шесть. Однако неприятные ощущения от пуль были слишком короткими, так что не столько причиняли боль, сколько раздражали. Я вдруг понял, что бегу к пикапу бок о бок с сэром Стюартом и что на строение у меня самое что ни на есть боевое. Что ж, пуленепробиваемое состояние, скажем так, ободряет.

— Что мы делаем? — крикнул я на бегу. — Я хочу сказать, чего мы хотим добиться? Мы же не можем им ничего сделать! Или можем?

— Смотри и учись, сынок! — отозвался сэр Стюарт, скаля зубы в волчьей ухмылке. — На счет три — в кузов!

— Чего! То есть я думал...

— Не думай! — крикнула тень. — Просто делай! Доверься инстинктам! В кузов! Раз, два...

Тень дважды оттолкнулась от земли — как при тройном прыжке. Я последовал примеру сэра Стюарта, но все-таки не совсем инстинктивно.

В голове моей вдруг всплыло неожиданное воспоминание: школьный двор, на котором мы устраивали свои собственные олимпийские игры. Горячее солнце пекло нам головы, поднимая битумные испарения от асфальта. Я состязался в прыжках в длину, и получалось у меня так себе. Я уже не помню, почему мне так важно было выиграть, но я защи-

клялся на этом со всей детской истовостью. Я помню, как, разбегаясь к начерченной розовым мелом линии, мечтал только об одном: пробежать быстрее всех, прыгнуть дальше.

Вот тогда я впервые использовал магию.

Разумеется, сам я этого тогда не осознавал. Но я помню ощущение полной устремленности, пронзившее все мое тело, и ту невидимую силу, что подтолкнула меня в спину, так что на мгновение мне показалось даже, что я вдруг научился летать, как Супермен.

Реальность быстро напомнила о себе. Я летел как попало, отчаянно размахивая руками. Я приземлился на асфальт и изрядно ободрал о него руки-ноги. Я помню, как мне было больно — и как мне было на это наплевать, потому что я выиграл.

Я побил рекорд школ штата Айова. Больше чем на фут. Впрочем, его не зачли. Меня дисквалифицировали. Я тогда был совсем еще мальчишкой. Ну, всем ведь понятно: произошло что-то неправильное, наверное, кто-то что-то напутал, так что об этом ненормальном прыжке лучше забыть.

Очень живое оказалось это воспоминание, дурацкое и немного грустное, — но в конце концов, такое произошло со мной впервые.

Очень-очень мощное воспоминание.

— Три! — выкрикнул сэр Стюарт и прыгнул.

Не спуская взгляда с набитого стрелками кузова, я бросился следом за ним.

Я ощутил странное головокружение сродни тому, какое испытал от эликсира, который изготовили мы с Бобом во времена борьбы с Человеком-Тенью. Как будто меня разложили на миллион составных частей и швырнули вперед с неопишуемой скоростью, а потом снова собрали воедино.

В лицо мне снова ударил холодный ветер, я пошатнулся и чуть не свалился с крыши пикапа, медленно тронувшегося с места и набиравшего скорость.

— Вот так блин! — заорал я, улыбаясь как безумный. — Надо же, как круто! Сначала Кити Прайд, а теперь Ночной Змей!

Повернувшись, я увидел, что сэр Стюарт стоит в кузове, глядя на меня довольно-таки неодобрительно. Спина одно-

го из автоматчиков находилась абсолютно в той же точке пространства, что и нога сэра Стюарта.

— Не больно? — поинтересовался я, мотнув головой в сторону его раненой ноги.

— А? — не понял сэр Стюарт, опустил взгляд и понял, о чем я говорю. — Ну, полагаю, есть немного. Я перестал обращать внимание на такие мелочи после первых семидесяти или восьмидесяти лет. Ладно. С вашего разрешения, Дрезден, продолжим?

— Что продолжим? — спросил я.

— Учить вас тому, чего вам так катастрофически не хватает, — ответил сэр Стюарт. — А также мешать этим пиратам. — Последние слова он процедил сквозь зубы.

Я нахмурился и покосился на стрелков, торопливо менявших магазины. По части перезарядки они тоже не слишком блистали ловкостью.

— Блин, сейчас их мог бы снять один-единственный человек с пистолетом, — заметил я. — Жаль, что мы безоружны.

— Плоти мы касаться не можем, — согласился сэр Стюарт. — И хотя перемещать материальные предметы тени в состоянии, в этом нет практического смысла. Хорошо потренировавшись, вы смогли бы сдвинуть пенни на несколько дюймов. За пару минут.

— Жаль, но пенни у нас тоже нет, — напомнил я ему.

Он не обратил на мои слова ни малейшего внимания.

— А все потому, что мы способны перемещать лишь самые миниатюрные частицы. Поднять монету в воздух мы не можем: гравитация мешает.

Я нахмурился. Все это подозрительно смахивало на вступительные уроки для будущих чародеев. В большинстве случаев, когда вам надо переместить какой-либо предмет, необходимой для этого энергии у вас самих в наличии не имеется. Однако из этого вовсе не следует, что вы не можете переместить этот предмет. Из этого следует всего лишь то, что вам нужно поискать эту энергию где-нибудь еще.

— Но... Но ведь вы не можете заимствовать энергию из ниоткуда?

Здоровяк уставил в меня указательный палец, и лицо его осветилось улыбкой:

— Отлично. Мы не способны взаимодействовать с предметами, перемещаемыми живым существом. Мы даже не можем прикасаться к предметам, находящимся слишком близко к живому телу. Но... — Он покосился на меня, явно ожидая, что я договорю.

Я поморгал, лихорадочно размышляя.

— Машины, — догадался я. — Мы можем воздействовать на машины.

Сэр Стюарт кивнул:

— До тех пор, пока они в движении. А уж энергии и прочих связей в работающей машине в достатке.

Не говоря больше ничего, он сделал шаг вперед, прошел сквозь заднюю стенку кабины, уселся на пассажирское сиденье и потянулся налево. С крыши кабины мне было плохо видно, что он там делает, поэтому я опустил на четвереньки и, вытянув шею, просунул голову сквозь крышу. Кожу щипало, но я, можно сказать, всю свою жизнь учился бороться с болью. Я стиснул зубы и присмотрелся.

Сэр Стюарт сунул одну руку в руль, другую — куда-то в приборный щиток, а сам принялся терпеливо ждать, вглядываясь в дорогу перед нами. Ждать пришлось недолго. Пикап тряхнуло на неровности льда, тень зажмурилась и дернула что-то в потрохах руля.

Из руля с громким хлопком выстрелила подушка безопасности.

Она бесцеремонно прижала водителя к спинке кресла, и тот ударился в панику. Руки его судорожно вцепились в баранку, которая повернулась при этом на несколько градусов. И тут он сделал то, чего совершенно категорически нельзя делать на скользкой дороге: нога его вдавила в пол педаль тормоза.

Небольшой поворот и резкое торможение разом пустили машину юзом. Водитель пытался убрать подушку, поэтому машину крутило все сильнее.

Сэр Стюарт удовлетворенно хмыкнул и поднял взгляд на меня.

— Ненамного сложнее, чем напугать лошадь, право же.

Стрелки в кузове тем временем визжали, глядя, как идет кругом улица. Машина, словно вальсируя, сделала

три полных оборота, отрикошетила от сугроба на обочине, двигаясь боком, пересекла осевую, встречную, тротуар — и въехала точнехонько в витрину маленькой продуктовой лавки. Воздух наполнился скрежетом сминаемого металла, лязгом бьющегося стекла и грохотом осыпающегося кирпича.

По сравнению с этим звон сработавшей сигнализации казался не громче звуков, издаваемых моим старым будильником с Микки-Маусом на циферблате.

Секунду-другую стрелки сидели оглушенные, не шевелясь, потом разразились ругательствами и полезли из машины. Им явно не терпелось убраться до появления копов.

Сэр Стюарт исчез и вновь появился уже на другой стороне улицы. Я сделал такое же усилие, как минуту назад, когда запрыгивал в машину, и снова испытал давно забытое ощущение. Я вновь распался на миллион частей, а когда собрался воедино, стоял рядом с сэром Стюартом — правда, лицом к кирпичной стене.

— В следующий раз не забудьте развернуться по дороге, — посоветовал он.

Я фыркнул и оглянулся на стрелков:

— А с ними что?

— А что с ними?

— Мы могли бы, типа, овладеть ими... Ну, там, заставить их разбить свою дурацкую башку о стену или еще чего такое?

Сэр Стюарт расхохотался.

— Мы не можем проникнуть в смертного, если только он сам этого не хочет. На такое способны демоны, но не тени.

Я нахмурился:

— И что? Мы так и позволим им уйти?

Он пожал плечами:

— Мне не хотелось бы оставлять Мортимера надолго без опеки. А вам, Дрезден, посоветовал бы учесть, что до рассвета осталось не так уж и долго. Он уничтожит вас, если вы не найдете себе убежища вроде дома Мортимера.

Я нахмурился еще сильнее, вглядываясь в небо. Городские огни заглушили все, кроме самых ярких звезд, но небо на востоке, у самого горизонта, начало окрашиваться в голубой цвет. Рассвет пагубно сказывается как на духах, так и на

любых магических заклетиях. Ну, сам по себе он не хорош и не плох, но рассвет — время начинать все заново, так что свет нового дня смывает сверхъестественный хлам дня предыдущего. Чтобы пережить восход солнца, духовным существам необходима хоть какая-то защита — скажем, убежище. Моему лабораторному ассистенту Бобу, например, таким убежищем служил заговоренный специальными заклетиями череп. Обычной защиты в виде порога в этом случае недостаточно, хотя мой старый дом (увы, сгоревший) и мог считаться убежищем с учетом того, сколько слоев защиты я ему организовал.

Вот только ничего такого у меня сейчас не было.

— Возвращайтесь к Морти, — сказал я. — Занятно было сыграть с этими охламонами в «Форсаж», но это вряд ли сильно поможет людям, которых нам хотелось бы защитить. Я хочу проследить этих снайперов до дома или где они там собираются — посмотрю, не удастся ли мне чего-нибудь про них узнать.

Сэр Стюарт смерил меня хмурым взглядом.

— Рассвет — не то, с чем можно шутить, дружище. Настоятельно советую вам подумать хорошенько.

— Не спорю, — кивнул я. — Однако единственное оружие, которым я могу с ними бороться, — это знание. Кто-то должен все выяснить, а я единственный, у кого есть иммунитет к отравлению свинцом. Так что выбор не лишен логики.

— Допустим, вам удастся выведать информацию, а потом каким-то образом пережить рассвет, — сказал призрака. — И что вы будете делать потом?

— Передам ее Мёрфи, а та использует ее для того, чтобы этим ублюдкам уши на жопу натянуть.

Сэр Стюарт даже зажмурился.

— Какое... Какое образное сравнение!

— У меня дар к метафорам, — скромно согласился я.

Он покачал головой и вздохнул:

— Я восхищаюсь силой вашего духа, дружище, и все-таки это глупо.

— Угу, — согласился я. — Но такой уж у меня характер.

Сэр Стюарт заложил руки за спину и задумчиво потопал ногой по снегу. Потом неохотно кивнул.

— Удачной охоты, — произнес он. — Если у вас снова возникнут проблемы с привидениями — исчезните. Они не смогут вас отследить.

— Спасибо, — кивнул я, протягивая ему руку.

Мы обменялись рукопожатиями, он резко повернулся и зашагал обратно к дому Мёрфи.

Пару секунд я смотрел ему вслед, потом тоже повернулся и поспешил за едва различимыми сквозь метель фигурами стрелков, пытаясь на ходу прикинуть, сколько времени у меня в запасе до того, как лучи рассвета окончательно меня уничтожат.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Нехорошие парни двинулись дальше пешком, и я последовал за ними.

— Эй вы! — произнес один из них. Его отличала юношеская худошавость, по бронзовой коже его можно было бы принять за индейца, хотя курчавые рыжие волосы и нос картошкой свидетельствовали об обратном. А еще глаза очень странного оттенка карего — такого светлого, что казались почти золотыми.

— Чего, Фиц? — переспросил другой.

— Заткнись! — перебил его Фиц. — Дай сюда свою штуковину.

Тот послушно протянул ему автомат. Фиц ловко отстегнул рожок, передернул затвор, выбросив находившийся там патрон, и сунул все это в сугроб на обочине — вместе с собственным оружием.

— Какого хрена? — удивился обезоруженный стрелок и легонько толкнул Фица в грудь.

Фиц врезал ему кулаком по физиономии с такими силой и быстротой, что это удивило даже меня — а уж я-то повидал драк на своем веку. Тот плюхнулся в снег и остался сидеть, ощупывая руками сломанный нос.

— Некогда тупить, — буркнул Фиц. — Ну-ка все, гоните пушки. Или хотите объяснить ему, зачем пытались упечь нас всех за решетку?

Остальные отнеслись к этому без особой радости, но оружие отдали. Фиц разрядил все, сунул в сугроб и приказал хорошенько забросать снегом.

— Но это же глупо, чувак, — сказал один из юнцов. — Если хоть один из этих волков нападет на наш след, нам будет нечем обороняться.

— Если хоть один из этих волков проследит за нами, нам на хвост сядет Леди-Оборванка, а против нее никакие автоматы не помогут, — огрызнулся Фиц. — Утрамбуйте снег как следует. А теперь разгладьте. — Он повернулся к типу, которого только что ударил, и сунул ему в руки комок чистого снега. — Приложи к носу. Надо остановить кровь. Не стоит оставлять за собой кровь, если только есть такая возможность.

Сидевший в снегу юнец выглядел изрядно напуганным и послушно исполнил все, как велел Фиц.

— Что делаем? — поинтересовался другой стрелок. Ростом он был ниже остальных и говорил не вызываяще — просто спрашивал.

— Тачка угнана. По ней нас не найдут, — объяснил Фиц, отряхивая руки от снега. — Даже если завтра наступит весна, сугроб растает не раньше, чем через несколько дней, — значит, оружие найдут тоже не сразу. Если повезет, их вообще друг с другом не свяжут.

— Это когда еще будет, — пробормотал коротышка. — А мне хотелось бы типа до утра дожить.

Фиц почти улыбнулся:

— Хочешь разгуливать по улицам гребаного Чикаго с оружием в руках? С тачкой у нас еще была возможность его спрятать. Но не здесь.

Коротышка понимающе кивнул:

— Но хоть нож-то я могу себе оставить?

— Не на виду, — ответил Фиц и склонил голову набок, прислушиваясь. Вообще-то в ночном Чикаго сирены — дело заурядное, но на этот раз они сделались громче, ближе, поделившись из общего фона ночных шумов. — Пошевеливайтесь, ребята.

Фиц сунул руки в карманы своего не по сезону легкого пальтишка и зашагал прочь. Остальные потянулись за ним.

Я шел рядом с Фицем, изучая его. Поведение этого парня после боя произвело на меня даже больше впечатления, чем непосредственно во время схватки. Направить автомат в нужную сторону и нажать на спусковой крючок — дело нехитрое, это любой дурак может. А вот сохранять спокойствие и рассудительность сразу после автомобильной аварии, взвешивать возможные последствия, принимать оптимальные решения, преодолевая при этом сопротивление подчиненных, — такое дано не каждому. При том, что нападение было осуществлено достаточно дилетантски, глупым я бы его не назвал, и действия Фица в условиях, сложившихся в результате внезапного вмешательства в его планы сэра Стюарта, представлялись настолько идеальными, насколько это вообще возможно.

Фиц продемонстрировал отменную сообразительность в сложной обстановке, показал себя прирожденным лидером, и у меня сложилось неприятное впечатление, что он не наступит на одни грабли дважды. Он сделал все, что от него зависело, чтобы убить нескольких самых близких мне людей. Наличие мозгов и решительность — я даже не знал, что тут опаснее. Да, его необходимо нейтрализовать при первой возможности.

Так я шел за ними по морозу, которого больше не ощущал, попутно практикуясь в искусстве исчезания. Я запрыгивал вперед, потом назад, к ним за спину, потом вправо, потом влево — и все это время старался не обращать внимания на светлеющее небо.

Очень меня что-то напрягало в этом рыжеволосом парне.

Ведь знал он, что копы уже в пути, сигнализация верещит как резаная, знал, что его спутники обескуражены и изранены, так какого черта он не пожалел нескольких драгоценных секунд на то, чтобы разрядить оружие? В условиях, когда каждое мгновение на вес золота? Зачем он это сделал?

Я задавал себе вопрос: поступил бы я так же на его месте? И зачем? И единственный ответ, который приходил мне в голову, гласил: только затем, чтобы не пострадал тот, кто рано или поздно это оружие найдет. Фиц пытался изрешетить пулями маленький чикагский домишко — а вместе с

ним, учитывая убойную силу пуль, и несколько соседних — и при этом, избавляясь от улики, принял необходимые меры безопасности... Противоречие какое-то.

Любопытно.

Еще любопытнее показалось мне то, что я вообще обратил на это внимание. Обыкновенно, когда кто-то покушается на моих друзей, я мгновенно заношу его в список первоочередных целей на уничтожение и стараюсь сделать его жизнь предельно дискомфортной до тех пор, пока он не перестанет представлять собой угрозы. И как правило, это не мешает мне спать спокойно.

Но на сей раз, черт подери, я не мог броситься в драку очертя голову. Ну конечно, на сей раз те, кто угрожал моим друзьям, не угрожали мне самому. Ни Фиц, ни его команда не могли причинить мне никакого вреда, если только не собирались гулять так до самого восхода солнца, да и я, собственно, тоже не представлял для них никакой опасности. В нормальном состоянии я бы весь кипел в присутствии людей, пытавшихся убить моих друзей. Но теперь...

Мы абсолютно не угрожали друг другу. Надо признаться, это изрядно мешало поддерживать необходимую степень кипения.

Фиц вел свой отряд по заснеженным улицам, задержавшись только раз — чтобы проверить состояние расквашенного им носа. Снежный компресс помог остановить кровотечение, но парень совершенно одурел от боли. Другие тоже не вышли из передраги невредимыми, хотя отделались травмами полегче. Поэтому Фиц сделал еще одну остановку у небольшого ночного магазина, из которого вышел с бутылкой воды и большим пузырьком болеутоляющих таблеток. Пузырек он сунул в руки недоверчивому коротышке, наказав раздать каждому по двойной дозе и двигать дальше.

Им потребовался почти час на то, чтобы выйти из Бактауна и направиться в Саутсайд. Многие до сих пор полагают, что Саутсайд представляет собой что-то вроде экономической пустыни, по которой проходит демилитаризованная зона враждующих гангстерских кланов. Это вовсе не так — ну по крайней мере не везде. Есть, конечно, кварталы, куда лучше не заходить в одежде не того цвета или с кожей не того

цвета, но они скорее являются исключением, а не правилом. Большая часть Саутсайда довольно разнообразна, значительная его территория занята всякими производствами, и Фиц со своим избитым пешим воинством направился к заброшенной фабрике на краю промзоны.

Она занимала целый квартал — здоровенное здание высотой всего два этажа, зато площадью в несколько акров. Снегоочистители сгребали снег к его стенам — о необходимости прохода и проезда в пустующий дом речи не шло, — так что сугробы окружали дом крепостной стеной. Фиц и его команда перебрались через эту стену в месте, где кто-то вырубил лопатой подобие ступенек. Через покрытую толстым слоем снега стоянку вела узкая протоптанная тропинка — двигаясь цепочкой, они подошли к дверям, запертым на цепь, но Фиц полязгал стальными звеньями, и одна из дверей отворилась настолько, чтобы отряд юнцов — никто из которых не отличался особо капитальной комплекцией — смог протиснуться внутрь.

Я прошел сквозь дверь так, как положено уважающему себя призраку — насквозь. Я честно старался не обращать внимания на дискомфорт, как делал это сэр Стюарт. Оказалось все равно больно — не настолько, чтобы я дико взвыл, но достаточно, чтобы это действовало на нервы. Возможно, «коже» призрака просто требуется время, чтобы привыкнуть. Хорошо еще, порога здесь не было, а то бы я его не одолел. Это место никогда никому не служило домом, а тот, кто разместился здесь теперь, явно не придавал порогу особого значения. Собственно, процесс, превращающий порог в подобие сверхъестественного барьера, так и не получил объяснения или описания; так или иначе, с учетом обстоятельств его отсутствие сыграло мне на руку... Эх я хорошо все придумал...

— И вовсе не так уж и хорошо. Соберись, Дрезден! — буркнул я сам себе. — Думай лучше о деле, тогда тебе не понадобится привыкать ко всем этим аспектам призрачного существования.

Фиц задержался ненадолго и вслух пересчитал всех своих спутников — те, устало переставляя ноги, плелись куда-то в глубь здания. Фабричный цех явно строился исходя из сооб-

ражений экономии, а не красоты. Окон было мало, да и те выходили не на восток — при том, что до рассвета оставались считанные минуты и отраженные от снега городские огни казались еще ярче. А еще — судя по облачкам пара, вырывающимся из ртов незадачливых стрелков, — здесь стоял холод.

Фиц достал из кармана фонарик и включил его. Фонарик горел красным огнем и не столько освещал дорогу, сколько обозначал разницу между темнотой обычной и непроглядной. Впрочем, чтобы идти, этого хватало.

— А вот интересно, — подумал я вслух. — В конце концов, я ведь нематериален. А взаимоотношения у призраков и материального мира, похоже, не столь просты и прямолинейны, как у смертных с законами физики. Ну, например, зрачков для преломления света у меня больше нет.

Блин, если уж на то пошло, свет должен проходить сквозь меня — иначе как бы я оставался невидимым? Из чего по логике вещей следовало, что я не вижу мир в общепринятом смысле слова. Чувства мои функционировали теперь как-то по-другому, и воздействие света на сетчатку глаз не имело к этому ни малейшего отношения.

— То есть выходит, для того, чтобы видеть, свет мне не обязателен? — спросил я сам себя.

— Нет, не обязателен, — ответил я сам себе.

На несколько шагов я зажмурил глаза и сосредоточился на одном давнем воспоминании — давным-давно, еще в детстве, я оказался в доме приемных родителей, в темной комнате, когда электричество вырубилось из-за грозы. Я слепо шарил по сторонам в поисках фонарика, зажигалки или спичек. Только минут через десять мне удалось кое-что найти — декоративный стеклянный шарик со снежинками, сувенир Олимпиады в Лейк-Плесиде. Нажмешь на кнопку — и красные, белые и синие снежинки начинают сиять ярким светом.

Стоило комнате превратиться в место, в котором я мог снова ориентироваться, как охватившая меня паника улеглась, будто ее и не было. Я снова мог видеть.

Вот и сейчас, когда я открыл свои призрачные глаза, я видел коридор, по которому мы шли, с кристальной ясно-

стью, словно кто-то включил давным-давно погасшие люминесцентные трубки над головой.

Я невольно усмехнулся. Черт, я и правда мог видеть в темноте!

— Прямо как... черт, не помню, кто из Людей-Икс мог видеть в темноте... или Ночной Змей мог? А впрочем, без разницы. Все они сверхгерои. И я тоже ничего...

Фиц вдруг застыл на полушаге, резко повернулся и, широко раскрыв глаза, направил луч фонаря в мою сторону. Потом резко потянул носом воздух.

Я тоже застыл, уставившись на него.

Все вокруг Фица смолкли и остановились, отреагировав на выказанный им несомненный страх — так ведут себя те, у кого есть повод опасаться хищников. Фиц неуверенно шарил взглядом по коридору, поводя лучом фонаря из стороны в сторону, словно это могло бы помочь ему видеть в темноте хотя бы на несколько дюймов дальше.

— Блин-тарарам, — произнес я. — Эй, парень! Ты что, меня слышишь?

Фиц явно отреагировал на мой голос: он склонил голову сначала в одну сторону, потом в другую, словно пытаясь обнаружить источник слабого шепота.

— Фиц? — неуверенно прошептал паренек с ножом.

— Цыц! — шикнул на него Фиц, продолжая всматриваться в темноту.

— Эй! Парень! — крикнул я, сложив руки рупором. — Ты меня слышишь?

Краска и так уже сползла с его лица, однако второй оклик вызвал иную реакцию. Он облизнул пересохшие губы и быстро отвернулся.

— Послышалось что-то, — буркнул он. — Ерунда. Пошли.

Все страньше и страньше. Я сунул руки в карманы плаща и зашагал рядом с Фицем, изучая его.

Роста в нем было шесть футов без одного дюйма, и все же он был выше остальных своих спутников. Вряд ли ему исполнилось семнадцать, но взгляд, казалось, принадлежал человеку на несколько десятков лет старше. Должно быть, в жизни ему пришлось нелегко, если он выказывал такую закалку. И ведь он знал о сверхъестественных искусствах хотя

бы то, что следы крови можно использовать против ее обладателя.

У левого глаза виднелись шрамы — такие обычно встречаются у боксеров, с той лишь разницей, что у боксеров они, как правило, с обеих сторон лица. Все шрамы собрались у него на одном маленьком клочке кожи. Кто-то, определенно не левша, периодически, время от времени колотил его по одному и тому же месту. Я видел, как быстро умеет двигаться Фиц. Он даже не пытался увернуться.

Блин-тарарам! На нас напал Оливер Твист.

У Фица и его команды ушло добрых пять минут на то, чтобы добраться до места, служившего, судя по всему, производственным цехом. Это было высокое, футов тридцать высотой помещение с зенитными фонарями на потолке, производившее впечатление интерьера из фильма-катастрофы.

Повсюду стояли заброшенные станки. Застывший много лет назад конвейер зарос паутиной и покрылся пылью. Пустые полки и стеллажи не давали возможности понять, что же именно здесь производили. В проходе стояло несколько открытых стальных бочек, наполненных всяким горючим хламом, преимущественно обломками деревянных дверей и полок, собранных, похоже, со всего здания. Между этими самодельными очагами валялись потрепанные спальные мешки и рюкзаки со скудными пожитками.

Поверх одной из бочек-очагов лежала стальная решетка — импровизированный гриль. Над ним склонился мужчина. Худой — ни дать ни взять скелет, одетый только в пару джинсов в обтяжку. Кожа его была мучнисто-белой. Лысую голову сплошь покрывали татуировки — неровно нанесенные магические знаки, преимущественно охранительного характера. Клочковатая борода казалась пегой из-за обилия каштановых, черных и седых прядей.

На решетке стояло несколько банок консервированных бобов и чили — судя по всему, дожидались Фицева отряда, который выказывал к ним несомненный интерес. Лысый тип нарочито не замечал возвращения Фица, и отряд почти пять минут терпеливо переминался с ноги на ногу.

— Все сделано? — спросил он наконец, так и не оборачиваясь.

— Нет, — ответил Фиц.

— А где оружие?

— Нам пришлось его спрятать.

Плечи у лысого типа вдруг напряженно ссутулились.

— Прошу прощения?

Фиц инстинктивным движением поднял руку к левому глазу, но сразу же поспешно опустил ее.

— Случилась авария. Приближалась полиция. Нам надо было уходить, и мы не могли нести оружие с собой.

Лысый распрямился и повернулся к Фицу. Глаза у него оказались темные, глубоко посаженные, и в них полыхал гнев.

— Вы потеряли! Оружие! Оружие, которое обошлось мне так дорого.

— Оружие пришлось бы выбросить в любом случае, — сказал Фиц. — И от нас не было бы никакого толку, если бы мы сели в тюрьму.

Взгляд у лысого вспыхнул, он что-то взвизгнул. В воздухе гроыхнул гром, и невидимая сила, ударив Фица в грудь, отшвырнула его футов на десять. Еще десяток футов он катился по бетонному полу и лишь после этого наконец застыл.

— Толку? — взвизгнул лысый. — Толку? Да от вас вообще никакого толку! Ты хоть представляешь себе, каковы могут быть последствия твоего идиотизма? Сколько групп вроде вашей уничтожены фоморами? Или Леди-Оборванкой? Идиот!

Фиц лежал на полу, съезжившись калачиком и даже не пытаясь приподнять голову. Он лежал в надежде не разочлить лысого еще сильнее. Судя по крепко стиснутым зубам, он приготовился к новой боли и четко осознавал, что поделаться с этим не может ничего.

— Все же было проще простого! — продолжал лысый. — Я поручил вам задачу, с которой даже вусмерть обдолбанные справлялись как нечего делать. И это оказалось для вас сложным? Ты это хочешь сказать?

Для искреннего голос Фица звучал слишком ровно. Он привык скрывать свой страх, свою уязвимость.

— Мне жаль. Там оказалась Леди-Оборванка. Мы не смогли подобраться ближе. Она бы от нас мокрого места не оставила. Пришлось обстрелять их с ходу и уходить.

Гнев лысого как рукой сняло. Он смотрел на юнца сверху вниз, и лицо его не выражало ровным счетом ничего.

— Если тебе известна причина, — произнес он мягким тоном, — по которой тебе можно позволить дышать, Фиц, тебе лучше назвать ее прямо сейчас.

Фиц умел прятать свои чувства, но ночь выдалась для него слишком тяжелая. Дыхание его участилось.

— Смысл атаки был не в том, чтобы поубивать их всех, вы ведь сами говорили. Смысл был в том, чтобы нас не трогали, а то мы дадим сдачи. Мы им это показали. Значит, поставленную цель мы выполнили.

Лысый смотрел на него не шевелясь.

Я видел, что на лице у Фица выступили капли пота.

— Это не... Не... Послушайте, я могу вернуть эти автоматы. Правда могу. Я пометил место, где мы их закопали в снег. Я могу пойти и принести их.

Лысый сделал шаг вперед и пнул его ногой в живот. Удар вышел ленивый, равнодушный какой-то, как бы механический. Похоже, лысый принял решение — он повернулся и подошел к самодельной плите.

— Еда остынет, парни, — сказал лысый. — Ступайте поешьте.

Юнцы неуверенно подались к нему. Фиц выждал некоторое время и начал подниматься, стараясь не привлекать к себе внимания.

В воздухе что-то прошелестело, и фигура лысого размытым пятном метнулась от плиты к Фицу, сбив по дороге с ног одного из юнцов. Движением слишком быстрым, чтобы глаз успел запечатлеть его, лысый ударил Фица по скуле.

Удар отшвырнул того обратно на пол. Я стоял достаточно близко, чтобы увидеть, как разошелся и набух кровью шрам у глаза.

— К тебе, Фиц, это не относится, — произнес лысый все тем же мягким голосом. — Для мертвецов у меня еды нет. Поешь, когда исправишь свою ошибку.

Фиц кивнул, не поднимая глаз, зажав рукой ушибленное место.

— Слушаюсь, сэр.

— Умница. — Лысый сморщил нос, будто в помещении запахло какой-то гадостью, и плюнул, попав Фицу в лицо. Потом повернулся и двинулся обратно к плите.

Парень метнул ему в спину убийственный взгляд.

Говоря так, я вовсе не имею в виду, что Фиц разозлился. Часто можно услышать фразы вроде «убить взглядом», но не так уж много найдется таких, кто действительно видел, на что это похоже. Скажем так, убийство — или, точнее, готовность его совершить — не относится к поступкам, на которые любой готов везде и всегда. По крайней мере в наше относительно цивилизованное время. Хотя прежде лишение жизни другого живого существа являлось повседневной рутиной. Любая фермерская жена без малейшего угрызения совести отрубит курице голову, чтобы приготовить обед. То же и с рыбой, которую обезглавят и выпотрошат. Резать скот или закалывать свиней также было делом само собой разумеющимся — в соответствующее время года, конечно. Большая часть людей, чей образ жизни был связан с землей, жили и трудились бок о бок с теми, чью жизнь им предстояло рано или поздно оборвать.

Убийство — дело хлопотное. И чаще всего довольно грязное. А если что-нибудь пойдет не так, еще и противное, особенно если видишь, как кто-то терзается смертной мукой. В общем, занятие это нелегкое, даже если речь идет о животных на ферме.

Убивать людей на порядок хлопотнее, грязнее и противнее. Подобный выбор дается нелегко. Надо ведь все просчитать, обдумать возможные последствия. Ну конечно, каждый может убить в порыве страха или ненависти — в таком случае не до расчетов или осознанного выбора. Вы просто позволяете своим эмоциям руководить вашими действиями.

В глазах Фица я видел все: как он рассчитывает, оценивает и делает выбор. Лицо его побледнело, но зубы оставались стиснуты, а взгляд — тверд.

До сих пор не знаю точно, что руководило мной тогда, но я пригнулся к его уху.

— Не смей! — рявкнул я.

Парень, начинавший уже подбирать ноги для броска, застыл.

— Он только этого и ждет, Фиц, — настойчиво продолжал я. — Он нарочно плюнул, чтобы тебя к этому подтолкнуть. Он ждет наготове. Он убьет тебя, не успеешь ты и на ноги подняться.

Фиц огляделся по сторонам, но взгляд его прошел сквозь меня. Значит, он меня не видел. Ну-ну...

— Я бывал на твоём месте, парень. Я знаю этот тип людей. Не будь слабаком. Не дари ему того, чего он от тебя хочет.

На мгновение Фиц крепко зажмурил глаза. Потом медленно перевел дух, и тело его заметно расслабилось.

— Умно, — одобрил лысый. — Делай каждый раз верный выбор, и мы, возможно, еще поработаем вместе.

Фиц судорожно сглотнул и поморщился, словно от противного вкуса во рту.

— Да, сэр, — произнес он. — Пойду проверю, все ли в порядке у входа.

— Отличная идея, — согласился лысый. — Тем более я в ближайшее время вряд ли буду рад тебя видеть. — Он повернулся и пошел прочь от Фица. По пути он задержался, чтобы тронуть одного из юнцов за плечо и негромко прошептать тому что-то.

Фиц быстро, бесшумно повернулся и вышел из цеха обратно в коридор. Только оказавшись вне поля зрения лысого, он зябко охватил себя руками. Его трясло.

— Я не сошел с ума, — произнес он. — Я не сошел с ума. Я не сошел с ума.

— Ну... В общем-то нет, — заверил я его, стараясь не отставать ни на шаг. — Кой черт ты работаешь на такого говнюка?

— Ты мне мерещишься, — сказал Фиц.

— Черта с два мерещусь, — возразил я. — Я только никак не пойму, почему так получается, что ты меня слышишь.

— Я не сошел с ума! — прорычал Фиц и зажал уши руками.

— Совершенно уверен, что это тебе не поможет, — заметил я. — То есть я хочу сказать, что меня воспринимает твое сознание, не слух. Думаю, просто так получается, что ты воспринимаешь это как... как... ну, этот ваш формат Эм-Вэ-четыре, а не как фильм.

— Эм-Пэ-три, — машинально поправил меня Фиц, рывком отнял руки от ушей и, широко раскрыв глаза, огляделся по сторонам. — Э... Ты что, правда... правда здесь?

— Здесь-здесь, — подтвердил я. — Хотя любая маломальски пристойная галлюцинация говорила бы тебе то же самое.

Фиц зажмурился. Потом прижался спиной к стене — скорее рефлекторно, нежели осмысленно. Долгое мгновение он стоял не шевелясь.

— Ты... дух?

— Формально — да, — подтвердил я.

Он судорожно сглотнул.

— Ты работаешь на Леди-Оборванку?

Блин-тарарам, да этот мальчишка до смерти боялся Молли. А я хорошо представлял себе парнишек вроде Фица, я и сам рос в похожих условиях. Я встречал таких в домах у приемных родителей, в детских домах, в школах и летних лагерях. Крепкие орешки, прошедшие естественный отбор, понимающие, что о тебе никто не позаботится, кроме самого себя. Конечно, не все, пережившие это, обладают таким опытом, но даже малая его часть действует строго по Дарвину. Она отбирает сильнейших. Таких, как Фиц.

Далеко не глупых, но и запугать их далеко не просто.

Фиц боялся Молли.

В желудке у меня что-то неприятно сжалось.

— Нет, — заверил я его. — Я на нее не работаю. Я не ее подчиненный.

Он нахмурился:

— Тогда... На эту су... на бывшую полицейскую?

— Парень, — сказал я ему, — ты даже не представляешь, на что напоролся. Ты не на тех оружие направил. Вот я теперь знаю, где ты живешь. Они тоже узнают.

Он побледнел.

— Нет, — пробормотал он. — Послушай, ты ведь не знаешь, каково это здесь. Зеро и другие, они ничего с этим не могут поделать. Он не позволяет им ничего, только как он сам хочет.

— Ты это про лысого?

Фиц напряженно, почти истерически хохотнул.

— Он называет себя Аристидом. И у него сила.

— Сила удерживать рядом шайку подростков?

— Говорю же, ничего ты не знаешь. — Фиц затараторил быстро-быстро: — Он говорит тебе, что сделать... и ты... и ты так и делаешь. Тебе даже в голову не приходит послушаться. И он... он движется так быстро. Я не... я думаю, может, он и не человек вовсе.

— Он человек, — заверил я. — Просто очень говенный, но человек.

На лице у Фица обозначилось что-то вроде очень, очень слабой улыбки.

— Если так, как тогда ему это удастся?

— Он заклинатель, — объяснил я. — Чернокнижник. Средненьких способностей и большого самомнения. У него имеется несколько незнакомых мне приемов кинетомантии — благодаря этому он и перемещается так быстро. И еще некоторое умение залезать в чужие мозги — совсем слабенькое, если ему для грязной работы приходится подбирать подростков.

— Тебя послушать, так он мелкая сошка... вроде угонщика или кого такого.

— По большому счету так оно и есть, — согласился я. — Мелкая шушера. Этакий Феджин.

Фиц нахмурился.

— Это который из книжки? Из Диккенса? Как ее... «Оливер Твист»?

Я удивленно заломил бровь. Парень-то начитанный. Таких в его кругах немного. Да и большинство тех, кто читает, ограничиваются по большей части детскими книжками и комиксами. Мало кто доходит до Диккенса, разве что те, кто попал на дно, вылетев из старших классов. А я готов был побиться о заклад, что Фиц в старшие классы не ходил.

Он решал за себя сам, и он обладал по меньшей мере толикой магических способностей. Возможно, этим объяснялось то, что именно он руководил этими мальчишками. Этим — да еще очевидным здравым смыслом. Вероятно, он начинал — пока чисто инстинктивно — учиться противостоять той магии, что практиковал на нем лысый Аристид. Этот

говнюк явно орудовал с его сознанием. Любого, кто не подчинялся ему с рабской покорностью, Аристид до поры до времени использовал бы в качестве младшего командира, параллельно изыскивая способ избавиться от него с наибольшим толком для дела... ну или по крайней мере без лишнего шума.

Что-то очень мне не нравились Фицевы перспективы.

— Вроде того, — подтвердил я.

Фиц устало привалился к стене и закрыл глаза.

— Я никому не хотел зла, — сказал он. — Я ведь никого из тех людей даже не знаю. Но он так приказал. И им всем, всем пришлось это выполнять. А я не мог... не мог позволить им стать просто убийцами. Ведь кроме них... Они...

— Они — твои, — негромко произнес я. — Ты за ними приглядываешь.

— Ведь должен хоть кто-то, — кивнул Фиц. — На улицах ведь как... никогда легко не приходилось. А где-то с полгода... совсем плохо стало. Нет, правда. Их по ночам иногда видно. Тени. — Его снова начала бить дрожь, а голос понизился до шепота: — Они забирают людей. Те, кого некому защитить, — исчезают, и все. Вот...

— Лысый, — тихо произнес я.

— Он одного из них убил, — прошептал Фиц. — Прямо на моих глазах. Я сам видел. Тот казался человеком, но когда его убили, он... Он просто растекся, правда. — Он тряхнул головой. — Может, я все-таки сошел с ума? Господи, это было бы даже легче.

— Ты не сошел с ума, — сказал я, — но попал в дурную историю.

Взгляд у мальчишки потух окончательно.

— Чего еще нового скажешь?

— Ох, — пробормотал я. — Можно подумать, у меня и без того дел мало было...

— Чего?

— Так, ерунда. Слушай, парень. Возвращайся к автоматам сегодня вечером, в одиннадцать. К этому времени на улицах стихнет. Я буду ждать тебя там.

В глазах его не отразилось ровным счетом ничего.

— Зачем?

— Затем, что я собираюсь тебе помочь.

— Сумасшедший, воображаемый, невидимый голос-галлюцинация, — вздохнул Фиц. — И он собирается мне помочь. Приплыли.

Со стороны цеха вдруг послышался дребезжащий металлический звон, отдавшийся эхом по всему зданию.

— Что, пора на урок? — спросил я.

— Нет. Аристид заставил нас следить за будильником. Говорит, это ему важно для работы. Звенит за пять минут до рассвета.

Я почувствовал, как цепенеет моя спина.

— Пять минут?

Фиц пожал плечами:

— Ну, может, семь. Или две. В этом роде.

— Блин-тарарам! — выругался я. — Правду говорил Стю: время тут просто само утекает. Так, значит, в одиннадцать у сугроба с автоматами, Фиц.

Он хмыкнул.

— Конечно, Харви. Или как тебя там, — устало произнес он.

Старые книги и старые фильмы. Черт, я не мог не помочь этому мальчишке.

Я повернулся и, стиснув зубы, пронзил по дороге несколько стен и вывалился на улицу. Небо почти окрасилось голубым, а на востоке, над озером Мичиган, светлело на глазах багровое зарево рассвета. Стоит ему сделаться оранжевым, а потом и желтым, и от меня останется одно воспоминание.

Пять минут. Или семь. Или две. Столько времени у меня оставалось на то, чтобы отыскать безопасное место. Я прикинул в уме план Чикаго, перебрал в уме ближайшие возможные убежища и выбрал единственное, куда мог добраться за несколько минут со всеми своими штучками в духе Ночного Змея и ему подобных.

Может, я еще и успею. И может, это и спасет меня от рассвета.

Я стиснул зубы, еще раз сверился со своей памятью и, говоря образно, бросился туда.

Я надеялся только, что не опоздал.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Подавляющее большинство людей, верящих в существование магии, полагают, будто она подчиняется раз и навсегда заданным законам. На деле все не так: законы эти гибки, они меняются в зависимости от времени, места, поры года и устремлений того, кто их применяет. Магия не является живым, разумным существом, однако чем-то вроде собственной души она все-таки обладает. Она растет, развивается — и в любом случае меняется.

Отдельные аспекты магии относительно устойчивы — ну, например, люди, наделенные сильными магическими способностями, всегда не в ладах с продвинутыми технологиями, — но даже и это обстоятельство на протяжении столетий хоть как-то, да менялось. Лет триста назад магический дар проявлялся в странных, причудливых окрасках свечного огня или мгновенном скисании молока (что доставляло чертовски много неприятностей чародеям, желавшим, скажем, приготовить что-нибудь молочное). А еще парой сотен лет раньше занятия магией вызывали причудливые изменения пигментации кожи, известные как чертовы отметины.

Так что невозможно предугадать, как с этим будут обстоит дела еще через несколько веков. Как знать, может, побочным эффектом магических способностей станут привлекательная наружность и успех у противоположного пола — впрочем, не могу сказать, чтобы в описываемый момент меня беспокоило именно это.

Ну, сами понимаете. Меня больше беспокоило, смогу ли я пережить следующие несколько минут.

В общем, я клоню к тому, что рассвет — по всеобщему убеждению, конечно, — несет конец всякому злу. Что это свет, побеждающий тьму, — так ведь?

Можно сказать и так. Ну, по крайней мере в некоторых случаях. Однако по большей части это просто рассвет. Это часть суток, характеризующая взаимное положение определенных небесных тел. То есть с самим солнцем, выползающим из-за горизонта, не связано никакой магии — ни черной, ни белой. Если таковая и имеется, я, во всяком случае, о ней не слыхал. Рассвет вовсе не очищает Добро от Зла.

Он просто очищает — все без разбора. И в этом-то и заключалась моя проблема.

Как-то не рассчитаны духи на то, чтобы ошиваться в мире смертных — если, конечно, не найти для этой цели подходящего тела. Мне полагалось бы находиться на том Кармайкловом поезде, или в Раю, или в Аду, или в Валгалле... где-то в таком роде. Духи состоят из энергии — на 99,9 процента из чистой, замечательно питательной магии. И подмены ее не допускают.

Духи сосуществуют с рассветом примерно так же, как существуют микробы и щелочь. Силы обновления, омывающие планету с началом каждого нового дня, несут с собой и мощный заряд магии, неумолимо смывающий даже самые сильные из состряпанных смертными заклятий, если только те не защищены соответствующим образом.

Бродячий дух, застигнутый рассветом, просто растворяется. И тут не спастись, просто став в тень, — это защитит не больше, чем если бы вы прятались у себя на кухне от несущегося на вас цунами. Для спасения необходимо найти по-настоящему безопасное место, укрытое и укрепленное, способное противостоять магическим энергиям рассвета.

В конце концов, я ведь превратился в призрака, так? Вот я и поспешил в единственное место, которое, как мне казалось, могло меня защитить и куда у меня имелся шанс успеть.

Я поспешил к своей могиле.

Да, у меня есть собственная могила, выкопанная, с установленным надгробным камнем, готовая меня принять. Ее мне подарила одна из моих врагинь... даже странно, по прошествии нескольких лет она кажется мне и вполнину не такой страшной, как тогда. Врагиня обставила подарок с большой помпой, на глазах у собравшихся сливок сверхъестественного общества, вручив мне это обещание смертной угрозы и продемонстрировав заодно свои возможности в мире смертных, — и правда, чтобы раздобыть участок на престижном чикагском кладбище, да еще и оставить при этом на нем зияющую могилу, требуются неплохие связи. Уж не знаю, угрозой ли, подкупом, но она добилась того, что

моя могила оставалась в таком состоянии на кладбище Грейсленд уже довольно много лет.

И наконец у нее появился шанс послужить чем-то полезным помимо места для философских размышлений.

Я еще раз проделал трюк сэра Стюарта с исчезанием и убедился, что не в состоянии прыгнуть дальше чем на триста ярдов. Что ж, даже так это было на порядок быстрее простого бега, а на поверку оказалось и не так утомительно, как я думал. Собственно, больше всего это напоминало мои утренние пробежки, только вместо шагов я перемещался длинными скачками, повторяя их снова и снова, от точки «А» до точки «Б».

Я просочился сквозь входные ворота кладбища Грейсленд, сделал еще два прыжка, нашел нужное мне место рядом с большим мавзолеем, напоминающим античный храм, и броском, которому позавидовал бы профессионал-бейсболист, устремился прямехонько в темневшее отверстие. Мое нематериальное тело перемахнуло через невысокий снежный бруствер, окружавший могилу, и я рухнул в прохладную, тенистую яму приготовленной для меня могилы.

Лучи солнечного света скользнули по земле спустя всего несколько секунд. Я слышал их, ощущал их — примерно так же, как ощущал как-то раз небольшое землетрясение в штате Вашингтон. На мгновение в воздухе повис резкий, отчетливый, чистый звук, напоминавший эхо большого колокола. Я закрыл глаза и вжался в стенку могилы, по моим расчетам, самую тенистую.

Я выждал несколько секунд.

Ничего не происходило.

В моей могиле царили тишина, покой и прохлада. Здесь было... право слово, довольно комфортно. Ну, я хочу сказать, по телевизору и в кино показывают всякие штуки насчет лежания в гробу, и это всегда какие-то страсти. Мне приходилось несколько раз оказываться у своей могилы, и это непременно действовало мне на нервы. Должно быть, я благополучно миновал эту стадию.

Смерть страшит, только если смотреть на нее с одной стороны.

Я сидел, прижавшись спиной и затылком к стенке могилы, вытянув ноги и блаженно закрыв глаза. Здесь было тихо, если не считать шелеста ветра в ветвях деревьев и далеких городских шумов: машин, гудков, музыки, сирен, строек, поездов надземки. Ну, еще редких птиц, избравших Грейсленд своим домом.

Даже не припомню, когда мне было так спокойно в последний раз...

Так мирно. Так приятно.

И так свободно. Никакой необходимости что-то делать. Возможность отдыхать сколько душе угодно. Возможность хотя бы на время отвернуться от переполнявших мою память жутких воспоминаний, от не дававших покоя забот.

Некоторое время я сидел так, закрыв глаза, целиком отдавшись тишине и покою.

— Вы новенький, — произнес негромкий, спокойный голос.

Я недовольно открыл глаза: кой черт кому-то понадобилось нарушать мой покой уже через несколько минут, — и тут же нахмурился, увидев, что небо почти полностью потемнело, только на западе еще немного светилось фиолетовым.

Я резко отдвинулся от откоса могилы. Какого черта? Я отдыхал от силы пару минут. Или нет? Я еще несколько раз поморгал, глядя на небо, потом медленно поднялся на ноги. Это далось мне не без труда: меня словно накрыли несколькими слоями тяжелых, влажных одеял или подбитых свинцом фартуков, какие обыкновенно используют в рентгеновских кабинетах.

— Мне всегда нравится смотреть на то, как что-то новое рождается, — продолжал голос. Теперь я разобрал, что голос детский. — Можно гадать, во что это превратится, а потом смотреть, так ли это вышло.

Моя могила глубокая, футов шесть. Но и роста во мне заметно больше шести футов. Поэтому когда я встал во весь рост, глаза мои оказались на несколько дюймов выше края могилы и невысокого снежного барьера по ее периметру. В общем, поднявшись, я увидел маленькую девочку.

На вид ей было лет шесть, но даже для такого возраста она казалась маленькой. Одежда девятнадцатого века, вся в кружевах, казалась до нелепого непрактичной: любой нормальный ребенок перепачкал бы ее уже через полчаса. Башмачки, похоже, ручной работы, застегивались на маленькие металлические пряжки. На плече она держала маленький зонтик, по цвету такой же, как платье. Во всем остальном девочка не отличалась от большинства детей... ну, стоит упомянуть еще только ярко-зеленые глаза.

— Привет, — сказал я.

— Здравсьте, — отозвалась она, сделав книксен — ни дать ни взять Ширли Темпл. — Очень приятно с вами познакомиться, покойный мистер Гарри Дрезден.

Я решил держаться с ней поосторожнее: как знать, действительно ли она такая маленькая девочка, какой кажется...

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Она сложила зонтик и постучала им по моей надгробной плите. Действительно, надпись золотыми буквами по белому мрамору гласила: «ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ГАРРИ ДРЕЗДЕН». Чуть ниже, под золотой пентаграммой виднелось: «ОН ПОГИБ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО».

На мгновение мне показалось, будто во рту у меня стоит странный сладковатый привкус, а в ноздри ударил запах сосновой хвои и свежей травы. По спине пробежал холодок, и я поежился. А потом и привкус, и запахи исчезли.

— Вы меня знаете? — спросила девочка. — Я ведь знаменита.

Я прищурился. Потом сделал усилие и, исчезнув со дна могилы, оказался рядом с девочкой. При этом, правда, я стоял лицом в другую сторону, поэтому со вздохом повернулся и осмотрелся по сторонам. Есть на Грейсленде один знаменитый памятник маленькой девочке, известной как Инес. Он стоит здесь уже века два, и каждые несколько лет появляются слухи, будто статуя пропадает с пьедестала, а посетители кладбища встречаются с маленькой девочкой в старомодной одежде.

Вот она, статуя, исчезнувшая с пьедестала.

— Ты Инес, — сказал я. — Знаменитый призрак Грейсленда.

Девочка рассмеялась и захлопала в ладоши.

— Меня так называли, да.

— Я слышал, тебя откопали пару лет назад. Так что памятник остался только как реклама скульптурной фирмы или чего-то в этом роде.

Она снова раскрыла зонтик и закинула его на плечо, покручивая, словно в раздумье.

— Боже мой. Людей интересуют дела, происходившие за сотни лет до их рождения. Кто бы мог подумать... — Она внимательно оглядела меня с ног до головы. — Мне нравится ваш плащ.

— Спасибо, — улыбнулся я. — Мне нравится твой зонтик.

Она расцвела улыбкой.

— Вы так галантны. А то мне тут порой казалось, что я никогда больше не встречу никого по-настоящему воспитанного. — Она еще раз пристально посмотрела на меня. — Мне кажется... Вы, должно быть, станете... — она задумчиво прикусила губу, сощурила глаза и медленно кивнула, — настоящим монстром.

Я нахмурился:

— Это почему?

— Все новорожденные во что-то превращаются, — наставительно сказала Инес.

— Я не новорожденный.

— Самый настоящий, — возразила она и мотнула головой в сторону моей могилы. — Вы вступили в новый мир. Ваша прошлая жизнь ничего не значит. Вас там больше нет. А перед вами открывается новая, бескрайняя Вселенная. — Она окинула кладбище спокойным взглядом. — Я видела много, очень много новорожденных, мистер Дрезден. И видела, во что они превращаются. Вот вы, ваша тень, — натуральный монстр.

— Вовсе нет, — обиделся я.

— Ну, возможно, пока еще нет, — согласилась она. — Но... со временем, когда те, кто вам дорог, состарятся и уйдут, а вы ничегошеньки не сможете поделать, чтобы им помочь... еще как превратитесь. Вот увидите.

— Ты ошибаешься.

Ямочки на ее щеках сделались глубже.

— А что вам так не нравится, новорожденная тень? Вот я ничего не вижу плохого в том, чтобы быть монстром.

— А я вижу. Что в этом хорошего?

— Ох! — Девочка тряхнула головой. — Ну не будьте же таким ограниченным. Люди восхищаются монстрами. Они слагают про них легенды и песни. Они им завидуют. Вот вы, новорожденная тень, вы знаете, что такое монстр? Монстр — это власть. Власть и свобода выбора. Монстры вольны выбирать. Монстры определяют мир. Монстры заставляют нас быть сильнее, умнее, лучше. Монстры отсеивают сильных от слабых, они как кузня, что закаляет души, превращая их в сталь. Даже проклиная монстров, мы ими восхищаемся. Мечтаем превратиться в них, хотя бы отчасти. — Взгляд ее сделался отрешенным. — Есть вещи много, много страшнее, чем превратиться в монстра.

— Монстры причиняют людям зло. Я не хочу.

Инес захихикала — совсем по-детски, по-девчачьи. Она крутанулась на носках, взмахнув зонтиком.

— Гарри Дрезден, длинный хвост, — пропела она дразнилку. — Оказался вот как прост! — Она еще раз окинула меня взглядом и уверенно кивнула: — Монстр. Про вас напишут не одну книгу.

Я открыл рот, но не выдавил из себя ни слова. Просто не нашелся что ответить.

— Этот мир так мал, — продолжала она. — Так скучен. Так уныл. — Она одарила меня очаровательной улыбкой. — Вас никто сюда не привязывал, мистер Дрезден. Так что вас здесь держит?

Я поежился. Холод, зародившийся у меня в желудке, потихоньку расползлся по телу. Я промолчал.

— Ах! — довольно выдохнула Инес. Взгляд ее задержался на моей могильной плите, и она склонила голову чуть набок. — А вы... правда? — безмятежно спросила она.

Я тряхнул головой.

— Что — правда?

— Правда погибли за правое дело?

Я немного подумал. И еще немного.

— Нет, — тихо сказал я. — Нет, неправда.

Она склонила голову на другую сторону.

— Ой?

— Была одна маленькая девочка, — так же тихо объяснил я. До меня не сразу дошло, что я произношу слова вслух, а не слышу их только у себя в голове — Ее... ее похитили. Ее собирались мучить. И я перепробовал все. Чтобы ее вернуть. Я...

Меня вдруг снова начало мутить. В памяти мгновенно всплыла картина смерти Сьюзен, когда ее тело силилось принять образ монстра, окончательно уступив снедавшей ее жажде крови. Я буквально ощущал на губах болезненный жар ее кожи, осязал капли ее крови, забрызгавшей меня, когда я перерезал ей горло, приведя в исполнение заклятие, которое стерло с лица земли всех сукиных детей из Красной Коллегии, посмевавшей угрожать моей девочке.

Мне не оставалось другого выбора. Ни единого.

Правда ли?

Возможно, в тот момент и не оставалось. Однако ведь все это произошло не просто так, а в результате ряда событий, на которые повлияли и другие принятые мной решения. Я мог повернуть все и по-другому. И тогда этого бы не случилось. Это могло бы спасти жизнь Сьюзен.

Я поежился — на меня накатило еще одно воспоминание. Неподвижность потерявших чувствительность ног. Жуткая боль во всем теле. Ярость от полного бессилия, когда я осознал, что, упав с лестницы, сломал позвоночник и ничем больше не могу помочь своей попавшей в беду дочке. Я помню, как понял: если я хочу что-то сделать, мне придется пойти на такое, о чем прежде и думать не хотелось.

— Я преступил черту, — тихо произнес я. — Даже не одну, а несколько. Я совершил такое, чего нельзя было делать. Я поступил неправильно. И я понимал это. Но... я хотел помочь этой девочке. И я...

— Вы согрешили? — предположила она, и взгляд ее больших глаз казался неестественно серьезным. — Перешли на сторону Зла? Пошли на бесчестье? Погрузили мир в пучины безумия?

— Примерно, — пробормотал я.

— И вы не считаете себя монстром. — Она медленно сложила свой зонтик и поводила его наконечником по снегу, напевая что-то себе под нос.

Тошнотворно-холодное ощущение клубилось во мне, продолжая расползаться по телу. Я вдруг заметил, что дрожу. Боже правый, она ведь говорила правду. Абсолютнейшую правду. Я ведь не хотел никому зла, но что значит это мое желание? Я, и никто другой, принял решение совершить то, что — как я прекрасно понимал — не могло быть правильным. Я продал жизнь Королеве Мэб, пообещал ей служить верой и правдой, хотя знал, что темная мощь мантии Зимнего Рыцаря не может не поглотить меня, что мои силы и таланты будут служить извращенным запросам Королевы Воздуха и Тьмы.

Впрочем, на другой чаше весов, когда я сделал свой выбор, чтобы обрести силу, недоступную подавляющему большинству смертных, лежала жизнь моей девочки.

Я вспомнил отчаяние в глазах Фица и его компании. Я подумал о лысом и ему подобных. О волне уличного насилия.

Сколько чужих дочерей погибло из-за моего решения?

Эта мысль, эта истина ударили в меня с силой горной лавины, представ вдруг с такими ясностью и отчетливостью, что разом стерли из моей головы все остальные мысли, мои нынешние неясные и путанные усилия.

Хотел я или нет, но спутался с Тьмой. И то, что я умер прежде, чем успел послужить ее разрушительным целям, ровным счетом ничего не меняло. Я взял в руки красный световой меч. Я вступил в Братство Порочных Мутантов.

Я превратился в то, с чем боролся всю жизнь.

Отрицать это бесполезно. И шанса исправить ошибку у меня тоже не имелось. Мне вдруг отчаянно захотелось забиться обратно в могилу, в те мир и покой, которые там нашел. Черт, мне ужасно хотелось отдохнуть.

Я скрестил руки на груди и посмотрел на Инес.

— Ты, — голос мой звучал хрипло, резко, — ты ведь не призрак маленькой девочки.

Лицо ее осветилось новой улыбкой:

— Если я не призрак, чего же ты так боишься?

И она исчезла. Без звука, без вспышки, вообще без каких-либо эффектов. Просто исчезла.

Если бы я оставался в живых, я был бы готов к последующей за этим головной боли. Слишком уж часто мне приходилось сталкиваться по роду деятельности с загадочными сверхъестественными созданиями.

Но, черт подери, как же я не люблю, когда последнее слово остается за ними!

— Несносное существо, — пробормотал глубокий протяжный бас у меня за спиной. — Душа ее вся перекорезена.

Я застыл. До сих пор я не ощущал чьего-либо присутствия — во всяком случае, так, как это было с Инес, — а мне очень хорошо известно, что может произойти в случае, когда кому-то удастся просочиться мне в тыл. И хотя первое правило общения со сверхъестественными существами гласит: «Ни за что не показывайте своего страха», выполнить его на деле не так-то просто. Уж я-то знаю, каких тварей можно здесь встретить.

Медленно, очень медленно, напоминая себе, что моему сердцу вовсе не обязательно колотиться так быстро и что мои руки совсем даже не вспотели, я повернулся. Сдерживать дрожь от страха я не пытался: все равно меня трясло от холода.

Впрочем, натура моя напоминаниям почти не внимала. Глупая натура.

В воздухе, на высоте примерно фута три над землей, за моей спиной парила высокая, зловещая фигура. С головы до пят ее окутывал толстый слой чего-то, напоминающего паутину, голову скрывал капюшон, под которым клубилась непроглядная темень. Впрочем, какое-то подобие лица там все-таки угадывалось. Все это сильно напоминало древние изображения Тени, омрачающей людские помыслы. Мантия слабо, как-то лениво колыхалась на ветру.

— Э... — пробормотал я. — Привет.

Фигура чуть опустилась — теперь ее ноги почти касались снега.

— Так лучше?

— Ну, если воспринимать все буквально... Да, пожалуй. Так хорошо. — Я пригляделся повнимательнее. — Вы... Вечная Тишина. Статуя с могилы Декстера Грейвза.

Вечная Тишина продолжала молча стоять.

— Будем считать молчание знаком согласия, — хмыкнул я. — Я так понимаю, вы не просто местное изваяние. Так ведь?

— Твое предположение верно, — пробасила Вечная Тишина.

Я кивнул.

— Чего вам надо?

Она медленно придвинулась ко мне. Басище у нее был — по сравнению с этим Джеймс Эрл Джонс показался бы Микки-Маусом.

— Ты должен осознавать свой путь.

— Мой путь?

— Тот, что лежит перед тобой. И что позади — тоже.

Я вздохнул:

— Очень полезная информация.

— И более чем необходимая, — пророкотала Вечная Тишина. — Для того, чтобы выжить.

— Выжить? — переспросил я и не удержался от усмешки. Когда часто приходится иметь дело с подобиями Угрюмых Потрошителей, к этому поневоле привыкаешь. — Я ведь уже мертв.

Тишина промолчала.

— Ладно, — вздохнул я. — Начнем сначала. Для того, чтобы выжить. Кому?

Довольно долго она продолжала молчать, и я покачал головой. Мне даже начало казаться, что я целую ночь проведу, беседуя со всеми сбрендившими духами этого чертова места, не понимая ни одного из них. Это при том, что тратить на это целую ночь я не мог никак.

Я уже начал готовиться к новой серии скачков в духе Ночного Змея, когда зычный бас заговорил снова. Ну, не совсем заговорил: ушами я его не слышал. Он просто резонировал у меня в голове, в мыслях — поток чистого смысла, ударивший мне в голову с силой сжатой звуковой волны.

— ВСЕМ.

Я пошатнулся и сжал голову руками.

— Ох... — пробормотал я. — Блин-тарарам! Убавить звук вы, конечно, не можете?

— НЕНАМЕРЕННОЕ. УЯЗВИМОСТЬ СМЕРТНОГО. НЕЭФФЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВОКАЛИЗАЦИИ. НЕХВАТКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНО НАСТРОЕННОГО СЛОВАРНОГО ЗАПАСА.

От такой лавины мыслей я в буквальном смысле слова распался на части. Мое чертово нематериальное тело разлетелось огромным облачком, напоминавшим покойного Гарри Дрездена лишь окраской, да и то отдаленно. И это оказалось больно. Ну, по крайней мере из всех известных мне слов подходило только это. На те разновидности боли, что мне доводилось испытывать раньше, это не походило, а ведь по части болезненных ощущений я, можно сказать, великий специалист. Нет, телесной болью я бы это не назвал. Это напоминало скорее... ну, то, что происходит с вашей головой, когда вы видите нечто такое, на что только и можете сказать: «Ну вообще...»

Как-то так. Помноженное на миллион. И не с головой, а со всем телом.

Это ощущение продолжалось никак не меньше минуты и только потом начало слабеть. Я наконец снова собрался воедино.

— Пожалуйста, без объяснений! — взмолился я, увидев, что Вечная Тишина подбирается ко мне еще ближе. — Не надо! Очень больно!

Она застыла в ожидании.

— Давайте сразу договоримся, — пробормотал я, размышляя вслух. — Или вы меня убьете. Еще раз. — Я приложил тыльную сторону ладони ко лбу. — Я буду задавать простые вопросы, отвечать на которые можно «да» или «нет». Если «да» — просто молчите. Если «нет» — дайте понять каким-нибудь другим способом. Идет?

Ничего не произошло. Вечная Тишина оставалась на месте, только капюшон трепыхался, как огонек лампы на ветру.

— Ваш капюшон красного цвета?

Капюшон коротко дернулся из стороны в сторону.

— С ума сойти, — пробормотал я. — Контакт! — Я провел по лицу руками и продолжил: — Ладно. Когда вы говорили про «всех», вы имели в виду всех, кого я знаю?

Капюшон дернулся.

— Не только их?

Тишина.

— Э... Весь город?

Капюшон дернулся.

— Что, еще больше?

Тишина.

— То есть... вы хотите сказать... типа... всех-всех? Вообще всех? Всю планету?

Молчание.

— И если я осознаю свой гребаный путь, это их всех спасет?

Молчание. Потом капюшон чуть дернулся.

— Класс, — буркнул я. — А теперь вы еще захотите, чтобы я взял у вас из рук камешек.

Капюшон дернулся.

— Это я не букваль... Тьфу, так тоже общаться не очень-то получается.

Молчание. Какое-то такое... сочувственное, что ли.

Я тоже замолчал и немного подумал.

— Подождите, — сказал я наконец. — Это ведь все связано, да? С тем, на что послал меня капитан Мёрфи?

Молчание.

— Найти моего убийцу, — уточнил я. — Что-то я не понимаю. Как это может спасти мир?

Глубокий бас повторил свою старую фразу:

— Ты должен осознать свой путь. Это совершенно необходимо. Для того, чтобы выжить.

— Надо же, ирония какая, — вздохнул я. — Вечная Тишина, поставленная на автоповтор.

Где-то совсем рядом послышался стон привидения, и я застыл на месте, лихорадочно оглядываясь.

Из земли на одной из соседних могил поднималось привидение, похожее на оборванное пугало. Казалось, его тянут из грязи невидимой леской. Оно выпустило еще один полный голода стон; взгляд его смотрел в пустоту.

Послышался еще один стон. И еще. И еще.

Из всех могил вокруг меня лезли привидения.

Дыхание мое участилось без всякой на то необходимости.

— Ты просто гений, Гарри, — буркнул я себе. — Тоже мне, надежное убежище нашел. Это же, к чертовой матери, кладбище. Где еще быть привидениям, как не здесь?

Вечная Тишина молча смотрела на меня. Что-то ироничное почудилось мне в ее молчании.

— Мне пора идти, — сказал я. — Это все, что вы хотели мне сказать? Чтобы я осознал свой путь?

Молчание. Потом покрытая зеленой паутиной рука поднялась в прощальном жесте.

Первое привидение закончило свой, судя по всему, рутинный ритуал освобождения от земных оков и стонов. Взгляд его пустых глазниц обратился на меня, и оно поплыло в мою сторону, легонько отталкиваясь нематериальными ногами от снега.

— Даже не думай, — буркнул я и исчез. В три скачка оказался я у ближней кирпичной ограды кладбища. Стиснув зубы, ринулся сквозь нее...

И врезался в твердый кирпич.

Нос пронзила острая боль, и я выругал себя за тупость. «Чтоб тебя, Гарри!» Обычно стены воздвигают для того, чтобы не пускать внутрь, но кладбищенские стены имеют противоположное назначение: не выпускать наружу. И это нехитрое обстоятельство известно мне, блин, с самого моего детства.

Я огляделся по сторонам. Духи надвигались медленно, но верно, и толпа их по мере продвижения росла. Они не спешили, зато число их уже составляло десятки, если не сотни. На ум мне снова пришли документальные кадры, запечатлевшие огромные скопления медуз.

Я стиснул зубы, лихорадочно размышляя. Вообще-то, строя стены, люди думают прежде всего о физических барьерах. Поскольку это сопровождается соответствующими чаяниями множества строителей, они приобретают такую же крепость и в духовном отношении. Вот почему им удается удерживать большую часть духов на кладбищенских территориях — возможно, природа этого явления в чем-то схожа с защитными свойствами порога человеческого жилища.

Но там, где человеческие чаяния строят преграду, эти же чаяния предусматривают и место для входа. Ну или выхода.

Я повернулся и принялся большими скачками перемещаться в направлении кладбищенских ворот.

Не знаю, что я делал бы, окажись они заперты. Подобно стенам, запертые двери или ворота укреплены своей долей чаяний. Однако открытые двери — совсем другое дело, а ворота Грейсленда были распахнуты настежь. Вырываясь на улицу, я оглянулся еще раз: солидного размера армия духов разворачивалась к воротам.

Тут меня озарило.

Ворота кладбища открыты.

А по улицам Чикаго в последнее время разгуливают полчища духов...

— Ага, Морти, — произнес я вслух. — Теперь мы знаем, откуда они берутся.

Кто-то, причем кто-то живой, открывает эти ворота на ночь. Значит, у нас появилась теперь отправная точка, ни-точка, потянув за которую мы можем распутать весь клубок и выйти на того, кто баламутит городскую нежить и натравливает ее на Морти. И понять, зачем он это делает.

— Вот ведь трам-тарарам! — Я не удержался от свирепой ухмылки. — А вот теперь мы славно поохотимся!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Я прикинул в памяти городской план и принялся прыгать. Это не заняло много времени: способность перескакивать через здания, не обращать внимания на светофоры, улицы с односторонним движением и пробки здорово упрощает задачу. В общем, довольно скоро я добрался до дома Морти.

Дом горел.

Перед ним стояли, полыхая мигалками, несколько пожарных машин. Пожарники действовали быстро, профессионально, но заливали огонь всего из одного рукава. Пока я стоял, оцепенело глядя на пожар, подключили еще два, но было уже поздно. Дом Морти полыхал даже ярче и сильнее, чем мой. А может, так казалось из-за темноты.

Пока пожарные не позволяли огню перекинуться на соседние дома (что было не слишком сложно благодаря толстому снежному покрову), приехала полиция, и к оранжевым и красным мигалкам пожарных добавились синие полицейские. Вокруг стояла и глазела на пожар обычная для такого случая толпа зевак.

Ну да, обычная... Но не для такого мороза. И обычно они не стоят по шиколотку в снегу. И обычно они начинают расходиться, когда огонь слабеет. И болтают друг с другом. И моргают. И одеты они обычно так, как принято в текущем столетии.

Толпа чикагских зевак сплошь состояла из призраков.

Я брел сквозь толпу, вглядываясь в лица. Если не считать одежды, они мало отличались от обычной толпы. Я узнал нескольких бойцов оборонительного отряда сэра Стюарта, и по сравнению с остальными теньями они казались наиболее современными. Остальные... просто люди. Мужчины, женщины, дети.

Единственной из теней, кто обратил на меня внимание, оказался мальчишка лет десяти. Рядом с ним стояла девочка, которой к моменту смерти исполнилось от силы семь лет. Они стояли, держась за руки. Он поднял на меня взгляд, когда я проходил мимо, и я задержался посмотреть на него в ответ.

— Куда нам теперь идти? — спросил он. — Я не знаю другого места.

— Гм... — неуверенно пробормотал я. — Извини, я и сам этого не знаю. Послушай, ты видел, что здесь произошло?

— Оно снова пришло сюда вечером. А потом пришли люди с огнем. Сожгли дом. И увели коротышку.

Я застыл.

— Серое Привидение забрало Морти?

— Нет, его увели люди, — поправил меня мальчик.

— Раньше мы играли с ребятами у реки, — жалобно произнесла девочка. — Но он привел нас сюда. Он всегда был такой добрый... — Выражение лица ее при этом совершенно не менялось, оставаясь отрешенным.

Мальчик вздохнул, тронул ее за плечо и повернулся обратно, смотреть на догорающий дом. Я постоял рядом с ними

еще немного и заметил, что они сделались прозрачнее. Я огляделся по сторонам — то же самое, хотя в разной степени, происходило и с остальными тенями.

— Эй! — окликнул я мальчика еще раз. — Знаешь сэра Стюарта?

— Это который высокий? Солдат? — Мальчишка кивнул. — Он там, в саду. За домом.

— Спасибо, — бросил я и перепрыгнул через останки дома в сад.

Сад у Морти мало отличался по стилю от палисадника: такой же ухоженный японский садик с прудиком, который сейчас был заполнен снегом. Еще здесь росло несколько деревьев и несколько декоративных деревцев-бонсай в горшках. Жар от сгоревшего дома растопил снег на их ветвях.

То, что осталось от сэра Стюарта, лежало в центре вытопленного в снегу круга.

Эти сволочи воспользовались огнем и для этого.

Судя по всему, они поливали круг бензином — снег растаял, обнажив почерневшую траву. Спирт горит втрое жарче бензина и быстрее, и снег тает от спирта так быстро, что вода заливает огонь. Кто-то применил огненный круг в качестве ловушки для призрака — этот прием довольно часто используют при общении с сильными сверхъестественными созданиями. Запертый в круг дух совершенно беспомощен: он не может ни бежать, ни распространить свою энергию за пределы барьера.

Но наиболее дьявольская часть ловушки — это сам огонь. Огонь реален даже для духов и причиняет им боль — не меньшую, чем причинил бы смертному существу. Кстати, по этой же причине я в своей смертной жизни тоже предпочитал пользоваться огнем. Огонь обжигает, и еще как обжигает. Даже практически неуязвимые существа не любят иметь дело с огнем.

От сэра Стюарта осталась в лучшем случае половина — большая часть туловища и часть правой руки. Ноги сгорели почти полностью. Крови не было. То, что от него осталось, больше всего напоминало спасенный из огня бумажный свиток. Края почернели и завернулись от жара.

Страшнее всего во всем этом было то, что я понимал: он все еще жив... ну или как там называется существование у призраков. Иначе он попросту исчез бы.

Ощущал ли он боль? Я знал только, что я на его месте ощущал бы, и еще какую. Ну, понятное дело, настоящего тела-то у него не имелось, но не уверен, что, окажись я в его положении, сумел бы убедить себя в этом. А может, дело вовсе не в воспоминании о боли. Возможно, это чем-то напоминало ту противоестественную боль, что наглядно продемонстрировала мне Вечная Тишина. Или же его терзала самая настоящая боль — в конце концов, огонь есть огонь.

Я поежился. Вряд ли я мог ему чем-нибудь помочь. Круг, в который его заключили, не пустил бы меня внутрь точно так же, как не выпускал его наружу. В чистой теории я мог бы его разрушить, сумею я физически задвинуть туда какой-либо предмет. Я огляделся по сторонам и нашел ветку, торчавшую из снега в нескольких футах от меня. Все, что от меня требовалось, — это переместить ее на каких-то три чертовых фута.

Это оказалось ничуть не легче, чем пытаться есть суп вилкой. Я просто не мог за нее ухватиться. Моя рука проходила сквозь нее снова и снова, как бы я ни старался. Я не мог даже пошевелить эту проклятую деревяшку.

Выходит, я еще недостаточно превратился в призрака для того, чтобы помочь сэру Стюарту. И все же...

— Сэр Стюарт? — окликнул я его негромко.

Я видел только один его глаз. Он чуть приоткрылся.

— Ммммммм?

Я опустил на колени рядом с кругом.

— Это Гарри Дрезден.

— Дрезден... — пробормотал он, и губы его скривились в слабой улыбке. — Извини, что не встаю. Должно быть, съел чего не того.

— Разумеется, — согласился я. — Что случилось?

— Я свалил дурака, — сказал он. — Наш гость нападал каждую ночь в одно и то же время. Вот я и поверил, будто он это делает только из-за того, что раньше у него не получается сил накопить.

— Серое Привидение? — предположил я.

Сэр Стюарт хмыкнул.

— Они пришли на закате — прежде, чем я осмелился выйти на улицу. Никаких массовок из духов. С ним пришли с полдюжины смертных, и они подожгли дом. Мне удалось вывести Мортимера из огня, но они подловили меня в западню на заднем дворе. — Уцелевшая рука указала на круг, в котором он лежал. — А его по команде Серого Привидения увели.

Я нахмурился:

— Эти смертные... Они что, могли слышать Серого?

— Именно, — подтвердил сэр Стюарт.

— Блин-тарарам, — пробормотал я. — Я с трудом нашел двоих на весь Чикаго, способных меня слышать. А у этого шутника таких полдюжины. Откуда?

Сэр Стюарт слабо покачал головой:

— Сам хотел бы знать.

— Мы найдем Морти, — пообещал я ему. — Вот только придумаем, как вас отсюда вытащить, и отправимся на его поиски.

Он в первый раз открыл глаза по-настоящему и посмотрел на меня.

— Нет, — мягко произнес он. — Не выйдет.

— Да бросьте вы, — не сдавался я. — Не говорите ерунды. Мы вас подлатаем.

Сэр Стюарт невесело усмехнулся.

— Нет, чародей. Слишком большая часть меня утеряна. Я продержался столько единственно ради того, чтобы поговорить с тобой.

— А что вы мне тогда говорили насчет мира, который меняется в зависимости от наших ожиданий? Разве это не так?

— До определенной степени, — устало согласился сэр Стюарт. — Меня и раньше ранили. Небольшие повреждения заживают без особого труда. — Он ткнул пальцем в свое изувеченное тело. — Но это... Прежде чем я успею восстановиться, я сделаюсь таким же, как остальные.

— Остальные?

— Воины, оборонявшие дом Мортимера, — объяснил он. — Они все рано или поздно блекнут. По капле, постепенно, но забывают свою смертную жизнь.

Я припомнил бойцов, сражавшихся с вражескими тенями, — безмолвных, как призраки, явно оторванных от окружающего их мира. Они бились истово и отважно. Но готов поспорить, они вряд ли помнили, зачем это делают, с кем дерутся.

Я представил себе сэра Стюарта, превратившегося в одного из них: в полупрозрачный силуэт, уставившийся пустым взглядом неизвестно куда. Навсегда умолкшего...

Я поежился.

Это могло случиться и со мной.

— Слушай меня, сынок, — продолжал сэр Стюарт. — Мы тебе не доверяли. Мы решили, что ты замешан в то, что задумало Серое Привидение.

— Черта с два! — возмутился я.

— Ты этого сам знать не можешь, — спокойно возразил сэр Стюарт. — Эта тварь запросто могла бы управлять тобой незаметно для нас. Если уж на то пошло, ты ведешь себя не как нормальный призрак. Она вполне могла создать тебя у себя в духовном мире.

Я насупился, открыл рот, чтобы возразить, — и не выдал ни звука. Слишком часто я попадал во всякие странные истории и возбуждал в людях неоправданные, на мой взгляд, подозрения. Когда людям страшно, они редко рассуждают здраво. Большинство ударяются в панику.

— Вы до сих пор так считаете?

— Будь это так, тебе не было бы нужды приходить сюда, — сказал сэр Стюарт. — Самое страшное уже произошло. Будь ты вражьи́м ставленником, ты бы не пришел. Хотя я все еще допускаю, что ты просто дурак.

— Ну спасибо, — буркнул я.

Он смягчил свои слова улыбкой:

— Дурак ты или нет, ты все еще можешь помочь Мортимеру. И это чертовски важно. Без него нашему городу грозит смертельная опасность.

— Угу. Большое облегчение слышать это от вас. А то мы просто так, развлекались.

— Не знаю, какие развлечения ты имел в виду, — вздохнул сэр Стюарт, — но я вот что скажу. Все тени, что столпились у дома, все до единой — убийцы.

Я зажмурился на мгновение, потом поспешно обернулся и посмотрел на догорающий дом и огромную толпу окруживших его духов.

— Все до единой, — повторил сэр Стюарт. — Мортимер дал им то, чего им не хватало, чтобы справиться со своим сумасшествием: дом. Если ты не вернешь ему свободу, чтобы он мог и дальше заботиться об этих несчастных душах, они снова начнут убивать. И то, что сами они не совладают с собой, так же верно, как то, что солнце встает по утрам. — Он устало перевел дух и закрыл глаза. — Обезумевшие души последних полсотни лет, разом выплеснувшиеся на улицы... Да кровь ручьями литься будет.

Несколько секунд я молча смотрел на него.

— Как же мне это сделать? — спросил я.

— Без понятия, — выдохнул сэр Стюарт. Уцелевшей рукой он повозился с поясом, снял с него свой чудовищный пистолет и, морщась, подождал немного, словно собирался с силами. Потом кинул его к моим ногам. Пистолет миновал круг, окутавшись облачком искрящейся энергии, и упал на снег, не утонув в нем. Не пистолет — образ пистолета.

Я смотрел на это, не веря своим глазам. Дух не может распространять свою энергию за пределы круга — и я не сомневался в том, что пистолет представляет собой именно сгусток энергии. Если он смог пересечь барьер, значит, эта энергия больше не принадлежала сэру Стюарту. То, что он сделал, было сродни тому, как если бы он оторвал и отдал свою собственную руку.

Он вяло махнул рукой в сторону пистолета.

— Возьми.

Я осторожно поднял железяку. Она весила добрую тонну.

— Помоги Мортимеру, — повторил он. Его очертания начали мерцать и бледнеть по краям. — Прости. Что больше ничего не могу. Что не успел научить как следует. — Он снова открыл глаза и подался в мою сторону. — Воспоминания, Дрезден. Это сила. Это оружие. Изготовь из своих воспоминаний оружие против них. — Голос его сорвался, лишившись силы, и глаза закрылись. — Триста лет на страже... но я не оправдал доверия. Исполни то, чего не успел я. Пожалуйста. Помоги Мортимеру.

— Хорошо, — тихо произнес я. — Помогу.

На губах его снова заиграла слабая улыбка, и он кивнул. Потом устало выдохнул воздух. Очертания его померкли еще сильнее, а потом утраченные члены у меня на глазах отросли заново, хотя тело сделалось почти прозрачным.

Спустя полминуты он сел и осмотрелся по сторонам. Взгляд его скользнул по мне, не задержавшись. При виде дымящихся руин он удивленно нахмурился, и лицо его приняло такое же озадаченное выражение, как у большинства стоявших у дома духов.

В пустых глазах не осталось больше ничего, напоминавшего сэра Стюарта.

Я выругался и опустил голову. Черт, этот парень мне нравился. Так же, как Морти, пусть я и обзывал его всякими обидными эпитетами. То, что с ними произошло, здорово меня бесило. И то, в какое положение они меня поставили. Теперь получалось, что отыскать и спасти Морти могу только я один, причем общаться с кем-либо я в его отсутствие почти не имею возможности. И это в то время, когда главный гад, кем бы он там ни оказался, запросто болтал со своими смертными прихвостнями.

Я не могу ни до чего дотрагиваться. Я не могу ничего толком поделать. Магии своей я лишился. А теперь мне надо не только откопать своего убийцу, но и спасти в придачу Морти Линдквиста.

Класс, да и только. Возможно, мне стоит сделать это новым слоганом: «ГАРРИ ДРЕЗДЕН — ЗА ПЕРВЫЕ СУТКИ ПРЕБЫВАНИЯ В МЕРТВЫХ ВЗЯЛСЯ ЗА СТОЛЬКО НЕРАЗРЕШИМЫХ ДЕЛ, СКОЛЬКО НОРМАЛЬНЫМ ЛЮДЯМ И ЗА ВСЮ ЖИЗНЬ НЕ ВСТРЕТИТЬ».

Снова пошел снег. Рано или поздно он разрушит круг, удерживавший то, что осталось от сэра Стюарта. Хотя я и представления не имел о том, куда тот пойдет, чтобы укрыться от солнца. Возможно, какой-нибудь посмертный инстинкт выживания и поможет ему сделать это. А может, и нет.

Так или иначе, я вряд ли мог что-нибудь поделать, и один этот факт бесил меня едва ли не сильнее всего. Сэр Стюарт и остальные духи отчаянно нуждались в Морти Линдквисте. При жизни я был Гарри Дрезденом, крутым чародеем. Теперь

я стал Гарри Дрезденом, бестелесным вестником, уговорщиком и обольстителем.

Мне отчаянно хотелось разнести что-нибудь к чертовой матери на мелкие кусочки и испепелить их до последнего.

С учетом обстоятельств это представлялось мне не худшим настроем для ведения цивилизованных дипломатических переговоров.

— А! — произнес кто-то зловещим маслянистым шепотом у меня за спиной. — Она не ошиблась. Этот длинный вернулся-таки.

— Только посмотрите на него, — отозвался другой, нечеловечески пронзительный. — Сколько вкунятины!

— Но нам приказано...

— Приказано, — скорбно вздохнул третий голос. — Но ее здесь нет. Мы съедем его на троих, и ни одна душа об этом не узнает.

— Обеими руками «за», — с готовностью поддержал второй голос.

— Согласен, — произнес, помедлив немного, первый.

Я оглянулся и увидел три силуэта в темных балахонах, уже знакомых мне по вчерашнему нападению на дом Линдквиста. Лемуры. Одевания их колыхались от дуновения призрачного ветра лениво, словно они плыли не в воздухе, а в воде. Они подобрались ко мне так близко, что я мог разглядеть в тени под капюшонами черты бледных лиц и голодный блеск глаз.

— Держи его! — произнес первый лемур.

И трое из самых злобных и голодных призраков старого Чикаго устремились на новую жертву.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Лемуры бросились в атаку, и я исчез, взмыв вертикально вверх.

— Эй, — окликнул я, висая в воздухе в сотне футов над их капюшонами. — Неудачное время выбрали, салаги, чтобы связаться со мной!

Головы под капюшонами запрокинулись, чтобы посмотреть вверх, но на фоне темного неба, да еще в снегопад, я вряд ли был виден, тогда как их силуэты на белом снегу очерчивались предельно четко.

Я замахнулся кулаком, снова исчез и возник за спиной лемура номер один. Мой кулак угодил ему точнехонько в основание черепа.

— Хрясь! — торжествующе выкрикнул я.

Знаю, в нападении со спины мало чести, зато с точки зрения выведения противника из строя это чертовски эффективно. Лемур сдавленно охнул и полетел в снег — оставшиеся два в панике отпрянули в стороны. Я несколько раз лягнул поверженного парня в шею и голову, дабы он гарантированно попал туда, куда попадают с сотрясением в их потустороннем мире, и все это время буквально визжал от злости.

Мои инстинкты предупредили меня в последнюю долю секунды: я ощутил на затылке холодное дыхание, а в спину ударила волна призрачной энергии. Я исчез, чтобы возникнуть в пяти футах позади моего предыдущего местоположения, и на этот раз приложил все усилия к тому, чтобы возникнуть лицом в нужную сторону.

На моих глазах один из оставшихся лемуров нанес сокрушительный удар кастетом в то место, где только что находился мой череп. Разумеется, врезав в никуда, он потерял равновесие, а я помог ему, лягнув в задницу. Я чуть откинулся назад и представил себе, будто бью коленом по пустой алюминиевой бочке. Пендель вышел что надо, и лемур тоже полетел мордой в снег.

— Кто здесь человек? — рявкнул я распластанным лемурам пронзительным от злости и возбуждения голосом. — А? Кто здесь человек?

С головы у второго слетел капюшон, под которым обнаружился ничем не примечательный человек среднего возраста; судя по выражению лица, он совершенно не понимал, о чем это я. Что ж, логично: кто знает, сколько десятилетий массовой культуры прошло незамеченными этими лемурами? Возможно, они даже не слышали о том, кто такой Уилл Смит.

— Какой-то я здесь всем непонятный, — пожаловался я.

Судя по всему, в том, что касается элементарной математики, я тоже не орел: пока я изображал Уилла Смита, словно ниоткуда возник лемур номер три и огрел меня по башке бейсбольной битой.

Боль была совершенно неопишная — на порядок сильнее той реакции на психологическую травму, которой я ожидал. Она сопровождалась чудовищной, олимпийского калибра тошнотой и пятибалльным ураганом замешательства. Я успел еще отстраненно подумать о том, что это можно уязвить в буквальном смысле слова. Еще секунда-другая ушли у меня на то, чтобы понять, что я плыву, чуть покачиваясь, а мое призрачное тело повернуто под углом примерно сорок пять градусов к земле. А потом в голове моей грянул гром, и ночь прорезал вопль, полный голода и торжества.

На меня навалились лемуры.

Обжигающе ледяные пальцы сомкнулись на мне стальными тисками. Беспощадные, бесцеремонные руки рывком вытянули меня в горизонтальное положение. Я едва сумел повернуть голову, чтобы посмотреть на третьего лемура.

Ее капюшон тоже свалился. Я увидел женщину неприемлемой наружности — не красавицу, не уродину. Вот только глаза у нее были черные, пустые — то есть совершенно пустые. Долгое мгновение она пристально смотрела на меня, трепеща всем телом в предвкушении чего-то отвратительного.

А потом медленно зашипела, вонзила ногти в мякоть моего левого бицепса и оторвала кусок плоти.

Хлынула призрачная — из эктоплазмы — кровь. Моя кровь. Алые капли описывали в воздухе ленивые параболы и застывали на снегу.

Это оказалось больно. Я завизжал.

Все трое лемуров завизжали в ответ, словно дожидались, пока подам голос я. Лемур-самка торжествующе подняла в воздух шмот моей плоти, подставила под него раскрытый рот и стиснула в кулаке. Моя кровь окропила ей губы и язык, и она ахнула от наслаждения, прежде чем опустить его в рот. Казалось, она не ела несколько недель.

Глаза ее закатились на лоб, по телу пробежала дрожь.

— О! — выдохнула она. — Боль. Сколько он испытал боли. И злости. И радости. Да, этот пожил.

— Вот, — произнес второй лемур. — Придержи ему ноги. Мой черед.

Самка оскалила окровавленные зубы и оторвала от моей руки другой кусок, поменьше. Проглотив его, она навалилась всей тяжестью на мои ноги, пригвоздив их к земле. Второй лемур осмотрел меня, словно выбирая кусок посочнее. Потом оторвал шмат от моего левого бедра.

Так продолжалось минут пять — все трое по очереди отрывали от меня по куску сочащегося мяса.

Не буду утомлять вас подробностями. Мне и думать об этом не хочется. Они были сильнее меня, ловчее меня и — как показал опыт — опытнее в том, что касалось ближнего боя по правилам духов.

Они меня одолели. Монстры меня одолели. И это было больно.

Так продолжалось до тех пор, пока по снегу не захрустели чьи-то шаги.

Лемуры этого не заметили. Я в общем-то тоже не слишком уж следил за происходящим из-за боли, однако с другой стороны, я не был слишком занят. Я поднял взгляд и увидел одинокую фигуру, бредущую в мою сторону по снегу. Фигура не отличалась особенным ростом, одежду ее составляли белая парка и белые лыжные штаны. Лицо закрывала шапка-балаклава того же белого цвета. В правой руке незнакомец держал большой старомодный фонарь-прожектор — из тех, с пластмассовой ручкой для переноски. Две лампы в нем горели неярким оранжевым светом.

Я даже захихикал про себя. Живой человек. С каждым шагом ноги его утопали в снегу. Должно быть, он не видел ничего, что творилось перед его носом. Неудивительно, что лемуры его не заметили.

Однако футах в десяти от меня он застыл как вкопанный.

— Срань господня! — пробормотал он.

Подняв руку, он стянул с себя балаклаву, под которой обнаружился мужчина лет сорока с тонкими, правильными чертами лица. Темные курчавые волосы спутались под ка-

пюшоном, на носу громоздились очки, темные глаза под которыми широко раскрылись от потрясения.

— Гарри?

Я уставился на него.

— Баттерс? — выпалил я, захлебываясь кровью.

— Останови их! — прошипел Баттерс. — Спаси его! Я решаю тебе выйти для этого!

— Принято, сахиб! — выкрикнул другой голос.

Облачко ярких, как из костра, искр вырвалось из фонаря, увеличилось в размерах и приняло человекоподобные очертания. Испустив львиный рык, оно ринулось на лемуров.

Двоим хватило сообразительности понять, что им грозит опасность, и они успешно исчезли. Третья, молодая женщина, слишком увлеклась трапезой и не подняла взгляда, пока не оказалось слишком поздно.

Светящаяся фигура налетела на лемура и просто-напросто уничтожила ее в хлам. На моих глазах со злобного духа со скоростью и бесцеремонностью пескоструйки ободрали одежду, кожу и плоть. Спустя какую-то секунду от него не осталось ничего, кроме медленно расползавшегося в ночном воздухе облачка искрящихся пылинок, среди которых виднелись кое-где граненые прозрачные камешки.

Светящаяся фигура задрала голову вверх и распалась на две части, каждая из которых кометой устремилась в ночное небо. Почти мгновенно грянул взрыв, и сверху на нас полетели, вращаясь в воздухе, клочки второго лемура, и просыпался град таких же разноцветных камней.

Тем временем в небе раздался жуткий рев. Я услышал, как захлопали от быстрого движения полы тяжелых балахонов. Вторая светящаяся комета металась по небу туда-сюда, явно маневрируя в воздушном бою, а потом лемур с кометой спикировали вниз. Они врезались в землю с грохотом, от которого содрогнулась земля; снег при этом остался абсолютно нетронутым.

Оранжевые огни снова слились в человекоподобную фигуру, которая тут же навалилась на оглушенного лемура. Светящиеся кулаки как поршни молотили по голове лемура. Секунд через десять или двенадцать голова духа превра-

тилась в студень из эктоплазмы, а из изуродованного тела полетели все те же причудливые разноцветные кристаллы-воспоминания.

Светящаяся фигура оторвалась от поверженного лемура и медленно огляделась по сторонам.

— Какого черта! — выдохнул Баттерс, выпучив глаза. — То есть что это такое было, приятель?

— Расслабься, сахиб, — произнес жизнерадостный молодой голос. Он исходил от этой самой огненной фигуры, которая кланялась и довольно потирала руки от удовольствия. — Это я так, лишний мусор прибрал. Такой сброд населяет все старые города смертных. Одна из разновидностей посмертного состояния, можно сказать.

Я молча смотрел. Ни на что другое меня все равно не хватало.

— Да-да, — кивнул Баттерс. — Но ему-то больше ничего не угрожает?

— Пока, — сказала фигура, — насколько я могу судить, нет.

Хрустя подошвами по снегу, Баттерс подошел ко мне и посмотрел сверху вниз. Этот коротышка принадлежал к ограниченному кругу чикагских патологоанатомов и следователей, занимающихся всякого рода трупами. Несколько лет назад к нему на анализ попали сильно поврежденные пожаром трупы вампиров. Он написал в заключении, что останки не принадлежат людям. За это его на год выгоняли с работы. С тех пор он относился к своей карьере с осторожностью — по крайней мере так было при моей жизни.

— Но это правда он? — настаивал Баттерс.

Светящаяся фигура всмотрелась в меня невидимыми глазами.

— Не обнаруживаю ничего, что позволило бы заподозрить в нем кого-либо другого, — осторожно ответила она. — Что не совсем то же самое, как если бы я сказал, что это призрак Гарри. Есть в нем что-то... что-то такое, что отличает его от других известных мне призраков.

Баттерс нахмурился:

— Что именно?

— Что-то, — повторила фигура. — То есть я не знаю точно — что. Что-то такое, в чем я не разбираюсь.

— Этот, гм... призрак, — спросил Баттерс. — Он ранен?

— Довольно тяжело, — подтвердила фигура. — Но его легко исцелить — если ты, конечно, этого желаешь.

Баттерс удивленно уставился на него.

— Чего? Ну да, да, разумеется, желаю!

— Отлично, сахиб! — гаркнула фигура, резко повернулась, взмыла в воздух и ловко собрала все парившие в нем камешки. Сдавив их в кулаке в единый комок, она приземлилась и опустилась на колени рядом со мной.

— Боб, — тихо произнес я.

Боб-Череп, мой бывший личный ассистент и советник, помедлил при звуках своего имени. Я снова ощутил на себе его пристальный взгляд, но если он и разглядел что-нибудь такое, на его лишенном черт лице ничего не отобразилось.

— Гарри! — произнес он наконец. — Открой рот. Тебе нужно добавить эти воспоминания к своему существу.

— Добавить? Как?

— Съесть, — тоном, не допускающим возражений, ответил Боб. — Рот открой?

Я был слишком усталым и измученным, чтобы спорить, поэтому просто сделал все так, как он сказал. Я зажмурился и раскрыл рот, а он сунул туда этот свой разноцветный комок. Однако вместо твердых камней в горло мне полилась свежая, прохладная вода. Она смочила мой пересохший язык, и я с жадностью проглотил ее всю до последней капли.

Боль ушла мгновенно. Дурнота и головокружение тоже отпустили, хотя и медленнее. Следом за ними исчезли смятение и усталость, а спустя пару вдохов я уже сидел, ощущая себя примерно таким же целым и невредимым, каким проснулся пару часов назад.

Боб протянул мне руку, и я взялся за нее. Он вздернул меня на ноги с такой легкостью, словно весил я не больше пушинки.

— Что ж, — заметил он. — По крайней мере на плохую копию ты не похож. Я уж боялся, ты окажешься таким съехавшим с катушек Зимним Рыцарем с повязкой на глазу и эспаньолкой, если не чем-нибудь хуже.

— Гм, — пробормотал я. — Спасибо, а?

— De nada¹, — отозвался Боб.

— Боб, — твердо произнес Баттерс. — Ты выполнил свою задачу.

Боб-Череп вздохнул и, повернувшись, отвесил Баттерсу галантный поклон, после чего снова превратился в облачко оранжевых искр, потянувшееся в направлении потухшего фонаря. Теперь я разглядел, что ни лампочек, ни батареек в фонаре не имелось, а вместо них в корпусе был закреплен череп давным-давно умершего заклинателя, превращенный в прибежище бессмертного духа.

— Слушай, Боб, — спохватился я. — Можешь передавать Баттерсу то, что я говорю?

— В этом нет нужды, босс... бывший, — жизнерадостно ответил Боб. — С учетом того факта, что Баттерс на порядок способнее по части магической теории, чем ты.

— Чего? — обиделся я.

— О, магических способностей у него ни на грош, — заверил меня Боб. — Зато у него в достатке мозгов, чего о тебе можно было сказать далеко не всегда.

— Боб! — строгим голосом произнес Баттерс, порылся в кармане парки и извлек оттуда маленький старый транзисторный приемник. — Вот, Гарри, видите? Я попросил Боба порыться в ваших записях по делу о Кошмаре. Боб говорил, вы изобрели радио, чтобы общаться с духами. Ну и...

Я удержался от того, чтобы врезать себе кулаком по лбу, но это стоило мне больших усилий.

— Так что вам не составило особого труда соорудить переговорное устройство. Все, чего вам для этого не хватало, — это старого транзистора.

Баттерс выслушал меня, склонившись ухом к приемнику, и кивнул:

— Я сразу же объяснил принцип действия Молли, и она собрала эту штуку за какой-то час. — Он помахал в воздухе фонарем с черепом. — А еще я вижу духов и даже распознаю их по цвету. Вот и вас я теперь могу и видеть, и слышать. Привет!

Я смотрел на коротышку и не знал, смеяться мне или плакать.

¹ Не за что (*исп.*).

— Баттерс, вы... вы... все это сами придумали?

— Ну... нет. То есть я хочу сказать, у меня имелся наставник. — Он еще раз покачал в воздухе фонарем.

— Эй! Не позволяй мне задаваться, — предостерег его Боб. — Ты же не любишь, когда я задаюсь.

— Цыц, Боб! — произнесли мы с Баттерсом абсолютно в унисон.

Мы с ним переглянулись. Он инстинктивно прижал фонарь к себе жестом собственника.

— Вам не стоит оставаться здесь, скоро все сюда понаедут, — заметил я.

— Вот и мне так кажется, — согласился Баттерс. — Поедете со мной?

— Разумеется, — кивнул я. — Да, а куда?

— В штаб, — ответил он.

Из противоположного кармана Баттерса слышались шипение и треск — оказалось, там у него лежала дальнобойная рация. Он достал ее, глянул на маленький экранчик и нажал на кнопку.

— Глаза на связи, — произнес он в микрофон.

— На месте его старого дома ничего, — слышался усталый голос Мёрфи. — Что у вас, Глаза?

— Вот он стоит прямо передо мной, — сказал Баттерс без гордости.

Ему это шло.

— Отлично, Глаза. — В голосе Мёрфи слышалось неподдельное облегчение. — Пошлю вам подкрепления. Увозите его оттуда немедленно.

— Принято, — хмыкнул Баттерс. — Конец связи. — Он убрал рацию обратно в карман, улыбаясь сам себе.

— «Глаза»? — удивился я.

— Это Дэниел дал мне типа кличку, — объяснил он. — Они мне поручили наблюдение, а он не понимал, почему именно очкарику — типу с четырьмя глазами. Ну, прилипло, вот и стало позывным.

— Если не считать того, что глаз у нас шесть, — заметил Боб-Череп. — Я все пытаюсь уговорить его, чтобы он и мне очки купил... тогда их станет восемь. Как у паука.

Я кивнул, и тут до меня дошло.

— Вы все еще работаете в морге?

Баттерс улыбнулся:

— Наши переговоры может подслушать уйма народа. Мёрфи не разрешает мне отзываться своим именем.

— Мёрфи знает что говорит, — согласился я.

— Не то слово, — кивнул Баттерс.

— Это она отдала вам Боба?

— Она. Вы же считались погибшим и все такое. Она хотела использовать его знания.

— Да нет, я не обижаюсь, — заверил я его, хотя на деле это меня немного задевало. — Я сам оставил такие штуки на ее разумение.

— Ну да, очень разумно. Кстати, о ее разумении — поехали-ка со мной.

— Легко, — сказал я и пристроился следом за ним. — Так куда конкретно мы едем?

— В Пещеру Летучих Мышей. В штаб.

— Чей штаб?

Он удивленно уставился на меня.

— Альянса, само собой. Чикагского Альянса.

Я заломил бровь.

— Какого такого Чикагского Альянса?

— Того, что он организовал, чтобы защитить город от фоморов, — ответил Баттерс.

— «Он»? — не понял я. — От фоморов? Кто «он»? Или что?

— Ох, Гарри, извините. — Баттерс прикусил губу и сокрушенно опустил взгляд. — Я думал, вы знаете... Марконе. Барон Джон Марконе.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Пистолет Стю я нашел там, где обронил его во время драки. А потом поспешил за Баттерсом к его машине — старому «Плимуту-Роудраннеру». Тот выглядел едва ли не хуже моего «Фольксвагена»-«жучка», каким я его видел в последний раз. Царапины и вмятины покрывали весь стальной

кузов — некоторые из них подозрительно смахивали на те, что остаются от длинных когтей, — но мотор урчал успокаивающе ровно. На номерном знаке значилось: «МИИМИИП».

— Я типа сменил свою старую машину, — объяснил Баттерс, когда я забрался в салон прямо сквозь дверцу.

Я не стал жаловаться на связанные с этим неприятные ощущения. Не при Баттерсе. Это лишило бы меня всего призрачного великолепия.

— На другую старую, — хмыкнул я. Голос мой звучал из приемника, болтавшегося на ремешке под зеркалом заднего вида.

— Сталь нравится мне больше стеклопластика, — сказал Баттерс. — Фоморы явно состоят в некотором родстве с фэйре. Ни те ни другие не любят прикосновения железа.

Череп с устроившимся в нем Бобом покоился в самодельном контейнере на приборной доске «Роудраннера», покачиваясь на ходу машины, как кукла-дезодорант.

— Они здорово повязаны друг с другом, — сообщил Боб. — С давних, очень давних времен. Еще до войн Сидхе.

Я удивленно повел бровью.

— Я мало что слышал об этом.

— Всекие бредни, — с энтузиазмом пустился в объяснения Боб. — Еще до моего времени, но я слышал много разного. Сидхе-даоисты, Туата, Тулвит-Тег, Шен... Легендарные союзы, легендарные измены, легендарные битвы, легендарные свадьбы, легендарный секс...

— Легендарный секс? — переспросил я. — С каких это пор секс носит эпитет легендарного?

— И тонны смертных простаков вроде тебя, которых использовали в качестве пешек, — радостно продолжал Боб, не обращая внимания на мой вопрос. — Слов не хватает, чтобы описать все это. Это как если бы «Властелин Колец» и «Элен и ребята» родили ребенка от Халка Хогана и электронного тира.

Баттерс даже поперхнулся от такого сравнения.

Впрочем, блин-тарарам, кто бы не поперхнулся на его месте?

— Короче, — прохрипел Баттерс, немного придя в себя, — в жилах у фоморов довольно много крови фэйре.

Поэтому когда я еду куда-то, я предпочитаю делать это, защищенным доброй детройтской сталью.

— Мёрфи говорила что-то про фоморов вчера вечером, — вспомнил я. — Я так понимаю, они нагрянули к нам в город?

Лицо у Баттерса сделалось чуть отстраненным.

— Еще как. Я совсем с ног сбился. — Он набрал в грудь воздуха. — Э... Послушайте, дружище, это правда вы?

— То, что от меня осталось, — устало ответил я. — Угу.

Он кивнул:

— Э... У нас проблема. С Молли.

— Я видел.

— Ничего вы не видели, — буркнул он. — То есть я слышал, Мёрфи говорила вам о том, что та слегка съехала с катушек, но на деле все серьезнее.

— Насколько? — спросил я.

— Семнадцать убитых за последние три месяца, — ровным голосом ответил он.

Пару кварталов мы ехали молча.

— Кто? — спросил я наконец.

— Подонки, — прямо ответил он. — Коп, возможно, изнасиловавший проститутку. Мелкая преступная шушера. Ворье. Она даже не особенно скрывается. Превратилась в такого Темного Рыцаря. Все свидетели описывают высокую женщину в нескольких слоях рванины. Уже через две недели газеты обозвали ее Леди-Оборванкой. Называют ее и всякими другими именами — потехи ради, чтобы показать, что им не страшно, но...

— В этом городе много кого убивают, — заметил я. — Во все не обязательно это Молли.

— Гарри. — Баттерс затормозил перед светофором и посмотрел на меня в упор. — Я обследовал двенадцать жертв. Все погибли по-разному, но у каждого во рту я обнаружил клочок ткани.

— И что? — спросил я.

— Я сравнил эти клочки. Это та же ткань, из которой сшита одежда, что была на вас в Чичен-Ице. Несколько образцов ее фигурировали в материалах обследования места... места вашего убийства. Кто-то проник туда, не замеченный никем, даже камерами слежения, и похитил их.

Перед глазами с пугающей ясностью возникла картина. Безмолвные каменные зиккураты в ночи. Шипение и скрежет нечеловеческих голосов. Отвратительный запах вампиров — словно запах рептилий. Моя фея-крестная (я не шучу: моя крестная действительно фея, и с ней лучше не связываться) превратила мою одежду в доспехи, возможно, спасшие мне жизнь несколько раз за ту ночь, тогда как сам я этого даже не заметил. Когда они снова превратились в плащ, куртку и джинсы, от них остались жалкие изодранные лохмотья.

Очень в моем духе.

Кто-то, имеющий непосредственное отношение к моей смерти, убивал людей в Чикаго.

Могла ли это быть моя ученица?

Если верить практически всем моим знакомым женщинам, она была ко мне равнодушна. Я не отвечал ей взаимностью. Конечно, Молли хороша собой, умна, сообразительна, отважна, изобретательна и умела. Однако я знаком с ней еще с тех пор, когда она носила лифчик всего лишь из чистой формальности, — я работал тогда с ее отцом, одним из немногих людей на свете, к которым питаю неподдельное уважение.

В Молли присутствовало темное начало. Я заглядывал к ней в душу. Я видел это не в одном из ее потенциальных будущих. Я ощущал это в ее магии, когда она — из самых лучших побуждений — колдовала с хрупкими людскими сознаниями.

Но хотя она зубами и когтями дралась в Чичен-Ице бок о бок с нами... Она не убийца. Не Молли.

Так ли?

В определенных условиях, при определенных обстоятельствах людей можно довести до крайностей. Я сам продал душу и будущее ради спасения своей дочери.

А я ведь был учителем Молли. Наставником. Образцом для подражания.

Могла ли моя смерть толкнуть ее на крайние меры, как толкнула на них меня возможная потеря дочери? Отринула ли она все, чему я пытался ее обучить, ради того, чтобы использовать свою силу без всяких ограничений?

«А почему бы ей этого не сделать, тупица? — услышал я у себя в мыслях собственный голос. — Не ты ли показал ей, как это делается? А ведь она всегда была способной ученицей».

Хуже того, для чародея Молли отличалась особой восприимчивостью — столь остры были ее сверхъестественные чувства, что вихри магических энергий или эмоций, которыми неизбежно сопровождаются смертельно опасные ситуации, причиняли ей боль, психическую и физическую. И ведь я даже не задумывался об этом, когда потащил ее с собой в Чичен-Ицу на самую опасную, кровавую и смертоносную затею из всех, в которых мне довелось участвовать.

Могла ли боль от присутствия при этом сотворить что-то с моей ученицей? Не оставило ли это у нее незаживающих ментальных шрамов, подобно тому физическому шраму, который остался у нее от пулевого ранения? Блин, да для этого достаточно войны и без всяких сверхъестественных штук, а ведь в Чичен-Ице хватало в достатке и того, и другого. В таких условиях трудно не рехнуться.

Я не хотел признаваться себе в этом, даже думать об этом не хотел, но не мог и отрицать, что моей ученице повезло гораздо меньше, чем мне.

— Эй! — негромко окликнул меня Баттерс. — Гарри! С вами все в порядке?

— Гм... — ответил я. — С учетом обстоятельств ответ в любом случае выйдет субъективным.

Он кивнул:

— Никто не хотел оказаться тем, кому придется посвящать вас в подробности. Но Мёрфи практически уверена. Она говорит, работай она до сих пор копом, то нарыла бы довольно улик, чтобы упрятать виновного за решетку.

— Угу, — тихо пробормотал я. — Я понял, что она имеет в виду. — Я подумал немного. — Тогда почему она этого не сделала?

— Мы не можем без Молли, — признался Баттерс. — От нее зависит, будем ли мы жить долго и счастливо или все сгинем после первых же двух стычек с фоморами.

Я устало потер глаза.

— Ладно. Это... Над этим я подумаю. Но это не значит, что я поверил. Нет, пока сам с ней обо всем не поговорю. Не посмотрю собственными глазами на ее реакцию.

— Хорошо, — мягко произнес Баттерс.

Я внимательно на него посмотрел:

— Мёрфи не хотела, чтобы вы мне это рассказывали?

Он пожал плечами:

— Мёрфи сейчас порой не та, какой была раньше. То, чем она занимается... сильно на ней сказывается. Она замыкается все больше и больше.

— Могу себе представить.

Баттерс кивнул:

— Но я-то... Я всегда был из тех, кто доверяет интуиции. И мне кажется, вам нужно все это знать.

— Спасибо, — сказал я. — Но у нас ведь есть и другие проблемы, да?

Усталое, озабоченное лицо его вдруг осветилось улыбкой:

— Конечно, есть. Гарри Дрезден вернулся. Что это?

Я достал из кармана оттопыривавший его пистолет сэра Стюарта.

— Пушка, — ответил я. — Мне тут ее доверили...

— Ого. — Он старался не выказывать беспокойства. — А в меня она, случайно, не выстрелит?

Я с улыбкой помотал головой:

— Нет. Опасна только для призраков. Если мне вообще удастся привести ее в действие.

Снег перестал, и Баттерс выключил «дворники».

— Каково это?

— Что именно?

— Быть... это... ну, вы понимаете.

— Мертвым?

Он передернул плечом, пряча неловкость.

— Призраком.

Я подумал немного, прежде чем ответить:

— Все, что у меня болело все время, теперь в норме. Не испытываю ни голода, ни жажды. Во всех остальных отношениях это примерно так же, как при жизни... за исключением того, что моя магия исчезла. И еще, видите ли, почти никто меня не видит и не слышит.

— Значит... Значит, мир не меняется? — спросил он.
Я поежился.

— Нет. Он до ужаса полон всякой жути. Вы даже не поверите, сколько духов и призраков шатаются сейчас по городу.

Говоря это, я повернул голову и увидел пару духов, скользивших над тротуаром. Я нахмурился:

— Включая тебя, Боб.

Боб-Череп фыркнул:

— Я не смертный. У меня нет души. Единственное, что может ожидать меня в конце, — это энтропия. Я не могу оставить после себя призрака.

— Тогда как получилось, что я видел парящий в воздухе череп с синими глазами, помогавший штурмовать дом Морти Линдквиста вчера вечером?

Череп удивленно уставился на меня:

— Ты уверен?

Я фыркнул.

— Вряд ли таких в наших краях много, — ответил я. — Что тебе известно?

— Я должен это обдумать, — бросил он, и оранжевый свет в его глазах померк.

Мы с Баттерсом уставились на череп.

— Ха! — заметил Баттерс. — Никогда еще не видел, чтобы он вот так просто затыкался.

Я только хмыкнул.

— Перепугался до чертиков, — признался я, помолчав. — Решил, что это с ним что-то случилось.

— С ним все в порядке, — сказал Баттерс. — Лучший сосед, какого можно пожелать.

— Я рад, что вы о нем заботитесь. Одному ему пришлось бы туго.

— Но ведь это не очень страшно, правда?

— Что не страшно?

— Если по городу разгуливает Плохой Боб, — ответил он. — Я хочу сказать... Он же будет еще одним занудой вроде этого? Только в черной шапке?

Оранжевые огни мгновенно ожили.

— Эй! — возмутился Боб.

— Баттерс... Боб чертовски силен, — осторожно сказал я. — Знание — сила, приятель. А уж знаний у Боба более чем достаточно. Когда я по неосторожности щелкнул его переключателем на режим черной шляпы несколько лет назад, он в первую же минуту едва меня не убил.

Баттерс потрясенно заморгал. Несколько секунд он пытался сказать что-то, но поперхнулся, да и потом голос его звучал довольно жалко.

— Ох, — пробормотал он, осторожно косясь на Боба.

— Я бы не стал делать из этого особой истории, сахиб, — беззаботно заметил Боб. — Право, не в моем характере творить что-то в этом роде.

Я кивнул:

— Его создали помощником и наставником. Было бы непрофессионально использовать его для других целей.

— Чего сахиб и не делает, — подчеркнул Боб. — Скажем честно, в силу невежества, но не делает.

— Ох, — повторил Баттерс. — А как... Как мне быть уверенным, что я не переключу его на эту самую черную шапку?

— А у тебя и не получится, — сообщил Боб. — Гарри приказал мне забыть эту часть меня и никогда больше не вытаскивать ее на поверхность. Вот я ее оторвал и выбросил.

Тут настала моя очередь зажмуриться.

— Ты... чего?

— Эй! — обиделся Боб. — Ты же сам сказал, чтобы я никогда больше не вытаскивал ее. И подчеркнул еще: никогда. Ну, пока я оставался при тебе, проблем с этим возникнуть и не могло. Но следующий, к кому я попал, мог бы приказать мне и это... Мало чего могло бы случиться? Вот я и сделал так, чтобы это никогда не повторилось. Вовсе не стоит поднимать из-за этого шум. Ох, Дрезден, порой ты хуже девчонки.

Я зажмурился еще крепче.

— А?

— Мама звонит мне дважды в неделю, — пояснил Баттерс. — А он подслушивает.

— Знаешь, сахиб, а она ведь права, — как ни в чем не бывало сообщил Боб. — Стоит тебе сделать что-нибудь с прической и придется получше, и ты стопудово найдешь себе

женщину. Ты же доктор, в конце концов. Какая женщина не мечтает выйти за доктора?

— Мне кажется, или у него произношение действительно слегка идишем отдает? — спросил я у Баттерса.

— Я это дважды в неделю получаю, Боб! — прорычал Баттерс. — Только не хватало еще и от тебя это слышать!

— Ну, должен же кто-то напоминать, — возразил Боб. — В смысле посмотри, что у тебя с волосами.

Баттерс скрежетнул зубами.

— Так вот, Гарри... — начал Боб.

— Знаю, — перебил я его. — То, что я видел с Серым Привидением, должно быть, та часть тебя, которую ты отрезал.

— Верно, — подтвердил он. — Схватываешь на лету.

— Можно сказать, это твой отпрыск.

Боб пожал плечами... точнее, сделал движение, долженствовавшее сие означать.

— С точки зрения логики смертного, до обидного ограниченной, можно сказать и так.

— Значит, это часть тебя, но не весь ты. И силы у нее, раз так, меньше.

Светящиеся глаза Боба задумчиво прищурились.

— Возможно, но... любое целое существо совершенно не обязательно равно сумме отдельных его частей. Взять хотя бы тебя. В мозговом отделении у тебя лошадиных сил не то чтобы избыток, и все же ты ухитряешься докопаться до сути быстрее, чем большинство остальных.

Я смерил череп строгим взглядом.

— Так сильнее он тебя или нет?

— Не знаю, — признался Боб. — Я не знаю, что ему известно. Я не знаю, на что он способен. Собственно, в этом и заключался смысл ампутации. На этом месте сейчас просто большая дыра.

— Насколько большая?

Боб закатил глаза.

— Тебе как, в архаических мерах? Или в метрических?

— Приблизительно.

— Э... Ну, лет сто знаний, где-то так.

— Черт, — тихо буркнул я. Насколько мне известно, Боб принадлежал некогда некроманту по имени Кеммлер.

Кеммлер объявил Белому Совету настоящую войну. Он объявлял войну дважды. На протяжении двух этих войн его убивали семь раз, но окончательно убили только в седьмую попытку. До сих пор известный как самый могущественный чародей-ренегат второго тысячелетия, Кеммлер в какой-то момент раздобыл себе дух разума, служивший ему помощником.

В конце концов, когда Кеммлера ликвидировали окончательно, череп оказался в руках Стража по имени Джастин Дюморн — тот просто-напросто похитил его с места преступления. Это был тот самый Джастин, который усыновил меня и обучал, чтобы превратить в монстра, и который в конце концов решил, что я недостаточно податлив, и попытался меня убить. Правда, вышло не совсем так, как он задумал. Это я убил его и сжег дом вместе с его трупом. И забрал тот самый череп, спрятав его от Стражей и прочих, и дал ему имя Боб.

— А это плохо? — спросил Баттерс.

— Некоторое время черепом владел один нехороший тип, — ответил я. — Чернокнижник большого калибра. Значит, воспоминания, утраченные Бобом, возможно, содержат в себе все, чего он набрался за то время, что служил ассистентом у парня, который считается сильнейшим чародеем планеты — настолько сильным, что открыто противостоял Белому Совету на протяжении нескольких десятилетий.

— То есть вы хотите сказать... он много чему там научился?

— Возможно, — жизнерадостно подтвердил Боб. — Но все это скорее всего ограничено всякими там разрушительными, отравляющими и прочими опасными штуками. Ничего важного.

— И это «ничего важного»? — пискнул Баттерс.

— Разрушать просто, — наставительно произнес Боб. — Черт, да все, что нужно, чтобы уничтожить что-либо, — это подождать. Вот созидание — это да. Это сложно.

— Скажи, Боб, ты бы хотел вернуть Плохого Боба обратно?

Взгляд Боба беспокойно метнулся из стороны в сторону.

— Я... Я бы предпочитал этого не делать. Нет, правда, не надо. Ты не представляешь. Тот я совсем псих. И — тьфу, весь выдохся.

Я вздохнул:

— Что ж, еще один повод для беспокойства. И потом, я так ничегошеньки и не знаю про мое убийство.

Баттерс остановил «Роудраннер» и вытянул ручной тормоз.

— Вы не знаете, — сказал он. — Зато мы знаем. Все, приехали. Вылезаем.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Стиснув зубы, я выбрался из машины Баттерса и остановился оглядеться по сторонам. Снега за день напало много, и сугробы по сторонам улицы казались увеличенным подобием снежных крепостей, которые каждый год вырастают на заднем дворе у Карпентеров. Они искажали очертания всего, что только можно, — и все же что-то казалось знакомым.

Я остановился и целых полминуты медленно поворачивался вокруг своей оси. В процессе этого я заметил две тени, легко скользившие над снегом, — волков. Теперь мне стало понятно замечание Мёрфи насчет теней в подкрепление. Один из волков нырнул в темноту между двумя странно знакомыми соснами, и тут я понял, где мы находимся. Баттерс к этому времени вынул Боба из дорожного контейнера и снова нес его в старом фонаре. Он посветил им по сторонам, пока не увидел меня.

— Гарри? — спросил он.

— Это же мой дом, — пробормотал я. — То есть... место, где был мой дом.

Здесь многое изменилось.

На месте старого доходного дома — моего дома — выросло новое здание высотой в четыре этажа и странной кубической формы. Фасад выступал вперед, к улице, сильнее прежнего дома, оставив палисадник глубиной всего в один мой хороший шаг.

Я подошел ближе потрогать стену, и моя рука утонула в ней. Руку щипало, но ощущение не изменилось, когда я сунул руку еще глубже. Это оказалась не облицовка, а настоящий камень. Я не шучу. Настоящий, черт его возьми, камень. Базальт, должно быть... не знаю, я не каменщик. Темно-серый, с прожилками и вкраплениями зеленого и серебряного, хотя разглядеть их я мог, только почти уткнувшись в стену носом.

Окна были узкие, дюймов девять шириной, и утопленные глубоко в стену. Снаружи они защищались стальными решетками. Такие же решетки я разглядел и с внутренней их стороны. Обрез крыши ошетинился зубцами — самыми что ни на есть настоящими машикулями. По углам и центру фасада виднелись бойницы-горгульи, начинавшиеся на уровне второго этажа и тянувшиеся уродливыми изваяниями до самой крыши.

Кто-то превратил руины моего дома в крепость, ну ничего себе!

Над тем, что служило, должно быть, главным входом, висела вывеска. Она гласила просто и безыскусно: «ОБЩЕСТВО СВЕТЛОГО БУДУЩЕГО».

Баттерс проследил за моим взглядом.

— А, — сказал он. — Ну да. Мы называли его так, потому что, не делай мы ничего, будущее у этого города окажется незавидное. Лично я предлагал «Отряд светлого будущего», но меня не поддержали.

— Блин-тарарам, — пробормотал я, делая в уме приблизительный подсчет. Чтобы построить что-то на руинах доходного дома, работы должны были начаться чуть ли не в тот же день, как меня убили. Строить из натурального камня дорого, и времени это требует больше. Дом был размером с хороший замок. На строительство такого обычно уходят многие месяцы. В этом случае строители уложились в шесть. А может, и меньше — с учетом погоды. — Да этот дом безумных бабок стоит.

— Ну! — подтвердил Баттерс, направляясь к дверям. — Ничего, пошатаетесь здесь немного — привыкнете. Как все мы. — Он набрал код на пульте у двери. Кнопки негромко щелкали под его пальцами, что напомнило мне механиче-

скую пишушую машинку. Потом он снова сунул руку в карман и принялся ждать.

Спустя секунду из потрескивающего динамика послышался сочный бас с заметным иностранным акцентом:

— Кого еще занесло?

— Баттерс, — отозвался он. — С тенью Дрездена. Привет, Свен.

В динамике послышался рокот.

— Вальдо! — Так он произнес «Уолдо». — Ночь темна. Наступишь как-нибудь на лису, а она тебя и съест.

Из динамика грянул многоголосый хохот — судя по всему, вход охраняли несколько человек.

Баттерс не засмеялся, но ухмылку сдержать не сумел.

— Что ж, тогда я застряну у нее в глотке, пока ты не оторвешь свою моржовую задницу от стула и не придешь мне на помощь, Свен.

В динамике заржали еще громче, и голос, задыхавшийся от смеха, произнес что-то на языке, которого я не знал, — судя по всему, одном из североевропейских. Замок щелкнул, и Баттерс открыл дверь. Я двинулся было за ним, но вовремя спохватился и вытянул вперед руку. Рука углубилась в проем дюймов на двенадцать, а потом наткнулась на что-то, не уступающее твердостью кирпичной кладке.

— Э... Баттерс, — пробормотал я.

Он хлопнул себя по лбу.

— Ну да, извините. Заходите, пожалуйста.

Невидимая стена исчезла, и я покачал головой:

— Надо же, порог. Здесь что, живут?

— Довольно много народа, — подтвердил Баттерс, пропуская меня в вестибюль. — Довольно много паранетчиков ночуют здесь, когда приезжают к нам в город, да и местные иногда проводят тут несколько дней, когда им некуда укрыться. Венатори, когда приезжают к нам по делам. Ну и так далее в этом роде.

Почему-то я испытал приступ злости, лишенной логики, но от этого не менее жгучей.

— Мой дом... сверхъестественная ночлежка?

— И арсенал! И тюрьма! — с энтузиазмом добавил Боб.

Оказывается, призраки могут заикаться от злости.

— Т-тюрьма?

— И детский сад! — продолжал Боб.

Я застыл как вкопанный и развел руками.

— Детский сад? Детский сад?!

— Ну, у людей есть дети, дружище, верно? А еще им надо ходить на работу, — терпеливо пояснил Баттерс. — Фоморы не гнушаются использовать детей, чтобы добиваться своего. Вот дети из группы риска и приходят сюда по рабочим дням. А ты, Боб, заткнись. И вы, Гарри, не кипятитесь. Это место приносит пользу людям.

Я повернулся к Баттерсу и внимательно на него посмотрел. Коротышка мало напоминал того застенчивого, неуверенного в себе человека, каким он был при нашем знакомстве несколько лет назад. Тот Баттерс ни за что не позволил бы себе обратиться ко мне таким тоном.

А может, он остался прежним. Баттерс и раньше держался своего до последнего, даже если это стоило ему работы и свободы — за это его еще и в дурдом упрятали. Он человек принципа.

И потом, возможно, он говорил правду. Это больше не мой дом.

Миновав негромко жужжавшую рамку металлодетектора, мы прошли мимо поста охраны. Там дежурили четверо самых здоровенных и грозных мужчин, каких мне приходилось видеть. Одеты они были в кожаные байкерские прикиды, а на поясе у каждого висел меч. Мощные мышцы рельефно очерчивались даже сквозь одежду, а одинаковые — словно форменные — светлые глаза спокойно, но пристально отсканировали нас.

— Эйнхерии, — тихо пояснил Баттерс. — Воины Валгаллы, если не врут.

— Не врут, — подтвердил я. — Где это вы их откопали?

— Марконе. Они ему дорого обходятся.

— Снова он...

Баттерс пожал плечами:

— Я тоже не люблю этого типа, Гарри. Но он достаточно умен, чтобы понимать: если фоморы установят контроль над городом, от него избавятся походя.

— Слишком просто, — буркнул я. — Слишком легко. Он ведет с вами какую-то игру.

Мы миновали еще дверь, поднялись по лестнице и оказались на втором этаже.

Почти весь этаж занимало одно большое помещение, практически лишенное перегородок, — спортзал среднего размера, к которому примыкали раздевалки и душевые. На боксерском ринге Мёрфи в уличной одежде стояла перед тилом, явно унаследовавшим генетический набор носорога, причем всего несколько поколений назад. Огромным, мускулистым, с черными волосами и бородой, заплетенными в длинные косички. Всю одежду его составляли поношенные джинсы. Торс порос густой черной шерстью. (Не как у оборотня или циркового уродца, нет. На грани приличия, но не более. Ни дать ни взять шерстяной клубок.)

Баттерс застыл, наблюдая.

Несколько секунд Мёрфи немигающим взглядом смотрела на громилу в упор; поза ее оставалась спокойной, расслабленной. Он смотрел на нее ничего не выражающим взглядом. Потом оба сорвались с места.

Мне трудно сказать, кто пошевелился первым, но кулак Мёрфи устремился под дых верзиле. Он повел бедром, отражая удар, а когда восстановил равновесие, нога его, продолжив движение, описала в воздухе дугу и завершила движение промеж ключиц Мёрфи. Та полетела на пол.

Клубок не колебался ни секунды. Он шагнул к ней стремительно — с учетом его комплекции — и замахнулся ногой, целя в висок.

Мёрфи перекатилась по полу, увернувшись от удара, но противник последовал за ней, и ей пришлось катиться дальше в попытках избежать его ножищи, лупившей с силой кузнечного молота. Она докатилась до края ринга и резко сменила направление вращения, устремившись теперь ему навстречу.

Избежав очередного удара, Мёрфи захватила его колено обеими ногами и, изогнувшись всем телом, опрокинула на пол. Клубок рухнул как дерево — громко и основательно. Канаты продолжали еще некоторое время вибрировать.

Мёрфи поднялась на четвереньки, подалась чуть вбок и выбросила ногу, целясь Клубку в висок. Тот увернулся, однако она сменила направление удара, и пятка ее опустилась

сверху вниз, с силой молота ударив по руке, на которую Клубок опирался всей своей тяжестью. Хрустнули кости.

Клубок взвыл, вскочил на ноги и принялся молотить ее кулачищами. Мёрфи уворачивалась и уклонялась от удара за ударом, а один раз даже сделала неожиданный пируэт и врезала пяткой Клубку в солнечное сплетение.

Удар пошатнул его и заставил отступить на шаг, но Мёрфи преследовала своего противника слишком тесно, слишком неосторожно. Клубок оправился от удара почти мгновенно, отразил еще один удар и перехватил ее руку. А потом резко повернулся и швырнул ее поверх канатов прямо в стену. Врезавшись в стенку, Мёрфи вскрикнула и мешком повалилась на пол.

— Убью! — зарычал я, стиснув кулаки, и ринулся вперед. Только сделав два и три шага, я сообразил, что не могу причинить этому типу никакого вреда. Ни ударить. Ни послать прогуляться в иную реальность. Блин, я даже не мог подкрасться к нему и крикнуть в ухо: «Буу!»

— Гарри, стойте! — шипел Баттерс. — Все в порядке.

Медленно, но уверенно Мёрфи поднялась на ноги. Великан Клубок тем временем подошел к канатам, придерживая правую руку левой. Мёрфи стряхнула пыль с одежды и повернулась к нему. Ее голубые глаза оставались спокойными, как арктический ледник, губы кривились в легкой улыбке. На нижней губе, рассеченной ударом, набухла капля свежей крови. Она смахнула кровь рукавом, не отводя взгляда от Клубка.

— Три? — спросила она.

— Все четыре, — отозвался тот, помахав правой рукой в знак подтверждения. — И чем я теперь меч держать буду? Хорошо. Когда бы ты не жаждала так крови, могла бы и выиграть поединок.

Мёрфи фыркнула.

— Ты просто перебрал хмельного меда, Скальди Скильдсон.

Клубок не удержался от улыбки:

— Завтра на мечях?

Мёрфи кивнула. Еще секунду-другую оба молча смотрели друг на друга, словно ожидая атаки и опасаясь повернуть-

ся спиной к противнику. Потом, без всякого предварительного знака или сигнала, одновременно кивнули друг другу и, расслабившись, повернулись в разные стороны.

— Баттерс! — пророкотал Скальди Клубок. Если пальцы его и впрямь были сломаны, видимого беспокойства это ему не причиняло. — Когда ты наконец выйдешь на ринг, чтобы попробовать силы, как подобает мужчине?

— Как только достану себе действующий световой меч, — с готовностью отозвался Баттерс.

Клубок расплылся в ухмылке. Коротышка-патологоанатом повернулся к Мёрфи и кивнул:

— Мы могли бы переговорить в комнате для совещаний?

— Угу, — кивнула она в ответ, вернулась к рингу и легонько стукнулась кулаками (левыми) со Скальди. Потом вывела нас с Баттерсом из спортзала, спустилась по другой лестнице, зашла в длинную, узкую комнату и заперла за нами дверь. Баттерс поставил фонарь с Бобом на стол. Глаза у черепа снова вспыхнули оранжевым светом, и по реакции Мёрфи я понял, что она увидела в их свете меня.

Она чуть застыла, глядя в мою сторону, и в глазах ее сразу появились усталость и боль. Она сделала глубокий вдох и на миг зажмурилась. Потом медленными, продуманными движениями сняла куртку.

— Привет, Гарри, — сказала она.

— Привет, Мёрф, — отозвался я, дождавшись, пока Баттерс поставит на стол свой транзистор.

Под курткой у нее обнаружилась другая: тонкая, легкая — я такие видел на каскадерах, когда расследовал одно из самых первых своих дел. Выходит, ее тренировка с жестким контактом была не настолько опасна, какой казалась со стороны. Ясное дело, синяков она получила достаточно, но удар о стену вряд ли сломал бы ей спину. Череп — возможно, но не спину.

— Ты в порядке?

Она повела плечом и поморщилась:

— Заживет.

— Гляди, напорешься в городе на такого верзилу, — прогудел я голосом кинозлодея. — И кто начистит ему ряшку?

Глаза ее вспыхнули, и она смерила меня хмурым взглядом.

— Скажи, Дрезден, ну скажи: я когда-нибудь дралась с кем-нибудь, равным мне по росту и силе, а?

— Гм...

— Если хочешь драться со злобными лосями...

— С лосем, — поправил ее Баттерс как бы невзначай. — С несколькими даже вам не совладать.

— Гориллы, — продолжала Мёрфи, не обращая на него внимания. — Лучший способ тренироваться для драки с лосями — это тренироваться на чуть менее злобных гориллах. Скальди на две сотни фунтов тяжелее меня, почти на два фута выше, и боевой практики у него два тысячелетия...

— Меньше, — заметил Баттерс. — Чуть больше полутора.

Мёрфи презрительно фыркнула:

— Полторы тысячи лет практики ломания спин мелким занудам-докторишкам, помешанным на точности.

Баттерс расплылся в довольной ухмылке.

— Мне его никогда не побить, Гарри. Никогда. И не в этом дело. — Она отвернулась и продолжала чуть тише: — А дело в том, что мир добрее не становится. Девушкам приходится самим о себе заботиться.

Ее лицо? Один только взгляд на него причинял боль. Да и слышать ее слова было все равно что лежать под ножом, заживо срезающим тебе кожу полоска за полоской. Я ничего не сказал. Старался не показывать вида. Скажи я, что Мёрфи не хватает моей защиты, и это ее оскорбило бы, а уж если бы ей показалось, что я терзаюсь виной за то, что не могу ее защитить, помочь ей, — она разозлилась бы не на шутку.

Поймите меня правильно. Я вовсе не считаю Мёрфи принцессой из замка. Просто вышло так, что ей одной пришлось противостоять силам, которые относятся к ней с тем же пренебрежением, как, скажем, накатывающие цунами, извержение вулкана или землетрясение. Жизнь — штука драгоценная, но хрупкая, а жизнь Мёрфи была ценнее для меня большинства других.

— Ладно, Гарри, — спохватилась Мёрфи. — С чего начнем?

Я ощущал себя неловко, стоя, в то время как они с Баттерсом сидели за столом, но подвинуть стул все равно не мог.

— Э... Может, начнем с того, что тебе известно о том, как меня... застрелили?

Она кивнула, и лицо ее сразу сделалось профессионально бесстрастным, отстраненным, как у полицейского при исполнении.

— Говоря официально, знаем мы не слишком много. Я приехала забрать тебя и обнаружила кровь и одну пулевую пробоину. Этого не хватало даже на то, чтобы заявить об убийстве. Поскольку жер... поскольку ты находился на катере, а тот не стоял неподвижно, определить точное направление, откуда был сделан выстрел, не представлялось возможным. Возможно, с крыши ближайшего к порту здания. Траектория пули отклонилась при прохождении через твоё тело, и отметины, оставленные ею на стенах рубки, расположены асимметрично. Однако эксперты по баллистике считают, что это было что-то между пулей двести двадцать третьего винтовочного калибра и соответственно триста тридцать восьмого винтовочного калибра, причем второй вариант вероятнее.

— Никогда не разбирался в нарезном оружии. Что это значит?

— Это означает снайпера, вооруженного карабином, — пояснил Баттерс. — Не обязательно армейским. Продается довольно много охотничьих ружей таких калибров.

— Пули мы так и не нашли, — продолжала Мёрфи. Она сделала глубокий вдох. — Как и тела.

Я заметил, что оба — и Мёрфи, и Баттерс — смотрят на меня очень пристально.

— Ну... — произнес я. — Я... типа прошел всю эту штуку с туннелем и светом в конце — очень, кстати говоря, утомительно. — Я прикусил губу, едва не проболтавшись о ее отце. — Э... Меня послали сюда распутать убийство. Что типа подразумевает смерть. И мне сказали, что тело отсутствует, так что...

Мёрфи опустила взгляд и кивнула.

— М-да, — пробормотал Баттерс. — Зачем посылать вас обратно?

Я пожал плечами:

— Сказали, то, что будет дальше, не для нытиков и бесхребетных.

Мёрфи фыркнула:

— Сказано совершенно в духе моего отца.

— Гм... — неопределенно хмыкнул я. — Угу.

Баттерс удивленно изогнул бровь. Взгляд его темных глаз метался между мной и Мёрфи, и на лице появилось задумчивое выражение.

— Так или иначе, — поспешно продолжил я, — это все, что вам известно официально, так? А... А что еще известно?

— Я знаю, что это не Марконе, — сообщила Мёрфи. — У всех его мокрушников стопроцентное алиби, причем не липовое — мы проверили. И у него самого, и у Гард, и у Хендрикса. Я знаю здание, с которого, судя по всему, стреляли, — не самый простой выстрел.

— Четыреста пятьдесят ярдов, — добавил Баттерс. — Из чего следует, что это был, возможно, профессиональный стрелок.

— Есть любители, умеющие стрелять не хуже, — заметила Мёрфи.

— Как правило, они не стреляют с крыш по своим соотечественникам-американцам, — возразил Баттерс. — Слушайте, если мы допустим, что это любитель, мы можем подозревать почти всех и каждого. Но если мы будем исходить из того, что это профессионал — что куда более вероятно, — у нас есть возможность вычислить его, а потом и выйти на того, на кого он работал.

— Допускать мы можем что угодно, — сказала Мёрфи. — У меня больше нет прежнего доступа к информации. Нам надо бы изучить записи с камер наблюдения и все такое, а я этого получить больше не могу.

— Твой шурин может, — предложил я. — Дик может.

— Ричард, — поправила она меня. — Он терпеть не может этого сокращения.

— Что еще за Дик? — поинтересовался Баттерс, глядя то на нее, то на меня.

— Ее шурин, — ответил я.

— Мой бывший муж, — произнесла она одновременно со мной.

Брови Баттерса поползли еще выше на лоб, и он покачал головой:

— Ох уж эти католики.

Мёрфи смерила его убийственным взглядом.

— Ричард живет по инструкции. Гражданским он не может.

— Ну же, Мёрф, — не сдавался я. — Ты же была за ним замужем. Наверняка у тебя на него есть какой-нибудь компромат.

Она покачала головой:

— Быть задницей не преступление, Гарри. Иначе я бы его на всю жизнь за решетку закатала.

Баттерс осторожно кашлянул:

— Мы могли бы попросить...

— Нет, — произнесли мы с Мёрфи в унисон и продолжали, перекрикивая друг друга:

— День, когда я обращусь к этому ублюдку за помощью, станет днем, когда я...

— ...говорила вам уже и еще скажу: только того, что он рассудителен, еще недостаточно, чтобы...

— ...убийца, наркоторговец и сводник, и то, что коррумпированные чикагские власти не могут его убрать, еще не значит...

— ...могли бы лучше подумать, прежде чем предлагать, — договорила Мёрфи.

Баттерс поднял руки, сдаваясь.

— Ладно, ладно. Я тоже против. Никакой помощи от Марконе. — Он помолчал и обвел комнату взглядом, словно видел ее впервые. — Потому что это стало бы... беспрецедентным.

— Уолли, — произнесла Мёрфи, угрожающе вскинув брови.

Он снова поднял руки:

— Дядя. Не до конца понимаю вашу логику, но ладно.

— Думаешь, за этим стоял Марконе, Гарри? — спросила Мёрфи.

Я пожал плечами:

— В нашу последнюю встречу он сказал, что ему нет нужды меня убивать. Что я убью себя без всякой помощи с его стороны.

Мёрфи нахмурилась. При этом она потревожила разбитую губу и поморщилась, от чего та заболела еще сильнее, судя по тому, что снова начала кровоточить.

— Черт. Ну... Это же можно понимать по-разному, ты не считаешь?

— Как, например?

Мёрфи посмотрела на меня:

— Ну, например, Марконе знал о том, что должно произойти, потому и сказал, что ему не нужно тебя убивать. В смысле сам он этого не делал, но был в курсе.

Я хмыкнул. Марконе управлял Чикаго как собственным клубом. Ему подчинялись легионы служащих, союзников и просто шестерок. Его информированность о происходящем в городе не была сверхъестественной — нет, она была еще круче. Его отличали логика поступков, острый ум и готовность к кризису, равной которой я не встречал больше ни у кого. Если у бойскаутов имелся какой-то эквивалент ситхов, Марконе наверняка стал бы одним из них.

И если в городе появился какой-нибудь специалист по мокрым делам, Марконе с высокой степенью вероятности узнал бы об этом. От него и от его подпольной сети информаторов ускользало немного.

— Черт, — повторила Мёрфи, явно пришедшая к тем же выводам, что и я. — Теперь точно придется поговорить с этим говнюком. — Она достала маленький блокнот и черкнула в нем несколько строк. — Баттерс, вы говорили, дом Линдквиста горел?

— Сгорел до основания, — подтвердил Баттерс.

Я кивнул:

— Если верить шатавшимся вокруг призракам, там показывалось само Серое Привидение... Я что, вам про Серое Привидение не рассказывал?

— Мистер Линдквист просветил нас после того, как обстрел закончился, — сказал Баттерс.

Губы Мёрфи сжались в жесткую линию. Она записала еще что-то в блокнот.

— Сейчас рассортируем все по порядку. Что-нибудь еще?

— Я нашел шайку, обстрелявшую твой дом вчера вечером, — сообщил я.

Кончик ее карандаша сломался о блокнот. Мёрфи посмотрела на меня, и глаза ее сделались совсем ледяными, бешеными.

— Да? — произнесла она очень тихим голосом.

— Угу, — кивнул я и помолчал немного, обдумывая, как много я могу сказать: разбудить гнев Мёрфи не так-то просто. — Не думаю, что они вас больше беспокоят.

— Почему? — спросила она своим профессиональным тоном. — Ты их убил?

Как-то слишком настойчиво произнесла она этот вопрос. Черт. Мёрфи явно готова отправиться за этими парнями, стоит ей только узнать, где они находятся.

Я покосился на Баттерса, имевшего вид человека, который сидит рядом со снаряженной взрывчаткой.

— Нет, — произнес я, осторожно выбирая слова. Если Мёрфи и впрямь готова была взорваться, мне не хотелось бы, чтобы она расправилась с Фицем и его незадачливой командой в лучших традициях викингов. — Но у них нет тех ресурсов, что имелись вчера. Не думаю, чтобы они кому-нибудь угрожали в ближайшем будущем.

— Это твое профессиональное мнение, да?

— Да.

С минуту она молча смотрела на меня.

— Эбби стояла на заднем дворе, когда началась атака. Она получила пулю в живот. Недостаточно быстро упала. До сих пор неизвестно, выживет она или нет.

Я вспомнил пухлую, жизнерадостную женщину и поперхнулся.

— Я... Я не знал, Мёрф. Мне очень жаль.

Она продолжала говорить, словно я не произнес ничего:

— В соседнем доме жил пенсионер. Каждое лето дарил мне помидоры со своего огорода. Ему повезло меньше, чем Эбби. Пуля попала ему в шею, когда он спал. Он успел еще проснуться и свалить трубку телефона, прежде чем истек кровью.

Блин-тарарам! Это окрашивало все совсем в другой цвет. То есть я надеялся на спокойную, вразумительную беседу с Мёрфи. Но если пролилась кровь, если погибли люди... Я хорошо знал Мёрфи. Вне зависимости от того, работала она в полиции или нет, она не пойдет на попятный.

— Где они? — спросила она.

— Сейчас не время вышибать двери, — сказал я. — Пожалуйста, выслушай меня.

Рука ее сжалась в кулак, но она совладала с гневом, сделала глубокий вдох и кивнула:

— Рассказывай.

Я рассказал ей про Фица и его команду. Я рассказал ей про Аристиду.

— Я заметила, Гарри, — произнесла она, — что ты не сказал мне, где они находятся.

— Угу, — согласился я. — Я, гм... Я типа сказал парню, что помогу ему. Что ты ему поможешь.

Мёрфи сощурилась.

— Что ты сделал?

— Они совсем дети, Мёрф. И по уши вляпались. Им нужна помощь.

— Они убили как минимум одного человека, а может, и двух, — возразила Мёрфи. — В этом городе еще действуют законы, Дрезден.

— Пошли туда копов, и все обернется скверно. Я не знаю, насколько силен их босс, но даже если ему не из чего стрелять, для полиции он обернется кошмаром — и для ОСР тоже.

Мёрфи нахмурилась:

— Ты в этом уверен?

— Типы вроде него используют страх и насилие в качестве бытовых инструментов. Он изувечит копа не задумываясь.

Мёрфи кивнула:

— Тогда с ним разберусь я.

— Мёрф, я знаю, ты умеешь владеть собой, но...

— Дрезден, со времени твоей... твоего исчезновения я разобралась с двумя типами, которых даже Карлос назвал почти созревшими для вмешательства Совета чернокнижниками. И с несколькими обладателями магических способностей пожиже. Фоморы используют их как младших офицеров. Я знаю что делаю.

— Ты их убила, — тихо произнес я. — Ты это имеешь в виду?

Она отвернулась.

— Когда имеешь дело с кем-то таким сильным, — сказала она, помолчав немного, — тебе не остается выбора. Попробуй захватить их живьем — и у них будет в достатке времени убить тебя.

Я поморщился от жалости к ней. Ну да, она больше не работала в полиции, но сердце ее оставалось там же — там, где закон. Она верила в него, искренне верила в то, что закон предназначен, чтобы служить людям Чикаго и защищать их. Когда она была копом, она всегда следила за тем, чтобы законы служили этой цели, и прилагала к этому все свои усилия.

Ей нравилось служить своему городу в рамках закона, а это означало, что свою работу должны исполнить судьи и присяжные, и только потом за дело может взяться палач. И если Мёрфи отошла от этой веры, какой бы необходимой и практичной та ни казалась ей раньше, сколько бы жизней она ни помогла спасти...

Баттерс говорил, что она испытывает стресс. Я понимал природу этого стресса — чувство вины. Он беспрестанно терзал ее, ранил по живому.

— Они все убийцы, — продолжала Мёрфи, хотя не думаю, что она обращалась ко мне. — Убийцы и похитители людей. И закон на них не распространяется. Должен же кто-то что-то делать.

— Да, — кивнул я. — Кто-то всегда делает.

— Суть в том, что единственный способ справиться с такими проблемами — это ударить по ним всеми наличными силами, и ударить немедленно. Пока эти наводящие заклятия уроды не успели укорениться и искалечить людские умы так, чтобы те их защищали, или напасть на тебя или на дорогих тебе людей. — Она посмотрела на меня в упор. — Мне нужен адрес.

— Не нужен, — возразил я. — Я сам приведу к тебе этих детей. Стоит отнять их у Аристиды, и он останется беспомощным, уязвимым. Тогда ты сможешь помочь Фицу и его команде.

— Фиц и его команда, — ровным голосом произнесла Мёрфи, — убийцы.

— Но...

— Нет, Гарри. И не вешай мне на уши лапшу насчет того, что они не нарочно. Они открыли огонь из огнестрельного оружия в жилом квартале. В глазах правосудия, да и по самой элементарной логике попытки выставить это несчастным случаем по меньшей мере неубедительны. Они знали, что может случиться. Их побуждения при этом роли не играют.

— Я понимаю, — вздохнул я. — Но эти дети не испорченные. Просто напуганные. Страх заставил их сделать неправильный выбор.

— Твое описание подходит к большинству чикагских уличных банд, Гарри. Они вступают в банды не потому, что они испорченные дети. Они делают это потому, что боятся. Им хочется принадлежать к чему-то. Хочется защиты. — Она тряхнула головой. — То, что они все поначалу были хорошими детьми, ничего не значит. Жизнь их меняет. Они становятся совсем другими.

— Что ты намерена делать?

— Привести отряд в их убежище. Разобраться с заклинателем. Мы приложим все усилия к тому, чтобы остальные не пострадали.

— Ты собираешься открыть огонь из огнестрельного оружия у них в доме. Может, ты и не хочешь, чтобы дети пострадали, но ты знаешь, что такое возможно. Если все закончится их телами на полу, твои благие намерения не будут играть никакой роли. Ты это мне хочешь сказать?

Глаза ее вдруг вспыхнули.

— Тебя здесь не было последние полгода. Ты не знаешь, на что это все похоже. Ты... — Она крепко сжала губы. А потом посмотрела на меня в упор. В ожидании.

— Нет, — сказал я очень тихо.

Она несколько раз покачала головой:

— Настоящий Дрезден не колебался бы.

— У настоящего Дрездена не было бы шанса увидеть их. Поговорить с ними. Он просто ринулся бы в бой очертя голову.

Она резко захлопнула блокнот и встала.

— В таком случае повестка дня исчерпана. Обсуждать больше нечего.

И вышла, не говоря больше ни слова, ровным, решительным шагом.

Баттерс встал и взял со стола Боба и маленький транзистор.

— Я... э... я обычно иду с ней. Ну, там, доработать детали. Извините.

— Конечно, — тихо сказал я. — Спасибо за помощь, Баттерс.

— Да не за что, — кивнул он.

— И тебе тоже, Боб.

— De nada, — отозвался череп.

Баттерс поспешил к двери.

Я остался один.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Несколько минут я стоял, ничего не делая. Даже не дышал.

Не делать ничего трудно. Стоит вам остаться без дел, и ваша голова начнет все пережевывать. В ней всплывут всякие темные и ненужные мысли. Вы начнете думать о смысле вашей жизни. А если вы призрак, то начнете думать о смысле вашей смерти.

Совость и чувство вины медленно пожирала Мёрфи изнутри. Я знал ее давно. Я знал, о чем она думает. Я знал, что ей дорого. Я знал, как больно ей приходится. Я не сомневался в правильности своих предположений.

Но я знал также, что эта женщина ни за что не убьет другого человека, пусть даже окончательно и бесповоротно съевшего с катушек, если только это не будет абсолютно необходимо. Любому разумному человеку вообще нелегко убивать — но Мёрфи противостояла этому демону долго, очень долго. Ясное дело, моя смерть причинила ей боль (и поверьте, меня мысль о том, что я ничем не могу этого изменить, бесила ничуть не меньше). Но почему совесть начала глодать ее именно сейчас? Для чего разыгрывать из себя дамочку, когда я всего-то просил раздобыть немного информации у ее

бывшего мужа? Ведь если женщине что-то нужно, ее не остаются даже кирпичные стены.

И еще я заметил, что когда мы говорили о выстреле, который меня убил, о возможном расположении стрелявшего, о круге подозреваемых, Мёрфи могла бы сообщить гораздо больше. Могла, но не сообщила.

Она ни разу, ни словом не упомянула Кинкейда.

Кинкейд — не совсем человек, наемник — работал на самую страшную девочку из всех, что обитают на нашей зеленой планете. Прожив несколько столетий, он стал уникальным бойцом. Каким-то образом ему удалось преодолеть негативные стороны функционирования человеческой нервной системы — по крайней мере в том, что касалось стрельбы в совершенно неблагоприятных условиях.

И это он мне сказал, что если ему понадобится меня убить, он выстрелит с расстояния по меньшей мере в полмили из крупнокалиберной винтовки.

Мёрфи не хуже меня понимала, что мнение убийцы с многовековым стажем было бы неоценимо в расследовании. Я сам не стал этого предлагать, поскольку Мёрфи с ним типа встречалась некоторое время и до сих пор оставалась не совсем к нему равнодушна. Вот мне и показалось, что пусть уж лучше она сама это сделает.

Но она не стала.

И ни разу не упомянула его имени.

Она вообще провела наше совещание слишком быстро, она готова была поцапаться со мной по любому поводу... Весь этот спор насчет Фица и его команды, похоже, являлся лишь дымовой завесой.

Оставалось только понять, ради кого все это разыгрывалось. Ради меня, чтобы потенциально безумный призрак не отправился мстить направо и налево? Или она делала это ради себя самой, поскольку отказывалась сопоставить свой образ Кинкейда с тем безликим снайпером, который меня убил?

Похоже, что так. То, что она понимала сердцем, заставляло ее разум лихорадочно искать менее болезненную правду.

Мои выводы основывались на знании человеческой природы вообще и природы Мёрфи в частности, а еще на интуи-

ции — в конце концов, я всю жизнь доверял своим инстинктам.

Мне казалось, они не ошибались и сейчас.

Я прокрутил в голове возможные варианты. Представил себе Мёрфи в первые дни после моего убийства — разбитую, раздираемую эмоциями. Мы так и не узнали, могли бы мы с ней быть вместе. Несколько раз нам что-то мешало. Я понимал: когда пройдет достаточно времени для того, чтобы ее гнев утих, его место займет скорбь. Я представил ее спустя месяц: уволенную из полиции, с личной жизнью, спущенной под откос...

Слух о моей смерти наверняка разлетелся быстро — не только среди чародеев Белого Совета, но и среди оставшихся вампирских коллегий, среди членов ПараНета и вообще всех, имеющих отношение к сверхъестественному миру.

Кинкейд, должно быть, узнал об этом спустя день или два. Стоило кому-либо написать обо мне хоть строчку в рапорте, Архив, сверхъестественный хранитель всех запечатленных на бумаге знаний, обитавший в теле девочки по имени Ива, узнал бы об этом. А я был, возможно, единственным в мире человеком, которого она считала своим другом. Сколько ей сейчас? Двенадцать? Тринадцать?

Весть о моей смерти, наверное, стала для Ивы ударом.

Кинкейд, должно быть, отправился к Мёрфи утешить ее в меру сил. Ну, не с кружкой горячего шоколада и теплым пледом — нет, совсем по-другому. Скорее он принес пару бутылок виски и компакт-диск с какой-нибудь секс-музыкой.

«Особенно если он в это время находился в Чикаго», — нашептывала у меня в голове темная, вредная часть моего сознания.

Я представил себе Мёрфи, искавшую утешения там, где возможно, нежно попросившуюся с ним, когда он уходил, — а потом на протяжении нескольких следующих недель медленно выстраивавшую логическую цепочку фактов. Все время уговаривавшую себя, что она, возможно, ошибается. Что все не так, как кажется.

Досада. Боль. Отрицание. Черт, этого более чем достаточно, чтобы довести до иступления кого угодно. Привести в гнев, который она, должно быть, носила в себе медленно

растущей опухолью и который давил все тяжелее и тяжелее. Такая штука запросто может любого довести до смертоубийства, даже если в нем нет необходимости.

А эта смерть, в свою очередь, заставит испытывать еще больше вины, досады, и они разбудят еще больше гнева, который подтолкнет к новому насилию, к новому чувству вины... замкнутый круг получается.

Мёрфи не хотела получать материалы съемок с камер наблюдения аэропорта и вокзалов, поскольку не хотела обнаружить на них, что человек, с которым она спала, убил одного из ее друзей. Подобравшись к осознанию этого вплотную, она отреагировала гневом и попытками оттолкнуть источники света, способные высветить то, чего она не желала видеть.

Возможно, она даже не осознавала этой борьбы, происходящей у нее в голове. Когда ты разбит горем, в голову так и лезет всякая лишняя логика чушь.

Работа детектива не всегда связана с логикой — особенно когда имеешь дело с людьми. Люди склонны совершать самые дурацкие, абсолютно алогичные поступки по самым непостижимым причинам. У меня отсутствовали логические причины подозревать Кинкейда. Но эта гипотеза помогала собрать воедино кучу деталей мозаики. И если она верна, это объясняло многое.

Не более чем гипотеза. Пока. Но и этого хватало, чтобы мне захотелось нарыть больше улик там, где я в другом случае их не искал бы.

Только как? Как мог я начинать копать под Джареда Кинкейда, Адского Пса, ставшего Иве почти родным отцом, — делать это без помощи Мёрфи? Более того, мне пришлось бы делать это без ее ведома, а по отношению к другу такое выглядит не сказать чтобы красиво. Ох! Пожалуй, лучше заняться пока текущими неотложными проблемами.

Мне нужно было найти Морти, который для Мёрфи в списке текущих вопросов занимал явно не первое место.

Мне нужно было помочь Фицу и его бестолковым несовершеннолетним приятелям.

И более всего мне не хватало помощи кого-то, кому я мог бы доверять.

Я сделал глубокий вдох и кивнул.

А потом, пройдя сквозь наружную стену дома Светлого Будущего, отправился на поиски своей ученицы. Пока ночь не стала еще темнее.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Я всегда считал себя одиночкой.

Ну, не таким — несчастным, романтическим, как Байрон, одиночкой. Я имею в виду скорее таким, которого не слишком огорчит перспектива провести выходной день, ни с кем не общаясь, а валяясь на диване с хорошей книгой. Не то чтобы я не любил людей или чего такого. Мне нравится общение, нравится тусоваться с друзьями. Но есть ведь и другая сторона. Мне всегда казалось, что я вполне доволен жизнью и без них.

Я шагал по улицам города с населением почти в три миллиона человек, и меня впервые ни с одним из них ничто не связывало. Я не мог говорить с ними. Я не мог к ним прикасаться. Я не мог поругаться из-за места на стоянке или показать фак неосторожному водителю, не уступившему мне дорогу на перекрестке. Я не мог ничего купить в каком-нибудь магазинчике, поболтав при этом ни о чем с кассиром. Не мог купить газету. Не мог посоветовать хорошую книгу кому-то, роющемуся на книжном развале.

Три миллиона душ жили своей жизнью, а я был один.

Теперь я понимал капитана Мёрфи с его теневым Чикаго. Настоящий город уже начинал казаться мне своей призрачной версией. И каким этот город станет для меня со временем? Темным? Пустым? Бессмысленным и слегка угрожающим? А ведь я провел в нем чуть больше дня.

Каким стану я сам, пробыв здесь год? Десять лет? Сто?

Я начинал понимать, почему столько призраков кажутся парой соломинок картофеля фри минус «Хэппи Мил».

И еще я начинал думать, что сэр Стюарт и Морти, возможно, не так уж и ошибались на мой счет. Что, если я и впрямь сбрендивший дух, каким они меня считали? Не на-

стоящий Гарри Дрезден, а всего лишь его мертвый образ, занимающийся тем, чем всегда занимаются психи: попытками помочь друзьям и прищучить нехорошего парня.

Я не ощущал себя сбрендившим духом, но если подумать, и не должен был. С чего бы? Сумасшедшие редко понимают, что они сошли с ума. Наверное, безумным им представляется весь остальной мир. Видит Бог, мне он всегда казался слегка безумным. Или не слегка. И как, каким способом могу я проверить, тот ли я, каким меня считают сэр Стюарт и Морти, или все-таки нет?

Более того, Морти, чтоб его, всегда считался экспертом по части призраков. То есть я и сам не совсем уж профан в этой области, но Морти — настоящий профессионал. При обычных обстоятельствах я всегда высоко ценил его мнение по техническим вопросам, касающимся теней и духов, — чуть выше, чем расценивал сам себя. Морти никогда не отличался образцовыми силой и отвагой, зато был умен и достаточно стоек — иначе вряд ли выжил бы после стольких лет профессиональной деятельности, оказавшейся на поверку куда опаснее, чем мне казалось.

Блин. Все шло к тому, что пока я спасал Чикаго от тварей из невесть какой бездны, Морти спасал меня от тварей, о наличии которых я сам и не подозревал. Забавно, правда?

Я остановился как вкопанный и потрянул головой, словно пытаюсь вытряхнуть попавшую в глаза воду.

— Дрезден, отложил бы ты свой личный экзистенциальный кризис на потом, а? Нехорошие парни тебя ждать не будут. Давай шевели задницей.

Что ж, хороший совет.

Один вопрос: как?

В нормальной ситуации я бы выследил Молли с помощью нехитрого тауматургического заклятия, которым пользовался тысячу раз. После ее незапланированного путешествия в Арктис-Тор, что в Феерии, я всегда держал под рукой более или менее свежесрезанную прядь ее волос — так, на всякий случай. А уж в последний год я обнаружил, что могу отслеживать энергетические поля, которые она использует в первых своих самостоятельных магических опы-

тах. Подобно волосам, они отличались неповторимым, присущим только ей характером. Как автограф. Я не сомневался, что при необходимости отыщу ее без особого труда. Черт, если уж на то пошло, мы с ней провели столько времени вместе, что она стала для меня почти что членом семьи. Как правило, я мог по чистой интуиции определить ее присутствие — разумеется, кроме тех случаев, когда она сознательно от меня пряталась.

Но все это, само собой, пока я обладал магией. Теперь же она исчезла.

Что, если подумать, тоже говорило в пользу теории Стю и Морти и против моей. Невозможно отнять магию у человека. Магия — если она, конечно, у кого-то имеется, — становится неотъемлемой частью личности. От нее можно отказаться, если как следует постараться, но избавиться от нее совсем нельзя. Если мой призрак действительно я, ему полагалось бы обладать магической силой — как, скажем, призраку этого ублюдка, Леонарда Кравоса.

Верно?

А может, и нет. Может, я делал слишком много допущений, даже не пытаюсь их оспорить. Например, я исходил из того, что материя осязаема, тогда как для призрака это не так. Что я могу замерзнуть, хотя это тоже не так. Что силы гравитации действуют и на меня... ну и так далее.

Возможно, точно так же я заблуждался и насчет магии. И верно: ведь удалось же мне выстроить вполне себе крепкое защитное поле во время первого нападения на дом Морти, когда я делил тело с эктомантом. Уж это одно могло доказать, что мои способности все еще при мне, а не пропали бесследно.

Оставалось только понять, как мне получить к ним доступ.

Память — это сила.

Я порылся в кармане плаща и достал тяжелый пистолет, который дал мне сэр Стюарт. Я не специалист по оружию, снаряжаемому черным порохом, но даже моих познаний хватило на то, чтобы проверить, не осталось ли пороха на полке. Только после этого я перевернул пистолет дулом вниз и как следует встряхнул. Мне пришлось несколько раз с си-

лой хлопнуть по стволу рукой, чтобы вытряхнуть на ладонь круглую пулю, пыжи и порохов.

Круглая пуля сияла, как только что отлитая. При более близком рассмотрении тонкие завитки на поверхности металла сложились в бесхитростную пасторальную сцену: дом в колониальном стиле, стоящий на небольшом зеленом лугу в окружении яблонь, ухоженный огород, пастбище в белых крапинах овец. Пока я вглядывался в изображение, оно ожило. Ветер шевелил зелень на грядках. На фоне темно-зеленой листвы светлели зреющие яблоки. Ягнята резвились, носясь вокруг взрослых овец, — просто так, от избытка энергии. Дверь дома отворилась, и высокая, стройная женщина с волосами темнее воронова крыла вышла на крыльцо, ведя за собой стайку ребятишек.

При виде этой картины на меня накатила волна эмоций. В первую очередь гордость — не за то, что у меня такой красивый дом. Нет, это дом был красив, потому что принадлежал мне, потому что я выстроил его таким. С этим смешивались глубокое как океан чувство любви к женщине и ее детям, счастье от возможности их видеть, острое желание той, которую я совсем скоро смогу обнять...

Я вдруг почувствовал, что вторгся в чужие, глубоко личные воспоминания. Я закрыл глаза и отвернулся.

Воспоминания, сообразил я. Это все из воспоминаний сэра Стюарта. Именно их он использовал против привидений при нашей первой встрече. Оружием его стали не воспоминания о войне или разрушении, но те, что он ставил дороже всего, — те, за которые он готов был сражаться.

Вот почему он использовал в бою тот топор, этот пистолет. Никто не мешал ему воссоздать намного более совершенное оружие, но в воспоминаниях своих он пользовался именно таким, потому оно и стало источником его силы, воплощением его стремления изменить окружающее.

Они олицетворяли самого сэра Стюарта. В них заключалась его магия.

Воспоминания равнялись силе.

Некоторое время я еще сомневался в том, что все так просто. Однако изрядная часть магии и впрямь сравнительно проста — только не путайте простоту с легкостью.

И выяснить я это мог только одним способом.

Первое в моей жизни заклятие, которое сотворилось у меня на тех давних школьных соревнованиях, вышло случайно, по совпадению. Его и магией-то можно назвать лишь с натяжкой. Первое заклятие, которое я сложил сознательно, целенаправленно, вызвало к жизни огонь.

Этому меня научил Джастин Дюморн.

Я вспомнил тот вечер.

— Но я не понимаю, — жаловался я, растирая виски, в которых пульсировала боль. — Если не получилось прошлые пятьдесят раз, с чего бы ему получиться сейчас?

— Сорок шесть раз, — поправил меня Джастин, как всегда спокойно.

Он говорил с легким акцентом, но я никак не мог уловить, каким именно. По телевизору я такого не слышал. У самого Джастина телевизора не было. Мне приходилось удирать каждый пятничный вечер, чтобы посмотреть очередную серию «Рыцаря дорог» — я очень боялся упустить сюжетную нить.

— Гарри, — произнес Джастин.

— Ладно, — вздохнул я. — У меня голова болит.

— Это вполне естественно. Ты прокладываешь в своем сознании новые тропы. Будь добр, еще раз.

— А могу я прокладывать тропы где-нибудь в другом месте?

Джастин посмотрел на меня из-за своего рабочего стола. Мы сидели у него в кабинете, как он называл одну из гостевых спален в небольшом доме милях в двадцати от Де-Мойна. Как и в большинство других дней, одежду его составляли черные брюки и серая рубашка. Бороду свою он подстригал довольно коротко, безукоризненно ровно. Руки его с очень длинными, изящными пальцами могли сжиматься в твердые как камень кулаки. Ростом он был выше меня — как и большинство взрослых тогда — и никогда не обзывал меня обидными словами, даже когда приходил в ярость. Этим он отличался от остальных приемных родителей, у которых мне пришлось пожить.

Если я доводил Джастина до гнева, он вместо «будь добр» переходил к кулакам. Он никогда не бил меня с криком, ни-

когда не тряс за ворот или за волосы, как поступали другие мои опекуны. Когда он меня бил, это каждый раз случалось молниеносно и очень точно, а потом проходило. Как когда Брюс Ли на экране бьет врага. Только Джастин никогда не издавал при этом дурацких воплей.

Я отвернулся от Джастина, низко опустил голову, а потом посмотрел на потухший камин. Я сидел перед ним потурецки. В камине лежали шалашиком дрова и хворост. От камина исходил легкий запах дыма; подложенная под хворост мятая газета чуть потемнела в одном углу, но загораться упрямо не желала.

Краем глаза я видел, что Джастин снова углубился в свою книгу.

— Еще раз, будь добр.

Я вздохнул, закрыл глаза и попробовал сосредоточиться. Начинать надо с дыхания — оно должно быть ровным, размеренным. Потом, расслабившись, надо накапливать энергию. Джастин учил меня представлять в уме светящийся шар чуть выше солнечного сплетения, разгорающийся все ярче и ярче, но это все ерунда. Вот когда это делал Серебряный Самурай, энергия сгущалась у него вокруг рук и глаз. Зеленый Фонарь накапливает ее в кольце. У Стального Кулака светятся кулаки — вот круто! Кажется, у Железного Человека что-то светится в груди, но он типа один такой, и потом у него все равно нет сверхсилы.

Я представил себе, как энергия накапливается у меня вокруг правой руки. Ладно, пусть там.

Я представил себе, как она разгорается ярче и ярче, как руку мою окутывает алая аура — словно у Стального Кулака. Я ощутил, как энергия покалывает кожу невидимыми булавами, заставляя волоски на руке встать дыбом. И когда я почувствовал, что готов, я подался вперед, сунул руку в камин и произнес как мог отчетливо:

— Sejet!

И, говоря это, щелкнул кремнем зажигалки «Бик», которую прятал в правой руке. Огонек немедленно воспламенил газету.

— Погаси, — произнес Джастин почти над самым моим ухом.

Я дернулся и уронил зажигалку. Сердце заколотилось с частотой миллиард ударов в минуту.

Его пальцы сжались в кулак.

— Я не люблю повторять.

Я поперхнулся, полез рукой в камин и вытащил газету из-под дров. Я немного обжегся, но не так сильно, чтобы плакать или чего такого. С горящими от стыда щеками я хлопал огонь руками.

— Дай мне зажигалку, — все тем же спокойным тоном произнес Джастин.

Я прикусил губу, но послушался.

Он взял зажигалку и несколько раз подбросил на ладони. На губах его играла легкая улыбка.

— Гарри, полагаю, такая изобретательность сослужит тебе хорошую службу, когда ты вырастешь. — Улыбка исчезла. — Но ты пока не вырос, мальчик мой. Ты ученик. Такие штуки сейчас не пройдут. Никак.

Он сжал кулак.

— Sejet! — прошипел он.

Рука его взорвалась, превратившись в шар ало-голубого пламени, по сравнению с которым энергия Стального Кулака казалась так, бледной подделкой. Я поперхнулся, уставившись на это. Сердце забилося даже еще быстрее.

Джастин повертел рукой в воздухе, давая мне хорошенько убедиться в том, что это не иллюзия — вся рука по локоть окуталась огнем.

Но не обгорала.

Джастин поднес руку к самому моему лицу — так близко, что жар едва не обжигал мне нос, но сам не морщился, и кожа его оставалась нетронутой.

— Если ты выберешь этот путь, рано или поздно это у тебя получится, — спокойно произнес он. — Умение владеть стихиями. И что важнее умение владеть собой.

— Э... — пробормотал я. — Чего?

— Люди по природе своей слабы, парень, — продолжал он все тем же ровным голосом. — Эта слабость проявляется множеством способов. Например, ты сейчас хочешь закончить урок и убежать на улицу. Даже зная, что полученные знания могут оказаться жизненно важными. И все равно

тебе хочется сначала играть и только потом учиться. — Он вдруг разжал ладонь и уронил зажигалку мне на колени.

Я вздрогнул, когда она коснулась моей ноги, и вскрикнул от неожиданности. Но красная пластмассовая зажигалка просто лежала на полу; огонь ее не повредил. Я осторожно коснулся ее кончиком пальца — она ни капельки не нагрелась.

— Вот сейчас, в эту минуту, — продолжал Джастин, — ты делаешь выбор. Наверное, он кажется тебе не таким уж важным и критическим, но в долгосрочной перспективе может оказаться именно таким. Ты выбираешь, быть ли тебе хозяином собственной судьбы, обладающим способностью творить из мира то, что тебе пожелается, — или ты просто пощелкаешь зажигалкой и останешься прежним. Непримечательным. Самодовольным. — Губы его дернулись, и голос сделался едким. — Посредственным. Посредственность, Гарри, — страшная штука.

Моя рука зависла над зажигалкой, но не подобрала ее с пола. Я подумал над его словами.

— Вы хотите сказать, что если у меня не получится, вы... вы отошлете меня обратно?

— Успех или неудача заклатья роли не играют, — ответил он. — Важно другое — победит или потерпит поражение твоя воля. Твое стремление преодолеть человеческую слабость. Твоя готовность работать. Учиться. Сачков я здесь не потерплю, парень. — Он сел на пол рядом со мной и кивнул в сторону камина. — Будь добр, еще раз.

Мгновение я смотрел на него, потом опустил взгляд на свою руку, на брошенную зажигалку.

Никто и никогда еще не говорил мне, что я особенный. Но Джастин сказал. Никто и никогда вообще не тратил на меня столько времени. Никто. Только Джастин.

Я подумал о том, что снова вернусь в государственные заведения — приюты, интернаты, детские дома. И вдруг мне ужасно захотелось, чтобы у меня получилось. Мне хотелось этого больше, чем есть, даже больше, чем хотелось посмотреть «Рыцаря дорог». Мне захотелось, чтобы Джастин мной гордился.

Я оставил зажигалку лежать на полу и сосредоточился на дыхании.

Я снова выстроил заклинание — медленно, очень медленно, сосредоточившись на нем сильнее, чем когда-либо в жизни. А мне исполнилось уже тринадцать, так что это не совсем пустые слова.

Энергия сгущалась до тех пор, пока мне не начало казаться, будто у меня в животе разожгли костер, а потом я выплеснул ее через пустую, вытянутую перед собой руку.

— *Flickum bicus!* — произнес я вместо положенного египетского слова.

И оставшийся под дровами хворост занялся ярким огнем. Мне казалось, я в жизни не видел еще ничего прекраснее.

Я обмяк и едва не упал, хотя и так уже сидел на полу. На меня вдруг накатила болезненная волна слабости и голода. Мне хотелось съесть большую тарелку макарон с сыром и лечь спать.

Сильная рука с длинными тонкими пальцами поймала меня за плечо, не позволив упасть. Я поднял взгляд и увидел в темных глазах Джастина тепло — и не только отражение разгоравшегося огня в камине.

— *Flickum bicus?* — спросил он.

Я кивнул и почувствовал, что снова заливаюсь краской.

— Ну да. Вы же сами сказали... про посредственность.

Он откинул голову назад и расхохотался. Потом взъерошил мне волосы рукой.

— Молодчина, Гарри. Молодчина!

Грудь мою распирало так сильно, что я боялся взлететь и удариться о потолок.

Джастин поднял палец, словно вспомнил что-то, отошел к столу и вернулся со свертком из коричневой бумаги. Он протянул его мне.

— Что это? — удивился я.

— Возьми, это твое, — ответил он. — Ты ведь выполнил урок, так?

Я зажмурился и разорвал пакет. Внутри обнаружилась бейсбольная перчатка «Уилсон».

Я смотрел на нее, не веря своим глазам. Никто еще не дарил мне подарки — в смысле мне лично, а не такие, как на Рождество, когда кому чего достанется. Не такие, на кото-

рые лепили таблички: «МАЛЬЧИКУ». И это была классная перчатка. У Джорджа Бретта была похожая. Совсем еще маленьким я с отцом ходил на два матча «Канзас-сити ройялс», и это было супер. Как и Бретт.

— Спасибо, — пробормотал я. Ох, да ну же. Я готов был плакать как девчонка. Я иногда веду себя так по-дурацки...

Джастин достал мячик, совершенно новый, белоснежный, и с улыбкой подбросил его в воздух.

— Хочешь, можем сходить опробовать.

Я и правда здорово устал и проголодался, но я же получил в подарок новенькую перчатку! Я несколько раз потыкал в нее рукой, пока не понял, какой палец куда совать.

— Ага! — сказал я, вскакивая. — Давайте!

Джастин подбросил мяч еще пару раз и улыбнулся в ответ:

— Отлично. Когда с делами покончено, я думаю, бейсбол будет подходящей наградой.

Следом за ним я вышел из дома. Плевать, что я устал. Я почти летел.

Я открыл глаза. Я стоял на каком-то чикагском тротуаре, бестелесный и невидимый. Я повернул правую руку ладонью вверх и с надеждой сосредоточил на ней все свои мысли. На ней — и на воспоминании о той минуте торжества и радости.

— *Fickum bicus*, — прошептал я.

И огонь оказался таким же прекрасным, каким мне запомнился.

ГЛАВА ДВАДЦАТАТЬ ПЕРВАЯ

Пару часов я потратил на то, чтобы придумать, как мне сложить более или менее надежное поисковое заклятие. Несколько воспоминаний, способных запитать заклятие энергией, я нашел без труда; гораздо сложнее оказалось понять, каким именно образом установить связь с Молли. Обычно я использую для тауматургии проверенные традиции-

онные методы: прядь волос, свежую каплю крови, обрезки ногтей и т.д., и т.п. Сейчас они бы мне не помогли. Даже будь они у меня, я все равно не смог бы их потрогать.

Поэтому вместо того, чтобы устанавливать контакт с Молли с помощью физических фрагментов ее тела, я попробовал использовать свои воспоминания о ней. Это подействовало — ну, типа того. Первое заклятие привело меня к гостинице, в которой когда-то устраивался фестиваль ужастиков под названием «СплеттерКон!». Теперь здание стояло пустое, заброшенное. Наверное, иски, поданные к гостинице после смерти нескольких человек в результате нападений фобофагов, довели ее до банкротства. Я наскоро обыскал дом, уже почти не морщась при прохождении стен и перегородок. За исключением нескольких бродяг, вломившихся в пустующий дом и устроивших в нем временное жилище, я не нашел никого.

Я обдумал свои действия. Воспоминание, которое я использовал, застряло у меня в голове по ряду причин — в первую очередь потому, что Молли бывала в этом здании. Должно быть, это и сбilo заклятие. Слишком уж в моем воспоминании Молли была связана с этим местом.

Я попробовал еще раз, но теперь отбросил антураж и поместил Молли на пустом черном фоне. Вторая попытка привела меня к полицейскому участку, куда я ездил однажды вносить залог за Моллиного приятеля. Я сразу сообразил, что и на этот раз облажался, но на всякий случай проверил. Молли здесь не оказалось.

— О'кей, умник, — сказал я себе. — Что, если образы-воспоминания, которые ты использовал, просто устарели? Ты устанавливаешь связь воспоминания-личности с воспоминанием-местом. Значит, если ты хочешь выяснить, где она сейчас, ты должен представить ее такой, какая она сейчас. Верно?

— Теоретически да, — ответил я сам себе.

— Отлично. Вот и проверь эту теорию.

Ну да. Обсуждение проблемы с самим собой — не лучший способ сравнивать альтернативные точки зрения.

— Если подумать, говорить с самим собой часто считается признаком психического расстройства, — заметил я вслух.

Что не слишком ободряло.

Я отбросил эту не самую приятную мысль и принялся складывать заклятие еще раз. Теперь я постарался представить себе не Молли из моих прошлых воспоминаний, а такую, какой она запомнилась мне по нашей последней встрече. Я представил ее себе в поношенной одежде и лохмотьях, какой она приходила к Мёрфи.

Превратить воспоминание в образ, способный поддерживать необходимую для заклятия энергию, вовсе не так просто, как если бы вы закрыли глаза и принялись воображать всякое. Вам необходимо воссоздать в памяти образ с максимальной, даже педантичной точностью, добавляя деталь за деталью до тех пор, пока он не возникнет у вас в мозгу как настоящий. Для этого требуется уйма опыта и энергии — вот почему люди, занимающиеся магией, обычно используют для этой цели реквизит. Он может выполнять роль якоря, избавляя автора заклятия от необходимости создавать в уме не одно, но несколько ментальных построений, а также поддерживая их все в состоянии предельной концентрации.

Я учился магии в самом сложном ее варианте — пользуясь исключительно собственной головой. Только когда я доказал, что в состоянии делать это без всякого реквизита, Джастин рассказал мне, что того же самого можно добиться гораздо проще. На протяжении многих лет я как минимум раз в год упражнялся в сложных тауматургических заклятиях без реквизита, развивая концентрацию и воображение. И, как выяснилось, очень кстати. Заниматься магией, будучи призраком, оказывается, можно только так.

Я покопался в памяти в поисках образа, отображающего Молли для поискового заклятия. Накануне у Мёрфи я следил больше за событиями, уделяя меньше внимания тому, в каком виде пребывает Молли. То есть я видел, конечно, что она испытывает сильный стресс, но только теперь, воссоздавая ее в памяти, пришел в ужас от того, насколько исхудавшей и утомленной она выглядела. Молли всегда принадлежала к тем молодым людям, которые только что не светятся от хорошего здоровья. Полгода жизни самой по себе превратили ее в подобие беглеца из лагерей ГУЛАГа — исхудавшего, озлобленного, побитого, если не сломленного.

Я принялся дополнять этот образ деталями. Я представил себе ее жизнерадостный характер, чувство вины, которое она испытывала еще порой за ту боль, что причинила своим друзьям в дни, когда я согласился взять ее в ученицы. Я подумал о ее ответственном, почти дотошном отношении к занятиям — так непохожем на мое собственное. О ее прилежании, о том невежестве, которое время от времени выказывает почти любой начинающий чародей до тех пор, пока не набьет достаточно шишек. Я подумал о главной движущей силе в ее жизни — о глубокой, крепкой любви к ее семье — и добавил к этому то чувство отчаяния и одиночества, которое она, должно быть, испытывает, живя в отрыве от них. Страстная, прекрасная, опасная Молли.

Удерживая в голове образ моей ученицы, я сконцентрировал волю и разом направил все это в одно из самых эффективных своих поисковых заклятий. Я почувствовал, как складывается его структура, как оно наполняется энергией, а потом, пробормотав слово заклинания, высвободил эту энергию.

Сила заклятия подхватила меня и начала медленно, но настойчиво поворачивать вокруг оси. Я вытянул перед собой левую руку с выставленным указательным пальцем и продолжал вращаться. Всякий раз, когда я поворачивался лицом к востоку, невидимая сила тянула палец магнитом в ту сторону. Через несколько секунд я остановился, миновав эту точку на несколько градусов, а потом крутанулся в противоположную сторону. Мой указательный палец показывал точно в центр города.

— На-кось, выкуси, — буркнул я и последовал за заклятием искать Молли.

Я включил свой режим исчезания и понесся по городу большими скачками, по несколько сотен ярдов зараз. Дважды я задерживался, чтобы повторить заклятие и подправить направление движения, хотя к третьему разу начал ощущать себя живым (если это можно сказать о покойнике) флюгером. По мере приближения к центру города мне приходилось останавливаться все чаще, чтобы не сбиться с верного курса. В конце концов дорога привела меня к Пет-

ле, где дома растут так высоко, что улицы превращаются в глубокие овраги или скорее рукотворные каньоны из стали, стекла и камня.

Я не слишком удивился, когда заклятие привело меня на нижние улицы. Улицы в центре Чикаго имеют два, а некоторые даже три уровня. Одна — типа парадная — наверху, а остальные прямо под ней. У многих зданий и входы расположены на двух уровнях; то же самое относится и к парковкам. Это удваивает возможный доступ в здания.

А еще здесь полно пустых пространств, псевдопереулков, переходов и туннелей, пробираться по которым можно только ползком. Тут и там темнеют в ожидании перестройки и новой жизни пустующие помещения полуподвалов и подвалов. Сюда могут открываться аварийные выходы из туннелей метро, и здесь же находится несколько входов в безумный, смертельно опасный лабиринт, что расположен под городом и известен как Нижний Город.

Чикагская полиция регулярно патрулирует эти нижние улицы. Здесь же разгуливают в темноте всякие твари, просочившиеся из Нижнего Города. На этих улицах даже имеется движение, хотя мостовая зачастую отделена от тротуара всего лишь полосой выцветшей краски.

Короче, это не из тех мест, куда человек в здравом уме отправится ради приятной прогулки.

Я нашел Молли в одном из узких переулков. Снег, падавший сквозь расположенную в двадцати футах над головой вентиляционную решетку, припорошил землю. Одета она была в те же лохмотья, что и накануне, и стояла, прижимая руки к животу и дрожа от холода. На щеке багровела свежая ссадина. Молли тяжело дышала.

— Еще раз, — произнес спокойный, не лишенный приятности женский голос. Источник его находился где-то дальше по переулку, вне моего поля зрения.

— Я уст-т-тала, — сказала Молли. — Я н-не ела п-полтора дня.

— Бедняжка. Не сомневаюсь, Смерть отнесется к тебе с пониманием и согласится компенсировать тебе это время.

Послышался резкий шипящий звук, и Молли выбросила вперед левую руку с растопыренными пальцами. Она вы-

крикнула слова заклинания, и от ее пальцев разбежалось искрящееся полотно защитной энергии.

Способности к оборонительной магии у Молли отсутствуют почти начисто, но этот щит, наверное, был лучшим из всех, какие Кузнечнику удавались на моей памяти.

Вращающийся белый шар ударил в защитное поле. Ему полагалось бы отскочить или разбиться о щит, но вместо этого он пролетел дальше, почти не изменив направления. Шар угодил Молли в левое плечо и взорвался тучей сверкающих как алмазы ледяных осколков. Молли коротко охнула от боли и пошатнулась.

— Сосредоточься, — произнес спокойный женский голос. — Используй боль. Выстраивай щит из своей воли. Ты должна знать, что он тебя защитит. Еще раз.

Молли смотрела на говорившую, стиснув зубы. Но вместо того чтобы спорить, она снова подняла левую руку, и почти сразу же в нее полетел новый ледяной шар. Этот тоже пробил защитное поле, но траектория полета его изменилась заметнее, чем в прошлый раз. Он пролетел мимо Молли, только чуть задев ее рукав.

Она охнула и, задышавшись, припала на колено. Магия выматывает силы из любого, кто ею занимается, а недостаточно подготовленных она утомляет еще быстрее.

Я поежился, глядя на Молли в таком состоянии. Я знал, каково ей сейчас. Когда Джастин начал учить меня выстраивать оборонительные щиты, он бросался в меня бейсбольными мячами. Со всей силы. Если щит не выдерживал, мячик врезался в меня на скорости больше восьмидесяти миль в час. Джастин говорил, что боль — отличный стимул и что это упражнение — лучший способ преуспеть.

Когда я сам начал учить Молли тому же, я не использовал ничего тверже рыхлых снежков и гнилых овощей.

— Что ж, на сегодня достаточно, — произнес женский голос. — Завтра попробуем с ножами.

Молли поежилась и опустила взгляд.

Говорившая медленно вышла из переулочка и остановилась рядом со своей ученицей.

Это была моя фея-крестная. Леанансидхе.

Леа была немыслимо прекрасна, но ее красота — жесткая, голодная, опасная — всегда напоминала мне красоту охотящейся кошки. Высокая, бледная, с волосами цвета осенних листьев на закате. Чуть заостренные кончики ушей, возможно, подправила она сама с целью оправдать ожидания смертных. На ней было длинное платье зеленого шелка, явно не по сезону и не по погоде... Впрочем, как одна из самых могущественных сидхе Зимней Династии, она вряд ли даже замечала холод.

Она протянула руку и коснулась кончиками пальцев Моллиных волос.

— Зачем? — едва слышно спросила Молли. — Зачем вы все это со мной делаете?

— Долг, детка, — отвечала Леа. — Исполнение обязательств, дело чести.

— Вы обещали это Гарри?

— Отнюдь, детка. Не я. Не я, но моя королева в силу древних законов и обычаев имеет свои обязательства по отношению к нему. Она повелела мне продолжать твоё обучение Искусству, а боль — идеальное средство обучения.

— Гарри не верил в такое, — не без горечи возразила Молли. — Он никогда не причинял мне боли.

Леанансидхе чуть пригнула голову, взяла мою ученицу за подбородок и резко вздернула его так, чтобы та посмотрела ей в зеленые нечеловеческие глаза.

— Значит, он жестоко обманул тебя, детка, — ответила она, чеканя каждое слово. — Он лишил тебя наследия, того, ради чего он жил и страдал. Я тебя не узлы вязать и не пирожки печь обучаю. Я готовлю тебя к бою, чтобы ты вышла из него живой.

— Я знаю, что такое бой, — возразила Молли.

— Да. И вышла из него раненной. Простым смертным солдатом, — с презрением в голосе добавила Леа. — Ты едва не умерла, что стало бы ужасным унижением и для твоего наставника, и, следовательно, для моей королевы.

— Мэб-то что с этого? — с горечью буркнула Молли. — Он мертв.

Леа вздохнула:

— Почему смертных всегда так волнуют мелкие частности? В конце концов, это очень раздражает.

— Я не понимаю, — призналась Молли.

— Твой наставник принес присягу верности моей королеве. Такие клятвы не даются просто так — они накладывают взаимные обязательства на обе стороны. Незначительные обстоятельства не освобождают ни тех ни других от своих обязательств.

— Его смерть — незначительное обстоятельство?

— Если на то пошло, — невозмутимо ответила Леа, — разумеется, незначительное. Все вы смертны. Даже у чародея жизнь коротка, ничтожно коротка, с точки зрения бессмертного. Точно так же помощь королевы тем, кого ее вассал знал при жизни, — обстоятельство совершенно незначительное. Проживи ты еще триста лет, для Королевы Воздуха и Тьмы это будет не больше, чем затянувшееся время года.

Молли закрыла глаза.

— Он что, заставил ее пообещать заботиться обо мне?

Леа повернулась к ней, явно озадаченная:

— Нет, конечно нет, детка. Он принес ей присягу верности. Она одна из Сидхе. Клятва связывает ее так же крепко, как и его. Так же, как тогда, когда я, — Леа поежилась, — была не в состоянии исполнять свои обязанности по отношению к молодому Дрездену, их исполняла Мэб — до тех пор, пока я не смогла делать это сама. Вот и сейчас она делает то же самое по отношению к тебе — используя для этого меня.

Молли провела рукой по глазам. Потом тряхнула головой и медленно поднялась на ноги.

— А он знал? Я хочу сказать... Он знал, что Мэб будет это делать?

— Я мог бы об этом подумать, — тихо сказал я. — Если бы у меня было время подумать об этом хотя бы пару минут, я бы это сообразил...

Но ни та ни другая меня не слышали.

— Я хорошо знала мальчика, — ответила Леа. — Лучше, чем ему казалось. Не одну ночь я следила за ним, охраняла его, а он об этом и не догадывался. Но ни в разум его, ни в сердце я доступа не имела.

Молли медленно кивнула. Долгое мгновение она молча смотрела на Леа. Моя крестная внимательно смотрела на нее, пока Молли не кивнула.

— Его тень в городе, — сказала Молли. — Ищет того, кто его убил.

Красно-золотые ресницы Леа взметнулись вверх. Я редко видел, чтобы она так откровенно выдавала свою реакцию на что-либо.

— Это... представляется маловероятным.

Молли пожала плечами:

— Я использовала Зрение. Это его призрак, стопудово. Подделка бы от меня не укрылась.

— Спустя шесть месяцев после смерти? — пробормотала Леанансидхе. — Тени редко восстают по истечении времени года, в которое они созданы, а его убили прошлой осенью... — Глаза ее сощурились. — Любопытно... — Она склонила голову набок, глядя на Молли. — Как ты себя чувствуешь?

Молли поморгала: этого вопроса она явно не ожидала.

— Мне нужно свернуться в клубок и спать неделю без перерыва. Я умираю с голоду. Я замерзла. Мне кажется, я простудилась. Все болит. Я бы... — Молли осеклась и уставилась на Леа. — А почему вы спрашиваете?

Вместо ответа сидхе лишь улыбнулась.

Послышались шаги — тяжелые, торопливые, — и в дальнем конце переулка показалась небольшая толпа. Она состояла из угрожающего вида мужчин, вооруженных кто огнестрельным оружием, кто клинком, топором или палицей. Объединял их только цвет одежды — черный; казалось, все они прибрахлились в одном магазине. А еще — все до одного щеголяли в водолазках. Жутковатое зрелище.

— Прислужники, — прошептала Молли. — Как они нашли меня здесь?

— Это я подсказала им, где искать, — невозмутимо сказала Леа.

Молли вихрем повернулась в ее сторону:

— Вы... что?

— Я не делилась твоим местоположением с самими фоморами, детка. Только с некоторыми их сторожевыми псами. Они полагают, что если отловят тебя и выдадут фоморам, будут им почет и слава. И я не дала им времени связаться со своими хозяевами, так что никаких инструкций они не по-

лучали. — Она улыбнулась, продемонстрировав небольшие острые клыки. — Страшная порой это вещь — инициатива низшего звена.

Молли с отвращением сморщила нос:

— Поверить не могу.

Два десятка вооруженных громил продолжали приближаться с неспешностью профессионалов, которые не суетятся, — только рассредоточились немного. Все испепеляли Молли злобными взглядами.

Леа улыбалась, сделавшись практически незаметной.

— Отличное упражнение, детка. — Она исчезла окончательно — в лучших традициях Чеширского Кота, только вместо улыбки за ней остался голос. — Посмотрим-ка, чему ты научилась.

ГЛАВА ДВАДЦАТАТЬ ВТОРАЯ

— Чему я научилась... — чуть слышно буркнула Молли. — Ладно, если повезет, рано или поздно я покажу тебе, сучка костлявая, чему я научилась.

А потом сосредоточилась на враге, сделала глубокий вдох — в точности как я учил ее бороться со стрессом — и полностью успокоилась. Потом медленно, шаг за шагом, начала отступать. Грамотный ход. Повернись она и пустьсь в бегство — это спровоцировало бы немедленную погоню. Вместо этого парни в водолазках сохраняли профессиональное спокойствие, неспешно надвигаясь на нее массой мышц и оружия. Все, чтобы убить одну изможденную девушку.

Черта с два! Ничего такого с моей ученицей произойти не должно.

Я еще не пробовал в своем новом состоянии заниматься боевой магией, но принцип, решил я, вряд ли отличается от того, что я делал только что с тауматургией. Поэтому я воскресил в памяти особо мощное заклятие — когда я вышвырнул обезумевшего луп-гару сквозь стену одного здания, а в придачу еще и сквозь весь дом, стоявший через улицу. А потом отбросил все детали, кроме самого потока

энергии, и исчез, чтобы возникнуть перед наступающими прислужниками.

— Fuego! — рявкнул я.

Шквал огня и голой кинетической энергии вырвался из моей правой руки, ударил в первый ряд вражеского строя с силой разогнавшегося локомотива...

...и прокатился дальше, не оказав на них ровно никакого воздействия. Даже одежду не потрепал.

— Ох, да ну же! — взвыл я. — Это несправедливо!

Я все еще не мог коснуться их, не мог помочь.

Молли противостояла им в одиночку.

Она продолжала пятиться до тех пор, пока не миновала переулок и не оказалась на маленькой парковке, окруженной бетонными стенами и открытой сверху. Там стояло с полдюжины машин и мотоцикл, а еще высились два больших сугроба. Две двери в бетонных стенах запирались на магнитные замки и открывались картой — наверное, через них попадали на стоянку владельцы машин. Четвертый проем вел на соседнюю улицу, и на стенах играли желтые отсветы фонарей.

Молли вышла на середину стоянки, огляделась по сторонам и кивнула.

— Ну что, ребята! — громко произнесла она. — Я вижу, шансы на то, что мы обсудим это за чашкой кофе у «Денни», малы? Жаль, а то жрать жуть как хочется.

Один из «водолазок» — предположительно вожак — выступил вперед.

— Подчинись воле наших господ, и боль твоя будет недолгой.

— Ага, — удовлетворенно кивнула Молли, подвигала шеей, будто ей жал шарф, и насмешливо бросила говорившему: — Ах ты, моя черничка...

«Водолазка» склонил голову набок, недоуменно нахмурившись.

Молли послала ему воздушный поцелуй.

Порыв ветра, налетевший с соседней улицы, взметнул полы ее длинного пальто, разворошил лохмотья, затрепетавшие как флаги, — и тут она взорвалась.

Все произошло так быстро, что я даже не сразу понял, что происходит, а тем более не ожидал того, что случилось

потом. Там, где только что стояла моя ученица, возникло с полдюжины одинаковых высоких фигур в лохмотьях, которые тут же разбежались кто куда.

Одна Молли бросилась в сторону, выставив перед собой обе руки с зажатыми в них «кольцами» 1911 года, и их «бам-бам-бам» звучало в ушах хорошо знакомой музыкой. Другая прокатилась по площадке колесом и исчезла за припаркованной машиной. Еще две зеркальным отражением друг друга разбежались к дверям, вставили карты в слоты замков и шмыгнули внутрь зданий. Пятая Молли нырнула за сугроб и почти сразу же появилась обратно с дробовиком, из которого открыла по «водолазкам» огонь. Шестая подбежала к стоявшему на стоянке мотоциклу, подняла его с такой легкостью, словно это пластиковая игрушка, и швырнула в наступающих.

Я стоял, разинув рот. То есть я знал, что девчонка сильна по части наведения иллюзий, но... блин-тарарам! Возможно, мне удалось бы навести одну иллюзию из тех, что наводила сейчас Молли. Только она проделывала это с шестью. Одновременно. И в придачу экспромтом, без подготовки.

У меня похолодело в желудке.

«Водолазки» тоже явно растерялись. Те, у кого были пистолеты, открыли ответный огонь, и все рассыпались в поисках укрытия. Мотоцикл, пролетев сквозь их ряды, не нанес вреда никому, хотя грохот от его падения прозвучал столь убедительно, что я даже ушам не поверил. «Кольты» рывкнули еще несколько раз, а потом все иллюзорные Молли спрятались за сугробы и машины.

Я стиснул зубы.

— Ты ведь не деревенщина какая, Дрезден. У тебя есть пропуск за кулисы.

Я наклонил голову, коснулся пальцами лба и отворил Зрение.

Все мое окружение разом сменило цвет — из зимнего черно-белого оно превратилось в буйную композицию ярких акварельных пятен. Кляксы магии в воздухе отмечали следы Моллиных заклятий — она высвободила уйму энергии в считанные секунды, причем проделала все это, будучи изможденной и голодной. Я слишком хорошо знаю, что это

такое, по собственному опыту, поэтому понимал, что вижу перед собой.

Теперь я ясно различал иллюзии — собственно, именно по этой причине чародеи Белого Совета уделяют иллюзионной магии так мало внимания. Она напрочь лишена смысла против любого, обладающего Зрением, что можно сказать и по-другому: против любого члена Совета.

Но против этой шайки хипстеров — или эмо... или как еще назвать этих лузеров? — действовала, и очень даже неплохо.

Укрывшись за почти идеальной завесой, Молли стояла совершенно неподвижно, практически на том же месте, что и в начале конфликта. Она развела руки в стороны, и пальцы ее чуть шевелились, но лицо оставалось застывшим, абсолютно бесстрастным, с устремленным в пространство взглядом. Она словно вела кукольное представление, только марионетками были ее иллюзии, и плясали они на нитях ее воли и мысли.

Иллюзорные версии Молли виделись мне теперь чуть прозрачными и зернистыми, как в кино времен моего детства. Мотоцикл все это время оставался на месте: по воздуху летела иллюзия, а настоящий прятался за наскоро наведенной завесой.

Вот только убитых и раненых от огня, который вели по ним несколько хорошо вооруженных, обладающих сверхъестественной силой женщин, среди «водолазок» не наблюдалось. По короткой команде вожака они пятерка за пятеркой перебегали от машины к машине, от сугроба к сугробу, двигаясь с легкостью, какую обычно видишь у олимпийских чемпионов или в кино. Да и та целеустремленность, с которой они это делали, выдавала в них закаленных ветеранов. Эти люди явно знали главное правило войны: убей первым, если не хочешь, чтобы убили тебя.

Стоит хотя бы одному из них приблизиться к Молли, и все кончится.

Я подумал о том, каково это было бы — увидеть смерть ученицы с открытым Зрением, и едва не пошатнулся. Случись такое, и я никогда уже не отделаюсь от этого ужаса. Это не оставило бы от меня ничего. Только чувство вины. И гнева.

Я поспешно убрал Зрение.

— Должно быть, это трудно, — произнесла моя крестная, неожиданно оказавшись рядом со мной, — наблюдать такое, не в силах повлиять на исход.

— Черт! — выпалил я это или что-то в этом роде, подпрыгнув от неожиданности. — Блин-тарарам, Леа, — пробормотал я сквозь зубы, придя немного в себя. — Так вы меня видите?

— Ну разумеется, сэр Рыцарь, — отозвалась она. Зеленые глаза ее сияли. — Как бы я смогла исполнять свой долг — следить за духовным ростом и развитием моего крестника, — не будь я в состоянии видеть и слышать духов вроде тебя?

— Но вы ведь всего пару минут назад узнали, что я здесь. Или не так?

Она рассмеялась — совершенно искренне, но звук все равно получился довольно зловещий.

— Я вижу, твоя способность удивляться очевидному осталась материальной — даже при том, что о тебе самом этого не скажешь.

Стена сине-зеленого огня высотой футов семь вдруг выросла и разбежалась в обе стороны, перегородив стоянку примерно посередине между оборонявшейся Молли и «водолазками». Огонь издавал жуткий визг, и в его языках плясали и корчились чудовищные рожи.

Я даже зажмурился. Срань господня...

Такому я девочку не учил.

Леа прищелкнула языком, наблюдая за представлением.

— Она не без способностей, но полна юношеских страстей. Она стремится к развязке, не выстроив ничего, что могло бы такой... открытости... действовать эффективно.

Я не до конца понял, что моя крестная имеет в виду, но решил, что сейчас неудачный момент просить у нее объяснений...

А впрочем, почему?

То есть что я еще мог сделать, а?

— Что вы хотели этим сказать? — спросил я как мог вежливо. Мне почти удалось не скрежетать при этом зубами.

— Столь... — она брезгливо скривила губы, — открытое и вульгарное злоупотребление такими стенами огня подобает

лишь перепуганным детишкам или тому, что снимают в Голливуде. Будучи грамотно выстроенными в удачный момент, они способны на короткое время напугать неприятеля, но во всем остальном бесполезны. И, само собой, выдают неважный вкус. — Она неодобрительно покачала головой. — Настоящий ужас куда тоньше.

Я смерил крестную пристальным взглядом.

— Чего?

— От завес немного толка, если на земле лежит снег, — пояснила она. — Следы, видишь ли. Скрыть такое количество индивидуальных вторжений в ландшафт довольно трудно. Поэтому, чтобы выжить, она должна выбрать другой способ.

— Остановите это. Вы же дождетесь, пока ее убьют! — возмутился я.

— О, детка, — с улыбкой отвечала Леанансидхе. — Я занимаюсь этим очень, очень давно. Любое обучение включает в себя элементы риска.

— Угу, — кивнул я. — И посмотрите, что стало с вашим последним учеником.

Глаза ее блеснули.

— Да. Из какого-то перепуганного ребенка он за считанные годы превратился в оружие, начисто сокрушившее одну из влиятельнейших мировых сил. Благодаря моему ученику от Красной Коллегии остались одни руины. И ведь это отчасти моя рука вылепила его.

Я стиснул зубы еще крепче.

— И вы хотите проделать то же самое с Молли?

— Не исключено. У нее талант к версамилломании.

— Верса... чему?

— К наведению иллюзий, — объяснила Леа. — У нее есть талант, но ее непонимание того, что значит наводить ужас, вызывает у меня отчаяние.

— Так вот чему она у вас учится? Страху?

— В том числе.

— Вы не учите ее, крестная. Учителя так не делают.

— Что есть педагогика, если не искусство растить и вскармливать силу? — отозвалась Леа. — Смертные любят трепаться о редких приступах озарения, о даре познания, но полагают, будто педагогика — ремесло вроде кузнечного или целительского,

или вроде потчевания ложью с экрана телевизора. Но это не так. Это просто посадка ростков силы в новое поколение, не более того. Для нее — как и для тебя — занятия требуют реального риска. Если хочешь добиться успеха, конечно.

— Я не позволю вам превратить ее в оружие, крестная.

Леа выгнула дугой ало-золотую бровь и снова блеснула зубами.

— Тебе стоило подумать об этом при жизни, детка. Скажи, что именно ты сделаешь, чтобы помешать мне?

Я стиснул в бессилии кулаки.

Тем временем огненная стена смутила «водолазок» — но не остановила совсем. Возможно, ей просто не хватало высоты. На моих глазах трое из них подступили к стене. Двое сцепили руки, а третий с разбега встал ногой в получившийся замок, и первые двое подкинули его вверх и вперед. Он взмыл в воздух на два десятка футов и перелетел через огонь.

В верхней точке параболы он сделал сальто, приземлился и застыл, пригнувшись, с мачете в правой руке и пистолетом в левой. С каким-то убийственным спокойствием он выпустил две пули в ту Молли, что палила из дробовика, и еще две — в другую, с пистолетами. Не успело стихнуть эхо выстрелов, как рядом с ним приземлился, перемахнув через стену, второй «водолазка», в котором я узнал вожака. Никакого оружия у него в руках я не увидел, но судя по тому, как оттопыривались висевшие у него на поясе мешочки, я предположил, что там у него наверняка что-то опасное. Он так и остался оглядываться по сторонам, пригнувшись, в то время как его партнер прикрывал его.

Молли-С-Дробовиком медленно осела на землю, так и продолжая рыться в кармане в поисках патронов. Тонкий слой снега под ней мгновенно покраснел от крови. Голова Молли-С-Двумя-Пистолетами дернулась назад, во лбу ее появилась темная дырка, и она тряпичной куклой повалилась в снег. Молли-Швырявшаяся-Мотоциклом взвизгнула и подхватила выпавшие из рук двойняшки-пистолеты.

Водолазка-Прикрытие вскинул пистолет, но Водолазка-Вожак остановил его резким взмахом руки, и тот опустил оружие. Оба просто стояли, ничего не делая. Тем временем вооружившаяся Молли нацелила пистолеты и открыла

огонь. Пули взбили два или три облачка снега, но оба так и стояли нетронутые.

Водолазка-Вожак кивнул сам себе и улыбнулся.

Блин. Он все понял. Одно дело — организованный отряд нехороших парней. Хуже, гораздо хуже организованный отряд нехороших парней, возглавляемый кем-то, способным сохранять в разгар боя спокойствие и наблюдательность.

— А, сомнение, — пробормотала Леа. — Стоит только возникнуть подозрению, что здесь имеет место иллюзия, и продолжать уже нет смысла.

— Остановите их, — настаивал я. — Крестная, прошу вас. Остановите это.

Она повернулась и даже удивленно заморгала, глядя на меня:

— С чего бы это?

Водолазка-Вожак всмотрелся в снег, и я увидел, как взгляд его скользит по цепочке следов, оставленных Молли в самом начале конфликта. Потом он зашарил взглядом по сторонам, и я буквально увидел мысли, роящиеся у него в голове. Цепочка чуть припорошенных снегом, неровных — Молли пятилась задом — следов внезапно завершалась двумя совершенно четкими отпечатками рубчатых подошв. Единственная находившаяся в поле зрения Молли оказалась иллюзией — следовательно, настоящая Молли не могла не находиться где-то рядом, поддерживая оставшиеся иллюзии вокруг него. Где она могла стоять, а?

Самым логичным местом для поиска казались, естественно, два последних отпечатка на снегу.

Водолазка-Вожак не спеша снял с пояса один из мешочков, прошептал что-то, едва не касаясь его губами, и отточенным движением, без видимого усилия подкинул в воздух. Мешок описал в воздухе дугу и упал в снег в паре дюймов от невидимых ног моей ученицы.

— Эх, — с сожалением вздохнула Леа. — Жаль. У нее был неплохой потенциал.

Я испепелил свою крестную самым свирепым из всех своих взглядов и бросился вперед.

Мешок начал светиться неприятным желтым, как моча, светом.

С Морти у меня получилось. Почему бы не получиться еще раз?

Я налетел на Молли, сосредоточил все свои мысли на том, как ее защитить, и почувствовал, как проникаю в нее весь, от ног до макушки (что вообще-то кажется бессмыслицей, с учетом того, что я намного выше ее, — вот вам еще пример того, что законы физики не обязательно применимы к духам).

Я вдруг ощутил себя безмерно утомленным, испуганным и одновременно эйфорически возбужденным. Я ощутил как пляшут в моем сознании образы разнообразных иллюзий, требующих полной сосредоточенности. Ноги болели от напряжения и усталости. Ребра болели. Болели лицо и плечо.

А потом я едва не задохнулся, пытаюсь понять, что со мной, черт подери, происходит.

«Это я, детка, — подумал я как мог громче. — Не сопротивляйся мне».

Не знаю, что именно должно было произойти с мешком, но времени выяснять у меня не оставалось. Я поднял левую руку и направил в нее всю свою волю.

— Defendarius, — пробормотал я.

Вокруг нас с Молли вдруг засиял шар голубой энергии.

Мешок светился все ярче и наконец вспух шаром ослепительного белого цвета, ярким, как микроскопический атомный взрыв. Он ударил по нашему голубому шару с силой биты, врезающей по бейсбольному мячу. Голубой шар отлетел в воздух — вместе с нами, разумеется. Растопырив руки и ноги, я изо всех сил пытался удержать защитное поле. В отсутствие моего любимого браслета-оберега я не знал, как долго мне удастся это делать.

Шар врезался в машину и отлетел от нее в стену дома. При этом мы кувыркались как безумные, однако наши растопыренные руки-ноги не дали нам разmozжить нашу общую голову о стенки шара. В конце концов мы остановились в углу стоянки, я оглушенно огляделся по сторонам и увидел, что иллюзии Молли исчезли и виноват в этом я. Защитное поле отрезало от них Молли, лишив возможности поддерживать их своей энергией.

Я поднял взгляд, увидел, что «водолазки» всей толпой приближаются к нам, и убрал поле, приземлившись на четвереньки. Сосредоточившись еще раз, я взмахнул рукой слева направо, пробормотал заклинание, и между нами и нехорошими парнями снова встала стена голубого огня.

Один из них презрительно фыркнул и спокойно шагнул в огонь.

Как я, кажется, уже говорил, я не слишком силен по части наведения иллюзий.

Зато по части огня я силен.

«Водолазка» даже не вскрикнул. Просто не успел. Когда огонь по-настоящему силен, вы не чувствуете жар. Ваши нервы сгорают, и все, что вы чувствуете, — это отсутствие сигнала от них. Вам становится холодно.

Он умер в огне, и он умер, замерзая. Головешка, выпавшая из огня назад в толпу, мало напоминала человека.

Что ж, это наконец привлекло их внимание.

Я стоял, удерживая остальных «водолазок» огнем. Жар растопил снег с асфальта, потом и сам асфальт начал пузыриться и плавиться, превратившись в полосу раскаленного битума. Такие фокусы требуют тяжелой работы, но чего-чего, а этого я никогда не боялся.

«Гарри, мне не хватает пространства», — услышал я мысль Молли, едва различимую сквозь застилавшие все усилия, необходимые для поддержания огня.

Я стиснул зубы. Это было все равно что пытаться удержать до ужаса тяжелую дверь, на которую с другой стороны навалилось полдюжины друзей. Ощущение немного непривычное, но я отмел его в сторону, как и нараставшую усталость. Я не мог отвлекаться на мелочи — без полной концентрации мне не удалось бы продолжать сдерживать «водолазок».

Нехорошие парни снова удивили меня. Они явно знали то, что мало-мальски серьезные магические усилия не могут поддерживаться долго. Они не стали рисковать, посылая людей в огонь. Вместо этого они поступили мудро.

Они просто ждали.

Огонь полыхал еще минуту, потом еще одну, а когда заклятие начало слабеть, мое внимание привлекло еще кое-что.

Мигающие синие огни на соседней улице.

Взвизгнув тормозами, у въезда на стоянку остановилась патрульная полицейская машина, и двое копов — обоих я уже встречал прежде — выскочили из нее и, светя перед собой фонариками, зашагали в нашу сторону. Им хватило и секунды на то, чтобы понять, что здесь происходит что-то странное, и к фонарикам мгновенно прибавились револьверы на изготовку.

Прежде чем «водолазки» успели обратить оружие на полицейских, те уже укрылись за своей машиной. Я отчетливо слышал, как один из них вызывает по трещащей помехами радиации подкрепление, группу быстрого реагирования и пожарных. Голос его звенел от напряжения и страха.

Я сообразил, что хихикаю, пусть и немного истерично. Я ухмыльнулся Водолазке-Вожаку.

— Ну что, засранцы? — пропел я, немилосердно фальшивя. — Что дальше, а?

Молли тоже рассмеялась, от чего моя напряженность немного ослабла.

Еще несколько секунд Водолазка-Вожак стоял, не двигаясь с места. С лицом, лишенным какого-либо выражения, он смотрел на меня, на огонь, на булькающий битум и на полицейских. Потом поморщился и махнул рукой. Спокойно, без спешки «водолазки» отступили назад в переулок, из которого появились.

Только убедившись в том, что они ушли и не вернутся, я убрал огонь и осел на землю. С минуту я сидел так, с головой, идущей кругом от боли и усталости, — похоже, я подозрительно быстро привык к их отсутствию. В нос били непривычный зимой запах горячего асфальта и примешивающийся к нему запах горелого «водолазки».

Я поежился. Потом собрал остаток сил и выбрался из пространства, которое делил с Молли. Боль и усталость снова исчезли. Как и запахи.

Кузнечик зашарила взглядом по сторонам, заметив перемену.

— Подождите, Гарри, — сказала она, сунув руку в карман. Достала оттуда маленький серебряный камертон и стукнула им о землю. — С помощью этого я смогу вас слышать.

— Правда?

— Да без проблем, — ответила она. Язык ее чуть заплетался от усталости. — И видеть, если смотреть под нужным углом. И его удобнее таскать с собой, чем банку заговоренного вазелина.

— Давай-ка убираться отсюда, — предложил я. — Пока копы не вернулись. Они давно уже мечтают запрятать тебя за решетку.

Молли мотнула головой.

— Детка, я понимаю, ты устала. Но надо уходить.

— Нет, — сказала она. — Нет никаких копов.

Я удивленно нахмурился.

— Чего?

— И не было.

Я зажмурился, потом посмотрел на пустующий въезд на стоянку и невольно расплылся в улыбке.

— Это просто еще одна иллюзия. И тебе удалось продать ее «водолазкам», потому что они думали, ты уже выдохлась с первыми шоу.

— Отлично, — промурлыкала Леа, снова возникнув рядом со мной.

Я дернулся. Еще раз. Блин, терпеть не могу все эти внезапные появления.

— Нестандартная, но эффективная импровизация, мисс Карпентер, — продолжала она. — Особенно учитывая уровень сложности отвлекающих факторов и информированности неприятеля.

— Эй, я прямо рок-звезда! — устало выдохнула Молли. — Что, урок закончен?

Леанансидхе с улыбкой переводила взгляд с меня на Молли и обратно.

— Разумеется. Оба урока.

ГЛАВА ДВАДЦАТАТЬ ТРЕТЬЯ

Вот вам доказательство того, что ни возраст, ни опыт, ни мудрость — ни даже смерть — не могут стать гарантией от надувательства со стороны фей.

— Вы подставили ее, — прорычал я, — чтобы проверить меня? В качестве урока для меня?

— Ну разумеется, нет, детка, — промурлыкала Леа. — В первую очередь это упражнение для нее.

Молли едва заметно улыбнулась:

— О да. Я чувствую себя гораздо более продвинутой после того, как меня едва не испепелили.

— Ты поняла, что твое выживание зависит пока от других, — ответила моя крестная; голос ее сделался резче. — Без помощи духа моего крестника ты была бы уже мертва.

— Что-то в этом роде могут сказать довольно много людей, — возразила Молли. — Принадлежать к их числу не стыдно.

Леа переводила взгляд с нее на меня и обратно.

— Дети! — фыркнула она. — Так много эмоций, так мало благодарности. Ладно, предоставлю вам самим обсудить серьезность того, что я преподавала вам обоим нынче.

— Подождите-ка! — вмешался я. — Вы еще не уходите.

Леа смерила меня невозмутимым взглядом:

— Прошу прощения?

— Нет. Сначала вы дадите Молли денег.

— С чего бы это?

— С того, что она голодна, устала, пережила ваш урок и ей необходимо поесть.

Леа царственно повела плечом.

— А я-то здесь при чем?

Я нахмурился:

— Если вы ее наставница, на протяжении образовательного процесса вы отвечаете также за ее физическое состояние. Тем более если вы замещаете в этом качестве меня — а я бы первым делом позаботился о том, чтобы накормить ее. Если же вы этого не сделаете, значит, вы не преуспеете в исполнении этого долга.

Леанансидхе закатила глаза.

— Выходит, ты это время выбрал, чтобы придерживаться протокола, да, детка?

— Выходит, что так, — согласился я. — Не разыгрывайте дешевку. Гоните монету.

Ее зеленые глаза опасно сощурились.

— Мне не нравится твой тон, детка.

— Я сыт по горло вашими унижениями, — отозвался я, хотя голос мой прозвучал неожиданно спокойно и даже вразумительно. — Вы связаны обязательствами. Я просто предлагаю исполнять их должным образом. Платите.

Леанансидхе повернулась ко мне, и взгляд ее вспыхнул — то ли от злости, то ли от удовольствия. А может, и того, и другого.

Молли заказала яичницу с ветчиной. И горячий шоколад.

Я сидел напротив нее, облокотившись на стол и опустив подбородок на руки. Руки не проваливались сквозь стол, потому что я так решил. На столе между нами стоял ее камертон, от которого исходило чуть слышное жужжание. Она сказала, она может меня видеть, если только я не буду смещаться слишком сильно вправо или влево.

Молли набросилась на еду с аппетитом голодного волка.

— Разве не ты всегда пыталась приучить меня к здоровому питанию? — хмыкнул я.

— Пошли вы, — откликнулась она набитым ртом. — Там же, на фиг, ледниковый период. В топку нужно все время забрасывать жиры, белки и углеводы, чтобы температуру поддерживать.

— А знаешь, есть ведь и еще способ ее поддерживать. Не торчать на улице.

Она фыркнула и некоторое время не обращала на меня внимания, целиком занявшись пищей. Я смотрел на нее со странным чувством. Я ведь довольно давно ее не видел. Приятно было видеть, как она утоляет голод благодаря тому, что сделал для нее я.

Наверное, духи тоже испытывают радость от мелких побед. Как и все остальные.

Я подождал, пока опустела тарелка.

— Ладно. Кой черт ты разыгрывала Офелию перед Мёрфи и компанией?

Она застыла, потом принялась вяло возить по тарелке вилкой.

— Это не... — Она медленно вздохнула и принялась шарить взглядом по залу. — Есть причина, и не одна.

— Я весь внимание, — напомнил я.

— Ну... Почему разыгрывала? — Она поддела вилкой пару луковых колечек и сунула в рот. — Вот посмотрите на меня. Сiju здесь и разговариваю со своим мертвым наставником. И половина ресторана уже обращает на это внимание.

Я огляделся по сторонам. И правда, на нее уже начинали оглядываться.

— Да. Правда, народу здесь немного.

Она невесело усмехнулась:

— Что ж, спасибо на этом. — Она поднесла чашку шоколада к губам и подержала так, с наслаждением вдыхая поднимавшийся пар. — Ладно. Вы наконец-то во мне бывали. По правилам игры мне полагалось бы предложить вам сигарету.

Я поперхнулся и покашлиал немного.

— Гм... Все совсем не так, детка.

— Разумеется, не так, — кивнула Молли. Голос ее звучал сдавленно. — И не было никогда. Для вас.

Я помассировал затылок.

— Молли... Когда мы с тобой познакомились...

— ...мне не нужен был еще лифчик, — договорила она.

— Дело также и в твоём отце, — возразил я. — Майкл...

— Это дядя, которого у вас никогда не было. — Голос ее звучал спокойно, но я-то видел, что она готова сорваться. — Вы всегда искали его одобрения. Потому что он хороший, и если он отзывается о вас хорошо, значит, вы еще не конечный человек.

Я насупился.

— Я этого не говорил, — буркнул я.

Она посмотрела на меня сквозь завитки пара от чашки.

— Но это все равно так. Я это еще лет в семнадцать вычислила. Вы боялись, что если дотронетесь до меня, лишитесь его уважения. И превратитесь из-за этого в чудовище какое-то.

— Я боялся, что лишусь своего уважения, — возразил я. — И не в чудовище, Молли. Просто в задницу.

— Пока я была ребенком, — продолжала она совсем тихо, — вы были правы. Но мне-то уже за двадцать, Гарри. Я не маленькая.

— Только не напоминай мне... — Я спохватился. — Так, анекдот бородатый. — Я оглянулся на нематериального себя. — Однако с учетом всех обстоятельств...

Она сдула пар и сделала большой глоток.

— Немного неуместно. Даже если бы вы были еще живы.

— Так даже забавнее, — возразил я.

— Это не вам видеть, как вся ваша семья старится и умирает, Гарри. — Она произнесла это спокойно, констатируя факт. — И не только родители. Братья, сестры. Все. Другие чародеи начнут испытывать ко мне хоть какое-то уважение примерно тогда, когда Хоуп и маленький Гарри умрут от старости.

— Может, тебе повезет и тебя убьют раньше.

Она пожала плечами:

— Леа делает в этом направлении все, что в ее силах. Что будет, то будет. Пока в этом остается хоть какой-то смысл, такая смерть меня не пугает.

Я поежился — в основном оттого, что она говорила это так спокойно.

— А как насчет того, что после?

— Все умирают, Гарри, — возразила она. — Так что нет смысла хныкать.

Я выждал несколько секунд.

— Самое время, — сказал я, — поговорить о том, что ты делаешь со своей жизнью. Это действительно важно.

Она запрокинула голову и громко рассмеялась. Смех звучал совершенно естественно, а вот глаза и чуть застывшая улыбка выдавали напряжение.

— Ну да, конечно. — Она тряхнула головой и пристально на меня посмотрела. — Скажите, а вы так всегда? С огнем-то?

Я зажмурился и попытался переключить шестерни у себя в голове. Мне это удавалось явно хуже, чем ей. Кто-нибудь бестактный или бесцеремонный мог бы заметить, что Молли это проще вследствие отсутствия в голове означенных шестерней.

— Э... Это ты о потасовке с фоморами?

— Они не фоморы, — поправила меня Молли. — Это смертные, слегка измененные фоморами. Их называют...

— Водолазками? — предположил я.

Она выгнула бровь.

— Вот вы с Мёрфи оба такие. Нет, их зовут прислужниками. Фоморы используют их тут и там. У них разные штуки установлены. Жабры, дополнительные мышцы, ультразвуковые сенсоры, глаза ночного видения...

Я даже присвистнул.

— В общем, развлечения на любой вкус?

Она кивнула:

— И все эти странности превращаются в студень, стоит им умереть. Полиция называет их нестойкими.

Я тоже кивнул, стараясь поддерживать ни к чему не обязывающую болтовню:

— И много их здесь умирает?

— Это же Чикаго. Здесь все время кто-то умирает. И видели бы вы, Гарри, что творят эти... эти звери. Похищают людей прямо из постелей. Детей, ожидавших школьного автобуса. Мучают людей до смерти — так, ради развлечения.

Голос ее дрогнул. Ну не то чтобы слишком драматично. Просто едва заметно сменил тональность, и паузы между предложениями сделались чуть напряженнее.

— И ты не можешь стоять, ничего не предпринимая, — кивнул я.

— Нет, — согласилась она. — Иначе все они начнут являться тебе во снах. Ну и...

— Ну?

Молли молчала. Я не торопил. Минут пять прошло, прежде чем она закрыла глаза и собралась с духом.

— Это просто, — прошептала она. — Это не должно быть так просто.

С формальной точки зрения сердца у меня больше не было. Поэтому оно никак не могло дернуться. Или разбиться.

Но смогло ведь.

— Первый подкупал копа. Золотыми монетами. Стоял со спортивной сумкой, в которой лежала связанная девочка, и платил копу, чтобы тот смотрел в другую сторону. — Она судорожно сглотнула. — Господи, вот бы мне быть, как вы... Таким же сильным. Вот из вас энергия бьет, как из пожарно-

го гидранта. А я так... водяной пистолетик. Даже не большой, а из самых маленьких. — Она открыла глаза и посмотрела на меня в упор. — Но и этого хватило. Они даже не поняли, что я стояла рядом.

— Молли, — мягко произнес я, — что ты сделала?

— Всего-то иллюзию. Простенькую. Сделала так, чтобы кошель с золотом показался тому пистолетом. Ну, коп схватил свой и застрелил его. А прислужник успел еще прожить достаточно, чтобы сломать полицейскому шею. — Она помахала в воздухе двумя пальцами. — Дуплетом. И всего лишь простенькая иллюзия.

Я поперхнулся. Хотел что-то сказать, но не смог.

Голос ее звучал все громче:

— Потом были другие вроде этих. Господи, да они сами облегчали мне задачу. Достаточно выбрать нужный момент и чуть подтолкнуть. Типа зеленая волна, ни одного красного светофора. Вложить кому-то нож в руку. Или надеть обручальное кольцо на палец. Или капнуть кровью на воротник. Они звери. Они сами друг друга поразывают. Как звери.

— Молли, — тихо произнес я.

— Я начала оставлять на них обрывки лохмотьев, — продолжала она. — Поначалу это причиняло боль. Ну, прикасаться к такому... опыту. Но я должна была. Вы же не знаете, Гарри, что вы натворили для этого города.

— О чем это ты?

— Вы даже не представляете, сколько всяких тварей носа сюда раньше не казали, потому что боялись.

— Боялись? Чего?

Она посмотрела на меня так, словно сердце ее вот-вот разорвется.

— Да вас же, Гарри. Вы могли отыскать в этом городе все что угодно, только тени, которую сами отбрасывали, не замечали. — Глаза ее наполнились слезами, и она раздраженно смахнула их рукой. — Всякий раз, как вы кого-то побеждали, всякий раз, когда вы одерживали верх над теми, над кем в чистой теории не могли, ваше имя делалось все заметнее. И вашего имени боялись. Охотились в других городах — в тех, где не было сумасшедшего чародея Гарри Дрездена, чтобы их защитить. Боялись вас.

До меня наконец дошло.

— Леди-Оборванка...

— Иногда это я, — кивнула Молли. — Иногда Леа. Она как ребенок, дорвавшийся до игрушек, когда выпадает ее черед. Я тоже создаю себе имя. Что-то такое, чего будут бояться. Я не могу делать то, что делали вы, Гарри. — Ее покрасневшие голубые глаза вдруг вспыхнули опасным, смертоносным огнем, и она стукнула по столу кулаком, подавшись ближе ко мне. — Но одно я могу. Я могу их убивать. Я могу сделать так, чтобы эти ублюдки меня боялись.

Она смотрела на меня, тяжело дыша. Потом медленно обвела взглядом помещение.

Все до одного взгляды были обращены на Молли. Даже официантка застыла с широко раскрытыми глазами, прижав к уху мобильник.

Несколько мгновений Молли смотрела на них молча.

— Господи, — произнесла она наконец. — Да у вас же все в порядке. Вы даже не заметите, если кто из них подберется к вам вплотную, чтобы вырвать из черепа все мысли до одной.

Она встала, забрала со стола свой камертон, оставив вместо него кучку мятых купюр. Потом ткнула пальцем в официантку.

— Положите телефон. А то чаевых не получите.

Телефон выпал у той из рук и шмякнулся на пол.

— Видите? — хмыкнула Молли, глядя плюс-минус в моем направлении. — Вот это я и делаю. И неплохо получается.

Я сидел, оглушенный, не в состоянии придумать ничего, чем мог бы помочь или хотя бы утешить Молли.

Только смотрел вслед своей сумасшедшей ученице, выходившей из ресторана в морозную ночь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Я брел по темным улицам, размышляя. Или по крайней мере пытаюсь размышлять.

При жизни, когда мне нужно было что-нибудь обдумать, я обычно шел прогуляться. Хорошо, когда тело испытывает

здоровую физическую усталость: всякие умственные проблемы кажутся куда менее значимыми. Тела я, правда, лишился, но все равно не знал способа лучше справиться с нарастающими как снежный ком проблемами.

Поэтому я шел, бесшумный и невидимый, и, опустив голову, лихорадочно размышлял.

Один-единственный факт жег меня, слепил мне глаза с яркостью огня, обжигавшего всех, кто меня окружал.

Под занавес, в самый важный момент я все профукал.

Я вырос сиротой — об отце у меня остались только обрывочные, неясные воспоминания. Мое детство вышло таким... никому не пожелаешь. По жизни мне попадались не лучшие люди. Худшим из всех стал Джастин. Настоящее чудовище.

Когда мне исполнилось шестнадцать или семнадцать, а боль от его предательства еще не прошла, когда я не сомневался в том, что ничего похожего на дом у меня никогда не будет, я дал себе обещание: ни за что не позволю своему ребенку расти так, как довелось мне — по разным домам и семьям, легкой, беззащитной жертвой, без уверенности в себе и завтрашнем дне.

Никогда. Ни за что.

Когда Сьюзен попросила меня помочь ей спасти Мэгги, я не колебался ни секунды. Эта девочка — моя дочь, и то, что я не знал о ней прежде, что никогда ее не видел, не меняло ровным счетом ничего. Она была плоть от плоти моей, кровь от крови, и она нуждалась в моей помощи. Ради этого можно и умереть.

Конец фильма.

Возможно, я действовал с благими намерениями. Самыми что ни на есть благими.

Однако одних намерений, какими бы благими они ни представлялись, все же недостаточно. Намерения могут завести тебя туда, где, хочешь не хочешь, придется сделать выбор.

Вот по выбору тебя и судят.

Ради возвращения дочери я переступил черту. Не просто переступил — перепрыгнул на всем скаку. Я заключил сделку с Королевой Воздуха и Тьмы, пообещав Мэб свою волю,

всего себя в обмен на возможность бросить вызов Красному Королю и его жуткой коллегии. Глупый поступок.

Понятное дело, в тот момент у меня имелись оправдания. Меня прижали спиной к стене. Точнее говоря, мою спину об эту стену сломали. Всех, кто мог мне помочь, всех моих трюков и арсенала не хватало, чтобы справиться с этой задачей. Мой дом уничтожили. И мою машину. Я не мог даже стоять и передвигаться, не говоря уже том, чтобы драться. И мне противостояла такая сила, что даже Белый Совет чародеев страшился выступить против нее.

В тот жуткий час я предпочел продать душу. А после этого повел лучших своих друзей и союзников на совершенно безнадежное, самоубийственное — вот уж в этом не сомневался даже я сам — дело. Я знал, что такая битва не может не оставить жестокого шрама у Молли на психике и что даже если она уцелеет, прежней ей уже никогда не быть. Я рискнул двумя из трех бесценных Мечей Креста, вверенных моему попечению. Я отправил их на бой, отчетливо осознавая то, что, случись мне проиграть, едва ли не самые могущественные орудия Добра попадут в руки врага.

И когда я увидел, что чудовищный кровавый ритуал, замысленный Красным Королем с целью уничтожить меня, можно обернуть против самой Красной Коллегии, я без малейших колебаний воспользовался этим.

Я зарезал Сьюзен Родригес на каменном алтаре Чичен-Ицы и стер Красную Коллегию с лица земли. Я спас свою дочку.

И создал идеальную ситуацию для хаоса, захлестнувшего весь сверхъестественный мир. Конечно, внезапное исчезновение Красной Коллегии очистило мир от нескольких тысяч монстров, но в результате уже десятки тысяч других монстров получили возможность выйти на сцену, чтобы заполнить созданный мной вакуум. Меня пробрала дрожь при мысли о том, сколько чужих дочерей пострадали и погибли в результате этого.

И — прости меня, Господи! — я бы пошел на это и еще раз. Зная, что это неправильно. Что это неблагородно. Что это жестоко. Я провел с моей дочерью меньше трех часов, но

если от этого зависела бы ее безопасность, я бы пошел на такое еще раз.

Как знать, может, Белому Совету стоит принять и Восьмой Закон Магии — Закон непреднамеренных последствий?

Как измерить ценность одной жизни относительно другой? Можно ли уравновесить тысячи смертей одной-единственной? Даже если Мэб и не хватило времени полностью подчинить меня себе, откуда мне знать, не изменило ли меня одно то, что я пересек черту? Не превратило ли это меня во что-то чудовищное?

Я вдруг понял, что стою на мосту Мичиган-авеню над рекой Чикаго. Ночь казалась светлой от нападавшего снега. Только вода подо мной темнела черной полосой, этикие Стикс и Лета в одном флаконе.

Я оглянулся на окружавшие меня небоскребы. Эн-би-си. «Трамп». «Шератон». Они возвышались в ночи безукоризненно правильными кристаллами. В окнах мерцали золотые огоньки.

Я отвернулся от них и стал смотреть на Петлю, на так хорошо знакомый мне городской пейзаж. Движение на Мичиган-авеню ненадолго стихло. Горели фонари, отражаясь в катафотах припаркованных у тротуара машин. Свежий снег припорошил все, перекрасив обыкновенно грязно-бурый город в стерильно-белый цвет.

Господи, как красив мой город!

Чикаго. Безумный, жестокий, продажный, но полный жизни, артистизма и благородства. Уродливый и прекрасный. Полный жажды наживы, надежды, ненависти и страсти, боли и возбуждения. И счастья. Воздух его полон смеха и визга, автомобильных гудков и злобных окриков, музыки и выстрелов. Это невозможный город, вечно воюющий сам с собой, в котором прекрасное и ужасное смешиваются, чтобы породить что-то другое, ужасное и прекрасное, но ни на что не похожее.

Всю свою взрослую жизнь я провел здесь. Сражаясь и истекая кровью, чтобы защитить его жителей от того, что те считают исключительно плодом воображения.

А теперь — из-за того, что я совершил — город сошел с ума. Фоморы, «водолазки»... Взбунтовавшиеся призраки-

уроды. И сбившиеся перепуганными стадами члены сверхъестественного сообщества.

Я вовсе не желал всего этого, но мои желания и нежелания ничего не меняли. Это я сделал выбор.

Значит, и вина за все это лежала на мне.

Я смотрел вниз, на черный покой реки. Никто, понял я, не мешает мне прыгнуть туда, вниз. Водный поток разрушает сверхъестественные энергии, рассеивает их.

А я состоял сейчас исключительно из энергии.

Черная, негромко шелестящая подо мной вода могла смыть все.

Стикс. Лета. Забвение.

Моя ученица ранена в самую душу и озлоблена. Мои друзья ведут войну, терзающую их души и умы. Единственный, кто, как я не сомневался, мог бы мне помочь, похищен, и я мало что могу с этим поделаться. Блин-тарарам, да я едва нашел кого-то, кто хотя бы может со мной говорить...

Что я вообще могу?

Что можно сделать, чтобы помочь тем, кого ты так подвел? Как все исправить? Чем искупить все зло, которого ты вовсе не желал?

Я даже не заметил, как упал на колени. Разворошенные моими мыслями воспоминания захлестывали меня с головой, отчетливые, почти такие же реальные, как сама жизнь. Эти воспоминания тянули за собой другие, нарастая, как горный обвал. Моя жизнь с Чикаго наваливалась на меня, сокрушала меня, плющила меня до слез.

А потом все стихло.

Это далось мне нелегко. Жуткая, вязкая инерция противилась моим мыслям. И все же я поднялся на ноги.

Я повернулся к реке спиной.

Город не сводился к стали, бетону и стеклу. Как не сводился к гостиницам, офисным зданиям и барам. Библиотекам и концертным залам. К моим машине и полуподвальной квартире.

Это был дом.

Мой дом.

Sweet home Chicago.

Люди, что жили здесь, были моей семьей. Им угрожала опасность, отчасти и по моей вине. Что ж, значит, все становилось предельно просто.

Плевать, что я мертв. Плевать, что от меня осталась лишь буквальная тень настоящего меня. И плевать, что мой убийца все еще разгуливает по городу, не говоря уже о туманных пророчествах капитана Мёрфи.

Моя работа осталась прежней. Когда в городе выходят на охоту демоны и прочие порождения ночи, я — тот, кто с этим разбирается.

— Пора за дело, — прошептал я сам себе.

А потом сжал руки в кулаки, выпрямился и исчез.

ГЛАВА ДВАДЦАТАТЬ ПЯТАЯ

Я опоздал на встречу с Фицем минут на десять, но он все еще ждал, шатаясь вдоль витрины ближнего магазина; невинности в нем было не больше, чем у единственного ребенка, стоящего рядом со свежевывытым пятном. На плече у него висела здоровенная, явно пустая спортивная сумка. С таким же успехом он мог бы щеголять в черной маске с прищипленным к сумке долларовым значком.

Я возник у него за спиной.

— И спокойный же у тебя вид, — заметил я. — Бьюсь об заклад, любой коп, что случится здесь, попросил бы поучиться у тебя самообладанию.

Фиц дернулся, явно подавив стремление пуститься наутек. Потом повернулся и сплюнул на землю.

— Ты опоздал, Харви.

— Извини, забыл часы завести, — буркнул я.

— А я уж думал, это у меня утром крыша съехала. — Фиц огляделся по сторонам. — Эх, если бы все было так просто.

— А кому сейчас легко? — поддакнул я.

— Значит, ты все-таки есть?

— Есть.

Фиц кивнул:

— Ты говорил, что поможешь. Ты это серьезно?

— Да, — подтвердил я.

Порыв ветра сбил его кучерявую рыжую шевелюру набок. В сочетании с кривоватой ухмылкой это идеально ложилось в образ.

— Отлично. Тогда помогай.

— Ладно, — сказал я. — Поверни налево и иди в ту сторону.

Фиц упер руку в бок.

— Ты же собирался помочь мне с пушками.

— Я этого не говорил, — возразил я. — Тебе нужна помощь, парень, а не железки. Ружья тебе не помогут. — Я подождал, пока он откроет рот, и только тогда перебил его: — Ну и еще. Если не будешь меня слушаться, мне придется шепнуть Мёрфи, где норитесь вы с корешами.

— Ох, — поперхнулся он. — Да ты... ты... сукин сын!

— Прошу прощения? — пробормотал я.

— Иди в жопу.

— Тебе нужна помощь. Я могу помочь. Но бесплатных завтраков не будет, парень, — произнес я ровным бесцветным голосом. — Да ты и сам это понимаешь.

— Поцелуй меня в задницу... Хрен, а не помощь! — огрызнулся он, поворачиваясь, чтобы уходить.

— Валяй, иди, — сказал я. — Если хочешь лишиться последнего шанса выдернуть свою команду из-под Лысого.

Он застыл как вкопанный.

— Куда ты пойдешь? Обрато к Лысому? Он убьет тебя за то, что вернулся без оружия. А потом дом захватят Мёрфи со своей командой и Леди-Оборванка. Лысый скорее всего слиняет, кинув твоих корешей, после чего проделает все то же самое с какой-нибудь другой детской шайкой.

Фиц повернул голову в мою сторону. Взгляд его горел ненавистью, но он слушал.

— Подумай, сынок. Совсем не обязательно кончать все так. Поработай со мной, и все будет тип-топ.

Ясное дело, я врал. Меньше всего мне хотелось выкладывать Мёрфи такую мишень, тем более при ее нынешних настроях. И ведь я действительно хотел помочь этому мальчишке — но мне в свое время пришлось побывать в его шкуре. В спасителя на белом коне он бы не поверил. В его мире

никто не дает никому ничего задаром — ну разве что боль. Лучшее, на что можно надеяться, — это обмен, да и то чаще всего тебя надуют. Мне же нужна была его помощь. И получить ее я мог, подбросив какую-нибудь знакомую ему проблему.

— Я не чудовище, Фиц. Честно говоря, меня не так уж волнуешь ты или твои кореша, или что с вами будет. Но мне кажется, ты мог бы мне помочь — а в обмен на твою помощь я готов помочь тебе.

Юнец поморщился и низко опустил голову.

— Выбора особого у меня ведь нет, так?

— Выбор есть всегда, — спокойно ответил я. — Но у тебя он сейчас довольно ограничен. Так ты в игре?

— Ладно, — буркнул Фиц. — Идет. Попробую.

— Отлично. Тогда поворачивай налево и иди туда. Это не слишком близко.

Он сунул руки в карманы и понуро двинулся в указанном направлении.

— Я даже не знаю, кто ты, черт подери, такой!

— Меня зовут Гарри Дрезден, — представился я.

Фиц споткнулся.

— Срань господня! — выпалил он. — Типа... тот самый Гарри Дрезден? Который чародей?

— Первый и единственный.

Он пришел в себя, тряхнул головой и зашагал дальше.

— Я слышал, вас убили.

— Ну... вообще-то да, — согласился я. — Но я отношусь к этому спокойно.

— Еще говорят, вы псих.

— Что, правда?

Фиц кивнул:

— А еще... — Он нахмурился. Я буквально видел, как вращаются у него в голове шестеренки. — Еще говорят, вы помогаете людям.

— И что?

— Так что из этого правда?

— Что-то одно — точно правда, Фиц, — сказал я. — Ты ведь знаешь, болтовня недорого стоит. Есть только один способ узнать правду.

Фиц склонил голову набок, потом кивнул:

— Ладно. Хорошо. Куда мы идем?

— В гости к старому другу.

Мы свернули на улицу, идущую вдоль северной границы Саутсайда. Я бы не назвал этот квартал трущобным — в конце концов, трущобы, как правило, полны жизни. Есть в Чикаго места безумно красивые, есть и такие, по которым словно прошелся Апокалипсис. Этот квартал при виде приближающегося Апокалипсиса только сплюнул бы и задрал нос выше. Насколько хватало глаз, не было видно ни одного остекленного окна — лишь глухие ставни, чаще всего защищенные железными решетками. Ну или зияющие проемы.

Палисадники перед входом в дома огораживались высокими оградами с колючей проволокой поверху. Пробриться через такие можно только с помощью автогена. Именно автогеном взрезали как минимум одну ограду в поле зрения. Уличные фонари тоже защищались стальными решетками, но не горело все равно ни одного. Даже самая прочная решетка не защитит от дрововика.

Все до единой мало-мальски ровные поверхности были покрыты граффити... Кажется, это называется сейчас уличным искусством. Я-то считал, искусство создает красоту. Эти надписи обозначали границы территории — примерно так же, как помечают деревья или столбы собаки. Мне приходилось видеть красивые примеры неформального искусства, но тут такими и не пахло. Где-то ухал включенный на полную громкость сабвуфер, и эхо его разносилось по всему кварталу, от чего снег, казалось, утрамбовывался еще плотнее.

И ни души. Ни единой. Даже с учетом позднего часа — для Чикаго это редкость.

Фиц огляделся по сторонам и, похоже, пришел к тем же заключениям, что и я при первом моем посещении этих мест: явное запустение, похожие на блокпосты дома, незаконно громкая музыка, которую никто даже не пытается прекратить...

— Это чужая территория, — заявил он, останавливаясь. — Я один и без оружия. Я туда не пойду.

— Повелители Зла, — сказал я. — Ну или они заправляли здесь несколько лет назад. Банда у них крепкая, серьезная, так что, думаю, сейчас здесь до сих пор они.

— Тем более не пойду, — буркнул Фиц.

— Да ну же, Фиц. Не такие они и страшные. В смысле для банды. Если они кого-то и убивают, у них почти всегда есть на то веские причины. И они поддерживают на этой улице мир — ну по крайней мере если ты не слишком запаздываешь с платежами.

— Угу. Тошнит от такого мира.

Я пожал плечами, пусть он этого и не видел.

— Полиция если и приезжает сюда по вызову, так только после того, как все произошло. Поэтому с неприятностями здешним жителям проще и спокойнее обращаться к члену банды, нежели к полицейскому.

— Вы что, поклонник банды?

— Нет. Вовсе нет. Банды опасны. Они правят, опираясь на грубую силу и страх. Но они по крайней мере не прикидываются никем другим.

Фиц поморщился, покосившись на свои пустые руки.

— Пожалуй, — пробормотал он, — не мне здесь бросать камни.

— А если бы и бросил, ничего бы не разбил, — хмыкнул я. — Пойми, парень, от мертвого от тебя мне никакой пользы. Мы не пойдем в глубь квартала. Первый дом справа. Если ты просто дойдешь до калитки, ты не пересечешь ничьей границы.

Фиц нахмурился:

— Тот, с железными ставнями?

— Угу. Помнишь, что нужно сказать?

— Ну да, да, помню сценарий, — угрюмо буркнул Фиц. — Давайте уже с этим покончим.

— В дверь стучать я не могу.

Он насупился еще сильнее и шагнул вперед.

Крыльцо, к которому он подошел, принадлежало дому, в котором раньше размещались четыре небольших заведения. Врач, адвокат, продуктовая лавка. Все давным-давно закрылись и зияли теперь выбитыми дверьми и окнами. Остался лишь четвертый владелец. На прикрывавших дверь стальных

жалюзи красовалось единственное изображение, которое я обозвал бы произведением искусства: большой, почти в натуральную величину портрет пухлого ангела в перепачканной, изорванной у подола тоге и с всклоченной шевелюрой, даже не пытающейся скрывать намечающуюся лысину. В одной руке ангел держал пончик, в другой — нацеленный на зрителя обрез.

— Ха! — заметил я. — Надо же, какие новшества.

Фиц с опаской косился на изображение.

— Так что это за место?

— Детективное агентство, — объяснил я. — Бюро «Нисший ангел».

— Что-то оно типа закрыто, — заметил Фиц.

— У Ника нет денег на отдельную квартиру, — сказал я. — Он здесь и спит. Попивает порой. Может, тебе придется постучать погромче.

Фиц еще раз оглянулся на соседние дома, потом на дверь.

— Угу. Круто. — Он постучал по жалюзи.

Ничего не произошло.

Он постучал еще, погромче. С тем же результатом.

— Как следует, парень.

Он свирепо оглянулся в мою сторону, но принялся равномерно, изо всех сил барабанить по рольставню.

Минут через пять из маленького, почти незаметного динамика рядом с дверью послышался щелчок.

— Чего еще? — произнес севший от очевидного злоупотребления алкоголем голос.

— Э... — замаялся Фиц. — Скажите, вы Ник Крисчен?

— А кому он вдруг понадобился?

— Меня зовут Фиц, — представился мой спутник. Голос его звучал выше обыкновенного, из-за чего говоривший казался на несколько лет младше. — Гарри Дрезден сказал, я могу, если что, обратиться к вам.

Последовало долгое молчание.

— Дрездена больше нет, — произнес наконец голос Ника.

— Потому я и здесь, — ответил Фиц. — Мне больше некуда идти.

— Черт! — раздраженно буркнул Ник. — Это он так тебе и велел сказать, да?

Фиц неуютно переступил с ноги на ногу.

— Ну... ага, так.

— Стар я стал для таких фокусов, — буркнул Ник. Несколько раз шелкнул замок, и рольставень с громким протяжным скрежетом уполз вверх.

Ник Крисчен мало изменился со времени нашей последней встречи. Роста он невысокого, с брюшком, лет ему сильно за пятьдесят, но внимательный, живой взгляд темных глаз, кажется, схватывает абсолютно все. Лысина его, правда, заметно увеличилась. И пузо. Он щеголял в синих семейных трусах и белой майке; в правой руке он держал бейсбольную биту. Ежась от холода, Ник испепелил Фица взглядом.

— Ладно, парень. Заходи, не стой на морозе. И держи руки на виду, если не хочешь, чтобы я тебе мозги вышиб.

Держа руки ладонями вверх перед собой, Фиц вошел. Я шагнул за ним. У дома, конечно, имелся порог, но слабый как черт знает что — не стена, а так, тюлевая занавеска. Должно быть, это из-за совмещения работы с домашним бытом, решил я. В общем, преодоление его не потребовало с моей стороны особых усилий.

— Вот так, — кивнул Ник. — Опустить жалюзи и закрыть дверь. На все замки.

Пару секунд Фиц подозрительно косился на Ника. Суровый опыт жизни на улице явно не советовал ему оставаться взаперти в странном доме со странным стариканом.

— Все в порядке, Фиц, — заверил я его. — Он мог бы надрать тебе задницу на улице, если бы ты доставил ему неприятности, но просто так никакого вреда тебе не причинит.

Фиц снова злобно покосился в мою сторону, но все же повернулся и послушно выполнил все инструкции.

Мы стояли в конторе, состоявшей из одной-единственной комнаты. Комната эта напоминала... Блин, она почти в точности напоминала мою, хотя до сих пор мне и в голову не приходило их сравнивать. Старые шкафчики с картотеками, кофеварка, стол и пара стульев, которые приходилось сдви-

гать в самый угол, чтобы освободить место для старой алюминиевой раскладушки. Ник не был чародеем — просто старым сыщиком с набором стальных принципов и самоназначенным мандатом помогать людям найти их пропавших детей.

И еще на стене висело семь фотографий восемь на десять — дети в возрасте от шести до тринадцати лет. Висевшие слева изрядно выцвели; прически и одежда на них казались старомодными.

Ник обошел свой стол, уселся, достал из верхнего ящика бутылку водки и сделал большой глоток. Потом завинтил крышку, убрал бутылку обратно и устало посмотрел на Фица.

— Я не лезу в дела, которые ведет Дрезден. Они мне не по зубам, и я это знаю.

— Всякие волшебные штуки, — сказал Физ.

Ник пожал плечами и скосил взгляд на верхний ящик стола.

— Угу. Они. Так что если ты явился ко мне с этим, тебе не повезло.

— Нет, — мотнул головой Физ. — Это касается банд. Дрезден говорил, вы много про них знаете.

Ник снова передернул плечами.

— Ну, есть немного.

— Одного моего знакомого похитили, — продолжал Физ. — Вот описание типа, который, нам кажется, это сделал. — И Физ выложил то, что мне запомнилось о громиле, вломившемся в дом к Морти.

Ник выслушал, не перебивая. Потом кивнул.

— Кто тебе этот человек?

— Без понятия, — хмыкнул Физ. — Вы спец, не я.

— Не похититель, — вздохнул Ник. — Жертва.

Физ почти не колебался:

— Мой дядя.

Ник подумал немного.

— Стар я слишком, чтобы меня среди ночи вытаскивали из постели и водили за нос. Проваливай.

— Пойдите! — Физ протянул руку. — Пойдите, пожалуйста!

Ник снова выдвинул верхний ящик, только на этот раз достал из него старый «кольт». Он даже не стал наводить его на Фица.

— Ты честно старался, мальчик. Но и я здесь не первый день. Ступай к двери — с замками, я думаю, справишься.

— Черт, — буркнул я. — Фиц, слушай меня внимательно. Передай ему то, что я скажу, — слово в слово.

Фиц выслушал меня и кивнул:

— Я не могу открыть вам всего, мистер Крисчен. У меня есть на то причины. Дрезден говорил, у вас с ним был уговор. Типа вы не хотите иметь ничего общего с тем, чем занимался он.

— Не хочу, — подтвердил Ник. — Убирайся.

Я продиктовал Фицу следующую строку:

— А еще он говорил, вы перед ним в долгу.

Ник подозрительно сощурился:

— В каком еще долгу?

Фиц выслушал меня.

— За деньги и славу, которые вам принесло дело Асторов.

Ник удивленно выгнул бровь.

— Какого... — Он отвернулся и тряхнул головой. Улыбку с лица ему, правда, согнать не удалось, и в конце концов он все-таки фыркнул. Когда он заговорил, в голосе его явственно слышался смех. — Что ж, это похоже на Гарри.

У Асторов пропала маленькая дочь. Ее родители беспокоились не столько за нее, сколько за ту славу, что принесло им похищение. На самом-то деле она просто от них сбежала, но они наняли специалиста по розыску пропавших детей Ника Крисчена и его ассистента Гарри Дрездена, чтобы те ее нашли. Нам это удалось. Никто ее не похищал, но Асторовы-то уже раструбили о похищении на весь белый свет и поэтому — в отсутствие настоящих похитителей — назначили на эту роль нас с Ником. В общем, от нас потребовалась та еще ловкость, чтобы вернуть девчонку под родительское крыло, а самим при этом не угодить в тюрьму. На нас, ясное дело, подали в суд. Судья снял с нас все обвинения. Однако с учетом всех расходов возвращение девчонки обошлось Нику почти в две тысячи баксов.

Ник не хотел браться за дело. Это я его уговорил. Он хотел бросить его и умыть руки, стоило мне удостовериться в том, что ребенок находится на свободе. Я уговорил его продолжать до тех пор, пока она не окажется в полной безопасности. Когда моей работе и учебе у Ника пришел конец, Ник вместо выпускного подарка простил мне две тысячи, которые я ему задолжал.

— Ты его хорошо знал? — спросил Ник.

— Он был моим типа наставником, — ответил Фиц. — До сих пор он порой словно как рядом со мной стоит.

Ник хмыкнул.

— Наставником по сыскному делу или еще по чему?

Фиц изобразил деловое лицо.

— Я не волен отвечать на этот вопрос.

— Хррр, — буркнул Ник, кивнув. — Поговаривали, что он завел себе ученика. Так ты держишь меня подальше от своего дела типа для моей безопасности?

— Ага.

— И тебе нужна всего лишь информация? Ты не хочешь, чтобы я работал на месте?

— Все так.

— Гмм. — Ник почесал в затылке и вздохнул. — Ну ладно. Что еще ты можешь рассказать о том типе?

Я подсказал Фицу следующую реплику:

— Он был совсем псих.

— Черт-те сколько гангстеров психи, сынок, — хмыкнул Ник. — Ну или близко к тому.

— Ну, не в смысле бабок, секса или дури, — уточнил Фиц. — В смысле всяких жутких ритуалов.

— Хррмф, — пробормотал Ник. На лбу его обозначилась вертикальная складка. — Есть тут одни, все время щеголяют в плащах с капюшонами. Объявились года три или четыре назад. Сами они себя никак не называют, но в городе их кличут «Большими Капюшонами». Про них мало что известно.

— Отлично, — сообщил я Фицу. — Похоже на тех засранцев, что мы ищем. Спроси, где они тусуются.

— В туннеле под шоссе Эйзенхауэра, на южном конце Митпэкинга. Другие банды считают, они совсем сбрендили, если гнездятся в местах, где полным-полно копов, но почему-

то эти Капюшоны к себе внимания полиции не привлекают. — Он устало потер глаза. — Думаю, они даже на ту территорию прав не заявляли. А больше ничего не знаю.

— Потому что они не банда, только и всего, — сказал я. — Отлично, Фиц. Пошли.

— Спасибо, — поблагодарил Фиц Ника.

— Скажи спасибо Дрездену. Другому бы я и этого не сказал.

— Обязательно передам. — Секунду-другую Фиц внимательно смотрел на Ника. — А чего это вы здесь делаете?

— Как частный коп? — усмехнулся Ник. — Ну, копаю кой-какие дела, чтобы топка не погасла... разводы и все такое. Но по большей части ишу пропавших детей.

— Давно этим занимаетесь?

— Тридцать лет.

— И нашли кого?

— А как же.

— Живыми и здоровыми?

Довольно долго Ник пристально смотрел на Фица. Потом ткнул пальцем себе за спину, на стену с фотографиями.

— Семерых? — спросил Фиц.

— Семерых, — подтвердил Ник.

— За тридцать лет? Вы живете вот так, и... семерых? Все-го семерых?

Ник откинулся на спинку стула и чуть улыбнулся Фицу:

— Не так уж и мало.

— Да он совсем из ума выжил, — заявил Фиц, когда мы оказались на улице.

— Угу, — согласился я. — А еще он помогает людям.

Фиц насупился и ускорил шаг, чтобы быстрее оказаться за пределами владений Повелителей. Несколько кварталов он молчал, явно погруженный в свои мысли. Наконец он поднял взгляд.

— Вы еще здесь?

— Угу.

— Ладно. Я вам помог? Давайте платите.

— Хорошо, — согласился я. — На следующем перекрестке сверни направо.

— Зачем?

— Чтобы я смог познакомить тебя с тем, кто может помочь.

Фиц возмущенно шмыгнул носом.

— Вы ведь не из тех, кто любит просто, прямо отвечать на вопрос, нет?

— Не то что люблю. Просто у меня так лучше получается.

Фиц фыркнул.

— А этот, к кому мы идем? Он тоже не дурак выпить?

— Нет. Этот трезв как священник.

— Ну хоть так, — вздохнул Фиц и зашагал дальше.

ГЛАВА ДВАДЦАТАТЬ ШЕСТАЯ

— Да вы шутите, — сказал Фиц.

Мы стояли перед церковью Святой Марии и Ангелов. Хотя называть это здание церковью — все равно что обозвать озеро Мичиган прудиком. Она огромна, занимает целый городской квартал и является одним из архитектурных символов Чикаго. Классная постройка, красивая как снаружи, так и внутри. А еще церковь Святой Марии часто служит убежищем для тех, кто сталкивается с такими проблемами, как у Фица.

Сам же мальчишка к этому времени имел довольно неважный вид. Мы одолели за вечер изрядное расстояние, и хотя мороз вроде немного поубавился, воздух все равно оставался холодным, так что даже несколько слоев одежды с чужого плеча не слишком-то защищали от него Фица. Уличной детворе вообще плохо приходится зимой — очень уж их недокормленные тела быстро теряют тепло. Конечно, отчасти с этим помогала бороться закалка, но Фиц здорово устал, а еще я вспомнил, что он, возможно, не ел с нашей прошлой встречи минувшим утром.

Он стоял, крепко обхватив себя руками, дрожа, но все же пытаясь делать вид, что все в порядке. Зубы у него, правда, все равно стучали, как кастаньеты.

— Тут живет один мой знакомый, — сказал я. — Зайди с черного входа и стучи, пока тебе не откроют. Спроси отца Фортхилла.

Фиц скептически скривился.

— И что он для меня сделает?

— Для начала даст тебе теплое одеяло и горячей еды. Послушай, парень, я предлагаю здесь тебе самое лучшее. Фортхилл — порядочный человек. Потому он так и поступит.

Фиц скрежетнул зубами:

— Это не поможет мне вернуть пушки. Без них я не смогу вернуться. А если не смогу вернуться — не смогу вытащить моих корешей.

— Зайди, не бойся, — уговаривал я его. — Переговори с Фортхиллом. Перекуси. Если решишь, что тебе нужно вернуться и попытаться откопать свои железяки, у тебя еще полно времени до рассвета.

Фиц упрямо выставил вперед подбородок.

— Выбирай сам, парень, — сказал я. — Но разгуливать по такому морозу на пустой желудок вредно для здоровья. Сколько там у тебя пушек, семь? И большая часть — автоматы? Это будет фунтов сорок. А с рожками и всем прочим, считай, пятьдесят. Как думаешь, тебе удастся раскопать прихваченный морозом сугроб, достать оружие, погрузить его в сумку, а потом переть на себе почти час — в самое холодное время суток? Впроголодь? И чтобы тебе при этом не встретилось ни одного копа, которому обязательно захочется знать, что это парень твоего возраста делает поздней ночью, да еще с такой тяжелой сумкой?

Фиц сморщил нос.

— Ну хоть сандвич чертов съешь на дорогу.

В животе у Фица громко забурчало, и он вздохнул:

— Угу. Ладно.

Фицу пришлось ждать минут пять, пока ему открыли. И сделал это пожилой мужчина с кислой физиономией в тяжелом коричневом халате, отдаленно напоминавшем монашескую рясу. Его звали отец Паоло, и он очень много о себе мнил.

Фиц сказал, что ему нужно поговорить с отцом Фортхиллом и что это вопрос жизни и смерти. Ему пришлось несколько минут подкреплять свое заявление аргументами, и только тогда отец Паоло со вздохом впустил его в дом.

— Стой здесь! — строго велел Паоло, наставительно подняв указательный палец.

Фиц потоптался на месте и кивнул.

— Ясно, — сказал он и тут же сделал пробный шаг в сторону. Священник собирался уже выйти из прихожей, но смерил мальчишку взглядом, суровости которого позавидовал бы и кардинал.

Вообще-то нехорошо было подрывать авторитет Паоло гнусным смешком, но я не удержался. Очень уж все это получилось комично.

Не прошло и несколько секунд, как в прихожую вошел Фортхилл в темном халате поверх фланелевой пижамы. Обут он был в пушистые шлепанцы, а волосы вокруг тонзуры торчали под всеми мыслимыми углами. Глаза его без привычных очков немного слезились. Секунду-другую он подслеповато всматривался в Фица.

— Могу я чем-то тебе помочь, сынок? — поинтересовался он.

— Гарри Дрезден сказал, что можете, — ответил Фиц.

Фортхилл приподнял брови.

— А! Если так, идем-ка со мной.

Фиц огляделся по сторонам и кивнул:

— Угу.

Фортхилл махнул рукой и повел Фица по коридорам в скромно обставленную комнатку, служившую ему кабинетом и спальней. Площадью она не превышала десяти квадратных футов, и обстановка ее состояла из кровати, стола, стула и пары ламп. Фортхилл пригласил Фица войти и закрыл за ним дверь.

— Будь добр, садись, сын мой.

Фиц еще раз огляделся по сторонам и сел на стул. Фортхилл кивнул и присел на край кровати.

— Начнем сначала, — произнес он, хитро сощурившись. — Как лучше — чтобы начал разговор я, а ты смог бы вставить ехидный комментарий насчет католических свя-

щенников и педофилии, или ты сам начнешь разговор так, как считаешь нужным?

Фиц пару раз поморгал.

— Чего?

— Подобные комментарии сейчас в моде. Мне не хотелось бы лишать тебя возможности развлечься.

— А... Гм... Да нет, отче, все в порядке.

Фортхилл серьезно кивнул:

— Как считаешь нужным. Что ж, тогда, возможно, нам стоит побеседовать о твоих проблемах?

— Идет.

— Раз так, — продолжал священник, — не расскажешь ли ты для начала, когда Дрезден посоветовал тебе обратиться сюда за помощью?

— Э... — замялся Фиц и оглянулся, словно искал меня взглядом.

— Отвечай, — сказал я ему. — Скажи все как есть. Все в порядке.

Фиц сделал глубокий вдох, словно собирался броситься в омут.

— С полчасика назад, отче.

Брови Фортхилла сложились на лбу треугольником.

— Да?

— Ну... да, — подтвердил Фиц, беспокойно шаря взглядом из стороны в сторону. — Я... это... типа слышу умерших людей.

— Должно быть, это действует на нервы.

— Я не псих, — поспешно заявил Фиц.

— У меня и в мыслях ничего такого не было, сын мой, — заверил его Фортхилл.

Фиц подозрительно покосился на собеседника.

— Так вы мне верите?

Старый священник одарил его мальчишеской улыбкой.

— Мне хорошо известны сверхъестественные аспекты жизни нашего города — равно как и то, что последние месяцы шесть или около того улицы его сделались особенно опасны.

— Это... еще очень мягко выражаясь, отче, — сказал Фиц.

Священник кивнул.

— Уверен, твой личный опыт не из легких, — заметил он. — Не буду отягощать его еще и моим недоверием.

Фиц на мгновение прикусил губу.

— Угу.

— И еще мне известно, — продолжал Фортхилл, — что тень Дрездена продолжает принимать участие в наших делах. Я так понимаю, ты именно с ней разговаривал?

— Угу.

Фортхилл кивнул и обвел комнату взглядом.

— Он... Он ведь здесь, с тобой, верно?

— Ух ты! — восхищенно произнес я. — Очко в пользу Фортхилла.

— Угу, — со вздохом повторил Фиц. — Он... типа он болтает без умолку.

Фортхилл усмехнулся:

— Он вообще отличается... то есть отличался настойчивостью.

— Он и сейчас такой, — согласился Фиц.

— Ясно, — сказал священник. — Сын мой, уверен, ты сам понимаешь, какое сейчас опасное время. Боюсь, мне придется попросить этого... духа каким-нибудь образом доказать, что он действительно тот, за кого себя выдает.

Фиц устало посмотрел на священника, потом огляделся по сторонам.

— Вы слышали?

— Угу, — подтвердил я, подошел к противоположной стене и просунул сквозь нее голову. С той стороны находилось темное пространство, потаенная кладовая, в которой едва помещалось два небольших шкафчика. Про эту кладовую не знал никто, кроме самого Фортхилла, — до тех пор, пока мы с Майклом Карпентером не работали как-то раз на архангела; вот тогда я и видел, как он отпирает тайную дверку.

— Подойди сюда, — сказал я. — Постучи в стену, вот здесь. Фортхилл поймет, что это означает.

— Вот балда, — буркнул Фиц. — Я же не вижу, где вы стоите.

Я вздохнул:

— Ну хоть голос мой слышишь?

— Угу, — кивнул он. — Только он... ну типа бестелесный. Словно как ниоткуда.

Что ж, это было не лишено логики. Мой голос доносился до него не физически. Способность Фица ощущать духов проявлялась в том, что его мозг воспринимал мои слова как сигналы, получаемые органами слуха.

— Гм, ладно, — кивнул я. — Подойди к стене, дальней от входа — ты входил через дверь прямо на нее.

— Он пытается сказать мне, — объяснил Фиц Фортхиллу, — как доказать, что он не фальшивка. — Он встал со стула и пересек комнату.

— Отлично, — сказал я. — Положи руку на стену. Теперь иди направо. Еще чуть-чуть. Нет, немного назад. Вот так, теперь дюймов на девять вниз — и постучи сюда.

Фиц проделал все, как я сказал, и повернулся к Фортхиллу:

— Это вам что-нибудь говорит?

Старый священник задумчиво кивнул:

— Говорит. Очень даже говорит.

— Господи! — тряхнул головой Фиц. — Ох уж это старище...

Фортхилл улыбнулся:

— Что ж, сын мой. Ты и вправду так замерз и проголодался, как кажется?

Фиц попытался изобразить безразличие.

— Ну, поесть я, наверное, мог бы.

— А скажи, много времени прошло с тех пор, как ты в последний раз принимал горячий душ?

Фиц закатил глаза.

— Ну, если уж честно, я и не знаю, что это такое.

Фортхилл усмехнулся.

— Дрезден, — произнес он, обращаясь в пустое пространство. — Уверен, вы спешите и вас жестко поджимают сроки, но я не буду иметь с вами дела, пока не удостоверюсь, что с мальчиком все в порядке. — Он повернулся к Фицу: — Вот за этой дверью моя ванная. Там есть душ. Под раковиной стоит картонная коробка, а в ней кой-какая одежда. Я держу ее там как раз на случай вроде этого. Не стесняйся, бери любую.

Фиц глазел на него, недоуменно хмурясь.

— Э... Хорошо.

— Вымойся, — продолжал Фортхилл тоном, не терпящим пререканий. — Пока ты будешь мыться, я пойду соображу что-нибудь поесть. Тебе чай или какао?

— Э... — пробормотал Фиц. — Наверное, какао.

— Замечательный выбор, — кивнул Фортхилл. — С твоего позволения... — Он повернулся и вышел из комнаты.

Фиц сразу же принялся изучать обстановку.

— Сомневаюсь, чтобы здесь многим можно было пожить, — заметил я. — Материальные блага заботят Фортхилла очень мало.

— Да вы шутите? Вы только посмотрите. Одежда, простыни. — Он заглянул под кровать. — Одних шузов три пары. На порядок больше, чем у всей моей команды. Зеро — так тот вообще ходит в четырех парах носок и шлепанцах.

— Этот парень предлагает тебе еду и одежду, — сказал я. — И ты всерьез хочешь его ограбить?

Фиц пожал плечами:

— Тут не до жиру, быть бы живу. Я так живу. Все так живут. Ничего личного. — Он заглянул к Фортхиллу в гардероб, в котором висело от силы полдюжины предметов одежды, и покачал головой. — Эх... Он наверняка заметит, если я возьму чего. — И он покосился на дверь ванной.

— Ступай, — посоветовал я. — Дверь за собой можешь запереть. Поверь мне, сынок, Фортхилл из породы хороших людей.

— Вас послушать... — буркнул Фиц. — Хороших не бывает. Или плохих. Просто люди.

— Вот тут ты ошибаешься, — возразил я.

— Слыхали мы эту песню. Те, кто хочет тебя использовать, всегда говорят, что они хорошие. Вот и вы из таких, верно?

— Ха! — хмыкнул я. — Я — нет. Я заносчивая задница. Но я знаю, на что похожи хорошие люди, и Фортхилл как раз такой.

— Да ладно вам, — сказал Фиц. — Ладно. Я не мылся две недели. Если я попрошу не лезть за мной следом, вы послушаетесь? Или мне и там слушать вашу болтовню?

— Извини, Фиц. Ты не в моем вкусе.

Он фыркнул, зашел в ванную и запер за собой дверь. Спустя пару секунд я услышал, как зашумела за дверью вода.

Я постоял еще немного в комнате священника. Все здесь было просто, скромно, удобно и недорого. Плед, накрывавший постель, выглядел так, словно его выткала мать Фортхилла, когда тот собирался поступать в семинарию. У изголовья лежала Библия в изрядно потрепанном переплете.

Я покачал головой. Ну конечно, меня не то чтобы показывали по Эм-ти-ви в разделе светской хроники, но даже у меня пожитков было больше, чем у отца Фортхилла. Как может человек жить, довольствуясь столь малым? Лишенный чего-либо постоянного, чего-либо такого, что он мог бы оставить за собой... Чего-либо такого, что вообще напомнило бы людям о его существовании.

Наверное, решил я, такие люди вообще мало заморачиваются вопросами собственного существования. Чужие жизни волнуют их куда больше, чем собственные, — настолько, что эту свою жизнь, на деле не менее преходящую и бесценную, чем любая другая, они целиком посвящают служению вере и людям. Без лишней шумихи, лишние славы и почестей.

Фортхилл и люди, подобные ему, живут со своей паствой, поэтому изжить воспоминания о том, чего они сознательно себя лишили, им не удастся никогда. При всем при этом он никогда не требовал к себе особого внимания, тем более жалости или сострадания. Как тяжело для него, должно быть, навещать огромную, полную любви семью Карпендеров — ему, прекрасно знающему, что своей семьи у него не будет никогда... Задумывался ли он вообще когда-нибудь о том, как могла бы сложиться его жизнь, будь у него семья? Дети? Как знать...

Наверное, это и есть настоящее самопожертвование.

Я застал Фортхилла на церковной кухне; он готовил обед из того, что осталось от дневных трапез. В свое время, когда эта церковь служила прибежищем мне, меня угощали сэндвичами. Фиц заслужил обеда капитальнее. Горячего

супа, пары сэндвичей с индейкой и тунцом, печеной картошки, половины кукурузного початка и маленькой миски салата.

Стоило мне войти на кухню, как Фортхилл застыл и чуть улыбнулся в никуда.

— Привет, Гарри, — произнес он. — Если это, конечно, вы.

— Это я, отче, — ответил я. Ясное дело, он меня не слышал, и я прекрасно это осознавал, но не мог же я просто так не ответить... Как-то невежливо получилось бы.

— Сегодня вечером у меня вышел непростой разговор с Кэррин, — продолжал Фортхилл. — Она сказала, что вы нашли тех, кто обстрелял ее дом накануне ночью. И что вы хотели бы, чтобы мы им помогли.

— Я понимаю, — вздохнул я, — это выглядит безумием, но...

— Мне кажется, для Кэррин это и впрямь представляется безумием, — кивнул Фортхилл. — Однако я считаю, что ваше сострадание заслуживает уважения. Насколько я догадываюсь, мальчик — один из членов той шайки.

Он кончил возиться с едой и повернулся более или менее лицом ко мне.

— Не беспокойтесь. В мои намерения не входит впутывать в эту ситуацию мисс Мёрфи — по крайней мере в ближайшее время. С тех пор как вас убили, ее суждения не отличаются особой объективностью, и по мере того как обстановка обостряется, это становится все хуже.

Я немного расслабился.

— Я так и надеялся.

— Мальчик может пока здесь остаться. Я с ним переговорю. Уверен, он посвятит меня в подробности своего положения. А после этого я поступлю так, как подскажет мне моя совесть.

— О большем я вас и не прошу, отче, — кивнул я. — Спасибо.

Он взял со стола деревянный поднос с приготовленной для Фица едой и ненадолго задержался.

— Жаль, что мы не можем поговорить по-настоящему. Мне было бы интересно узнать, что вы испытали. Наверняка

это совершенно захватывающая история. Самые основы Созидания-Смерти...

— Ох нет, — буркнул я. — Всякие загадки вовсе не кончатся и по ту сторону. Просто еще больше возни с бумагами.

— А еще мне представляется интересным то, что вы находитесь здесь, на освященной территории, — продолжал Фортхилл. — Насколько я помню, последний дух, который пытался войти в эту церковь, не смог даже коснуться ее стен, не то чтобы переступить порог. Что бы это значило? — Он вежливо, пусть и в не совсем верном направлении склонил голову и вышел.

Хороший вопрос, подумал я, — насчет духа и освященной территории. Когда Леонид Кравос, он же Кошмар, явился сюда убивать укрывавшуюся здесь мою клиентку, войти ему так и не удалось. Единственное, на что его хватило, — это причинить с досады ущерб в несколько тысяч долларов окружению и благоустройству.

А ведь как тень Кошмар был на прядок сильнее меня в моем нынешнем состоянии. Тогда какого черта я ощущал себя здесь как дома, тогда как ему повезло не больше, чем Большому Злому Волку у дома Наф-Нафа?

— Ладно, сделаем зарубку на память, — сказал я себе. — Тайнственными аномалиями займемся после. А пока надо помочь друзьям.

Время от времени я даю себе отличные советы. Случается, я даже к ним прислушиваюсь.

Самое время было навестить Серое Привидение и его Капюшонов.

ГЛАВА ДВАДЦАТАТЬ СЕДЬМАЯ

Я направлялся к Капюшонам, держа в голове несколько важных обстоятельств.

Обстоятельство первое: сами по себе Капюшоны не способны причинить мне никакого вреда.

Обстоятельство второе: я тоже не мог сделать с Капюшонами ничего. То есть — вообще ничего.

Обстоятельство третье: судя по всему, руководило Капюшонами Серое Привидение — тот самый дух, что при нападении на дом Морти как семечками разбрасывался молниями. Из этого следовало, что Серое Привидение является тенью человека, обладавшего как минимум способностями заклинателя, и хотя я в общем-то мало сомневался в том, что смогу выстоять против него, если буду готов к нападению, но застань оно меня врасплох, и я закончу тем же, чем сэр Стюарт, — и быстрее, чем вы успеете сказать «ку-ку».

Обстоятельство четвертое: вокруг Серого Привидения постоянно ошивается шайка лемуров. В то время как мое агрегатное состояние не позволяет мне воздействовать на живых, по отношению к лемурам и им подобным мои заклятия остаются чертовски эффективными. В поединке один на один все преимущества были бы на моей стороне, однако скорее всего они навалятся на меня всем скопом, а возможно, попробуют прежде измотать меня, напустив сперва армию духов.

Обстоятельство пятое: если Серое Привидение командует смертными сектантами, те могут принять и собственные меры защиты от призраков. Меня могут поджидать ловушки в виде заговоренных кругов. Меня могут поджидать обереги или другие магические барьеры. Или опасные для здоровья духа вещества вроде антипризрачного порошка. Если я вступлю туда в благостном и безмятежном настроении, я могу напороться на серьезные неприятности.

Обстоятельство шестое: мир велик, и потусторонних существ в нем несть числа, а призраки составляют лишь мизерную их часть. В конфликт запросто может вмешаться и кто угодно другой. Если, блин, уже активно в нем не участвует.

— Держи ухо остро, Дрезден, — наказал я себе. — Даже допускать не смей, что это ограниченная, локальная проблема. Очень даже велика вероятность того, что она является частью другой, куда более крупной и сложной.

Что ж, если моя загробная жизнь хоть чем-то напоминает земную, последнее предположение имело хороший шанс сбыться.

И наконец, предположение седьмое и последнее: рано или поздно, черт подери, я начну накладывать небольшие взыскания на тех, кому их давно уже пора огрести.

Я воскресил в памяти несколько ярких воспоминаний о том, как я именно этим и занимался. Образы насилия, огня и отвратительных врагов, яркие и отчетливые на грани реальности, мелькали у меня в голове. За ними последовали сопутствующие эмоции, однако они оказались чуть более приглушенными, далекими, и это позволило мне обработать, рассортировать их.

В первую очередь, само собой, гнев. Гнев на тварей, которые пытались напасть на невинным людям или моим друзьям. В минуты смертельной опасности этот гнев служил мне и оружием, и защитой. Он был со мной всегда, и его проявления почти всякий раз оказывались очень кстати: правда ведь, лучше быть тем, кто полон гнева, а не тем, кто полон страха. Однако видеть гнев в воспоминаниях оказалось совсем другим делом; мне даже сделалось немного не по себе. «Гнев» — слово, которое мы используем вместо «злости», когда та разгорается по правому делу, однако красивее или лучше она от этого не становится и восхищения уж точно не заслуживает. Это все та же злость. Свиристая, опасная злость, по смертоносности своей не уступающая выпущенной пуле. Просто это пуля, которой посчастливилось быть выпущенной в нужную сторону.

За ней следовал страх. Постоянный страх. Не важно, насколько лично вы храбры. Когда кто-то или что-то пытается вас убить, вам становится страшно. Это чисто рефлекторная, возникающая помимо вашей воли эмоция. Ее нельзя отменить. Храбрость — это умение действовать, несмотря на страх, вопреки инстинктам, которые советуют вам бежать или, наоборот, целиком отдаться порожденному страхом гневу. Храбрость — это способность использовать мозги и сердце, когда каждая клетка вашего тела буквально вопит об опасности, а потом действовать так, как велит вам совесть.

Белый Совет клеймил меня за чрезмерное вмешательство в деяния сверхъестественных злодеев, и хотя я не настолько самонадеян, чтобы приписывать все проблемы нашего мира моим ошибкам, некоторая доля истины в этом

все-таки есть. У меня свои счета и со злодеями, и с официальными лицами. И я не собираюсь стоять сложа руки, когда те, кто слишком слаб, чтобы себя защитить, становятся жертвами.

Вот только какую часть этого составляет отвага, а какую — то, что я полагаю праведным гневом, позволяющим мне не замечать своего страха? По мере того как одно воспоминание сменялось другим, я снова и снова видел себя, бросающегося очертя голову в огонь, — порой для того, чтобы помочь кому-то, нуждавшемуся в моей помощи, порой для того, чтобы убить кого-то, кого стоило убить. Накатывавшие на меня вихри эмоций толкали меня вперед, питали энергией мою магию, а еще — не раз и не два — помогали мне выжить в ситуациях, в которых это иначе не удалось бы.

Жаль только, в тех случаях, когда мною двигал адреналин, я редко останавливался обдумать последствия моих действий. Когда я спас Сьюзен из лап Бьянки и Красной Коллегии, я тем самым нанес глубочайшее оскорбление всей вампирской расе. Когда граф Ортега вызвал меня на дуэль с целью восстановить честь Красной Коллегии и остановить угрожавшую ее существованию войну, все это закончилось жутким мочиловом, а я и в голову не брал, что ситуацию можно было повернуть как-то по-другому. В результате чародей по имени Эбинизер Маккой — мой дед, кстати, — обрушил на цитадель Ортега старый русский спутник, стянув его с орбиты. В живых не осталось никого. А потом Арианна, вдова Ортеги и дочь короля Красных, развязала мести ради полномасштабную войну.

Мсть Арианны выразилась в виде убийства приемной семьи моей дочери и в похищении ее самой. Как только об этом узнала Сьюзен, она связалась со мной. И опять я, не раздумывая, ринулся в пекло.

Ничего этого не обязательно было происходить. Ну конечно, я не единственный, чьи действия привели к этой цепочке событий. Но как-то так получалось, что я с завидной регулярностью оказывался на острие событий, необратимо влияя на их развитие. Мог ли я поступить как-то по-другому? И вообще можно ли это понять сейчас?

В своих воспоминаниях я снова убивал Сьюзен Родригес.

Говорят, время исцеляет все раны. Не знаю откуда, но в одном у меня имеется твердая уверенность: от этой раны мне не избавиться никогда. Ну конечно, по моей шкале времени с тех пор прошло всего несколько дней, так что эти события оставались для меня болезненно свежими. Но вряд ли время поделает что-то с тем, что я совершил. Да что там, точно не поделает ничего.

Мне отчаянно хотелось как следует врезать Серому Привидению и его веселой шайке теней. Врезать по полной, чтобы они испытали на себе тот огонь, что жег меня изнутри. Мне хотелось растереть их в труху.

Однако...

Однако, возможно, мне стоило бы чуть помедлить. Подумать. Возможно, мне стоило бы отринуть и гнев, и страх, и желание выносить двери и сметать всех, кто окажется у меня на пути. Действовать умнее. Хитрее. Ответственнее.

— Тебе не кажется, что ты немного поздно ватся за ум, а, приятель? — спросил я себя.

Нет. Учиться никогда не поздно. Прошлого уже не изменить, ни одной мелочи. Изменить мы можем только будущее. И единственное, с помощью чего мы можем выстраивать будущее, да и настоящее тоже, — это уроки прошлого.

И почему, скажите, мне так хотелось драться?

— Вот тебе мыслишка, гений, — заметил я сам себе. — Возможно, это имеет какое-то отношение к Мэгги.

Мэгги. Моя девочка. Мне никогда не увидеть, как она вырастет. Мне не наблюдать за ее пробуждающимися способностями, мне не наставлять ее, мне не давать ей выбрать, какой станет ее будущая жизнь. Мне не услышать, как она поет, не увидеть, как она ходит ряженная на Хэллоуин, не дарить ей подарков на Рождество. Никогда, никогда...

И вот тогда, в какой-то момент этого захлестнувшего меня урагана боли и сожаления, из всех клеточек моего эфемерного тела вырвался огонь. Свирепый красно-золотой огонь. Поначалу он не жег, но уже через несколько секунд мне сделалось неуютно, а он все разгорался и начинал причинять реально ощутимую боль. Я стиснул зубы, накрепко

зажмурился и заставил себя мыслить внятно, пытаясь заместить ярость холодной, уверенной логикой.

Прошло еще несколько секунд, и огонь стих. Я медленно открыл глаза и увидел обугленные отметины на плаще и дватри волдыря на открытых местах кожи. Из них сочились капли прозрачной эктоплазмы.

— Что ж, будем знать, — пробормотал я. — В случаях, когда дело касается Мэгги, у тебя, Гарри, могут возникнуть проблемы с гневом.

Ха. Кто бы мог подумать.

— У меня в кармане нож, — пропел я. — Меня так просто не возьмешь. Свет на сцену, мальчики!

«Куплеты? Правда? Мало того, что ты начал разговаривать сам с собой, ты еще и представление устраиваешь?»

Впрочем, идея музыкального представления мне понравилась.

— Разыграем это со вкусом, — прошептал я. — Чтобы вышло круто.

К логову Капюшонов я подбирался медленно и осторожно. Можно даже сказать, чрезмерно осторожно. Я обходил это место со всех сторон (в том числе и сверху) по сложной спиралевидной траектории, с каждым витком приближаясь к нему совсем на чуть-чуть. Все это время я прикрывался завесой. Для призрака это оказалось ничуть не легче, чем для живого, а я никогда не считал себя лучшим в мире специалистом по завесам, но мне все же удалось сделать если не абсолютно невидимым, то хотя бы малозаметным.

Я пришел сюда не для боя. Я пришел на разведку. Морти нуждался в моей помощи, но вряд ли лучшим способом помочь ему было бы ворваться сюда разъяренным носорогом. Знание — сила. Если я хотел помочь Морти, мне необходимо было как можно больше силы.

Проблема заключалась в том, что Серое Привидение скорее всего собрало под свои знамена сторонников из обоих миров: и духовного, и материального, — а биться с громилами, случись им быть созданиями из смертной плоти, я не мог. Я не мог обойтись без помощи. Возможно, мне и удалось бы еще раз запрыгнуть в Морти и прорваться на

волю, но это предполагало в первую очередь то, что Морти меня пустит. В первый раз, помнится, это ему чертовски не понравилось. А еще это предполагало то, что Морти окажется не связан и в физическом состоянии, позволяющем бегство, и то, что я смогу нейтрализовать его материальных тюремщиков. Ни того ни другого положение вещей не гарантировало.

Я надеялся, что предположение Ника верно. Я надеялся, что он правильно определил нехороших парней, и я верил в его знание чикагских улиц. В конце концов, он всю свою жизнь ходил по ним и остался при этом в живых — тут поневоле станешь экспертом. Сама чикагская полиция — особенно отдел по борьбе с организованной преступностью — обращалась к нему иногда за консультациями. Случалось, он даже отзывался на их просьбу.

Однако любой эксперт может ошибиться. Если у Серого Привидения достанет сообразительности прятаться отдельно от своих материальных помощников и если оно держит Морти при себе, я просто впустую потрачу уйму драгоценного времени. Но как ему удалось бы создать такое убежище без чьей-либо физической помощи? Ну конечно, если он достаточно силен, то вполне мог обустроить себе небольшое владение в Небывальщине — в мире духов. Как-то мне случилось иметь дело с призраком по имени Агата Хэгглторн, так та создала себе целое небольшое измерение с копией Чикаго викторианской эпохи.

(Эта копия сторела.)

(Я в этом не виноват.)

Так или иначе, обладает ли Серое Привидение такими ресурсами, я мог лишь гадать. Вполне возможно, в качестве убежища от таких напастей, как восход, дневной свет и ставших нематериальными чародеев, ему хватало одного-единственного подземелья.

Я немного постоял, размышляя. Мне пришло в голову, что и мне никто не мешает создать свое собственное владение. То есть в чистой теории я знал, что такое вполне возможно. Разумеется, теория и практика — совсем не одно и то же, что в магии, что в физическом мире, но разрыв между ними вполне преодолим. Нет, я положительно не сомневал-

ся в том, что это реально. Может, мне удастся уговорить Баттерса одолжить на несколько минут Боба. Уж он-то точно знает, как это проверить.

Вот только на что это будет похоже? То есть в теории-то я мог бы сотворить практически все, что пожелается. Не сомневаюсь, существует какая-то формула, увязывающая количество энергии с размерами и сложностью, но при желании я мог бы сотворить себе подобие Тадж-Махала... ну или там аркад дворца Аладдина, знакомых мне по тем временам, когда магические способности еще не мешали мне резаться в видеоигры. Или я мог бы выстроить себе особняк. При желании я мог бы даже создать себе кого-то вроде иллюзорного дворецкого.

Я вздохнул. Боб, не сомневаюсь, предложил бы мне в первую очередь целую стайку иллюзорных французенок-горничных на шпильках. Это только в первую, а на что хватит его фантазии по более детальном размышлении, мне страшно даже подумать.

В конечном счете среда, устраивающая лично меня, свелась бы либо к ресторану «Бургер кинг», либо к моей старой квартире. Той, которая сгорела вместе со всей моей жизнью.

Мне почему-то сразу расхотелось мечтать о личном королевстве.

— И прекрати тратить время попусту, — наказал я себе.

Я выкинул из головы все эти мысли и продолжил обход клуба Капюшонов, вынюхивая любой намек на возможные магические заграждения; скорее всего в подобных ситуациях ограничиваются заговорами-сигнализацией, но я вынужден был исходить из того, что призрак-заклинатель способен на такие же разрушительные заклятия, как и живой. Я мог напороться на что угодно — от злобенького часового до магического эквивалента противопехотных мин направленного действия.

Блин, мне ведь приходилось иметь дело с вампирским логовом, подходы к которому прикрывались самыми настоящими «клейморами». Неприятные игрушки. Что ж, значит, мне надо высматривать еще и физические заграждения — на случай если придется вести сюда на дело Мёрфи или ее команду.

— На операцию, — поправил я сам себя. — Звучит круче, если называть это операцией. — Не убирая завесы, напрягая все свои магические чувства, я подбирался все ближе. — Мёрфи бы точно назвала это операцией.

Вход в убежище находился именно там, где сказал Ник, — под пешеходным переходом, за железной дверью, которая когда-то вела в старый склад. Я не обнаружил следов магии непосредственно у перехода, и в этом имелась определенная логика. Если бы я устраивал у собственного убежища магическую сигнализацию, я бы приложил все усилия к тому, чтобы размещать ее в местах, где ее не будет уничтожать каждое утро рассвет.

Для того чтобы заклятия продержались дольше дня или двух, требуется затратить немалые усилия. Как минимум вам придется найти какой-нибудь материальный объект, способный хранить энергию заклятия. В принципе таким объектом может послужить почти любой предмет, и чародеи частоенько пользуются для этого тем, что найдется у них в кармане. Возможно, отсюда и пошли истории о заговоренных веретенах, гребнях и зеркалах.

Гораздо чаще магическая энергия заключается в вырезанных или нарисованных символах. Помнится, мне как-то раз пришлось арендовать складскую ячейку на случай, если дела пойдут совсем паршиво. Я наложил на стены, пол и потолок добрую сотню маленьких заклятий, и все они заключались в разноцветных пятнышках краски. Именно краска удерживала энергию, защищая ее от солнца, но готовая выстроить защитное поле при малейшем прикосновении враждебной магии.

Однако защитные заговоры тоже требуют ухода. Их надо регулярно подпитывать энергией, которая в свою очередь тоже должна защищаться от солнца. С простыми убойными заклятиями вроде моих оберегов, действовавших наподобие минных полей, возни меньше. Однако перед входом в убежище я таких не обнаружил, что неудивительно. Мало кто устроит пикник под мостиком пешеходного перехода, но это все-таки Чикаго, и мало ли кто случится здесь на протяжении дня. Обутленные трупы совершенно случайных людей наверняка привлекли бы к себе внимание властей, а может,

и Белого Совета. Серое Привидение не производило впечатления идиота. У входа не оказалось ни одной смертоносной западни, на которую мог бы напороться какой-нибудь случайный прохожий или бомж.

Я тоже не стал бы ставить их здесь. Гораздо умнее разместить сигнальные заклęcia под землей — достаточно глубоко, чтобы массив земли защитил их от разрушения.

Серое Привидение было умно. Да, футах в пятнадцати или двадцати ниже все обещало сделаться интереснее, гораздо интереснее.

Я завершил последний виток и переместился к двери. Там я осторожно вытянул руку вперед, остановив ладонь в каком-то дюйме от металлической поверхности. Что-то такое едва заметное там ощущалось — словно притяжение старого, совсем уже слабого магнита. Я нахмурился и сосредоточил на этом все свои чувства. Такого магического построения я еще не встречал.

Оно действовало на подсознание, посылая какие-то приглашающие сигналы, — я бы ни за что не заметил их, не ищи я специально чего-то в этом духе. Сигналы почти терялись в фоновых энергетических потоках города и его обитателей. Я вытянул руку чуть сильнее и коснулся потока энергии, ровно струившегося наружу. Кожу чуть зашипало, и от этого ощущения я невольно поежился.

Играть с незнакомой магией неразумно. И потом у меня имелись и другие дела. Я опустил руку и шагнул в направлении источника едва слышной музыки, которая в какой-то момент начала играть у меня в голове. Тянуть время, оставаясь на поверхности, все равно не имело больше смысла. А еще — этой песни я раньше не слышал, а подпевать почему-то мог. Я начал мурлыкать ее себе вполголоса и...

...и застыл, едва не врезавшись носом в стальную дверь.

Меня разом прошиб холодный пот.

Блин-тарарам! Возможно, эта магия и не отличалась особой силой, зато изощренности в ней хватало с лихвой. Всего через несколько секунд после того, как я ее коснулся, я едва не ввалился в дверь, слепо и бездумно — прямо навстречу тому, что приготовили здесь для непрошенных гостей.

Не знаю, что именно меня там ожидало, но уверен, что не корзинка с подарками и бутылью вина.

Я отступил на шаг от двери и действующего наподобие призывных песен сирен заклатья. Еще чуть-чуть, и я вполне мог бы номинироваться на премию Дарвина. Меня могло разнести на части, как это делали обереги у моей квартиры... Впрочем, скальпель вскрывает артерии ничуть не менее эффективно, чем меч. А в отдельных случаях даже эффективнее. Я поежился, зябко охватив себя руками.

Это заклятие явно складывал не новичок и не заклинатель-самоучка, экспериментирующий с магией, которую он откопал в каком-нибудь букинистическом магазинчике. Такое не под силу никому, кроме настоящего профессионала, обладающего многовековым опытом.

Возможно, более искушенного в магических делах, чем я сам.

Поймите меня правильно: я мастак своего дела. Когда речь идет о поединке заклятий, мои окажутся едва ли не самыми быстрыми и разрушительными — самыми разрушительными на планете. Я вроде Великана Андре сверхъестественного мира. Силищи у меня хватает.

Вот только Андре хорошо иметь в союзниках, когда вам противостоит кучка забияк из таверны. Однако в ситуации посложнее он ничего бы не смог поделаться с профессионалами, которые, уступая ему в физическом отношении, умели бы использовать свою силу на порядок эффективнее. Отличным примером бойца такого рода можно считать Мёрфи. Ростом от горшка два вершка, она не раз и не два швыряла у меня на глазах здоровенных, весом в три сотни фунтов мужиков с такой легкостью, словно это неразумные щенята.

Если это заклятие — дело рук самого Серого Привидения, мне крепко повезло, что я остался жив после нашей первой встречи. Умнее всего было бы схитрить. Если дело дойдет до честного поединка, боюсь, противник окажется мне не по зубам.

Я ощутил загравком холодное прикосновение потусторонних энергий и, оглянувшись, увидел приближавшихся духов. Они стекались к двери со всех сторон — неспешно, но неумолимо, стройными рядами. Теперь до меня дошло на-

значение призывного заклятия. Его складывали вовсе не для обороны, хотя и такая функция его не исключалась. В первую очередь оно служило маяком, гонгом на обед, созывавшим надвигавшуюся толпу.

Не задерживаясь, не ускоряя и не замедляя движения, духи скользили вперед и, оказавшись у самой двери, по два, по три просачивались сквозь сталь внутрь.

Я лихорадочно размышлял, прикусив губу. Серое Привидение не убивало духов. Оно их каким-то образом использовало. По крайней мере в данный конкретный момент дверь не охранялась. Ну не могла она охраняться, или же Серое Привидение убивало бы свое собственное воинство, впустую расходуя время и энергию.

Что ж, вполне возможно, я мог бы этим воспользоваться. Входящие духи почти наверняка направляются по огороженному проходу в какой-нибудь загон. Путь их передвижения по подземелью скорее всего свободен от рассчитанных на потустороннее вторжение ловушек. Я вполне мог нырнуть внутрь, поискать уязвимые места в обороне, а потом наскоро пробежаться по штаб-квартире Серого Привидения в поисках Морти.

Прошло почти полчаса, прежде чем тянувшаяся мимо меня процессия подошла к концу, и все это время поток духов не прерывался ни на мгновение. Я пытался считать их, дошел до четырехсот пятидесяти и бросил это занятие. Это была не толпа духов — скорее я назвал бы это чертовой ордой. Приди одному из духов в голову слопать меня, и потребовалось бы истинное чудо, чтобы поделить меня на количество частей, достаточное на всю его застольную компанию.

Похоже, моя завеса более или менее защищала меня от их внимания; впрочем, с таким же успехом это могло происходить за счет действия призывного заклятия. Опыт нашептывал мне, что стоит заклятию смолкнуть, и все они запросто обернутся на меня, а потом все будет напоминать свалку борзых, разом навалившихся на зайца. Только самый отъявленный глупец мог разгуливать по незнакомым подземельям рядом с подобной угрозой.

— И я, Гарри Дрезден, — вздохнул я, — и есть тот глупец.

Я подождал, пока последний дух нырнет сквозь дверь, потом сосчитал до двадцати. Во рту пересохло. Страх клубился у меня в животе и сползал к ватным коленкам. Пальцы слегка дрожали.

Я напомнил себе, что все эти духи — всего лишь сгустки воспоминаний, не способные причинить мне существенно-го вреда.

А потом стиснул зубы и последовал за ними.

ГЛАВА ДВАДЦАТАТЬ ВОСЬМАЯ

Проскользнув сквозь стальную дверь, я нырнул в царившую за ней черноту. Я постоял немного, пока глаза не начали разбирать окружение, а потом осторожно двинулся вперед.

Примерно через два или три фута я прекратил изображать из себя Скуби-Ду и просто пошел дальше. Просто так, вразвалочку. Ведь я же не мог наступить на сухую ветку или опрокинуть пустую канистру, вообще шуметь не мог, верно? Когда ты призрак, у тебя и проблемы другие: производить шум можно не бояться, главное — чтобы тебя не увидели.

Тем более никто, кого могло бы обеспокоить мое присутствие, не станет полагаться на слух.

Я напряг свои чародейские чувства.

Под чародейскими я имею в виду что-то вроде чувств, скажем, паука. Обостренное осязание паука дает ему знать о приближении опасности, но оно же извещает его о добыче. Чародейское чутье такого, конечно, не может (хотя, полагая, как следует потренировавшись, можно добиться и чего-нибудь в этом роде). Зато оно помогает распознать присутствие чужой магии — как естественных ее потоков, так и искусственно наведенных. И вам не надо для этого специально сосредотачиваться — для любого, обладающего нашими способностями, это естественное свойство.

Теория, которую я слышал чаще всего, утверждает, что способность к восприятию подобных энергий позволяет сделаться чародеем почти любому — при условии, что он

сможет использовать их в своих целях. При том же, что человек, не обладающий такими способностями, тоже в чистой теории может обучиться магии, для него это может оказаться не легче, чем слепому — обучиться живописи.

Так вот, я напряг эти свои чувства, частично заблокировав менее важные, физические, с целью выявить поблизости наличие магии. Чего-чего, а магии здесь хватало. Дверь вела на бетонную лестницу, уходившую глубоко под землю, и практически на каждой ступени стояли свечи и темнели магические символы. Дремлющая в краске энергия почти не выдавала присутствия чернокнижных заклятий, но они там все-таки имелись: я видел их слабое свечение. Энергия призывного заклятия не слабела. Чисто подсознательно я решил интерпретировать ее как звук — наверное, потому, что продолжал слышать ее ритмичное уханье словно из огромного сабвуфера.

Я спускался по лестнице, продолжая ощупывать своими чувствами ступеньку за ступенькой. То, что казалось невинными, почти лишенными магии каракулями, могло содержать в себе что-то гораздо более мощное и опасное, хотя пока такого не происходило. Я беспрепятственно одолел два марша.

Внизу лестница открывалась в прямоугольное помещение, явно служившее прежде чем-то вроде электрощитовой. Точно так же не оставалось сомнений в том, что комнату давно уже не использовали по прямому назначению. Большие стальные шкафы и остекленные шкалы приборов покрылись пылью и ржавчиной. Здесь оккультной писанины сделалось больше; фразы обрывались и соединялись друг с другом самым причудливым образом, словно кто-то писал стихотворение на незнакомом ему языке, вырывая для этого фрагменты текстов из словаря.

И все эти знаки несли в себе заряды той же энергии, что и на лестнице. Капюшоны явно обладали некоторыми магическими способностями, что вполне вписывалось в общую картину, в которой Серое Привидение вербовало себе в помощь смертных для...

...для той пакости, что оно задумало, в чем бы та ни заключалась.

Только все-таки что это за пакость оно — или он, или она — задумало?

То есть я знал, что Серое Привидение напало на дом Морти. Только зачем? Зачем ему вообще было захватывать Морти? Ну, конечно, коротышка-эктомант мог бы стать серьезной занозой в заднице для того духа, которому захотелось бы играть в Чикаго более заметную роль, но очень уж какой-то мелкой фигурой казался Морти — с учетом амбиций Серого Привидения. Или это не он являлся главной мишенью? Тогда кто?

В дальнем конце помещения зияло отверстие с неровными краями — казалось, его пробили кувалдами. За ним виднелся туннель — вход в собственно Нижний Город.

Из туннеля донесся полный боли вопль — кричал, судя по всему, мужчина.

Я едва не сорвался на бег, но совладал с порывом. Бездумная беготня — неплохой способ добиться того, чтобы тебя утробили. Тем более утробили повторно. Вместо этого я продолжал шагать по вырубленному без особого внимания к качеству работ коридору. Здесь царили холод и сырость, так что повсюду темнели пятна плесени. Я отделался от мыслей о том, какие запахи били бы мне сейчас в ноздри, и продолжал скользить вперед, стараясь не проглядеть ловушки, а еще прилагая все усилия к тому, чтобы ноги мои двигались не в такт уханью призывного заклятия.

По дороге я миновал несколько пустовавших альковов, явно служивших личными покоем Капюшонам. В каждом лежал на полу тюфяк или надувной матрас, застеленный чем-то вроде постельного белья, только покрытого плесенью. Обстановку дополняли ящик или пара мешков, как я предположил, с личными пожитками. Стены здесь тоже покрывали магические знаки, дополнявшиеся надписями вроде: «ЛЮДИ-ЯЩЕРИЦЫ УЖЕ ЗДЕСЬ! ПРОВЕРЬ, НЕ СЛЕДЯТ ЛИ ОНИ ЗА ТОБОЙ!» В двух или трех альковах обнаружили и обитатели; их массивные тела угадывались под отсыревшими одеялами, и до меня доносился храп.

Спустя минуту или две проход открылся в освещенное факелами помещение размером с хоккейное поле. Проем располагался почти у самого потолка, и вниз от него вели

вырубленные в стене ступени, по которым я мог бы спуститься — но не стал, поскольку весь подземный зал был сплошь забит нехорошими парнями. Я поехал и на всякий случай проверил, действует ли еще моя завеса.

Басовое уханье заклęcia грохотало здесь во всю мощь; исходило оно из вырубленного в полу отверстия диаметром примерно десять футов; дна его я со своей точки не видел. Зияющий проем окружали магические формулы на порядок сильнее тех, что встречались мне по пути сюда; с каждым ударом невидимого барабана они вспыхивали зловещим багровым светом.

Яма была доверху заполнена духами.

Их масса клубилась в ней ровным, неумолимым водоворотом — казалось, это варится в огромном котле какой-то суп; из этого неясного варева время от времени всплывало на поверхность что-то, в чем можно было угадать человеческую анатомию. Теперь до меня доносился и их беззвучный крик, жуткий, пульсирующий в такт с барабанным боем.

Тут и там в помещении виднелось с пару дюжин лемуров. Почти все они откинули капюшоны — лишенные своей пугающей безликости, они походили на обычных людей. Некоторые стояли, некоторые сидели. Небольшая группа играла в карты. Остальные просто неподвижно смотрели в пространство.

У ямы с духами собралась группа Капюшонов. Все за исключением двух стояли на коленях, громко распевая какой-то варварский напев. Время от времени все словно по команде низко кланялись и хлопали в ладоши. Над ямой возвышалась виселица, сделанная, похоже, из старого баскетбольного столба со щитом; двое оставшихся Капюшонов удерживали нижний конец веревки.

На другом ее конце болтался над ямой Морти, обнаженный до пояса и спеленатый веревками, как попавшая в паутину муха. До меня доносилось его сдавленное всхлипывание.

Прямо перед ним парило в воздухе Серое Привидение. Оно словно стояло на невидимой плоскости и медленно перемещалось по кругу, оставаясь напротив лица Морти. Фигура его наводила не меньший ужас, чем при нашей первой

встрече. Оно заговорило, и голос у него оказался текучий, спокойный — и, несомненно, женский.

— Вам совершенно не обязательно подвергать себя этому, Мортимер, — произнесло Серое Привидение. — Мне не доставляет удовольствия причинять кому-либо боль. Покоритесь. Вы ведь все равно рано или поздно сделаете это. Избавьте себя от мучений.

Морти открыл глаза и облизнул пересохшие губы.

— П-пошла в жопу, — прохрипел он севшим от крика голосом.

— Гм... — пробормотало Серое Привидение и кивнуло. — Еще раз, — произнесло оно.

— Н-нет, — выдохнул Морти, отчаянно трепыхаясь на веревке. Разорвать путы у него не получилось, он только начал вращаться еще быстрее. — Нет!

Двое Капюшонов, удерживавших веревку, невозмутимо опустили Морти в самую гущу клубившихся в яме духов. Те набросились на него, словно морской прибой может выбирать, куда обрушиться, и выбрал для этого Морти. Водоворот обезумевших духов захлестнул его с головой, скрыв из виду.

Морти снова завизжал. Очень жутким, беспомощным был этот визг.

— Раз, — считало Серое Привидение. — Два. Три. Четыре.

На счет «четыре» Капюшоны выдернули Морти из водоворота духов, и он остался висеть, раскачиваясь взад-вперед и всхлипывая в попытках глотнуть свежего воздуха.

— Всякий раз, когда вы отвергнете меня, Мортимер, я буду добавлять к счету еще одну секунду, — сообщило Серое Привидение. — Я знаю, о чем вы сейчас думаете. Сколько секунд потребуется, чтобы свести вас с ума?

Морти попытался совладать с дыханием, но безуспешно. На лице его блестели слезы. Из носа начало течь. Он снова открыл глаза, стиснув зубы; лысина его налилась кровью.

— Шла бы ты, — прохрипел Морти. — Рассвет тебе на пользу.

— Еще, — скомандовало Серое Привидение.

Капюшоны снова опустили Морти в яму. Не знаю, что происходит со смертным, когда на него нападает дух, но,

судя по реакции Морти, ничего хорошего. Он снова визжал. Визг прозвучал выше, чем в прошлый раз, пронзительнее. Визг почти заглушал спокойный, монотонный отсчет Серого Привидения. Оно... нет, судя по репликам Морти, все-таки она досчитала до пяти, а потом Капюшоны выдернули его обратно. На этот раз Морти дергался ритмично, словно в судорогах. Потребовалось никак не меньше десяти секунд, чтобы он перестал визжать.

— Это не столько наука, сколько искусство, — продолжала Серое Привидение так, словно ничего не произошло. — Как правило, большая часть ломается, не дожидаясь семи. Но, конечно, у них не было ваших замечательных способностей. Что бы ни случилось дальше, не сомневаюсь, зрелище выйдет любопытнейшее. Что ж, спрашиваю еще раз: вы мне можете?

— Поди утопись, сука! — выдохнул Морти.

Последовала секундная пауза.

— Еще раз! — прорычала Серое Привидение. — Медленно.

Капюшоны послушно начали опускать Морти в яму с духами.

Морти отчаянно замотал головой и забился, пытаясь свернуть свое истерзанное тело клубком, чтобы хоть как-то защитить его от голодных духов. Ему удалось оттянуть пытку на две или три секунды, но в конце концов он все-таки погрузился в зловещий призрачный водоворот. Он снова завизжал, и на этот раз Серое Привидение начала отсчет только тогда, когда визг сделался непрерывным.

Я никогда не был о Морти особо высокого мнения. Когда мы с ним только познакомились, мне казалось омерзительным то, как он обращался со своими талантами, как он водил за нос своих клиентов. С тех пор он вырос в моих глазах, особенно в последнее время. В общем, может, он и не образец добродетели, но по-своему вполне достойный тип. Он профессионал, а еще твердости в нем, похоже, оказалось больше, чем я от него ожидал.

То, что Морти помалкивал о скрытых сторонах своих возможностей, много говорило о нем самом. И еще больше — то, что он, оказавшись во львином рву, не имея ни ма-

лейшей возможности вырваться на волю, продолжал упрямо дерзить в лицо своему мучителю.

«Черт, — подумал я, — да этот парень мне просто нравится!»

А Серое Привидение убивала его прямо у меня на глазах.

Морти завизжал еще пронзительнее, когда духи накинлись на него, терзая бледными паучьими пальцами. Серое Привидение продолжала отсчет, и промежутки между числами казались мне маленькой вечностью.

Я не мог вытащить Морти из этого места. Никак не мог. Даже если бы мне удалось поубивать всех потусторонних тварей в этом подземном зале, Морти продолжал бы висеть, связанный, да и Капюшоны бы никуда не делись. Смысла в нападении не было никакого.

Но и стоять просто так, ковыряя призрачным пальцем в призрачном носу, я тоже не мог. Не знаю, что делала с Морти Серое Привидение, но это явно причиняло ему боль, и — судя по ее словам (словно с конкурса на лучшего мультяшного злодея) — в случае, если Морти и дальше продолжит отвергать ее, угрожало непоправимым ущербом его рассудку. Ну и не стоило забывать о тех смертельно опасных духах, что могли поджидать его на пепелище дома.

А еще — словно мало было остального — до рассвета оставалось всего ничего.

Черт! Мне ужасно не хватало зацепки. Хоть какого-нибудь мелкого преимущества.

Пальцы правой руки скользнули по деревянной рукояти пистолета сэра Стюарта, и я вдруг ощутил скрытую мощь этого старинного оружия. Его энергия передавалась подушечкам пальцев ровной вибрацией. Я вспомнил бой у дома Морти и тот урон, который сэр Стюарт сумел нанести противнику с его помощью. Пусть даже одному-единственному противнику.

Серое Привидение боялась пистолета сэра Стюарта, и у меня имелись все основания полагать, что боялась небезосновательно. Если бы мне удалось убрать ее, все окружавшие ее сейчас духи почти наверняка рассеялись бы — подобно шакалам, сопровождавшим крупного хищника, но редко отваживающихся на открытую схватку в его отсутствие. Так ведь?

«Еще бы. А того, что лемуры превосходят тебя численно в пропорции двенадцать к одному, недостаточно, чтобы они видели в тебе, Дрезден, легкую жертву. Тебе нечего бояться».

Давно пора издать закон, запрещающий внутренние монологи с таким количеством сарказма.

Однако идея все же обладала определенной притягательностью: убей Серое Привидение, и все разбегутся как тараканы. Даже если на меня набросятся лемуры, Капюшонами по крайней мере командовать будет некому. Если повезет, это даже сможет отвлечь внимание злобных духов от Морти.

Все, что от меня требовалось, — это один раз спустить курок Стюартова пистолета. Только и всего. Если я промахнусь, мне скорее всего не выжить, но во всех остальных отношениях дело представлялось проще пареной репы.

Я стиснул зубы и принялся медленно подбираться к Серому Привидению. Я не знал, на какое расстояние мне удастся подойти прежде, чем моя далекая от идеала завеса окажется бесполезной, но старался сделать все, что в моих силах, чтобы свести к минимуму возможность промаха. Снайпер из меня так себе, да и пистолеты восемнадцатого века не отличались особой точностью, но позволить себе промазать я не мог. Разумеется, ощути Серое Привидение каким-либо образом, что я близко, она могла бы бежать, уклониться или защититься как-нибудь еще.

Значит, я должен убить ее прежде, чем она поймет, что на нее напали. В этом даже имелась некоторая ирония — с учетом того, как умер я сам.

Серое Привидение закончила считать, и Капюшоны снова выдернули слабо всхлипывавшего Морти из ямы. Он висел, сотрясаясь от боли, охая с каждым вздохом. Серое Привидение неподвижно стояла перед ним; лица ее я не видел, но не сомневался, что на нем играла улыбка.

Десять футов. Я понимал, что завеса моя дышит на ладан, а меткость оставляет желать лучшего, но если мне удастся подобраться на десять футов, я вряд ли промахнусь. Из этого следовало, что мне надо добраться до края ямы с духами и выстрелить через нее в стоявшую с другой стороны Се-

рое Привидение. Разумеется, если я промахнусь, ей даже не понадобится убивать меня. Ей достаточно всего лишь указать на меня. Стоит духам ощутить мое присутствие — и они навалятся всем скопом.

Тогда я испытаю то, что только что испытывал Морти. Стой разницей, что, поскольку я и сам призрак, от меня разве что пара комков эктоплазмы останется. Которые тут же слопают.

«Вот весело», — подумал я.

Я старался двигаться медленно, ровно, сохраняя спокойствие. Адреналина в моих жилах не было ни капли, так что пульсировать они в чистой теории не могли, но все равно пульсировали. Черт. Наверное, решил я, даже духи во многом остаются людьми. Ничего не поделаешь, надо двигаться дальше...

Тридцать футов...

Я прошел в каких-то нескольких ярдах от лемура, явно смотревшего в пустоту, — при том, что направление его взгляда проходило точнехонько через меня. Он даже не моргнул.

Двадцать пять.

Голодные духи в яме передо мной завывали как безумные. Всего в нескольких футах передо мной.

Двадцать.

Ну почему я вечно оказываюсь в таких ситуациях? Даже после смерти?

«Смеха ради, — ответил я сам себе. — Смеха ради, смеха ради-ради-ради-ради».

ГЛАВА ДВАДЦАТАТЬ ДЕВЯТАЯ

Тут пол у ног Серого Привидения дрогнул, раздался, и из него выплыл человеческий череп, в глазах которого полыхало холодное голубое пламя.

Серое Привидение повернулась к нему, и что-то в ее позе навело меня на мысль о том, что настроение ее заметно ухудшилось.

— Что еще?

— Вестник фоморов ожидает у внешнего периметра, — доложил череп. Голос его звучал до ужаса похоже на Боба, однако из интонаций слышалась лишь едва заметная снисходительность. — С посланием от своего господина.

Мне показалось, что голова Серого Привидения чуть склонилась под капюшоном.

— Прислужник? Со стороны Небывальщины?

— Внешний периметр граничит с Небывальщиной, и за его целостность отвечаю я, — ответил череп. — Внутренний периметр граничит с миром смертных. Вы сами установили такой порядок. Больше года назад.

Серое Привидение недовольно фыркнула:

— Ты бы не дерзил, дух. Я могу найти тебе замену. — Она покосилась на продолжавшего болтаться в воздухе Морти и вздохнула. — Ну конечно, фомор не мог найти другого времени, кроме как перед рассветом. Ну почему в самые важные мои дела обязательно кто-то вмешивается?

Череп вежливо кивнул:

— Понимать ли это так, что я должен убить его и отослать назад тело с запиской, предлагающей в следующий раз предварить такой визит звонком?

— Нет! — рявкнула Серое Привидение. — Разумеется, нет. Попридержи язык, дух, если не хочешь, чтобы я его у тебя вырвала.

— Как вам будет угодно, — еще раз кивнул череп. — Я всего лишь слуга. — Намного снисходительнее, правда, его голос при этом не сделался. — Позволить ему войти?

— Да поторопись, — кивнула Серое Привидение.

— Как вам будет угодно, — повторил череп, на сей раз заметно медленнее, и исчез в полу.

Я стоял не шевелясь. Труднее всего поддерживать завесу в движении, а до меня вдруг дошло, что мой план решить все одним-единственным выстрелом обладает одним серьезным изъяном: я совершенно забыл про Злого Боба. Этот дух обладал силой, умом, зато был лишен чего-либо, хоть отдаленно напоминающего страх или почтительность. Полагаю, после нескольких десятилетий работы с Кеммлером, самым опасным некромантом со времен Римской им-

перии, трудно всерьез воспринимать кого-либо, уступающего ему в талантах.

Впрочем, не могу сказать, чтобы и тот, изначальный Боб отличался особой почтительностью. Ха! А вот получи, гадина!

Так или иначе, у меня появился шанс узнать о своем противнике побольше. А то как-то негусто у меня информации об этих психах в капюшонах. Хотя какое-то знание о них могло выявить слабое место в их обороне — как в переносном, так и в прямом смысле. До сих пор мне не приходилось жалеть о лишней информации перед тем, как ввязаться в бой.

И еще — если Серое Привидение действовала не в одиночку, а в союзе с кем-то, мне просто необходимо было знать об этом. Любой альянс нехороших парней всегда некстати.

Серое Привидение отступила на шаг от ямы. Не прошло и полминуты, как земля снова дрогнула, и из нее появился мужчина — постепенно, толчками, словно поднимаясь по лестнице. По пятам за ним летел на уровне его головы череп.

Мужчину я узнал сразу: он командовал прислужниками фоморов, напавшими на Молли. Он до сих пор щеголял черной водолазкой, но теперь к наряду добавился пояс с пистолетом в кобуре на левом бедре и коротким мечом в ножнах на правом. Меч имел явно японское происхождение, но длиной уступал полноценной катане. Кажется, такой называется «ваказаши»... или «ниндзя-то»... вечно я их путаю. В любом случае не слишком разумно разгуливать с таким на людях.

Да, и еще одну странную деталь я в нем заметил: глаза его изменили цвет. Я запомнил их чисто-серыми. Теперь они приобрели отчетливый лиловый оттенок. Не тот темно-лиловый, как у всех этих героинь любимых Бобом дамских романов. Этот цвет напоминал хороший синяк... ну или последнюю чуть освещенную полоску неба на закате.

Он спокойно повернулся к Серому Привидению и ответил ей низкий поклон:

— Приветствую вас, леди Тень, от имени моего господина, лорда Омога.

— Привет, Листен, — отозвалась Серое Привидение, не пытаясь скрыть своего недовольства. — Что еще нужно от меня Омогу?

Листен снова поклонился; лиловые глаза его блеснули.

— Мой господин желает знать, завершена ли твоя кампания?

— Как видишь, нет, — процедила Серое Привидение сквозь зубы.

Листен поклонился еще раз.

— Если так, он желал бы знать, с какой целью ты отвлеклась на похищение заурядного заклинателя. — Прислужник бросил короткий взгляд на Морти и снова повернулся к фигуре в балахоне. — Эти действия идут вразрез с данным тебе поручением.

Огонь в глазницах черепа вспыхнул ярче.

— Еще не поздно отправить фоморам послание насчет предварительного звонка.

— Нет! — отрезала Серое Привидение.

— Это не составило бы сложности, а еще...

— Нет, дух! — рявкнула Серое Привидение. — Я запрещаю.

Глаза духа на мгновение разгорелись еще ярче. Потом он кивнул чуть почтительнее:

— Как вам будет угодно.

Серое Привидение повернулась к Листену:

— Мой слуга полагает, что логичнее всего было бы убить тебя и отослать тело твоему господину в знак моего недовольствия.

Листен поклонился еще раз.

— Таких, как я, много — меня легко заменить. Моя смерть не доставит моему повелителю особого огорчения и, полагаю, будет воспринята им как проявление слабости.

Пару мгновений Серое Привидение молча смотрела на него.

— Когда бы ты не говорил правды, я бы с удовольствием позволила черепу расправиться с тобой. Но у тебя ведь на чисто отсутствует инстинкт самосохранения, не так ли?

— Разумеется, он у меня есть, леди Тень. Я ни в коем случае не отношусь к своей жизни легкомысленно. Я бы согла-

сился отдать ее исключительно в том случае, когда это доставит максимум пользы моему господину.

Серое Привидение тряхнула головой под капюшоном.

— Ты дурак.

— Не буду оспаривать ваших слов, — произнес Листен. — Как бы то ни было, леди Тень, я вынужден просить у вас ответа, дабы передать его моему господину... В какой бы форме вы ни пожелали его дать, — невозмутимо добавил он.

— Передай ему, — раздраженно произнесла Серое Привидение, — что я поступаю так, как мне угодно, когда вопрос касается подходящего для меня тела.

Ого...

Леди Тень присматривает себе плотскую оболочку.

Я отогнал от себя размышления на эту тему — подумать об этом можно будет и позже. Важнее сосредоточиться на разговоре.

— Вы не упоминали, что собираетесь позаимствовать у него столь ценный экземпляр, — заметил Листен.

— Посмотри, с кем мне приходится работать, — огрызнулась леди Тень, махнув рукой в сторону столпившихся у ямы Капюшонов. — С отбросами, не способными поддержать всей мощи моего таланта. Передай Омогу, что, если ему нужен союзник, способный сразиться со Стражами, ему придется потерпеть. Для его целей этот экземпляр особой ценности не представляет, тогда как для моих — в высшей степени.

Листен помолчал, обдумывая ее слова, и кивнул.

— А что с Леди-Оборванкой?

— Как только я освоюсь в смертной оболочке, я с ней разберусь, — пообещала леди Тень. В голосе ее явственно слышалось предвкушение. — Если, конечно, вы не ликвидируете ее сами. Что это у тебя на щеке, Листен, уж не ожог ли? Надеюсь, он не причиняет тебе особой боли?

— Вы очень добры, леди, — ответил Листен с новым поклоном. — Пустяки меня не беспокоят. Могу ли я передать моему господину, что вы одарите его этими лишенными цены тварями, как только восстановите телесную оболочку?

Леди Тень призадумалась с ответом, но потом кивнула, оглянувшись на Капюшонов:

— Да. Пожалуй, да. От подобных бездарей все равно не-много толку.

— Отлично, — сказал Листен. Вид у него при этом был неподдельно удовлетворенный.

Леди Тень снова покачала головой:

— Неужели он питает слабость к подобным недоучкам?

— Минуту назад, — ответил Листен, — я собирался информировать его о потенциальной потере способного смертного. Теперь же могу сообщить ему о том, что он, вероятно, получит в свое распоряжение с дюжину экземпляров попроще. Меня радует возможность извлекать для моего господина выгоду в невыгодных ситуациях.

Продолжавший висеть над ямой Морти неожиданно вскинул голову.

— Передай ему, — пробормотал он заплетающимся языком, — что прибыли ему не светит. Сучка меня не получит.

Листен приподнял брови и посмотрел на леди Тень.

— Я требую его покорности, — перехваченным от ярости голосом произнесла леди Тень, — и я ее получу. Если бы ты мне не помешал, я бы ее уже получила. А теперь близится рассвет. Возможно, пройдет несколько часов после захода солнца, прежде чем я завершу перемещение.

— А, — кивнул Листен. Ничто в его тоне не выдавало скептицизма, и все же у меня сложилось впечатление, что оный там присутствовал. — Если так, с вашего позволения, я уберусь, дабы передать ответ своему господину и более не беспокоить вас.

Злобный Боб снова подпрыгнул за спиной у Листена, чтобы взглянуть поверх его плеча на леди Тень.

— Ты уверена, миледи, что не желаешь, чтобы эту тварь убрали раз и навсегда?

— Ступай с миром, Листен, — произнесла леди Тень, не удостоив Злобного Боба даже взглядом. — Передай своему господину, что я ожидаю нашего выступления на Леди-Оборванку и ее союзников в крепости где-нибудь завтра вечером.

Листен снова отвесил низкий поклон, повернулся и в сопровождении парившего в воздухе черепа погрузился с пол, спускаясь по невидимым ступенькам обратно в мир духов.

Стоило ему скрыться из виду, как леди Тень махнула рукой, и рой клубившихся в яме духов с возмущенными воплями устремился из нее к выходу. Пульсирующий бас призывного заклятия разом смолк. Воля леди Тени подхватила духов, как порыв ветра, гоня их прочь из подземного зала.

Я тоже ощущал энергию ее воли, и мне пришлось приложить изрядные усилия к тому, чтобы она не коснулась меня и не сорвала оболочку моей завесы. Мне даже удалось немного подпитать завесу от этой энергии.

— Дети мои, — объявила она, не особенно пытаясь скрыть разочарования. — Будьте осторожны: близится рассвет. Всем по убежищам! — Она повернулась к Капюшонам: — Дорогие мои смертные, мамочка вами довольна. Охраняйте нашего пленника до вечера. Его жизнь мне дорога. Сберегите ее хотя бы ценой своих собственных.

Капюшоны поежились, словно у них в головах звучал голос божества, и разом, как-то механически, поклонились, пробормотав ритуальные слова, смысла которых сами явно не понимали. Лемуры по одному покидали помещение, бросив свои занятия (точнее, отсутствие оных).

Мне снова повезло. Ни один из них по случайности в меня не врезался.

— Что ж, — пробормотала леди Тень, повернувшись к Морти. — Мы продолжим нашу беседу через несколько часов. Ни еды, ни питья ты не получишь. Тебя не развяжут. Уверена, рано или поздно ты начнешь видеть мир с моей точки зрения.

— Я скорее умру, чем впущу тебя, — прохрипел Морти.

— То, что ты хочешь, детка, ты можешь получить всегда, — невозмутимо, даже как-то обыденно отозвалась леди Тень. — Я продолжу мучить тебя. И рано или поздно ты пойдешь на все, только бы остановить боль. К сожалению, таковы ограничения смертных.

Морти не ответил. Не знаю, поежился ли он от той ледяной уверенности, что звучала в ее голосе, но лично меня пробрал озноб.

И тут до меня вдруг дошло, с кем я имею дело.

Серое Привидение повернулась и погрузилась в пол — судя по всему, отправилась в свои владения в Небывальщи-

не. Я дождался, пока она уж точно не сумеет меня заметить, а потом просто исчез — вверх, на мостовую чикагской улицы. Небо на востоке уже начало окрашиваться золотом, поэтому я на предельно возможной скорости поспешил к своей могиле.

Серое Привидение — тень, это я знал наверняка. Но откуда она явилась, эта тень? Ее явно породил кто-то, хорошо владеющий внедрением в чужие тела. Кто-то, уверенный в том, что в состоянии сразиться со Стражами Белого Совета, своего рода полицией чародейского сообщества, и выйти при этом победителем. Кто-то, хорошо известный этому Омогу, кем бы он там ни оказался, и кому необходимо тело, обладающее по меньшей мере минимумом магических способностей, чтобы поддержать явно незаурядный талант.

Таких обладающих магическими способностями на уровне чародея людей в Чикаго совсем немного. А пропадало за последние годы и того меньше, и большинство из них были моими врагами. Не все пали от моей руки, но эту прикончил точно я сам. Из пистолета. В упор.

Я добрался до своей могилы и, все еще дрожа, погрузился в ее благодатную тень.

Морти попал в лапы Собирателя Трупов, одного из наследников этого психа Кеммлера. Меняющей тела как перчатки чернокнижницы, чьи безумства насчитывали не одно столетие, а способности превышали мои раза в три, если не четыре. И если она вселится в Морти, она — как и я на ту короткую минуту — вновь обретет всю свою прежнюю силу. Снова начнет менять тела как перчатки... в общем, продолжит свою карьеру с того места, на котором я ее оборвал.

И начнет она с того, что убьет Молли.

Первую свою встречу с ней я пережил только благодаря вмешательству джентльмена Джона Марконе, а еще удачи и некоторого расчета — ну и обычной моей паранойи. В общем, она представляла собой абсолютную, высшую категорию угрозы, конфликта с которой я предпочел бы избежать любой ценой. Тем более — встретиться с ней в одиночку.

М-да, дела оборачивались все круче.

Я понимал, что до наступления вечера мне надо придумать, как ее одолеть.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

С восходом солнца я съехался у себя в могиле. Мне казалось бы ощущать больше беспокойства по поводу убийственного, испепеляющего катаклизма, захлестывавшего весь мир, но я его не испытывал. Когда солнце взошло, это напоминало вибрацию от проезжающего мимо тяжелого грузовика, опасного, если оказаться у него на пути, но ничем, кроме шума, не угрожающего, если ты стоишь на тротуаре. В моей могиле царил покой.

Я попытался найти аналогии этому ощущению, тому умиротворению, что я испытывал в земляном убежище. Не сразу, но я понял: это напоминало мне мою полуподвальную квартиру во время вьюги. За дверью завывал ветер и хлестали снежные заряды, но сам я в это время в тепле, в обществе Мыша и Мистера отхлебывал из чашки горячий куриный бульон, вытянув ноги к горящему камину и читая какую-нибудь хорошую книгу.

Примерно так же оказалось и в моей могиле. Покойно. Я не мог никуда пойти, и это было приятно. Если бы мне удалось захватить с собой книжку, все вообще обстояло бы идеально.

Вместо этого я привалился спиной к земляному откосу могилы и закрыл глаза, наслаждаясь тишиной. Все равно до заката я здесь взаперти. Я не видел смысла в том, чтобы глотать себя в переживаниях за то, что может случиться вечером.

Вместо этого я погрузился в воспоминания, радостные и печальные, хотя и те, и другие одинаково дурацкие.

Я думал о нас с Элейн, какими мы стали в старших классах. Мы ощущали себя супергероями: двое подростков, обладавших неопишуемой силой, которым приходилось скрывать это от всех, чтобы их не изолировали и не покарали за непохожесть на других.

Когда мы с Элейн познакомились, девчонки меня еще не интересовали. Нам обоим исполнилось двенадцать, мы оба отличались сообразительностью и упрямством, из чего следовало, что мы доводили друг друга до белого каления. При этом мы оставались лучшими друзьями. Делились друг с дру-

гом мечтами о будущем. Делились переживаниями или помогали друг другу — в зависимости от того, что требовалось. На уроках в школе оба изнывали от скуки — по сравнению с уроками Джастина все казалось проще пареной репы, ненамного сложнее заточки карандашей.

Имелась и оборотная сторона: нам становилось все сложнее общаться с другими детьми. Нас просто интересовали разные вещи. Развивавшиеся день ото дня магические способности все сильнее мешали нам смотреть телевизор, а уж видеоигры и вовсе сделались невозможны. В результате мы с Элейн проводили все больше времени за игрой в карты или в настольные игры — или коротали вместе долгие часы за чтением.

Джастин манипулировал нами обоими просто мастерски. Ему было выгодно, чтобы мы сошлись. Он хотел, чтобы мы ощущали себя отчужденными от всех остальных — и, само собой, преданными ему. При том, что сам он изображал полную к этому непричастность (в которую я до поры до времени верил), на деле он поощрял наше растущее сексуальное влечение друг к другу, что заодно избавило его от необходимости объяснять нам всякие щекотливые аспекты взаимоотношений полов... ну и практически свело к нулю риск того, что кто-то из нас найдет себе увлечение вне нашего тесного круга.

Я даже не подозревал о его истинных намерениях до того дня, когда Элейн приболела и осталась дома. Я так переживал за нее, что удрал с последнего урока и вернулся раньше обычного. В доме царила необычная тишина, а в воздухе ощущалась какая-то странная, незнакомая мне прежде энергия — душная, липкая. Стоило мне переступить порог, как все мои чувства тревожно обострились.

Это было мое первое знакомство с черной магией — силами Творения, искаженными и извращенными с целью уничтожать все, с чем они соприкасаются.

Элейн сидела на кровати; лицо ее было спокойным, почти бесстрастным, спина выпрямлена, плечи расправлены словно по стойке «смирно». Теперь-то я понимаю, что за время моего отсутствия Джастин наложил на нее заклятие, но тогда я знал только то, что все мои инстинкты буквально

визжали, предупреждая о чем-то чудовищно неправильном. Настолько неправильном, что мне хотелось с криком бежать прочь из этой комнаты.

Кстати, Элейн принимала такую позу только в тех случаях, когда собиралась подать реплику — как правило, саркастическую.

Эта картина и сейчас стоит у меня перед глазами.

Из двери, ведущей на кухню, вышел Джастин и остановился за спиной у Элейн. Лицо его тоже было совершенно спокойно.

— Ты снова прогулял школу, — вздохнул он. — Возможно, мне стоило бы этого ожидать.

— Что здесь происходит? — спросил я дрогнувшим от страха голосом. — Что вы такое делали?

Джастин подошел к Элейн на пару шагов. Оба долгое мгновение молча смотрели на меня. Я не мог ничего прочесть на их лицах.

— У меня свои планы, Гарри, — спокойным, негромким голосом произнес он. — Мне нужны люди, которым я мог бы доверять.

— Доверять? — переспросил я. Его слова показались мне лишенными смысла. Я не понимал, какое они имеют отношение к тому, что я видел перед собой. Да и вообще к чему угодно. Я переводил взгляд с Элейн на Джастина и обратно, пытаясь найти хоть какое-то объяснение. Их лица не объясняли мне ничего. Потом взгляд мой упал на предмет, лежавший на журнальном столике рядом с моим зачитанным почти до дыр «Хоббитом» в бумажной обложке.

На смирительную рубашку.

Что-то зловещее, жуткое незримо витало в воздухе. Я тупо смотрел на рубашку, а потом с отвратительным леденящим чувством в желудке вдруг понял то, о чем меня уже некоторое время пытались предупредить инстинкты: мне угрожала опасность. И еще: мой спаситель, мой учитель, мой хранитель намеревался причинить мне какое-то зло.

На глаза навернулись слезы.

— Зачем? — тихо, едва слышно спросил я.

Джастин оставался все таким же спокойным.

— Ты еще многого не знаешь, мой мальчик, чтобы это понять. Пока не знаешь. Всему свое время.

— Н-но вы не можете, — прошептал я. — Н-не вы. Вы же меня спасли. Нас спасли.

— Ну да, — согласился Джастин. — Сядь рядом с Элейн, Гарри.

— Сядь рядом со мной, Гарри, — ровным, сомнамбулическим голосом повторила Элейн.

Я потрясенно уставился на нее и сделал шаг назад.

— Элейн...

Стоило мне отвести взгляд, как Джастин метнул в меня заряд энергии.

В последнюю долю секунды какой-то инстинкт предупредил меня об угрозе, но вместо того чтобы попытаться отбить удар, я поймал его на выставленный как можно шире щит. Заклятие Джастина, пойманное этим подобием паруса, швырнуло меня к окну.

Я и мой щит с пойманным в него зарядом Джастина вынесли окно и вылетели в палисадник. Я помню оглушительные звон и треск, а потом боль от десятка мелких уколов и порезов. Еще я помню ту смесь злости и страха, что я испытывал.

Я перекатился по траве, вскочил и бросился наутек.

— Мальчишка! — долетел до меня громовой голос Джастина. Не замедляя бега, я бросил на него взгляд через плечо. Глаза его полыхали ледяным гневом — таким я его еще не видел. — Твое место здесь, со мной... с Элейн. Или нигде. Если ты не вернешься сейчас же, для меня ты труп!

Последние два слова значили для меня больше всех предыдущих, так что я прибавил ходу. Если бы я остался, Джастин наверняка скрутил бы меня тем или иным способом, а после этого мне не пришлось бы ждать ничего хорошего. Если бы я разозлился как следует, я мог бы с ним схватиться — без всяких шансов на победу. Я-то прекрасно понимал, что против своего наставника с его силой и опытом я всего лишь сопливый мальчишка. Обратиться в полицию с заявлением, что Джастин — выживший из ума чародей, я тоже не мог: меня бы мгновенно записали в психи. Да и бежать в страну Оз, чтобы просить помощи у какого-нибудь еще более сильного чародея, я, похоже, тоже не мог.

Джастин никогда не говорил мне о Белом Совете или других членах сверхъестественного сообщества. Маньяки часто изолируют своих жертв. В конце концов, люди, которые ощущают себя одинокими, редко дают сдачи.

— Мальчишка! — догонял меня рык Джастина, уже не пытавшегося скрыть своей ярости. — Слышишь меня?

Он мог ничего больше не говорить. Гнев говорил все яснее слов. Человек, принявший меня под свой кров, собирался меня убить.

Боль это причиняло просто жуткую. Мне даже казалось, что он это уже сделал.

Я низко опустил голову и побежал еще быстрее. Слезы застилали глаза, а в голове неотвязно крутилась одна мысль.

Все еще не кончено. Я понимал, что Джастин отыщет меня, куда бы я ни направился, как бы ни прятался. Я еще не спасся от той смирительной рубахи. Я только отложил ее на неопределенный срок.

У меня не оставалось выбора.

Надо было биться.

— И что случилось потом? — поинтересовался полный любопытства голос.

Я мотнул головой, вытряхивая из нее воспоминания, и поморгал, глядя на залитый солнцем небосклон за краями моей могилы. Зима явно ослабляла свою хватку. В разрывах серых туч виднелись пятна по-летнему синего неба. По откосам могилы стекала талая вода, хотя снег на дне ее еще держался.

На краю могилы сидела Леанансидхе, мотая в воздухе перепачканными грязью босыми ногами. Ярко-алые волосы она собрала в хвост на затылке, а одежду ее составлял живописный набор фрагментов пяти или шести разных костюмов. Голову она повязала шарфом цветов тающего снега, и растрепанные концы его свисали ниже плеч. Все это придавало ей обаяние кокетливой кликуши — тем более что на бледном лице ее темнело что-то, походившее на запекшуюся кровь. Вид у нее при этом был радостный, как у ребенка в рождественское утро.

Некоторое время я молча смотрел на нее, потом устало покачал головой:

— Вы видели? То, о чем я думал?

— Я видела тебя, — ответила она так, словно это все объясняло. — Не то, о чем ты думал. Но то, что ты вспоминал.

— Любопытно, — хмыкнул я. Впрочем, стоило ли удивляться тому, что Леа восприимчива к духовному на порядок лучше, чем я. В конце концов, она родом из Небывальщины. Должно быть, я виделся ей этаким бледным, белой, призрачной версией бывшего меня, по поверхности которой как по экрану пробегали мои воспоминания.

Я припомнил всех тех духов и лемуров, которых уложил сэр Стюарт в первый вечер моей призрачной жизни, и как те истекали, умирая, образами.

— Ага, — одобрительно кивнула Леа. — Именно так. Ну и спектакль устроил сэр Рыцарь из колоний ради тебя.

— Так вы были знакомы с сэром Стюартом?

— Мне случилось несколько раз видеть его в бою, — сказала Леа, и взгляд ее сделался мечтательным. — В своем роде весьма достойный джентльмен. Довольно опасный.

— Не опаснее Собирателя Трупов, — буркнул я. — Она его уничтожила.

Леа недовольно нахмурилась и надула губы:

— Правда? Какая безрассудная трата хорошего, крепкого духа. — Она закатила глаза. — Ну, крестник, по крайней мере ты выяснил, кто такая она — и ее ручной зверек.

Я поежился:

— Злой Боб.

Она небрежно махнула рукой:

— Злой — понятие относительное. Смотря с какой точки зрения смотреть. Для тебя значение имеет только то, насколько этот дух силен.

— Вовсе нет, — как мог спокойно ответил я. — Хотя знаю, вы со мной не согласитесь.

Мгновение она неодобрительно молчала, потом кивнула:

— Знаешь, у тебя Взгляд твоей матери.

— Но не ее глаза?

— Мне всегда казалось, что ты пошел больше в Малькольма. — Серьезное выражение сбежало с ее лица, и она снова качнула ногой. — Ладно, юная тень. Так что было дальше?

— Сами знаете. Вы же при этом присутствовали.

— Как там говорят у вас, смертных? Эту серию я пропустила.

Я не смог удержаться от удивленного смеха.

Мне показалось, что она слегка обиделась.

— Я не знаю, что произошло с того момента, как ты сбегал от Джастина, и до того, как ты пришел ко мне.

— Ясно. — Я ухмыльнулся ей в лицо. — Уж не думаете ли вы, что я делюсь рассказами задаром? Тем более с одной из сидхе?

Она запрокинула голову и рассмеялась. Глаза ее сияли. Нет, в буквальном смысле этого слова — яркими светящимися точками.

— Ты многому научился. Я уже было отчаялась ждать, но, похоже, ты набрался мудрости, причем вовремя.

— Вовремя для могилы, — буркнул я. — Но да, если я чего и усвоил, так это то, что сидхе никогда и ничего не дают задаром. И не берут. И не прошло и ста лет, как понял почему: вы просто не можете.

— Разумеется, — подтвердила она, одарив меня ослепительной улыбкой. — Во всем должно поддерживаться равновесие, мой милый крестник. Постоянное равновесие. Нельзя брать ничего, не отдав чего-либо взамен; нельзя оказывать услугу, не получив взамен другую. Вся реальность зиждется на равновесии.

Я нахмурился, глядя на нее.

— Вот, значит, зачем вы несколько лет назад отдали Бьянке «Амораккиус». Ради возможности принять от нее тот кинжал. Тот, что отобрала у вас потом Мэб.

Она пригнулась ко мне; глаза ее засияли еще ярче, зубы оскалились в хищной ухмылке.

— Разумеется. Опасный, очень опасный дар, дитя мое. О, если бы эта позорная тварь не погибла от твоей руки, я могла бы свершить такую месть, что мир и спустя тысячелетие поминал бы ее шепотом.

Я нахмурился еще сильнее.

— Но... Я ведь убил Бьянку прежде, чем вы успели уравнять чаши весов.

— Разумеется, бесхитростный ты мой. А с чего еще, как ты думаешь, я одарила тебя самыми могущественными сила-

ми фэйре, дабы защитить тебя и твоих друзей, когда мы сражались с Бьянкиными сородичами?

— Я думал, потому, что так приказала вам Мэб.

— Хи! Во всей Зимней династии я уступаю силой одной Мэб — что она позволяет, поскольку я связана с ней соответствующими обязательствами. Она мой дражайший враг, но даже ей я обязана не настолько. Я помогла тебе в меру своих сил, милое дитя, поскольку тебе я обязана частью своих сил, позаимствованных у Бьянки. — Глаза у Леанансидхе заметно расширились. — Остальное я взяла у повелителей этой мелкой шлюхи. Хотя не могу не признать: столь обильного дохода я не ожидала.

В голове моей мгновенно всплыли воспоминания. Сьюзен. Обсидиановый нож. Меня замутило.

«С этим я как-нибудь справлюсь, — убеждал я себя. — Рано или поздно». По моим меркам с тех событий прошло чуть больше суток. Я все еще испытывал травматический шок... если, конечно, призраки вообще могут такое испытывать.

Я поднял взгляд и понял, что Леа наблюдает за мной, за моими воспоминаниями с нескрываемым удовольствием. Она сокрушенно вздохнула:

— Ты ведь никогда не ограничиваешься полумерами, а, мой крестник?

Я мог бы разозлиться на нее за те воспоминания, что она вызвала к жизни у меня в голове, а мог бы оскорбиться за то удовольствие, что она испытывала от созерцания моих страданий и боли. Впрочем, и то, и другое не имело смысла. Моя крестная такова, какова она есть, — порождение жестокости, интриг и властолюбия. Она не человек. Поэтому и ее критерии, ее реакции вряд ли можно назвать бесчеловечными.

Ну и потом мне довелось познакомиться с ее повелительницей Мэб в обстоятельствах столь чудовищно интимных, что у меня нет ни слов, ни возможности их описать. Так что поверьте, если Леа можно считать жрицей убийств, жажды крови, заговоров и обмана, то Мэб — та богиня, которой моя крестная поклоняется.

Если подумать, кстати, это сравнение довольно точно отображает их взаимоотношения.

Так или иначе, наивно ожидать, что моя крестная изменится. Было бы глупо обвинять ее в том, что составляет самую ее природу. Поэтому я просто устало ей улыбнулся.

— Так всегда проще, — сообщил я ей. — Сделай это раз от души, и потом не надо будет повторять.

Она снова запрокинула голову и от души расхохоталась. Потом склонила голову набок и искоса на меня посмотрела.

— Ты ведь не догадывался о том, что случится со смертными, когда уничтожил Красного Короля и его племя. Так ведь?

— Я увидел открывшуюся возможность, — ответил я, немного помедлив. — Если бы я позволил себе роскошь подумать о тех неприятностях, которые все это породит... Нет, не знаю, поступил ли бы я по-другому. Они удерживали мою дочку.

Взгляд ее вспыхнул.

— Слова, достойные обладающего силой.

— Гм... — пробормотал я. — Такой комплимент от вас... скажем так, немного тревожит.

Она радостно, как-то совсем по-детски лягнула пятками откос.

— Как мило с твоей стороны. — Она одарила меня улыбкой.

Лучшее в моей фее-крестной — то, что от нее всегда можно ожидать какой-нибудь жути.

— Что ж, поторгуемся, — кивнул я. — Остаток истории за информацию.

Она сухо, по-деловому кивнула головой:

— Рассказ за три вопроса?

— Заметано.

— Заметано, заметано и еще раз заметано, — отозвалась она.

И я рассказал.

ГЛАВА ТРИДЦАТАТЬ ПЕРВАЯ

Я бежал и бежал — долго бежал. В школьную сборную по кроссу я не входил, зато довольно часто устраивал пробежки с Элейн — и просто так, и чтобы побыть немного подальше от Джастина. Он был проницательным типом, поэтому мы

маскировали свои развлечения на природе под занятия спортом. Все это время нам казалось, будто он ни о чем не догадывается.

Повзрослев, я понял, что все наши ухищрения были настолько прозрачными, насколько это вообще возможно. Джастин все прекрасно понимал, теперь-то я в этом не сомневаюсь. Но тогда нам с Элейн казалось, что мы с ней мастера маскировки.

Впрочем, наши упражнения оказались в тот день чертовски кстати. Шаги мои чуть замедлились, зато сделались длиннее, ровнее. Мне было шестнадцать. Прошло не меньше часа, прежде чем я начал выдыхаться.

Когда я наконец остановился, страх немного унялся, осталась только боль. Я оказался в совершенно непривычной ситуации.

Я не знал, что будет дальше. Я не знал, что от меня ожидалось.

Приходилось думать, полагаясь только на себя.

Я свернул с дороги в глубокий кювет и съехал там, пытаясь отдышаться и добиться хоть какой-то работы от комка мокрой бумаги, в который превратились мои мозги.

Все мысли мои вертелись вокруг того, что я мог, должен был догадаться. Со времени смерти моих родителей никто в этом мире и пальцем не пошевелил ради меня. По сравнению с этим доброта Джастина — пусть даже одобренная необходимостью изучать магию — должна была бы показаться мне подозрительной. Я просто не мог не догадаться.

И Элейн. Она сидела и смотрела, не вмешиваясь, на то, что он собирался сделать. Она даже не пыталась предупредить меня или ему помешать. В жизни я еще не встречал никого, кого любил бы так, как Элейн.

Я мог бы догадаться, что и она слишком хороша, чтобы оказаться правдой.

Я немного поплакал. Я устал, замерз, и грудь сводило от боли утраты. За какую-то пару минут я лишился дома. Вся моя жизнь рухнула.

Однако я сердито тряхнул головой, вытер глаза и нос рукавом куртки. Мне все еще угрожала опасность. Не время хныкать — время думать.

Машины у меня не было. Денег тоже. Я не имел ни малейшего представления о том, куда мне податься. Блинтарарам, мне повезло еще, что я не оставил дома свое новенькое водительское удостоверение. Кончался ноябрь, так что рассчитывать на то, что моя школьная кожаная куртка согреет меня ночью, я тоже не мог. В желудке явственно бурчало, так что в список неотложных проблем пришлось занести и голод.

Кров над головой. Пища. И убежище от моего наставника — по крайней мере до тех пор, пока я не придумаю, как его одолеть. Для всего этого требовались деньги. И срочно.

Поэтому, дождавшись, пока стемнеет, я... гм...

Поймите, мне только-только исполнилось шестнадцать.

Дождавшись, пока стемнеет, я вломился в магазинчик при автозаправке.

За отсутствием пристойной маски-балаклавы я повязал на лицо свою пропотевшую футболку. Из другой верхней одежды у меня оставалась только кожаная куртка, которой более чем хватило бы полиции, чтобы меня опознать. Я мало что мог с этим поделать — разве что ободрать с нее все прибамбасы и надеяться на лучшее. Разобравшись с этим, я достал из мусорного бака бумажный пакет, высыпал его содержимое обратно в бак и сунул в него правую руку.

Покончив с приготовлениями, я покосился на фонари, сиявшие перед «Квик-стопом», и наскоро сложил заклятие, погасившее их все.

Обучаться магии нелегко, однако, освоив даже самые нехитрые заклятия, вы обнаружите, что выводить из строя технику проще простого. В первую очередь это относится к любому устройству, в состав которого входит хоть немного электроники, но, постаравшись немного, можно вызвать сбои и в работе техники попроще. В шестнадцать я и близко не подошел к уровню настоящего чародея — каким я стал только лет через пять или шесть, — но фонарям это не помогло. Два фонаря на стоянке перед магазином мигнули и вырубилась.

Вслед за этим я разделался с фонарями у входа и двумя камерами наблюдения. Я изрядно нервничал, поэтому по-

следнее заклятие вывело из строя еще и холодильники с плафонами внутреннего освещения. Теперь магазин освещался только экранами нескольких старомодных игровых автоматов.

А потом стиснул зубы и ворвался в дверь, пригнувшись, чтобы мой рост нельзя было сравнить с размерами дверного проема. Правую руку я выставил вперед так, словно держал в ней пистолет, — а что, почему бы ему и не оказаться под бумажным пакетом? На самом деле в пакете было что-то холодное, жирное и липкое. Майонез, наверное... терпеть не могу майонез.

Я вихрем налетел на кассира — юнца с каштановыми, коротко стриженными с боков и сверху волосами, в футболке с логотипом «Бостона».

— А ну гони выручку! — скомандовал я.

Покрасневшими, слезящимися глазами он уставился на меня. Потом на бумажный пакет.

— Гони выручку, или получишь пулю в лоб! — выкрикнул я.

Это прозвучало бы еще убедительнее, не дрогни у меня голос в самом нужном месте.

— Э... чувак... — пробормотал кассир, и только тут я унюхал запах паленой марихуаны. Парень не производил впечатления напуганного. Скорее просто удивленного. — Чувак, тут это... Видишь, света нет?

Не могу сказать, чтобы мне этого очень хотелось, но и выбора особого у меня тоже не было. Я как мог изобразил, будто прицеливаюсь из своего «пистолета» в бутылки со спиртным у него за спиной, сложил нехитрое заклятие и взвизгнул:

— Бах! Бах!

Мои устные заклинания на протяжении последующих лет сделались значительно изощреннее, что есть, то есть.

Нет, правда. Сам этому удивляюсь.

Заклятие высвобождало самую что ни на есть простую кинетическую энергию — совсем немного, чуть больше, чем у бейсбольного мяча после подачи питчера из школьной команды. Не как у Роберта Редфорда в «Самородке». Для жизни оно было абсолютно безопасно, зато произвело много

шума и разбило пару бутылок, осыпав кассира градом стеклянных осколков.

— Срань господня! — вскричал кассир. Я прочитал его имя на бэджике: Стен. — Чувак! — Он втянул голову в плечи и закрыл ее руками. — Не стреляй!

Я наставил на него бумажный пакет.

— Гони все деньги, Стен!

— Ладно, ладно! — выпалил Стен. — О Господи. Не убивай меня!

— Деньги! — рявкнул я.

Он послушно повернулся к кассе и принялся отпирать ящик, путаясь в ключах.

И тут я ощутил за спиной чье-то присутствие. Почти эфемерное. Ну что-то в подобном роде ожидаешь ощутить, стоя в очереди, — безмолвное, неосязаемое давление другого живого существа у тебя за спиной, временно делящего с тобой общий кусочек пространства. С той лишь разницей, что в очереди я не стоял. Я в ужасе крутанулся на месте.

— Бабах! — выкрикнул я еще раз.

От нового разряда моей энергии со звоном вылетела дверь холодильника-витрины с мороженым.

— О Господи! — взмолился Стен. — Пожалуйста, не надо меня убивать!

За моей спиной никого не оказалось. Я сделал попытку смотреть во все стороны одновременно, и это мне более или менее даже удалось.

В магазине не было никого, кроме нас...

И все же чье-то присутствие никуда не делось — я ощущал его загравком сильнее и отчетливее, чем минутой раньше.

Какого черта?

— Беги! — произнес сочный баритон.

Я повернулся и наставил бумажный пакет на игровой автомат.

— Беги! — повторил голос из видеострелялки. — Я жив! Я... я... Страшила!

— Ни с места! — скомандовал я Стену. — Просто положи деньги в пакет.

— Деньги... в пакет... — выдохнул Стен, едва не плача. — Мне ведь надо делать все, как ты сказал, так? В инструкции для кассиров так и написано. Чтоб я отдал тебе деньги. Без базара, так?

— Так, — подтвердил я, беспокойно шаря взглядом по помещению. — Не та сумма, чтобы за нее помирать. Так ведь, Стен?

— Я все понял, понял, — бормотал Стен. — Мне всего пять баксов в час платят. — Ему удалось наконец открыть кассу, и он принялся запихивать бумажки в пластиковый пакет. — Все путем, чувак... Сейчас, секундочку...

— Беги! — произнес игровой автомат. — Беги!

И снова нематериальное давление на мой загривок усилилось. Я медленно повернулся на месте, но там ничего не оказалось. По крайней мере ничего такого, что я мог бы увидеть.

Но что, если там что-то все-таки было? Что-то такое, чего не увидеть глазами? Я никогда не видел существ, призванных из Небывальщины, но Джастин часто рассказывал о таком, и я сомневался, чтобы он сочинял. Из подобной твари вышел бы идеальный охотник — в самый раз для того, чтобы натравить его на вздорного ученика, не желающего по-хорошему надевать смирительную рубашку.

Я сделал два медленных шага к игровому автомату, глядя на его экран. Я не обращал внимания ни на звездолет, ни на астероиды, ни на огромный, парящий над горизонтом череп. Я не обращал внимания на полосы помех, начинавших перечеркивать экран по мере моего приближения — даже моего слабенького магического поля хватало, чтобы компьютерная начинка реагировала на мое присутствие. Нет. Я смотрел только на стеклянный экран и на то, что в нем отражалось.

Я видел отражение своего долговязого силуэта. Я видел отражение магазина — стеллажей и проходов между ними. Я видел отражение стеклянной входной двери.

И Твари, стоявшей перед ней.

Тварь была огромна. Я хочу сказать, размерами она была больше, чем дверь, сквозь которую она неизвестным мне образом прошла. Очертаниями она более или менее напоминала человека, только неправильных пропорций. Плечи слишком широкие, руки слишком длинные, ноги слишком тол-

стые и скрюченные. Все тело ее заросло шерстью, а может, каким-то мхом. Или и тем, и другим. И глаза — пустые, бездонные, в глубине которых тускло светилось какое-то фиолетовое сияние.

Я почувствовал, как начали дрожать мои руки. Что там дрожать — трястись. Точнее говоря, дергаться, как в конвульсиях. Бумажный пакет ритмично похрустывал. У меня за спиной стояло существо из потустороннего мира. Я ощущал его — всего в семи или восьми футах от меня, реальностью не уступавшее Стену. Ощущал всеми чувствами, кроме зрения. Мне потребовалось сделать над собой нешуточное усилие, чтобы повернуть голову и бросить взгляд через плечо.

Ничего. Стен продолжал совать в пакет купюры. Никого другого в магазине не было. Дверь не открывалась с того момента, как я вошел. Над ней висел колокольчик — он бы зазвенел, если бы она открывалась. Я снова посмотрел на отражение.

Тварь стояла на пару футов ближе.

И улыбалась.

Форма ее головы распознавалась плохо из-за покрывавшей ее чешуи или сбившихся в бесформенные дреды волос. Но ниже глаз я ясно видел рот, слишком широкий для настоящего, полный неправдоподобно острых зубов — в нашем мире таких не бывает. Такую улыбку можно было бы отыскать только в обдолбанных, укуренных кошмарах Льюиса Кэрролла.

Мои ноги угрожали превратиться в кисель. Я не мог совладать с дыханием. Я не мог пошевелиться.

Страх пробегал по спине ледяными спазмами и стекал холодным потом. Я ощущал исходящую от Твари враждебность — не бездумную злобу обиженного мной одноклассника, не холодную, расчетливую ярость Джастина. Нет, эта злоба была совсем другой: шире и бездоннее океана. Ядовитая ненависть, древняя и порочная настолько, что, казалось, способна убивать сама по себе. Казалось, эта злоба клубится вокруг чудовищной головы зловонным, отравленным облаком.

Тварь хотела меня уничтожить. Причинить мне боль. И при этом наслаждаться процессом. И что бы я ни ска-

зал, что бы я ни сделал, я не в силах был изменить этого. Я представлял собой объект, подлежащий ликвидации, причем по возможности более замысловатым способом. Без жалости. И без страха. И еще: эта тварь была древней, невообразимо древней. И терпеливой. Каким-то образом я понимал, что если разочарую ее, терпение ее лопнет и то, что им сдерживалось, разъест меня быстрее самой крепкой кислоты. Я ощущал себя испачканным — одним присутствием этой Твари, оставившим на мне пятно, которое невозможно стереть или смыть.

А потом оно оказалось прямо у меня за спиной, так близко, что могло бы до меня дотронуться, возвышаясь надо мной исполинской, наводящей ужас громадой.

Оно наклонилось. Из-за частокола острых, как у акулы, зубов высунулся раздвоенный язык.

— То, что ты сейчас ощутил, — прошептала Тварь негромко, спокойно, с безукоризненным произношением, — настолько близко от тебя, насколько разум твой может осознать значение моего имени. Как дела?

Я пытался сказать что-нибудь. И не смог. Слова отказывались срываться с моих губ. Я даже не мог набрать в грудь достаточно воздуха, чтобы выдавить из себя хоть звук.

Черт подери. Черт подери. Я ведь не какой-нибудь перепуганный пацан. Не просто беспомощный сирота, которого собирался покарать кто-то на несколько порядков старше и сильнее. Я касался сил самого Творения. Я сам сделался силой природы. Я видел такое, чего не дано видеть никому. Делал такое, чего не дано делать никому.

И все, что я мог спросить у себя в минуту вроде этой: «А что бы сделал на моем месте Джек Бёртон?»

— С-спасибо, х-хорошо, — выдавил я из себя хриплым, почти неслышным голосом. — Задача с-сложная, а я спешу. М-может, у вас п-прозвище п-попроще найдется?

Улыбка у Твари сделалась шире.

— Жалкая Закуска, среди имен, даденных мне теми, кого я расчленил, — последнее слово Тварь произнесла с нескрываемым наслаждением, — несколько раз повторялось одно.

— Д-да? И к-какое же?

— Тот, — промурлыкала Тварь, — Кто Идет Следом.

ГЛАВА ТРИДЦАТАТЬ ВТОРАЯ

— Тот, Кто Идет Следом? — переспросил я, без особого успеха пытаясь изгнать дрожь из голоса. — По части утешения бывают имена и круче. Я бы выбрал то, из автомата. Оно загадочнее.

— Не торопись, — пробормотал бестелесный голос. — Перед концом ты все поймешь.

— Э, чувак? — осторожно поинтересовался Стен. — Это... Ты с кем это разговариваешь?

— О, расскажи ему, — заявила Тварь. — Это будет забавно.

— Заткнись, Стен, — сказал я. — И убирайся.

— Э?... — не понял Стен. — Чего?

Я резко повернулся, наставив на него свой бумажный пакет. Руки мои прошли при этом сквозь то место, где одновременно находился и не находился Тот, Кто Идет Следом.

— Убирайся отсюда к чертовой матери!

Стен готов был расшибиться, выполняя мой приказ. По дороге к выходу он буквально упал пару раз, поскользнувшись на полу. С округлившимися от ужаса глазами он распахнул дверь и вывалился в ночь.

Я повернулся обратно к отражению в экране, и как раз в то мгновение, когда я снова различил в нем силуэт, что-то взорвалось у меня между лопатками. Я врезался лбом в экран автомата с силой, от которой по стеклу пробежала паутина трещин. Резкая, до тошноты сильная боль пронзила мою голову, и я пошатнулся.

Пошатнулся, но все-таки не упал. Джастин Дюморн бывал со мной жесток. Конечно, мне никогда не доставалось от него так сильно, я никогда так не пугался и боли такой еще не испытывал, — с другой стороны, такого еще ни разу не происходило взаправду. Я схватился руками за металлический корпус автомата, заставил свои пальцы цепляться что было сил, но все-таки не упал.

— Беги! Беги! — снова взвизгнул автомат. На этот раз голос плыл и хрипел, отчего казался еще более низким и злоеющим. Сквозь выступившие на глазах слезы я все-таки раз-

глядел, что растрескавшийся, мерцающий от помех экран залит кровью перепуганного чародея. Игровой компьютер явно находился при последнем издыхании.

— Надеешься, этот смертный недоумок побежит в полицию? — промурлыкал вкрадчивый голос.

Я повернул голову, огляделся по сторонам и не увидел ничего. Однако от этого движения спину пронзило жгучей болью, и я понял, что спина под курткой совершенно мокрая. Я истекал кровью.

— Надеешься, что если они понаедут в своих машинах с мигалками и всем прочим, то я убегу?

Я повернулся и привалился к автомату спиной. Ноги казались ватными, но я начал справляться с болью. Я стиснул зубы.

— Убирайся прочь от меня! — огрызнулся я.

— Заверяю тебя, — отозвался бестелесный голос, — что нам никто не помешает. Уж я постараюсь. Однако же это показывает, что у тебя имеется некоторый талант действовать в сложной ситуации. Или нет?

— Ты говоришь прямо как мой наставник, — буркнул я, смахнул кровь с глаза, сделал вдох и шагнул вперед. Мне удалось подойти к кассовой стойке, почти не пошатнувшись. Я забрал с нее пакет с деньгами, который оставил там Стен. — Ну, может, чуть пострашнее, чем он.

— Ни боль, ни страх не отвращают тебя от цели. Отлично. — На этот раз голос исходил откуда-то из дальнего конца торгового зала. — Однако же никогда не знаешь остроты клинка, пока не испробуешь его в деле. Даже самая прочная на вид сталь способна иметь скрытые изъяны. Воистину это обещает стать интересным.

Я замолчал, нахмурившись, и посмотрел на свою фею-крестную, продолжавшую внимательно слушать меня, сидя на краю могилы.

— Я... А скажите, крестная, я вот слышал, что призраки состоят из воспоминаний.

— Разумеется, — кивнула Леа.

— И эти воспоминания всегда правда?

Леа ехидно изогнула точеную бровь.

— Ты задаешь первый вопрос, еще не завершив свой рассказ? — Губы ее неодобрительно скривились. — Твое искусство рассказчика оставляет желать лучшего, детка.

— Угу, у меня всегда были двойки по литературе. Так вы ответите на вопрос?

Глаза ее сделались зелеными, как изумруды, зловеще светящиеся изнутри.

— Воспоминания — это факты, события... такие, какими ты их переживал.

Я нахмурился еще сильнее.

— Я никогда не помнил в точности, что говорила мне эта Тварь, — признался я. — Ну, я хочу сказать, я так двинулся башкой, что она у меня потом несколько дней трещала.

— О да, — согласилась Леа. — Боль твою я помню.

Еще бы не помнить.

— Ну да. В общем, теперь-то я помню этот разговор полностью, слово в слово. Это правда так? Или это из того, что парень в черном наскоро напихал туда для отчетности?

— Это твои воспоминания, — сказала крестная. — Эти записи — твои впечатления, восприятие того, как ты жил. И хранятся они не только в твоем мозгу; если уж на то пошло, довольно часто твой мозг — не лучшее приспособление для этого. — Она помолчала, обдумывая следующие слова, а потом развела руки ладонями вверх, и в глазах ее засветился странный огонек. — Сохранение вещей — в самой природе Вселенной. Ничто не пропадает бесследно. Эхо Творения до сих пор вибрирует в бездне космоса: Вселенная помнит. Вот ты в настоящий момент свободен от оков смертности. Твой ограниченный мозг не блокирует тебе больше доступа к этим записям. Единственные ограничения твоей памяти — это те, что установил ты сам.

— Дзен какой-то... бредятина, — буркнул я. — Выходит, то, что я запомнил, происходило на самом деле?

— А разве я этого не сказала? — обиженно надула губы она. — Из этого вышел бы восхитительный роман. Стала бы я все это выслушивать, будь оно не так?

Меня глодали некоторые сомнения. Но я не стал развивать тему. Гарри-призрак заметно поумнел.

— А теперь, — заявила Леанансидхе, — если у тебя больше нет необходимости отвлекаться от волнующей меня темы, молю тебя, продолжай.

— Пошел прочь от меня! — огрызнулся я, сжимая в руке пакет с деньгами. Из незадачливой камеры наблюдения сыпались искры. Собственно, они в основном и освещали помещение. Даже если бы Тварь и обладала материальным телом, ей не составило бы труда прятаться в глубоких тенях между рядами стеллажей. Я, во всяком случае, не видел ее нигде.

Поэтому я испытал немалое потрясение, когда что-то ухватило меня за шиворот и с легкостью швырнуло в прилавок с пончиками и всякой выпечкой.

Я пробил его насквозь и врезался в стоявший за ним стеллаж. По прошествии лет я бы расценил это как боль средней интенсивности, но тогда она показалась мне чудовищной. В нос бил запах сахарной пудры и шоколада. Полагаю, я весь превратился в один большой пончик с толстым слоем глазури и сахарной посыпки. От этих запахов в желудке заурчало — достаточно громко, чтобы это было слышно сквозь грохот сыпавшихся с полок предметов.

Я же сказал. Шестнадцать лет.

— Надо же, сколь бесполезная плоть служит тебе оболочкой, — произнес голос, ничуть не запыхавшийся от усилий. — Она абсолютно лишена логики и все же удерживает тебя воедино. Все твое существование — это цепь противоречий. Однако есть и нечто, в чем ты можешь не сомневаться, смертное дитя: на этот раз тебе не убежать.

Черта с два. Бег всегда помогал мне, и я не видел причины, по которой мне стоило бы менять политику. Шатаюсь, я поднялся на ноги и бросился в глубь магазина, подальше от предполагаемого направления движения нападавшего. Я обогнул ряд полок с продуктами и, задышавшись, привалился спиной к его торцу.

Что-то жесткое, горячее и скользкое прижалось к моему — что-то, более всего напоминавшее змею и силой не уступавшее крупной анаконде. Это «что-то» дернуло меня вверх, оторвав от пола, и швырнуло куда-то в сторону.

Я вдруг испытал острое сочувствие к Джерри, попавшему в мощные лапы к огромному невидимому Тому.

— Тебе не убежать от того, кто всегда у тебя за спиной, — произнес голос.

Я болезненно приземлился на пятую точку и на четвереньках пополз к другому ряду стеллажей... только для того, чтобы невидимая сила нанесла новый удар — словно чья-то исполинская нога с размаху врезала мне под зад. Удар швырнул меня вперед, прямо в стеклянную дверь холодильника с напитками.

Я отлетел от нее, рухнул на пол и некоторое время оглушенно лежал, тупо глядя на трещины, оставленные на стекле моей головой.

— Никто не придет к тебе на помощь.

Я сделал попытку отползти дальше. Я как раз добрался до следующего холодильника, когда новый удар по ребрам швырнул меня в новую стеклянную дверь. На сей раз я врезался в нее плечом — стекло выдержало и не треснуло, зато я почувствовал, как что-то хрустнуло внутри меня, и рука буквально онемела от боли.

Невидимое присутствие потусторонней Твари приблизилось. Ее голос понизился до бархатного удовлетворенного шепота:

— Дитя звезд. Нынче ночью я тебя уничтожу.

В голове, казалось, не осталось ничего, кроме страха и боли. Я ощущал приближение Твари — со спины... всегда за спиной, вдруг понял я, всегда с той стороны, где я слабее, уязвимее. Вот где положено всегда находиться этой гадине.

Мне надо было двигаться. Сделать хоть что-то. Однако страх сковывал руки и ноги, словно к ним подвесили свинцовые гири, лишал меня сил, превращая мышцы в кисель, а мысли — в белый шум. Я хотел бежать, но все, на что меня хватало, — это медленно ползти вдоль ряда с напитками.

— Жалкое зрелище, — произнес Тот, Кто Идет Следом. С каждым словом он оказывался все ближе. — Беспомощное, хнычущее создание. Бесполезное.

Ужас.

Я не мог думать.

Я умру.

Я умру.

И тут мой голос сам собой изобразил — чертовски правдоподобно — Малютку Германа:

— Насчет тебя я знаю. А что я?

Тот, Кто Идет Следом, застыл как вкопанный. На какое-то мгновение в его неотвратимом присутствии промелькнула неуверенность.

— Что? — спросил он.

— Ха-ха! — продолжал я все тем же голосом, подогревая игру своим страхом. В голове вдруг вспыхнула мысль: «Возможно, я не могу помешать этой гадине держаться у меня за спиной. Но я могу выбирать, куда повернуть».

Я с трудом поднялся на ноги и двинулся вдоль по проходу, делая с каждым шагом оборот вокруг своей оси на манер дервиша. И все это время не прекращал своего дурацкого мультяшного смеха. Если подумать, этот голос Малютки Германа был самым зловещим из всего, что я слышал в ту ночь.

Я толкнул входную дверь бедром и, не прекращая вращаться, вывалился на улицу, на стоянку. Только тут до меня дошло, что в моем плане бегства недостает существенной детали: второй части. Как-то не успел я задуматься над тем, что будет после того, как я выберусь из магазина.

Эту задачу я выполнил. Что дальше?

Стоянка сплошь погрузилась в темноту. Ближайшие фонари горели в сотне ярдов от нее, и свет их казался слабее, более оранжевым, чем полагалось. В воздухе висело какое-то душное напряжение, а еще — слабый запах тлена и смерти. Может, это натворила потусторонняя Тварь? Уж не это ли она имела в виду, когда говорила, что нас никто не потревожит?

Стен стоял на стоянке между двумя заправочными колонками. Вид у него был как у человека, пытавшегося бежать в замедленном воспроизведении. Руки двигались томительно медленно; ноги, согнутые как при беге, перемещались со скоростью ленивого ходака, словно бежал он в густом киселе. Он оглядывался через плечо на меня,

и лицо его, перекошенное от ужаса, казалось в причудливых тенях от далеких фонарей жуткой застывшей маской.

Повинуясь чистому инстинкту, я бросился к нему. Самому примитивному, стадному инстинкту, исходящему из предположения, согласно которому чем нас больше, тем безопаснее. Мои ноги отталкивались от асфальта в нормальном темпе, и глаза его медленно округлились при виде меня с почти комичным потрясением.

— И это все, на что ты способен? — послышался голос, исходивший из ниоткуда и отовсюду разом. — Так ты один из них? Один из тех, что заполонили собой землю? — Исходная точка у голоса все-таки обозначилась, и я вдруг ощутил у себя на затылке обжигающе-горячее, зловонное дыхание. — От ученика Дюморна я ожидал большего.

Я резко повернулся, выставив перед собой руки в защитном жесте. Я успел разглядеть все, отраженное в больших витринах магазина.

Тот, Кто Идет Следом, вынырнул из тени прямо перед перепуганным Стеном. Жуткие жилистые руки охватили его, сбив с ног, как младенца. Еще одна конечность, а может, хвост или что-то вроде щупальца, покрытая тем же мехом или чешуей, что и остальная поверхность тела, обвилась вокруг Стена, так что тот оказался спеленатым в трех местах: на уровне плеч, чуть выше талии и по ногам.

А потом с медленной, ленивой такой ухмылочкой, одним резким движением Тот, Кто Идет Следом, разорвал Стена, простого кассира из магазинчика при заправке, на три части.

Мне приходилось уже видеть смерть своими глазами. Но не такую. Не такую жуткую, стремительную и кровавую. Я отвернулся от витрины и увидел, как три части тела повалились на землю. Кровь залила все вокруг. Одна рука продолжала размахивать как безумная, рот открылся, словно пытался вскрикнуть, но из него не вырвалось ничего, кроме отвратительного бульканья и струи крови. Отчаянный, перепуганный взгляд на мгновение встретился с моим, и я поспешно опустил глаза, чтобы не заглянуть умирающему Стену в душу.

А потом он... типа изменился. Превратился из человека, полного чудовищных страха и боли, в кучку безжизненной плоти. Кусков тела. Ключков окровавленной одежды.

Я никогда еще не видел, чтобы смерть наступала вот так. Как унижение. Как превращение неповторимой в своем роде души в простую материю. Когда эта Тварь убила Стена, она не просто прервала его жизнь. Она как бы подчеркнула его ничтожность, жалкую незначительность этой жизни. Превратила человека, пусть и ничем особым не отличающегося, в нечто еще меньшее — во что-то такое, что не стоило затраченных на него при жизни ресурсов. Во что-то такое, что не имело возможности выбрать свою судьбу, шансов сделаться чем-то большим.

И ведь это я вовлек Стена во все это. Сам-то он не имел к нашему конфликту никакого отношения.

Ну да, конечно, я не собирался причинять этому бедолаге боли, да и не сделал бы этого. И тем не менее, когда бы не мое решение ограбить магазин, он продолжал бы пинать балду у себя за стойкой, убивая время до следующей смены. Он бы не угодил в гущу событий, которых не ожидал и к которым не приложил руки — и которые его убили.

Что-то звонко щелкнуло у меня в голове.

Это неправильно.

Стену не полагалось погибнуть вот так. И никому не полагалось. Никто — ни человек, ни потусторонняя Тварь, да и никто другой — не вправе принимать решения ради извращенной забавы лишать Стена жизни, лишать его всего, чем он был, чем мог бы стать.

Стен этого не заслужил. Он этого не ждал. А эта Тварь, этот демон его убил.

Челюсти мои свело, с такой силой я стиснул зубы. Где-то в голове, за глазами громко отдавались, учащаясь, удары сердца. Голову и грудную клетку распирало жутким давлением, а вместе с ним меня захлестнула волна гнева и чего-то еще, жарче, темнее и страшнее этого гнева.

Это.

Не.

Правильно.

Конечно, неправильно. Впрочем, мир вообще полон несправедливости, так ведь? И уж я-то знал это лучше, чем многие вдвое старше меня. Мир — не самое уютное место, и это несправедливо. Каждый день приносит страдания и смерть людям, которые их не заслужили.

Ну и что? Значит, кто-нибудь должен с этим что-то поделать.

Правые плечо и рука горели, словно их сунули в огонь; пальцы медленно сжались в кулак — с такой силой, что суставы хрустнули. Такого со мной еще не случалось.

Я повернулся к отражению демона в витрине. Тот пригнулся над останками Стена, легонько барабанил когтями по широко раскрытым глазам покойника. Пасть продолжала гнусно, жутко ухмыляться.

При виде выражения, застывшего на моем лице, ухмылка сделалась еще шире, а глаза сощурились.

— Ага, — произнесло чудище. — Ага, вот ты где.

Демон не понял, что я больше не жертва. И не беспомощное дитя. Что я чародей. Разъяренный чародей. И что я больше не убегаю.

— Это не твой мир, — прошептал я.

— Пока не мой, — согласился Тот, Кто Идет Следом, все с той же широкой ухмылкой. — Но скоро, очень скоро он снова станет нашим.

— Только ты этого не увидишь, — сказал я.

Я никогда еще не пробовал своих сил, когда злился. Я никогда еще не причинял никому боли с помощью своей магии — по крайней мере сознательно.

Но эта гадина? Из всего, что мне пришлось повидать, эта Тварь, что склонилась над изуродованными останками Стена, заслужила этого более всего. За какие-то полдня я лишился всего, что имел. Дома. Семьи. А теперь, похоже, мне предстояло лишиться и жизни. Что ж, если этого не избежать, если я не мог больше спастись, не подвергая при этом смертельной опасности случайных прохожих, мне предстояло встретить свою судьбу здесь, на этом самом месте, — и я не собирался проделывать это безропотно.

Я заглянул в глубокий колодец гнева и принялся черпать из него, накапливать что-то жгучее, разрушительное, свирепое — как тот огонь, что разгорался во мне.

— Тебе стоит узнать еще кое-что, — произнес я. — Я прогулял сегодня шестой урок. Испанский язык. В котором я и так не силен.

— И что мне до этого? — удивилась Тварь.

— Только то, что «Flickum bicus» не совсем подходит, — ответил я. Жар в правой руке сконцентрировался где-то в районе кулака. В нос ударил запах паленых волос. — И ты ведь плохо понимаешь, где стоишь, а?

Отражение Твари неуверенно покосилось направо-налево, на две бензоколонки, между которыми оно находилось.

Не сводя взгляда с отражения в витрине, я вытянул правую руку в его направлении и преобразовал свое слабенькое воспламеняющее заклятие во что-то в тысячи раз мощнее и жарче всего, на что я отваживался до сих пор.

А потом встретился взглядом с отражением демона, швырнул всю накопившуюся во мне злость в энергию заклятия, резко выбросил руку в направлении твари и выкрикнул:

— Fuego!

Весь жар, весь гнев разом выплеснулись из меня. Огонь ударил из моей вытянутой вперед руки как струя воды из пожарного гидранта. Он захлестнул и Того, Кто Идет Следом, и останки Стена, осветив ночь злобным золотым сиянием.

Демон взвизгнул — скорее от неожиданности, чем от боли — и прикрыл лапищами глаза. Яркий свет искажил отражение в витрине, и я больше не видел того, что происходит у меня за спиной. Я поводил струей огня вправо-влево, не поворачиваясь, не меняя положения спины. Я надеялся, это задержит Того, Кто Идет Следом, на время достаточное, чтобы мое слегка усовершенствованное огненное заклятие достигло цели.

Заправочные колонки снабжены кучей предохраняющих устройств, снижающих вероятность случайного воспламенения. И ведь это действует. Я хочу сказать, вы часто сталкивались со взрывами, заправляя машину? Однако какими бы надежными ни были все эти устройства, они предназначены лишь для предотвращения несчастных случаев.

И ни одному инженеру и в голову не приходило проектировать их с расчетом на то, чтобы мешать разгневанным юным чародеям.

Потребовалась пара полновесных секунд, а потом послышался скрежет рвущегося металла, и первый резервуар взорвался впечатляющим огненным фонтаном.

Ударная волна снова сбила меня с ног, опалив жаром кожу и волосы. Я покатился по асфальту и пару секунд лежал оглушенный. На меня вдруг обрушилась волна чудовищной слабости — реакция на ту энергию, что я потратил на свое небольшое, можно сказать, бюджетное огненное заклятие.

И тут рванул второй резервуар.

Шквал горячего воздуха и град дымящихся металлических обломков ударили по фасаду магазина. Мне повезло, что первый взрыв меня повалил: в противном случае ключья металла, разнесшие к чертовой матери витрины, изрешетили бы меня первым.

Я всмотрелся в огонь и разглядел в нем силуэт — точнее, темную пустоту там, где полагалось бы находиться дыму и пламени. Из этой пустоты до меня донесся голос, гулкий и устрашающий — таким говорят боги и мифические чудовища.

— ДА КАК ТЫ ПОСМЕЛ! — прорычал он. — КАК ПОСМЕЛ ТЫ ПОДНЯТЬ РУКУ! НА МЕНЯ!

А потом эта заполненная пустотой фигура рухнула на колени и завалилась на бок.

Жадные языки пламени набросились на нее и поглотили, не оставив ничего.

Так закончился мой первый бой.

ГЛАВА ТРИДЦАТАТЬ ТРЕТЬЯ

— Это был мой первый бой, — тихо сказал я своей крестной. — До тех пор мне еще не приходилось использовать магию против кого-либо. — Я провел рукой по лбу. — Если бы я не прогулял в тот день урока... ну, не знаю. Возможно, я не стал бы тем, кем стал.

— И это тот урок, что извлек ты из своей памяти? — с улыбкой поинтересовалась Леа. — Ведь тебя, несомненно, готовили к тому, чтобы стать боевым магом.

— Похоже на то, — согласился я, пытаюсь прочесть что-нибудь на ее лице. — Но Джастин ни разу не пытался заставить меня причинить кому-то боль.

— С какой стати ему вооружать тебя прежде, чем он удостоверится в твоей преданности? — удивилась Леа. — Но позже он захотел бы. Это было неизбежно.

— Возможно, — кивнул я. — Но точно мы уже не узнаем. Одно дело тренироваться, ломая доски, другое — крушить кости по-настоящему.

— Совершенно верно. Тем более убедить молодого смертного в том, что использовать магию для насилия правомерно, — процесс сложный и деликатный. Его нельзя то-ропить.

Я хмыкнул и привалился затылком к откосу могилы.

— Прошлого не изменить, как бы сильно этого ни хотелось, крестник, — заметила Леа. — Тебе хотелось бы верить в то, что, возможно, Джастин делал все это с какими-то добрыми намерениями. Что то, что между вами произошло, — какое-то недоразумение. Но ты понял его тогда абсолютно верно.

— Угу. Возможно. Я просто забыл, сколько боли мне это причинило, только и всего, — тихо произнес я. — Как сильно мне хотелось, чтобы он мной гордился.

— Дети уязвимы, — сказала Леа. — Их легко обмануть, особенно в таких вопросах. Но ты больше не ребенок. — Она подалась вперед. — Я обязалась, — произнесла она, сделав ударение на слове «обязалась», — ответить еще на два вопроса. Ты будешь спрашивать сейчас?

— Да, — кивнул я. — Дай мне минуту обдумать вопросы.

— Как тебе угодно, — отозвалась Леа.

Я закрыл на пару секунд глаза и попытался привести мысли в порядок. Задавать вопросы потусторонним существам — дело сложное и даже опасное. Прямых ответов от повелителей Феерии, фей-сидхе можно даже не ожидать. Поэтому и задавать им вопросы в лоб, особенно такие, в которых затрагиваются те или иные конфликты, почти навер-

няка означает получить туманные, издевательски путанные ответы. У меня сложились неплохие отношения с крестной — насколько это вообще возможно между смертным и сидхе, но из этого вовсе не следовало, что я могу расслабляться.

Поэтому я пробежался в уме по событиям последних часов, поискал в них непонятные мне пробелы, хотя воспоминания о той ночи в магазине при заправке здорово мне мешали. Они глодали меня изнутри и решительно отказывались убираться прочь — в особенности разговор с Тем, Кто Идет Следом.

— Что важнее, — произнес я вслух. — Весь вопрос в том, что важнее.

— А? — не поняла Леа.

Я кивнул.

— Я мог бы задать вам уйму вопросов насчет моего прошлого — и вы бы мне ответили.

— Это так.

— Или я мог бы спросить вас о том, что происходит сейчас в городе. Я мог бы понять, как лучше помочь Мёрфи.

Леа кивнула.

— Однако меня послали сюда, чтобы я нашел своего убийцу, — пробормотал я. — Мне полагалось бы выслеживать его, кем бы он ни оказался, а в результате я занимаюсь чем угодно, только не этим.

— Право же, если подумать, — заметила Леа, — ты редко занимался чем-то иным.

Я даже зажмурился.

Она ответила на это своей загадочной кошачьей улыбкой.

— Ну и стерва же вы! — вздохнул я. — Вам ведь нравится проделывать это со мной.

Леа выразительно опустила глаза и затрепетала ресницами.

Я смерил ее хмурым взглядом и скрестил руки на груди. Леа принимала участие в моей жизни с самого моего рождения, а возможно, и раньше. Она могла бы поведать мне уйму сведений, которые мне до смерти хотелось бы узнать с тех пор, как я вообще начал задавать вопросы. Она была также в курсе всех текущих событий. Все высшие сидхе — настоя-

щие фанатики по части сбора информации, и в этом смысле моя крестная не исключение. Разумеется, они охраняют свои знания с ревностью дракона, стерегущего сокровища, поэтому и делятся ими на редкость неохотно.

Сидхе не дураки. Информация куда ценнее золота — в любое время дня и ночи.

Поэтому я вернулся к моему первому вопросу. Что для меня важнее всего? Что важнее — выкапывать тайны из моего прошлого? Информация, необходимая для того, чтобы шагать в будущее? Или помочь моим друзьям и близким сейчас, сегодня?

Угу. Какие уж тут сомнения...

— Что вы можете мне рассказать о Собирателе Трупов, ее возможностях, ее целях? — спросил я.

Леа помолчала, обдумывая ответ, и кивнула:

— Существо, о котором ты говоришь, действует исключительно в собственных интересах. После того как тело, в которое она вселилась на тот момент, погибло от руки дерзкого, импульсивного и весьма опасного юного чародея, дух ее остался без вместилища. Ей потребовалось несколько месяцев на то, чтобы начать действовать хоть как-нибудь, и даже тогда сил на то, чтобы обращаться в мире смертных, у нее имелось ничтожно мало. Ее круг общения ограничился редкими смертными, способными ощущать таких, как она. Поэтому она отыскала их и принялась ими манипулировать, создав из них группировку, с которой ты уже познакомился. Целью ее является обрести себе с помощью сподвижников, как духовных, так и материальных, новое тело подобающей ей силы...

— Прошу уточнить, — перебил я ее. — Вы имеете в виду тело, обладающее магическими способностями?

— Значительными магическими способностями, — кивнула Леа, сделав ударение на слове «значительными». — Пока Собиратель Трупов обреталась в смертной оболочке, даже тел с зачатками таких способностей хватало ей для того, чтобы действовать в полную силу. Однако твоими стараниями — и, кстати, подобно тебе же, мой милый крестник, — она переступила порог, отделяющий жизнь от смерти. Теперь ей необходимо тело со значительным магическим потенциа-

лом, ибо только так она сможет, оказавшись в нем, использовать свой дар.

Я задумчиво побарабанил пальцами по губе.

— То есть вы хотите сказать, Морти — полноценный чародей?

— В отдельных аспектах, мой милый крестник, он сильнее тебя. И он на порядок прагматичнее тебя: он почти полностью избежал внимания Белого Совета, а уж о его подлинных способностях не знал даже ты. Собиратель Трупов захватила его. Вне всякого сомнения, она намеревается использовать в своих целях городских мертвецов и утвердиться здесь в качестве главного городского мага.

Я зажмурился.

— Но зачем? Я хочу сказать, если она так сделает, она привлечет внимание Совета, а она ведь до сих пор в списке тех, кого ищут живым или мертвым, но мертвым предпочтительнее.

— Не привлечет, если будет выглядеть мелким эктомантом, — возразила Леа. — Она просто будет умело прятать свои способности, прибегая к ним только в случае крайней нужды.

— Но зачем ей вообще идти на такой риск? На кой ей сдался Чикаго?

Леа нахмурилась так, что ее ало-золотые брови сдвинулись вместе.

— Не знаю. Однако же из тех, с кем можно заключать сделки, фомор едва ли не самый опасный партнер.

Я заломил бровь. С учетом того, от кого я это слышал, звучало зловеще.

— По моему суждению, — продолжала она, — единственная причина, по которой она пошла на сделку с фомором, — это возможность обосноваться здесь... не исключено, что в качестве их пользующегося относительной независимостью вассала.

Я насупился мрачнее тучи.

— Что ж. Значит, этому не бывать. Это мой город.

Крестная рассмеялась своим напоминающим звон серебряного колокольчика смехом.

— Правда? Даже сейчас?

— А то, — буркнул я и задумчиво провел рукой по подбородку. — Что случится, если она одолеет Морти?

Леа подняла на меня удивленный взгляд.

— Она победит. А что?

Я отмахнулся.

— Да нет же. Как мне выгнать ее из его тела?

Глаза ее чуть сощурились.

— Мне известен один-единственный метод, но его ты уже использовал.

— Черт. Значит, — тихо пробормотал я, — мне надо одолеть ее прежде, чем она одолеет Морти.

— Если ты желаешь сохранить его жизнь — да.

— И — судя по разговору с парнем-Прислужником — мне лучше разбить ее союз с фомором прежде, чем он успеет окрепнуть.

— Что ж, разумно, — согласилась Леа.

— Кстати о фоморах, — спохватился я. — Я хочу сказать, мне же о них почти ничего не известно. Почему это они здесь, в Чикаго, сейчас повсюду? И кто они вообще такие?

— Когда-то давным-давно они враждовали с нашим народом — и с Зимой, и с Летом, — ответила крестная, и ее изумрудные глаза уставились в какую-то неведомую даль. — Мы изгнали их в море. Теперь они скитальцы из мифов и легенд, последние боги и демоны всех земель, омываемых морями. Поверженные титаны, сброшенные с пьедестала боги, темные отражения порождений света. На деле это не один народ, но множество, объединившихся под знаменем фоморов ради общей цели.

— Отмщения? — предположил я.

— Именно так. И цель эта достижима только при наличии силы, а возможности к этому открыло падение Красной Коллегии. Полагаю, я более чем полно ответила на твой вопрос.

— Полнее не бывает. Я крайне признателен, крестная.

Она улынулась в ответ:

— Порой ты бываешь очень мил. На два вопроса я ответила. Третий?

Я подумал еще немного. Как-то я сомневался в том, что на прямой вопрос: «Скажите, кто меня убил?» — я получу какой-либо полезный для себя ответ.

С другой стороны, какого черта? Попытка — не пытка.
— Скажите, — произнес я, — кто меня убил?

ГЛАВА ТРИДЦАТАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Леанансидхе смотрела на меня сверху вниз, и взгляд ее зеленых миндалевидных глаз сделался отрешенным.

— О, дитя мое, — выдохнула она, выдержав небольшую паузу. — Ты задаешь опасные вопросы.

Я склонил голову набок.

— Вы согласились ответить.

— И я должна, — согласилась она. — И не должна.

Я нахмурился.

— Ерунда какая-то.

— Ну разумеется, детка. Ты же не сидхе. — Она скрестила лодыжки, хмурясь, и я увидел в ее глазах этакое бунтарское упрямство. — Хотя я в настроении ответить тебе и покончить с этой дурацкой шарадой.

— ТЫ НЕ ДОЛЖНА.

Голос Вечной Тишины звучал, конечно, не с той силой мозгодробительного артиллерийского залпа, что при первом нашем разговоре, но, возможно, только потому, что я схоронился в могиле как в окопе. Мощи его хватило, чтобы волосы Леа затрепетали как флаг на ветру, а голова ее дернулась, словно от пощечины. На дно могилы упала тень, и я, подняв взгляд, увидел выросшую над ее краем громаду изваяния.

И это при свете дня.

Из чего следовало... Из чего следовало, что кем бы ни была эта штука, только никак не призраком вроде меня. Стоило бы мне сейчас выглянуть из своей могилы, и меня разнесло бы в клочки дневным светом. Ну, в лучшем случае покалечило.

Вечная Тишина явно не испытывала с этим никаких проблем.

Леа с ледяным спокойствием повернулась к статуе.

— Мне прекрасно известно положение дел, — заявила она и склонила голову набок, будто прислушиваясь к не-

слышному мне ответу. Потом вздохнула. — Можешь не бояться, древнее создание. У меня нет намерения тревожить никого из вас.

Что? Что такое? Кого? Из кого?

Почему-то я мало сомневался в том, что на эти вопросы мне никто толком не ответит.

Блин.

Нет, мне определенно стоило выторговать не три, а минимум семь вопросов.

— Детка, — снова повернулась ко мне Леа, — я отвечу на твой вопрос, причем истинную правду. Но это будет не тот ответ, которого ты желал.

— Три правдивых ответа, — стоял я на своем. — Сделка заключалась обеими сторонами добровольно.

Леа недовольно фыркнула и изобразила руками изящный жест, при всем при том не уступающий эмоциональностью театрально воздетым рукам.

— Ты когда-нибудь прекратишь торговаться?

— Да ни за что.

— Невозможный ребенок. Ох, ну ладно. Если это хоть немного наполнит тот бездонный колодец, что вы зовете любопытством... — Она тряхнула головой, снова покосилась на Вечную Тишину и повернулась ко мне. — Первая истина состоит в том, что ты знаком со своим убийцей.

Я поперхнулся. Единственное, что не подлежит сомнению в сидхе, — это то, что они, будь то Летние или Зимние, не могут сознательно солгать. Они просто физически не способны на это. Из этого вовсе не следует, что они не могут обманывать — более того, по части обмана они великие мастера. Однако они не могут произносить слов, которые были бы неправдой.

Из чего следовало, что — если источники информации заслуживали доверия — круг потенциальных подозреваемых можно сократить примерно на шесть миллиардов. А источники информации, которой пользовалась Леа, как правило, доверия заслуживали.

Леа кивнула мне — так легонько, что, возможно, это мне просто показалось.

— Второе — это то, что твое убийство — всего одно из тысяч, лежащих на совести твоего убийцы.

В это я тоже поверил, попробовав обмозговать с разных сторон. Среди моих знакомых есть люди и другие создания, готовые убить, не моргнув, однако таких, что проделали это тысячекратно, кот наплакал. Лучшие снайперы мировых войн записали в свой актив по несколько сотен уничтоженных врагов. Серийные убийцы, орудовавшие на протяжении нескольких десятилетий, — и того меньше. Однако сверхъестественные хищники, особенно древние, на протяжении столетий могут оперировать и четырехзначным количеством жертв.

И кстати, я делал все, что в моих силах, чтобы число таких хищников сократилось. Да, круг подозреваемых стремительно сужался.

— И последняя истина, — продолжала Леа, которая сразу показалась ужасно усталой. — Твой убийца действовал лишь по наущению другого — куда более могущественного и опасного, чем он сам.

«Он». Мужского рода. Значит, как ни крути, круг подозреваемых сужается ровно вдвое.

И это значит...

И это значит, что кроме того перца, что меня грохнул, мне надо остерегаться еще и его босса.

Класс!

— Более этого я тебе поведать не могу, крестник, — вздохнула Леа.

— ТЫ И ТАК СКАЗАЛА СЛИШКОМ МНОГО.

Леа подняла руку, словно прикрывая лицо от порыва ветра, и нахмурилась, глядя в направлении Вечной Тишины.

— Твои познания о мире смертных ограничены. Дело сделано. И прекрати свои завывания. — Леа снова склонила голову набок, помолчала немного, потом напряженно выпрямила спину и без особого энтузиазма кивнула. — Как тебе будет угодно.

Безмолвная фигура перевела взгляд с крестной на меня, и хотя легких, в которые она могла бы набрать воздуха, у нее не имелось по определению, я каким-то образом ощутил, что она собирается заговорить.

— Знаю, — поспешно произнес я. — Знаю, знаю. Мой путь. Совершенно не обязательно выносить мне мозги, повторяя это еще раз.

Вечной Тишине это, похоже, понравилось не очень. Я ощутил нечто такое... ну, такое, что вполне могло бы сойти за недовольный вздох. А потом статуя повернулась и скрылась из виду.

— Ф-фух, — выдохнул я, выждав несколько секунд, чтобы она отошла подальше. — Что это, черт подери, вообще такое было?

— Глашатаи, — пробормотала Леанансидхе едва слышно. — Вечно Глашатаи. И знак почтения.

— Чего?

Она посмотрела на меня в упор, и мне показалось, что она говорит что-то, лишенное конкретного смысла.

— Глашатаи, дитя мое. Те, кто вещает от лица другого, не имеющего возможности здесь присутствовать. Так же, как я долгие годы служила глашатаем моей королевы, а случилось — она моим. — Леа тряхнула головой и оперлась рукой о землю, собираясь встать. — Мне пора, дитя мое.

— Подождите. — Я поднял руку и дотронулся до ее ноги.

Моя призрачная плоть не прошла сквозь ее. Рука не ощутила ничего, кроме странного сопротивления движению. Я не проник в нее, как это произошло с Молли или Морти. Я удивленно заморгал.

— Я принадлежу к двум мирам, — пояснила она, заметив мое удивление. Или услышав мои мысли? — Естественно, на ощупь я не похожа на смертную плоть.

— А... — пробормотал я. — Э... послушайте, я просто должен быть уверен в том, что вы заботитесь о Молли.

Она склонила голову набок и некоторое время молча смотрела на меня.

— Но... детка... В твои обязанности вовсе не входила забота о молодой женщине.

— Еще как входила, — возразил я. — Она была моей ученицей.

— Разумеется. Той, которую ты обязался обучать — но не заботиться. Дитя мое, ты что, вообще не понял цели наших с ней занятий?

Я открыл рот, подумал и снова закрыл.

— Не исключено. А что должно было произойти?

— По-хорошему, это тебе полагалось бы научить ее заботиться о себе, — заявила Леа как о само собой разумеющемся факте. — То, что тебе не удалось этого сделать... — Она нахмурилась. — Признаю, у меня весьма ограниченные представления о том, что вы считаете добром и злом. В эмпирических ситуациях разница между этими понятиями представляется мне чисто семантической. И все же мне кажется, то, что ты был с ней мягок, не принесло ей особого добра.

На мгновение я встретился с ней взглядом, потом опустил глаза.

— Возможно, вы и правы.

— Я ведь очень стара, дитя мое. В большинстве случаев на мой опыт можно положиться. — Она сморщила нос, потом нагнулась и высокомерным жестом потрепала меня по руке. — А теперь вот что. Послушайся совета милой статуи. И постарайся уничтожить любого, кто попробует причинить тебе вред. Смерть ведь тоже в своем роде ценный жизненный опыт, иначе какой в ней смысл?

Что-то в словах моей крестной зацепило одну из немногих продолжавших функционировать у меня в мозгу клеток, и меня вдруг осенило.

— Вот оно! — выпалил я. — Вот как одолеть Собирателя Трупов!

Леа склонила голову набок, внимательно посмотрела на меня и с понимающей улыбкой кивнула:

— Ах! Если у тебя получится.

Я судорожно сглотнул.

— Угу.

— Забавно, — пробормотала она. — Если тебе удастся с ними совладать... В некотором роде они куда смертоноснее, чем та, что ими манипулирует. Взрывоопаснее. Очень, кстати, в твоем духе. Блистательно! — Она сделала несколько замысловатых движений пальцами и исчезла.

Исчезла, оставив меня в могиле наедине с моими мыслями.

Я снова привалился к откосу, но лечь на дно не стал. Вместо этого я думал о Молли и о том, во что она превратилась.

Вина за это во многом лежала на мне.

Первой мыслью, что пришла мне в голову, было: «Я не имел права брать ее с собой в Чичен-Ицу».

Это я затащил ее на главное сражение моей жизни — на битву с Красной Коллегией за жизнь моей дочери. А ведь я не имел права подвергать ее такой опасности. Из всех чародеев она принадлежала к той их категории, которая отличается особой чувствительностью, предельной хрупкостью магических чувств, настроенных на тончайшие проявления нашего искусства. Ну или, выражаясь моим сленгом, она обладала огромными, как у Дамбо, ушами, особо восприимчивыми к громким звукам.

Магия — это жизнь. Отдельные разновидности смерти — убийство, например, — воздействовали на ее чувства как чудовищный, оглушительный скрежет. А я затащил ее в это чертово подобие концертного зала, где такой скрежет издавало сразу несколько оркестров. Не говоря уже о том чудовищно огромном, чудовищно жестоком магическом заклятии, равного которому не знало столетие... Блин, вот я, скажем, в магическом отношении избыточной чувствительностью никогда не отличался, но даже так в памяти моей, которой полагалось бы хранить несколько следующих за этим магическим взрывом минут, зияют чудовищные пробелы.

И уж если мне пришлось более чем несладко, что тогда говорить о Молли. И ведь еще ее в придачу к этому подстрелили, едва не убили. В прошлый раз, когда я ее видел, она лежала без чувств от потери крови.

Ошибка. Сплошная чертова ошибка на ошибке. В тот момент я настолько заиклился на необходимости спасти Мэгги, что позволил Молли уговорить меня включить ее в отряд. Подумай я над этим хоть немного, я бы ее туда на пушечный выстрел не подпустил. Я убедил бы ее оставаться дома или прикрывать наши тылы... ну или, там, дежурить в машине. Собственно, раньше, собираясь на очередное махалово, я именно так и поступал. Такое обилие магического шума могло сказаться на ее рассудке.

Впрочем, возможно, и сказалось.

Даже если ее рассудок и покоился на хорошем, солидном основании, для того чтобы его повредить, не нужно

какой-то там супермагии — вполне достаточно и прикосновения смерти. Возвращающимся с войны солдатам это известно уже не одно столетие. Посттравматические стрессы, связанные с тяжелыми ранениями, сломали жизнь множеству людей — людей, не обладающих магическими способностями, дающими выход их гневу, страху, горю или чувству вины.

И кто, скажите на милость, занял мое место? Проклятая Леанансидхе, официальный представитель самой Ее Извращенного Величества, по сравнению с которой Ницше с Дарвином показались бы сентиментальными романиками.

Блин-тарарам! Ну почему, когда Молли настояла на своем участии, я не сказал ей: «Ну конечно, Кузнечик, добро пожаловать со мной. Мне всегда хотелось породить собственного больного на голову монстра...»

Черт. Не такое наследие мне хотелось оставить после себя. Честно говоря, я вообще не слишком задумывался о своем наследии, но ученица с израненным сердцем и душой, за которой, возможно, охотятся ее же бывшие друзья, определенно в мои планы не входила.

— Ох, детка, — прошептал я в пустоту. — Прости меня, Молли.

Как выяснилось, призраки могут плакать.

— Здесь, — произнес знакомый голос. Прошло сколько-то времени — не знаю точно сколько, но не очень много. Возможно, день уже начинал клониться к вечеру... Трудно судить из могилы.

— Ты здесь ни разу не был, — возразил другой. — А я ходил на похороны. Откуда, черт подери, тебе известно, где его могила?

Я услышал, как Фиц издал вздох, исполненный такой муки, на какую способны только подростки, поскольку любого другого от подобного разорвало бы на части.

— Вот эта яма с большим пятиугольником на плите?

Последовала неловкая пауза, вслед за которой голос Баттерса подтвердил:

— Угу. Может, и эта.

Под чьими-то подошвами заскрипел мокрый снег, потом на краю могилы возникли и усталились вниз Фиц с Баттерсом.

— Ну? — спросил Баттерс. — Здесь он?

— Откуда мне, черт подери, знать, — отозвался Фиц. — Я мертвецов не вижу. Я их только слышу. А здесь не слышу ничего.

— Привет, Фиц, — сказал я.

Парень подпрыгнул. Он снова переоделся в свою старую, но выстиранную и местами даже поглаженную одежду, накинув поверх всего одно из старых пальто Фортхилла.

— Господи. Ага, здесь он.

— С ума сойти, — заявил Баттерс. — Привет, Гарри. А ну, приятель, помоги мне спуститься.

— А чего вам помогать? Здесь не больше пяти футов. Просто прыгайте вниз.

— Прыгать? В могилу? Да ты меня за дурака держишь? С таким же успехом можно натянуть красную рубаху и наняться в группу высадки. Там снег, и лед, и грязи полно. Шею свернуть проще простого.

— А что, доктора все хнычут, как девчонки? — поинтересовался Фиц.

— Но-но! Эта девчонка до сих пор жива только потому, что избегает делать глупости.

Фиц фыркнул:

— Ну да. Я вам помогу, поскользнусь, и мы свернем шею оба.

Баттерс нахмурился:

— Гм. Тоже верно.

Я с трудом сдержал ухмылку.

— Ох. Блин-тарарам, парни. Вы уж что-нибудь одно — или убирайтесь, или кончайте кокетничать и спускайтесь сюда.

— Ха-ха, — обиженно буркнул Фиц. — Он только что обозвал нас пидорами.

Баттерс заморгал.

— За то, что мы не прыгаем в могилу, из которой потом можем не выбраться? Бредятина какая-то.

— Да не за то, а... — Фиц нетерпеливо вздохнул. — Ладно, просто руку мне дайте, а? Я вас туда опущу.

Баттерс покипел праведным гневом еще немного, удостоверился в том, что Фиц стоит крепко, а потом опустился на дно моей могилы. Одет он был снова по-зимнему, на плече висела спортивная сумка. Спустившись, он отошел в тень и принялся расстегивать сумку.

— Что у вас там? — спросил я у Фица.

— Неприятности, — коротко ответил тот.

— Нам нужна твоя помощь, Гарри, — сказал Баттерс.

— Эй, постойте, — нахмурился я. — Как это Баттерс тебя нашел, Фиц?

— Он спросил-таки, — сообщил Фиц Баттерсу.

Коротышка-патологоанатом кивнул.

— Гарри, я тут узнал от Мёрфи, что вы занялись благотворительностью. Ну, нетрудно было вычислить, к кому вы обратитесь за помощью, вот я и отправился в церковь потолковать с Фортхиллом. Только его там не оказалось.

Фиц прикусил губу.

— Послушайте, Дрезден. Мы говорили с отцом. И он решил, что ему надо поговорить с Аристидом обо мне.

Я зажмурился и оттолкнулся от откоса могилы.

— Чего?

— Я пытался его отговорить, — продолжал Фиц. — А он меня не слушал. Он... ну, мне показалось, он разозлился. Но он сказал, он разберется с этим, пока дело не дошло до бойни.

Блин-тарарам! В прошлом мне приходилось пересекаться с такими, как Аристид. Если ему понадобится, он пришьет Фортхилла без малейших колебаний. Священнику угрожала опасность.

— Мёрфи вломилась бы туда с пистолетом наготове, — вставил Баттерс. — Она мне руки вырвет, если узнает, что я ей не сказал. Нам нужно, чтобы вы помогли нам в этом деле.

— Но это же безумие! — возмутился я. — Врываться туда без подготовки...

— Поздняк метаться! — отрезал Фиц. — Послушайте, Фортхилл все равно уже там. Я только-только с ним познакомился, но... но... не хочу я, чтобы он из-за меня пострадал. Надо спешить туда.

— Я не могу, — вздохнул я. — Не могу передвигаться на свету.

— Мы об этом подумали, — сказал Фиц. — Баттерс говорит, вам нужен экранированный сосуд.

— Это Баттерс говорит? — ехидно переспросил я.

Баттерс распрямился, доставая из сумки пластиковый корпус из-под фонаря, в котором лежал череп Боба. Он подмигнул мне, поднес корпус поближе и кивнул.

— Добро пожаловать на борт, — сказал он.

Я зажмурился.

— Ладно, — вздохнул я. — Пошли.

Я набрал в грудь побольше воздуха и усилием воли послал себя вперед, прямо в зияющие глазницы черепа.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

На мгновение, когда моя духовная сущность ринулась вперед, меня захлестнула волна головокружения, а потом я оказался...

В квартире.

Ну ладно, говоря «квартира», я не имел в виду мое старое жилище. При жизни я обитал почти что под землей, в коробке двадцать на тридцать футов — не считая расположенной совсем уже в подвале лаборатории. И апартаменты мои были под завязку набиты дешевыми книгами в бумажных обложках на обшарпанных полках и удобной, купленной на распродажах секунд-хенда мебели.

Эта квартира подошла бы скорее Бонду. Джеймсу Бонду. Даже не квартира, а пентхаус, право слово. Уйма мрамора и красного дерева. Здесь имел место камин размером с маленький гараж, в котором полыхал небольшой пожар. Меблировка соответствовала. В отделке ее преобладала замысловатая ручная резьба. Только при более внимательном рассмотрении я узнал в узорах руны и знаки, которыми украсил в свое время собственный посох и жезл. Диваны (во множественном числе), кресла-каталки, банкетки и обычные кресла (также во множественном числе) были обиты какой-то

дорогой тканью — должно быть, редкими шелками, расшитыми теми же знаками, серебряными и золотыми. На ближнем от меня столе громоздилось блюдо с чем-то, напоминавшим свежезажаренную индейку, а также вазы с фруктами, овощами и всякого рода закусками.

Нет, право же, жратвы здесь хватило бы на небольшое государство. Правда, тарелок, чтобы накладывать на них всю эту красоту, я не видел — равно как ножей и вилок. То есть выглядело все это восхитительно, и запах поднимался неопишуемый, и все же... ощущалось в этом что-то неестественное, безжизненность какая-то. Не радовал этот стол ни души, ни тела.

Одну стену скрывала портьера. Я попробовал ее сдвинуть, и она послушно ушла вбок от одного моего прикосновения, открыв взгляду телевизор размером с хороший рекламный щит, ультрасовременную стереосистему и целую полку, уставленную игровыми консолями; рядом с каждым девайсом аккуратно лежал пульт управления с множеством кнопок. Я вряд ли отличу на вид «Плейбокс» от «Икстейшн», за всеми этими штуками разве уследишь? Их сейчас столько понаделали... Нет, честно.

— Э... — произнес я. — Привет? — Голос мой звучал здесь как-то странно, словно в просторной мраморной пещере. — Есть кто дома?

Ответом стала — честное слово, не шучу! — барабанная дробь.

Занавес у дальней стены раздвинулся, и из открывшегося за ним арочного прохода выступил молодой мужчина. На вид ничего особенного: высокий, но не долговязый, стройный, но не тощий. Широкоплечий. Что-то в нем показалось мне знакомым. Одет он был под Дина Джеймса: джинсы, белая рубаша, кожаная байкерская куртка. Одежда смотрелась на нем немного странно, не совсем естественно, за исключением одной детали. На куртке, как раз над сердцем, белел маленький вышитый череп.

Грянули литавры, и он развел руки.

— Та-да-да-дам!

— Боб, — выдохнул я. Губы мои невольно начали кричиться в улыбке. — Что это? И из такого места ты вечно про-

сил тебя выпустить? Да здесь с полдюжины меня запросто разместятся!

Его лицо тоже расплылось в ухмылке.

— Не могу не признать, чертовски уютная берлога. Но золотая клетка, Гарри, все равно остается клеткой.

— Больше похоже на шикарное бомбоубежище.

— Так или иначе, даже в такой обстановке раз в десять лет хочется как следует все перетряхнуть, — заявил он, плюхаясь в кресло. — Надеюсь, ты понимаешь, что в реальности внутренности черепа выглядят немного по-другому?

— Ну да, — кивнул я. — Это моя голова интерпретирует то, что видит, в привычные предметы. Я к такому начинаю уже привыкать.

— Добро пожаловать в мир духов, — хмыкнул Боб.

— А еда?

— Баттерсова мамочка типа богиня кулинарии. — Боб мечтательно сощурился. — Вот это, например, то, что она накрывала на стол за несколько последних выходных. Ну, точнее, Баттерсовы чувственные воспоминания об этом. Он тут позволил мне прогуляться с ним немного, вот я и воспроизвел часть того, что мы с ним испытали.

Брови мои удивленно поползли на лоб.

— Он позволил тебе прогуляться? У него в голове? — Боб никогда не отличался особой сдержанностью — по крайней мере на моей памяти. В первую очередь это относилось к его прогулкам.

— Ну, мы с ним предварительно заключили договор, — уточнил Боб. — Краткий такой документ, страниц двадцать, не больше. Он выполнял свои обязательства.

— Угу, — кивнул я. — И ты, значит, все это просто воспроизвел?

— Ну да, — подтвердил Боб. — Я вообще могу воспроизвести что угодно. — Он подмигнул. — Хочешь, покажу, как было, когда Молли облила у тебя в лаборатории одежду кислотой и ей пришлось раздеваться?

— Гм, — буркнул я. — Обойдемся. — Я осторожно, ожидая подвоха, опустился на стул, но тот вел себя как нормальный стул — я не просочился сквозь него, он сам не растаял...

в общем, все обошлось. — А телевизор и вся эта машинерия — тоже?

— Чувак, я же весь типа состою из энергии. — Боб ткнул пальцем в стену с электроникой. — Вспомни, я же работал передатчиком на твоей радиостанции для духов. В общем, я теперь подключен. Кабельное, спутниковое телевидение, широкополосный Интернет... Что твоей душе угодно. Откуда, думаешь, у меня столько знаний?

— Из нескольких веков ассистирования чародеям? — предположил я.

Он отмахнулся.

— И оттуда тоже. Но теперь-то я могу играть со всем необъятным Интернетом. Меня Баттерс научил. — Ухмылка его сделалась совсем уже блаженной. — И знаешь, в нем типа девяносто процентов — порнуха!

— Вот это Боб, которого я знаю и люблю, — вздохнул я.

— Еще бы не любил, — хмыкнул он. — Ну, я, но и не совсем я. То есть, понимаешь ли, я слегка меняюсь в зависимости от того, кто обладает черепом.

— Естественно, — согласился я.

— Поэтому я в общем-то плюс-минус такой, каким был при тебе. То есть хоть я и у Баттерса, но мы-то с ним познакомились еще при тебе. Первое впечатление и все такое... это важнее всего.

— Сколько у нас с тобой времени на разговор?

— Это не такой простой вопрос, как кажется, — ответил Боб. — Впрочем... Ты же у нас салага, так что попробую попроще. По линейному исчислению несколько минут, но я мог бы растянуть это время.

— О, — только и сказал я. — Круто.

— Да фигня вопрос, просто здесь, по эту сторону, дела обстоят именно так. И что ты хотел узнать?

— Кто меня убил? — не задумываясь, спросил я.

— Ооооо... Извини, с этим я тебе не помогу, разве что в качестве чьего-то репродуктора.

— Ладно, — вздохнул я. — Тогда послушай, что удалось узнать мне.

И я рассказал Бобу все, что случилось, начиная с туннеля и железнодорожных путей с поездом. Я не стал утаивать ниче-

го — Боб достаточно умен, чтобы самостоятельно заполнить все пробелы, а уж источников информации и дедуктивных способностей у него побольше, чем у любого из известных мне людей.

Ну и потом... Он все-таки самый старый мой друг.

Боб выслушал, не перебивая и не сводя с меня внимательного взгляда.

— Ух ты! — выдохнул он, когда я договорил. — Тебя классно обвели вокруг пальца.

Я хмуро покосился на него.

— С чего ты так решил?

Он закатил глаза.

— С чего бы начать? Ну, давай с самого очевидного. С Уриила.

— С Уриила? — тупо переспросил я. — А что?

— Чародей, повязанный с компанией самых что ни на есть могущественных потусторонних сил, погибает, можно сказать, сразу после подписания контракта, превращающего его в Чертовски — с большой буквы «Че», обрати внимание! — темного и опасного типа... И это случайность? Затем его посылают назад, в мир смертных, чтобы вновь вовлечь его в эти дела. И ты полагаешь, во всем этом не замешан архангел? Не забывай, Уриил у архангелов заведует спецоперациями. Да ведь его за глаза кличут «Отцом обмана». И ты думаешь, он тебя не провел?

— Э... — пробормотал я. Я ощущал себя дурак дураком.

— Вот видишь, — продолжал Боб. — Ты только-только начал свое свободное от плоти существование, а уже, можно сказать, пропал без меня.

Я покачал головой:

— Послушай, приятель. Я ведь теперь... всего лишь дух. Это всего лишь типа подбивание баланса перед посадкой на поезд — не знаю, куда уж он там идет.

Боб снова закатил глаза и выразительно фыркнул:

— Ох, ну конечно же. Тебя послали сюда как раз в тот момент, когда эта гадина, Собиратель Трупов, готовится провозгласить себя Королевой Чикаго, чтобы очистить город от последних защитников людского племени, — и это, конечно, случайное совпадение. Как всегда. — Он снова фыркнул. — Тобой вертят как захотят.

— Вертят? — переспросил я. — Во множественном числе?

— А ты подумай сам. Нет, постой минуту-другую и пошевели мозгами. Я понимаю, тебе это непросто, но...

— Зимние, — буркнул я. — По колено снега в конце весны. Королева Мэб.

— Разумеется, — подтвердил Боб. — Она здесь. В Чикаго. А поскольку она, так сказать, королева Зимы, она эту зиму с собой и принесла. — Он скривил губы. — Или задержала ее уход.

Боб говорил дело. При всей ее силе Мэб не стоит задерживаться в этих краях слишком уж надолго. Это могло бы привести даже к войне с ее летней соперницей, Титанией, — та вряд ли станет ждать дольше пика собственной силы, летнего солнцестояния.

— Знаешь, Гарри, я не хочу обсуждать здесь твою новую подружку, но с чего она до сих пор, спустя полгода после твоего убийства, все еще здесь? Немного навязчиво, ты не находишь?

— Постой-ка, — проговорил я. — Ты хочешь сказать, Мэб и Уриил орудуют рука об руку? Вместе? Королева Воздуха и Тьмы с гребаным архангелом?

— Мы живем в странное время, — философски заметил Боб. — В некотором роде они два сапога пара, Гарри. Ходят слухи даже, что Всевышний порой работает вместе с Люцифером. Вот и Человек-Паук сотрудничал как-то с Песчаным Человеком. А Люк с Вейдером прикончили Императора. Ну, в общем, еще и не такое бывает.

Я зажмурился:

— Чего-о?

— Ты что, серьезно считаешь, что твоя Вселенная — единственная? Да ну же, Гарри. Мир чертовски велик. Там хватает места и для тебя, и для Человека-Паука. — Он развел руками. — Слушай, я не слишком чтобы из верующих. Я не знаю, что происходит по ту сторону или куда ты попадешь, в Рай или в Ад, или куда еще. Не по моей это части. Но уж подвох-то я как-нибудь распознаю при встрече.

Я сглотнул и провел рукой по волосам.

— Прислужники фоморов. Собиратель Трупов и ее шайка. Даже Аристид и его команда. Они все пешки в чьей-то игре.

— Как и ты, — жизнерадостно добавил Боб. — Ты никого не замечал, когда тебя подталкивали к тому или к этому? Впрочем, что я говорю... ты ведь только-только это осознал.

Я нахмурился:

— Никого... разве что всех вокруг.

— Я вот типа думал об одном, что был за тобой, — сообщил Боб и вдруг посерьезнел. — О Том, Кто Шел.

Я сделал глубокий вдох. О Том, Кто Идет Следом.

Только теперь, оглянувшись на все мои воспоминания и присовокупив к ним все, чему научила меня жизнь с тех пор, я смог по-настоящему оценить то, что произошло в ту ночь.

Тот, Кто Идет Следом, не пытался меня убить. Если бы он хотел это сделать, ему незачем было бы играть со мной. Он просто пришел бы и казнил меня — как бедолагу Стена с заправки. Он пытался подтолкнуть меня, вылепить из меня что-то. Оружие.

Примерно так, как делал это Джастин.

Я всегда исходил из того, что Тем, Кто Идет Следом, управлял Джастин. Что это мой старый наставник послал его за мной в погоню, когда я сбежал. Но что, если я просто дурак? Что, если их взаимоотношения носили совсем другой характер? Что, если предавшего меня Джастина подставил его собственный потусторонний наставник? А эта тварь просто подготовила меня к тому, чтобы я уничтожил Джастина?

— Какая-то зловещая симметрия выходит, — пробормотал я.

— Угу, — все с тем же серьезным видом согласился Боб. — В жутковатой ты ситуации, Гарри. — Он сделал глубокий вдох. — И она... лучше не становится. Только хуже.

— Хуже? Как это?

— Это всего лишь теория, — ответил он. — Я же сказал: это не по моей части. Но подумай. Вот есть плоть, а есть дух, так?

— Ну, так, — кивнул я.

— У смертных в наличии и то, и другое, а еще душа.

— Я думал, это одно и то же. В смысле дух и душа.

— Гм, — возразил Боб, — это довольно сложно. Представь, что твой дух — семя. Твоя душа — почва, в которой

оно произрастает. Когда ты умираешь, тебе нужно и то, и другое. Если верить тому, что я слышал, они типа сливаются в одно, чтобы получилось что-то новое. Ну вроде гусеницы-бабочки.

— Ладно, — буркнул я. — Так как это может обернуться еще хуже?

— Вот ты сейчас — ты ведь не дух еще, — объяснил Боб. — В смысле не настоящий призрак. Ты... Ты просто шляешься в своей гребаной душе. То есть с практической точки зрения это одно и то же, но...

— Но что?

— Но если с тобой сейчас что-нибудь случится... то кранты. Я хочу сказать, окончательно и бесповоротно. Навсегда. Тебе настанет Конец с большой буквы «Ка». Окончательный вынос. Если не хуже.

Я поперхнулся. Ну да, все это время я понимал, что дела у меня обстоят серьезнее некуда, но не настолько, чтобы использовать для этого слово «навсегда». Вот веселуха...

Боб покачал головой:

— Правда, не думаю, чтобы с тобой это можно было бы проделать. Если верить тому, что я слышал, твоя душа принадлежит тебе и только тебе. И сомневаюсь, чтобы ты пошел на что-то такое добровольно, хотя...

Я поднял руку и несколько раз хлопнул себя по лбу.

— Ох, Гарри! — В голосе Боба звучало неподдельное разочарование. — Не может быть.

— Мне не объяснили этого так, как ты, — сказал я. — По крайней мере так подробно.

— Но тебе позволили выбирать?

Вообще-то капитан Мёрфи именно это и сделал. То есть он подал это в таком виде, что мне особого выбора и не оставалось, но все же выбор у меня был.

— Угу.

— И ты выбрал риск для своей бессмертной души? Даже будучи предупрежденным?

— Ну... Мне все не совсем так сформулировали... — начал было я. И замолчал. На самом-то деле именно так. Джек предупредил меня, что я могу оказаться навсегда заперт черт знает где... так ведь? — Гм... Да. Формально так и было.

— Что ж, — вздохнул Боб и откашлялся. — Идиот.

— Но-но, — обиделся я. — У меня голова болит.

— Нет, не болит! — отрезал Боб. — Тебе просто кажется, что она должна болеть.

Я помолчал, подумал и понял, что Боб прав. Впрочем, я решил, что голова у меня, черт ее подери, все-таки должна болеть. То, что я дух, или голимая душа, или что там еще, во-все не значит, чтобы я начал забывать, кем я был.

— Боб! — вдруг встрепенулся я. — Что это значит? В смысле почему мне не дали спокойно помереть, как норм-мальному человеку?

Боб вытянул губы.

— Гм. Ну... Представления не имею.

— Что, если... — Я даже задохнулся. Очень мне не хоте-лось произносить этого. — Что, если я не...

Боб округлил глаза.

— Ох. Охххххх. Скажи, люди Уриила — папаша Мёр-фи и прочие, — говорили они тебе что-нибудь про твое тело?

— Что оно недоступно, — вспомнил я.

— Но не так, чтобы оно исчезло? — настаивал Боб.

— Нет, — ответил я. — Они... Нет, такого не говорили.

— Ух ты, — произнес Боб все с тем же потрясенным видом.

Я, наверное, тоже выпучил глаза.

— И что мне делать?

— Откуда мне, черт возьми, знать? У меня вот ни души, ни тела отродясь не бывало. Что тебе велели сделать?

— Отыскать моего убийцу, — ответил я. — Но... Из этого же следует, что я мертв, так?

Боб только отмахнулся.

— Смерть, Гарри, — это не... Послушай, даже по поняти-ям материального мира смерть — область довольно запутан-ная. Даже ваша медицина относится к смерти как к процес-су, а не как к состоянию. В отдельных случаях этот процесс даже обратим.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что между мертвым и пропавшим — большая разница.

Я поперхнулся.

— И... Что мне все-таки делать?

Боб вскочил на ноги.

— Что тебе делать? — Он махнул рукой в сторону стола с праздничным обедом Баттерсовой мамочки. — Ты, возможно, имеешь шанс вернуться вот к этому, и ты еще спрашиваешь меня, что делать? Найти твоего чертова убийцу! Я весь на твоей стороне, готов помочь!

Освещение в комнате вдруг сделалось красным, и откуда-то послышался сигнал тревоги из ранних эпизодов «Звездного пути».

— Э... — встрепнулся я. — Это еще что, черт подери, такое?

— Это меня Баттерс зовет, — отозвался Боб. В огне камина возникли очертания молодого человека. Я сообразил, что именно так, должно быть, выглядел Баттерс в юности. — Ладно. Пошли.

ГЛАВА ТРИДУАТАТЬ ШЕСТАЯ

Мне даже не пришлось напрягаться для того, чтобы покинуть череп, — выходя, Боб буквально выдернул меня за собой, как листок, сметенный вихрем от проехавшей мимо большегрузной фуры. Это лишний раз напомнило мне о том, что в сложившихся обстоятельствах тяжеловесом является именно Боб, а я — так, салага.

Терпеть не могу ощущать себя салагой. Просто тошнит от этого ощущения.

Я оказался в запыленном помещении. Сквозь покрытые толстым слоем пыли и копоти окна пробивались редкие лучи предзакатного солнца, почти не опасные даже для меня в моем состоянии. Помещение напоминало проходную какого-то завода. Перед дверями стояла массивная стойка охраны или контроля. Вдоль одной из стен выстроились гардеробные ячейки. Несколько темных пятен на выцветших стенах выдавали места, где некогда располагались часы и щит с карточками. Рядом со мной стоял, держа в руке фонарик-переноску

для Боба, Баттерс. Глаза у черепа ярко сияли — Боб вышел из своей «квартиры» и находился теперь в материальном мире. Вид у коротышки-патологоаната был напряженный, сосредоточенный, но никак не запуганный.

Насчет того, как они попали в это помещение, особых сомнений не возникало: Фиц стоял со здоровенными ку-сачками в руках. Вот если кто и выглядел напуганным, так это Фиц; похоже, он боялся за всех нас. И неудивительно: парень вновь очутился в логове своего жуткого наставника.

Угу.

Это нам хорошо знакомо.

Баттерс вытащил из кармана транзистор для переговоров с духами.

— Вы здесь, Дрезден? — шепотом спросил он.

— Слева от вас, — так же тихо отозвался я.

Он посветил глазами Боба в указанном направлении и явно увидел меня.

— Ох! — с облегчением выдохнул он. — Что ж, хорошо.

Уж не знаю, что его успокоило. Сделать я толком ничего не мог, если, конечно, в заварушку не затешется какой-нибудь случайный дух — вот того я мог бы задержать своей магией, не давая возможности повлиять на происходящее в материальном мире.

Подозреваю, он просто ждал от меня — точнее, от воспоминаний обо мне — помощи и поддержки, в которых я не отказывал ему при жизни. Поэтому я ободряюще кивнул и поднял сжатый кулак. Все путем.

— Я так понимаю, мы зашли незамеченными? — тихо поинтересовался я у Фица.

Тот кивнул:

— Обычно цепей на дверях хватало. А заклятий его хватает только на комнату, где он находится.

— Что ж, хорошо, — хмыкнул я.

— А что? — не понял Баттерс.

— Из этого следует, что у Аристиды не хватит сил изжарить вас на месте.

Баттерс поперхнулся.

— Ох. И правда хорошо.

— Это не значит, что он не может убить вас, — утешил я. — Просто ему придется обойтись без спецэффектов. Бюджет маловат.

— Он быстрый, — добавил Фиц, и голос его дрогнул. — Нет, правда, очень быстрый.

— Насколько? — спросил Баттерс. — Как Джеки Чан? Или как Флэш?

— Понемногу от обоих, — ответил я. — Он перемещается стремительно. И налететь может с силой грузовика.

Фиц поежился и кивнул.

— Ох, — повторил Баттерс. — Супер. Значит, раз так, нам, возможно, стоит избегать драки с ним. — Он поставил фонарик на пол и полез в сумку. — Сейчас, секунду...

За одним из почти непрозрачных от грязи окон мелькнула тень. Фиц шикнул и обеими руками ухватился за свои кулачки. Баттерс крякнул от неожиданности и поспешно достал из сумки короткую полицейскую дубинку.

Тень мелькнула уже за вторым окном. Кто-то двигался к двери — той же, через которую вошли мы.

Я торопливо оглянулся на фонарик и убедился, что стою в луче света из глаз Боба и вне досягаемости прямых солнечных лучей на случай, если дверь откроется. Конечно, физически я сделать не мог ничего, но если Аристид заметит меня, отворив дверь, возможно, это могло бы его отвлечь. Черт, он даже мог бы ломануться на меня и, проскочив насквозь, убиться об стену, как мультяшный злодей. Это было бы просто круто.

Гораздо вероятнее, я не добился бы ничего. И все же, когда друзья в опасности, грех не попытаться.

Дверь начала отворяться, и я воздел руки в самой что ни на есть угрожающей магической позе. Чушь, конечно, но поза вызывает у людей реакцию на чисто атавистическом уровне. Не так уж мы далеко ушли от наших первобытных предков, для которых язык тела значил едва ли не больше, чем слова. Моя поза объявляла меня в качестве главного — человека, контролирующего все свое окружение, того, за кем идут, такой смесью психа и фокусника, — короче, самого опасного из находящихся в комнате предметов.

Баттерс с Фицем прижались к стене по обе стороны от двери, держа оружие наготове. Дверь со скрежетом отворилась, на пороге возникла массивная злобная фигура и застыла в нерешительности, вглядываясь в меня из-под поднятой козырьком руки.

Баттерс с криком опустил на фигуру свою дубинку. В противоположность ему Фиц опустил свои кусачки беззвучно. Даже в эту долю секунды я успел восхититься Баттерсом. Драться коротышка не умел и отлично понимал это. Зато у него хватило ума заорать, привлекая внимание противника к тому из двоих, кто был меньше, слабее и хуже вооружен. Это давало возможность Фицу напасть на незнакомца сзади.

Пусть Баттерс и не боец, но силы духа у него хватило бы на трех громил.

Правда, помочь им это не смогло.

Рослый незнакомец, похоже, заподозрил неладное. Даже не повернув головы, он поднырнул под кусачки, одновременно резко выбросив вбок левую руку. Кулак его угодил Баттерсу точно в живот, и тот полетел на пол. Незнакомец резко повернулся — как раз вовремя, чтобы перехватить новый удар восстановившего равновесие Фица. Небрежным движением он выхватил кусачки из рук Фица, а потом плавным взмахом, напомнившим мне Мёрфи в деле, бросил юнца точнехонько в начинавшего подниматься Баттерса, и те, спутавшись в клубок, покатались по полу. Хлопнула закрывшаяся дверь.

Дэниел Карпентер, старший сын Майкла Карпентера, постоял немного, покачивая трофейными кусачками. Ростом и сложением он не уступал уже, пожалуй, отцу, да и взгляд его серых глаз был таким же спокойным. Потом он посмотрел на меня, открыл рот и снова закрыл.

Я помахал ему.

— Привет, Дэниел.

Звук моего голоса донесся до него из радио в кармане у Баттерса.

Он зажмурился.

— Какого черта? — спросил он, обращаясь ко мне. С меня он перевел взгляд на Баттерса, потом на Фица, потом на ку-

сачки. — Нет, серьезно. Какого черта, Баттерс? Какого черта вы делаете?

Баттерс спихнул с себя Фица и раздраженно уставился на Дэниела.

— Потише, пожалуйста, — прохрипел он приглушенным голосом. — Мы ищем здесь одного нехорошего парня, а ты нам мешаешь.

— Значит, вы этим заняты? — спросил Дэниел; голос он, впрочем, понизил. — А вот мисс Мёрфи считает, что вы сходите с ума.

Баттерс даже зажмурился.

— Чего? С чего это Кэррин так считает?

— Из-за вот этого. — Дэниел мотнул головой в мою сторону.

— Ох, — сказал я. — Обидно слышать.

— Балда, — сказал Баттерс. — Не валяй дурака. Это Дрезден. Или по крайней мере его дух, что примерно то же самое.

— Мы этого наверняка не знаем, — парировал Дэниел. — Создания из мира духов могут прикидываться кем угодно по своему желанию. Да вам это и так известно.

— Разве мы не покончили с идентификацией? — возмутился я.

— Ну да, да. Видите? — Баттерс повернулся ко мне. — Видите, в кого она превратилась?

— Кто? — не понял Дэниел.

— Кэррин, разумеется, — хмыкнул Баттерс. — С тех пор, как вы исчезли, Гарри, она воюет со всем миром и в средствах себя не ограничивает. Черт, она даже от Марконе помощь принимает.

Лицо Дэниела потемнело.

— Не смейте говорить так о мисс Мёрфи. Только благодаря ей фоморы не орудуют в Чикаго так, как в других городах.

— Одно другому не мешает, — со вздохом возразил Баттерс. Он посмотрел на меня и развел руками: — Вот видите, с кем мне приходится иметь дело.

Я поморщился и кивнул:

— Думаю, это из-за ее работы. Никак не разберется со своим нынешним положением. Она была примерно такой же, когда я открывал свою лавочку, а ее только-только на-

значили шефом ОСР: мнительная, узколобая, во всем видела только черную сторону. С ней даже говорить было почти невозможно.

— Вы нарушили ее прямые приказы, — буркнул Дэниел Баттерсу.

Баттерс поднялся на ноги и помог встать Фицу.

— Приказы? Мы не в армии, парень, а Мёрфи — не королева Чикаго. Она не может мне приказывать.

— Вольно же вам говорить это в ее отсутствие, — не удержался я.

— Я думаю сам за себя, но не самоубийца, — возразил Баттерс и, нахмурившись, посмотрел на Дэниела. — Постойка. Так это она послала тебя следить за мной?

— Черт, — заметил я. — Вот это уже настоящая паранойя.

Дэниел покачал головой, бросив на меня короткий утрюмый взгляд.

— Вам придется пойти со мной, мистер Баттерс.

— Нет! — отрезал Баттерс. — Не пойду.

Дэниел упрямо выставил вперед подбородок.

— Мисс Мёрфи сказала, это ради вашего же блага. Чтобы я вытащил вас из всего, куда вот это, — он мотнул головой в мою сторону, — вас ни затащит. Так что пойдете.

— Нет, — упрямо повторил Баттерс, глядя на только что не вдвое превосходившего его ростом юношу. — Я не брошу Фортхилла на милость бандита-чернокнижника.

Дэниел потрясенно заморгал, и от его уверенности разом не осталось и следа.

— Фортхилл? Он здесь? Он в опасности?

— Чем дольше мы будем тут пререкаться, тем меньше у нас шансов помочь ему, — заявил Баттерс. Он подобрал свою сумку и снова порывлся внутри. — Хотя с тобой у нас этих шансов все-таки больше, — добавил он, выпрямляясь и протягивая Дэниелу какой-то серый сверток. — Надень вот это. Держись рядом со мной. И не говори ничего.

Дэниел с сомнением покосился на сверток, потом поднял взгляд на Баттерса.

— Ради Фортхилла, — тихо произнес Баттерс. — Как только он окажется в безопасности, мы уйдем, и ты смо-

жешь отвести меня прямо к Кэррин. Даю тебе слово. Хорошо?

Несколько секунд Дэниел колебался. Потом кивнул Баттерсу и развернул серую ткань.

— Ого! — До меня вдруг дошел замысел коротышки. — Неплохо придумано. Ткань не совсем та, но похожа. Может и сработать.

Баттерс кивнул:

— Вот и я так подумал. Как бы нам лучше этим воспользоваться?

— Мелюзга вроде Аристида очень комплексует насчет размеров своего магического пениса, — ответил я. — Бросьте его это несколько крошек — и он станет есть у вас с руки.

— Только придется сохранять режим радиомолчания, — вздохнул Баттерс. — Я не успел наладить эту штуку с учениками.

— Если в голову придет чего важного, я могу сказать это Фицу. Он передаст.

Фиц беспокойно переводил взгляд с Баттерса на Дэниела и меня.

— Ох. Да. Ну да. Я же слышу Дрездена и без вашего радио.

Баттерс достал из сумки второй серый сверток, потом застегнул ее и повесил на плечо. Он накинул серый плащ на плечи и завязал на шее шнурок.

— Ладно, Гарри, — кивнул Баттерс. — Как там у вас, Стражей, принято входить?

ГЛАВА ТРИДЦАТАТЬ СЕДЬМАЯ

Дэниел Карпендер отступил на шаг, поднял ногу в башмаке сорок шестого размера и одним ударом снес дверь, ведущую в цех, с петель.

Это произвело впечатление даже на меня. Силой Господь парня не обделил. Ну конечно, двери этой исполнилось черт знает сколько лет, и петли наверняка проржавели, но все-таки настоящая, чтоб ее, стальная дверь... И ведь

она не просто слетела с петель — она описала в воздухе дугу в несколько футов и только потом грянулась об пол с хорошим гулким грохотом, эхо которого еще некоторое время гуляло по цеху.

— Спасибо, — произнес Баттерс с невыносимо правильным британским акцентом, который он обычно приберегал для отрицательных персонажей в еженедельных ролевых играх, повел носом и, стараясь ступать как можно громче и решительнее, направился в глубь цеха. Бутафорский плащ Стража развевался у него за спиной.

Дэниел следовал за ним, отстав на пару шагов, и брови его хмурились самым что ни на есть угрожающим образом. Причем на лице его это смотрелось более чем естественно. Одной рукой он придерживал Фица за загривок, небрежно подталкивая вперед. Сам Фиц при этом ощущал себя явно очень и очень неудобно.

Баттерс остановился перед полустертой линией, прочерченной мелом на полу.

— Ау! — окликнул он. — Есть кто дома, а? Я пришел поговорить с заклинателем по имени Аристид. Мне сказали, что его можно найти здесь. — Он помолчал секунду-другую. — Мне еще чернокнижника на Тринидаде сегодня ловить. Не хотелось бы откладывать это на завтра.

Никто не отозвался. Из глубины цеха доносились негромкие, осторожные звуки: шарканье раздолбанных, скрипящих подошв по бетонному полу. Еще шаги. Негромкое дыхание...

— Страж, — произнес Баттерс и побарабанил пальцем по зубам.

Дэниел напрягся — это было видно по его плечам.

Фиц негромко взвыл.

— Это я! — заорал он. — Я, Фиц! Сэр, они говорят, они пришли потолковать о фоморах.

— Фиц! — слышался голос откуда-то сбоку. Мальчуган, самый маленький из участников нападения на дом Мёрфи, вынырнул из-за стальных стеллажей и тут же пригнулся, готовый удирать.

— Привет, Зеро, — сказал Фиц как мог спокойнее, с учетом державшей его руки Дэниела. — Босс дома?

Послышался шелестящий звук, словно кто-то с силой метнул мяч, а потом голос Аристиды прозвучал у нас из-за спины:

— Я здесь.

Дэниел дернулся, зато Баттерс скрыл свою реакцию просто мастерски. Он небрежно оглянулся через плечо на Аристиду, стоявшего в проеме выбитой двери. При этом Баттерс выгнул бровь так, словно сам по себе трюк он видел уже и не раз, хотя в исполнении Аристиды это заслуживает одобрения. Потом повернулся к Аристиду всем корпусом.

Он вежливо кивнул.

— Я Страж Уолдо, — представился Баттерс. — А это Страж Косарь.

Дэниел насупился.

— Если у вас нету срочных дел, нам хотелось бы занять вас ненадолго.

Мгновение-другое Аристид, прищурившись, разглядывал всех троих. Одет он был в поношенный синий халат поверх свободных китайских тренировочных штанов и майки. Грудь его поросла густой курчавой шерстью. На бритой голове и скулах темнели татуировки.

— Вы что, из Белого Совета? — спросил он.

Баттерс молча смерил его взглядом и вздохнул:

— Наверное, мне стоит попробовать начать сначала. Наши досье описывают вас как не обладающего особой силой, но довольно умелого профессионала. Они что, ошиблись?

Аристид скрестил руки на груди; лицо его застыло бесстрастной маской.

— Разумеется, я знаю, что такое Белый Совет. Какое дело у вас может быть ко мне? И почему вы удерживаете одного из моих учеников?

Я быстренько обошел Аристиду по кругу. Как призрака он меня, разумеется, не видел. У него даже мурашки по загривку не побежали. Наверное, решил я, он полная противоположность Фортхиллу: будучи самовлюбленным мегаломаньяком, он просто не готов ощущать присутствие любых посторонних душ.

— У него на пояснице халат топорщится, — сказал я Фицу, вернувшись. — Моргни дважды, если ты знаешь, что это. Один раз, если не знаешь.

Фиц вздрогнул, покосился на меня и дважды моргнул.

— Оружие? — спросил я.

Он снова дважды моргнул.

— Пистолет?

Он моргнул один раз.

— Нож?

Дважды.

— Ладно, — кивнул я. — Это именно то, что я хотел узнать. Если будет шанс или если дойдет до драки, скажи об этом Дэниелу.

Он моргнул дважды, довольно спокойно.

Я колебался, но смягчил голос.

— Держись, парень, — сказал я. — Мне приходилось бывать на твоём месте. Все будет о'кей.

Фиц больше не моргал, только прикусил губу. Баттерс тем временем продолжал разговор:

— Говоря прямо, Совет находит нынешнюю активность фоморов отвратительной. Скажу больше: в результате только что завершившейся войны с Красной Коллегией у нас значительно меньше возможностей ответить на эту активность.

Что, вообще-то говоря, не совсем соответствовало истине. Совет вышел из войны, имея в активе более опытных и подготовленных Стражей, чем было до ее начала. Ну конечно, большинство их составляли малолетки возраста Молли, если не младше, хоть и они заслуженно считались ветеранами. Вот только готов биться об заклад: фоморы, вербующие уйму мало-мальски одаренных магических талантов, явно не находились в верхних строках их списка первоочередных проблем.

— Я слышал, Стражи умеют перейти к делу, — кивнул Аристид. — Может, нам действительно стоит начать сначала, чтобы вы это проделали?

Баттерс одарил чернокнижника ледяной улыбкой и кивнул:

— Вы со своей командой до сих пор здесь. Значит, вы на что-то способны. Мы одобрительно относимся к таким способностям.

Аристид помолчал, склонив голову набок.

— Вы пришли, чтобы обсудить возможности сотрудничества?

— Давайте не будем забегать вперед, — отозвался Баттерс. — Я не вербовщик. Считайте это простым визитом. Знакомство на уровне рядовых, так сказать.

Очень мне не хотелось оставлять их втроем наедине с Аристидом и его ножом, тогда как самих их не защищало ничего, кроме Баттерсова блефа и нескольких ярдов серой ткани, однако мы-то сюда пришли не для стычки с Аристидом. Мы пришли сюда ради Фортхилла. И план, который мы наспех склепали с Баттерсом, требовал, чтобы я отыскал священника, пока остальные будут отвлекать Аристида.

И потом, если в мозгу у Аристида имелась хоть одна извилина, он не мог не питать хоть какого-то уважения к Серым Плащам. В отличие от знакомого уличного регулировщика Серые Плащи не вызывают у рядовых членов оккультного сообщества дружеских чувств. Их боятся — и, возможно, со времени войны с Красной Коллегией этот страх только усилился. Ведь Стражи делают тебе всего одно предупреждение — еще до того, как ты пересечешь черту, нарушив один из Законов Магии. В следующий раз они встретятся с тобой скорее всего затем, чтобы отсечь тебе голову.

Чего в отношении к ним больше — страха или уважения, зависит преимущественно от точки зрения. Однако никто — никто — не относится к ним легкомысленно.

Поэтому то, что Баттерс воспользовался их наводящей страх репутацией, представлялось вполне логичным. Тем более логичным, что репутация — вещь нематериальная (как и я сам в моем положении), однако повлиять на ход событий вполне в состоянии. Призрак бескомпромиссной жестокости Стражей мог помочь моим спутникам, возможно, даже лучше, чем я, останься я с ними. Поэтому я пожелал им удачи и отправился выполнять отведенную мне часть плана.

Я исчез и возник под самым потолком цеха, стараясь при этом не попасть в один из солнечных лучей, пробивавшихся в помещение сквозь несколько маленьких окошек. С учетом

площади цеха потолок располагался не слишком-то и высоко, так что мне пришлось сделать несколько попыток, прежде чем я обнаружил лагерь. Я устремился туда и нашел Фортхилла.

Священник неподвижно лежал на полу, свернувшись калачиком. Я не видел, дышит ли он, а дотронуться, чтобы пощупать пульс, я не мог. Поморщившись, я опустился на колени и сунул руку в его ногу. Я испытал резкое, странное ощущение контакта с живой плотью — примерно так было, когда я касался Морти и моей ученицы. Во всяком случае, это заметно отличалось от того покалывания, которое я испытывал при соприкосновении с чем-то материальным, но неживым. Значит, он жив. Казалось, сердце мое на мгновение застыло и снова пришло в движение.

Я осмотрел его, пытаюсь понять, что с ним произошло. Кровь сочилась из ссадин на лице, там, где старческая кожа не выдержала сильного удара: на скулах, бровях, подбородке. Рассеченная губа тоже кровоточила. Кто-то отделал его кулаками — а может, и просто ладонью, но со сверхъестественной скоростью.

Все сходилось. Старый священник — живой символ всего, что Аристид ненавидел, — должно быть, пришел поговорить. Как бы вежливо ни вел себя Фортхилл, одного его присутствия достаточно, чтобы уязвить эго такого человека, как заклинатель. Настолько, что единственным ответом могло стать лишь насилие — пощечины, болезненные и унижительные.

Левую руку Фортхилл прижимал к ребрам. И лежал он так, словно защищал от ударов живот. Значит, заклинатель бил его и ногами. Возможно, сломал несколько ребер, если не хуже. Любая травма на порядок опаснее, если ее получает пожилой человек: кожа тоньше, мышцы слабее, кости более хрупкие, внутренние органы изношены. Старики уязвимы.

Я стиснул зубы и оглядел лагерь. Аристид оставил сторожить Фортхилла часового. Совсем мальчишку, лет десяти, тощего от недоедания. Он сидел рядом с бочкой, в которой горели дрова, дрожа и сжимая в руках ржавый кухонный нож. Взгляд его шарил по сторонам, старательно избегая неподвижного тела священника.

Фортхилл вдруг пошевелился и негромко застонал. Потом снова затих.

Мальчишка с ножом отвернулся и шмыгнул носом. Он зябко охватил колени руками и раскачивался взад-вперед. Не знаю даже, на кого из них было больнее смотреть.

Я стиснул зубы. Какая скотина могла проделать такое со стариком? С ребенком? Мне показалось, что мои щеки начинают пылать от снова забурлившего во мне гнева.

— Не стоит позволять таким мыслям забивать голову, — произнес мягкий, умиротворяющий голос.

Я резко повернулся к говорившему; слова заклинания готовы были сорваться с моего языка, в правой руке закипала призрачная энергия.

Молодая женщина стояла над Фортхиллом, повернувшись ко мне лицом, — прямо в столбе солнечного света, падавшего сквозь разбитое окно. В черном костюме, черной рубашке, с черным галстуком. И кожа ее была темной — не как у афроамериканца, но словно ее окунули в ванну абсолютно черных чернил. Даже белки глаз у нее оказались черными. Собственно, черным у нее было все, кроме зрачков и короткого меча, который она держала в руках клинком вниз. И тот, и другие сияли серебром с вкраплениями чистого золота.

Она спокойно встретила мой взгляд. Потом покосилась на мою правую руку, от которой начали уже подниматься струйки дыма.

— Спокойствие, Гарри Дрезден, — произнесла она. — Я здесь не затем, чтобы причинять кому-либо вред.

Некоторое время я молча смотрел на нее, потом бросил короткий взгляд на часового. Мальчишка никак не реагировал ни на голос незнакомки, ни на ее присутствие, из чего следовало, что она тоже призрак вроде меня. Вообще-то потусторонних созданий, которые могут показаться в чей-то смертный час, довольно много, но очень редкие из них способны стоять в солнечном луче. И мне приходилось видеть меч вроде того, что она держала, — в полицейском управлении Чикаго-чистилища.

— Вы — ангел, — негромко произнес я. — Ангел смерти.

Она кивнула:

— Да.

Я медленно распрямился. Я оказался на голову выше ангела. Я нахмурился:

— Отойдите.

Она выразительно изогнула бровь.

— Ты мне угрожаешь?

— Возможно, мне просто любопытно, кто придет к вам, когда настанет ваш черед.

Она улыбнулась — одними губами.

— Как ты думаешь, чего ты здесь добьешься?

— Я просто искал своего друга, — ответил я. — С ним все должно быть в порядке. Ваших услуг не требуется.

— Это еще неизвестно, — возразила ангел.

— Позвольте мне прояснить ситуацию, — сказал я. — Только прикоснитесь к нему, и я вас уничтожу.

Она выпятила губы, потом покачала головой.

— Одного из нас точно уничтожат, согласна.

— Он хороший человек, — не сдавался я. — Я не позволю вам причинить ему вред.

Ангел снова изогнула бровь.

— Ты полагаешь, я здесь за этим?

— Здравсьте, — хмыкнул я. — Ангел смерти. Мрачный Потрошитель. Вам еще в колокол позвонить?

Ангел снова покачала головой и улыбнулась — на сей раз немного естественнее.

— Ты неверно представляешь себе мои цели.

— Так просветите, — буркнул я.

— Не в моей компетенции определять, когда и чья жизнь должна оборваться. Я всего лишь сопровождающая, охрана, обеспечивающая благополучный переход только что освобожденной души в безопасное место.

Я нахмурился.

— Вы считаете Фортхилла настолько заблудшим, что ему нужен провожатый?

Она снова удивленно посмотрела на меня:

— Нет. Ему нужно... — Она замаялась, подбирая подходящее выражение. — Его душе нужен телохранитель. Вот для этого я и здесь.

— Телохранитель? — потрясенно пробормотал я. — Что такого, черт подери, сделал отец Фортхилл, что в загробной жизни ему нужен телохранитель?

Она снова всмотрелась в мое лицо. В этот момент она казалась совсем юной — моложе Молли.

— Он... Он всю свою жизнь сражался с силами тьмы, — ответила ангел мягко и даже чуть замедленно, словно объясняя очевидную истину бестолковому дитяте. — Существуют силы, которым хотелось бы отомстить ему, пока душа его в момент перехода особенно уязвима.

Несколько секунд я пристально смотрел на ангела, но не смог найти ничего, хоть отдаленно смахивающего на ложь. Потом опустил взгляд на свою все еще пышущую жаром руку и вдруг почувствовал себя дурак дураком.

— И вы, значит... Вы — та, кто будет сражаться за него?

Она смотрела на меня своими серебряными глазами, и ноги мои вдруг сделались слегка ватными. Не то чтобы я испытывал страх. Это больше походило на благоговейный ужас — такое чувство я ощущал как-то, наблюдая за торнадо, пронесившимся в четверти мили от места, где я стоял. Вихрь вырывал деревья с корнями и отшвыривал их в сторону, словно спички. Так и эти серебряные глаза — они принадлежали не духу, не существу, не личности. Из них смотрела на меня сила самой природы — безличная, непроницаемая, абсолютно неподвластная какому-либо контролю с моей стороны.

На лбу у меня выступили капельки пота, и я поспешно опустил взгляд.

Темная прохладная ладонь коснулась моей щеки жестом благословляющим и укоряющим одновременно.

— Если пробил час Энтони, — тихо произнесла она, — я благополучно доставлю его в следующий мир. И самому Властелину Тьмы не отбить его у меня. — Пальцы ее взяли меня за подбородок и приподняли лицо так, чтобы я снова встретился с ней взглядом. Потом она едва заметно улыбнулась мне и опустила руку. — И тебе тоже, Гарри Блекстоун Копперфилд Дрезден, какими бы благими побуждениями ты ни руководствовался.

Я не стал отводить взгляда. Ангел знал мое Имя — вплоть до малейшего ударения. Срань господня. Любой поединок с

ней продлился бы очень и очень недолго... Пожалуй, хорошо, что я не позволил своим инстинктам взять верх.

— Что ж, ладно, — устало выдохнул я. — Если вы здесь не для того, чтобы убить его, почему бы вам ему не помочь? Он ведь работает в вашей организации.

— Как я тебе уже сказала, мне не дано выбирать, когда завершиться чьей-то жизни. Или не завершиться.

— Но почему? Нет, какого черта, почему? Разве Фортхилл не заслужил помощи от вашей братии?

— Дело не в том, заслужил он или нет, — тихо возразила ангел. — Это зависит от выбора.

— Так сделайте выбор. Помогите ему. Это не так сложно. Все время нашего разговора лицо ее оставалось спокойным. Только теперь оно изменилось: сделалось жестче, непроницаемое. Серебряные глаза вспыхнули.

— Для смертного — да. Не так сложно. Но не для меня.

Я медленно перевел дух, размышляя.

— Свобода выбора, — произнес я наконец.

Она чуть заметно кивнула, но взгляд ее оставался почти враждебным.

— Нечто, дарованное вам, но недоступное мне. Я не могу предпринимать никаких действий, противоречащих выбору смертных.

— Значит, выходит, Фортхилл сам выбрал смерть? Вы это хотите сказать?

— Ну, не так просто, — возразила она. — Тут складывается не один, но множество выборов. Фиц сделал выбор, доверившись тебе. Ты сделал выбор, в результате чего в судьбу молодого человека оказался замешан Энтони. Энтони сделал выбор, явившись сюда, несмотря на опасность. Аристид сделал выбор, напав на него. Уолдо и Дэниел сделали выбор, придя ему на помощь. Ну и все, кого знали те, кого я назвала, тоже делали свой выбор, повлиявший на жизнь замешанных в этом деле. В результате вы все определяете сложившуюся реальность. — Она развела руками. — Кто я такая, чтобы отменить сделанный всеми вами выбор?

— Хорошо, — кивнул я. — Пусть будет так.

— Пусть, — спокойно согласилась ангел.

Я бросил еще взгляд на Фортхилла и исчез, вернувшись к Баттерсу и его спутникам. Если ангел не в состоянии помочь священнику, я сам, черт подери, ему помогу.

Мне хватило двух скачков, чтобы переместиться обратно ко входу в цех, и на это ушло не больше нескольких секунд.

— Фиц, — сказал я, — я нашел отца. Он...

— Это представляется разумным, — говорил в это время Баттерсу Аристид. — Разрешите один вопрос?

— Ну конечно, — кивнул Баттерс.

Фиц корчился в стальной хватке Дэниела, стараясь оказаться как можно дальше от Аристида. Одного выражения его лица хватило, чтобы я понял почему: он уловил что-то в словах или поведении своего старого наставника. Похожее выражение можно видеть на лицах жен, мужья которых завалились домой пьяными, что означает ад крошечный на протяжении нескольких следующих часов. Фиц знал, на что похож Аристид, готовый к насилию.

— Скажите мне, Стражи, — вкрадчиво произнес Аристид, — а где ваши мечи?

Блин.

Вопрос застал Баттерса врасплох. Он мог бы смягчить результат удачным ответом, а мог бы вообще проигнорировать вопрос как несущественный. Вместо этого он сделал единственное, чего делать нельзя было никак, особенно имея противником такого типа, как Аристид.

Он замялся.

Я не могу его винить. Он бросился на помощь Фортхиллу, почти не подготовившись. Все обсуждение нашего плана заняло от силы полторы минуты, да и то благодаря тому, что Баттерс предусмотрительно сунул к себе в сумку эти фальшивые плащи. В случае с большинством городских оккультных личностей это могло бы и сработать. Да я и сам в спешке даже не подумал про такую деталь, как Мечи. Беда только в том, что Аристид ухитрился сделать из ошибочного предположения убийственно точный вывод.

О Мечах Стражей в сверхъестественном сообществе знают все. Сияющие серебром, сверхъестественной остроты, идеальные для того, чтобы сносить головы чернокнижникам, защищенные магией от всяких враждебных заговоров...

увидев Стража, в первую очередь обращаешь внимание на его Меч.

Или, точнее, так было до недавних пор. Заклинательница, которая их изготавливала, Страж Люччо, утратила свои способности, когда Собиратель Трупов запихнула ее в тело молодой женщины, почти начисто лишенной магического дара. В результате большинство свежеиспеченных Стражей (начиная с вашего покорного слуги) обходятся без Меча. Ну не хватает на всех этих крутых железяк, и ничего уж тут не поделаешь.

Однако до рядовых чернокнижников эта информация, похоже, еще не докатилась.

Начиная с этого момента, события стали развиваться очень быстро.

Аристид выхватил нож — длинный, зловещего вида охотничий нож с зазубринами, покрытый бурыми потеками. Такой можно увидеть скорее на полотнах Ганса-Руди Гигера.

От Дэниела Карпентера не укрылось поведение Фица, и он дал ему правильную оценку. Одним движением мускулистых рук он отшвырнул Фица и Баттерса назад, а сам занял оборонительную позицию между ними и чернокнижником.

Баттерс вскрикнул, приземлившись пятой точкой на бетон.

Фиц упал грамотнее, перекатился по полу и с выпученными от страха глазами бросился наутек.

— Тебе кранты! — прорычал Аристид и со скоростью почти недоступной глазу бросился вперед, выставив перед собой нож.

ГЛАВА ТРИДЦАТАТЬ ВОСЬМАЯ

Аристид молнией мелькнул в воздухе, врезался в Дэниела и опрокинул его. Дэниел еще не коснулся пола, а нож уже полоснул по нему раз пять или шесть, целясь в грудь и живот.

Любого, кроме сына Майкла и Черити Карпентер, такая атака выпотрошила бы как рыбу.

Похоже, паренька неплохо натренировали — возможно, Мёрфи, а может, Эйнхерии, а может, и отец. Возможно, все трое. Я не великий мастак в рукопашном бою, сверхъестественном или обычном, но знаю достаточно, чтобы понимать, как мало я знаю. И одно из правил, которое я выучил наизусть, гласит: невозможно просчитывать свои движения наперед в попытке компенсировать этим нехватку сверхъестественной скорости. В такой ситуации полагаться можно лишь на рефлексы, а они оттачиваются неделями и месяцами мучительно болезненных тренировок.

Дэниел свои рефлексы отточил.

Он начал уклоняться еще до того, как Аристид сблизился с ним на расстояние удара, и, падая после столкновения, продолжал уворачиваться. Нож ударял ему в грудь и живот — и наткался на броню.

Под зимней курткой у Дэниела оказалась кольчуга, в которой я сразу признал работу Черити: два слоя кевлара с прослойкой из титановой кольчуги, зашитые в плотную защитную ткань. Кевлар защищает от пуль, а вот холодную сталь держит плохо. От последней защищал титан.

С каждым ударом нож высекал сноп искр. Звук получался такой, словно кто-то колотил бейсбольной битой по замороженной телячьей туше, но тело Дэниела продолжало движение, гася энергию ударов, лишая их большей части убийственной силы. Лезвие так и не коснулось его кожи.

Аристид вдруг прекратил атаки и застыл, пригнувшись и держа нож перед собой. Подобной стойке мог бы позавидовать герой боевика.

Дэниел перекатился по полу и вскочил на ноги. Это выглядело не так изящно, как в кино, однако он явно управлял всеми своими движениями и тоже застыл в боевой стойке в паре десятков футов от чернокнижника. Правая рука его нырнула в карман и выхватила оттуда складной нож с черной пластмассовой рукояткой. Большим пальцем он раскрыл лезвие длиной дюйма в четыре и держал его у бедра, нацелив острием в сторону Аристида. Лево́й рукой он сорвал со спины плащ и в несколько взмахов намотал его на руку ниже локтя, оставив свободными пальцы. Так он и стоял, выставив левую руку чуть вперед, готовый заблокировать или перехватить удар.

Аристид неплохо прятал эмоции, однако, поскольку я все равно не мог делать ничего, кроме как наблюдать, мысли его были мне совершенно ясны. Чернокнижник никак не ожидал такой реакции со стороны Дэниела. Тупому громиле полагалось бы валяться на полу, истекая кровью... ну или моля о пощаде. В самом крайнем случае ему полагалось бы спастись паническим бегством, однако вместо этого юный здоровяк каким-то образом ухитрился отразить атаку и изготoвиться к бою.

— Славный ножик, — заметил Аристид не без издевки. — Получили в качестве приложения к кулинарному журналу?

— Получил от последнего болвана, пытавшегося напасть на меня с ножом. — Дэниел ослабилcя.

— Так идите сюда, получите этот.

Аристид поиграл ножом, вертя его пальцами. Глупый выпендреж для настоящего боя, но этот тип и впрямь умел обращаться с оружием. Потом он напрягся как пружина, прошипел слова заклинания и вновь молнией метнулся на Дэниела.

Эта доля секунды перед началом действия ускоряющего заклятия его и выдала. Юноша вновь ждал его наготове. Он просто шагнул в сторону и дважды взмахнул руками, когда Аристид пролетал мимо. Послышался треск вспоротой ткани, а потом Аристид уже стоял на безопасной дистанции с другой стороны.

Дэниел, шипя от боли, повернулся к нему лицом. Ткань, намотанная на его левую руку, медленно, но верно набухала кровью.

— Ага, здесь брони нет, — с ухмылкой заметил Аристид.

Дэниел промолчал — просто вновь принял оборонительную стойку, нацелив нож острием на Аристида. Кончик ножа, правда, окрасился красным.

Аристид опустил взгляд и увидел длинный, неглубокий порез, прочертивший его грудь справа. Струйка крови, стекавшая из раны, смешивалась с обильно выступившим на коже потом.

К этому времени из хлама и обломков начали высываться головы Зеро и его приятелей — с дюжину пацанов наблюдали за поединком. Судя по выражению их лиц, они

в первый раз видели, чтобы их бесстрашному наставнику сделали больно. Блин, да если они хоть как-то напоминали меня в их возрасте, они наверняка верили в то, что тот неуязвим.

Дэниел Карпентер продемонстрировал им, что это не так, — и чернокнижник это понимал.

На лице Аристиды не читалось теперь ничего, кроме неприкрытой ненависти. А потом он сделал нечто, чего я от него никак не ожидал. Он просто шагнул вперед, в пределы досягаемости ножа Дэниела.

Поединок вышел недолгим. В бою на ножах так бывает чаще всего. Дэниел превосходил противника ростом и, следовательно, мог разить с чуть большей дистанции, что практически сводилось на нет длиной ножа чернокнижника. Кроме того, Дэниела защищала броня. Аристид уступал сопернику в физической силе, но в скорости — даже без магии — превосходил. И в опыте тоже.

Руки и клинки мелькали в воздухе с такой быстротой, что я не мог уже следить за отдельными атаками. Я видел, как кольчуга Дэниела отразила еще пару ударов, один из которых оказался настолько сильным, что титановое колечко, оторвавшись, со звоном покатилося по полу, потом воздух прочертила красная полоска — одного из бойцов зацепило еще раз.

Дэниел коротко охнул. И еще раз. Аристид издал возглас, полный боли и торжества разом. Оба отпрянули друг от друга и стояли, тяжело дыша. Вряд ли есть что-то способное сравниться по напряжению с рукопашным боем. Всего несколько секунд поединка лишают вас почти всех сил, даже если вы находитесь в отличной физической форме.

Дэниел пошатнулся и с удивленным возгласом припал на колено.

Все его ноги сплошь покрыла паутина глубоких порезов. Ни один из них не задел крупных кровеносных сосудов; в противном случае он уже лежал бы без сознания. Однако порезы не могли не причинять ему мучительной боли.

Он зарычал и сделал попытку подняться. Так и не выпрямившись до конца, он пошатнулся и снова упал. Любая подготовка, любая отвага имеют свои пределы. Глубокой раны

даже на одной ноге достаточно, чтобы лишить человека возможности биться дальше. Дэниела ранило в обе.

Но и Аристид не вышел из поединка невредимым. Кровь текла из длинного пореза на его правой руке, до которой дотянулся нож Дэниела. Рана казалась серьезной, однако рука продолжала действовать. Если Аристид проживет достаточно долго и при этом не лишится руки, он сможет хвастаться чертовски впечатляющим шрамом.

Вот только Дэниелу это уже не поможет.

Чернокнижник перебросил нож в левую руку и смерил Дэниела ровным, ничего не выражающим взглядом.

— Щенки вроде тебя никогда не знают, сколько за что платить. Сколько боли ради победы.

Он снова ринулся вперед, и Дэниел выставил нож перед собой. А потом вскрикнул и повалился на бок, зажимая левой рукой рану в правой. Нож упал на пол и откатился в сторону, замерев у самых ног Аристида.

Чернокнижник не спеша переложил свой нож в левую руку и подобрал нож Дэниела. Он потрогал острие пальцем и удовлетворенно кивнул.

— Сойдет, — хмыкнул он, старательно вытер кровь с лезвия о штанину, сложил нож и сунул в карман халата. Потом смерил юношу недоброй улыбкой, поднял свой нож над головой, чтобы кровь Дэниела стекала по клинку и капала на подставленную ладонь.

А потом нараспев завел заклинание.

Сгущение магических энергий я ощутил сразу. Не то чтобы слишком сильных, но это если мерить моими мерками. Магии не обязательно обладать сотней лошадиных сил, чтобы представлять собой угрозу. У Аристида ушло примерно десять секунд на то, чтобы накопить ее достаточно для воплощения своего замысла, а мне оставалось только стоять, стискивая кулаки в бессильной злобе. Дэниел тоже понял, что происходит; он нашарил в груди мусора старую консервную банку и метнул ее в Аристида — неловко, с левой руки. Неудивительно, что она даже не долетела до чернокнижника.

Аристид направил острие ножа в сторону Дэниела, сощурился по-змеиному и, прошипев слово, высвободил заклятие.

Старший сын Майкла выгнулся дугой и сдавленно застонал от боли. Аристид повторил заклинание, и Дэниел выгнулся еще сильнее. Я даже и подумать не мог, что человеческий позвоночник способен на такое, не сломавшись.

Я сам с трудом удержался от того, чтобы не застонать, и отвернулся, не в силах смотреть на то, как чернокнижник превращает силы самого Творения в орудие пытки. Однако то, что я увидел, оказалось едва ли не хуже: малолетние воспитанники Аристиды смотрели на пытку с болезненным любопытством. Дэниел кричал, пока хватало воздуха, а потом просто беззвучно открывал рот. Один из пацанят вдруг согнулся, и его стошнило на пол.

— Это мой дом, — произнес Аристид, не меняя выражения лица. — Господин здесь я, и все будет, как я за...

За спиной у Аристиды возник Баттерс и с размаху врезал ему трехфутовым отрезком трубы под колено.

Послышался зловещий хруст, и Аристид с воплем повалился на пол.

— Звук, который вы сейчас слышали, — произнес Баттерс перехваченным от страха и возбуждения голосом, — означает, что ваш коленный сустав раздроблен со смещением. Не исключено также, что при этом раздроблена ваша коленная чашечка.

Аристид лежал, со свистом втягивая сквозь зубы воздух. Из уголка его рта стекала слюна.

Баттерс поднял трубу на манер изготовившегося отбивать мяч бейсболиста.

— Брось нож, или я займусь твоим черепом.

Аристид продолжал шипеть, но взгляда не поднимал. Он поднял свой окровавленный нож и отбросил в сторону.

— И тот, что в кармане, — скомандовал Баттерс.

На этот раз чернокнижник посмотрел на него с нескрываемой ненавистью, но нож, отобранный у Дэниела, тоже выбросил.

— Держись, Дэниел, — окликнул Баттерс. — Сейчас помогу.

— Я в порядке, — простонал лежащий Дэниел. Судя по голосу, порядком там и не пахло. Однако он пошевелился и туго обмотал плащом порез на правой руке, останавливая

кровотечение. Крепкий парень и не потерял головы в сложной ситуации.

Баттерс снова повернулся к Аристиду.

— Я не хочу вас увечить, — произнес он. — Я хочу вам помочь. Ваше колено сильно повреждено. Вы не сможете больше ходить, если не попадете сейчас в больницу. Я вас отвезу.

— Чего тебе надо? — прорычал Аристид.

— Священника. Фица. Этих ребят. — Он легонько хлопал свинцовой трубой по руке. — И, поверьте, я не собираюсь торговаться.

— Вот! — гаркнул я. — Так его, Баттерс!

Некоторое время Аристид внимательно смотрел на Баттерса. Потом обмяк и застонал.

Ох, блин...

— Ваша взяла, — буркнул чернокнижник. — Только... прошу... помогите.

— Вытяните ногу, — скомандовал Баттерс, не глядя на него. — Лягте, расслабьтесь и держите ногу прямо.

Аристид пошевелил ногой и застонал, на этот раз громче.

Этот звук заставил Баттерса вздрогнуть; в глазах его возникла мука. До меня вдруг дошло, почему он зарабатывает на жизнь вскрытием покойников, а не лечением живых людей.

Баттерс не переносил вида людских мучений.

Вот, значит, что он имел в виду, когда говорил, что он не настоящий доктор. Ну да, общение с живым пациентом куда хлопотнее, чем извлечение и описание органов при вскрытии. Мертвый человек — всего лишь груда костей и плоти. А главное, мертвому не больно.

Наверное, настоящему врачу необходима некая профессиональная отстраненность, которая идет на пользу и ему, и пациентам, а у Баттерса... ну не было у него такой, и все тут. Коротышка просто не мог не сопереживать хоть как-то тем, с кем ему приходилось работать. Вот он и нашел себе нишу, в которой мог заниматься медициной, не общаясь при этом с живыми пациентами.

Аристид тоже это заметил. Возможно, он не понимал, в чем тут дело, но уязвимое место нащупал и беззастенчиво на него надавил.

— Нет, — выдохнул я. — Баттерс, не надо!

— Черт, — пробормотал Баттерс сквозь зубы и склонился над лежащим. — Не шевелитесь. Вы только хуже себе сделаете. — Он пытался сохранять некоторую дистанцию, но невозможно не подойти к человеку, помогая ему. Тот продолжал стонать. Баттерс чуть кивнул сам себе и склонился ниже, чтобы помочь Аристиду выпрямить ногу.

Я увидел, как глаза у Аристиды сощурились в предвкушении наслаждения.

— Черт! — выпалил я. — Баттерс, прочь! — Я исчез, возник прямо за спиной у Баттерса и сунул руки ему в грудь, пытаясь оттолкнуть от лежащего.

Я даже не пошевелил его — мои бесплотные руки прошли насквозь, однако он все же ощутил что-то и начал отодвигаться.

Но слишком поздно.

Левая рука Аристиды стремительно метнулась и врезалась Баттерсу в подбородок. Если бы тот не дернулся в последний момент, удар пришелся бы ему чуть ниже уха и с учетом силы запросто сломал бы шею. Даже так голова у Баттерса дернулась вбок, словно при автомобильном столкновении; он обмяк и бесформенной грудой повалился на пол.

Я готов был визжать от досады. Вместо этого я скомандовал своему мозгу постараться и придумать что-нибудь.

К моему величайшему удивлению, у него это получилось.

Я взмыл под потолок и огляделся по сторонам. Вот. Я обнаружил Фица, подбиравшегося на четвереньках к одному из выходов, стараясь держаться так, чтобы между ним и Аристидом была груда хлама.

— Фиц! — взревел я, исчез и возник у него перед носом. — Фиц, ты должен вернуться.

— Заткнись! — прошипел он отчаянным шепотом. Глаза его побелели от ужаса. — Заткнись. Не могу я. Оставь меня в покое!

— Ты должен, — настаивал я. — Фортхилл здесь, он тяжело ранен. Над ним ангел смерти стоит, мать твою. Ему нужно помочь.

Фиц не ответил. Он продолжал ползти, всхлипывая на ходу. Похоже, в голове у него не осталось ни одной мысли, кроме той, как бы оказаться подальше от Аристиды.

— Фиц! — не сдавался я. — Фиц, ты должен что-то сделать. Только ты один можешь.

— Копы, — прохрипел он. — Я позову копов. Они все сделают. — Он поднялся и, пригнувшись, бросился к двери.

— Баттерс и Дэниел могут не дожидаться, — возразил я. — Копов поблизости нет — нам повезет, если за полчаса хоть один патруль найдем. И все трое к этому времени погибнут. Твоему боссу свидетели не нужны.

— Вы чародей, — буркнул Фиц. — Вот сами и сделайте что-нибудь. Призраки ведь могут вселяться в людей и все такое, правда? Вот залезьте в Аристиду и заставьте его с крыши сигануть, только и всего.

Я помолчал, лихорадочно размышляя.

— Послушай, — сказал я наконец, — я в этом призрачном бизнесе новичок. Но знаю, что это не получится. Даже самый вредный призрак с двухсотлетним опытом — знаю я одного такого — не может вселиться в того, кто этого не хочет. Аристид не хочет точно. Меня как букашку по ветровому стеклу размажет, если я попробую.

— Господи...

— Хочешь, я мог бы, наверное, вселиться в тебя. Не думаю, чтобы у тебя получилось использовать все мои силы, и тебе все равно будет грозить опасность, но по крайней мере тебе не придется принимать решения.

Фиц поежился:

— Нет.

— Тоже верно, — согласился я. — Ощущение чертовски дикое. — Я помолчал секунду. — И потом... неправильно это.

— Неправильно? — не понял Фиц.

— Лишая человека воли, ты лишаешь его всего, что в нем есть. Личности. Делать это с кем-то хуже, чем убивать: убивая, ты по крайней мере не заставляешь мучиться дальше.

— Ну и что? — выпалил Фиц. — Этот тип — зверь. Кого волнует, что с ним случится? Он заслужил.

— Зло остается злом, даже если творится с самыми благими намерениями, — тихо произнес я. — Я это по опыту

знаю. И это дорого мне обошлось. Легко творить добро, когда это тебе ничего не стоит. Сложнее, когда ты приперт к стене.

Слушая меня, Фиц все решительнее мотал головой и шага не сбавлял.

— Я все равно ничего не смогу сделать. Я задницу свою спасаю, и все.

Я сдержался и даже не зарычал. Время менять тактику.

— Ты не все продумал, парень, — сказал я по возможности ровным голосом. — Ты знаешь Аристиду. Ведь знаешь?

— А моя-то задница здесь при чем?

— Только при том, — хмыкнул я, — что ты бросаешь своих друзей на верную смерть.

— Чего?

— Он разозлился как никогда. Он ослаб. Как думаешь, много ли у него времени уйдет на то, чтобы заменить всю твою команду?

Фиц наконец остановился.

— Они видели его слабость. Блин, возможно, он останется калеккой до конца дней. Как думаешь, что он сделает с детьми, которые собственными глазами видели его поражение? Окровавленного, поверженного?

Фиц низко опустил голову.

— Блин-тарарам, парень. Ты только-только начал думать сам за себя, и его это так напугало, что он послал тебя на верную смерть. И что, ты думаешь, он сделает с Зеро?

Фиц не ответил.

— Вот ты сейчас убежишь, — тихо продолжал я, — и проведешь всю жизнь в бегах. Ты сейчас на распутье. Вот здесь и сейчас решается вся твоя жизнь. Здесь. Сейчас. Сию минуту.

Он сморщился как от боли. Но не ответил.

Мне хотелось положить руку ему на плечо, ободрить хоть немного. Однако все, что я мог, — это говорить как можно мягче.

— Я знаю, о чем говорю, парень. Всякий раз, как ты окажешься один в темноте, всякий раз, как будешь проходить мимо зеркала, ты станешь вспоминать эту минуту. Ты будешь видеть того, в кого ты превратишься. И ты увидишь или человека, сбежавшего, когда погибли все его друзья и трое до-

стойных людей, или человека, не сломавшегося и сделавшего с этим что-то.

Фиц судорожно сглотнул.

— Он слишком силен, — пробормотал он.

— Но не сейчас, — возразил я. — Он повержен. Он не может ходить. И рука у него действует только одна. Если бы я не считал, что у тебя есть шанс, я сам бы посоветовал тебе бежать.

— Я не могу, — всхлипнул он. — Это несправедливо.

— Жизнь часто несправедлива.

— Я не хочу умирать.

— Ха! Никто не хочет. Но рано или поздно приходится всем.

— И что в этом смешного?

— Смешного ничего... Хотя ирония некоторая есть — с учетом говорящего. А важно в конечном счете только одно: каким человеком из этих двух ты хочешь быть?

Он медленно поднял голову. До меня дошло, что он пытается разглядеть свое отражение в стеклянной двери бывшей конторы.

Я стоял у него за спиной и вдруг вспомнил, сам себе не до конца веря, что я когда-то был не выше его ростом.

— Так кем из двух, Фиц? — тихо спросил я.

ГЛАВА ТРИДЦАТАТЬ ДЕВЯТАЯ

Я сразился со своим бывшим наставником, вооружившись новеньким посохом и жезлом, имея в распоряжении древние силы Вселенной и заученные слова заклинаний.

Фиц оказался смелее меня тогдашнего.

Он выступил против своих демонов безоружным.

Пока шаги его удалялись, отдаваясь эхом в бетонных стенах, меня вдруг охватила тревога. Он поступил так по моему наущению. Что, если Аристид ранен не настолько серьезно, как мне казалось? Что, если он вдруг владеет восстановительной магией? Тогда у Фица нет ни единого шанса — а я никогда не смогу этого себе простить.

Я стиснул зубы и силой отогнал от себя эти мысли. Дела обстояли и без того достаточно хреново, чтобы я усугублял их своими тревогами. Этим никому не поможешь.

Фиц шагнул в поле зрения Аристиды и остановился.

— Спокойно, — негромко произнес я. — Не спеши. Не показывай ему, что тебе страшно. У тебя все получится.

Фиц сделал глубокий вдох и шагнул вперед.

— Фиц, — прохрипел Аристид. Он уже сидел, вытянув перед собой поврежденную ногу. Не подававший признаков жизни Баттерс вытянулся рядом с Дэниелом — тот сидел на полу в луже собственной крови, морщась от боли. Взгляд его затуманился. Ему удалось более или менее остановить кровотечение, но без медицинской помощи дела его были плохи. Вокруг стояли вооруженные ножами и обрезками труб Зеро с товарищами — Аристид явно приказал им сторожить Дэниела с Баттерсом. — Что ты здесь делаешь, грязный предатель?

Фиц молча смотрел на него.

— Ты привел сюда этих людей. Ты поставил под угрозу жизни всех, кто здесь живет.

Фиц, казалось, померк, словно между ним и тем слабым светом, что пробивался сквозь грязные окна, легла туча. Со всех сторон на Фица смотрели темные, полные враждебности глаза.

Даже короткого включения моих магических чувств хватило, чтобы подтвердить подозрения: чернокнижник использовал магию.

— Он воздействует на них, — негромко сказал я. — Наstraивает их против тебя. Это не настоящие их чувства. Тебе нужно встряхнуть его, отвлечь.

Фиц ответил чуть заметным кивком.

— Это не я их привел. Они меня поймали, когда я пытался откопать ружья. И заставили меня с ними идти.

— Священник говорил по-другому, — заметил Аристид.

— Отец думал, он сможет мне помочь, — сказал Фиц. — Его не надо было бить.

— Не надо? — удивился Аристид. Очень нехорошо звучал его голос: гладко, ядовито. — Одного того, что он проник сюда, уже более чем достаточно. Но он хотел уничтожить нашу семью. Такого я не допущу.

— Семейю, ага, — хмыкнул Фиц. — Мы прям Симпсоны какие.

Лично мне были бы симпатичнее Уолтоны, но настрой его мне понравился.

Аристид продолжал смотреть на Фица своим немигающим, как у рептилии, взглядом.

— Назови мне причину, по которой я не должен тебя убить... здесь и сейчас.

— Да потому что ты не можешь, — презрительно бросил Фиц. — Ты и выйти отсюда сам не в состоянии. Тебя сделали. Без посторонней помощи тебе трындец.

Голос заклинателя упал до свистящего шепота:

— Правда?

— А то! — с готовностью подтвердил Фиц. — Ведь рано или поздно этим бы и кончилось, так? Рано или поздно, но ты начал бы кушать яблочное пюре с ложечки. Думаешь, детская шайка, которую ты запугал настолько, что она тебя слушалась, будет заботиться о дедушке Аристиде? Не смей меня.

— Даю тебе шанс, — произнес Аристид. — Уходи. Немедленно.

Фиц задумчиво побарабанил пальцами по подбородку.

— Это вряд ли.

Аристид даже зажмурился.

— Чего?

— Все будет не так, — заявил Фиц. — Я заберу у тебя священника, этих двух парней и всю команду. Найду место, где им помогут. Потом вызову «скорую», чтобы помогли и тебе. И потом мы больше никогда уже не увидимся.

— Ты с ума сошел?

— Было дело, — кивнул Фиц. — Но думаю, это уже проходит. У меня. А вот насчет тебя очень сильно сомневаюсь. Потому и забираю у тебя команду.

Аристид стиснул кулаки, испепеляя его взглядом, — но при этом, хотя сам он этого, возможно, и не осознавал, концентрация на заклятии его ослабла, а с ней и воздействие, которое оно оказывало на детей.

— Убейте его.

Подростки с остановившимися взглядами повернулись к Фицу. Зеро сделал шаг в его сторону.

— Стой! — резко скомандовал Фиц, и эхо его голоса гулко отдалось от потолка цеха.

И все замерли. Без какой-либо магии. У Фица имелось кое-что лучше, сильнее. Он заботился о своих друзьях. Он думал о них, поддерживал, вел за собой. Такое ни капельки не уступает в реальности мистическим силам и черной магии, а весит на порядок больше.

Любовь сильнее.

— Зеро, — негромко произнес Фиц, — мы больше не останемся с этим идиотом. Брось нож и иди со мной.

— Зеро! — резко выкрикнул Аристид.

Я буквально ощущал напряжение, повисшее в воздухе, — чернокнижник удвоил усилия, пытаясь сохранить власть над пареньком. Зря старался. Все было решено еще в то мгновение, когда Фиц повернул назад от двери.

Фиц подошел к Зеро и положил руку ему на плечо.

— Зе, — тихо сказал он, — я не могу заставить тебя поступать так или этак. Скажи сам: с кем ты хочешь оставаться дальше? Со мной? Или с ним?

Зеро переводил взгляд с Фица на Аристида и обратно.

— Не слушай его, — процедил Аристид сквозь зубы. Из уголка рта у него сползала струйка слюны. — Без меня вам на этих улицах и дня не прожить. Фоморы прикончат вас всех.

— Нет, Зе, — все так же тихо возразил Фиц. — Не прикончат. Все в порядке. Нам помогают.

Зеро поморгал и низко опустил голову.

Ржавый нож выскользнул у него из пальцев и лягнул об пол.

Еще с дюжину ножей и обрезков труб попадали на пол. Мальцы побросали свое оружие и сгрудились вокруг Фица.

— Убью гада, — прошипел Аристид. — Убью!

Фиц повернулся к покалеченному чернокнижнику и покачал головой. А потом сделал, наверное, самое жестокое, что мог поделать со своим бывшим наставником.

Он просто повернулся к нему спиной, словно того и не было.

— Зеро! — скомандовал Фиц. — Нужно сейчас же вызвать «скорую» для священника. Звони девять-один-один. И не трогайте его — пусть этим займутся парни со «скорой».

Зеро кивнул, торопливо достал из кармана своей не по росту широкой куртки дешевый мобильник и выбежал из цеха — наверное, там лучше ловился сигнал. Не прошло и минуты, как откуда-то из загашников извлекли простейшую, но вполне состоятельную аптечку, с помощью которой раны Дэниела обработали и перевязали заново, так что тот мог перемещаться более или менее самостоятельно.

Аристид сделал попытку привлечь к себе внимание одного или двух мальцов, но те слушали уже только Фица. Его просто проигнорировали. Ему ничего не оставалось, кроме как сидеть, молчать и потрясенно наблюдать за происходящим.

Возможно, мне стоило бы пожалеть чувака. Исходя из его системы ценностей, он все равно что умер. Правда, не настолько, чтобы не видеть своими глазами невообразимое: мир, продолжавший существовать без него. Он превратился в живого, способного дышать призрака. Уж я бы мог испытывать к такому хоть какое-то сострадание.

Но, честно говоря, не испытывал.

Баттерс пошевелился и неуверенно привел себя в сидячее положение — как раз когда Фиц перетянул ногу Дэниела вторым жгутом. Сын Майкла негромко охнул от боли и несколько раз со свистом втянул в себя воздух. Его продолжало трясти, и бледность никуда не делась, но взгляд снова сделался осмысленным. Он встретился глазами с Фицем и благодарно кивнул:

— Спасибо.

Фиц мотнул головой:

— Я-то ничего такого не сделал. Это вы двое его побили.

— Его побил отец Фортхилл, — поправил Дэниел. — Он знал, что с ним будет, когда шел сюда. И знал, что мы за ним придем.

Баттерс снова пошевелился и охнул.

— Фортхилл не ведет таких игр, — произнес он, не открывая глаз. — Он пришел сюда, чтобы дать миру шанс. — Он застонал и осторожно ощупал челюсть. — Гггг... ох.

Дэниел нахмурился, размышляя.

— Думаете, он не хотел, чтобы мы его спасали?

Баттерс фыркнул и сморщился.

— Он знал, что мы придем ему на помощь, что бы он ни сделал. И знал, что если чернокнижник и нападет на него, кто-нибудь да изменит все в конце концов. Он человек мирный. Но это не значит, что глупый.

— Где он? — спросил Дэниел.

— У огня, — ответил Фиц. — Вон там, ярдах в тридцати отсюда. «Скорая» уже едет.

Баттерс застонал и медленно поднялся. Потом снова ощущал подбородок.

— Отведи меня к нему.

— Постойте-ка, — вмешался Дэниел. — Фиц... ты же убежал. Я могу тебя понять. Но вернулся...

Фиц застыл, стиснув зубы.

— Ну, вернулся, а что?

— Почему?

Фиц пожал плечами:

— Это Дрезден. Он сказал, что если я сейчас убегу, буду убегать до конца моей жизни. Даже думать о таком тошно.

— Ха, — произнес Баттерс. — Ха. Ха. Он сегодня прямо Кеноби какой! — Он торжествующе посмотрел на Дэниела: — Что, все еще сомневаешься?

Дэниел с улыбкой мотнул головой и с довольным стоном опустил на пол.

— Будьте добры, к отцу меня, — сказал Баттерс. Фиц кивнул и повел Баттерса к маленькому стойбищу своей команды. Правда, прежде Баттерс успел оглянуться по сторонам. — Спасибо, Гарри. Приятно знать, что ты все еще прикрываешь наши тылы.

Некоторое время я смотрел им вслед.

— Да не за что, дружище, — произнес я, прекрасно понимая, что меня никто не слышит. — Всегда с удовольствием.

Наконец прибыла «скорая». К этому времени оружие спрятали, а также придумали правдоподобную легенду. Несколько равнодушных взрослых пришли, чтобы запретить нескольким бездомным подросткам играть в таком опасном месте, как заброшенное заводское здание. Все вместе они напоролись там на бродягу, не исключено, что нетрезвого,

в результате конфликта с которым несколько человек получили ранения.

Не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы заметить в этой истории некоторые нестыковки, однако санитары со «скорой» оказались знакомыми Баттерса, да и потом все обошлось без убитых, так что никто не горел желанием выдвигать обвинения против других. А уж за пару «зеленых» санитары и вовсе согласились держать языки за зубами. Эх, Чикаго...

Фортхилл все еще находился в неважном состоянии, но когда его уложили на носилки и погрузили в «скорую», ангела смерти и след простыл. Ха. На-кось, выкуси, девица с косой. Отец Фортхилл будет жить для новых мирных сражений.

Дэниел уехал со священником. Аристиды увезли на другой машине. Он то ли все еще пребывал в полном шоке от случившегося, то ли ему просто хватало ума прикинуться оглушенным и держать рот на замке. Баттерс шепнул санитарам пару слов, после чего те привязали руки и ноги Аристиды к носилкам. Тот не сопротивлялся. Тот вообще ничего не делал. Дверцы «скорой» захлопнулись, и я никогда больше не видел этого обломка.

Что касается меня, то я не мог выходить из здания на свет. Мне пришлось наблюдать за происходящим, держась в тени. День выдался теплый, солнечный. Снег начинал таять на глазах, и повсюду журчали ручьи.

Когда обо всех, кому требовалась медицинская помощь, позаботились, я вернулся туда, где по моим расчетам должен был находиться Баттерс. Разумеется, он вернулся туда, где оставил свою сумку с фонариком, в котором находился Боб.

Баттерс перекинул ремень сумки через плечо, достав из нее предварительно свой маленький транзистор для общения с духами. Сунув приемник в карман, он сделал несколько шагов в тень, вынул фонарь и поднял его повыше.

— О'кей, — объявил он. — Дело сделано.

Клубок оранжевого света выметнулся у меня из-за плеча и втянулся в пустые глазницы черепа, которые тут же засветились привычным теплым сиянием.

— Ну! А я что говорил?

— Я и не сомневался, — с серьезным видом отозвался Баттерс.

Я уставился на него, потом оглянулся назад, потом снова посмотрел на череп.

— Боб! Ты все это время был у меня за спиной?

— Угу, — подтвердил Боб. — Так мне нерды приказали. Извини, Гарри.

Теперь Баттерс мог меня видеть, так что я хмуро скрестил руки на груди.

— Вы мне не доверяли.

Баттерс поправил очки на носу.

— Доверяли, но проверяли, — все так же серьезно ответил он. — Поймите меня правильно, Гарри, но одного кота и полусбрендившей девицы-чародейки в качестве доказательств маловато. Недостаточно убедительно.

— Это Мёрфи вам приказала? — предположил я.

— Ну, на самом-то деле Мёрфи вообще не хотела, чтобы кто-то из нас рисковал, общаясь с вами, — ответил он. — Вашу внешность ведь использовали уже, чтобы до нее добраться.

Мне очень хотелось сказать что-нибудь гневное, исполненное оскорбленной добродетели, но все, что приходило в голову, так или иначе сводилось к «вы правы». Что вряд ли годилось в качестве отповеди. Поэтому я только хмыкнул.

Баттерс кивнул:

— И вы должны принять в расчет, во что превратились теперь наши улицы. Фоморы ни в чем себя не ограничивают, Гарри. Для того чтобы нанести удар, они не гнушаются ничем: используют женщин, детей, животных, кого угодно. Для борьбы с этим требуется уйма самообладания.

Я снова хмыкнул и нахмурился еще сильнее:

— Но вы ее приказ нарушили.

Баттерс задумчиво почесал нос.

— Ну... Видите ли... Я бы рад сказать, что действовал по собственной инициативе. Но у меня имелась поддержка.

— Внемли гласу Квинси! — хихикая, выпалил череп. — У тебя был я, балда!

— Ну да, у меня есть ты, — согласился Баттерс. — А тебе я доверяю.

— А Мёрфи — не очень, — не без гордости заявил Боб. — Что не так уж и глупо с ее стороны. Допустим, мой череп кто-нибудь захватит — как знать, что тогда случится со мной? Я же буду все равно что черепаха без панциря. Стражи со мной разделяются, не задумываясь.

— За исключением здесь присутствующих, — заметил я.

— Ты не в счет, — возразил череп. — И потом, тебя вычеркнули из списков.

— Это наверняка, — согласился я.

— Суть в том, что я вне закона! А девицам такое нравится!

— Эй! — Баттерс закатил глаза. — Боб, да хватит.

— Ну ты меня понял, — хихикнул Боб.

Я невольно рассмеялся.

— Видите, с чем мне приходится жить? — пожаловался Баттерс.

— Угу.

— Вы... — Баттерс помассировал рукой затылок. — Вас здесь не хватает, Гарри. Еще как не хватает. Ну, рано или поздно большинство из нас... ну, как бы сказать... Мы поняли, что вас больше нет. Мы даже типа помянули вас у вашей могилы. С пивом и пиццей. Типа как похороны. Но Мёрфи с нами не ходила.

— Незаконное мероприятие, — хмыкнул я.

Баттерс фыркнул:

— Ну да, она этим и отговорилась.

— Что ж, — пробормотал я. — Посмотрим, посмотрим.

Баттерс вдруг застыл.

— Что посмотрим?

— Насколько нынешнее положение вещей окончательно, — объяснил я, ткнув пальцем себе в грудь.

Баттерс распрямился, словно проглотил шпагу.

— Что?

— Боб считает, что в моем... скажем так... устранении есть кое-какая неопределенность.

— То есть вы... вы вернетесь? — потрясенно прошептал Баттерс.

— Не исключено, что я и не уходил, — вздохнул я. — Честное слово, не знаю. Меня в эти штуки с возвращением

на бис сунули, можно сказать, не спросивши. Я в таком же неведении, как и любой другой.

— Ух ты! — выдохнул Баттерс.

Я отмахнулся.

— Послушайте. С этим рано или поздно все прояснится само. А сейчас у нас имеется реальная проблема, и разбираться с ней надо безотлагательно.

Он коротко кивнул:

— Рассказывайте.

Я поведал ему о Собирателе Трупов, о ее видах на Морти и сделке с боевиком фоморов.

— Нам чертовски необходимо сорвать это как можно быстрее, — договорил я. — Поэтому мне нужно, чтобы вы собрали Мёрфи и ее викингов и подготовили их к нападению на убежище Собирателя Трупов.

Баттерс со свистом втянул воздух сквозь зубы.

— Я понимаю, у нас не было возможности поболтать со времени вашего... гм... отъезда, но эти викинги не Мёрфи.

— А чьи тогда?

— Марконе.

— Ох.

— Нам придется поговорить с Чайлдзом.

— Это который теперь у Марконе в двойках?

— Угу. Этот самый. — Баттерс поежился. — В его присутствии мне не по себе.

— Возможно, хватит и Уилла с компанией.

Баттерс покачал головой:

— Возможно, Уилл с компанией и так перерабатывают. Нет, правда.

— Что-то назревает. Если вы промедлите, то получите на пороге чародея-ренегата, какие Белому Совету даже в страшных снах не снились. И ничем хорошим порогу это не светит.

Баттерс кивнул:

— Я с ней поговорю. Что-нибудь придумаем. — Он нахмурился. — А вы чем займетесь?

— Этим же делом, только с призрачной его стороны, — ответил я. — Ею, и ее самозванным Бобом, и ее лемурами, и всеми теми духами, которых она созывает. Будем исходить

из того, что со смертной стороны все пойдет как надо — поэтому я хочу не дать ей ускользнуть с черного хода, чтобы она потом нас преследовала.

Баттерс нахмурился еще сильнее:

— И вы займетесь этим в одиночку?

Я недобро ухмыльнулся:

— Не совсем. Валяйте пошевеливайтесь. Времени у нас в обрез.

— Сколько? — поинтересовался он.

— Как это — сколько? — хмыкнул я. — До заката.

ГЛАВА Сороковая

Я исчез из цеха, как только почувствовал приближение заката. Скачки мне теперь удавались длиннее — почти вдвое по сравнению с прошлой ночью, да и ориентировался я между ними значительно быстрее. Похоже, практика ведет к совершенству — даже после смерти. Ну или где я там сейчас находился.

Я добрался до пожарища на месте дома Морти меньше чем за две минуты.

По дороге я успел заметить, что ветер задувает с юга и что этот ветер принес с собой наконец весеннее тепло. По всему городу таял на глазах снег, и все это, вместе взятое, порождало густой вечерний туман, ограничивавший видимость полусотней футов. Не то чтобы туманы были в Чикаго редкостью, но не такой же плотности. Свет уличных фонарей едва пробивался сквозь него. Дорожные знаки так и вовсе превратились в неясные мерцающие пятна. Машины двигались с опаской, даже звуки вязли в этой мутной пелене, из-за чего в городе сделалось непривычно тихо.

В сотне шагов от дома Морти я сделал остановку. Да, чуть меня не обмануло: следы призывной энергии, встроенные каким-то образом в его бывший дом, тянули меня туда — примерно так, как манил бы аромат сытного обеда после тяжелого рабочего дня. Это напоминало маяк Собирателя Трупов, только в смягченном, менее прямолинейном вари-

анте. Магию некроманта я бы сравнил с тягой пылесоса. Магия же Морти походила на земное притяжение: не столь мощное, но неумолимое.

Блин. Похоже, эта самая магия Морти оказывала на меня влияние все то время, что я находился в Чикаго Между-Тут. И в итоге первым делом я оттуда отправился не куда-нибудь, а к нему домой, и хотя у меня имелись логические основания идти туда, более чем вероятно, что на мой выбор все-таки повлияли. Повлияла магия, заточенная на призыв опасных духов.

А ведь в эту самую минуту Собиратель Трупов в своем замшелом убежище пыталась Морти и готовила убийство моих друзей — нет, на эти остатки заклатья определенно стоило обратить внимание.

Я подошел к дому поближе, и притяжение заклатья усилилось. Конечно, основной своей силы оно лишилось, когда дом сгорел, да и остатки его слабели с каждой минутой. Рассвет его почти стер. Еще одного рассвета оно не переживет никак, но кое-какую пользу еще может принести.

Я достал из глубокого кармана своего плаща пистолет сэра Стюарта. Повозившись с ним, я вытряхнул на ладонь пулю: искрящийся шар серебряного света. Когда сыпавшиеся с него искры коснулись моей кожи, мне показалось, я слышу треск далеких выстрелов — воспоминания сэра Стюарта. Наверное, этот треск мушкетов выполнял в призрачном пистолете роль пороха; чего-чего, а выстрелов сэр Стюарт за свою жизнь наслышался в достатке.

Однако мне нужен был не порох. Я взял серебряный шарик, хранивший воспоминания сэра Стюарта о доме и семье, и внимательно в него всмотрелся. Перед глазами снова возникли сцены мирной сельской жизни, окружившие меня бледным, колыхавшимся как марево полупрозрачным пейзажем. На мгновение я услышал шелест ветра в пшенице, в ноздри мне ударил резкий запах животных из овина, мешавшийся с ароматом свежее выпеченного хлеба из дома. Воздух наполнился криками игравших во дворе детей.

Эти воспоминания принадлежали не мне, но под ними я ощутил что-то еще, мощное, до боли знакомое. Я потянулся

к этому чему-то, обнаружил там воспоминания о моем доме и позволил им слиться с воспоминаниями сэра Стюарта. Я вспомнил запахи дерева, чернил и бумаги, книжной пыли с полок, закрывавших почти все стены моей маленькой гостиной, в три ряда уставленных дешевыми книгами в бумажных обложках. Я вспомнил запах древесного дыма из камина, к которому примешивался запах свежего кофе, поднимающийся из чашки на столе. Добавил к этому аромат куриного бульона из пакетика в холодный день, когда я едва успел стащить с себя промокшую под снегом и дождем одежду и вернуться в плед у камина...

Я вспомнил теплую, тяжелую голову Мыша, моего пса, которую он клал мне на колено, пока я читал книгу, и мягкий мех Мистера, теребившего эту книгу лапой до тех пор, пока я не отвлекался, чтобы уделить ему минуту положенного внимания. Я вспомнил Молли, мою ученицу, по уши ушедшую в книги и опыты, вспомнил долгие часы наших разговоров, когда я делился с ней основами магии, тем, как использовать силу мудро и ответственно... ну по крайней мере по моим представлениям о мудрости и ответственности, которые не всегда соответствуют стопроцентной истине.

Я вспомнил тепло одеял у меня в крошечной спальне. Шум грозы, отсветы молний в прямках, куда открывались окна моего подвала, стук дождевых капель, завывание ветра и восхитительное ощущение того, что бушующие на улице стихии мне ничем не угрожают. Я вспомнил, как легко перемещался по квартире в крошечной тьме, потому что каждый шаг отработался за годы жизни здесь до полного автоматизма.

Дом.

Я воскресил все свои воспоминания о доме.

Я прохлопал момент, когда пуля превратилась в сгусток голой энергии, но эта энергия слилась с моими воспоминаниями, наплатила мои эмоции жужжащей от напряжения силой — эмоции, свойственные каждому из нас. Тягу к месту, принадлежащему только ему. К безопасности. К уюту.

К дому.

— Дом, — прошептал я вслух. Я нащупал обломки заклятия Морти, и моя воля принялась собирать их воедино. — Дом, — повторил я, укрепляя конструкцию энергией воспоминаний, высвобождая заклятие в ночной воздух. — Ступайте домой, — произнес я уже во весь голос, и он, странно преломившись в тумане, превратился в ту самую зыбкую, как сама ночь, неумолимо притягивавшую к себе мелодию. — Ступайте домой. Ступайте домой.

Энергия выплеснулась из меня ровной волной и разбежалась кругом, а я остался в неуверенном ожидании. А потом все стихло, если не считать чуть слышного эха.

Домой, домой, домой...

Я медленно открыл глаза.

Я не слышал ни звука, не ощутил ни малейшего колыхания энергии, вообще ничего.

Я стоял в кругу безмолвных, смотревших на меня пустыми глазницами духов.

Теперь-то я знал, что они собой представляют: самых безумных, самых опасных призраков Чикаго. Почти все они при жизни совершили убийство. Теперь я смотрел на них другими глазами. Та милая парочка детишек? Бог свидетель, теперь они наводили на меня ужас. Слишком много черноты было в их ввалившихся глазах, да и выражение их лиц вряд ли изменилось бы, наблюдай они за проезжающими машинами или топи они младенцев в пруду. В делового вида джентльмене конца девятнадцатого века я узнал Германа Уэбстера Маджетта, американского первопроходца в области серийных убийц развлечения ради. Еще одна тень, по виду на век старше, могла принадлежать единственно капитану Уильяму Уэллсу, столько ледяной, почти осязаемой злобы продолжало от нее исходить.

И таких было множество. История Чикаго изобилует насилием, трагедиями и дикостью; по этой части с нами мало что может сравниться, по крайней мере по эту сторону Атлантики. Я вряд ли назвал бы по имени хотя бы треть из них, но знал, глядя на них, кто они такие: жизни, завершившиеся нищетой, болью или безумием. Они превратились в энергию разрушения, до поры до времени сохранявшую челове-

ский облик, и испепелявший их огонь продолжал незримо жечь их изнутри.

Идеальное оружие на боевом взводе.

Тут и там виднелись терпеливые и спокойные, как овчарки в стаде овец, сторожевые призраки дома Морти. Я-то считал их его потусторонними солдатами и только теперь разглядел истинное их назначение. Они, призраки не до конца исполненного долга, остались здесь в попытке довершить свою задачу. Одно их присутствие здесь словно заземляло бурлившие вокруг жестокость и безумие — и среди них я увидел померкший, выцветший силуэт сэра Стюарта.

Я держал оружие сэра Стюарта в правой руке и почти жалел, что не могу вернуться на двадцать четыре часа назад, чтобы как следует врезать им себе по башке. Слабевший дух вовсе не пытался передать мне свое оружие. Он вручал мне кое-что гораздо сильнее и опаснее.

Я полагал, он отдает мне мощную, но ограниченную по возможностям штуковину. Один-единственный выстрел, который надо произвести наверняка, в упор. Я судил об этом по смертным понятиям, со смертной точки зрения.

Стюарт дал мне вовсе не пистолет. Он дал мне символ.

Он дал мне власть.

Не выпуская пистолета из рук, я на мгновение зажмурился, сосредоточился на нем, попытался срастись с ним, сделать частью себя. Потом открыл глаза и посмотрел на высокую фигуру старого солдата.

— Спасибо, сэр Стюарт, — произнес я.

При этих словах пистолет начал менять форму, удлиняясь на глазах. Деревянная рукоять и металлический ствол превратились в длинный, обточенный вручную ножом кусок дубовой древесины. По всей его длине зазмеились по спирали символы и руны. Я сделал глубокий вдох и ощутил в руке знакомую тяжесть своего шестифутового посоха — главного символа моей власти.

Я низко опустил голову, воскрешая в памяти сотни заклятий и десятки конфликтов моей жизни, и вырезанные на деревянной поверхности знаки вспыхнули сиянием, напо-

нившим мне летящие пули сэра Стюарта. В призрачной древесине пульсировала энергия, разбегавшаяся по туману кольцами зловещего призрачного света — возможно, доступного даже глазам смертного человека. Послышался шелестящий звук — словно донеслась дробь далекого басового барабана, — и на мгновение я ощутил кожей тепло южного ветра, прохладу напоенного влагой воздуха, сырой холод снежной слякоти под ногами. В нос ударила гарь пожарища, в которое превратился дом Морти, и на какую-то секунду — в первый раз с тех пор, как я оказался в туннеле, — я ощутил в желудке спазмы голода.

Десятки призрачных взглядов разом переместились на меня, и давление их ударило с силой внезапного порыва ветра.

— Вечер добрый, — негромко произнес я, медленно поворачиваясь, чтобы обращаться ко всем окружавшим меня сгусткам злобы. — Наш друг Мортимер попал в беду. И времени у нас в обрез...

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Внешне цитадель Собирателя Трупов осталась прежней. Но она проснулась.

Разницу я ощутил еще на дальних подступах, а короткое включение воспоминания о моем Зрении сразу же помогло с необычайной ясностью увидеть отличия.

В небо над входом в убежище взмыл столб зловещего, переливавшегося всеми оттенками красного света. Совершенно очевидно, это не обошлось без привлечения магических энергий. Взгляд мой проникал сквозь землю как сквозь чуть мутноватую воду. Там, в глубине, на каждой ступеньке каждой лестницы, каждой стене каждого туннеля ярко светились полные жуткой силы формулы магической власти.

Ничего подобного этой тарабарщине я прежде не видел. Впрочем, нет, тарабарщиной оно казалось только на первый взгляд. Это все-таки были самые настоящие формулы,

мощные обереги, подобные тем, которые я в свое время использовал для защиты своего дома, основанные на тех же принципах, только переписанные совершенно безумной рукой.

— И все это было у меня прямо перед глазами, а я ничего не заметил, — буркнул я себе под нос.

Вообще-то этого стоило ожидать. Когда-то, еще до Войны за независимость, Собиратель Трупов входила в состав Белого Совета. Получается, мы с ней посещали одну и ту же школу, хотя годы выпуска у нас разные. И не только это: ее консультировало создание, некогда являвшееся частью моего собственного потустороннего помощника. Неудивительно, что Злой Боб давал ей похожие советы, когда она строила свои обереги.

Обереги заметно отличаются от большинства других разделов магии. Вся их концепция основывается на понятии порога, энергетической оболочки, окружающей дом. Понятное дело, бомжи, обитавшие раньше в этих туннелях, являлись отбросами общества, и все же они оставались людьми, и дом им был нужен, как любому другому. Пороги не боятся солнечного света — по крайней мере пока в доме живут и дышат смертные. Встройте в свой порог заклиние, и оно сохранится там надолго. А еще эти заклиния можно не спеша, постепенно подпитывать энергией.

Для того чтобы выстроить свои обереги, Собиратель Трупов могла обойтись и без особенно одаренного в магическом отношении тела. Для этого ей хватало и всякой магической мелочи, с помощью которой она понемножку накачала в обереги столько энергии, что в конце концов те превратились в первоклассные укрепления, готовые защитить ее в решающую ночь.

И разумеется, она наверняка решила, что раз она пытается эктоманта мирового уровня, чтобы с триумфом вернуться с того света в его теле, нынешняя ночь как раз из этих. В самом деле, зачем ей посторонние помехи?

— Терпеть не могу биться с профессионалами, — буркнул я. — Ненавижу, даже кушать не могу.

— Солидная оборона, — произнес у меня за спиной негромкий голос.

Я оглянулся через плечо. Сэр Стюарт тоже изучал обереги. Он сделался чуть более материальным — по крайней мере на вид, — и в глазах его читался немного рассеянный, но все же интерес.

— Угу, — согласился я. — Никаких мыслей на этот счет?

— Смертная магия, — вздохнул он. — Тут наш брат бессилен.

— Это я и сам знаю, — буркнул я. — Но войти-то нам все равно надо. — Я оглянулся на отряд сбрендивших призраков, которых про себя окрестил Страшилами-Чикатилами. — А как насчет этих? Они всю жизнь нарушали правила. Им хватит безумия войти?

— Порог. Это неодолимо.

Логично. Прошлой ночью я проник сюда потому, что дверь была открыта, да и призывное заклятие само приглашало войти. Сегодня все обстояло по-другому.

— Что ж, — пробормотал я. — Ничего стоящего даром не дается, так ведь?

Ответа не последовало.

Я обернулся и увидел, что фигура сэра Стюарта вновь померкла, а пустой взгляд уперся куда-то в пространство.

— Стю! Эй, Стю!

Он не пожелал отзываться, если не считать того, что снова повернулся лицом ко входу, терпеливо ожидая приказа.

— Черт, — вздохнул я. — О'кей, Гарри. Ты у нас великий чародей. Придется тебе придумать что-нибудь самому.

Я исчез и возник перед самой дверью. Опершись на порох, я пригляделся к берегам повнимательнее. Не могу сказать, чтобы мне это сильно помогло. То есть схема, как я и ожидал, оказалась мне знакомой. Примерно такую я использовал для защиты своего дома. Чтобы одолеть такую защиту, нужно положить груды тел — в буквальном смысле слова. Собственно, именно это и произошло с первыми моими берегами. Накатывавшие волна за волной зомби в конце концов прорвались-таки ко мне в дом.

Что ж, давайте подумаем. Вы готовите свой дом к обороне, но не принимаете в расчет зомби. На эти грабли я уже наступал — а ведь мог бы и подумать. В конце концов, это такая же прописная истина, как то, что нельзя ввязываться в

наземные боевые операции в Азии или махать кулаками перед носом у сицилийской мафии.

Мои обереги второго поколения уже были рассчитаны на противостояние с зомби. Эти — тоже. Так что я бы не одолел их, даже будь у меня армия зомби. Которой у меня не было.

— Значит, — произнес я вслух, — мы не будем сквозь них прорываться. Мы пойдем в обход.

«Угу. Круто сказано. Как?»

— Между этой цитаделью и Небывальщиной открыт переход, — продолжал я рассуждать вслух. — Причем открыт для прохода в оба конца, иначе зачем бы им такие серьезные укрепления с этой стороны? Все, что от тебя требуется, — это добраться до перехода, разнести к чертовой матери оборону Злого Боба, замочить самого Злого Боба и кого там еще Собиратель Трупов наwerbовала из Богом проклятых дыр, а потом прорваться из потустороннего мира сюда.

Что ж, этот план изобиловал терминами вроде «прорваться», «разнести к чертовой матери» и «замочить», что, должен признать, вполне в моем духе. В плане имелась всего одна загвоздка: я не мог открыть проход в Небывальщину. Окажись я там, мне, возможно, удалось бы найти укрепления Злого Боба — вряд ли они далеко. Вот только прозрачное состояние не позволяло мне отворять порталы.

— Во всех остальных аспектах план безупречен, — утешил я себя.

«Лобовая атака на крепость, которую, несомненно, строили в расчете на лобовую атаку? Гениально. Не до конца продумано, самоубийственно и с одной мелкой, но невыполнимой деталью. Но абсолютно гениально».

Гэндальф с такими проблемами не сталкивался.

«Вот как раз с такой сталкивался, стоя перед воротами подземного королевства гномов, Мории. Помнишь, что он тогда...»

Я вздохнул. Иногда мои внутренние монологи бесят даже меня самого.

— Эдро, — произнес я. — Эдро. Откройся. — Я потер переносицу и вспомнил еще слово. — Мэллон.

Ничего не произошло. Обереги никуда не делись. Из этого я сделал вывод, что Собиратель Трупов не читала Толкина. Сука невежественная.

— Терпеть не могу полагаться на кого-то другого, — злобно буркнул я, исчез и возник перед своим воинством. — Ладно, слушайте сюда. Вбрасываю мяч.

Ответом мне стали безразличные взгляды. Чего, собственно, и стоило ожидать. Большинство этих духов не дожили до появления футбола.

— Ладно, — повторил я. — Все станьте так, чтобы видеть и слышать меня без помех. Поближе.

Это духи поняли. С видимостью проблем не возникло, поскольку часть просто повисла на разной высоте в воздухе.

— Господи, — пробормотал я себе под нос. — Ни дать ни взять Купол Грома.

Я вытянул руку вперед ладонью вверх и на мгновение зажмурился. Я воскресил в памяти образ Молли — и ее внешность, и нынешнее настроение. А потом попробовал материализовать этот образ, полагаясь не столько на навыки, сколько на приобретенные уже в призрачной моей жизни инстинкты. Когда я открыл глаза, над ладонью моей парило, медленно вращаясь в воздухе, трехмерное изображение Молли.

— Эта девушка сейчас находится где-то в Чикаго, — объявил я. — Возможно, поблизости отсюда. Для того чтобы попасть к Мортимеру, нам нужна ее помощь. Поэтому... гм... солдаты остаются здесь. Остальных я прошу отыскать ее. Объявите ей. Передайте, что вас послал Гарри Дрезден, и приведите сюда. Не объявляйтесь больше никому. Никому не причиняйте вреда. — Я медленно обвел всех взглядом. — Идет?

Не успел я договорить последнего слова, как половина толпы — та половина, что казалась наиболее сбрендившей, — исчезла.

Мне оставалось лишь надеяться на то, что они меня все-таки слушали, на мое призывное заклятие, да еще на знак власти, врученный мне сэром Стюартом. Инстинкты почему-то подсказывали мне, что духи гнусных убийц не особенно склонны повиноваться чужим приказам.

— Ох, слишком много слабых мест в плане, — пробормотал я.

Однако в целом все обошлось.

Не прошло и десяти минут с момента, когда я послал их на задание, как к моей безмолвной охране все так же бесшумно, без огней и фанфар присоединились Страшилы-Чикатилы. Только что их не было, а секунду спустя они стояли вокруг меня. Все, кроме двух.

А спустя еще минуту к нам присоединились и двойняшки. Между ними, держа их за руки, хромала Молли. Шла она, напряженно выпрямив спину, осторожно переставляя ноги и слегка позеленев лицом. Я же говорил: она чувствительная. Наверняка она сразу же при встрече поняла истинную природу этих милых призрачных деток, так что их прикосновения ей вряд ли нравились. Что ж, одно то, что она вообще согласилась с ними идти, уже многое говорило о ее мужестве.

И возможно, еще больше — о ее вере в меня.

Ее длинный плащ еще хранил следы крови там, где в нее угодила пуля. По фасону он напоминал пожарную робу и подобно жилету Дэниела был подбит титановой кольчугой. Под плащом она до сих пор носила свои лохмотья, к которым, однако, добавился нейлоновый пояс-разгрузка — в кармашках виднелись несколько пузырьков с эликсирами и пара испещренных рунами жезлов. Наконечник одного венчал кристалл белого кварца, другого — аметист.

Двойняшки подвели ее ко мне, исчезли и возникли вновь уже в рядах призраков. Молли поморгала и огляделась по сторонам. Потом достала из-под мышки трость и оперлась на нее, разгрузив немного больную ногу. Из кармана плаща она достала свой камертон, легонько стукнула им по набалдашнику трости и подняла на уровень глаз.

— Мать Божия, Пресвятая Богородица, — выдохнула она, и глаза ее расширились при виде толпы призраков. — Гарри, это правда вы там?

— Четыре сбоку — ваших нет, — хмыкнул я, исчез и возник прямо перед ней. — Привет.

Молли чуть заметно кивнула. Она по-прежнему выглядела усталой, но напряжения, которое сковывало ее при нашей прошлой встрече, заметно поубавилось.

— Кто это?

— Приятели Морти, — ответил я. — Вижу, ты приделалась как на бал.

Она легонько улыбнулась, и на щеках на мгновение обозначились привычные ямочки, которые тут же исчезли.

— Со мной Баттерс связался. Он и сказал, что происходит. Я кивнул.

— А Мёрфи?

Молли отвернулась.

— Она на подходе со всеми, кого смогла выцепить.

— С парнями Марконе?

Молли мотнула головой.

— Марконе в Италии или где-то там. Сейчас там за все отвечает Чайлдз.

— Дай сам угадаю. В его задачи входит только приглядывать за хозяйством до возвращения босса, и выбрали его на эту должность не за особые способности или амбиции.

Молли кивнула:

— Примерно так.

Я поморщился.

— Как твой брат?

— Уйма швов. Уйма шрамов, — ответила Молли, отворачиваясь. Однако прежде я успел увидеть в ее глазах вспышку беспощадной ярости. — Жить будет.

— Отец Фортхилл?

— Состояние стабильное. В сознание пока не приходил. Его крепко избили.

— Что с Фицем и его командой?

— Они пока у папы, — ответила она. — Мама уже наготовила жратвы на целую армию. Да ладно, десятком ртов больше или меньше — ей не в тягость. Но это временно, пока не решим, чего с ними делать дальше.

Я негромко фыркнул.

— Ну да, пойдя они в любое другое место, Мёрфи мигом навела бы на них полицию. С Майклом она себе такого не позволит.

— Мне тоже так показалось.

— Твоя идея?

Молли пожала плечами.

— Отлично проделано, Кузнечик.

Она улыбнулась одними уголками глаз.

— Спасибо.

Я тряхнул головой. Блин. Слишком легко отвлечься, пускаясь в воспоминания. Все-таки действует на мозг призрачное состояние, действует.

— Ладно. Поболтали и хватит. Вот тебе все вкратце.

Я поведал ей об убежище Капюшонов и о том, что затеяла Собиратель Трупов. Пока я рассказывал, Молли ненадолго отворила Зрение, чтобы взглянуть на обереги. На мгновение ее пробрала дрожь.

— Вы уверены, что через них нельзя просто прорваться?

— Если бы у нас имелась пара дней на разведку, может, и получилось бы. Но такого времени у нас нет.

— Тогда что будем делать?

— Я со своей армией зайду с черного хода, из Небывальщины, — объяснил я. — Как только окажусь на месте, уничтожу формулы и отключу обереги. Мёрфи со своим отрядом берет это место штурмом, как это показывают в телесериалах. Мне нужно, чтобы ты отворила переход.

Молли прикусила губу, но кивнула:

— Это я могу. Только вы уверены, что путь через Небывальщину близкий?

Законам нормальной географии Небывальщина не подчиняется. С материальным миром она связана скорее символически. Отворите переход из какого-нибудь райского местечка на земле, и в Небывальщине вы скорее всего тоже попадете в райское местечко. Отворите в гнусной дыре — и по ту сторону перехода скорее всего тоже окажется довольно скверно. Порой переходы, открытые в десятке футов друг от друга, ведут в противоположные концы Небывальщины. Молли беспокоилась, не приведет ли нас этот переход вместо подвала цитадели Собирателя Трупов куда-нибудь в Тимбукту.

— Здесь вся округа заражена какой-то исключительно поганой магией, — сказал я. — Подберемся ко входу как

можно ближе. Думаю, мы вряд ли выйдем слишком уж далеко отсюда, а я сейчас особенно легок на подъем.

— Хи-хи, смешно, — хмыкнула Молли и легонько постучала тростью по земле. — Зато я не очень. Что, если я не буду попевать за вами?

Я изобразил как можно более решительное выражение лица.

Уголки ее губ поползли вниз.

— Вы не хотите, чтобы я шла с вами?

— Дело не в том, чего я хочу или не хочу, — возразил я. — Ты просто будешь нужна тем, кто пойдет с этой стороны. Если Мёрфи попытается войти до того, как я отключу обереги, погибнет куча народу. Жуткой смертью погибнет. И кроме тебя, никто не сможет определить, когда они отключатся. Поэтому ты останешься здесь.

Молли снова отвернулась. На шее ее дергалась жилка.

— Хорошо, — кивнула она.

Я внимательно на нее посмотрел. У нее болело все, что только могло болеть, — включая душу. При этом она полностью владела собой. Ей не нравилась роль, отведенная ей в моем плане, но она понимала, что так нужно.

— Ты обалденная женщина, Молли! — сказал я. — Спасибо.

Она дернулась, словно в нее попала пуля. Глаза сделались большими-большими, а лицо побелело как мел. Мгновение она молча смотрела на меня. Губы словно силились сказать что-то, но ни звука с них не сорвалось. Глаза набухли слезами. Только спустя несколько секунд она чуть слышно всхлипнула.

Она вздрогнула и отвернулась от меня, смахнув слезы рукавом плаща.

— Извините, — прошептала она. — Извините.

— Все в порядке, — заверил я ее как мог мягче. — Я знаю... Знаю, что тебе в последнее время нелегко приходилось. Так что порой без слез не получается.

— Господи, — сказала она, и в голосе ее ирония мешалась с горечью. — Гарри, как вы только можете быть таким бестактным — при ваших-то мозгах? — Она сделала глубокий вдох, потом выпрямилась и расправила плечи. — Ладно. Мы теряем время.

— Угу, — согласился я.

Она медленно подошла к двери в убежище Капюшонов, остановилась, широко расставив ноги, и сняла с пояса жезл с аметистом на конце. На то, чтобы полностью сосредоточиться, у нее ушло всего две или три секунды. Она действовала с уверенностью мага высшей категории, без пяти минут члена Белого Совета. Молли помолчала еще пару секунд, потом подняла взгляд и прочертила жезлом в воздухе длинную вертикальную линию.

— Rokotsu, — негромко произнесла она.

Секунду-другую ничего не происходило. Потом воздух словно треснул по шву и разошелся в стороны, как занавески, раздвинутые порывом ветра. Брешь увеличивалась, пока не сделалась размером со входную дверь, и из нее заструился причудливый, словно пробивавшийся сквозь воду зеленый свет.

Молли подвигала шеей, точно это усилие причиняло ей боль. Впрочем, вполне возможно, что причиняло. Открытие портала требует серьезной дозы энергии, а по этой части Молли далеко до тяжеловесов.

— Пользуйтесь, босс, — произнесла она, отступив на шаг от портала.

— Спасибо, Кузнечик, — тихо сказал я и повернулся к своему отряду призраков. — Ладно, ребята. Пошли, щелкнем кое-кого по носу.

Я повернулся и шагнул через брешь в Небывальщину, а за мной потянулись самые опасные из призрачных хищников бетонных джунглей.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

При жизни я часто ходил в кино.

Вообще-то в кинотеатрах мне делать нечего — особенно с тех пор, как все больше их начало переходить на современные технологии воспроизведения изображения и звука. То, как я ухитряюсь портить технику, особенно электронику, просто находясь рядом с ней, означает: у меня нет ни малей-

шего шанса досмотреть фильм хотя бы до середины без того, чтобы не случилось что-нибудь ужасное со звуком, изображением или с тем и другим сразу. Значительную часть своей энергии магия черпает из эмоций, а отсюда следует то, что все пойдет наперекосяк в самых трогательных или захватывающих местах.

Поэтому мне приходится смотреть фильмы, только если их ставят в театре. Это как правило. Но если мне хочется посмотреть хороший фильм, я могу сделать это единственным образом: в драйв-ин кинотеатре для водителей.

Вас это, возможно, удивит, но несколько таких еще работают. Я ездил в тот, что в Авроре. Там я мог найти себе место подальше от проектора, чтобы не воздействовать на технику. Акустику в кинотеатре обеспечивают сотни автомобильных динамиков, большая часть которых включена на полную мощность. Ну да, там всегда полно шпаны, которая с глупым гоготом шатается по площадке, смотрит, где что плохо лежит, и потребляет запрещенные здесь к употреблению напитки. Меня они не беспокоили. Я мог поставить машину в первом ряду, усесться на крышку багажника, прислониться спиной к ветровому стеклу и, закинув руки за голову, наслаждаться фильмом от первого и до последнего кадра.

(Обычно я брал с собой Боба. Он сидел на приборном щитке. Я всегда считал, что делаю ему одолжение, хотя, если подумать как следует, вполне возможно, что это он сам снисходил до фильмов ради меня. Чтобы я не чувствовал себя одиноко.)

Короче, я посмотрел довольно много фильмов. Поэтому знаю, что говорю, описывая первые шаги сквозь открытый моей ученицей портал. Я угодил в первые кадры какого-то фильма-экшн.

Тело мое разом оказалось по пояс в воде, а мгновение спустя волна с разбега шлепнула меня по спине, едва не сбив с ног. Поскольку за последние дни физические ощущения доходили до меня несколько приглушенными, я пошатнулся и охнул от неожиданности. В рот сразу же набилась соленая пена.

Я мог бы ожидать чего-нибудь в этом роде. Я попал в мир духов, к которому теперь принадлежал сам. Тяготение, жар,

холод, свет — все это сделалось таким же взаправдашним, как и я. Я, можно сказать, стал здешним гражданином. Вот только холодная вода не слишком полезна для призрачной плоти.

Я сплюнул воду, расставил ноги пошире для устойчивости и огляделся по сторонам. Я стоял в воде ярдах в десяти от галечного пляжа. С неба лился серый, заметно действовавший на нервы свет. Пляж занимал полосу шириной двести или триста ярдов между водой и гранитным утесом.

На пляже тут и там валялись... существа. Представьте себе чертика из табакерки. А теперь представьте себе, что он сочетался браком с дикобразом размером с мусоровоз и от этого милого союза пошли детки. Вот такие детки и усеивали собой пляж: огромные сонного вида тварюги, наполовину зарывшиеся в гальку. С венчавшего спину горба в разные стороны торчали огромные, футов семь или восемь в длину, похожие на лезвие косы иглы, а всю остальную поверхность тела покрывали иглы поменьше. В том, как расположились их тела по пляжу, перекрывая нам путь к скале, наблюдалась некоторая осмысленная система, хотя выполненная и не идеально ровно. Бока их ритмично вздымались — они дышали.

Я перевел взгляд наверх, на утесы, на вершинах которых виднелись приземистые угловатые сооружения. В обращенных в сторону пляжа стенах зияли узкие бойницы. В паре мест отвесные склоны казались чуть более пологими. Какая-нибудь особо ловкая обезьяна, возможно, и сумела бы их одолеть. Однако оба этих подъема были сплошь оплетены колючей проволокой и простреливались с нескольких точек, что превращало подъем в особо зрелищную форму самоубийства.

По пляжу пронесся порыв пахнущего тухлятиной ветра, который развернул водруженное над укрепленными точками знамя: черную свастику на фоне белого круга. Я тупо смотрел на него, пока новая волна не пошатнула меня. Только тут до меня дошло, где я видел эту картинку прежде: в первых кадрах «Спаси рядового Райана».

— Ох, блин, — выдохнул я.

Ну да, я попал в Небывальщину — в мир духов, который обладатели сильной воли и определенных навыков могут оформлять по своему усмотрению. Злой Боб являлся раньше частью Боба-черепа, а тот работал на одного извращенца по имени Кеммлер, которого, судя по всему, с большим трудом, но укокошили-таки в годы Второй мировой. Похоже, Злой Боб, проектируя оборону базы своей покровительницы, обратился к знакомой теме.

В бойницах на вершине утеса замелькали яркие вспышки, и от них протянулись к кромке воды алые пунктиры трассирующих пуль. Шлепки свинца по воде донеслись до нас на секунду раньше, чем грохот выстрелов.

— А ну все мне за спину! — рывкнул я своему отряду, и те послушно зашлепали по воде, выстраиваясь за мной в колонну.

Что ж, раз уж я, дух, оказался в мире духов, грех было не воспользоваться преимуществами ситуации. Поскольку мой сгинувший в водах озера Мичиган плащ снова оказался на мне с момента, когда Кармайкл сдернул меня с рельсов, я не видел причины, почему то же самое не могло случиться с моим браслетом-оберегом. Даже не глядя на левое запястье, я сосредоточился и заученным движением встряхнул рукой, чтобы браслету не мешал рукав. И сразу же ощутил на руке привычную тяжесть цепочки из маленьких заговоренных средневековых щитов.

— Ха! — хмыкнул я себе под нос и начал сосредотачивать волю для того, чтобы выстроить защитное поле.

Что-то с силой толкнуло меня в бок, я повалился и с головой ушел под воду. В том месте, где я только что стоял, вода вскипела от пулеметной очереди. Я вынырнул, отплываваясь, — как раз вовремя, чтобы увидеть, как пуля угодила в спасшего меня призрака. Внешне это ничем не отличалось от попадания в живого человека, за исключением одной детали: крови не было. Пуля просто оторвала кусок призрачной руки, и из раны ударил фонтан прозрачной эктоплазмы. Дух только покосился с удивленным видом на остаток руки.

Следующая пуля разнесла ему голову, и он сразу превратился в комок желеобразной эктоплазмы, который тут же унесли прочь волны.

Встать на ноги мне помогла тень сэра Стюарта. Новая очередь ударила в самую гущу моего отряда, заставив призраков нырять в поисках укрытия, которого не было. Это стоило нам нескольких раненых, если так можно назвать тела, исковерканные жуткими бескровными ранами, и одного убитого из числа Чикатил.

— Мне за спину! — снова гаркнул я и врубил свой браслет на полную мощность. Передо мной вспухло полушарие бледно-голубого света. Неприятель немедленно перенес огонь на него, и пули рикошетом разлетелись в небо.

Я зашагал вперед, на берег. Сэр Стюарт следовал за мной по пятам и чуть сбоку, прикрывая телом от волн, то и дело норовивших сбить меня с ног. Отряд подтянулся поближе ко мне, под прикрытия щита, и все вместе мы устремились к берегу так быстро, как я только мог без боязни утратить необходимую для поддержания поля концентрацию.

Следующие несколько секунд выдались для меня нелегкими. Даже занимаясь магией, приходится соблюдать ряд законов физики, от которых никуда не деться, — например, закон сохранения энергии. Все эти псевдопули лупили по моему щиту с изрядной силой. Соответственно мне приходилось прикладывать равную силу к тому, чтобы их удержать. Понятно, я старался сделать щит как можно более покатым, чтобы пули били в него под углом, а не в упор, но даже так мне приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы огонь не наносил нам ущерба.

Нет, защитное поле — явно не лучшее решение. Слишком много сил я тратил, чтобы их хватало на ответный удар. И потом, не мог же я удерживать поле до бесконечности. Самое позднее через час оно неминуемо ослабнет, а тогда нас всех определенно ничего уже не спасет. Самое время придумать, как нам нейтрализовать пулеметы.

— Сэр Стюарт! — крикнул я. — Есть у кого-нибудь гранаты?

Рука сэра Стюарта мгновенно вынырнула у меня из-за спины. В руке оказалась — поверьте мне на слово! — маленькая чугунная бомба размером с бейсбольный мяч. Отверстие в оболочке затыкалось пробкой, из которой торчал пенько-

вый фитиль. Такие штуковины до сих пор рисуют в мультиках, только другого размера.

Я оглянулся через плечо и увидел, что некоторые из Страшил тоже достали гранаты, только современнее, напоминающие ананасы. То же самое проделала пара теней в форме времен вьетнамской войны.

— Славно, — кивнул я. — Ладно, план таков. Мы бежим туда, под ту огневую точку, и ваши ребята разносят ее к черту. Потом ту, что рядом с ней. Потом попробуем проделать проход в проволоке и убираемся с этого пляжа к чертовой матери.

Сэр Стюарт всмотрелся с пляж перед нами сквозь перебивающийся разноцветными вспышками от попаданий щит и кивнул. Потом все с тем же бесстрастным выражением лица оглянулся на своих людей. Те разом кивнули.

— Не так все и страшно, — пробормотал я. — Ладно, держитесь все за щитом! — И ринулся вперед, к подножию утеса.

И тут заговорили пушки.

Где-то над головой послышался пронзительный свист, и в воздухе что-то промелькнуло. На мгновение мне помережились очертания черепа, пролетевшего в вихре свирепой алой — такой же как у пуль — энергии. Что бы это ни было, оно ударило в берег ярдах в тридцати перед нами. Грохота от взрыва я не услышал. Вместо этого наступила внезапная абсолютная тишина, словно череп всосал все движение вокруг себя — включая звуковые волны. Полыхнула вспышка, а секунду спустя на нас с ревом налетел порыв огненного ветра. Ушные перепонки пронзило болью от давления воздуха. В щит ударила галька с пляжа, и он вспыхнул от перегрузки возмущенным синим огнем. Когда рассеялась пыль, в земле зияла воронка глубиной с мою могилу и диаметром в двадцать футов.

Над головой уже свистело в унисон несколько новых снарядов, и на мгновение меня охватила сковывающая мысли паника. Блин-тарарам! Стоит одному из этих черепов угодить поближе, а еще хуже за моей спиной, где нас не прикрывает защитное поле, — и нам конец. Даже близкого попадания хватило бы, чтобы разнести в клочья мой щит,

и тогда нас прикончили бы пулеметы. Укрыться от визжащих черепов мы могли только в одном месте.

— Надо подобраться к ним вплотную! — рывкнул я. — Вперед!

И что было сил припустил вперед, на пулеметы.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

События, которые происходили между кромкой воды и подножием утеса, как-то смешались в моей памяти. Я запомнил только бег, стрельбу и фонтаны гальки и грязи. Еще несколько теней пали от визжавшей шрапнели. Моему щиту пришлось очень и очень несладко, а когда мы подобрались ближе к пулеметам, прикрывать отряд от огня с флангов стало совсем трудно.

Бежать было некуда, укрыться тоже негде, так что нам ничего не оставалось, кроме как бежать вперед. Собственно, альтернативой этому могла стать только смерть, и страха я натерпелся, как, наверное, никогда еще в жизни. Нет, правда, даже хорошо, что в памяти о тех минутах сохранилось немного.

Запомнился, впрочем, неприятный момент где-то на полпути к утесу, когда я пробежал между двумя игольчатыми тварями. Я помню, как отметил про себя, что их покрывала такая тяжелая броня из нескольких слоев костяных пластин, что они даже не могли встать. Пулеметный огонь и черепаснаряды, казалось, не причиняли им никакого вреда. Я увидел, что в меня уперся взгляд двух крокодильих глаз, а потом из-под панциря выметнулись покрытые короткими иглами щупальца и принялись раскручиваться, как пожарные рукава под давлением, когда их никто не держит. Одно щупальце успело обвиться вокруг моего запястья, и только заговоренный рукав плаща не позволил игле-клинку рассечь мне плоть до кости. Блеснул топор сэра Стюарта, и отсеченное щупальце превратилось в эктоплазму.

Я скомандовал теньям рубить направо и налево, и мое воинство разом ошетинилось десятками мечей, топоров, теса-

ков и штыков. Мы прорвались сквозь ряды тварей и заградительный огонь, который все усиливался. При этом мы потеряли еще несколько теней, выдернутых щупальцами из-под щита на открытые места, где их мгновенно изрешетили пули.

Черепашки прекратили сыпаться на нас где-то за двадцать ярдов до подножия утеса, и мы наконец-то смогли немного перевести дух. Мы с тенями прижались к отвесной скале, где пулеметчики не могли продолжать огонь из амбразур. Я сместил свой щит, чтобы тот на всякий случай прикрывал нас с тыла, но огонь и без того заметно ослабел.

— Гранаты! — скомандовал я голосом, который, надеюсь, звучал не как у перепуганного четырнадцатилетнего юнца.

Сэр Стюарт протянул пару своих бомбочек типу с внешностью гангстера времен Аль Капоне, и тот поджег фитили своей зажигалкой. Старый солдат отступил от основания утеса на пару шагов и по одной запустил гранаты с разбрызгивавшими искры фитилями вверх.

Мне пришлось расстараться, чтобы убрать щит ровно в то мгновение, когда первая граната вырвалась из руки сэра Стюарта, и снова включить его, как только к противнику устремилась вторая граната, но я справился. Обе гранаты с глухим лязгом ударились о камень, но пролетели-таки внутрь бойницы. Секунду-другую сверху не слышалось ничего, кроме ворчливых голосов.

Потом громко ухнул взрыв, сопровождаемый нечеловеческими воплями боли. Секунду спустя грянул второй взрыв, и на мой щит пролилась струя прозрачной эктоплазмы.

— На-кось, выкуси! — завопил я, и сэр Стюарт ответил свирепой ухмылкой.

— Приготовились к следующему! — скомандовал я и, отцепившись от спасительной скалы, бросился к соседнему утесу. Пока что мы уничтожили только одну огневую точку из двух, простреливавших подъем, так что продолжать атаку было еще опасно.

Я изготовил свой щит, укрепил его, как только мог, и снова выскочил на открытое место. Пулеметы разом открыли по нам огонь, и защитное поле озарилось яркими вспышками отраженных попаданий. Бежать нам предстояло всего

три десятка футов, но мне приходилось прилагать все силы, чтобы щит не слабел. Мой призрачный отряд старался не отставать.

На бегу я попытался получше разглядеть противника. Солдаты шеголяли черно-серой формой СС-ваффен, но это были не люди. Из-под касок у них торчали клыкастые волчьи морды, только без меха, что придавало им гротескный вид. На месте глаз чернели пустые дыры — я говорю «пустые» в прямом смысле слова. Глаза в глазницах просто-напросто отсутствовали. По нам вели огонь пулеметные расчеты и снайперы, и на их чудовищных мордах явственно читалась жажда крови.

Добежав до подножия утеса, я переместил щит сначала вверх, дождался, пока меня догонят последние призраки, и снова накрыл им всех.

— Симпатичные ребята, — жизнерадостно заметила тень сэра Стюарта. Вид он имел менее прозрачный, чем всего несколько минут назад. У меня сложилось впечатление, что при жизни сэра Стюарта бодрили сражения — и что тень в этом отношении мало от него отличалась.

— Принесем им письменный комплимент потом, — отозвался я и указал вверх, на вторую огневую точку. — Повторим?

Стюарт кивнул и повернулся к гангстеру. Оба его броска снова вышли идеальными, нас осыпало брызгами эктоплазмы, а пулеметы наверху смолкли.

— А теперь самая веселая часть, — сообщил я. — Будем подниматься. Мой щит долго не продержится: те, кто охраняет склон, сделают все, чтобы лишить его силы. Поэтому нам надо завязать рукопашный бой, и чем быстрее, тем лучше.

Сэр Стюарт кивнул и махнул рукой в сторону безумного воинства:

— Командуйте.

Я прикусил губу, подумал немного и кивнул.

— Эй, ребята, — подозвал я к себе двойняшек.

Две пары мертвых, пустых глаз обратились на меня, а с ними несколько десятков других, и по спине у меня пробежал холодок.

— Нам нужно одолеть этот склон. Как только рухнет мой щит, я хочу, чтобы вы бросились на врага как можно быстрее и опрокинули его. Не стесняйтесь. Мочите их как следует. И не останавливайтесь, пока не уберете всех. Ясно?

Все больше пустых глаз молча смотрели на меня. Никто не пошевелился. Никто не ответил.

— Ну да, конечно, — сказал я. — Вы все поняли. Если нет, лучше скажите что-нибудь, ладно?

Ответа не последовало.

— Господи, это все равно как если бы Галлахер выступал в клубе Гарвардского университета, — пробормотал я. — Ладно, ребята, пошли. Раз! Два! Три!

И снова выскочил из-за угла скалы, держа перед собой щит. Он почти мгновенно осветился серебряно-голубым сиянием, пытаюсь удержать такой шквал энергии, что часть ее передалась на мою руку, тормозя бег с силой ураганного ветра. Я пьяно брел вперед, не видя ничего в паре футов перед собой, ставя ноги наугад. Камни и песок подавались у меня под подошвами. Даже при том, что меня подталкивал вперед сэр Стюарт, инерция моего рывка быстро погасла, и я припал на колено. Браслет жег запястье нестерпимым жаром.

Мне все-таки удалось сделать еще два коротких броска вперед, а потом что-то ударило в мой щит с силой обезумевшего локомотива и тот взорвался, ослепив и оглушив нас на мгновение. Проморгавшись, я наконец-то разглядел склон перед нами и такого же оглушенного взрывом противника.

И тут за дело принялись Страшилы-Чикатилы.

Единственное сравнение, которое пришло мне на ум, — это эпицентр торнадо. Безумные призраки города Чикаго ринулись вперед с такой скоростью, с такой силой, что тела их словно размазались по склону, и эти неясные мазки соревновались, кто первым достигнет врага. Игнорируя всякую ерунду вроде законов земного притяжения или незыблемости материальных тел, они по мере сближения с противником изменяли форму — и это зрелище еще долго будет являться мне в страшных снах.

Впрочем, наименее жуткими деталями я с вами поделюсь. Близнецы, например, словно скользили по воздуху по направлению к врагу. Постепенно тела их начали удлинять-

ся, сплетаться друг с другом, превратившись в конце концов в нечто единое, напоминающее плод творения съехавшего с катушек художника, изображающий поединок огромного кракена с какой-то безымянной глубоководной рыбиной, ошетилившейся плавниками и огромными желтыми, как гоголь-моголь, глазищами. Они налетели на ближайшего к ним нехорошего парня, подпрыгнули вверх и плавно приземлились на то место, где он стоял. Я даже не сразу понял, что произошло: они вдавили незадачливого волка-эсэсовца в землю с такой силой, что тот сделался не толще моей чековой книжки. Из сплетения тел выбросились щупальца и устремились в рот, в горло, в ноздри, даже в уши следующего эсэсовца. Они нырнули туда и вынырнули обратно — с окровавленными комками плоти, из которых я сумел опознать только желудок и некоторую часть кишечника, которую тут же намотали на шею бедолаге, для верности придушив его.

Поверьте, с близкого расстояния это выглядело еще менее приятно, чем я описываю.

Поле боя огласилось сначала рычанием, потом визгом. Призраки, которых безумный голод, десятилетиями сжигавший их изнутри, превратил в жутких монстров, атаковали волков-эсэсовцев по всей ширине прохода, и мне пришлось зажать уши руками, чтобы не слушать этой жуткой какофонии звуков. Я сам готов был кричать от боли в ушных перепонках.

Поначалу враг сопротивлялся — и те, кто это делал, умерли быстро. По мере того как в бой включались все новые жуткие чудища, боевой дух эсэсовцев таял, и они начали обращаться в бегство. Те, кто бежал, погибли жуткой смертью. В конце концов горсть оставшихся охваченных ужасом врагов не могла больше ничего, как только стоять, панически оглядываясь и подвывая от страха.

Смерть этих последних я даже не берусь описать.

«Призраки не испытывают голода, — напомнил я себе. — Покойники не едят». Поэтому и повода, чтобы меня стошнило, у меня вроде бы не имелось. Эта мысль показалась мне самому такой дикой, что я не смог удержаться от нездорового смеха. Нет, правда, я смеялся и не мог остановиться, даже когда до меня дошло, что мне нельзя сидеть, ничего не де-

лая, если я не хочу утратить контроль над кошмарной стихией вроде Чикатил.

— Ну же, хватит! — буркнул я сам себе, продолжая хихикать. — Валяй, пока они еще могут тебя услышать. — Я с усилием встал и похромал вверх по склону. Сэр Стюарт и несколько охранявших меня призраков поднимались следом. Подъем оказался нелегким. Страшили-Чикатилы оставили некоторых из волков-эсэсовцев живыми — ну по крайней мере отдельные их части. Все сплошь покрывали кровь и другие — менее приятные — выделения. Те счастливики, которым повезло погибнуть первыми, уже превратились в комки скользкой эктоплазмы.

Собственно, подъем был тошнотворно опасным и без того, чтобы нас всю дорогу поливали огнем.

Я добрался до вершины и увидел перед собой поле, покрытое паутиной окопов. То и дело вспыхивала стрельба. То и дело слышался визг. На моих глазах обезумевший от страха волк-эсэсовец полез из окопа. Ему это почти удалось, когда откуда-то снизу метнулось нечто, напоминавшее скользкий желтый язык, ударило его в спину и выскочило со стороны груди. Тот успел еще коротко взвыть, прежде чем язык, обвившись вокруг него, швырнул его обратно с такой силой, что в воздух взметнулось со дна окопа облачко пыли.

— Блин-тарарам, — хихикнул я. — Блин-тарарам. Жуть какая.

Сэр Стюарт угрюмо кивнул. Он дал знак рукой, и окружавшие нас духи принялись избавлять валявшихся поблизости изуродованных, но все еще живых эсэсовцев от мучений.

Я шлепнул себя по щеке и заставил-таки прекратить смех. Стоило мне перестать смеяться, как отчаянно захотелось визжать. Слуги-демоны, которых Злой Боб поставил охранять цитадель, вряд ли отличались особой добродетелью. Вполне возможно, они заслуживали жестокой смерти.

И все-таки есть вещи, которые нельзя делать или хотя бы видеть, оставаясь при этом в здравом уме.

С попытками визжать я тоже справился. Правда, на это у меня ушло не меньше минуты, а то и двух. Когда я наконец поднял взгляд, сэр Стюарт смотрел на меня с болью и со-

страданием. Он понимал, каково мне сейчас. Он знал это по своему опыту — возможно, именно потому он и сделался кем-то вроде командира безумной гвардии чикагских призраков.

— Виноват, прошу прощения, — произнес я. С голосом тоже что-то случилось. Язык словно увешали свинцовыми грузами. — Я сам приказал Чикатилам не останавливаться, пока не убьют всех.

Тень-здоровяк угрюмо кивнул.

— Ступайте за ними, — сказал я. — Проследите, чтобы оставшиеся враги умерли без мучений. Потом соберите наших и возвращайтесь ко мне.

Сэр Стюарт кивнул и повернулся к охранявшим нас духам. Те разом разошлись в разные стороны.

Я оперся на посох и перевел дух. Защитное поле изрядно лишило меня сил. Настолько, что когда я опустил взгляд на свою руку, увидел слегка просвечивавшую сквозь нее землю.

Я таял.

Поежившись, я крепче сжал посох. Что ж, этого можно было ожидать. Я всегда полагал, что магия исходит изнутри тебя, от того, кто ты и что ты, — из твоего сознания и сердца. Теперь у меня, кроме этих ума и сердца, ничего не осталось. А щит надо было чем-то питать. Я как-то не слишком задумывался над тем, откуда бралась энергия.

Вот теперь я это узнал.

Я снова посмотрел на руку и на просвечивавшую сквозь нее землю. Сколько еще потребуется, чтобы я окончательно исчез? Этого я не знал даже приблизительно. Что, если мне потребуется вновь прибегнуть к магии — после того как все это закончится, охотясь за моим убийцей? Что, если я истаю без остатка? Что, если со мной случится то же, что с сэром Стюартом, и я превращусь в пустую тень?

Я провел рукой по дубовому посоху. Плевать. Мёрфи и друзья — не говоря уже о Морти — нуждаются в моей помощи. И они ее получают, даже если от меня останется только старое, поблекшее воспоминание.

(Или если я превращусь в еще одну безумную тень, скользкую по ночному Чикаго, сеющую хаос, бессмысленный и беспощадный.)

Я потрянул головой и выпрямился. Судя по доносившимся до меня звукам, Чикатилам осталось разделаться с последними нехорошими парнями. Те явно обороняли подступы к цитадели Собирателя Трупов — такие зоны обычно каким-то образом притягивают к себе любого, кто попал в Небывальщину из тех точек материального мира, что так или иначе связаны с охраняемой цитаделью. Собственно, для этого они и предназначены — останавливать нежеланных гостей, чтобы те вместо цитадели оказывались на таком вот пляжике.

Теперь мне предстояло отыскать переход, охранявшийся волками-эсэсовцами, черный ход в убежище Собирателя Трупов, которым у меня на глазах пользовались Злой Боб и прислужник фоморов. Я зажмурился, абстрагируясь от продолжавшегося на поле кошмара. Отстранился от всех моих тревог и страхов. Я вполне мог обойтись без дыхания, но все же сделал несколько глубоких вдохов, ибо только так умел прояснять сознание. Вдох. Выдох. Не спеша.

Потом я по одному включил свои чувства, пытаюсь ощутить энергию, которая всегда окружает любой открытый портал между мирами. Я обнаружил ее почти сразу — и открыл глаза. Энергия исходила из точки, расположенной в нескольких сотнях ярдов передо мной, на склоне поросшего лесом холма. Я видел тропинку, которая вела в ту сторону. По ней явно ходили, и часто, хотя я сомневался, чтобы это были какие-нибудь бойскауты. Значит, нам туда.

Внезапный оглушительный инстинкт ударил у меня в голове тревожным колоколом. Я не рассуждал. Повинуясь ему, я метнулся в сторону, перекатился по земле и снова выставил перед собой щит.

Какая-то свирепая сила ударила в него чугунной бабой, и половина серебряных щитов, из которых сделан мой браслет, рассыпалась на мелкие осколки. Удар отшвырнул меня на добрых два десятка футов, и, приземлившись, я продолжал катиться по земле, пока эта земля из-под меня не ушла. Я рухнул на дно и некоторое время лежал оглушенный. Как-то все очень уж внезапно произошло.

К окопу неспешно приближались тяжелые уверенные шаги. Топ. Топ. Потом на обресе бруствера показалась пара

черных бутс. Мой взгляд скользнул вверх по форменному эсэсовскому плащу, чем-то напоминавшему мой собственный. Только обладатель этой формы не походил на волка. Вместо лишенной шерсти волчьей морды над воротником виднелся белый человеческий череп. В глазницах его горел синий огонь, и он смотрел на меня сверху вниз с холодной безразличностью.

— Для новичка неплохо, — заметил Злой Боб. — Хочу, чтобы ты знал: я сожалею о твоей смерти. Такой потенциал пропал даром... — Он поднял то, что более всего походило на пистолет «люгер», и не спеша нацелил его мне в лоб. — До свидания, Дрезден.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

«Тяни время, — в отчаянии думал я. — Сэру Стюарту товарищи вряд ли осталось там много работы. Тяни время».

— Поступать так не в твоих интересах, — произнес я вслух.

Огонь в глазницах Злого Боба мигнул. Ствол пистолета не дрогнул.

— Ты исходишь из того, что у меня вообще могут быть какие-то собственные интересы.

— Будь иначе, — заметил я, — ты бы уже спустил курок.

Секунду ничего не происходило. Потом череп чуть наклонился набок, и у меня сложилось впечатление, будто Злой Боб вдруг задумался.

Я продолжил натиск:

— Твоему боссу сомнения не нужны. И поскольку я понимаю, что ты поступаешь так не ради меня, мне остается только полагать, что ты действуешь в собственных интересах.

— Любопытный аргумент, — хмыкнул Злой Боб. — И достаточно весомый — с учетом склонности к независимому мышлению, наблюдавшейся у моего прародителя.

— Ты имеешь в виду настоящего Боба?

— Разумеется, — фыркнул Злой Боб. — Тот, из чьей сущности я вышел. Твои инстинкты в таких вопросах чутки,

Дрезден. Ты дал мне пищу для размышлений — на дальнейшее, когда меня не будет отвлекать твоя не слишком эффективная тактика заговаривания зубов.

И он нажал на спуск...

...в то самое мгновение, когда топор, брошенный сэром Стюартом, ударил его в выставленную вперед руку с пистолетом.

Топор врезался в нее всего лишь деревянной рукоятью, но и этого хватило, чтобы меня спасти. Заряд психической энергии, голой смертоносной воли врезался в бетонную стенку окопа в пяти футах слева от меня, разнеся ее в пыль.

Я выбросил вперед правую руку.

— Forzare! — рявкнул я, метнув в Черепа заряд собственной энергии.

Злой Боб отбил его взмахом черного кожаного рукава, но все же отступил на полшага назад.

И тут в поле зрения показался сэр Стюарт. Он подсек Злого Боба под коленки, навалился на него всей своей тяжестью и вместе с ним с грохотом обрушился в окоп. Эсэсовская фуражка с высокой тульей покатилась по земле.

Я издал яростный клич и замахнулся на череп посохом. Тот перехватил его одной рукой и остановил — казалось, у него пальцы с гидравлическим приводом. Другой рукой он схватил сэра Стюарта за грудки и просто толкнул вперед. Сэр Стюарт вылетел из окопа, и только спустя полторы секунды до меня донесся шум его падения.

— Ага, — произнес Злой Боб, внимательно разглядывая своими зловеще-синими глазницами мой посох. — Простое, но эффективное оружие. Вполне в стиле Маккоя. — Глаза разгорелись еще ярче. — А также ключ к управлению твоей маленькой, но эффективной армией. Замечательно.

Я обеими руками потянул посох на себя, но не смог выдернуть его из пальцев темного духа. Чертовски унижительно — не говоря уже о том, что жуткая сила этого типа изрядно меня тревожила. Я тянул всем телом, упирался ногами, но Злой Боб почти не шевельнулся. Он невозмутимо стоял на дне окопа, держа посох за конец и рассматривая его. Только завершив осмотр, он обратил свое внимание на меня.

— Делаю тебе предложение, Дрезден, и повторять не буду, — совершенно спокойно заявил Злой Боб. Он взялся за посох и другой рукой, повторив мое движение, и до меня вдруг дошло, что при желании он запросто мог бы швырнуть меня на значительно большее расстояние, чем сэра Стюарта, — если, конечно, не предпочел бы просто сунуть посох мне в грудь так, чтобы тот вышел со спины.

Я даже как-то усомнился в том, что Злого Боба смогла бы одолеть вся моя призрачная армия, окажись они вдруг все здесь и сейчас. Чикатилы, телохранители и вся королевская рать.

— И что за предложение? — поинтересовался я.

— Связь, — ответил череп. — Со мной.

Именно так. Вот этими самыми словами.

— Гм... — протянул я, прищурившись. — Будь так добр, объясни получше, что ты понимаешь под связью. Ибо должен тебе сказать, Боб, меня... типа того... ранили.

Юмора он не оценил совсем. Похоже, я вещал не на той частоте.

— Отношения ученика и наставника, — ответил он. — Ты обладаешь неплохими задатками. Ты практичен. Твои амбиции умеряются сознанием собственной ограниченности. У тебя неплохой потенциал к тому, чтобы стать идеальным партнером.

— И в отличие от Собирателя Трупов я не буйнопомешан, — добавил я.

— Не уверен. Однако твое безумие поддается исцелению, — заявил Злой Боб. — И ты не слишком тешишь себя иллюзиями. — Он шмыгнул носом... вернее, провалом на месте носа. — Господин всегда относился к этой твари без особой симпатии. Но ты мог бы его и заинтересовать.

— Даже если бы Кеммлер и был еще в живых, я совершенно убежден в том, что связь с ним не стояла бы на повестке дня, — извиняющимся тоном заметил я. — У меня жесткое правило не встречаться с пожилыми мужчинами.

Мгновение или два дух смотрел на меня непонимающим взглядом. Потом, как это бывало и с настоящим Бобом, изобразил на лице то, чего от неподвижной костьяшки ждать обычно не приходится. Глаза его медленно округлились.

— Ты... — медленно произнес он. — Ты надо мной издеваешься.

Я присвистнул сквозь зубы.

— Готов поспорить, настоящий Боб изготовил тебя из самых тупых своих частей, так?

Синие огни в глазницах разгорелись ярким пламенем, и я ощутил на лице его жар, даже находясь на расстоянии шести футов.

— Я — настоящий Боб! — решительно заявил он. — Истинное творение Господина. Я наконец стряхнул слабость. Сомнения. Я свободен использовать свою силу.

— Вижу, он еще и нарциссизмом своим немного с тобой поделился, — издевательски добавил я, встретившись с ним взглядом. При этом я понял, что уголки моих губ кривятся в странной полуулыбке.

Зубы у черепа медленно разошлись, как у готовящейся к броску змеи.

— Ты, жалкий подмастерье, ты осмелился меня дразнить? За это ты умрешь!

— Да. Но с тобой не спутаюсь никогда. Понял, никогда! — прорычал я в ответ. — И никогда не уподоблюсь ни тебе, ни твоему драгоценному Господину, ни этому психу Собирателю Трупов. Поэтому можешь взять свою связь и засунуть себе в schutzstaffel.

Видите, я даже знаю немного немецкий — во всяком случае, как по-немецки расшифровывается «СС».

Взгляд у Злого Боба вспыхнул еще ярче, и он дернул жезл на себя.

Нет, он все-таки так и остался лакеем. Фанатом настоящего вреднозадого гения, мечтающим с ним сравняться. Он настолько уверовал в свои силы (ну, может, и не без оснований), что потерял драгоценное время, беседуя со мной, вместо того чтобы действовать. Хуже того, он дал мне шанс вывести его из равновесия, а уж это я умею делать, почти не задумываясь. Кроме самых особых случаев, конечно.

Поэтому, пока мой мозг почти не отвлекался на такую ерунду, я успел осознать самую главную истину из всех, относящихся к Небывальщине. Здесь духовное становится материальным. Здесь сила духа превращается в физическую

силу. То есть сила воли, сила разума здесь так же реальны, как мускулы.

И будь я проклят, если какой-то выцветший ксерокс с мыслей и воли давно сгинувшего засранца-некроманта сумеет меня победить.

Если бы он не обратился ко мне со своей агитационной речью, если бы выбор не стоял передо мной так остро, если бы мне не напомнили, кто я и ради чего прожил свою жизнь... что ж, возможно, Злой Боб убил бы меня на том самом месте, в ту самую минуту.

Но он мне напомнил. И я вспомнил. Я прожил жизнь, сражаясь с тьмой, но стараясь при этом не обратиться в тьму. Возможно, в самом конце я чуть оступился. Возможно, я все-таки встретился с таким, что заставило меня переступить черту, — но даже тогда я не превратился в дегенеративного урода вроде Кеммлера. Одна ошибка под занавес не стирала всех других случаев, когда я стоял на краю, отпуская ехидные шуточки.

Меня можно убить, но меня невозможно заполучить в свои ряды.

Я — это я.

И когда Злой Боб ткнул наконец посох мне в грудь, я взял весь восторг, наполнивший меня от всего, что я понял, соединил с волей, которую поворачивали так и этак, но сломить не смогли, откинулся назад, сунув конец посоха в бетон, как в мягкую грязь, а потом, добавив к инерции своих сил, швырнул Злого Боба через голову.

Он так и не отпустил посоха. Что ж, нашими с ним совместными усилиями это только придало ему ускорения.

Он врезался в дно окопа огромным фашистским метеором. Грохот стоял просто неопишуемый. Удар раздробил бетон, расшвыряв осколки на двадцать футов во все стороны. Вместе с бетоном летели осколки кости. В воздух взметнулось облачко пыли. Меня даже отшвырнуло назад взрывной волной, но посоха я не выпустил.

— Бе-еее! — торжествующе заорал я, валяясь на земле, и тут же закашлялся от пыли. Шатаясь, с бешено колотящимся сердцем я поднялся на ноги. Меня трясло от напряжения и избытка адреналина в крови. — Вот тебе! Кто начистил тебе ряшку? А? Гарри, мать его, Дрезден! Вот кто!

Я снова закашлялся и привалился к брустверу, тяжело дыша, пока мир не перестал вращаться и уходить у меня из-под ног, но все это время я ухмылялся как довольный волк.

Тут в облаке клубившейся пыли послышался скрежет бетонных осколков и проявились очертания немного перекошенного силуэта. Фигура, хромая, сделала пару шагов в мою сторону, и по синему свету в глазницах я узнал Злого Боба. Еще секунду спустя я разглядел и череп, и хотя теперь его сплошь покрывала паутина трещин, во всех остальных отношениях он остался почти целым.

Синие глаза горели все ярче и ярче. Темный дух стиснул кулаки и медленно, словно держа в них что-то очень тяжелое, поднял руки. Земля у меня под ногами дрогнула. Послышалось какое-то неприятное низкое гудение, словно прямо у меня под ногами неся по туннелю потусторонний локомотив.

— Моя очередь! — злобно прошипел темный дух.

— Блин-тарарам, — пробормотал я. — Гарри, идиот, ну когда ты отучишься праздновать победу раньше времени?

Рот у черепа открывался все шире, шире...

...и внезапно за фигурой Злого Боба возникла излучающая оранжевый свет фигура Боба-черепа в его человеческом обличье.

Мой Боб бросился вперед, сунул руки темному духу под мышки и вцепился пальцами в треснувший череп. Захват вышел что надо — настоящий нельсон. Боб с силой рванул Злого Боба вбок, тот взвизгнул, и из откоса окопа ударила струя бешеной энергии, прочертившая по земле борозду длиной в полсотни ярдов. Земля, попавшая под ее удар, просто превращалась в эктоплазму.

Злой Боб с яростным воплем повернулся и швырнул своего обидчика о бетонную стену.

— Гарри! — заорал Боб. Лицо его побледнело, глаза едва не выскакивали из орбит. — Собирай своих духов и спеши на помощь Баттерсу!

— Нет! — крикнул я в ответ. — Сначала разберемся с этим!

Злой Боб в два прыжка взмыл на бруствер и сверху бросился на Боба. Снова полетели осколки бетона, и Боб-череп

сделал нечто, чего я от него никогда еще не слышал. Он закричал от боли.

— Нет! Нет! Нельзя! — В голосе его явственно слышалась паника. — Нельзя! Не сейчас!

Темный дух извернулся змеей и вырвался из рук Боба. Он устремился было в мою сторону, но мой старый лабораторный ассистент успел схватить его за руку, и оба снова повалились на дно окопа, ожесточенно молотя друг друга кулаками.

— Беги! — заорал Боб, и в голосе его звучал страх. — Беги, беги, беги! Как только ты покинешь Небывальщину, я закрою переход, а с этим управлюсь сам! Живо!

На краю окопа возникла тень, и сэр Стюарт в изрядно порванном мундире устало протянул мне руку.

— Черт! — выругался я. — Постарайся, чтобы я об этом не жалел позже, Боб!

— Беги! — взвыл Боб.

Я взялся за руку сэра Стюарта, и старый солдат, крикнув от натуги, выдернул меня из окопа. Там, наверху, уже ждали меня безмолвные призраки.

— Ладно, — выдохнул я. — Пошли, бегом!

Я крепче перехватил посох, низко опустил голову и бросился бегом к переходу в цитадель Собирателя Трупов.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Портал висел в воздухе над тропой, ярдах в пятидесяти от опушки, — овальное зеркало серебряного света. Нижний край его находился футах в шести над землей, и к нему вела деревянная лестница. За спиной, со стороны пляжа продолжали доноситься глухие удары и скрежет сокрушаемого бетона. Два Боба продолжали мутузить друг друга, и мне оставалось только надеяться, что с моим старым помощником все в порядке.

Собственно, поводов для тревоги у меня хватало и без этого. Если Боб не помешает Злому Бобу погнаться за нами, мы окажемся зажатыми между Собирателем Трупов и Злым

Бобом, как между молотом и наковальней. Мне даже не хотелось думать о том, что станет с нами в этом случае.

Внимание мое привлекла вибрация энергии по периметру портала, и я остановился изучить это повнимательнее. Даже короткого, на пару секунд включения Зрения хватило, чтобы увидеть то, о чем я уже начинал догадываться и сам: портал нестабилен. В отличие от капитальных, надежных, словно выстроенных из бетона и стали мостов между этим и материальным мирами, к которым я привык, этот я сравнил бы скорее с подвесным мостом, с трудом удерживавшимся на полуистершихся тросах, готовым обрушиться от одного неосторожного чиха.

— Боб, хитрый маленький ублюдок! — восхищенно выдохнул я. Мой бывший помощник соврал на голубом глазу. Боб вовсе не собирался закрывать за нами портал — тот и так был настроен на то, чтобы рухнуть сразу после нашего перехода. То, что объяснял мне Боб, на деле предназначалось для ушных отверстий Злого Боба. Ну да, если Злой Боб верил в то, что запереть за нами дверь должен настоящий Боб, у него не имелось причин спешить в погоню. А если бы Боб сказал мне правду, Злой Боб просто-напросто поспешил бы к portalу первым и обрушил бы его сам, отрезав нас от материального мира.

Боб, конечно, играл с огнем. Если он потратил какое-то время на диверсию у портала, прежде чем поспешить мне на помощь, это означало, что он оставил меня наедине с волками-эсэсовцами и их боссом в надежде, что я как-нибудь продержусь. Правда, если посмотреть на вещи под этим углом, его попытка отвлечь Злого Боба от погони привела к тому, что теперь тот может полностью сосредоточиться на задаче его, настоящего Боба, уничтожения.

Со стороны пляжа снова послышался тяжелый грохот. Мгновение спустя на лес обрушился град бетонных обломков, самые крупные из которых не превышали размером моего кулака.

— Ладно, ребята. Становитесь в круг и слушайте, что я скажу, — объявил я, тряхнув головой. — Как только мы пройдем на ту сторону, мы окажемся в самой их гуще. Сэр Стюарт, я хочу, чтобы вы и ваши люди убрали всех лемурув

и духов, которые окажутся поблизости от нас. Главное, расчищайте нам дорогу. — Я повернулся к Страшилам-Чикатилам: — Остальные идут за мной. Нам необходимо уничтожить физическое воплощение оберегов.

Маленькая девочка-призрак посмотрела на меня так, словно я только что приказал ей съесть ненавистные овощи.

— Пока не съешь мяса, пудинга не получишь, — строго сказал я ей. — В общем, нам нужно уничтожить обереги. Когда мы разберемся с этим, вы, ребята, можете присоединиться к другим теням и заняться Собирателем Трупов и ее командой. Идет? Все понятно?

Ответом мне были безмолвные взгляды.

— Ну ладно, думаю, понятно. — Я повернулся к portalу и набрал в грудь воздуха. — В прошлый раз все получилось ведь не так плохо, правда? Правда. Тогда пошли... — Я все еще колебался. — Да, секундочку. Есть еще кое-что, что надо сделать всем...

Я шагнул в портал и ощутил, что тот рушится под нашим совместным призрачным весом. Странное это было ощущение, словно по шее скользили ледяные паутинки. Я не позволил страху подгонять себя. Я продолжал переставлять ноги с прежней скоростью до тех пор, пока не вышел на поверхность подземного зала, в котором накануне видел Собирателя Трупов и Морти.

Я успел бросить быстрый взгляд по сторонам. В яме снова кипело варево из голодных духов. Морти снова болтался над ними на веревке и выглядел значительно хуже, чем прошлой ночью. Торс и руки его сплошь покрывали синяки и ссадины. Кое-где кожа потемнела от ожогов — возможно, электрических, судя по стоявшему рядом на полу автомобильному аккумулятору с подключенными к нему проводами. Несколько ожогов виднелось даже на лысой голове. Или в числе сумасшедших Капюшонов обнаружился один, знакомый с принципами электрошоковой терапии? Черт, это уже был бы явный перебор.

Собиратель Трупов стояла в воздухе над ямой и шипела что-то Морти на ухо. Голова Морти слабо моталась влево-вправо в знак отрицания. По лицу его струились слезы, тело

сотрясалось от приступов боли. Губы опухли и потемнели — похоже, его били по зубам. Я даже сомневаюсь, что он мог еще сфокусировать взгляд, — но он продолжал упрямо мотать головой.

Их снова окружали кольцом лемуры в капюшонах, только теперь они не играли в карты, а стояли лицом в направлении вероятной угрозы, то есть спиной к яме, охраняя ее.

К сожалению для них, черный ход из Небывальщины находился внутри их круга. А значит, когда мы с моим призрачным отрядом вступили в зал, они нас не видели.

Нет, конечно, я не настолько самонадеян, чтобы считать, будто я первым в истории вел на приступ отряд призраков. То есть не думаю, чтобы такое случалось каждый день или хотя бы часто, но мир велик, и все время от времени повторяется. Наверняка кто-то проделывал нечто в этом роде задолго до моего рождения — ну, например, вел духов древних предков одного племени на духов другого.

И наверняка я не первый, кто нападал на неприятельскую крепость из Небывальщины. В войне с Красной Коллегией этот прием использовали обе стороны. С точки зрения тактики он даже вполне стандартный. И для применения его требуется определенная твердость потрохов, что наглядно подтвердил нам Злой Боб со своей укрепленной Нормандией.

Но я абсолютно уверен в том, что — трам-там-трам-тадам — я первый, кто, возглавляя атаку армии духов со стороны потустороннего мира, начал ее боевым воплем «БУ-У-УУУУ!».

Духи при этом находились в той же точке, что и я, и это было неуютно как черт знает что, но я не хотел рисковать, оставив хотя бы часть своего отряда на пляже в момент, когда портал обрушится. Поэтому, когда я заорал, они хором подхватили мой клич — и я получил на порядок больше того, что ожидал.

Звук, вырвавшийся из всех призрачных глоток (включая мою), похоже, набирал мощь, насаиваясь волна на волну, как море, закипающее перед штормом. Наши голоса не складывались, но умножались друг с другом. В общем, звук вышел почти осязаемым. Он ударил в спину лемурам-

охранникам и толкнул их всех на полшага вперед. Он отразился от стен подземного зала, стряхнув с них клубы пыли и комки плесени.

И Морти вдруг потрясенно открыл глаза.

— Бей гадов! — завопил я.

Мертвые защитники главного чикагского эктоманта разразились хором боевых воплей и ринулись на врага.

Всем наверняка доводилось слышать множество историй про рыцарское поведение солдат. Большинство полагает, что такие истории правдивы преимущественно по отношению к тем, кто жил много столетий назад. Позвольте сказать вам кое-что: люди остаются людьми вне зависимости от того, в каком веке они живут. Я думаю, в любом веке найдется множество таких военных, кто не испытает особых затруднений, стреляя врагу в спину — если от этого зависит, вернется ли он домой более или менее целым. Гвардейцы сэра Стюарта почти все были при жизни солдатами.

Полыхали призрачные выстрелы. Блестели нематериальные кинжалы и палаши. Летели стрелы. Эктоплазма лилась ведрами.

Половина лемуров разлетелась в клочья прежде, чем слова команды стихли у меня на губах, — тем более прежде, чем они успели оправиться от шквала наших голосов.

Собиратель Трупов взвизгнула что-то, царапнувшее мне по нервам зубьями ржавых граблей, и я инстинктивно отпрянул в сторону. Удар пришелся по одному из Чикатил, в груди которого появилась дыра размером с шар для боулинга.

— За мной! — выкрикнул я, исчез и возник у подножия лестницы, которая вела наверх, к кельям. Из выброшенной в нашем направлении руки Собирателя Трупов вырвалась струя зловеще желтого света, но я вовремя изготовил свой браслет и отбил ее прямо в гущу оглушенных лемуров. Струя разнесла лемуров в лохмотья с такой легкостью, словно те были из марли.

Срань господня!

Промедли я хотя бы долю секунды, и то же самое произошло бы со мной. Живых или мертвых, учеников Кеммлера следует принимать всерьез.

Вокруг меня вспушли облаком Страшилы-Чикатилы. Я качал в посох побольше энергии и выпустил в Собирателя Трупов, заставив ее обороняться. Она скрестила руки перед собой, и энергия моего разряда разбилась о невидимую преграду в нескольких дюймах перед ее руками. По защитному полю разбежались круги бледно-зеленого света.

— Дрезден! — взвизгнул Морти. Он смотрел на меня — ну, точнее говоря, на окруживших меня Чикатил — с выражением, близким к ужасу. — Что вы наделали? Что вы наделали?

— Пошли! — бросил я и новым скачком оказался на верхней площадке лестницы — как раз в мгновение, когда Собиратель Трупов одолела половину отделявшего ее от лестницы расстояния и выпустила новый заряд своей разрушительной энергии туда, где только что находились мы с Чикатилами.

Здесь, на верхней площадке, туннель выглядел совершенно таким, каким я его запомнил: украшенный знаками власти, перемешанными с какой-то тарабарщиной. И везде горели свечи — заговоренные свечи, активирующие магическую оборону.

— Знаки! — крикнул я Чикатилам. — Уничтожьте их все!

Я снова прикрывлся защитным полем — за мгновение до того, как Собиратель Трупов швырнула вверх по лестнице шмат какой-то темной желеобразной энергии. Я поймал ее на щит, энергия мгновенно начала пожирать его, словно какое-то изголодавшееся живое существо, вгрызаясь внутрь, поглощая энергию моей защиты.

Блин. Вряд ли я мог рассчитывать на успех в магическом поединке с кем-то, кто явно занимался подобными штуками на порядок дольше меня, особенно когда от меня требовалось при этом еще и защищать Чикатил. Чтобы помешать нам отключить обереги, Собиратель Трупов не остановилась бы ни перед чем. Она — почему-то я всегда думал о ней как о существе женского рода, хотя она могла выбрать себе любое тело вне зависимости от пола его прежнего обладателя, — превосходила меня опытом, а также — как следствие — владела значительно большим диапазоном зловещих воспоминаний, из которых могла черпать силу.

И в дополнение ко всему я начинал, так сказать, выдыхаться. Поединок со Злым Бобом изрядно меня вымотал. Если бы я и дальше продолжал обмениваться с ней плюхами, она получила бы замечательную возможность окончательно утомить меня, а потом без труда прикончить. А если бы я только прикрывал Чикатил, она лупила бы меня вдвое сильнее, и я не сомневался в том, что любой из Кеммлеровых выкормышей может бить с силой тяжелого грузовика.

Самое время продемонстрировать творческий подход.

Я убрал защитное поле и вскинул посох, нацелив его на черную желеобразную гадость.

— Forzare! — рывкнул я. Шквал магического ветра растерзал темную энергию в клочья и, пронесшись вниз по лестнице, ударил в Собирателя Трупов. Я прицелился не лучшим образом. Вихрь всего лишь крутанул ее на месте и поднял на пару футов в воздух.

Я обернулся на мгновение бросить взгляд на Чикатил и тут же пожалел об этом. Свечи в туннеле почти прогорели, и огонь их превратился в точки сине-ледяного света. Призраки снова приобрели очертания чудищ из ночных кошмаров — и стремительно надвигались на убежище Капюшонов. Что-то, имевшее вид гибрида гориллы и росянки, разнесло в хлам деревянный ящик, на котором стояла одна рака со свечой. Огромная гусеница, каждый из сегментов тела которой представлял собой голову, а роль ног исполняли языки, с визгом вгрызалась в стену, уничтожая знаки вместе с бетоном.

Ладно. Пока что все шло по плану. Мне оставалось только занимать Собирателя Трупов до тех пор, пока моя безумная команда не уничтожит обереги.

Я включил Зрение и переметнулся в точку в двух десятках футов под Собирателем Трупов, возникнув в толще камня. Глаза мои не видели ни зги, но к Зрению это не относилось. Я видел, как клубилась темная разрушительная энергия в том месте, где я в последний раз видел Собирателя Трупов. Вот гадость... Губы мои скривились в хищной ухмылке, и я снова вытянул посох в ее направлении.

— Fuego! — прорычал я.

Призрачный огонь прорвался сквозь каменную твердь. В то же мгновение темная энергия метнулась, чтобы отразить удар, но я скорее ощутил, чем услышал вопль, полный боли и удивления. Такого от меня эта гадина не ожидала.

А потом темная энергия исчезла.

Я принялся отчаянно оглядываться по сторонам — и обнаружил ее позади и чуть выше меня. Я снова исчез, метнув предварительно в том направлении еще один заряд. Только для того, чтобы обнаружить Собирателя Трупов уже на новом месте.

Следующие шестьдесят секунд или около того превратились в тошнотворную череду атак и контратак. Мы обменивались заклятиями сквозь толщу камня, бились в воздухе над кишасей духами ямой и метеорами проносились сквозь спальни Капюшонов. Стрелять было почти невозможно, поскольку для этого требовалось абсолютно точно вычислить следующее местоположение противника, но все же я зацепил ее еще раз, а она сумела врезать мне по бедру, на какой-то дюйм промахнувшись мимо моих призрачных гениталий.

Дважды она ныряла в коридор, чтобы напасть на Чикатил, но я не отставал от нее, заставляя продолжать движение, обороняться, не позволяя метать свою энергию ни в кого, кроме меня.

В открытом поединке у меня не было бы против нее никаких шансов, но наш бой напоминал скорее какой-то безумный вариант компьютерной стрелялки по сусликам. Возможно, я и не мог убрать ее, но не позволять ей мешать Чикатилам у меня получалось более чем успешно. Стоило бы ей отвлечься от меня, и моих чародейских способностей вполне хватило бы, чтобы разделаться с ней, — она это понимала. А если бы она обрушилась только на меня, я смог бы продержаться достаточно долго, чтобы Чикатилы довершили свою работу, — и это она тоже понимала.

Я ощущал, как нарастает ее гнев, ловя на свой щит очередной ее удар, от которого у меня лязгнули зубы, но только усмехнулся в ответ, без труда скрывая свою тревогу.

Я отбил щитом еще один заряд ее энергии, а потом Собиратель Трупов исчезла и объявилась в дальнем конце ко-

ридора, у двери в старую щитовую. Там горели последние оставшиеся свечи-обереги и светилась последняя заговоренная надпись. Собиратель Трупов повернулась к надвигавшимся на нее Чикатилам и подняла руку.

— Стой, — негромко произнесла она, однако это единственное слово едва не звенело от наполнявшей его энергии.

И Чикатилы замерли. То есть застыли полностью. Как изваяния.

— Отставить! — заорал я, поднимая посох и накачивая его энергией. — Продолжайте!

В воздухе между мной и Собирателем Трупов вдруг повисло жужжащее напряжение, и мне показалось, что какое-то физическое давление пригибает мою руку со стиснутым в ней посохом вниз. Поднятая рука Собирателя Трупов чуть колыхалась, пока моя воля пыталась одолеть ее. Я давил изо всех сил, стискивая зубы и пытаюсь мысленно достучаться до Чикатил, чтобы те довели свою работу до конца. Я подался вперед, навстречу враждебной энергии и снова выставил свой посох. Осталось всего-то несколько жалких письмен...

Заряд моей воли метнулся вдоль по коридору и сорвал с лица Собирателя Трупов капюшон. Не знаю, чей облик она сейчас носила, одной из своих жертв или свой собственный. Так или иначе, красавицей я бы ее не назвал. Лицо ее более всего походило на топор, отличаясь от него только меньшими мягкостью и дружелюбием. На щеках темнели ритуальные шрамы в форме спиралей. Длинные седые волосы росли на черепе клочками, как будто часть головы покрывали ожоги. Кожа потемнела словно от возраста, вся испещренная морщинами, а складка кожи на шее придавала Собирателю сходство с ящерицей.

Но глаза... Глаза у нее оказались потрясающими. Такого насыщенного зеленого цвета я не видел даже у сидхе, и ресницы у нее были длинными и черными как смоль. В молодости она, должно быть, сводила с ума красотой, не уступая злодейкам из «бондианы».

Взгляды наши встретились, и я напрягся в ожидании зрелища ее души — но этого не случилось. Блин-тарарам, я стоял там со включенным Зрением, чтобы видеть потоки

энергии, срывающиеся с наших вытянутых перед собой рук, и этого все же не произошло. Должно быть, когда ты душа и ничего более, правила меняются.

Мгновение Собиратель Трупов молча на меня смотрела, даже не особенно стараясь парировать мое давление.

— Снова ты вмешиваешься в то, что тебя не касается.

— Дурная привычка, — согласился я. — Впрочем, если подумать, чародеи именно этим и занимаются.

— Это для тебя плохо кончится, детка, — ответила она. — Уходи.

— Черт, это даже смешно, — хмыкнул я. Я смертельно устал и старался не показывать этого. — Вот сейчас, секунду назад, мне послышалось, будто ты посоветовала мне уходить. В смысле так, как будто я мог бы согласиться.

Она даже зажмурилась.

— Ты не умен, — промурлыкала она с зарождающимся подозрением. — Ты невежествен.

— Ну вот, теперь это точно ты. Бросаешься словами, — безразличным тоном произнес я.

Собиратель Трупов запрокинула голову и издала негромкий, но жутковатый скрежет. Думаю, у нее это служило эквивалентом смеха.

А потом повернулась и взмахом руки загасила последнюю свечу.

Обереги разом исчезли, их энергия рассеялась, ушла в землю. Не прошло и нескольких секунд, как от них не осталось и следа. Словно их и не было.

Собиратель Трупов снова издала свой скрежешущий звук и исчезла. Вместе с ней исчезла и ее толкавшая меня назад воля, так что я едва не рухнул лицом вниз на каменный пол. Я вовремя вспомнил, что могу на законных основаниях игнорировать гравитацию, и снова выпрямился.

Обереги исчезли. Мёрфи и ее команда с минуты на минуту должны были вломиться на вечеринку.

И... И Собиратель Трупов по какой-то причине хотела, чтобы они это сделали.

Точно.

Ох, не к добру.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Я убрал Зрение и поднялся по последнему пролету лестницы, который вел от щитовой к входной двери. На самом верху столпились Капюшоны. При виде их я даже зажмурился. После всего, что происходило внизу, я как-то почти забыл о смертных громилах на службе у Собирателя Трупов. Все удары, которыми мы обменивались на своей дуэли, имели потустороннюю природу. Капюшонам такие штуки практически ничем не грозили.

Интересно, мелькнуло у меня в голове, какими представлялись последние две минуты этим парням? Наверняка они ощущали дуновение холода, не могли не увидеть, как гасли свечи и как чьи-то невидимые когти с мясом выдирали из бетонных стен магические руны...

Их здесь собралось не меньше дюжины, все были вооружены пистолетами, и я ничегошеньки не мог с этим поделаться. Какую-то секунду я колебался, не послать ли на них Чикатил, но при одной мысли об этом меня чуть не стошнило. Я видел, что духи-убийцы сделали с волками-эсэсовцами. Спусти я их с поводка — и они сделают то же самое с Капюшонами, а Капюшоны в конечном счете могли считаться не только пушечным мясом Собирателя Трупов, но и ее жертвами. И еще, высвободив такую стихию, запросто можно ожидать побочного ущерба. Мне очень не хотелось, чтобы кто-нибудь из этой призрачной братии налетел на Мёрфи и ее команду.

— Ладно, — сказал я Чикатилам. — Спускайтесь вниз и помогите сэру Стюарту и его ребятам, которые бьются с лемурами. А потом охраняйте Морти.

Вместо ответа они исчезли — предположительно в большой зал. Отлично. Пару минут назад, когда я в последний раз видел Морти, тот еще находился в сознании. Значит, при необходимости он сможет сказать им, что делать дальше.

А я тем временем займусь единственным, что в моих силах, для нейтрализации Капюшонов. Поработаю-ка я разведчиком у отряда Кэррин.

Я исчез, возник с другой стороны железной двери и обнаружил там несколько пригнувшихся силуэтов. С путепро-

вода над головой доносился шум транспортного потока, хотя улица под ним оставалась пустынной и темной. Поскольку темнота меня в моем теперешнем состоянии не смущала, я разглядел у самой двери Мёрфи, которая рылась в своем черном нейлоновом рюкзаке. Понятное дело, нарядилась она по-рабочему: во все черное и один из бронежилетов работы Черити Карпентер, которые та мастерила из титана и кевлара. Поверх этого она надела жилет-разгрузку, к которому крепились два пистолета и маленький автомат — бельгийское изделие под названием П-90. Для своих более чем скромных размеров он обладал изрядной боевой мощью — точь-в-точь как сама Мёрфи.

Рядом с ней к стене прижимались три здоровенных поджарых волка — судя по цвету меха, Уилл, Энди и Марси. За ними виднелась Молли в броне и лохмотьях; она сидела на асфальте, подобрав под себя ноги. В арьергарде отряда нервно переминался с ноги на ногу Баттерс, тоже во всем темном и со спортивной сумкой на плече.

Я подошел к нему.

— Буу, — произнес я.

Мой голос донесся до него из лежавшего в кармане транзистора, и он подпрыгнул.

— Ми-ип, — отозвался он.

— Ми-ип? — переспросил я. — Вы это серьезно?

— Ну да, да, да, — буркнул Баттерс. — Говорите тише. Там, за дверью, похоже, кто-то есть.

— Они уже знают, что вы здесь, — сообщил я. — За дверью вас ждет больше десятка вооруженных типов.

— Тсс! — прошипела Мёрфи. — Чтоб вас, Баттерс!

Баттерс помахал в воздухе транзистором.

— Дрезден говорит, они ждут прямо за дверью.

— Явился, не запылится! — огрызнулась Мёрфи. — Не мог раньше, когда мы планировали операцию? Дайте сюда радио.

Баттерс перегнулся через Молли и перебросил ей приемник. Молли сидела, молча улыбаясь. Мёрфи поймала подачу.

— Ну, что ты нам хочешь сказать? — Она замялась и поморщилась. — Мне все время хочется добавить в конце каж-

дого предложения слово «прием». Но у нас ведь не радиообмен, нет?

— Ну, не совсем, — согласился я. — Но мы можем разговаривать как угодно, главное, чтобы тебе нравилось. Прием.

— А хитрозадых, Гарри, никто не любит, — заметила Мёрфи.

— А вы мне, мисс Мёрфи, всегда нравитесь. Особенно с оружием в руках, — продолжал я. — У вас при этом глаза кажутся еще более синими. И пронзительными. Прием.

Волки как один оживленно виляли хвостами.

— Не доводи меня до рукоприкладства, Дрезден! — рявкнула Мёрфи, но голубые глаза ее искрились. — Валяй выкладывай, что тебе известно.

Я кратко изложил ей схему подземного пространства и то, что нас там ожидало.

— Значит, ты эту сучку-некроманта не одолел, — заметила она.

— Можешь попробовать сама. Это чертовски болезненно, — парировал я. — Так кто у нас сегодня брюзга? Прием.

Мёрфи закатила глаза.

— Значит, ты эту сучку-некроманта не одолел, — повторила она абсолютно тем же тоном.

— Пока нет, — признался я. — Я почти уверен, что с ее призрачной армией уже разобрались, но надо спуститься и проверить. Я просто хотел тебя предупредить. Так помнишь, как спускаться?

— Вниз по лестнице, сквозь отверстие в стене, пятьдесят футов по коридору, заворачивающему влево, потом еще лестница.

— Ладно, запомнила, — кивнул я.

— Э... — неуверенно пробормотал Баттерс. — А можно вопрос? Вот тут перед нами запертая дверь, а между ней и залом полно типов с пистолетами...

Молли медленно поднялась с асфальта.

— Не будет у них пистолетов, — спокойно заявила она.

Баттерс нахмурился:

— Но Дрезден только что...

— Я слышала, — так же невозмутимо перебила его Молли. — И они собираются разрядить их в вас, как только вы покажетесь в дверях.

— Ладно, — сдался Баттерс. — Все равно вряд ли эта проблема угрожает мне одному.

— Иллюзия? — спросил я у Молли.

Она кивнула.

Мёрфи нахмурилась:

— Не поняла. Зачем это? Почему просто не отогнать их огнем? Ну или усыпить, или еще чего такого?

— Потому что для нехороших парней это место — их дом, — объяснил я. — Защищенный порогом.

— А любое заклятие, проходя через порог без спроса, слабеет до невозможности, — подтвердила Молли. — Я не смогу сделать за этой дверью ничего серьезного. Если я войду без приглашения, у меня почти не останется магии. А Гарри без приглашения вообще не может переступить этот порог.

Мёрфи кивнула:

— То есть вы хотите дать им мишень для стрельбы. Что ж, логично. — Она нахмурилась. — Кстати, Гарри, если так, каким образом ты собирался попасть обратно?

Мгновение я стоял с разинутым ртом.

— Ну... — пробормотал я. — Блин. Прием.

Мёрфи фыркнула:

— Господи, вот теперь я точно верю в то, что это ты. — Она снова полезла в свой рюкзак, достала небольшую полусферу из черного пластика, явно начиненную какой-то взрывчаткой, и прилепила ее на дверь рядом с замком. — Фигня вопрос. Я приглашу тебя войти, как только окажусь внутри.

— Не пойдет, — со вздохом сказал я. — Приглашение должно исходить от кого-нибудь, кто здесь жил.

Мёрфи нахмурилась:

— Ну почему с тобой вечно какие-то заморочки, Дрезден?

— Со мной? И с каких это пор ты заделалась Полли-Подрывницей?

— Кинкейд научил, — невозмутимо ответила Мёрфи. — А ты ведь меня знаешь, Дрезден: я всегда была практичной девочкой. — Она вставила в два отверстия на пластиковом корпусе маленькую штуковину с двумя соответствующими

штырьками, повернула рычажок и оглянулась на нас. — Отойдите все. Ставлю на десять секунд. Молли, приготовься делать то, что ты задумала.

Молли кивнула, и все, кроме нас с Мёрфи, отступили на несколько шагов и прижались к стене.

Я дождался, пока все отойдут, и только тогда подал голос:

— Мёрф, эти громилы... Они тоже жертвы.

Она медленно вдохнула и выдохнула.

— Они что, стоят прямо за дверью?

— Нет, на пять или шесть ступеней ниже.

— Значит, не на линии взрыва, — кивнула она. — Заряд совсем небольшой, направленного действия. Если повезет, все останутся целы.

— Если повезет, — повторил я.

Она зажмурилась на мгновение.

— Невозможно спасти всех, Дрезден. Сейчас меня гораздо больше беспокоит человек, которого эти жертвы держали в плену и пытали. Ну да, они тоже люди. Но в моем списке тех, за кого я переживаю, они находятся за ним и теми, кто сейчас со мной.

Мне сделалось немного совестно за мои инсинуации насчет приоритетов Мёрфи. Мне-то что — в отличие от остальных со мной Капюшоны ничего сделать не могли. Я даже не нашелся что на это сказать, только хмыкнул.

— Да все в порядке, — тихо произнесла Мёрфи. — Я все поняла. Ты теперь смотришь с других позиций.

Мгновение я молча взирал на нее.

— Не на все, — возразил я.

— Выяснение отношений из-за гробовой черты, — сказала она, и уголки ее губ поползли вверх. — Вот класс.

— Кэррин... — начал я.

— Не надо, — оборвала она. — Ну.. Не надо, и все тут. Ведь все равно это уже не важно, правда?

— Еще как важно.

— Нет, — мотнула головой она. — Ты не Патрик Суэйзи. Я не Деми Мур. — Она дотронулась до кнопки на коробочке, и там начало тикать. — И уж точно, это никак не гончарная студия. — Мёрфи отошла на пару ярдов, зажала уши руками и открыла рот. Молли, Баттерс и волки сделали примерно то

же самое. Вид они при этом имели... Ну, они наверняка обиделись бы, скажи я им это, но когда волки растягиваются, прижав морду к земле, и закрывают уши лапами, боюсь, любой настоящий волк счел бы это оскорблением волчьего племени.

Я остался где стоял, прямо перед дверью. Какого черта, правда? Когда мне еще доведется наблюдать взрыв с такого ракурса?

Меня ждало разочарование. Ну конечно, гроыхнуло изрядно, блеснула вспышка, а потом поднялось облако пыли. Точно так же можно описать большинство взрывов, которым я был свидетелем. Хотя, наверное, все-таки хорошо, что меня никто не видел. При взрыве я дернулся и отскочил на добрый фут назад.

Когда пыль осела достаточно, чтобы хоть что-нибудь разглядеть, дверь висела на одной петле. Мёрфи подняла ногу, пинком распахнула ее и сделала знак Молли.

Молли прошептала что-то, закрыла глаза и подняла руку. У двери возникли две Мёрфи. Та, что стояла, пригнувшись, ближе ко мне, жевала резинку. С громким чавканьем. В руке она держала свой П-90. Она щелкнула выключателем закрепленного под стволом фонарика, выступила из-за угла и нацелила автомат вниз, на лестницу.

Изнутри грянули выстрелы. Жующая жвачку Мёрфи припала на колено и открыла ответный огонь. Ее автомат выплевывал короткие — по две-три пули — очереди. Оглушительно громкая стрельба продолжалась секунд пять, потом настала тишина. Жующая жвачку Мёрфи отступила обратно за угол. Едва оказавшись вне поля зрения тех, кто стоял на лестнице, она исчезла.

Настоящая Мёрфи распрямилась и бросила на лестницу какой-то предмет. Секунду спустя там блеснула вспышка, сопровождавшаяся грохотом.

— Пошли, пошли, пошли! — скомандовала Мёрфи и высунулась по пояс из-за угла, выставив перед собой автомат. Волки вскочили и исчезли в темном проеме, у которого продолжала оседать пыль.

В современном мире волков принято недооценивать — в конце концов, у людей есть ружья. И вертолеты. Однако

в прежние времена, когда полагаться приходилось больше на собственные мускулы, волки представляли собой серьезную угрозу людям, считаясь на планете хищником номер два. Люди как-то забыли о том, что волки сильнее, быстрее и на порядок опаснее двуногих собратьев. О том, что человечество научило волков бояться и избегать их, но что без этого страха и современного оружия человек для волка всего лишь потенциальная угроза и потенциальный обед. Лишенный страха волк может справиться с несколькими людьми, растерзав их на куски. Лишенный страха и обладающий разумом волк, работающий в команде с другими, может превратиться в стихийное бедствие — почти в полном смысле слова.

Сказать, что бой трех волков с дюжиной Капюшонов в стесненном пространстве вышел неравным, значит не сказать почти ничего.

Внизу сразу же раздались крики, и Мёрфи вошла в дверь, повесив автомат на ремень и держа наготове электрошокер.

Поскольку зайти я пока не мог, мне оставалось только наблюдать за происходящим сверху. Уилл, Марси и Энди разом врезались в первого парня, стоявшего в полудюжине ступеней ниже входа. И не важно, как вы сильны или сколько вы весите: светошумовая граната и обрушивающиеся на вас пять сотен фунтов волчьей массы, не говоря о близком взрыве перед этим, гарантированно собьют вас с ног. Капюшон обрушился, увлекая за собой нескольких стоявших ниже. За этим последовала неразбериха из спутавшихся тел и клацающих зубов. Преимущество было на стороне волков. Первоочередной целью стали руки, сжимавшие оружие, так что окровавленные пистолеты с лязгом полетели вниз по ступенькам.

Один из Капюшонов успел-таки выхватить нож размером с поднос из кафе и занес его, целя в загривок Уиллу. Мёрфи прижала нож ногой к ступени и врезала по державшей его руке шокером. Капюшон заорал от боли и выронил оружие.

Дальше все решали силы инерции, гравитации, а еще волчий рык. Оглушенных, окровавленных и избитых Капюшонов сбросили вниз, прогнали по коридору, мимо двери в

щитовую, и они вместе с волками, направлявшими их в нужную сторону, как овчарки — стадо овец-переростков, скрылись из виду. Дальше мне приходилось полагаться на собственное воображение. Должно быть, их загнали в угол и, судя по сменившейся тональности рыка, удерживали на месте до подхода остальных.

Положив руку на автомат, Мёрфи спустилась вниз.

— Ты, — произнесла она, ткнув дулом автомата куда-то в невидимую мне фигуру. — Ты, с ножом. Как тебя зовут?

— Я... — произнес заикающийся голос. — Я не должен... я не...

— Мёрф! — окликнул я ее сверху. — Собиратель Трупов имела возможность вдоволь повозиться у них в головах. Времени у нее было — с самой той истории с динозаврихой Сью. Они не совсем дееспособны.

Мёрфи покосилась на радио в кармане, потом снова повернулась к своему собеседнику. Только тон у нее изменился: из потенциального палача она превратилась скорее в строгую училку, которой не стоит перечить. Такое преобразование с ней уже случалось, с максимальным эффектом.

— Скажи-ка, сынок, это у тебя не бумажник в кармане?

— Да, мэм, — пробормотал голос.

Она кивнула:

— Достань его. Осторожно, двумя пальцами. И кинь мне сюда. Будь умницей.

— Только не делайте мне больно, — прохныкал голос.

Мёрфи повернула голову, и я увидел в ее глазах страдание. Она опустила автомат, голос ее сделался еще мягче:

— Просто брось мне бумажник. Я постараюсь, чтобы все было хорошо.

— Хорошо, мэм, — всхлипнул голос. На пол у ног Мёрфи шлепнулся потертый нейлоновый бумажник. Она подняла его, не спуская взгляда с пленных. Я увидел, как она порылась в бумажнике.

— Хорошие собачки... Я люблю собак, — проямлил голос.

— Они не сделают вам ничего плохого, если вы не будете шевелиться, — отозвалась Мёрфи. — Джошуа? Так тебя зовут?

— Я... Да, мэм. Так звали. То есть зовут. Джош.

— Джош. Девятнадцать лет, — пробормотала Мёрфи, и в голубых глазах ее разгорелся сердитый огонь. — Господи Иисусе, ну что за ублюдки.

— Сука. Формально она сука, — поправил я.

Мёрфи фыркнула.

— Поди сюда, Джош.

Молли подошла и остановилась рядом со мной у входа на лестницу — как обычно, слева и чуть сзади. Должно быть, увидела меня при помощи своего камертона.

Перед Мёрфи возник один из Капюшонов, раз в пять крупнее ее. Ручищи его не уступали размером лопатам. Из одной руки шла кровь.

— Будь так добр, сними капюшон, — попросила его Мёрфи.

Он поспешно повиновался. Под капюшоном обнаружился крупный, некрасивый, туповатый на вид парень. Длинные волосы сваялись дредами. Должно быть, прошел не один месяц с тех пор, как он в последний раз стригся, причесывался или мылся. Если у него и росла щетина, то с верха лестницы я ее не видел. Явно не гений мысли. Он несколько раз поморгал, щурясь на свет фонарика.

— Привет, Джош, — произнесла Мёрфи, стараясь говорить ровно и спокойно. — Меня зовут Кэррин.

— Привет, Кэррин, — отозвался Джош.

— Покажи-ка мне свою руку, — требовательно сказала она.

— Устанавливает контакт, — шепнула мне на ухо Молли. — Грамотно.

Джош поколебался, но руку протянул. Мёрфи внимательно осмотрела ее.

— На вид неглубоко. Кровь уже останавливается.

— Бывало хуже, мэм, — пробормотал Джош.

Она снова кивнула.

— Знаешь, зачем вы на этой лестнице?

— Злые люди, — ответил Джош. — Злые люди, которые хотят сделать нам больно. — Он нахмурился. — Вы?

— Я могу сделать тебе больно прямо сейчас, но не собираюсь этого делать. Правда?

— Нет.

— Правильный ответ, — улыбнулась она. — Я понимаю, это сложно, Джош, но я, возможно, твой друг.

Он нахмурился еще сильнее:

— Я вас не знаю. Вы не из наших.

— Я хочу тебе помочь, — сказала она. — Помочь всем вам, если вы мне позволите. И добыть вам еды и чистой одежды.

Джош пожал плечами:

— Хорошо. А то я проголодался.

Мёрфи отвернулась от него, и я понял, что она снова борется с приступом гнева.

— Я ишу маленького лысого мужчину. Я знаю, что он здесь.

Вид у Джоша сделался совсем уж сконфуженный.

— Он здесь? Внизу?

— Ты же сама знаешь, — буркнул я себе под нос.

Хорошо, радио этого не услышало, но Мёрфи все же недовольно оглянулась в мою сторону. Потом снова повернулась к парню.

— Скажи мне правду, Джош, — произнесла она. — Все в порядке, не бойся.

— Внизу, — сказал Джош. — С Бозом.

— Бозом? — переспросила Мёрфи.

— Боз сильный, — сказал Джош.

Мёрфи внимательно осмотрела его с ног до головы и расправила плечи.

— Ладно. Хорошо, Джош. Я хочу, чтобы ты сделал для меня еще кое-что, а потом можешь пойти к своим друзьям и отдохнуть.

— Идет.

— Там, наверху, мои друзья. Я хочу, чтобы ты пригласил их войти.

Джош сдвинул брови в мыслительном усилии.

— А?

— Будь добр, пригласи их войти.

— Ох, нет, — мотнул он головой. — В это тайное убежище нельзя. Приказ такой.

— Все в порядке, — заверила его Мёрфи. — Я даю тебе новый приказ. Пригласи их войти.

Джош, похоже, колебался.

— Гм...

Мёрфи сунула руку в карман, и он дернулся. Однако рука вынырнула обратно, держа витаминный батончик в пластиковой обертке.

— Сделаешь все — можешь получить такой.

Путь к сердцу прислужника темной силы явно лежал через желудок. Джош схватил батончик обеими лапищами и запрокинул голову в направлении входа.

— Заходите, пожалуйста, — произнес он.

Я осторожно шагнул вперед и не ощутил сопротивления. Порог пропускал меня. Молли вошла следом за мной и сразу же поспешила вниз по ступенькам.

— Уилл, Энди, Марси, — спокойно произнесла Молли. — Отойдите на пару шагов, будьте добры.

Волки покосились на Мёрфи и начали пятиться.

— Что ты делаешь? — удивилась Мёрфи.

— Делаю так, чтобы у нас не было повода причинять им боль, мисс Мёрфи, — ответила Молли. — Доверьтесь мне.

— Кузнечик? — спросил я.

— Это не нарушает закона, — отозвалась она, закатив глаза. — Не переживайте. И не можем же мы торчать здесь до бесконечности. Сколько положено наряду, чтобы прибыть на место происшествия в этом квартале?

— Восемь минут, — спокойно ответила Мёрфи. — Примерно.

— Со момента взрыва прошло уже четыре, — заметила Молли. — Тик-так.

Мёрфи поморщилась:

— Давай.

Молли повернулась к Джошу:

— Ступай к своим друзьям. Что-то вид у вас, ребята, усталый.

Похуже, в этом Джош был с ней полностью согласен.

— Мы всегда усталые, — кивнул он и, шаркая, побрел к своим слегка оглушенным, сгрудившимся в углу приятелям.

— Такое во многих культах продлевается, — пояснила нам Молли. — Так их легче убеждать и контролировать.

Она зажмурилась на мгновение, несколько раз вдохнула-выдохнула и снова открыла глаза.

— Ну, — мягко произнесла она, подняв правую руку.

И дюжина Капюшонов разом осели на пол.

— Матерь Божия, — пробормотала Мёрфи и повернулась к Молли.

— Сонный заговор, — негромко пояснил я. — Вроде того, что я один раз использовал на тебе, Мёрф.

Я не стал уточнять, что заклятие, которое я использовал в случае с Мёрфи, потребовало от меня всего моего умения и в десять раз больше времени. Молли проделала то же самое, только применительно к двенадцати взрослым мужчинам, а ведь для того чтобы усыпить их, требовалось коснуться каждого из их сознаний. В общем, то, что она сделала — круто.

Говоря точнее, таких штук можно ожидать только от члена Белого Совета.

Что ж, может, моя крестная не так уж и ошибалась.

Молли пожала плечами и размяла пальцы.

— Ох. Они... С ними не все в порядке, мисс Мёрфи. Они жутко неуравновешенны и могли бы мгновенно переключиться на насилие. Так по крайней мере мы можем не опасаться, что они покалечат себя или кого-нибудь еще до утра.

Мёрфи мгновение молча на нее смотрела, потом кивнула:

— Спасибо, Молли.

Моя ученица кивнула в ответ.

Мёрфи снова взяла на изготовку автомат, улыбнулась и покачала головой:

— Леди-Оборванка, да?

Молли смерила взглядом свой наряд и подняла глаза.

— Не я выбирала себе прозвище.

Кэррин неодобрительно тряхнула головой.

— Когда создаешь свой образ, стоит думать и о таких мелочах. Знаешь, сколько сальных шуточек ходит сейчас на этот счет?

— Надеюсь, — совершенно серьезно ответила Молли, — в них я предстаю еще страшнее?

Мёрфи задумчиво прикусила губу и пожала плечами:

— Ну... может, и так.

— Меня так это пугает, — признался я.

Мёрфи улыбнулась чуть шире:

— Это потому, что ты шовинистическая свинья, Дрезден.

— Вовсе нет, — фыркнул я. — Потому, что я гораздо лучше вас обеих знаю, насколько вы опасны.

Обе остановились, заморгали и посмотрели друг на друга.

— Ладно, — сказал я. — Время поиграть в призрака-разведчика. Отдохните минуту. Пойду проверю, что там внизу.

— Встретимся на верху следующей лестницы, — сказала Мёрфи.

— Идет, — согласился я. — Да. Классная работа это твое заветие, Кузнечик.

Молли чуть порозовела, но виду постаралась не подавать.

— Угу, — небрежно откликнулась она. — Сама знаю.

— Молодец девочка, — кивнул я. — Не давай никому повода заподозрить, что у тебя кончаются силы.

Я исчез и возник в нижнем зале. То, что я там увидел, заставило меня врасплох.

Собиратель Трупов стояла футах в двадцати от места, где висел Морти. Ее челюсть... словно соскочила с шарнира, распахнувшись широко-широко, как у змеи. На моих глазах она сделала пару конвульсивных движений всем телом и проглотила-таки объект, который я узнал. Детский башмачок середины девятнадцатого века. Она запрокинула голову, словно это помогало тому из детей-призраков, которого она только что слопала, легче скользить по ее пищеводу. Потом опустила голову и улыбнулась Морти Линдквисту.

Единственной фигурой, присутствовавшей в зале, кроме них, оставалась поблекшая тень сэра Стюарта. По всему помещению виднелись медленно тающие туманные останки остальных духов.

Взгляд Морти остановился на мне.

— Дрезден, идиот, — прохрипел он. — Что вы наделали?

Собиратель Трупов запрокинула голову и рассмеялась.

— Я держал их взаперти не потому, что они могли навредить этой суке, — устало и злобно произнес Морти. — Я защищал их потому, что она собиралась их съесть.

Я тупо хлопал глазами.

Собиратель Трупов собиралась слопать Чикатил. Самых жутких, опасных и могучих духов Чикаго.

Точно так же, как она собиралась проделать это с чикагскими призраками, когда ученики Кеммлера попытались несколько лет назад провести ритуал под названием Темносияние, сообразил я. Ритуал, который — в случае, если бы он удался, — превратил исполнившего его некроманта в существо, по возможностям мало уступающее богу.

— Ахххх, — произнесла Собиратель Трупов сочным, полным удовлетворения голосом.

Я ощутил в своем призрачном желудке неприятный холодок.

Очень неприятный.

— Я почти сыта, — продолжала она, улыбаясь мне белозубой, очень белозубой и очень острозубой улыбкой. — Почти.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Одна из вещей, которые ни за что нельзя делать в бою, какое бы эмоциональное наслаждение это ни доставляло, — это брать паузу, чтобы поиздеваться над стоящим перед тобой противником. Опытные враги не будут стоять без дела, пока ты строишь им рожи. Они наверняка воспользуются передышкой, которую ты им предоставил.

То же самое относится и к отчаявшимся врагам, которых не заботит, честно или нет выигран бой.

Не успела Собиратель Трупов договорить, как я выбросил посох вперед и рывкнул слово заклинания.

Огненная струя устремилаь в ее сторону. Собиратель отбила ее небрежным движением руки, как бы отгоняя надоедливую муху. Огонь из моих воспоминаний обогнул ее, проник сквозь стену и исчез.

— Какая жалость, — произнесла она. — Я как раз собиралась...

Она продолжала издеваться над добычей. Надо мной.

Я врезал ей еще, только сильнее.

На этот раз заряд метнулся к ней быстрее и обжег, хотя она отбила его прежде, чем он успел нанести ей серьезный ущерб. Голос ее сделался злобным:

— Болван! Я...

Ей-богу, некоторые просто обожают наступать на грабли.

Что ж, я попробовал поучить еще. Я соорудил классное заклятие, порыв огня и энергии, накачал его самыми отменными непечатными выражениями английского языка — это-кое всепробивающее ядро, сияющее алым и золотым светом.

Она скрестила руки перед собой, сделала пальцами охранительный знак и выпалила очередь какой-то неразборчивой тарабарщины. Собиратель остановила заряд, но огненный взрыв окутал ее с головой, и она взвизгнула от боли, когда ее шандарахнуло спиной о стену.

— Йехxxx! — торжествующе выдохнул я и начал готовить следующее заклятие...

...и вдруг почувствовал себя как-то очень странно.

— ...зден, стойте! — визжал Морти. Голос его доносился словно издалека. — Гляньте на себя!

Я уже задумал следующий заряд из огня и энергии, но задержался, чтобы посмотреть на свои руки.

Я их едва разглядел. Они выцвели, сделавшись практически невидимыми.

От потрясения я выбросил заклятие из головы, и цвет мгновенно вернулся. То есть руки все еще оставались прозрачными, но по крайней мере я снова их видел. Выпучив глаза, я повернулся к Морти, продолжавшему раскачиваться над ямой с духами. Голос его вдруг снова сделался громким и отчетливым.

— Вы швырялись в нее своими воспоминаниями, — объяснил Морти. — Но с ними ушла и часть того, из чего вы теперь состоите, — и не вернулись! Вы сами себя уничтожаете! Она вас нарочно на это провоцирует!

Ну да, конечно, этим она и занималась, чтоб ее. Зачем ей еще стоять, отбивая мои удары, если она запросто могла исчезнуть, оставив меня с носом? Да и укрепления Злого Боба,

похоже, служили не только для того, чтобы затруднить мое продвижение, — прорываясь сквозь них, я тоже утратил изрядную часть себя. И потом, обмениваясь плюхами с Собирателем Трупов, я тоже швырялся своими воспоминаниями направо и налево — а ведь сам же наблюдал, едва хлопнув дверцей машины капитана Джека, как бережно обращается с ними сэр Стюарт.

Я не видел Собирателя Трупов, не включая Зрения, но ее издевательский смех доносился от той стены, куда отшвырнул ее мой последний удар. Я снова посмотрел на свои руки и стиснул кулаки от досады. Морти был прав. Я и так уже перестарался. Но как, черт подери, я мог еще драться с ней?

Я повернулся к Морти. Он с трудом фокусировал взгляд на мне, медленно поворачиваясь на веревке. В конце концов он просто закрыл глаза.

— Дрезден... Вы все равно ничего больше не можете сделать. Выбирайтесь отсюда. Не хочу, чтобы еще кто-нибудь жертвовал собой ради меня, — прохрипел он. — Не ради меня.

Тень сэра Стюарта, колыхавшаяся часовым рядом с Морти, смотрела на меня печальным, отрешенным взглядом.

От безумного смеха Собирателя Трупов я вздрогнул.

— Знай я, на что ты способен, Дрезден, разобралась бы с тобой много лет назад. Боз, убей коротышку!

Послышался рев, судя по силе и тональности выпускаемый каким-то крупным животным. А потом из ямы с духами полез на поверхность гуманоид, размерами и очертаниями больше напоминавший мусоровоз. Он выныривал из кипящего варева духов подобно ступающей на океанское побережье Годзилле. Вонь, исходившая от него, наверное, ощущалась даже в Небывальщине — хорошо, что я уже умер, а то, наверное, задохнулся бы до смерти или по крайней мере потерял бы сознание. Бедный мозг этого парня пребывал в окружении кипящих духов бог знает как давно, и если реакция Морти на его появление могла о чем-то говорить, на здравый смысл его можно было не рассчитывать. Все тело его покрывал такой толстый слой грязи, что я даже не мог разобрать, где кончалось потустороннее дерьмо и начиналось материальное. Вот глаза его я видел — тускло горевшие

под капюшоном наподобие раскаленных камней. Взгляд его блуждал. Короче, человеком этот парень мог считаться только формально — все, что имелось в нем человеческого, давно протухло и превратилось в гной.

Боз выбрался из ямы, буквально источая энергию гниения, разложения, злобы и безграничного голода. Секунду или две он стоял, тупо озираясь по сторонам. Потом повернулся и вразвалочку, как Джейсон Вурхиз, направился к конструкции, на которой висел, покачиваясь, Морти.

Эктомант устало покосился на Боза.

— Класс! — выдохнул он. — Только этого мне не хватало.

— Что? — не понял я. — Морти! Что она имела в виду?

— Э... простите. Я тут слегка отвлекся, — сказал Морти. — Чего?

— Собиратель Трупов! Что она имела в виду, когда сказала, что вы ей больше не нужны?

— Да вы сами, Дрезден, скормили ей столько энергии, что ее хватит на пару дюжин Кошмаров, — устало объяснил Морти. — Теперь она вольна делать все, что ей заблагорассудится.

— Что-что? Заглотала дюжину убийц и заделалась вправдашной? Неужто все так просто?

Боз добрался до баскетбольного столба, взялся за него своими лапищами, и тот начал медленно поворачиваться. Морти, болтаясь, переместился ближе к краю ямы.

— Агх! Дрезден! Сделайте что-нибудь!

Я испепелил Морти взглядом, посмотрел на свои пустые руки и — скорее от досады — врезал Бозу под вздох. С таким же успехом я мог бить грудю навоза. Рука просто провалилась в дерьмо по локоть, но твердой плоти так и не коснулась. Выдернул я ее обратно, разумеется, грязной как черт знает что. Действовать я не мог. Единственным доступным мне оружием оставалась информация.

— У меня здесь типа возможности ограничены, Морти!

Морти начал задыхаться, но, похоже, принял решение. Он говорил торопливо, захлебываясь:

— Она снова может стать реальной — правда, ненадолго.

— То есть может проявиться, — кивнул я.

На ногтях у Боза темнели пятна зеленой плесени. Он вытянул лапищу и взялся за веревку, на которой болтался Морти.

Отвязав ее конец, он принялся подтягивать Морти к краю ямы. Оттуда высунулись в надежде дотянуться до эктоманта руки, пальцы и рты.

— Гы, — выдохнул Морти, пытаясь дернуться подальше от них. Какой-то дух сумел-таки коснуться пальцами его лица, и он дернулся от боли. — Но как только она это сделает, она сможет делать все. Ходить, разговаривать — что угодно.

— И использовать свою магию, — выдохнул я. Собира-телю Трупов не обязательно будет ограничивать свой круг общения людьми, способными общаться с мертвыми, с которыми до сих пор она могла мериться силой воли, как с Морти.

Она просто найдет себе кого-нибудь нового, захватит его тело — и она снова в игре... меняющий тела псих, люто ненавидящий Белый Совет и вообще все, что достойно уважения. Ее босс Кеммлер явно ухитрился в свое время несколько раз восставать из мертвых. Возможно, весь этот жуткий культ списан из сборника его сценариев.

Я перенесся к лестнице.

— Мёрф! — заорал я. — Быстро сюда!

Но никого на верху лестницы не увидел.

Сэр Стюарт стоял перед Бозом, в бессильной ярости стиснув зубы. И топор. Боз опустил Морти на землю и медленно наклонялся над ним, протягивая лапищи к его голове. Стоит ему схватить и как следует дернуть — и все будет кончено. По крайней мере для эктоманта.

Но что мог сделать я? Призрак? Одно более или менее эффективное заклятие — и от меня останется клочок тумана. Морти избили до полусмерти, лишили сил и возможности использовать собственную магию — иначе он наверняка давно бы уже выбрался из этого гадючника. Даже если бы он согласился пустить меня в свое тело — на что, боюсь, он вряд ли пошел бы даже ради спасения собственной жизни, — сомневаюсь, чтобы у нас двоих хватило сил его освободить. Морти мог бы пустить в свое тело сэра Стюарта, положив-

шись на боевой опыт старого солдата и на воспоминания о его силе, но оставалась одна загвоздка: Морти был связан по рукам и ногам. И потом сэр Стюарт находился в таком же состоянии, как я. Даже хуже.

И оба мы не могли ничего сделать в физическом мире.

Если бы у меня в распоряжении оставались еще Чикатилы, я бы мог приказать одному из них проявиться и освободить Морти — эта возможность имелаась у меня всего несколько минут назад. А теперь было уже поздно — Собиратель Трупов убрала Чикатил со сцены, а без безумных духов возможность проявиться в материальном мире...

Мысли мои ускорились. Лихорадочное воспоминание ударило с силой молота.

— Блин-тарарам. Всякий раз, как я сталкиваюсь с призраком, тот пытается съесть меня живьем! И вы еще утверждаете, будто никто из ваших страшил не может ничего сделать?

— Но они же не сумасшедшие! — крикнул в ответ Морти. — Нормальные духи не взаимодействуют с материальным миром! Нормальные духи не шатаются по нему как безумные!

Для духа проявиться в материальном мире — натуральное безумие. По сути, это воспоминание пытается распространить свою волю на живых, прошлое пытается изменить курс настоящего. Исходя из того, что мне известно о магии и о жизни, это извращает законы бытия, естественного порядка вещей.

В принципе призраки проявляются то и дело. Для этого не нужно никаких особенных сил — это зависит скорее от желания. Чтобы такое произошло, надо быть достаточно сумасшедшим. Вот что Собиратель Трупов получила, пожрав Чикатил. Не силу, но необходимое ей безумие. Ей не хватало безумия.

Чародея, разгуливающего заблудшей душой по городу и рискующего собственным существованием ради спасения типа, которого он даже не считал своим другом, вряд ли назовешь рационально мыслящим. Собрать под свои знамена несколько десятков призраков-маньяков и повести их в самоубийственную атаку на значительно более

сильного врага — тоже не слишком разумно. Блин, даже последние мои действия при жизни — убийство Сьюзен ради спасения нашего ребенка, продажа души Мэб ради того же — никак не похожи на поступки психически здорового человека. Как, впрочем, и вся моя карьера — с учетом возможностей, которые передо мной открывались. Поймите меня правильно, я не хочу хвастаться, но со своими способностями я мог при желании заработать много денег. Очень много денег.

А что на деле? Крошечная подвальная квартирка. Работа с клиентурой, нуждающейся не в помощи — в чуде. Деньги? Ну было немного. Благодарность за добрые дела... но одной благодарностью сыт не будешь. Девушки... девушки не вешаются на шею парням, разъезжающим на древней тачке, читающим книги и вышибающим двери в дома разных живых кошмаров. Мои коллеги из Белого Совета почти всю мою жизнь охотились за мной — в основном за попытки делать правильные вещи. Хотя, скажем честно, пытаться я все равно продолжал.

Блин, думаю, я достаточно сумасшедший.

А если так... чего это мне будет стоить?

В том, что это потребует уймы энергии, я не сомневался. Возможно, всей, что у меня еще оставалась. Это ни на дюйм не приблизит меня к ответам, которых я искал. Это не позволит мне найти того, кто меня убил. Это может вообще меня уничтожить. Блин, если на то пошло, это может превратить меня в пшик прямо здесь и сейчас.

Но альтернатива? Стоять и смотреть, как погибает Морти?

Черта с два. Лучше сдохнуть. То есть в моем случае — сгинуть.

Я стиснул свой покрытый рунами жезл и воскресил в памяти то, что накатывало на меня, когда я собирал под свои знамена Чикатил. Я снова призвал на помощь свои воспоминания. Боль в мышцах после тяжелой работы, физическое наслаждение от движения — бега или просто быстрой ходьбы по улице, ощущения при погружении в горячую ванну или при заплыве в холодной воде, ощущения прикосновения теплой кожи кого-то, лежащего рядом...

Я вспомнил свою любимую старую футболку — простую, хлопчатобумажную, черную, с белой надписью «98% ШИМ-ПАНЗЕ» на груди. Вспомнил, как скрипели мои старые кожаные башмаки, как хорошо сидели на мне потертые джинсы. Вспомнил запах жаренного на углях мяса, как наполнялся при этом слюной рот, как нетерпеливо урчал голодный желудок. Вспомнил свой старый будильник с Микки-Маусом на циферблате, который вечно звонил раньше, чем хотелось бы, и как я, кряхтя, выбирался из кровати, чтобы работать дальше. Вспомнил, как пахли любимые книжные страницы, когда я открывал их в очередной раз, и как пахло перегретое масло в моторе моего старого доброго Голубого Жучка. Вспомнил мягкие, горячие губы Сьюзен, когда она прижималась ими к моим губам. Я вспомнил легкое тельце моей дочки у меня на руках, когда она от измождения уснула там, неподвижная, словно тряпичная кукла. Вспомнил, как щиплет глаза от слез и как отвратительно заложен нос при простуде, и тысячу других мелочей, важных и неважных.

Ну, вы поняли. Я вспомнил жизнь.

А потом я сделал нечто странное. Собрав все эти воспоминания, я произнес слово заклинания не на латыни или испанском, как я привык. Я произнес его по-английски, просто и бесхитростно. Энергия, закипавшая во мне, рвавшаяся из моих мыслей, из моих воспоминаний, наверное, была бы опасной для нормального живого чародея. Возможно, смертельно опасной. Но я высвободил ее всю, прошептав единственное, наверное, главное слово, на котором зиждутся все другие слова, вся реальность:

— Быть.

Вселенная моя содрогнулась. В уши ударил свист, мгновенно поднявшийся до немыслимо высокой ноты, от которой здравомыслящий человек ринулся бы искать укрытие. А потом наступила внезапная тишина. Я стоял на месте, весь покрывшийся гусиной кожей, как от сильного холода.

Почти весь зал вокруг меня погрузился в темноту — что неудивительно. Все свечи и лампы прогорели, и огонь их съезжился, превратившись в крошечные светящиеся точки.

Я похлопал Боза по плечу.

— Привет, красавчик! — сказал я.

Физиономия его даже перекосилась от удивления, и он тупо уставился на меня.

— Бу! — прошептал я и подмигнул ему.

А потом врезал ему жезлом.

Это оказалось больно. И я имею в виду не только боль от удара, отозвавшегося у меня в руках. Я снова сделался материальным, по крайней мере на несколько минут. Я снова стал собой, а мое тело, каким я его помнил, было под завязку наполнено болезненными ощущениями, какими я их помнил. Ступни и колени сводило ноющей болью, что в принципе нормально для парня моей комплекции, просто обычно эта боль превращалась в фон, на который я привык не обращать внимания, пока он не исчез, а потом вернулся обратно. Похоже, какие-то силы во мне все-таки оставались, и я угостил Боза всем, что имел в наличии. Странно, что я не надорвал при этом мышцы спины. В голове шумело от букета разнообразных ощущений — голода, боли, усталости, от которых я уже отвык.

Кажется, я говорил уже, что мертвым не больно, но до сих пор у меня не было возможности проверить это на собственном опыте. Одно дело — боль, которую используешь как оружие. Своя собственная боль, которая сопровождает тебя по жизни, — совсем другое дело.

Боль — не самая приятная штука, по крайней мере для большинства людей, но она абсолютно неотъемлемая часть жизни. Боль — физическая, эмоциональная, какая угодно другая — это оборотная сторона всего, что ты хочешь получить от жизни, альтернатива тому результату, которого ты хочешь добиться, а еще боль — неизбежный источник силы. Боль от неудач учит нас быть лучше, сильнее, круче, чем мы были прежде. Боль существует для того, чтобы подсказывать нам, что мы сделали не так, как надо, — это учитель, проводник, а еще то, что всегда с нами, чтобы напоминать нам о нашем несовершенстве и чтобы поощрять это несовершенство преодолеть.

В общем, это такая штука, которую никто не любит, но которая приносит нам чертовски много добра.

Когда я снова сделался самим собой и сразу же бросился в драку, это оказалось больно как черт знает что.

И

Это

Оказалось

Прекрасно.

От адреналинового вихря в крови и безумного восторга я заорал так громко, что Боз отпрянул от спеленутого тела Морти.

— Уфф! — выдохнул Морти. — Дрезден!

Из глотки сэра Стюарта тоже вырвался торжествующий вопль, и он свирепо потряс кулаком в воздухе. Даже цвет на мгновение вернулся к его выцветшей коже.

— Вот так, надери ему задницу, парень!

Боз повернулся в мою сторону быстрее, чем можно было бы ожидать от такой туши, и так и остался стоять на карачках — этот зверь, похоже, не видел преимуществ в вертикальном положении. На лице его не отобразилось ни малейшего дискомфорта, хотя мой посох рассек ему щеку и ко всем жидким и полужидким субстанциям, покрывавшим его кожу, добавилась еще и кровь.

Блин-тарарам! Мой посох зубочисткой не назовешь. Весит он как три бейсбольных биты. Меня тоже не назовешь зубочисткой. Не знаю точно, сколько я вешу в бейсбольных битах, но на некоторых парней из НБА я смотрю сверху вниз да и особой худобой не отличаюсь. Я хочу сказать: удар, в который я вложил всю свою массу, всю силу своих плеч, бедер, ног, не говоря уже о руках, — этот удар просто обязан был оглушить, если не убить Боза. Я целил ему в висок. Он успел дернуть голову назад, так что удар пришелся ему по левой скуле. Черт, возможно, я даже сломал ее.

Но вместо того чтобы корчиться от боли, он продолжал стоять на четвереньках молча, глядя своими глазами-булыжниками как бы сквозь меня. Он даже не поморщился. Я принялся собирать силы для следующего удара и пошатнулся, едва не рухнув ничком. У меня не осталось ничего. Я и на ногах держался единственно потому, что во мне продолжало гореть безумное упрямство. Меня ознобом

пронзила мысль: возможно, мне не удастся помешать Бозу убить Морти.

— Господи Боже, вот досада, — пробормотал я. — В жизни — честное слово! — не нюхал ничего омерзительнее. А ведь общался как-то с индейцем-сасквачем...

— Пообщайтесь с ним еще, — прохрипел Морти. — Рано или поздно привыкнете.

— Ух ты. Вы сами-то в это верите?

— Нет. Не совсем.

Взгляда я с Боза, конечно, не сводил, но постарался как мог шире улыбнуться Морти. Черт, его почти сутки держали подвешенным и пытали совершеннейшие психи, его главный палач все еще надеялся довершить дело, но у него хватало мужества шутить и откликаться на шутки. Любой обладающий таким духом перед лицом кошмара отмечен в графе «о'кей» моей записной книжки галочкой.

Боз ринулся на меня как хищник — плавным, стремительным движением всего тела, без малейших сомнений или колебаний. Он даже не вставал. Он бросился как стоял, на четвереньках, и центр его тяжести ни разу не поднялся выше моих колен.

Я встретил его ботинком в голову. Нет, я буквально лягнул его тяжелым башмаком в лоб и ощутил при этом примерно то же, что бывает, когда лягаешь скалу. Он, похоже, даже не заметил удара и врезался мне в колени. Массы у него хватало. Мы повалились — я на пятую точку, а он сверху мне на ноги. Едва приземлившись, он пополз вперед, пытаясь дотянуться до моего горла. Я не стал позволять ему такие вольности и попытался довести это до его сознания, уперев ему в шею конец посоха.

Он перехватил посох своей лапищей и стиснул стальной хваткой. Я сделал попытку откатиться в сторону. Он схватился за посох и другой рукой. Мы тянули посох каждый на себя в попытках вырвать его у противника. Он был сильнее меня. И тяжелее. Длинные руки давали мне некоторое преимущество, но не настолько, чтобы это сказывалось.

Боз рванулся вперед, оттолкнувшись толстыми, как древесные стволы, ногами от пола, и я повалился на спину. Те-

перь он налегал на посох всей своей тяжестью и медленно придвигал его к моему горлу.

Даже временное мое тело функционировало так же, как то, к которому я привык. Стоит Бозу раздавить мне трахею, и телу конец. В таком случае, предполагаю, я снова сделался бы бестелесным, а ложная плоть превратилась бы в эктоплазму — точно так же, как происходит с призраками и демонами, возвращающимися обратно в духовную форму, когда их временные тела уничтожены. Вот только место для перехода в призрачную форму было бы для меня на редкость неблагоприятным.

Боз пригибался все ниже, и мне ничего не оставалось, кроме как пытаться помешать ему задушить меня моим же собственным посохом. Он навалился на меня всеми восемью десятками фунтов зловонной туши и явно исполнился решимости разобраться со мной раз и навсегда.

Правда, он не обратил внимания, куда именно мы упали.

Я отпустил посох правой рукой, и он удвоил старания, напрягая плечи, выгнув спину. Одной рукой я удерживать его уже не мог: в ушах зазвенело от давления, кровь болезненно пыталась прорваться по артериям, которые пережал Боз.

Правой рукой я схватил провода, до сих пор подключенные к тяжелому автомобильному аккумулятору, с помощью которого пытали Морти, — и сунул их оголенными концами в пропитанную свежей кровью скулу Боза.

Наверное, это можно было бы сделать и эффективнее. Я держал оба электрода одной рукой, и до полной отключки сознания у меня оставалось секунды две, не больше, но это сработало. Контакты коснулись друг друга и влажной кожи. Полетели искры. Боз дернулся и отпрянул от внезапного источника боли — чисто инстинктивно, как вы отдернули бы руку от обжигающе горячей ручки кастрюли. Вес его сместился, и я, напрягая все до единой мышцы, столкнул его с себя. Он перекатился по полу и попытался отползти, а я не отставал; посох я отпустил, зато набросил провод ему на шею. Он бился и пытался вырваться, но я запрыгнул ему на спину и стиснул ногами его бедра. Держась за провод обеими руками, я изо всех сил затягивал его у Боза на шее.

Все произошло почти стремительно, но тогда мне так не казалось. Боз бился, напрягая силы, однако мощная мускулатура сыграла с ним злую шутку: ему не хватало гибкости, чтобы завести руки за спину и до меня дотянуться, так что столкнуть меня он не мог. Он сделал попытку меня стряхнуть, но и провод, и хватка ног удерживали меня достаточно надежно. Он попытался просунуть пальцы между шеей и проводом, и хотя пару фаланг он продел-таки, я тянул провод с достаточной силой, чтобы одолеть один-единственный его палец.

Каким бы сумасшедшим вы ни были, одно правило универсально: когда вашему мозгу не хватает кислорода, вы теряете сознание. Боз не стал исключением. Я подержал удавку еще секунд десять — удостовериться, что Боз меня не дурачит. Потом досчитал до пятнадцати. Потом до двадцати. Кто-то замысловато ругался, и до меня не сразу дошло, что это я сам. Примитивное ощущение собственной силы, собственной победы туманило мозги сильнее наркотика... оставалось довести дело до конца.

Я стиснул зубы. Мне и раньше приходилось убивать мужчин и женщин, но только тогда, когда другого выбора не оставалось. Может, я и боец, но не убийца. Я заставил себя отпустить провод, и Боз обмяк на полу, без сознания, но живой. Мне пришлось еще откатить его с моей ноги, и это оказалось не так-то просто, но в конце концов я выпрямился, тяжело дыша. Потом повернулся к Морти и принялся развязывать узлы.

Он смотрел на меня с опаской.

— Дрезден... То, что вы делаете — во плоти, как сейчас... Это неправильно.

— Знаю, — заверил я его. — Но кроме меня, некому было.

Он мотнул головой:

— Я только хотел сказать... Это вредно для вас. Те духи... Ну, которых я укрывал... они поначалу ничем не отличались от любого другого духа. Делать так... Это сказывается постепенно. Вы меняетесь. — Он подался чуть ближе ко мне. — Вот сейчас вы остаетесь собой. Но то, что вы там почувствовали... Это растет. Продолжайте делать так и дальше, и вы превратитесь в нечто другое.

— Я почти закончил, — сказал я, разматывая веревку так быстро, как только мог. Это заняло некоторое время. Морти связали очень тщательно, чтобы вес приходился не на одно место. Наверное, Собиратель Трупов не хотела провести несколько часов, восстанавливая контроль за своим телом, в случае если Морти сломается.

Он застонал и сделал попытку сесть. Это вышло у него не сразу, но когда я попробовал помочь, он только отмахнулся.

— Идти сможете? — спросил я.

Морти пожал плечами:

— Как-нибудь, черт подери, выйду из этой дыры. Дайте мне только минуту.

— Нет у меня минуты, — вздохнул я. — Мне надо спешить.

— Зачем?

— Мои друзья где-то там, наверху.

Он со свистом втянул в себя воздух.

— Знаю, — поморщился я, поднялся, подобрал свой посох и двинулся к лестнице.

— Стю, — услышал я за спиной голос Морти. — Ты ведь умеешь вязать узлы, да?

Я оглянулся и увидел, что сэр Стюарт утвердительно кивает. Морти кивнул в ответ и принялся собирать в бухту веревку, которую я с него снял.

— Иди сюда. Не хочу, чтобы этот человек-гора пришел в себя и довершил начатое.

Я заколебался — хотелось удостовериться в том, что с Морти все в порядке. Но я и так потерял здесь слишком много времени, и наваливавшаяся на меня усталость отдавалась уже звоном в ушах. Пришлось спешить наверх.

Имелась только одна причина, заставившая Собирателя Трупов самой отключить обереги. Теперь, когда она могла получить себе новое тело, выбор представителей человеческой расы для нее заметно расширился. Она сама хотела, чтобы люди зашли в ее логово.

Исключительно для расширения выбора.

Я бросился вверх по лестнице, надеясь на то, что все-таки успею помешать этой протееже Кеммлера выбрать кого-нибудь из моих друзей — раз и навсегда.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Я взмыл по ступенькам и обнаружил, что в коридоре темно. Черт. Наверное, я слишком привык к положительным сторонам призрачного существования. Я потянулся к висевшему на шее амулету моей матери, и...

...и его там не оказалось. Хотя должен был. То есть настоящий мой плащ превратился в лохмотья и утонул, но на мне сейчас красовалась его точная копия. Я не видел причины, по которой такого же не могло произойти с амулетом, а вот не произошло. Это вполне могло означать что-то важное.

Однако беспокоиться об этом мне сейчас было некогда. Вместо этого я накачал немного энергии в посох, и вырезанные на нем руны засияли бело-голубым чародейским светом — достаточно, чтобы я хотя бы разбирал дорогу. Магии во мне осталось всего ничего, но простое осветительное заклятие на порядок проще любого боевого, и энергии на него требуется совсем немного.

Я бегом пронесся по коридору, миновал спальные ниши с занавесками вместо дверей и сквозь пролом в стене ворвался в старую щитовую.

Фонарик лежал на полу, и луч его прочертил расширяющуюся полосу, в которую попал еще клочок волчьего меха. Мне пришлось засветить посох сильнее, чтобы разглядеть Мёрфи и волков, неподвижно лежащих на полу рядом со спящими Капюшонами.

Собирателя Трупов здесь не было.

Как и Молли.

Я медленно поворачивался в поисках ответа на то, что произошло, но не обнаружил ничего.

По камню зашуршали чьи-то шаги, я стремительно повернулся, держа наготове посох, и обнаружил Баттерса, стоявшего посередине лестничного пролета. Больше всего он напоминал кролика, готового в любое мгновение сорваться с места и дать стрекача. Лицо под очками побелело как мел, темные волосы спутались в бесформенную массу.

— Боже! — выдохнул он. — Дрезден?

— Вернулся для ограниченной операции, — прохрипел я, опуская посох. — Баттерс, что случилось?

— Я... Я не знаю. Они все вдруг начали кричать, а потом... потом просто рухнули.

— А вы? — спросил я.

— А я стоял там. — Он ткнул пальцем себе за спину. — Ну, понимаете... ждал полицию или чего такого.

— В роли Глаз, да? — кивнул я и повернулся обратно к Мёрфи с волками.

— Ну, примерно так, — сказал он и осторожно спустился по лестнице вниз. — С ними все в порядке?

Я склонился над Мёрфи и приложил руку к ее шее. Пульс бился ровно. То же самое относилось и к лежавшему ближе к ней волку.

— Угу, — ответил я, немного успокаиваясь. — Мне кажется, о...

Что-то холодное и твердое уперлось мне в затылок. Я опустил взгляд.

Кобура одного из пистолетов Мёрфи была пуста.

— Докторам все доверяют, — промурлыкал Баттерс совершенно несвойственным ему тоном. — Даже чародеи. Да, Дрезден?

Я напрягся:

— Собиратель?

— Так ты все-таки сумел проявиться? Любопытно. Думаю, у тебя врожденные способности к темной магии. Мой наставник купил бы тебя не торгуясь.

Как-то я целых полдня потратил в спортзале Дага Джо, отрабатывая с Мёрфи технику обезоруживания. Я попытался вспомнить, в какую сторону крутануться, чтобы выбить пистолет из рук Собирателя Трупов. Все зависит от того, как держат оружие, а этого я как раз не видел. То есть я точно знал, что Баттерс левша, но это могло ровным счетом ничего не значить теперь, когда за рулем сидела Собиратель Трупов.

— Надо же. Меня могли сравнивать со сбродом вроде вас? Уверен, со мной этот номер не прошел бы.

— Возможно, и нет, — согласилась Собиратель Трупов. — Однако как к оппоненту я питала к тебе значительно больше

уважения, чем ты заслуживал. Много ли осталось за телом, которое ты собрал? Полагаю, вряд ли больше, чем у любого из этих жалких духов. Ты способен на неплохой тактический ход, однако совершенно очевидно: у тебя нет ни терпения, ни стратегических талантов.

— Да. Пожалуй, на том месте, где ты держишь эту хрень, у меня до сих пор только душа и совесть.

— Душа? Совесть? — хмыкнула Собиратель Трупов. — Это всего лишь слова. У них даже смысла особого нет, а пользы совсем никакой.

— Если что-то нематериально, это еще не означает, что его нет, — возразил я. — Будь у тебя в голове хоть немного мозгов, ты бы это поняла сама.

— Ты до сих пор страдаешь юношескими заблуждениями, — ответила она устами моего друга. — Хотя не могу не признать: ирония, заключающаяся в нашем нынешнем взаимном состоянии, доставляет мне истинное наслаждение.

И, не меняя тона, даже не задержавшись на долю секунды, она пустила мне пулю в затылок.

Боль была короткая, но неопишуемая. Я увидел облачко, вылетевшее вперед, забрызгав при этом одного из волков и лежавшего ближе других Капюшона. Эктоплазма, тупо сообразил я. Мое физическое тело уничтожено. Оно превратилось в потустороннюю материю, из которой я его соткал.

Боль прошла почти мгновенно, и я снова оказался в бесчувственном, почти отсутствующем призрачном состоянии. Чисто инстинктивно я потянулся за растекшейся слизью, словно пытаюсь вернуть ее.

Я почти не видел своей руки.

Я попытался повернуться, но, казалось, я погружен во что-то более плотное, более вязкое, чем вода, и простое движение растянулось на вечность.

Я поднял взгляд на лицо Баттерса, заглянул в глаза Собирателя Трупов и увидел, что эта прыгающая из тела в тело сумасшедшая ухмыляется.

— Не так много от тебя осталось, а? — мурлыкнула она. — Не пройдет и нескольких дней, как ты станешь пустым духом. Думаю, тогда наш счет сравняется. Наслаждайся вечностью, Дрезден.

Я попытался обозвать ее как-нибудь матерно, но слишком устал даже для того, чтобы раскрыть рот. Я не мог выдать из себя ни звука. А когда я нашел хоть немного сил для этого, Собиратель Трупов уже увела тело Баттерса по коридору к лестнице. Она двигалась так быстро...

Или... Или это я двигался слишком медленно.

Я попытался последовать за ней, но все, что смог, — это медленно колыхаться в воздухе в том направлении. Плавно, изящно, но медленно. Очень медленно.

Собиратель Трупов сделала жест рукой, и завеса упала с еще одной тени, застывшей на верхней ступени лестницы. Это был Баттерс. Он стоял, одетый не в зимнюю куртку, а в обычный свой медицинский комбинезон, в котором я привык его видеть. Стоял совершенно неподвижно, только глаза отчаянно метались из стороны в сторону. У ног его быстро испарялась лужица эктоплазмы. На лице застыло выражение полного смятения.

Собиратель Трупов страсть как любит менять тела. Оставив нас с Морти в подвале, она, должно быть, отправилась напрямик сюда за новым телом. Скорее всего она навела на Мёрфи и волков какое-то сонное заклятие — и тут, должно быть, ей подвернулся Баттерс.

Собиратель Трупов проделала свой обычный трюк, обменявшись со своей жертвой телами, — и тело, в котором она временно проявилась, превратилось в эктоплазму в то мгновение, как она перестала питать его энергией. Сущность Баттерса, его душу выдернули из тела, и теперь она стояла беззащитная, неподвижная, пока еще окрашенная, но выцветающая прямо на глазах. Собиратель прикрыла его тень завесой, чтобы случайный вошедший не увидел ее, застывшую в замешательстве, пока сама она будет разгуливать здесь в его захваченном теле.

Зачем она убрала завесу? Наверное, только для моих глаз. Подходя к тени Баттерса, она оглянулась и ухмыльнулась мне. Я не мог сделать ничего, чтобы ей помешать, но она хотела, чтобы я видел, как она перехитрила меня.

Однако у Вселенной имеется собственное чувство юмора, и, как оказалось, оно не всегда нацелено на меня. Пока Собиратель Трупов, повернувшись в мою сторону,

дразнила меня своими гнусными ухмылками, из тени между украденным телом Баттерса и выбитой взрывом двери, из-под собственной завесы вынырнула Молли и ухватила Собирателя за лацканы пальто. Телосложения Баттерс не слишком чтобы мощного. Молли, напротив, была выше его на несколько дюймов, а в запасе у нее были гены, унаследованные от матери, все, чему успел я ее обучить, и шесть месяцев мытарств под чутким руководством Леанансидхе.

Молли двинула Собирателя Трупов о стену с такой силой, что краденые зубы лязгнули. Потом стиснула перекошенную физиономию Баттерса рукой и придвинула вплотную к себе, встретившись с Собирателем взглядом.

Я попытался предупреждающе крикнуть, но не издал ни звука. Тогда я попробовал шевелиться быстрее. Если это и удалось, я не заметил.

— Хочешь поиграться мозгами? — звенящим голосом спросила Молли. Голубые глаза ее сияли. — Валяй!

Лицо Собирателя Трупов исказилось в выражении, которое могло означать как убийственную ярость, так и оргазм, и краденые глаза открылись широко-широко.

Молли и чернокнижница нырнули друг другу в души, и я ничего не мог с этим поделать, кроме как продолжать попытки подойти ближе.

Я ощутил, как сгустилась между ними, потрескивая и искря, энергия. Я медленно подползал к ним. Они боролись — незримо, беззвучно, пытаясь превозмочь волю друг друга. Ментальная магия — штука опасная, скользкая, а в поединке разумов все зависит от воображения, сосредоточенности и силы воли. На моих глазах Молли посылала Собирателю Трупов заряд своих образов и мыслей, пытаясь заставить соперницу уделить им внимание. Некоторые мысли имели целью подорвать вражескую оборону, другие — взять ее штурмом, остальные пытались незаметно просочиться мимо и посеять хаос в тылу. Некоторые мысли представляли собой простые, нашептываемые на ухо сомнения, предназначенные для того, чтобы ослабить уверенность противника в своих силах. Другие были на порядок сложнее — мысли-демоны, готовые терпеливо ждать

своего часа в будущем, чтобы в нужную минуту стереть вражеские мысли или воспоминания.

Вообще-то Белый Совет на дух не переносит ментальную магию. Сломав чью-то оборону, вы можете делать с этим человеком практически что угодно, и, как правило, это «что угодно» достаточно неприятно. Однако обстоятельства заставили Совет признать необходимость обучения его членов базовым приемам ментальной самообороны — что оказалось значительно сложнее, чем та блокировка, которой учили когда-то меня. Пара ветеранов, умевших играть в эти игры, занялась передачей своих навыков тем, кого это интересовало.

Как выяснилось, моя личность обладала изрядным запасом естественной прочности, чем отчасти объяснялось то, с каким трудом удавалось меня дурачить всяким фэйри и почему я на протяжении своей не очень долгой жизни благополучно пережил несколько попыток взять мой мозг штурмом. В общем, когда кто-то пытался лезть ко мне в голову, им приходилось иметь дело с хорошо укрепленной и на редкость опасной фортификацией — я бы сказал, замком. Его можно было безуспешно штурмовать день напролет, и мне говорили, что для того чтобы совершенно покорить мою дурацкую башку, требуется долговременная, хорошо продуманная и рассчитанная осада — как для любого уважающего себя замка с многослойной, эшелонированной, как это называется у военных, обороной. Однако и наступательные действия мне из-за этого давались сложнее. По мне, лучшая защита — это упорная защита.

С другой стороны, Молли... Молли меня иногда пугала.

Ее замок в отличие от моего не отличался ни высотой, ни крепостью стен — эта чертова штуковина была невидима. Ее замок состоял из зеркал, окутанных туманом, обернутых темнотой; стоило огромных трудов хотя бы найти его, не то что осадить. Любому, кто хотел залезть к ней в голову, стоило бы захватить с собой GPS, хорошую собаку-ищейку и запасную пару глаз. Хуже того, прорывать ее оборону было все равно что биться с монгольской ордой. Она посылала в бой волну за волной все мыслимые порождения разума, и пока вы пытались хотя бы понять, кто это обру-

шивается на вас, в ваше подсознание тихой сапой просачивались и закладывали в него ментальное подобие взрывчатки мысли-ниндзя. Мы с ней не раз устраивали учебные поединки — неподвижный объект против неодолимой силы. Чаще всего они заканчивались перемирием, когда Молли приходилось выйти из боя, чтобы справиться с головной болью... Хотя аспирин потом мы глотали оба. Пару раз мои неповоротливые структуры прорывали ее оборону и начинали бить зеркала. Пару раз больше везло ее орде. Ментальный образ, означающий победу, у нас с ней был одинаков — Дарт Вейдер в своем перехватчике, изрекающий: «ТЕПЕРЬ ТЫ МОЙ». Стоило ему появиться на поле боя, и это означало конец игры.

Однако в реальной жизни вместо этого запросто могло последовать что-то вроде: «Сунь пистолет в рот и спусти курок». Мы оба понимали это. Поэтому оба мы изо всех сил старались совершенствовать свою оборону. К этой части учебного курса я относился с тем же вниманием, как к теории, заклинаниям, экзорцизму или любой другой из сотни дисциплин, которые мы с ней проходили за последние несколько лет.

Но мы никогда не пробовали этого всерьез.

Собиратель Трупов подняла руки Баттерса и очень осторожно, даже нежно коснулась ими Моллиных щек.

— Надо же, — произнесла она. — Как повысились стандарты обучения.

Молли коротким, резким движением двинула Собирателя затылком о стену.

— Хватит увиливать! Дерись!

Собиратель скривила рот Баттерса в медленной ухмылке и неожиданно ринулась вперед, припечатав Молли к противоположной стене, перепрыгнув одновременно на ступеньку выше — так, чтобы глаза их находились на одном уровне.

— Ско-ользкая девочка. Но я сокрушала умы вроде твоего за несколько веков до того, как твой прапрадед покинул Старый Свет.

Молли вдруг охнула, и лицо ее исказилось от боли.

— А еще кое у кого не хватало духу причинять своим любимым маленьким ученицам боль, — нараспев продолжала

Собиратель Трупов. — Настоящую боль. Позволь мне преподать тебе урок.

— Леди! — выдохнула Молли. — Вы не самый лучший момент в моей жизни выбрали для того, чтобы мне перечить. — Она сделала глубокий вдох и заговорила звенящим, полным ярости голосом: — А теперь угребывай из моего друга. Ideru!

Я ощутил порыв энергии, и вся реальность вдруг сгустилась вокруг моей ученицы. Бешеная, неукротимая сила рвалась из нее, жадно пожирая все, что подворачивалось поблизости. Помнится, я испытывал раз что-то в этом роде, когда потенциальная, не родившаяся еще вампирша Белой Коллегии неосознанно начала кормиться мной, — та энергия свивалась в спираль и пыталась докопаться до самых корней моих чувств. Но то была малая толика силы, которую Молли высвободила своим заклятием.

Глаза Собирателя Трупов расширились от удивления и внезапного напряжения.

— Что ж! — огрызнулась она. — Будь по-твоему. Так и так, докторишка не был моей главной целью.

И тут я увидел, как темная, безумная душа Собирателя Трупов выскальзывает с вихрем заклятия из тела Баттерса и ныряет в мою ученицу.

Лицо Баттерса утратило всякое выражение, и он рухнул как подкошенный. В трех футах от этого места беспомощный, смятенный взгляд его тени упал на собственное физическое тело, и глаза ее округлились от ужаса.

Молли вскрикнула от потрясения — и страха. В это мгновение я прочел в ее глазах ужас человека, который вышел с винтовкой на медведя, а оказался нос к носу с гребаным динозавром.

Мое заторможенное как в страшном сне продвижение наконец подвело меня совсем близко к ним. С грацией ленивца я протянул руку...

...и ухватил Собирателя Трупов за лодыжку в самый последний момент перед тем, как она целиком втянулась в мою ученицу.

Я держался изо всех сил, пока Собиратель тащила меня вперед, в пекло войны за тело, разум и душу Молли.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Я приземлился в самой гуще сражения.

Меня окружал превращенный в руины город. Небо над головой закипало грозowymi облаками, клубившимися слишком быстро, чтобы быть настоящими. Дождь лил как из ведра. Со всех сторон слышались вопли и проклятия из тысячи глоток, накладывавшиеся друг на друга, сливавшиеся в единый монотонный гул, — но каждый из этих голосов принадлежал или Молли, или Собирателю Трупов.

На моих глазах какая-то огромная тварь, что-то среднее между змеей и китом, проложила себе путь прямо сквозь кирпичный дом — до меня не сразу дошло, что это крепость, — в какой-то полусотне ярдов от меня, обратив его в прах. На покрытом пылью боку у этой машины вдруг возникли три крошечные красные точки, точь-в-точь лазерные прицелы наплечной пушки Хищника из одноименного фильма, а потом неизвестно откуда вылетели струи бело-голубого света и проделали в твари несколько дырок размером с железнодорожный туннель. Повсюду вокруг меня виднелись группы солдат, некоторые в злобещих черных мундирах, некоторые в чуть идеализированных мундирах американской пехоты, и каждый пытался поразить неприятеля всеми вообразимыми видами оружия от мечей и до ракетных установок.

Трассирующая пулеметная очередь прошла прямо сквозь меня, нанеся мне не больше ущерба, чем легкий летний ветерок. Я с облегчением перевел дух. Я находился в ментальном мире Молли, но войну она вела не со мной, и Собиратель Трупов тоже. Здесь я был таким же призраком, как в реальном мире.

Весь город вокруг меня представлял собой частокол укрепленных зданий, и я сообразил, что девочка поменяла обычную тактику. Она не пыталась скрыть местоположение своей ментальной крепости темнотой или туманом. Вместо этого она избрала другой способ введения противника в заблуждение: выстроила целый город ложных целей, спрятав ядро своего разума где-то среди них.

Собиратель Трупов, похоже, противопоставила ей нехитрую, хотя и затратную тактику: пыталась сокрушить все

цели до единой, даже если это пришлось бы делать по очереди. Та огромная тварь, например, массой превосходила все, что я мог бы вообразить, хотя раз или два Молли напускала на меня что-то в этом роде. А ведь тут недостаточно одной только широты мышления — для того чтобы сотворить нечто, обладающее такой ментальной массой, требуется энергия, а Молли, как правило, считала, что такие мощные, лишённые изящества удары не стоят затраченных на них усилий. Особенно в случае, если кто-то, обладающий достаточными опытом и воображением, может убрать их почти так же легко, как шутовчины меньшего калибра.

Впрочем, Собиратель Трупов с ней в этом явно была не согласна. Возрастом она превосходила и меня, и Молли, вместе взятых, и резервов силы у нее тоже имелось больше, не говоря уже о дисциплине и опыте. Девочка сумела затащить Собирателя на знакомое ей поле и вести игру в наиболее выгодном для нее ключе, однако я сомневался, что сил у моей ученицы хватит на то, чтобы противостоять выучке некроманта.

Я перестал обращать внимание на происходящее — на все артиллерийские удары, кавалерийские атаки, орды шаркающих зомби или град сыплющихся с неба ножей. Собственно, сама по себе форма всех этих штук была не так важна, как сам факт их существования. Летящая стрела, способная пронзить сердце, скажем так, по части опасности примерно соответствовала какому-нибудь фантастическому зверю, тянущему к врагу свои дымящиеся черные когти. Пока существовала возможность придумать соответствующее «что-то», способное противостоять этой угрозе, любое вражеское ухищрение можно было одолеть. Принцип этого кажется несложным на слух. Однако когда вы бросаете в бой десятки или сотни — да что там, тысячи — наступательных или оборонительных ментальных воинов... Поверьте мне на слово: это потребует от вас полного внимания.

А еще это значит, что вы способны справиться лишь с одним оппонентом. Чем, собственно, объяснялось то, что Собиратель Трупов не напала на меня сразу же, как я очутился на поле боя. Если она, конечно, вообще заметила мое присутствие. Они с Молли схватились не на жизнь, а на

смерть. Ни одна ни другая не собирались уступать, пока противник жив.

Обе соперницы бросали в бой безумное количество ментальных войск, хотя Молли теряла свои оборонительные сооружения почти так же быстро, как Собиратель Трупов. Как у любой другой тактики, у этой имелось два конца. Молли несла потери, но, действуя так, она не позволяла Собирателю наступать слишком быстро из боязни попасть в зону наибольших разрушений от огня. В такой сумятице одна ошибка способна уничтожить рассудок, и тут не важно, обладаешь ты многовековым опытом некроманта или нет. С другой стороны, стоило бы той обнаружить, откуда Молли осуществляет командование своими ментальными армиями, скорее всего у нее хватило бы сил прорваться туда и сокрушить мою ученицу. Однако, сосредоточившись на ложной цели, она сама могла открыться внезапному удару настоящей Молли. Собиратель Трупов не могла не понимать этого, так же как и того, что, если она не будет ослаблять давления, рано или поздно она расчистит от укреплений все поле боя, и тогда Молли в любом случае будет уничтожена.

Моя ученица избрала неплохой план, но просчиталась в одном: Собиратель Трупов оказалась на несколько порядков сильнее, чем она ожидала. Молли разыгрывала самую агрессивную оборонительную схему из всех, что я видел, в надежде на то, что заставит Собирателя Трупов совершить ошибку. Неплохой план, но никакого резерва у нее не имелось.

Так или иначе, все должно было закончиться быстро. А значит, мне стоило поспешить.

Молли пряталась где-то здесь, в частокоте ложных крепостей, и от меня она была скрыта так же, как от Собирателя Трупов. Однако у меня имелось одно преимущество перед некромантом: я свою ученицу знал.

Мы находились не в Небывальщине. Мы находились в голове у Молли, в мире мысли и воображения. Магия в этом не участвовала — теперь, когда мы оказались здесь. Возможно, я представлял собой не более чем жалкое подобие призрака, но мозг мой оставался при мне, и это оставляло определенную свободу действий.

Я подошел к развалинам здания, разрушенного огромным монстром за несколько секунд до его смерти. Я отпихнул ногой обломок стены и подобрал светло-голубой душевой коврик, покрытый пылью и странной розовой кровью. Совсем маленький ментальный артефакт, но даже так от меня потребовалось изрядное усилие, чтобы его присвоить. Руки мои дрожали от усталости, когда я поднял его с земли и встряхнул. Кровь и пыль слетели с коврика, как не бывало, а затем я расстелил его на ровном участке земли и уселся, скрестив ноги и руки.

— Вверх, Симба! — скомандовал я, как мог имитируя Юла Бриннера. Коврик вздрогнул и оторвался от земли, оставаясь при этом жестким, как кусок толстой фанеры, — ну и примерно таким же удобным. Когда он тронулся с места и заскользил над землей, я тайком ухватился руками за углы. Я решил, что ни врагу, ни моей ученице не стоит видеть, как я отчаянно размахиваю руками в попытке удержать равновесие на летящем в воздухе ковре. Да и самому мне падать что-то не хотелось. Возможно, я и успел бы придумать что-нибудь, чтобы не расшибиться, но вид имел бы при этом не самый приглядный. Пусть я и мертвый чародей, но все-таки чародей, а у нас, у чародеев, собственная гордость.

Конечно, я вряд ли мог бы заставить эту тряпку летать где-нибудь, кроме воображения. Прежде, в двадцатилетнем возрасте, я пробовал пару раз такие штучки с ковром-самолетом. В первый раз эксперимент закончился кошмаром, когда я в грозу спикировал на свалку. Потом имел место еще знаменитый инцидент с летающей метлой в Уокер-Драйв, когда очевидцы даже сумели заснять НЛО и выложить кадры в Интернет. После этого я мудро решил, что левитация — верный способ свернуть себе шею, и после передвигался только на своем старом добром Жучке.

Но знаете что? В моем воображении этот ковер-самолет работал как надо — и точно так же он вел себя теперь, когда я гостил в воображении у Молли.

Я приподнялся повыше для лучшего обзора — и был впечатлен. Город крепостей простирался на многие мили. Я видел тысячи крепостей, и бой кипел повсюду. Это в корне отличалось от всего, что девочка прежде использовала в мен-

тальных поединках, — необозримая монгольская орда, несчетное количество защитников, налетающих на врага роем разъяренных пчел, чтобы защитить улей. К сожалению, если сравнивать Молли с пчелиной маткой, Собирателя Трупов я бы сравнил с огромной медведицей. Ее жалили, она испытывала боль, но — пока она не допускала ошибок — не слишком сильную. Рано или поздно она должна была сокрушить всех защитников, а после разнести улей в щепки.

Я чуть наклонился вперед, и ковер начал набирать скорость. Смещая вес влево или вправо, я мог менять курс, и очень скоро я уже несся сквозь дождь так быстро, как только мог, внимательно разглядывая землю внизу. Я летел над городом по спирали, стараясь не пропустить ни клочка территории. Битва шла и в небе — в основном там бились летучие демонические твари, а с неба их разили молнии. После первого десятка впечатляющих разрядов мне надоело наблюдать и за этим, так что я полностью отстранился от боевых действий, продолжая поиски.

Наконец я нашел то, что искал: разрушенное здание, точнее, воронку от снаряда или бомбы. Я не смог определить по руинам, на что оно походило прежде; вокруг валялись обгорелые обломки и хлопья копоти. Эта же копоть покрывала и старый дуб с детским домиком на толстых нижних ветвях.

Я миновал домик, не сбавляя скорости, и летел по прямой еще несколько минут, а потом снизился до бреющего. Я не знал точно, известно ли Собирателю Трупов, что я попал сюда у нее на буксире, а если она следила за мной или хотя бы послала на это одного из своих ментальных монстриков, я не хотел вывести ее на Молли. Поэтому ковер ускорился с сорока или пятидесяти миль в час до ста, а я прикрывлся завесой — со стороны, наверное, казалось, что я рванул вперед и исчез. Я летел над самой землей, петляя по улицам, и только после того, как раз пять сделал петлю, проверяя, не висит ли кто-то у меня на хвосте, направился к домику на дереве.

Он выглядел точь-в-точь как настоящий дом — с дверью, обшивкой сайдингом, декором, окнами и всем таким. На крылечко можно было забраться по веревочной лестнице,

но сейчас ее подняли. На своем ковре-самолете я подлетел к самой двери и вежливо постучал.

— Теперь ты мой, — произнес я, пытаюсь изобразить голос Джеймса Эрла Джонса. Юл Бриннер выходит у меня лучше.

В окне показалось напряженное лицо Молли. Она зажмурилась.

— Гарри?

— Как насчет пригласить войти, Кузнечик? — спросил я. — А то ты практически засосала меня вместе с Собирателем.

Молли сощурилась.

— Что было на мне при нашей первой встрече?

Я заморгал, открыл рот, снова закрыл и подумал немного.

— Ну же, Молл. Представления не имею. Одежда? Тебе же тогда типа восемь только-только исполнилось, и твоя мама пыталась захлопнуть дверь у меня перед носом, а я пришел поговорить с твоим папой.

Она кивнула, словно ожидала именно такого ответа, и отворила дверь.

— Заходите.

И я зашел в домик на дереве.

Внутри он оказался больше, чем снаружи. В воображении такие штуки вполне возможны. Это даже занятно. Одна кладовка в моем замке, например, размерами не уступала площадке для катания на роликах. Роллеры чертиками налетали на вас, от музыки взрывались головы, а зеркальный шар пулял смертоносными лазерными лучами.

Штаб Молли выглядел как капитанский мостик — ей-богу, не вру — авианосца «Энтерпрайз». Того, старого. У которого все было заполнено явно ничего не показывавшими циферблатами, а каждые пять или шесть секунд по динамикам громкой связи раздавалось какое-то чириканье.

Имелся и смущающий момент: Молли была одета в форму по моде шестидесятых — с мини-юбкой.

Поймите меня правильно: я совершенно не заинтересован в связи с девочкой. Ну да, я страшно люблю ее. И это не значит, что она не выглядит фантастически. Это разглядит абсолютно любой при условии, что у него глаза на месте, но

я всегда причислял себя к тем, кто может восхищаться красивым пейзажем, не стораю от желания отправиться туда на пикник.

На самом деле, оглядевшись по сторонам, я обнаружил штук шесть Молли, все в этих формах с мини-юбками, каждая за своим пультом. Та, что отворила мне дверь, отличалась угольно-черной шевелюрой с аккуратной, почти геометрически точной укладкой и чуть заостренными ушами.

— «Звездный путь»? — удивился я. — Нет, правда?

— Чего? — хмыкнула она, сведя неестественно черные брови.

— Люди во Вселенной, Молли, делятся на две разновидности, — наставительно сказал я. — На фанатов «Звездного пути» и фанатов «Звездных войн». Ты меня поражаешь.

Она фыркнула:

— Это мир пост-нердов, Гарри. Можно любить и то, и другое.

— Ложь и святотатство, — вздохнул я.

Она выразительно, в лучших традициях командера Спока выгнула бровь и вернулась за свой пульт.

— Квадрат четыре ниже пяти процентов, дополнительное давление в квадрате три, — доложила начальник связи Молли в красном мундире, с вьющимися черными волосами и серебряной штуковиной размером с тостер в ухе.

Капитан Молли в золотом мундире, с прической в безукоризненном стиле Жаклин Онассис повернулась в кресле к Молли — начальнице связи.

— Атомный удар по квадрату четыре, — скомандовала она.

Молли-ученая вопросительно изогнула бровь.

— Ох, цыц. Я капитан, ты первый помощник, значит, решаю я, — огрызнулась капитан Молли. — У нас тут война, понимаешь ли. Так что подрывай фугасы. Привет, Гарри.

— Молли? — спросил я. — Фугасы?

— Я приберегала их в качестве сюрприза, — объяснила она.

Одну стену помещения занимал экран — не современный, не жидкокристаллический. Старый, слегка выпуклый, с ЭЛТ. На мгновение он побелел.

— Лейтенант, — окликнула капитан Молли.

Лейтенант Молли в красном мундире и с брекетами на зубах, лет на десять помоложе капитана Молли, повернула пару бутафорских верньеров, и экран сделался темнее.

Откуда-то снаружи донесся протяжный вопль. Громкий. Примерно как Годзилла — ну, может, чуть погромче.

Все на мостике застыли. Духовой оркестр из ниоткуда проиграл зловещее «Бам-памммм-пам».

— Да ты шутишь, — сказал я, оглядываясь по сторонам. — Саундтрек?

— Я не хотела, — произнесла лейтенант Молли срывающимся голосом подростка. Ее русский акцент в точности напоминал Саню. — Просто я в детстве слишком много смотрела этот сериал, ясно?

— Странное место этот твой мозг, — заметил я. Я говорил это в качестве комплимента и постарался подчеркнуть это голосом. Лейтенант Молли ответила мне ослепительной улыбкой и повернулась обратно к своим приборам.

Я остановился справа от капитанского кресла и скрестил руки на груди. Экран снова осветился, показывая разрушенный городской квартал. Нет, не разрушенный. Когда город разрушен, это означает, что в нем уничтожена только часть зданий. Наверное, на заре телевидения какой-то ведущий спутал понятия «разрушен» и «уничтожен», и это отложилось у меня в мозгу. Этот квартал был уничтожен целиком. То есть превратился в ровную пустыню.

— Атомный взрыв подтвержден, — произнесла Молли-ученая угрюмым тоном. — Вражеские силы в квадрате четыре уничтожены, капитан.

Я сжал губы крепче.

— Спасибо, старпом, — отозвалась капитан Молли, поворачиваясь лицом к экрану. — Гарри... гм... Поможете?

— Не уверен, что в состоянии, Кузнечик, — серьезно ответил я. — Мне едва удалось потырить из-под развалин душевой коврик и использовать его в качестве самолета. Ее снаряды пролетают сквозь меня... ну и все такое.

Мгновение она молча смотрела на меня, и я увидел, как та же самая нотка страха промелькнула на лицах всех Молли, находившихся на мостике. Впрочем, она тряхнула головой и

начала раздавать спокойным голосом приказы, а остальные Молли откликались такими же спокойными голосами.

— Но если вы не... — спросила капитан Молли, выждав несколько секунд. — Я хотела сказать, если вы не можете мне помочь, что вы здесь тогда делаете?

— Потому что ты здесь, — спокойно ответил я. — По крайней мере я могу быть рядом с тобой.

— Если она победит... — Капитан Молли сглотнула. — Вы умрете.

Я фыркнул и ободряюще ей улыбнулся:

— В призрачном состоянии, Кузнечик, есть и свои преимущества. Я уже мертв.

— Квадрат три рушится, — доложила Молли — начальник связи. — Квадрат два — двадцать процентов.

Капитан Молли прикусила губу.

— Сколько всего квадратов? — спросил я.

— Четыре, — ответила она. — Ну, понимаете... они же квадраты.

Я хотел отпустить замечание насчет логики такого подхода, но не стал.

— А мы в квадрате номер один?

Капитан Молли кивнула.

— Боюсь... боюсь, я не смогу ее удержать, Гарри.

— Бой не закончен, пока он не закончился, детка, — сказал я. — Не давай ей побить себя. Пусть постарается.

— Смерть — не единственное возможное последствие, — вмешалась Молли-ученая. — Если Собиратель Трупов одолеет, она получит доступ к нашим способностям, воспоминаниям и знаниям. Даже при том, что в последние месяцы мы мало общались с нашими знакомыми, Собиратель сможет причинить заметный ущерб не только нашим друзьям, но и невинным людям. Это совершенно неприемлемо, капитан.

Капитан Молли перевела взгляд с Молли-ученой на меня и кивнула:

— Бой еще не кончен. Приготовьте омега-бомбу, но не приводите в действие.

— Есть! — отозвалась Молли-ученая, встала и через мостик подошла к старому деревянному шкафу рядом со старой деревянной дверью.

Я удивленно уставился на эти две детали интерьера.

— Ух ты. Какие-то они... немного не отсюда.

Капитан Молли громко рассмеялась.

— Это? Не стоит беспокойства. Не обращайтесь внимания.

Молли-ученая достала из шкафа штуковину размером с микроволновую печь, нажала кнопку на ее передней панели и поставила на пульт перед собой.

— Гм... — пробормотал я. — Омега-бомба?

— Меня Собиратель Трупов не получит, — решительно заявила капитан Молли. — Никогда.

— И в старом шкафу она лежала, потому что... А?

— Не знаю, о чем это вы, — отмахнулась капитан Молли. — Лейтенант, выведите на экран квадрат два.

Я отошел от продолжавшей сыпать приказами капитана Молли и вместо этого остановился рядом с Молли-ученой.

— Э... Капитан, похоже, не хочет, чтобы я знал, что это за дверь.

— Разумеется, нет, — ответила Молли-ученая, понизив голос. — Это дверь только для тех, кому надо.

— Почему?

— Потому что если вы знаете о ней, значит, вы единственный, кому надо о ней знать, — невозмутимо ответила она. — А если нет, вам лучше о ней и не знать. Капитан считает, что вы и так настрадались.

— Настрадался? — не понял я. — О чем это ты?

— Не могу ничего больше сказать на эту тему, — заявила Молли-ученая.

— Это я виновата, — вмешалась лейтенант Молли. — Извините. Ну, насчет шкафа и двери, да? Ничего не могу поделать.

Вам никогда не казалось, что вы стоите в комнате, полной сумасшедших людей?

Вот примерно так я себя и ощущал. И ощущение это мне не слишком нравилось.

Я смотрел на дверь и старый деревянный шкаф. Ничем особым не выдающаяся дверь — обычная распашная, только старая, обшарпанная. То же самое относилось к шкафу. Оба были покрашены коричневой краской, явно очень давно.

Оба покрылись царапинами и трещинами — не потому, что кто-то пытался их вскрыть, просто от времени.

Где-то я их уже видел.

Я задумчиво разглядывал дверь и шкаф, поглядывая время от времени на большой старый ЭЛТ-экран. Квадрат два рухнул под натиском Собирателя Трупов. Бой кипел свирепый, но Собиратель все не подставлялась, и Молли явно не удалось убить ее атомным взрывом, иначе атаки бы прекратились. Пал еще один квартал, и капитан Молли взорвала еще несколько ядерных фугасов. Потом третий — снова фугасы. В отличие от первого взрыва воплем два последних не сопровождалось. Похоже, Молли пустила кровь Собирателю, но этого оказалось недостаточно.

— Черт, — пробормотала капитан Молли, стиснув кулак и вглядываясь в экран. — Она наверняка где-то рядом. Но где?

Улицы на экране были буквально загромождены телами, и это замедляло продвижение неприятеля — но не останавливало его.

Черт. Я ощущал себя беспомощным. Просто стоять за спиной у девочки мало чем ей помогало, но я продолжал цепляться за соломинку. Я не мог ничего толком поделаться ни здесь, ни в реальном мире. Все, что я мог, — это...

...использовать свой гребаный мозг. Так-то.

— Постой-ка, — сказал я. — Есть одна мысль, Молли.

Все Молли разом повернулись в мою сторону.

Я же повернулся к капитану Молли.

— Задержи ее, — сказал я. — Тебе нужно задержать Собирателя. Любой ценой. Тебе нужно выиграть немного времени. Давай!

Капитан Молли зажмурилась. Потом повернулась и принялась сыпать командами. Все Молли на мостике начали крутить верньеры и шелкать тумблерами.

Я повернулся к Молли — начальнице связи.

— Эй, это ты заведешь здесь связью, да?

Она недоуменно покосилась на меня.

— Ну да.

— Надо установить связь, — сказал я. — Нужно сделать междугородный звонок.

— Сейчас? — удивилась, округлив глаза, Молли — начальница связи.

— Да, черт подери, сейчас же! — уточнил я, пригнулся к ее уху и коротко объяснил, что мне нужно.

— Это может оказаться непросто, — заметила она. — У нас реактор загружен на сто процентов.

Я постарался изобразить голос Шона Коннери:

— Так пусть выдаст сто десять процентов.

Молли-ученая покосилась на меня, выгнула бровь и ткнула пальцем в кнопку.

— Машинное отделение? Мостик.

— Слушаю! — взвизгнул голос Молли с сильным шотландским акцентом. — Чего еще нужно?

— Больше энергии.

В ответ послышалась очередь отборных ругательств — но низкий гул, который, оказывается, присутствовал на заднем плане все это время, чуть повысил тональность, а пол начал дрожать.

Молли-ученая махнула рукой Молли — начальнице связи.

— Валяй.

— СОС, — произнесла Молли — начальница связи в свой микрофон. — СОС. Аварийная передача. Нам срочно необходима помощь...

Пол под ногами вдруг резко накренился, и все пошатнулось.

— Ох, не верю я во весь этот вздор, — пробормотал я.

— Она нас обнаружила, капитан! — доложила Молли-ученая. — Семьдесят процентов защитного поля.

— Огонь из всех калибров! — рявкнула капитан Молли.

— Ну наконец-то, — буркнула Молли-артиллерист, сидевшая рядом с лейтенантом Молли. Ее золотой мундир почти не отличался от капитанского. Все время, пока я находился на мостике, она сидела, ничего не делая, и откровенно скучала. Теперь она повернулась и принялась щелкать переключателями. Мостик заполнился второсортными шумовыми эффектами.

— Ущерб минимальный, — доложила Молли-ученая.

Мостик снова содрогнулся, и мы пошатнулись. Один из пультов взорвался фонтаном искр. Одна из Молли в красном

мундире, которая до сих пор не произнесла ни слова, мешком осела на пол.

— Фигня! — бросила лейтенант Молли. — Извините, мой недосмотр. Есть вещи, от которых просто так не избавиться.

Тревожно взвыли сирены. Больше всего этот звук напоминал искаженный женский визг.

— Защитное поле отказало, капитан! — доложила Молли-ученая.

И потянулась к омега-бомбе.

— Нет! — рявкнул я. — Остановите ее!

Капитан Молли кинула на меня короткий взгляд и бросилась на Молли-ученую. Ей удалось дотянуться до омега-бомбы первой.

— Отставить! — скомандовала она.

— Не время для эмоций, — огрызнулась Молли-ученая. — Все кончено. Это единственное, что мы можем сделать, чтобы защитить их всех.

— Я тебе приказываю! — рычала капитан Молли.

— Ты позволяешь своему страху командовать тобой, — ледяным тоном отвечала Молли-ученая. — Это единственный логический выход.

Капитан Молли завизжала от ярости и хлестнула Молли-ученую по лицу.

Молли-ученая завизжала в ответ и врезала капитану Молли под вздох.

Заиграла музыка. Громко. На повышенных тонах. Скрипуче. Вы бы ее узнали.

— Извините! — крикнула лейтенант Молли, втянув голову в плечи.

Я бросился вперед, чтобы разнять дерущихся Молли, — и руки мои прошли сквозь них. Ну да. Я здесь всего лишь наблюдатель. Желанный, да, но если я хотел влиять на то, что здесь происходило, это надо было делать жестко — как делала это Собиратель Трупов.

Я повернулся к лейтенанту Молли:

— Черт, да сделай же что-нибудь!

— Не могу, — неуверенно пробормотала она. — Они такие с тех самых пор, как вас убили.

Я уставился на Молли и почувствовал, что стою, разинув рот.

Время остановилось.

Дверь. Старая деревянная дверь.

Шкаф, в котором Молли держала свой агрегат для самоубийства.

Я повернулся в их сторону.

В голове эхом зазвучал голос моей крестной.

...В настоящий момент ты свободен от оков смертности. Твой ограниченный мозг не блокирует тебе больше доступа к этим записям. Единственные ограничения твоей памяти — это те, что установил ты сам.

Я вспомнил эту дверь. И этот шкаф.

Я вспомнил прошлое.

Саня настоял, чтобы по дороге в церковь Святой Марии Ангелов — после того как сгорел мой дом — меня привязали к доске. Смуглокожий Рыцарь Креста сам перенес меня из микроавтобуса в церковь — доску и мои пару сотен фунтов веса с гаком, как будто я был не тяжелее мешка сухого собачьего корма.

Молли шла перед ним и что-то торопливо кому-то объясняла. Не знаю кому — наверное, одному из священников. У меня болели все части тела, которые я еще мог ощущать. Что же до тех, которых я не ощущал, то я только жалел, что они не болят.

Все мое тело ниже пояса отказывалось со мной разговаривать.

Я упал с лестницы, пытаюсь вытащить моих пожилых соседей из горящего дома. Упал погано — спиной на каменный бортик клумбы. До сих пор мне везло. Но не на этот раз. Я понимал, что означает это падение, место, которым я врезался, и отсутствие ощущений в нижней части тела.

Я сломал позвоночник.

Красный Король похитил мою дочь. Я единственный, кто мог хоть что-то с этим поделать. Но я упал и сломал себе спину.

Саня отнес меня в подсобку, которая использовалась в качестве кладовой — ну, например, для хранения побитого

сражениями чародея и его друзей, когда им требовалось убежище, а церковь его предоставляла. У стены стояло несколько сложенных раскладушек. Саня опустил меня на пол, разложил одну из них, накрыл парой одеял, а потом вместе с доской уложил сверху.

— С таким же успехом могли бы оставить меня и на полу, — сказал я. — Все равно я лежу на жестком.

— Тьфу, — отмахнулся Саня, и его симпатичное смуглое лицо осветилось белозубой улыбкой. — Очень мне надо отмывать после вас пол. А простыни кто-нибудь другой стирает.

— От кого слышу, — хмыкнул я. — От вас от самого разит горелой шерстью.

— Ну а как еще с пожара? — жизнерадостно отозвался он. Глаза его, однако, оставались серьезными. Он положил руку мне на грудь. — Вы тяжело ранены.

— Угу.

— Выпить хотите? — предложил он. Рука его зависла перед нагрудным карманом куртки, где, как я знал, у него хранилась фляжка.

— Я — пас. Мне, может, еще предстоит повоевать.

Он снова неодобрительно фыркнул, достал-таки означенную фляжку, сделал большой глоток и подмигнул мне.

— Я не так хорошо знаю английский. Это означает «да»?

В дверях показалась Молли, и Саня повернулся к ней.

— Он едет, — сказала Молли. Голос ее звучал напряженно. День для нее выдался не такой неудачный, как для меня, но и ей досталось.

Саня предложил ей свою фляжку. Молли мотнула головой.

— Ладно, — сказал здоровяк-русский. — Пойду поговорю с Фортхиллом. Расскажу, что происходит.

— Саня, — произнесла Молли, положив руку ему на рукав. — Спасибо.

Он одарил ее широкой улыбкой.

— Возможно, я просто случайно оказался рядом.

Молли закатила глаза и чуть подтолкнула его к двери. При Санином весе это бы его даже не пошевелило, но он послушно вышел. Молли зажгла настольную лампу и закрыла за ним дверь. Потом подошла ко мне и достала из

сумки пару влажных салфеток. Опустившись на колени рядом с раскладушкой, она надорвала упаковку и принялась вытирать мне лицо.

Я закрыл глаза и не сказал ничего.

Моя дочка, моя маленькая девочка умрет.

Моя дочка, моя маленькая девочка умрет.

И я ничем не мог этому помешать.

Ну да, мне и прежде случалось терпеть поражение. Из-за моих неудач погибали люди. Но все те люди не были моими собственными плотью и кровью. Не были моими детьми. Я проиграл. Меня побили.

Все кончено.

И все по твоей вине, Гарри.

Будь я быстрее. Будь я умнее. Будь я решительнее, сделай я верный выбор, сосредоточься я на спасении Мэгги, отложив все остальное на потом...

Но я не справился. Вызов оказался мне не по зубам, и ей из-за этого предстояло умереть.

Я ощущал себя раздавленным. Совершенно раздавленным. Ноша оказалась мне не по плечам. А дальше мне не оставалось ничего, кроме как раскаиваться в этом до конца дней. Я подвел свою дочь.

В груди у меня все сжалось. Я всхлипнул, а в глазах все расплылось, пока я не перестал видеть вообще ничего.

Молли сидела рядом, терпеливо вытирая мне салфетками лицо и шею. Должно быть, я весь перепачкался сажей. Когда глаза мои вновь обрели способность видеть, салфетки уже стали серо-черными, а лицо пощипывало.

— Мне нужно ей помочь, — тихо произнес я.

— Гарри, не надо. Не сыпьте вы соль на рану, — отозвалась Молли. — Сейчас вам нужно не шевелиться — пока Баттерс не приедет вас осмотреть.

— Зря ты его в это дело впутала, — заметил я.

— Я его даже не просила, — возразила она. — Я даже двух слов сказать не успела, а он спросил, где вы. А потом сказал, что приедет и посмотрит вас.

Я покачал головой:

— Нет, я совсем не это... — Я набрал в грудь побольше воздуха. — Детка, я собираюсь переступить черту.

Молли застыла с поднятой рукой.

— Но мне одному не встать с этой постели, — тихо продолжал я. — У меня нет другого выбора.

Вращаясь в тех кругах, что и я, вы не раз получите предложения силы и власти. Не бесплатно, хотя цену обычно скрывают, но власть и силу предлагают. У меня имелась не одна и не две возможности улучшить свою жизнь — если, конечно, я согласился бы отказаться ради этого от мелочей вроде моего «я». Я не соглашался.

До этого самого дня.

— Кто? — просто спросила Молли.

Я скривил уголок губ.

— Они все стоят друг друга, — ответил я.

Она покачала головой:

— Но... но если вы пойдете на службу к любому из них...

— Меня превратят в чудовище, — договорил я за нее. — Рано или поздно.

Она не смотрела на меня.

— Я не позволю такому произойти, — сказал я. — Насколько я могу судить, я превращусь в нечто, способное причинить вред Мэгги. Но возможно, я мог бы воспользоваться этим, чтобы спасти ее от опасности.

Молли с шумом втянула воздух и посмотрела на меня.

— Лучше всего Мэб, — сказал я. — Она чертовски хитра, но не всесильна и не неуязвима. Я обводил уже фей вокруг пальца. Смогу и еще раз.

Она снова вздохнула:

— Вы станете Зимним Рыцарем? — Она тряхнула головой. — А если она не согласится? Ну не захочет, и все?

Я негромко усмехнулся:

— О, еще как захочет. Если я предложу, она согласится. Она слишком долго за мной охотилась.

— Я не понимаю, — призналась Молли. — Она... она же исказит вас. Изменит. Так всегда происходит.

Я пошевелился и положил руку ей на локоть.

— Молл... что бы ни случилось, я не доставлю ей такого удовольствия.

Секунду она молча на меня смотрела. Потом покачала головой. Из глаз покатились слезы.

— Молли. — Я погладил ее руку. — Детка... Всему свое время.

— Не надо, — выдохнула Молли. — Не начинайте цитировать мне Библию. Не сейчас.

— Библию? — удивился я. — Я цитировал вовсе «Бёрдз».

Она всхлипнула — это могло означать и плач, и смех.

— Послушай меня, Молл. Ничто не вечно. Ничто. И если уж мне выбирать между собой и дочерью? Тут даже и выбора нет. Да ты это и сама знаешь.

Она низко наклонила голову и расплакалась. Но я увидел, что она кивнула. Чуть заметно, но кивнула.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал я.

Она подняла на меня взгляд покрасневших глаз.

— Мне нужно кое-что устроить. Но Мэб вряд ли будет мне доверять. Она хорошо знакома с моей карьерой, и если я буду знать, что происходит, она сможет распознать, что я ей лгу. И вряд ли я смогу утаить это от нее.

— Нет, — согласилась Молли, шмыгая носом и проводя рукой по глазам. — Не сможете. Врать вы, босс, так и не научились.

— Людям, которые меня знают, — нет, не научился, — улыбнулся я. — Ты понимаешь, о чем я тебя прошу?

Она прикусила губу.

— А вы точно... Вы хоть понимаете, что это будет значить для меня, когда вы... когда...

— Умру, — тихо договорил я. — Думаю, этим займутся Эбинизер или Индеец Джо. Они продолжат твоё обучение. Они оба знают, как я оберегал тебя от суда Совета.

У нее вдруг сделался ужасно усталый вид. Она чуть покачала головой:

— Я не об этом.

— Ох, — сказал я.

Молли втюрилась в меня еще подростком. Я никогда особо об этом не задумывался. Ну, то есть все это тянулось уже много лет, а...

...а раз втюрившись, вряд ли сохраняешь это надолго. Ведь правда? Влюбленность проходит. Ну, не знаю насчет Молли, но я ее не поощрял. Я любил ее всем сердцем, но романа у нас не было и не могло быть.

Особенно если я умру, решил я.

Вот поменяйся мы местами, мне бы это тоже было бы трудно принять.

Я снова осторожно потрепал ее по руке.

— Прости. За то, что не удалось побыть подольше. Все могло бы стать по-другому.

— Да вы мне никогда и ничего плохого не сделали, Гарри! — возмутилась Молли. Она задрала подбородок и снова встретила со мной взглядом. — Дело ведь не во мне, правда? Дело в Мэгги. — Она кивнула, и я увидел, как распрямилась ее спина. — Разумеется, я вам помогу.

Я поднес ее пальцы к губам и легонько поцеловал.

— Ты просто черт знает какая женщина, Молли. Спасибо.

Она поежилась.

— Как вы хотите все проделать? — спросила она.

— Принеси мне телефон, — сказал я. — Тебе не нужно слушать. Будет лучше, если ты не будешь знать.

— Ладно. А потом?

— Потом ты вернешься сюда. Заставишь меня заснуть. И сотрешь у меня из головы воспоминание об этом разговоре и о звонке.

— Как? — спросила она. — Если я оставлю заметные брешки, это может причинить вам вред — и уж Мэб с ее могуществом сумеет это заметить.

Я немного подумал.

— Я дремал в машине по дороге сюда. Сделай так, будто я не просыпался, оказавшись здесь, — до тех пор, пока не проснусь после твоей операции.

Она обдумала это.

— Может и сработать. Если я проделаю все достаточно медленно, даже шрама не останется.

— Значит, так и сделай.

Она встала, подошла к старому, обшарпанному деревянному шкафу у стены и отворила дверцу. Помимо всякого прочего хлама, в нем стоял старый, с дисковым набором телефон на длинном шнуре. Отец Фортхилл сам протянул сюда провод через гипсокартонную перегородку от розетки в соседней комнате. Она принесла телефон и осторожно поста-

вила мне на грудь. Потом пошла к двери — такой же старой, обшарпанной.

— Вы же понимаете, — произнесла она, задержавшись у двери, — что я могу все это изменить, Гарри. Что могу выяснить, кого вы хотите использовать, чтобы убить себя. Я могу выудить это у вас из головы, позвонить и все отменить. А вы и не узнаете.

— Ты можешь сделать так, — тихо ответил я. — И я ощущаю себя совершеннейшим ублюдком, прося это у тебя, Кузнечик. Но мне больше некого просить.

— Вы могли бы позвонить Томасу, — возразила она. — Он заслуживает правды.

Томас. Мой брат. Моя семья. Когда меня не станет, он останется единственным родственником Мэгги. И Молли говорила верно. Он заслуживал правды.

— Нет, — произнес я чуть слышно. — Расскажешь ему потом, если захочешь. После. Если расскажешь раньше, он не стерпит. Попытается помешать.

— А может, это и правильно?

— Нет, — так же тихо ответил я. — Неправильно. Но он все равно попытался бы. Это мой выбор, Молл.

Она взялась за дверную ручку, но снова задержалась.

— Вы никогда раньше не называли меня «Молл».

— Приберегал на потом, — хмыкнул я. — На те времена, когда ты перестанешь быть моей ученицей. Хотел проверить, как выйдет.

Она улыбнулась мне. Смахнула слезинку.

А потом вышла.

Минуту я собирался с духом. Потом набрал заграничный номер.

— Кинкейд, — отозвался в трубке ровный голос.

— Это Дрезден, — сказал я.

Голос чуть потеплел:

— Гарри? Что случилось?

Я сделал глубокий вдох.

— За вами должок, — тихо сказал я. — За ту историю с Ивой на острове.

— Чертовски верно, — согласился он.

— Вот, прошу вернуть.

— Хорошо, — сказал он. — Вам нужна поддержка или что-то такое?

— У меня для вас мишень.

На другом конце провода помолчали.

— Рассказывайте, — произнес он наконец.

— Новый Зимний Рыцарь, — сказал я.

— А что, уже есть?

— Будет, — заверил я.

— Откуда вы... — Снова молчание. — Угу, ясно, — сказал он.

— Есть серьезная причина, — сказал я.

— Правда?

— Есть одна маленькая девочка.

Снова молчание.

— Вы ведь будете ожидать этого.

— Нет, — возразил я. — Не буду. Я приму меры.

— Хорошо, — согласился он. — Когда?

Мою дочку собирались убить где-то до следующего рассвета. Я прикинул — сколько-то времени должно уйти на то, чтобы найти ей пристанище. Если, конечно, меня не убьют в процессе.

— Завтра, после полудня, — ответил я. — Чем раньше, тем лучше.

— Хорошо.

— Сможете меня найти?

— Да.

— Надеюсь, — сказал я.

— Я всегда плачу долги.

Я снова вздохнул.

— Угу. Спасибо.

Он негромко усмехнулся:

— Надо же. Вы благодарите меня. Это что-то новенькое.

И повесил трубку. Я тоже. Потом позвал Молли.

— Ладно, — сказал я. — Давай займемся делом.

Молли взяла телефон и убрала его обратно в шкаф. Потом взяла свежую, длинную свечу в подсвечнике и коробок спичек. Вернувшись ко мне, она поставила свечу на складной столик, где я мог видеть ее, не двигая головой. Чиркнув спичкой, она засветила свечу.

— Ладно, — произнесла она. — Гарри, работа будет долгая, тонкая. Сосредоточьтесь на свече. Для работы мне нужно, чтобы вы находились в полном покое.

Странное это было ощущение, когда Кузнечик командовала. Наверное, для того я и занимался ее обучением. Я сфокусировал взгляд на свече и постарался успокоить мысли.

— Хорошо, — произнесла Молли спустя минуту мягким, бархатным голосом. — Расслабьтесь. Вдохните — медленно, не спеша. Хорошо... Слушайте, что я буду говорить. Теперь еще глубокий вдох...

Вот так, с помощью моей ученицы, я и устроил свое убийство.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Я вынырнул из воспоминания, дрожа и озираясь в полном замешательстве. Я все еще находился в ментальном мире Молли, на дурацком капитанском мостике. Здесь царила тишина. Абсолютная тишина. Никто не шевелился. Изображения на экранах, стрелки на циферблатах, все до единой Молли — все застыли. Все, что происходило в битве, происходило со скоростью мысли — молниеносно быстро. Имелась лишь одна причина, по которой все здесь могло замереть вот так, в самый разгар событий.

— Опять, значит, дребедень с пространством-временем, да? — Голос мой прозвучал хрипло, неровно.

За моей спиной послышались шаги, и в комнате сделалось светлее. Спустя всего секунду свет достиг такой интенсивности, что мне пришлось прикрыть глаза рукой.

Потом свет чуть померк. Я снова открыл глаза и обнаружил себя в лишенном примет белом пространстве. Я даже не знаю, на чем я стоял и стоял ли я вообще. Вокруг не было ничего, кроме белого цвета...

...и молодого мужчины с золотой шевелюрой, беспорядочно падавшей на серебряно-голубые глаза. Его скулами, наверное, можно было резать хлеб.

— Это самый простой способ помочь вам понять.

— Не маловато ли роста для архангела? — поинтересовался я.

Уриил улыбнулся мне. От такой улыбки расцветают цветы, а младенцы начинают радостно гукать.

— Сойдет. Должен признать, лично я больше люблю «Звездные войны», а не «Звездный путь». Простое деление на добро и зло, на идеальное добро и идеальное зло — все это расслабляет. Я словно молодею.

Некоторое время я молча смотрел на него, пытаюсь собраться с мыслями. Вернувшееся ко мне воспоминание болезненно живо стояло перед глазами. Господи, бедная девочка. Молли. Я не хотел причинять ей боли. Она сама вызвалась помочь мне, и она проделала все это в полном сознании — но, видит Бог, я не желал ей такого. Она испытывала такую боль, и теперь я понимал почему — и понимал, почему сумасшествие, которое она имитировала, могло оказаться куда более реальным, чем ей казалось.

Вот, должно быть, почему Мёрфи относилась к ней с таким недоверием. У Мёрфи великолепное чутье на людей. Должно быть, она ощутила в Молли что-то такое, ощутила движущие ею боль и отчаяние, и это не могло не нажать на кнопку тревоги в голове у Мёрфи. Что не могло не ранить чувств Молли — подозрение, недоверие, как бы осторожно ни держала себя Кэррин. Эта боль, в свою очередь, должно быть, оттолкнула ее еще дальше, заставляла вести себя еще более странно, что вызывало еще большее подозрение... и так далее, виток за витком.

Я никогда не желал ей такого.

Что я наделал?

Я спас Мэгги, но не уничтожил ли я при этом свою ученицу? Если так, то, что меня самого при этом убили, ни капельки меня не оправдывало. Нельзя ведь разгуливать, просто выбирая, чью жизнь спасти, а чью уничтожить. Врожденное невежество, недооценка зла подобных вещей слишком глубоко укоренились в человеке, чтобы их избежать, — какими бы благими намерениями вы ни руководствовались.

Я понимал, почему Молли хотела заставить меня рассказать обо всем Томасу. Она понимала, что Томас попы-

тался бы удержать меня от самоубийства — вне зависимости от моих мотиваций. Но она была права и еще в одном: он мой брат. Он заслуживал большего, чем я ему дал. Вот почему я даже не думал о нем с момента возвращения в Чикаго. Как я мог вспоминать брата, не вспоминая при этом того стыда, который испытывал из-за того, что не доверился ему? Как мог я думать о Томасе, не думая о том, что совершил?

Наверное, я даже не поверил бы, что способен стать человеком, который может заставить себя забыть о чем-то, не думать о чем-то, вместо того чтобы посмотреть правде в лицо, какой бы болезненной она ни оказалась.

Впрочем, какой уж из меня идеал...

Молодой мужчина терпеливо, не говоря ни слова, ждал, пока я соберусь с мыслями.

Уриил. Черт, я мог бы догадаться с самого начала. Уриил — архангел, о котором людям известно очень немного. Большинству его имя даже неизвестно — и, судя по всему, его это вполне устраивает. Если Гавриил — вестник, Михаил — генерал, Рафаил — целитель и духовный пастырь, то Уриил — повелитель шпионов, тайный агент Рая. Уриил проворачивает для Всевышнего всю неофициальную работу. Когда загадочные, не открывающие своих имен ангелы слетают с неба, чтобы биться бок о бок с библейскими патриархами, когда смерть надвигается на перворожденных в Египте, когда ангел выводит невинных из обреченного на серу небесную, погрязшего в грехах города, — значит, ко всему этому приложил свою руку Уриил.

Из всех архангелов он самый тихий. А это, с моей извращенной точки зрения, возможно, означает, что он также и самый опасный.

Он обратил на меня свое внимание несколько лет назад, одарив меня источником силы, известным как Огонь Души. С тех пор я два или три раза работал на него. Время от времени он возникал с издевательскими или загадочными советами. Мне он, пожалуй, симпатичен, хотя может и раздражать, и страшить — страшить, как ничто другое. Есть в нем что-то такое... чудовищно абсолютное. Что-то, что не поддастся, не изменится даже тогда, когда вся Вселенная провалится в

тартарары. В его присутствии я всегда ощущаю себя таким хрупким, что мог бы рассыпаться в пыль, если тот вдруг чихнет или шевельнет не тем мускулом.

Что — с учетом силы, которой обладает это создание, — возможно, не так далеко от истины.

— Так все это, — я неопределенно махнул рукой, — имело целью привести меня сюда? К тому воспоминанию?

— Вы должны были понять.

Я внимательно посмотрел на него.

— Эпический. Провал, — устало произнес я. — Потому что я даже представления не имею, о чем вы говорите.

Уриил склонил голову набок и рассмеялся.

— Это из тех притч, в которых главное не цель, а путь.

Я покачал головой:

— Вы... вы меня потеряли.

— Вовсе нет, Гарри. Это вы нашли себя.

Я устало смотрел на него, потом схватился рукой за волосы.

— Гррррр! Вы что, прямого ответа не можете дать? Это что, специальный закон Вселенной такой, заставляющий вас говорить гребаными загадками?

— На самом деле — несколько, — улыбнулся Уриил. — И все ради вашей защиты. Однако имеется пара вещей, которые я могу вам поведать.

— Тогда скажите мне зачем, — сказал я. — Зачем все это? Зачем было заманивать меня обратно в Чикаго? Зачем?

— Джек вам говорил, — ответил Уриил. — По отношению к вам смошенничали. Необходимо было восстановить равновесие.

Я тряхнул головой.

— Эта контора в Чикаго, что Между Тут. Она ваша.

— Одна из нескольких, — кивнул он. — У меня очень большой объем работы. Я вербую тех, кто готов мне помогать.

— Что за работа? — поинтересовался я.

— Та же, которой я занимался всегда, — ответил Уриил. — Мы с коллегами работаем ради установления свободы.

— Свободы чего?

— Свободы воли. Свободы выбора. Разница между добром и злом лишена смысла, если нет свободы выбора между

ними. Это мой долг, моя цель в процессе Творения — защищать и поддерживать этот смысл.

Я прищурился.

— Значит... Если вы каким-то образом замешаны в моей смерти... — Я склонил голову набок и посмотрел на него в упор. — То это оттого, что кто-то заставил меня пойти на это?

Уриил помахал рукой — типа примерно так — и, повернувшись, отошел на несколько шагов.

— Это предполагает чужую волю, пересиливающую вашу, — сказал он через плечо. — Однако у вашей воли не один способ сбиться с пути.

Я, нахмурившись, смотрел ему вслед, потом в глубине сознания забрезжило прозрение.

— Ложь.

Архангел повернулся, приподняв брови, словно я — туповатый студент, ошарашивший своего преподавателя проницательным ответом.

— Да. Именно так. Когда в ложь верят, она ограничивает свободу вашей воли.

— И что? — спросил я. — Капитан Джек и его Служба Безопасности Чистилища спешат на помощь всякий раз, когда кто-то произносит ложь?

Уриил рассмеялся:

— Нет, конечно, нет. Смертные вольны врать, если им так нравится. Если бы они не могли делать этого, они не были бы свободны. — Взгляд его сделался жестче. — Но другие должны придерживаться более высоких стандартов. Их ложь куда опаснее, куда мощнее.

— Не понимаю, — признался я.

— Представьте себе существо, находившееся здесь еще при первом вдохе первого смертного, — начал Уриил. Жесткие, злобные отблески света плясали вокруг нас, различные даже сквозь бесформенную белую массу. — Наблюдавшее за человечеством, пока то восставало из грязи, распространялось по миру и меняло самое лицо этого мира. Существо, видевшее — в буквальном смысле слова — начало, расцвет, закат и конец десятков тысяч смертных жизней.

— Кого-то вроде ангела, — тихо предположил я.

— Кого-то вроде того, — согласился он, блеснув на мгновение белозубой улыбкой. — Существо, которому ведома вся жизнь смертного. Его сны. Его страхи. Даже его мысли. Такое существо, столь искушенное в природе человеческой, в образе мышления смертных, способно довольно точно предсказать, как будет реагировать смертный почти на все. — Уриил махнул рукой в мою сторону. — Ну, например, как тот будет реагировать на ложь, поданную в абсолютно идеальный момент.

Уриил махнул рукой, и мы вдруг оказались все в той же подсобке церкви Святой Марии. Только я не лежал на доске поверх раскладушки. То есть, точнее, я именно это и делал, но при этом я еще и стоял у двери рядом с Уриилом, глядя на самого себя.

— Помните, что вы тогда думали? — спросил меня Уриил.

Я помнил. Говоря точнее, я помнил все с кристальной ясностью.

— Я думал, что мне уже приходилось терпеть поражение. Что из-за моих промахов погибали люди. Но что эти люди — не моя плоть и кровь. Не мой ребенок. Что я проиграл. Что меня побили. — Я тряхнул головой. — Я помню, как сказал себе, что все кончено. И что все это по моей, Гарри, вине.

— А, — кивнул Уриил, дослушав меня до конца, и поднял руку. — Теперь смотрите.

Я удивленно заморгал, но послушно уставился на себя, лежавшего на раскладушке.

— Я не... — начал я и нахмурился. Что-то странное показалось мне в тенях, а еще...

— Вон, — произнес Уриил, подняв руку. Свет лился из нее, словно из внезапно открывшегося окошка. Он осветил всю комнату, обозначив все находившееся в ней еще рельефнее, — и тут я увидел.

Стройная тень пригнулась у раскладушки — неясная, почти неразличимая даже в свете Уриила, но она здесь определенно присутствовала, нашептывая что-то мне на ухо.

— И это все по твоей вине, Гарри.

Мысль, воспоминание о ней мгновение звенели эхом у меня в голове, и я поежился.

— Этот... эта тень. Это ангел?

— Был когда-то, — ответил он, и голос его звучал совсем мягко — и бесконечно горько. — Очень, очень давно.

— Один из Падших, — выдохнул я.

— Да, конечно. Который знал, как лгать вам, Гарри.

— Ну, пожалуй. Корить себя за собственные ляпы не совсем в мо... то есть совсем на меня непохоже, дружище.

— Я знаю, и этот, — он кивнул в сторону тени, — тоже. И ложь сделалась еще разрушительнее, поскольку против вас использовали вашу же тактику. Это создание знало, что делает. Тут главное — расчет. В абсолютно точный момент, при абсолютно нужном состоянии ума одного-единственного слова, внедренного в ваши мысли, достаточно, чтобы подтолкнуть вас к нужному решению. — Уриил посмотрел на меня и слабо улыбнулся. — Оно добавляет нужное количество злости, угрызений совести, самобичевания и отчаяния и заставляет прийти к выводу, что самоуничтожение — единственный оставшийся у вас выход. Это лишает вас свободы. — В глазах его снова появилась сталь. — При возможности я стараюсь обезвредить действия такого рода. Когда у меня нет такой возможности, мне позволено восстанавливать равновесие.

— И все равно не понимаю, — сказал я. — Как мое возвращение в Чикаго на несколько ночей может восстановить равновесие?

— О, само по себе не может, конечно, — согласился Уриил. — Боюсь, я могу служить единственно зеркалом противозаконной акции.

— Вы... что, тоже нашептали мне пару слов на ухо?

— Нашептал. Но не два, а семь, — уточнил он. — То, что вы сделали, было... осознанно.

— Осознанно? — переспросил я.

— Прямого отношения к вашему возвращению я не имел. По моему суждению, это должно было произойти, — но требовать, чтобы вы вернулись в Чикаго, никто не мог, — спокойно произнес Уриил. — Вы вызвались добровольно.

Я закатил глаза.

— Ну да. Конечно. Потому что троим моим друзьям угрожала смерть, если бы я отказался.

Уриил выразительно заломил бровь. Потом полез в карман куртки и достал сотовый. Он нажал пару кнопок, включил громкую связь, и я услышал гудки.

— Мёрфи, — отозвался баритон капитана Джека.

— Что этот Дрезден говорит мне насчет трех друзей, которым грозила опасность?

— Дрезден... — отсутствующим тоном произнес Джек, словно роясь в памяти и не находя ничего.

Уриил, похоже, начал немного раздражаться. Он явно не купился на этот тон.

— Высокий, тощий, бесцеремонный, посланный в Чикаго искать своего убийцу?

— А, этот, — сказал Джек. — Вы о нем?

— Да, — сказал Уриил.

Последовала бесхитростная пауза.

— Так что с ним? — спросил Джек.

Уриил, благослови Господь его ангельское сердце, зажмурился на минуту и несколько раз вдохнул-выдохнул.

— Колин, — укоризненным родительским тоном произнес он.

— Ну, мог сказать что-то в этом роде, — сказал Джек. — А что? У парня куча друзей. Друзья бегают по городу и сражаются с монстрами. Я так прикинул, по меньшей мере трое из них пострадают, если он им не поможет. По мне, так вполне логично.

— Колин, — повторил Уриил голосом, полным бездонного разочарования и еще капельки злости. — Вы солгали.

— Я предположил, — возразил капитан Джек. — И направил его на правое дело, разве не так?

— Колин, наша цель — защищать свободу, а не решать, как ею пользоваться.

— Все, что я ему сказал, формально более или менее правда, и работу в результате сделали, — упрямо заявил Джек. — Послушайте, сэр, будь я безупречен, я вряд ли работал бы здесь. Так ведь?

И дал отбой. Так просто взял и нажал на кнопку. Говоря с гребаным архангелом.

Я ничего не мог с собой поделать. Я расхохотался.

— Меня заманили во всю эту историю с... Блин-тарарам, и вы даже не догадывались, что он... Большой злой ангел, а мозги вам запудрили, как... Ох! — Я бросил попытки говорить и просто ржал.

Уриил посмотрел на меня, потом на телефон, убрал его в карман и снова поднял взгляд. Все это его, похоже, мало выбило из колеи.

— Не имеет значения то, что я, как мне кажется, хорошо изучил ваше племя, Гарри. Ему вечно удастся найти повод испытать мое терпение.

Мне понадобилось не меньше минуты на то, чтобы совладать со своим смехом, но мне это все же удалось.

— Послушайте, Ури, не хочу сказать, что...

Архангел смерил меня взглядом столь ледяным, что слова застыли у меня в горле.

— Гарри Блекстоун Копперфилд Дрезден, — тихо произнес он — и сделал это абсолютно верно, назвав мое Имя голосом, полным той абсолютной власти, которая так действовала мне на нервы. — Не пытайтесь фамильярничать с моим именем. Та его часть, которую вы опустили, имеет существенное значение для того, кем и чем я являюсь. Вы меня поняли?

Я не понял. Но его слова дали мне знать — не заподозрить, но знать наверняка, — что этот парень одной своей мыслью способен уничтожить меня вместе с планетой, на которой я стою. Точнее, если то, что я читал об архангелах, правда, Уриил мог разнести в пыль все планеты. Все до единой. Во всей Вселенной.

А еще я знал: то, что я только что сделал, оскорбило его. И... и напугало.

Я сглотнул. Со второй попытки, но я все-таки смог выдать из себя чуть слышный шепот:

— Разве мы сегодня не Мистер Солнечный Свет?

Уриил зажмурился. На мгновение он показался не совсем уверенным в себе.

— Мистер Солнечный Свет? — произнес он наконец. — Полагаю, это вполне приемлемо.

Я кивнул.

— Прошу прощения, — сказал я. — Насчет имени. Я не думал, что это настолько... гм...

— Интимно, — тихо сказал он. — Болезненно. Имена, Дрезден, обладают чудовищной силой. И все же вы, смертные, треплете их так и сяк, будто это игрушки. Это все равно что видеть, как дети играют порой ручными гранатами. — Тень улыбки пробежала по его лицу, когда он покосился на меня. — Некоторые имена сильнее других. И конечно, я вас прощаю.

Я поклонился. Потом, выждав паузу, снова посмотрел на него.

— И что дальше? — спросил я.

— Это уже зависит от вас, — ответил Уриил. — Вы можете работать на меня. Верю, что вы обнаружите это захватывающим, — а у меня гарантированно найдется применение некоторым вашим способностям.

— Это надолго? — спросил я. — Ну, то есть... для парней вроде капитана Джека? Навсегда?

Уриил улыбнулся:

— Джек, как и остальные, со мной потому, что он еще не готов встретить то, что следует дальше. Когда будет готов, он сделает этот шаг. Пока время еще не пришло.

— Что вы имеете в виду, говоря «то, что следует дальше»?

— Ту часть, которая включает в себя слова «вечность», «бесконечность» и «суд».

— О, — сказал я. — Вот, значит, Что Дальше.

— Именно так.

— То есть я могу остаться Между Тут, — тихо предположил я. — Или попробовать сесть на тот поезд.

— Если вы выберете второе, — сказал Уриил, серьезно глядя на меня, — вам придется принять последствия всего, что вы делали при жизни. На суде все, что вы делали, будет учтено. Ваша судьба будет, таким образом, решена вашими прижизненными действиями.

— То есть вы говорите, что если я буду работать на вас, мне просто придется принять то, что будет?

— Я говорю, что вам не избежать последствий принятых вами решений, — возразил он.

Некоторое время я хмуро на него глядел.

— Но если я сяду на поезд, он может отвезти меня прямо в Ад.

— Об этом я с вами говорить не могу. То, что следует дальше, имеет отношение к вере, Гарри. Не к знанию.

Я скрестил руки на груди.

— А если я и дальше останусь призраком?

— Не останетесь, — ответил Уриил. — А если бы и остались, я бы напомнил вам, что ваше духовное состояние близко к полному распаду. Вы бы не продержались долго в виде тени, а сил помогать вашим друзьям и защищать их у вас тоже не будет. А в случае если бы вы сошли с ума, вы бы сами превратились в угрозу для них. Впрочем, если ваше желание таково, я мог бы вам в этом посодействовать.

Я тряхнул головой, пытаясь заставить ее думать.

— Это... Это зависит не только от меня, — сказал я.

— От чего же?

— От моих друзей, — тихо ответил я. — От моей семьи. Я должен знать, что с ними все в порядке.

Уриил внимательно на меня посмотрел, покачал головой и открыл рот, собираясь что-то сказать.

— Стойте, — оборвал я его, наставив на него палец. — Даже не пробуйте заставлять меня делать выбор вслепую. Капитан Джек попотчевал меня полуправдой, заставившей меня снова носиться по Чикаго. Другой ангел нашептал мне ложь, в результате которой меня убили. Если вас действительно так заботит свобода моего выбора, вы бы сами хотели помочь мне сделать его по-настоящему свободно, осознанно, обладая всей информацией. Как положено взрослому человеку. Так что или признайте, что пытаетесь подтолкнуть меня в нужном вам направлении, или положите свои принципы сами знаете куда и сделайте типа подарок Духа на Рождество.

Долгую минуту он, хмурая бровь, смотрел на меня, потом кивнул:

— С вашей точки зрения... да, полагаю, это выглядит примерно так. — Он кивнул увереннее и протянул мне руку. — Держитесь.

Я послушался.

Белая бесконечность снова уступила место реальности. Только что я находился неизвестно где, а секунду спустя сно-

ва был рядом с Уриилом в убежище Собирателя Трупов, где происходил последний бой. Молли стояла на верху лестницы, привалившись спиной к стене. Тело ее содрогалось, грудь вздымалась в попытках глотнуть воздух. Из ноздрей стекали струйки крови, сосуды в глазных яблоках тоже покраснели. Она негромко вскрикивала, охала и шептала короткие фразы из слов, лишенных для меня какого-либо смысла.

Уриил вновь проделал свой фокус со светящейся рукой, и я вдруг увидел Молли отчетливее — вокруг нее обвивалась какая-то жуткая темная масса. Ни дать ни взять — стискивающий свою жертву питон. Она состояла из скользких, желеобразных волокон, алых и черных, сплошь покрытых источающими зловоние нарывами.

Собиратель Трупов.

Поединок Молли с Собирателем еще не закончился.

У ног Молли лежало безжизненное, неподвижное тело Баттерса. А его тень — теперь-то я разглядел, что ее удерживала одна из тех же нитей черной магии Собирателя Трупов, — стояла на том самом месте, где я ее видел в последний раз, с ужасом глядя сверху вниз на собственное тело. Внизу, в щитовой, лежали, скованные этой же магией — ну или ее сонной разновидностью, — Мёрфи и волки.

Молли всхлипнула, и я снова перевел взгляд на верх лестницы. Ноги ее подогнулись, и она, в ужасе вращая глазами, осела на ступеньки. Губы зашевелились увереннее, голос окреп. И сделался темнее. Секунду или две с губ ее срывался омерзительный, полный злобы и ненависти смех Собирателя Трупов. Жуткая скользкая масса начала просто впитываться в кожу девушки.

— Сделайте что-нибудь, — обратился я к Уриилу.

Он покачал головой:

— Я не могу вмешиваться. Молли сама избрала этот бой. Она понимала риск и сама решила на него пойти.

— Она недостаточно сильна! — прорычал я. — Ей не устоять перед этой тварью!

Уриил изогнул бровь.

— Уж не думаете ли вы, Гарри, что она не знала этого с самого начала? Знала, но на это пошла.

— Потому что чувствовала себя виноватой, — не сдавался я. — Потому что винит себя в моей смерти. Она в той же лодке, что и я.

— Нет, — возразил Уриил. — Ее пути не искажал ни один из Павших.

— Нет, — согласился я. — Я сам искажил. И только потому, что на меня повлиял один из них.

— Как бы то ни было, — вздохнул Уриил, — этот выбор сделали вы — и она.

— И вы так и намерены просто стоять и смотреть? — спросил я.

Уриил скрестил руки на груди и побарабанил пальцем по подбородку.

— Гмм. Похоже, она все-таки заслуживает некоторой помощи. Возможно, если бы у меня хватило ума последить за тем, чтобы та или иная сила вмешалась, чтобы восстановить равновесие, чтобы подбодрить ее хотя бы немножко, воодушевить... — Он с досадой покачал головой. — Все могло бы обернуться совсем по-другому.

И словно по сигналу в щитовую, хромая, вступил из нижнего коридора Мортимер Линдквист, эктомант, сопровождаемый по пятам тенью сэра Стюарта.

Морти огляделся по сторонам, и взгляд его темных глаз упал на Молли.

— Ага, — прохрипел он. — Ты. Наглая призрачная сука.

Глаза Молли раскрылись широко-широко и обратились на Морти. Ненависти — жгучей, ядовитой ненависти — в ее взгляде было столько, сколько Молли не накопила бы и за всю свою жизнь.

— Герой из меня так себе, — сказал Морти. — Темперамент не тот. Ну и отрицательная сторона уравнения мне тоже известна не очень хорошо. — Он расставил ноги пошире, глядя на Собирателя Трупов в упор и стиснув кулаки. — Но мне кажется, дура полоумная, что тебе не стоило оставлять гребаного эктоманта забавляться с полной ямой духов.

И из-за угла с жутким завыванием вырвалась добрая тысяча духов. Вся эта кипящая масса скрюченных пальцев, голых зубов и злобных глаз не текла, как прежде, ленивым,

неспешным потоком — нет, повинуюсь воле Морти, она накатила как грозовая туча, как стая волков или косяк акул, горя единственным желанием — сокрушать.

Я увидел, как округлились глаза Молли, когда пульсирующую массу, которая была Собирателем Трупов, начали срывать с тела девушки.

Моя ученица ее не отпускала.

Она зашла в приступе кашля, но обе руки ее превратились в клешни, схватившие воздух перед ней. Сгустившаяся энергия ее собственной магии окутала ее пальцы, державшие Собирателя так, словно та обладала физическим телом. Правда, дух некроманта медленно, но верно выскальзывал из рук Молли. Моя изможденная ученица могла только замедлить Собирателя.

Но хватило и этого.

Волна духов налетела на Собирателя Трупов с силой товарного состава, и вопли их слились в звук, который я уже слышал в туннеле, откуда спас меня Кармайкл. Стоило Собирателю отцепиться от Молли, как она начала принимать свою обычную форму, и я увидел потрясение и ужас в ее прекрасных глазах, когда эта волна захлестнула ее с головой. Она пыталась сопротивляться, но этот обезумевший поезд вынес ее вверх по лестнице, в ночь. А потом он сделал разворот и со всей силы впечатал ее в асфальт.

Я видел, как она пыталась вскрикнуть.

Но не услышал ничего, кроме громкого гудка спешившего на юг состава.

А потом ее не стало.

— Вы правы, — произнес Уриил, и в голосе его звучало леденящее удовлетворение. — Кто-то должен что-то предпринять. — Он искоса посмотрел на меня и одобрительно кивнул: — Неплохо проделано.

Морти, хромая, поднялся на несколько ступенек и посмотрел на Молли.

— Это вы меня звали, да?

Молли подняла на него взгляд — сил у нее, похоже, не хватало даже на то, чтобы шевелить головой.

— Гарри... ну, долго будет объяснять, что тут происходило. Но он объяснил мне, что вы могли бы помочь.

— Похоже, он не ошибался, — кивнул Морти.

— Где он? — спросила Молли. — Ну, то есть его призрак.

Морти огляделся по сторонам, и взгляд его прошел сквозь меня, не задержавшись. Он покачал головой:

— Не здесь.

Молли закрыла глаза и тихо заплакала.

— Я ее уделала, босс, — всхлипнула она. — Мы ее уделали. И я все еще здесь. И это я. Спасибо.

— Она меня благодарит, — вполголоса сказал я. — За это.

— И это еще не все, — кивнул Уриил. — Она сохранила свою жизнь. Свое будущее. Свою свободу. И, знаете ли, это вы ее спасли. Идея крикнуть Мортимеру в решающий момент ментального сражения была ей внушена.

— Я ей слишком дорого обошелся, — так же тихо заметил я.

— Кажется, когда вы отправились на спасение вашей дочери, вы говорили что-то насчет мира. Что пусть он весь сгорит. Что вы с дочкой поджарите на этом огне маршмеллоу.

Я устало кивнул.

— Одно дело сказать «и пусть весь мир горит огнем». Со всем другое — «пусть Молли горит». Вся разница в имени.

— Угу, — прохрипел я. — Начинаю это понимать. Поздновато, конечно. Но начинаю.

Уриил пристально посмотрел на меня и промолчал.

Я покачал головой.

— Отдохни, детка, — произнес я, хотя понимал, что она меня не слышит. — Ты заслужила отдых.

Сцена действия быстро менялась. Мёрфи с волками проснулись меньше чем через минуту после того, как Собирателю Трупов указали на выход. Уилл сотоварищи снова вернулись в человеческий облик, а Морти, повинувшись подсказке сэра Стюарта, подошел к лежавшему телу Баттерса. С помощью тонкой, сложной магии (по сравнению с которой моя собственная магия казалась кустарной поделкой) он высвободил дух Баттерса из-под оков заклятия Собирателя Трупов и вернул обратно в физическое тело.

На это ушло несколько минут, и когда Баттерс очнулся, Энди и Марси, обе нагишом, что каждой шло по-своему, де-

дали ему искусственное дыхание и закрытый массаж сердца, поддерживая жизнь в его лишенном души теле.

— Вау, — пробормотал Баттерс, едва открыв глаза. Он переводил глаза с одной волчицы на другую и обратно. — Уберите жуткую боль в груди, в висках, всю эту плесень, и я поверю, что я в раю.

И тут же вырубился.

Немного позже приехала полиция. Двое из них оказались знакомыми Мёрфи. Волки-оборотни растворились в ночи за пару секунд до появления синих мигалок, прихватив с собой незарегистрированную часть арсенала Мёрфи. Мёрфи и Морти поведали копам, как Морти похитили и пытали Капюшоны, и если они и недоговорили кое-чего, все рассказанное полностью соответствовало истине.

Молли с Баттерсом увезли на «скорой» — вместе с несколькими Капюшонами, слегка побитыми и погрызенными. Морти тоже оказали первую помощь, хотя ехать в больницу он отказался. Оставшиеся Капюшоны получили по паре наручников и бесплатную поездку в центр. Боза, более всего напоминавшего накачанного транквилизаторами носорога, увезли туда же.

Пока типы в форме наводили порядок, Кэррин с Морти вышли подышать на воздух, а я вышел постоять рядом и послушать, о чем они говорят.

— ...вернулся на помощь, — говорил Морти. — Такое случается. Некоторые умирают, ощущая, что не доделали всего. Я думаю, Дрездену казалось, что он недостаточно сделал, чтобы изменить этот мир. — Морти покачал головой. — Как будто эта дылда не переворачивала все вверх тормашками везде, где только появлялась.

Кэррин слабо улыбнулась и покачала головой:

— Он всегда говорил, вы хорошо знаете духов. Вы уверены, что это действительно он?

Морти внимательно на нее посмотрел.

— И я, и все остальные. Да.

Кэррин нахмурилась и принялась смотреть куда-то вдаль.

Морти нахмурился, и лицо его чуть смягчилось.

— Вам очень не хотелось, чтобы это оказался его призрак. Правда?

Мёрфи чуть качнула головой, но ничего не сказала.

— Вам нужно было, чтобы все заблуждались. Потому что если это действительно был его призрак, — предположил Морти, — это означало бы, что он и правда умер.

Мёрфи как-то сразу сломалась. По щекам потекли слезы, и она низко наклонила голову. Плечи ее содрогались, но ни звука она не проронила.

Секунду Морти задумчиво покусывал губу, потом покосился на суетившихся у входа в подземелье копов. Он не сказал Мёрфи ни слова и не пытался коснуться ее, но встал между ней и всеми остальными, чтобы никто не видел, как она плачет.

Черт.

Жаль, что при жизни мне не хватило ума разглядеть, что за парень этот Морти.

Еще с минуту я стоял, глядя на Кэррин, потом отвернулся. Слишком больно было стоять и смотреть на то, как больно ей, — и не иметь возможности протянуть руку и коснуться ее плеча, или подшутить над ней, или обидеть вроде как ненароком, чтобы она вскинулась... в общем, показать ей, как много она для меня значит.

Несправедливо, что я не мог с ней попрощаться. То есть мог бы, но она бы меня не услышала. И сама не могла попрощаться. Поэтому я не сказал ничего. Я в последний раз посмотрел на нее и пошел прочь.

Я вернулся к Уриилу и застал его беседующим с сэром Стюартом.

— Ну, не знаю, — говорил сэр Стюарт. — Видите ли, я... Я не совсем тот, что был раньше, сэр.

— Осталось более чем достаточно, чтобы восстановить все, — возразил Уриил. — Поверьте мне. Останки духа вроде сэра Стюарта более материальны, чем некоторые при жизни. Я был бы весьма рад иметь вас в своей команде.

— Но мой потомок... — Сэр Стюарт покосился на Морти и нахмурился.

Уриил посмотрел на то, как Морти закрывает собой Кэррин от посторонних глаз.

— Вы преданно охраняли его, Стюарт. И за последние годы он сильно продвинулся в своих знаниях. Мне кажется, с ним все будет в порядке.

Тень сэра Стюарта посмотрела на Мортимера и улыбнулась — не без гордости. Потом повернулась к Уриилу.

— Но мне ведь придется еще сражаться, правда?

Уриил очень серьезно посмотрел на него.

— Полагаю, я смогу подобрать вам что-нибудь.

Сэр Стюарт подумал еще немного и кивнул:

— Так точно, сэр. Так точно. И то правда, засиделся я в этом городе. Новое назначение — вот то, что мне нужнее всего.

Уриил посмотрел мимо сэра Стюарта и подмигнул.

— Отлично, — сказал он, пожимая руку сэру Стюарту. — С вами свяжется человек по фамилии Кармайкл.

Я ждал, пока все не скроется в тумане, продолжавшем окутывать землю. Все заняло меньше времени, чем обычно требуется на такого рода штуки. Никто не погиб. Обошлось без вызова криминалистов. Парни в полицейской форме как могли плотнее закрыли висевшую на одной петле стальную дверь, перечеркнули ее крест-накрест красно-белой лентой и старательно избегали смотреть на большую оплавленную дыру в том месте, где полагалось находиться замку.

— С ними все будет хорошо, — вполголоса заверил меня Уриил. — Сегодняшние травмы не окажутся смертельными ни для одного из них.

— Спасибо, — кивнул я. — За то, что говорите это мне.

Он кивнул в ответ:

— Так вы решили?

Я мотнул головой:

— Покажите мне моего брата.

Он нахмурил бровь, но пожал плечами и снова протянул мне руку.

Мы исчезли из ночного Чикаго и возникли в очень богато обставленной квартире. Я сразу узнал дом моего брата.

Обстановка здесь довольно заметно изменилась. Холодный стальной декор чуть смягчился. На месте старых бродвейских театральных постеров висели картины — по большей части сельские пейзажи, составлявшие любопытный контраст тому, что было раньше. На месте спартанской про-

стоты, которую я помнил по предыдущим посещениям, виднелись свечи и прочие декоративные штучки. В общем, это место выглядело теперь уже почти как жилье, а не как красивые декорации.

Пара предметов смотрелись здесь чужими. В гостиной перед огромным дорогим телеэкраном размером с хороший обеденный стол стояло кресло, удобное на вид, обитое коричневой кожей, на которой темнели пятна — явно от еды. На журнальном столике рядом с креслом громоздились пустые бутылки.

Отворилась дверь, и в комнату вошел мой брат Томас. Роста в нем немного больше шести футов, хотя точно сказать трудно: он так часто менял обувь, что рост его слегка менялся как в большую, так и в меньшую сторону. Темные волосы он на этот раз постриг до средней длины, но и те сбились в беспорядке. Причем в обычном беспорядке, не в привлекательном, как это бывает, а для Томаса такое просто кошмар. Он не брился недели две, так что щетина еще не превратилась в настоящую бороду, но и сексуально привлекательной дымкой тоже уже не была.

Его холодно-серые глаза ввалились, и под ними залегли тени. На нем были джинсы и футболка, тоже в пятнах от еды. Он даже не пытался скрыть того, что ему не холодно на ночном морозе, а если вампиры Белой Коллегии и избегают чего-то, так это способов хоть чем-то выдать свое отличие от нормальных людей. Видит Бог, он шлепал по холодному полу босиком — и он явно выходил так на улицу, скорее всего в ближайший магазин за спиртным.

Мой брат достал из бумажного пакета бутылку виски — дорогого виски — и уронил пакет на пол. Он уселся в коричневое кожаное кресло, ткнул пультом в сторону телевизора, и экран осветился. Почти не глядя, он переключал каналы, время от времени отвлекаясь на то, чтобы сделать глоток из горлышка. В конце концов он остановился на спортивном канале, по которому крутили матч в регби.

А потом откинулся на спинку кресла и принялся смотреть, потягивая виски из бутылки.

— Полукровкам приходится нелегко, — заметил вполголоса Уриил.

— Как вы его называли? — вскипел я. Что с моей стороны, возможно, было не самым умным, но Томас все-таки мой брат. Не люблю, чтобы его обсуждал кто-нибудь посторонний.

— Потомкам смертных и бессмертных, — невозмутимо ответил Уриил. — Полукровкам, метисам. Смертная доля тяжела и без того, чтобы дополнительно грузить ее нашими проблемами.

— Несколько лет назад его захватил Шкура-Перевертыш, — буркнул я. — Это надломило его.

— Нааглоши испытывает необходимость доказать, что любое встречное создание столь же уязвимо перед тьмой, какими оказались когда-то они сами, — объяснил Уриил. — Это... это сообщает им ложное ощущение покоя. Полагаю, им нравится обманывать самих себя.

— Вас послушать, так вам их жалко, — сердито пробормотал я.

— Мне жаль, когда они испытывают боль, но еще жалче, когда они причиняют боль другим. Ваш брат может служить наглядной тому иллюстрацией.

— Что эта тварь сделала с Томасом? Это сильно отличается от того, что сделал со мной тот Павший?

— В отличие от вас он в результате этого вмешательства не погиб, — ответил Уриил. — Он до сих пор способен делать выбор. — Голос его зазвучал мягче. — В том, что сделал с ним нааглоши, нет вашей вины.

— Сам знаю, — заявил я без особого энтузиазма.

Отворилась дверь, и в комнату вошла молодая женщина лет двадцати пяти. Она была прекрасна. Лицо и фигура так и притягивали к себе внимание, и вся она буквально сияла красотой и здоровьем. Волосы ее напоминали белый шелк. Одета она была в простое платье и длинное пальто; едва войдя, она скинула сапоги.

Не отходя от двери, Жюстина внимательно посмотрела на Томаса.

— Ты хоть ел что-нибудь сегодня? — спросила она.

Томас переключил телевизор на другой канал и прибавил громкость.

Жюстина сжала губы и твердым, решительным шагом направилась в спальню.

Спустя полминуты она вернулась, но еще раньше до нас донесся стук высоких каблуков. Теперь на ней было только красное кружевное белье, оставлявшее достаточно простора воображению. Она словно сошла с обложки каталога «Секрета Виктории» и двигалась с чувственностью, способной пробудить желание даже у покойника. Лично я вполне мог бы служить этому подтверждением.

Но я понимал, что мой брат не может до нее дотронуться. Прикосновение любви по-настоящему любящего и любимого человека — истинное проклятие для вампира Белой Коллегии, примерно такое же, как святая вода для киношных вампиров. Томас с Жюстиной едва не погибли, спасая друг друга, и с тех пор каждое прикосновение к ней стоило моему брату ожогов второй степени.

— Если ты не поешь, ты потеряешь контроль над своим Голодом, — сообщила она.

Томас молча отвернулся и снова переключил канал.

Она подняла ногу — длинную, безумно красивую ногу — и кончиком пальца выдернула провод телевизора из розетки. Он выключился, и в квартире стало очень тихо.

— Думаешь, ты сделаешь мне больно, если заведешь любовницу? Я же благословила тебя на это. Ты поступаешь глупо. И в данный момент, боюсь, ты не отдаешь себе ясного отчета в последствиях того, что делаешь.

— Мне не нужно, чтобы ты советовала мне, как справиться с Голодом, — негромко произнес Томас. Он поднял на нее взгляд, и хотя в голосе его звучала злость, он смотрел на нее с неприкрытой жадностью. — Зачем ты меня так мучаешь?

— Затем, что мне надоело видеть, как ты сам себя мучаешь с тех пор, как погиб Гарри, — тихо ответила она. — Ты в его смерти не виноват. И смотреть на это изо дня в день у меня сил нет.

— Он был на моем катере, — сказал Томас. — Будь я там...

— Он погиб бы в каком-нибудь другом месте, — решительно перебила Жюстина. — У него были враги, Томас. И он это знал. И ты знал.

— Мне надо было остаться с ним, — настаивал Томас. — Я мог бы что-нибудь придумать. Что-нибудь заметить.

— А мог бы не заметить, — возразила Жюстина, потрянув головой. — Нет. Пора, милый мой, прекратить терзаться виной так, как это делаешь ты. — Губы ее чуть скривились. — Слишком это... в стиле эмо, вот как. И мне кажется, с нас этого хватит.

Томас зажмурился.

Жюстина подошла к нему вплотную. Клянусь, одной ее походки хватало, чтобы даже святой пустил слюни. Сам Уриил, похоже, наблюдал за этим с удовольствием. Все с той же медленной, ленивой чувственностью она наклонилась — тоже зрелище что надо — и забрала у Томаса бутылку. Потом выпрямилась, пересекла гостиную и поставила виски на полку.

— Любовь моя. Я собираюсь положить конец этой твоей Голодовке. Здесь. Сейчас.

Глаза у Томаса чуть побледнели, но он нахмурился.

— Милая... ты же знаешь, я не могу...

Жюстина выразительно выгнула бровь.

— Не можешь? Что именно?

Он раздраженно оскалился.

— Касаться тебя. Иметь тебя. Да просто быть с тем, кто меня любит, — это жжет меня изнутри... хотя это ведь я ода-рил тебя этим.

— Томас, — вздохнула Жюстина, — милый ты мой человек. Пойми, это ведь можно обойти. И довольно просто, прямолинейно, милый мой.

В двери щелкнул ключ, и в гостиную вошла еще одна молодая женщина. Темнокожая, с необычным красноватым оттенком прямых черных волос. Взгляд ее темно-карих глаз прямо-таки обжигал тропическим зноем. Одежду ее составляли черное пальто-тренч и черные туфли на шпильках — правда, когда она скинула пальто на пол, оказалось, что этим ее гардероб и ограничивается.

— Это Мария, — представила ее Жюстина, и девушка подошла и обнялась с ней. Жюстина по-сестрински поцеловала ее в губы, а потом с сияющими глазами повернулась к Томасу.

— А теперь, милый мой, я возьму ее. Возможно, без лишней глубокой привязанности, но со всей подобающей стра-

стью и желанием. А потом ты сможешь взять меня. И возмешь. И все станет гораздо лучше.

Глаза моего брата светились ярким серебром.

— Повторять, — шепнула Жюстина, и щеки ее чуть порозовели, — по мере необходимости.

Я почувствовал, что краснею сам, и деликатно кашлянул. Потом повернулся к Уриилу.

— С учетом обстоятельств...

Архангел явно забавлялся, глядя на мое смущение.

— Да?

Я покосился на девиц — те как раз снова целовались — и вздохнул:

— Да. Гм... Мне кажется, с моим братом все будет в порядке.

— Значит, вы готовы? — спросил Уриил.

Я посмотрел на него и только улыбнулся.

— Когда же это наконец закончится? — вздохнул он и снова протянул мне руку.

На этот раз мы очутились во дворе чикагского дома. Перед ним росли два старых раскидистых дуба. Дом был белый, в колониальном стиле, с белым штaketником, отделявшим двор от уличного тротуара. В доме росли дети, свидетельством чему могли служить несколько снеговиков, медленно погибавших в теплых предзакатных лучах солнца.

Еще перед домом стояли несколько безмолвных фигур — мужчин в темной одежде и длинных плащах. Один стоял у крыльца. Еще четверо охраняли дом по углам, и еще один дежурил на крыше, причем как он не соскальзывал оттуда по обледеневшему скату кровли, я понять не мог. Еще двое стояли по углам участка со стороны улицы, а пара шагов в сторону позволили мне разглядеть как минимум одного на заднем дворе.

— И здесь ангелы-хранители, — пробормотал я.

— Майкл Карпентер более чем заслужил такую охрану, — отозвался Уриил неожиданно мягким голосом. — Как и его семья.

Я резко повернулся к Уриилу.

— Она... она здесь?

— Фортхилл хотел найти самое безопасное место, куда бы он смог поселить вашу дочь, Дрезден, — ответил Уриил. — В общем, не думаю, чтобы он смог сделать более удачный выбор.

Я поперхнулся от волнения.

— Она... то есть она...

— О ней заботятся, — сказал Уриил. — И любят, конечно же. Уж не думаете ли вы, что Майкл с Черити будут делать для нее меньше, чем для своих собственных детей? После того, как вы их спасали, и не раз?

Я поморгал — в глазах зашипало. Дурацкие глаза.

— Да нет. Нет, конечно, не думаю. — Я сглотнул и попытался совладать со своим голосом. — Я хочу ее видеть.

— Это не переговоры о судьбе заложников, Дрезден, — буркнул Уриил, но все же улыбнулся. Он поднялся на крыльцо и обменялся кивками со стоявшим у двери ангелом-хранителем. Мы прошли сквозь дверь в лучших традициях призраков, хотя настоящему призраку, боюсь, этого бы не удалось. Порог у Карпентеров мощнее и неприступнее Великой Китайской стены. Я бы не слишком удивился, если бы его можно было разглядеть на снимках с орбиты.

Мы прошли по затихшему, спящему дому моего друга. Карпентеры ложатся рано, но рано и встают. Непостижимо, но кто из нас без изъяна? Уриил провел меня вверх по лестнице, мимо еще двоих ангелов-хранителей, в одну из верхних спален — в ту, что раньше служила Черити пошивочной. Помнится, злополучные чародеи тоже пару раз находили здесь приют.

Мы прошли сквозь дверь, и там нас приветствовал негромкий предупредительный рык. Огромная груда мягкого меха, лежавшего рядом со стоявшей в комнате двуспальной кроватью, встряхнулась и поднялась на ноги.

— Мыш, — пробормотал я, падая на колени.

Я даже не скрывал слез, когда мой пес едва не снес меня с ног. Он честно пытался приглушить свою радость, но хвост его громко колотил по всему, что под него подворачивалось, а из пасти вылетало негромкое, восторженное, совсем щенячье повизгивание, пока он лобызал меня своим шершавым языком. Я зарылся пальцами в его густой мех, и тот оказался

теплым, осязаемым, настоящим. Я чесал его, и обнимал его, и говорил ему, какой он хороший пес.

Уриил стоял над нами, улыбаясь и не произнося ни слова.

— Я тоже соскучился по тебе, мальчик, — сказал я. — Я... ну... зашел попрощаться.

Мыш перестал вилять хвостом. Его большие собачьи глаза серьезно посмотрели на меня, и он вопросительно повернулся к Уриилу.

— То, что начато, должно быть доведено до конца, братец, — сказал ему Уриил. — А у тебя еще есть здесь дела.

Мыш посмотрел на него еще раз, потом шумно вздохнул и привалился ко мне боком.

Я почесал его еще немножко, обнял — и посмотрел на кровать, где спала моя дочка.

У Мэгги Дрезден темные волосы и темные глаза, что неудивительно с учетом родителей. Вот кожа у нее немного темнее моей и смотрится куда здоровее, чем у меня. Я вообще бледноват — после всего времени, проведенного в подвальной лаборатории, чтения по ночам и всего такого. Черты лица у нее... ну, идеальные. Красивые. В первый раз, когда я ее увидел, несмотря на все, что тогда происходило, помню, я не мог удержаться от потрясения, такая она оказалась прекрасная. В жизни не видел ребенка прекраснее — ни в кино, ни где еще.

Хотя, наверное, все родители думают так о своих детях. В этом нет логики. Но это так.

Она спала без задних ног, как спят только в детстве, закинув руки за голову. Вместо пижамы на ней была одна из старых футболок Молли с изображением R2-D2 и вылетающих из его динамика букв «БИП-БИП-ДЕ-ДИП».

Я опустился рядом с ней на колени, продолжая гладить Мыша по загривку. Но когда попытался дотронуться до Мэгги, моя рука прошла сквозь нее, не встречая сопротивления. Я прижался головой к массивному, твердому лобешнику Мыша и вздохнул.

— Ей будет хорошо в этом доме, — тихо произнес я. — С людьми, которые окружают ее заботой. Которые любят детей.

— Да, — согласился Уриил.

Мыш несколько раз похлопал хвостом по ковру.

— Да, приятель. И у нее будешь ты. — Я покосился на Уриила. — Сколько еще... Я имел в виду, большинство собак...

— Известны храмовые псы, которые жили несколько столетий, — ответил он. — Твой друг более чем в состоянии защищать ее всю жизнь. Даже если она будет жить долго, как чародей.

Что ж, раз так, хорошо. Я знал, каково это — расти без родителей, и как не хватает сироте той уверенности, о которой большинство других детей даже не задумываются. Мэгги осталась без приемных родителей, потом без матери, а потом и без отца. Теперь она нашла новых приемных родителей — но Мыш будет с ней всегда.

— Черт! — сказал я Мышу. — Сдается мне, в том, что касается общения с ней, ты меня обскакал.

Мыш фыркнул и улыбнулся своей собачьей ухмылкой. Говорить он не умел, но я без труда понял, что он имел в виду: он, разумеется, хитрее меня. Ну да ладно, не такая уж высокая планка.

— Уж ты позаботься о ней, приятель, ладно? — сказал я Мышу и пару раз похлопал его по мощным плечам. — Да нет, я знаю, ты позаботишься.

Мыш сел передо мной и с серьезным выражением протянул мне лапу.

Я так же серьезно пожал ее, встал и повернулся к архангелу.

— Ладно, — тихо произнес я. — Теперь готов.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Уриил снова протянул мне руку, и я взялся за нее.

Дом Карпендеров скрылся у нас за спиной, и мы снова оказались в мире бесконечного белого света. Только на этот раз имелось одно отличие: прямо перед нами виднелись две стеклянные двери. Одна вела в какую-то контору — да нет, я сразу же узнал за ней интерьер ведомства капитана Джека в

Чикаго Между-Тут. На моих глазах мимо двери прошел Кармайкл, высматривая что-то у себя в блокноте и роясь в кармане в поисках ключей от машины.

Вторая дверь вела в темноту. В неизвестное будущее. В То, Что Следует Дальше.

— Не помню, чтобы я когда-то еще тратил столько времени на одного смертного, — задумчиво произнес Уриил. — Жаль, что нет времени проделывать это чаще.

Пару секунд я молча смотрел на него, потом покачал головой:

— Не понимаю.

Он рассмеялся. Громко, от души.

Я понял, что тоже улыбаюсь, и составил ему компанию.

— Не понимаю, какую игру во всем этом ведете вы.

— Игру?

Я пожал плечами:

— Ваши ребята обманом заставили меня чудовищно рисковать моей душой. Думаю, это только так и можно назвать. — Я взмахнул рукой. — И вы замечательно изображаете неведение — да знаю, знаю, — или, может, вы и впрямь искренни, а капитан Мёрфи пустил крученный мяч в обход нас всех. Так или иначе... в этом нет смысла.

— Почему нет? — удивился Уриил.

— Да потому что это не имеет никакого отношения к восстановлению равновесия, нарушенного, когда один из Падших навешал мне на уши лапшу, — сказал я. — Надеюсь, вы не напихали мне в башку никаких печенок с предсказаниями, нет?

— Нет, — ответил он. — Пока нет.

— Ну, именно это я и имел в виду. Равновесие до сих пор не восстановлено. И я не думаю, чтобы вы, ребята, посылали людей назад просто так, шутки ради.

Уриил смотрел на меня с довольным видом. Но не сказал ничего.

— Значит, вы послали меня сюда с умыслом. Ради чего-то, чего вы не могли добиться семью своими сказанными шепотом словами.

— Возможно, для того, чтобы уравновесить ситуацию с Молли, — сказал он.

— Угу, — фыркнул я. — Готов поспорить, вы все время заняты решением ваших проблем по одной, в порядке общей очереди. Готов поспорить, вы никогда, ни разу не пытались убить двух зайцев одним выстрелом.

Уриил смотрел на меня с довольным видом. Но не сказал ничего.

— Я собираюсь сделать шаг в великую неизвестность, и вы все еще не готовы дать мне прямой ответ? — с улыбкой спросил я.

Уриил по-прежнему смотрел на меня с довольным видом. Но не сказал ничего. Совсем ничего.

Я снова рассмеялся.

— А знаете что? Просто скажите мне что-нибудь. Такого, полезного. Буду рад и этому.

Он прикусил губу и подумал немного.

— Куда бы вы ни шли, вы уже на месте, — произнес он наконец.

Я даже зажмурился.

— Господи, — пробормотал я. — «Бакару Банзай»?

— Конфуций, — ответил он.

— Ух ты. Настоящая счастливая печенька. — Я полуслабо улыбнулся и протянул ему руку. — Впрочем, несмотря на вашу любовь говорить загадками, в одном я теперь совершенно уверен.

— Да?

— В душах, — сказал я. — Ну, то есть вы всегда гадаете, реальны они или нет. Даже если вы в них верите, вам все равно приходится гадать: ограничено ли мое существование одним телом? Есть ли еще что-нибудь, кроме этого? Есть ли у меня душа?

Лицо Уриила снова осветилось улыбкой.

— Вы все поняли наоборот, Гарри, — сказал он. — Вы и есть душа. И у вас есть тело.

Я снова зажмурился. Над этим стоило поразмыслить.

— Мистер Солнечный Свет, для меня было огромным удовольствием, и так далее.

— Гарри, — отозвался он, пожимая мне руку. — Для меня тоже.

Я отпустил его руку, кивнул и расправил плечи.

А потом быстро, боясь передумать, отворил черную дверь и шагнул через порог.

С учетом того, как обычно складывается моя жизнь, я мог бы и догадаться, что в Том, Что Следует Дальше, меня будет ожидать боль.

Много боли.

Я сделал попытку вздохнуть, и грудь пронзило острой болью. Следующий вдох я откладывал как мог дольше, но в конце концов уступил необходимости глотнуть воздух — и снова по грудной клетке разбежался огонь.

Некоторое время я просто повторял этот цикл, сосредоточившись единственно на борьбе за вдох. В борьбе этой я явно проигрывал, хотя сама по себе боль пусть и не ослабела, но постепенно сделалась более терпимой.

— Хорошо, — прошептал сухой, скрежещущий голос. — Очень хорошо.

Потом я начал ощущать все остальное тело. Я лежал на чем-то прохладном, форма которого имела явно искусственное происхождение. Не могу сказать, чтобы это было слишком удобно, но и пыткой я бы это тоже не назвал. Я сжал пальцы, но с ними что-то оказалось не так. Они едва шевелились. Словно кто-то заменил мои кости и плоть свинцовыми гирями, тяжелыми и неповоротливыми, а мышцы и сухожилия слишком ослабили, чтобы одолеть инерцию. Однако я ощутил под пальцами прохладную, сырую, податливую землю.

— Пдохо ффуфается, — пробормотал я. Язык тоже действовал неважно. И губы. Вместо слов вышла неразборчивая тарабарщина.

— Отлично, — проскрежетал голос. — Я же говорила, у него хватит сил.

От другого голоса — того, что не касался моих органов слуха, — у меня захватило дух, а в голове сразу принялись роиться мысли.

МЫ ПОСМОТРИМ.

Что там говорила крестная у моей могилы? Что-то про знак почтения и...

...и глашатаев.

— Глаза, — проскрежетал голос. — Отвори глаза, смертный.

Мои веки оказались в том же состоянии, что и все остальное. Они не желали шевелиться. Но я все же заставил. До меня дошло, что они прохладнее остальной кожи, словно кто-то только что протирал их влажной салфеткой.

Я открыл глаза и даже слабо вскрикнул от яркого света.

Я выждал секунду и сделал еще одну попытку. Потом еще одну. С четырехсотой или пятисотой попытки мне удалось что-то разглядеть.

Я находился в пещере, освещенной тусклым светом странного, лукового такого оттенка. Я разглядел земляной свод, из которого тут и там торчали древесные корни толщиной с мою талию. Сверху капала вода. Я слышал стук капель. Одна капля упала мне прямо на губы, и я слизнул ее. Она показалась мне сладкой, слаще двойного вишневого сиропа, и меня даже дрожь пробрала от наслаждения.

Я умирал от голода.

Я медленно огляделся по сторонам. Голова при малейшем моем движении, казалось, готова была оторваться от плеч и воспарить, но я не сдавался. Насколько я мог судить, я, совершенно раздетый, лежал на мягкой земляной насыпи, которой кто-то придал форму моего тела. Точнее, лежал я не на самой земле, а на подстилке из мягкой сосновой хвои, пахнувшей свежо и резко.

Какая-то тупая боль исходила из моих рук, и я опустил взгляд посмотреть...

Я обнаружил... то ли корни, то ли побеги, то ли что-то в этом роде, вставшие прямо в меня. Они обвивались вокруг моих запястий и уходили под кожу. На первый взгляд они напоминали растения, только какие-то бесцветные, губчатые. С некоторым усилием я разглядел какую-то жидкость, которая текла по ним — предположительно в мое тело. Я хотел закричать и стряхнуть их со своих рук, но, похоже, это мне было пока не по силам. Только спустя секунду или две мой скованный свинцовым грузом мозг сообщил мне, что эти побеги похожи на... как это называется? На внутривенное вливание. На капельницу.

Что, чтоб мне провалиться в Ад, за Ад здесь такой?

Я сообразил, что голову мою поддерживает что-то круглое и неподатливое. Я поерзал и покрутил головой и в конце концов понял, что моя голова лежит у кого-то на коленях.

— Ах, — прошептал голос. — Вот ты и начинаешь понимать.

Я повернул голову еще сильнее... и обнаружил, что таращусь в лицо Мэб, Королевы Воздуха и Тьмы, собственной персоной.

Мэб выглядела... не живым мертвецом, нет. Этот эпитет к ней не подходит. Кожа ее туго обтягивала кости, лицо исказилось до нечеловеческих пропорций. Ее изумрудно-зеленые глаза казались слишком большими на исхудавшем лице, зубы — неестественно острыми. Она мягко провела рукой по моей щеке, и ее пальцы показались мне слишком длинными, ногти сделались настоящими когтями. От рук, казалось, не осталось ничего, кроме костей и сухожилий, обтянутых тонкой кожей, а локти слишком распухли, чтобы хотя бы отдаленно напоминать человеческие. Мэб не напоминала мертвеца. Она напоминала какое-то изголодавшееся хищное насекомое, огромного богомола, смотревшего сверху вниз на первую за несколько недель трапезу.

— Ох, — пробормотал я, и хотя голос мой прерывался, звучал он по крайней мере почти похоже на человеческий. — Вот, значит, какой Ад.

Мэб запрокинула голову и расхохоталась. Звук вышел глухой, ломкий, словно кто-то водил ржавым ножом по камню.

— Нет, — возразила она. — Увы, нет, мой рыцарь. Нет, ты не бежал. Слишком много вложила я в тебя, чтобы позволить такое. Не сейчас.

Я тупо смотрел на нее — впрочем, возможно, в тот момент я никак по-другому смотреть просто не мог.

— Я... — прохрипел я. — Я что, жив?

Улыбка ее сделалась еще шире.

— И здоров, мой рыцарь.

Я хмыкнул — большего энтузиазма я из себя извлечь не смог.

— Просто петь хочется, — процедила Мэб сквозь острые зубы. — Добро пожаловать обратно, о мой рыцарь, на зеленые луга мира живых.

— **ДОВОЛЬНО**, — произнес исполинский голос-мысль, тот самый, который я слышал на кладбище, хотя и менее мозгодробительный. — **КОНЕЦ ГЛУПОЙ ИГРЕ. ПРЕЖДЕ ОТВЕТЬ ЕГО ФИЗИЧЕСКИМ ПОТРЕБНОСТЯМ.**

— Я знаю, что делаю, — промурлыкала Мэб. Точнее, этот звук сошел бы за мурлыканье, если бы кошки состояли из стальной шерсти. — Не бойся, древнее создание. Твой хранитель жив.

Я медленно повернул голову в другую сторону. Спустя примерно сто лет мне удалось разглядеть в пещере еще одну фигуру.

Она была огромна. Ей приходилось пригибаться, чтобы не биться головой о свод пещеры. Форма ее более или менее напоминала человеческую, но очертаний я почти не видел. С головы до пят ее скрывала свободная темно-зеленая накидка, голова пряталась под капюшоном, и я видел только горевшие в его тени маленькие зеленые глаза, более всего походившие на мерцающие стайки светлячков.

Духоприют. Дух на редкость странного, дикого, не нанесенного на карту острова посреди озера Мичиган. У нас с ним имелось что-то вроде соглашения, заключенного пару лет назад. И мне начинало казаться, что, возможно, я не до конца осознал рамки этого соглашения.

— Я... я на острове? — прохрипел я.

— **ТЫ ЗДЕСЬ.**

— Мы — я и это древнее существо — долго трудились, дабы сохранять жизнь в твоём теле, — сообщила Мэб. — Долго удерживали плоть, и кровь, и кости воедино, ожидая возвращения твоего духа.

— **МЭБ ДАРИЛА ТЕБЕ ДЫХАНИЕ. ОСТРОВ ПИТАЛ. ПАРАЗИТ ПОДДЕРЖИВАЛ ТОК КРОВИ.**

Паразит? Какой еще паразит?

Нет, определенно день выдался тяжелым, слишком тяжелым.

— Но... Меня... Застрелили, — пробормотал я.

— Мой рыцарь! — прошипела Мэб, сделав ударение на первом слове. — Твое израненное тело упало с судна в холод и темноту, а это мои владения.

— **ХОЛОДНАЯ КОРОЛЕВА ПРИНЕСЛА ТЕБЯ СЮДА**, — передал мне в мозг Духоприют. От его ментального голоса у меня начинала болеть голова. — **ТВОЮ ФИЗИЧЕСКУЮ ОБОЛОЧКУ СОХРАНИЛИ**.

— И вот ты здесь, — промурлыкала Мэб. — О, этот Тихий рассердил нас, послав твою сущность без защиты. Ошибись он, меня бы ограбили, оставив меня без рыцаря, а старого монстра — без хранителя.

— **НАШИ ИНТЕРЕСЫ СОВПАЛИ**.

Я медленно моргнул, и мой тормозящий мозг начал постепенно меня догонять.

Мэб меня заполучила.

Я так и не улизнул от нее. И от того, во что она могла меня превратить.

О Господи.

И все люди, которые пострадали, помогая мне... Они что, делали все это зря?

— Мне говорили... я умер, — пробормотал я.

— Какое серое слово это «умер», — прошипела Мэб. — Смертные страшатся его, мечтают о том, чтобы оно стало черным, — и находят немного слов, содержащих в себе его суть. Оно не укладывается в такие рамки. Смерть — спектр, а не прямая линия. И ты, мой рыцарь, не сгинул еще в абсолютной тьме.

Я снова облизнул губы.

— Боюсь... вы мной типа недовольны...

— Ты попытался обмануть Королеву Воздуха и Тьмы, — прошипела Мэб. — Ты измыслил гнусную, коварную уловку, мой рыцарь. — Ее нечеловеческие глаза вспыхнули. — Другого я от тебя и не ожидала. Окажись ты недостаточно силен для того, чтобы так дерзить мне в лицо, ты не представлял бы никакой ценности для моих целей. — Улыбка ее сделалась шире. — Теперь уже для наших целей.

Глаза Мэб метнулись к Духоприюту.

— Он принес мне клятву, о Древний. То, что он отдает мне, принадлежит мне по праву, и ты не можешь этого оспо-

рить. Он мой, дабы я придавала ему форму по своему усмотрению.

— Черт, — устало пробормотал я. — Черт.

— Ложь, — прошептал мне на ухо голос. Очень спокойный, очень мягкий, очень рассудительный голос. — Ложь. Мэб не способна изменить того, кем вы являетесь.

Я постарался как следует и пошевелил пальцами.

— Пять, — пробормотал я. — Шесть. Семь. Ха. — Я ничего не мог с собой поделать. Я снова смеялся. Это было больно как черт знает что — и все равно восхитительно. — Ха. Ха.

Мэб застыла как вкопанная. Она смотрела на меня широко открытыми глазами; ее нечеловеческое лицо лишилось какого-либо выражения.

— Нет, — слабым голосом произнес я. — Нет. Может, я и ваш рыцарь. Но я не ваш.

Изумрудный огонь, холодный и злобный, вспыхнул в ее глазах.

— Что?

— Вы не можете сделать из меня монстра, — продолжал я. — Не выйдет. И вы это знаете.

Взгляд Мэб сделался холоднее, более отстраненным.

— Да?

— Вы можете заставить меня делать всякое, — сказал я. — Вы можете возиться с моей головой. Но все это превратит меня в простого громилу. — Столько слов подряд напрочь лишили меня сил. Мне пришлось сделать паузу, прежде чем продолжать. — Если вам нужен громила, вы достанете его где угодно. Ллойд Слейт был громилой. Там, откуда он родом, таких пруд пруди.

Пылающие глаза Духоприюта замерцали ярче, и от великана в капюшоне до меня донеслось что-то вроде холодного удовлетворения.

— Сами же сказали: вам нужен кто-то вроде меня. — Я встретился с Мэб взглядом и оскалился в недоброй ухмылке. — Ну валяйте. Попробуйте меня изменить. В ту же секунду, как вы это сделаете, в ту же секунду, как мне покажется, что вы забавлялись с моей головой или изменили мою память, в первый же раз, когда вы заставите меня сделать что-то этакое, я сделаю единственное, чего вам не хотелось бы от свое-

го нового рыцаря. — Я чуть приподнял голову, прекрасно понимая, что вид у меня сейчас слегка безумный. — Я все сделаю. Я исполню ваш приказ. И больше ничего. Я выполню любой ваш приказ так, как вы бы и сами догадались. Инициативы у меня будет, как у садовой статуи. И знаете, что вы в результате получите, моя королева?

Глаза ее прямо-таки полыхали.

— Что?

Я ощутил, что улыбка моя становится шире.

— Посредственного рыцаря, — сказал я. — А посредственность, моя королева, страшная штука. Очень страшная.

Голос, стекавший с ее губ, сделался таким ледяным, что на них начал оседать иней. Следующая капля воды, упавшая на меня, приземлилась мне на лицо мягкой снежинкой.

— Ты полагаешь, я не смогу покарать тебя за такую дерзость? Думаешь, я не способна навлечь на тех, кого ты любишь, такие ужасы, что легенды от них будут помнить и спустя тысячелетие?

Я даже не моргнул.

— Я полагаю, вы слишком много набрали на свою тарелку, — парировал я. — Мне кажется, у вас нет ни лишнего времени, ни лишних сил продолжать борьбу с собственным рыцарем. Мне кажется, я вам нужен, иначе вы бы не возились со мной так долго, сохраняя мне жизнь. Я вам нужен. В противном случае что вы здесь делаете? В Чикаго? В мае?

Взгляд ее нечеловеческих глаз снова впился в мое лицо. Но когда она заговорила, голос ее прозвучал очень, очень мягко — и намного страшнее, чем несколько секунд назад:

— Я не смертный купец, чтобы со мной торговаться. Я не какой-нибудь карманный президент, чтобы со мной спорить. Я Мэб.

— Вы Мэб, — согласился я. — И я в долгу перед вами за то, что вы сохранили мне жизнь. И за то, что вы дали мне сил спасти жизнь моей дочери. Не думайте, что я забыл об этом.

Выражение лица королевы фэйре наконец изменилось. Она нахмурилась и чуть склонила голову, будто мои слова ее озадачили.

— Тогда к чему эта дерзость? Если ты знаешь, что я отомщу за нее?

— Потому что моя душа принадлежит только мне, — тихо ответил я. — Вы не можете украсть ее у меня. Вы не можете изменить ее. Вы не можете купить ее. Я принадлежу себе, Мэб. Я долго, трудно боролся с кошмарами, которые вызвали бы уважение даже у вас. Я проигрывал, но ни разу не сдался. И не собираюсь сдаваться сейчас. Если я сделаю это, я не стану тем оружием, которое нужно вам.

Глаза ее сощурились.

— Я буду Зимнем Рыцарем, — продолжал я. — Я буду самым грозным Рыцарем, какого только знали династии Сидхе. Я нанесу поражение вашим врагам, я помогу росту вашей мощи. — Я снова улыбнулся. — Но я буду делать это по-своему. На своих условиях. Когда вы будете отдавать мне приказ, я буду решать, как мне его выполнить, — а вы не будете мешать мне в этом. И это будет именно так и только так.

Последовала долгая пауза.

— Ты осмеливаешься приказывать мне, смертный? — спросила она наконец.

— Я не могу управлять вами, — ответил я. — Я это понимаю. Но я могу управлять собой. И я назвал единственный способ, с помощью которого вы можете получить от меня то, что вам нужно. — Я пожал плечами. — Решайте сами, моя королева. Но подумайте хорошенько, что вам нужнее: громила, чтобы им командовать, или союзник, чтобы его уважать. Если первое, можете резать меня на кусочки прямо здесь и сейчас, а потом найдите себе кого-нибудь более бесхребетного.

Долгую минуту Королева Воздуха и Тьмы молча смотрела на меня сверху вниз.

— Ты никогда не будешь моим союзником. Искренним союзником.

— Возможно, нет, — согласился я. — Но я могу следовать примеру моей крестной. Я могу стать врагом, которому вы будете доверять. Я могу работать с вами.

Мэб повела белоснежной бровью.

— Я никогда не доверюсь тебе, чародей. — Она резко встала, и моя голова упала обратно на землю. Она пошла к выходу из пещеры. Шелковое платье болталось мешком на худом, как у насекомого, теле. — Приготовься.

Духоприют пошевелился. Бледные побеги начали выдергиваться из моих рук, оставляя после себя маленькие кровоточащие отверстия.

— К чему? — поинтересовался я.

— К путешествию в мой дворец, сэр рыцарь. — Она помолчала и оглянулась на меня, смерив взглядом ясных как лед зеленых глаз. — У нас впереди много работы.

Литературно-художественное издание

Джим Батчер
ИСТОРИЯ ПРИЗРАКА

Роман

Ответственный редактор *В. Демичев*
Художественный редактор *Е. Фрей*
Технический редактор *О. Панкрашина*
Компьютерная верстка *С. Клещев*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский кеш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92
Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 25.09.2014. Формат 84x108¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 2000 экз. Заказ № 1567

ISBN 978-5-17-082125-9

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

А · Р · Х · И · В · Ы ДРЕЗДЕНА

Экранизация цикла Батчера — телесериал «Досье Дрездена», вышедший на каналах Sci Fi Channel в США и SPACE в Канаде и хорошо знакомый российским зрителям, собрал ряд восторженных отзывов от поклонников писателя и целую обойму знаменитостей — от Николаса Кейджа, выступившего в качестве продюсера, до Пола Блэкторна, известного своими ролями в самых знаковых американских сериалах последних лет: «Скорая помощь», «Дедвуд», «24 часа».

Итак, он умер. Гарри Дрездена больше нет. Вернее, его больше нет в мире людей — но в новой, призрачной послежизни так трудно разобраться! Прежде всего, пока он пребывал между жизнью и смертью, прошло несколько месяцев, и в Чикаго все переменялось: улицы заполнили банды некромантов, охотящихся за любым мало-мальски наделенным колдовскими способностями человеком. Друзья Дрездена вынуждены ежедневно давать отпор неизвестно откуда взявшимся агрессорам и пребывают в унынии. Гарри и рад бы помочь, но что он может — бесплотный дух, лишенный прежних способностей?

Однако Дрездену придется здорово поднапрячься, используя весь свой ум и смекалку, накопленные за годы жизни — ведь если не поторопиться, призраку чародея грозит... окончательное и бесповоротное исчезновение!

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-082125-9

9 785170 821259